

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Гильфердинг А. Ф.	Миллер О. Ф.
Нестор Летописец	Глинка Г.	Надеждин Н. И.
Владимир Мономах	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Русская Правда	Даль В. И.	Потебня А. А.
Нил Сорский	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Иосиф Волоцкий	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иван Грозный	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Стоглав	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Домострой	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Соборное Уложение	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Азадовский М. К.	Забылин М.	Сахаров И. П.
Аничков Е. В.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Антоновский М. И.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Анучин Д. Н.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Афанасьев А. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Барсов Е. В.	Киреевский П. В.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Коринфский А. А.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Костомаров Н. И.	Флоринский Т. Д.
Бодянский О. М.	Кулиш П. А.	Худяков И. А.
Болотов А. Т.	Ламанский В. И.	Чулков М. Д.
Будилович А. С.	Максимов С. В.	Шангина И. И.
Бурцев А. Е.	Максимович М. А.	Шейн П. В.
Буслав Ф. И.	Мельников П. И.	Шергин Б. В.
Веселовский А. Н.	Метлинский А. Л.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Миллер В. Ф.	Якушкин П. И.

СЕРГЕЙ ТОКАРЕВ

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЭТНОГРАФИИ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015**

УДК 930
ББК 63.5
Т 51

Токарев С. А.

Т 51 История русской этнографии / Составитель и отв. редактор О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 656 с.

В книге видного отечественного ученого, лауреата Государственной премии Сергея Александровича Токарева (1899–1985) подводятся итоги русской этнографии с древнейших времен до 1917 г. Впервые вышедшая в 1966 г. и ставшая ныне библиографической редкостью, книга завершила длительный период изучения русского народоведения, протянувшийся с «Повести временных лет» до октябрьского переворота.

Труд Токарева был создан в советский период, что вынудило автора использовать в своем исследовании принятые в ту эпоху штампы и идеологизмы («прогрессивный», «реакционный» и т. п.), давать отрицательные политические оценки выдающимся русским этнографам, чьи идеи не вмещались в «прокрустово ложе» советской идеологии. Известно, что Токарева удручала необходимость использовать в своем труде политические трафареты, но без них работа не могла бы увидеть свет.

При подготовке книги к переизданию навязанные автору политические штампы и оценки были сокращены. Опущены наиболее политизированные главы и разделы, не имеющие ценности для русской этнографической науки.

ISBN 978-5-4261-0087-9

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ (XI–XV вв.)

Этнографический материал в «Повести временных лет»

Уже в первых памятниках русской письменности содержится этнографический материал. Больше того: в этих первых памятниках письменности обнаруживается интерес к этнографическим фактам, сознательное внимание к народам, к их взаимоотношениям, к особенностям их быта, к отличиям друг от друга, даже к вопросу об их происхождении. Наиболее поразительным образом сказалось такое внимание в самом раннем из крупных произведений русской письменности – в Киевской летописи, в том числе в ее важнейшей части – «Повести временных лет». Этот самый ранний дошедший до нас летописный свод составлен, как считают, киево-печерским монахом Нестором около 1113 г. и переработан игуменом княжеского Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г. В настоящее время довольно хорошо установлено, из каких именно частей составил этот летописный свод, какие источники легли в его основу¹.

¹ См. А. А. *Шахматов*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Д. С. *Лихачев*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

Поражает необычайное богатство этнографического материала в «Повести временных лет», – едва ли какая-либо летопись в другой стране может в этом с ней сравниться. Повествование начинается с краткого очерка всемирной истории, в рамки которой вправлена история зарождения Руси: автор с самого начала задается целью рассказать – «откуда есть пошла Русская земля». Очерк всемирной истории дается, конечно, в средневековом духе, он связан с библейской генеалогией сыновей Ноя; но к сыновьям Ноя привязана целая вереница имен народов и стран, расклассифицированных и по генеалогическому родству, и географически – по областям расселения. Перечень их взят из византийской хроники Георгия Амартола; но летописец не просто механически переписал ее, а вполне сознательно использовал как кадр для вставления в него славянских народов и их соседей, ему хорошо знакомых. Славяне и другие народы Восточной Европы находят себе место в исторической схеме среди потомков Афета, расселившихся на «полуночных и западных странах». Более узко летописец связывает славян с «нарцами» – народом Норика на Дунае. Область первоначального расселения славян, по Нестору, – Среднедунайская равнина. «По мнозех же времях сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен розидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте»¹.

Перед нами – самая ранняя формулировка так называемой «дунайской теории» происхождения славян. Эта теория потом получила широкое распространение и вплоть до конца XIX в., пожалуй, господствовала в науке. Любор Нидерле первый подверг ее сомнению (высказавшись за Карпато-Вислинскую прародину славян); но

¹ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926, с. 5–6.

и теперь «дунайская теория» имеет своих защитников, которые полагают, что рассказ летописи о дунайском происхождении славян – не домысел Нестора, а отголосок реально бытовавших еще в его время (начало XII в.) народных этногонических преданий¹.

Со среднего Дуная славяне, по Нестору, расселились по Мораве, в Чехию и в другие страны, а позже, когда их стали притеснять «волхи» (по мнению некоторых ученых, эти волхи – кельты, по мнению других – римляне), они разошлись еще дальше – на Вислу, Балтийское море, на Днепр, на верхнюю Волгу, – и получили наименования по новому месту обитания. Так образовалась и группа восточнославянских племен (впрочем, слова «племя» летописец в этом смысле не употребляет).

Далее в летописи следует сжатый, но очень точный очерк расселения племен (либо народностей) по Руси. Перечисляются славянские и неславянские племена и народности, причем летописец очень строго отделяет первых от вторых: «Се бо токмо, – говорит он, – Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же же Вельняне. А се суть инии языции, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь. Си суть свои язык имуще от колена Афетова, иже жиоуть в странах полунощных»².

¹ См. С. П. Толотов. «Нарци» и «волхи» на Дунае. СЭ, 1948, № 2, с. 8–11. Особняком стоит мнение Б. А. Рыбакова, согласно которому «дунайская» теория вообще ошибочно приписана Нестору: последний имел в виду, как полагает Б. А. Рыбаков, не прародину славян на Дунае, а более позднюю колонизацию славянами Балкан (см. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. Изд-во АН СССР, 1963, с. 243, 244, 245). Однако согласиться с таким толкованием летописи мне кажется трудным.

² ПСРЛ, т. I, с. 11.

Летописец рассказывает и о взаимоотношениях славян с их соседями: теперь они сами берут дань с соседей, раньше же славян угнетали иные народы: болгары, «белые угры» (по мнению комментаторов, хозары), обры (авары); приходили и печенеги, и «черные угры» (венгры).

Чрезвычайно интересен и краткий очерк быта и обычаев славян. Они жили обособленными родами: «...живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим на своих местех»¹. Это место летописи одни исследователи понимают буквально, как картину родового строя славян²; в таком случае это первое в русской литературе и одно из первых в мировой упоминание о родовом строе. Другие полагают, что под «родом» тут надо понимать не настоящий род, – ибо родовой быт у славян ко времени «Повести временных лет» не мог сохраниться, – а княжескую династию³. Несколькими ниже летописец старается дифференцировать характеристику быта различных групп восточных славян: «Имяху бо обычаи свои и закон отець своих и предания, кождо свои нрав». Поляне – жители области Киева – были, по мнению летописца, культурным народом: «Поляне бо своих отець обычаи имуть, кроток и тих, и стыденье к снохам своим, и к сестрам, и к матерям, и к родителям своим, к свекровем и к деверем, велико стыденье имеху (по мнению М. О. Косвена, это указание на известный обычай «избегания» родственников – и указание самое раннее в мировой литературе. – С. Т.)⁴; брачный обычаи имяху: не хожеше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что вда-

¹ ПСРЛ, т. I, с. 9.

² См. М. О. Косвен. Из истории ранней русской этнографии (XII–XVI вв.). СЭ, 1952, № 4, с. 129.

³ Повесть временных лет, ч. 2. М.–Л., 1950, с. 219.

⁴ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 129.

дуче». Другие же племена, жившие в лесной полосе, сохранили более примитивный образ жизни: «А Древляне живяху звериньским образом, жиоуще скотьски: оубиваху друг друга, ядыху вся нечисто; и брака оу них не бываше, но оумыкиваху оу воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычаи имяху, живяху в лесех, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто. И срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, и [но] игрища межю селы, схожахуся на игрища на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту оумыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся. Имяху же по две и по три жены»¹. Далее описываются старинные погребальные обычаи славян.

В этом противопоставлении полян другим племенам, может быть, несколько сгущены краски, слишком резко распределены свет и тени: тут сказалась точка зрения образованного киевлянина, свысока смотревшего на грубые сельские обычаи населения более северных областей. Но разница в уровне культуры в общем, конечно, не выдумана, – она была².

По поводу этих различий в быту отдельных народов летописец делает даже теоретическое отступление и на известных ему из литературы и из жизни примерах показывает, что каждый народ действительно имеет свои обычаи, иногда очень странные: «овем исписан закон есть, другим же обычай». Он отмечает, в частности, взятые из античной литературы примеры: полиандрию у бриттов, своеобразные обычаи амазонок, отмечает и лично ему знакомые воинственные обычаи половцев.

¹ ПСРЛ, т. I, с. 13–14.

² Б. А. Рыбаков (указ. соч., с. 243) полагает, что отмечаемое летописцем различие в культурном облике полян и их более отсталых северных соседей соответствует разнице между археологическими культурами – черняховской и зарубинецкой.

В других – повествовательных – частях летописи встречается немало интересных этнографических деталей: например, народные легенды о смерти князя Олега, о единоборстве мальчика с печенежским богатырем, о хитрости осажденных, заставивших противника поверить, что они добывают пищу из земли; сведения о народных поверьях, приметах, «поганских» обычаях; о волхвах (кудесниках), их шарлатанских действиях; о «навьях» (мертвецах), которые стали нападать на живых людей (в Полоцке в 1092 г.); есть и любопытные известия, касающиеся материальной культуры, – например, сообщение об обычае мыться в жарких банях.

Насколько широк был этнографический кругозор летописца Нестора? В той части «Повести временных лет», которая представляет собой выписки из византийских хроник и служит лишь историческим введением, упоминается очень много народов Азии, Африки и Европы, древних и более новых, происшедших от сыновей библейского Ноя, – вплоть до народов Вавилонии, Нумидии, Крита и Сардинии. Но эти страны и народы не в счет. В оригинальной же части летописи упоминаются преимущественно народы Восточной Европы и прилежащих стран, видимо, близко знакомые летописцу. Помимо восточнославянских племен (народностей), упоминаемых Нестором неоднократно, он знает западных славян – ляхов с их подразделениями, чехов и моравов, хорват и сербов; знает летто-литовские народы: литву, ятвягов, голядь (галиндов), корсь (куршей), летьголу (латгалов), зимиголу (земгалов), пруссов; знает финно-угорские народы: либь (ливов), чудь (предки эстонцев?), ямь (хэмэ – тавасты), весь (предки вепсов), заволочскую чудь (вероятно, саволкас и другие группы «ингерманландских финнов»), мерю, мурому, черемись, мордву, угров, пермь, печеру; из тюркских народов зна-

ет хозар, печенегов, половцев, торков, болгар волжских; знает народы Кавказа – ясов (осетин), касогов (черкесов). Из народов Западной Европы упоминаются в летописи свей (шведы), урмане (норманны), варяги, готе, агняне (англы), немцы, «корлязи» (вероятно, народы Каролингских государств), римляне, веньдици (венецианцы), «фрягове» (генуэзцы), «галичане» (по разным толкованиям, либо галлы, либо гэлы в Англии, либо галисийцы-гальеги в Испании), греки¹.

Два экскурса под 1096 г. значительно расширяют этнографический кругозор в юго-восточном и северо-восточном направлении. Первый из них говорит о группе тюркоязычных народов: о четырех «коленах» (племенах или народах), вышедших из «пустыни Нитривьския» (или «Етривьская»?). Это «тортмены», «печенези», «торци» и «половци» – тюркские народы причерноморских и прикаспийских степей. Тут же упоминаются и другие восточные, может быть, тоже тюркские народы: «срацини», «хвалиси», «болгаре»; экскурс сопровождается ссылкой на Мефодия (Патарского, писателя IV в.), но названия четырех народов автор явно взял из собственного запаса сведений². Второй экскурс – знаменитый рассказ новгородца Гюряты Роговича о сведениях, которые ему привез «отрок», посылавшийся им на «Печеру», т. е. на крайний северо-восток. В рассказе говорится, как «отрок» с Печеры пошел еще дальше – «в Югру». «Югра же людьє есть язык нем и седять [вариант – соседять] с Самоядью на полунощных странах». Под югрой принято понимать предков манси (вогулов) и хантов (остяков); самоедь – это ненцы. От югры отрок в свою очередь услышал о народах,

¹ ПСРЛ, т. I, с. 4. Ср.: *И. Д. Беляев*. Географические сведения в древней России. «Зап. ИРГО», кн. VI, 1852, с. 2–6 и др.

² ПСРЛ, т. I, с. 234.

видимо, Северного Урала, притом о народах, говорящих на каком-то совсем особом языке: «и есть не разумети языку их». Рассказ об этих неведомых народах уснащен баснословными подробностями, родившимися, вероятно, при его передаче из уст в уста: будто те люди заключены внутри горы «и секут гору, хотяще высечися, и в горе той посечено оконце мало». Но, отбросив эту легко снимаемую шелуху сказочной фантастики, мы находим под ней вполне правдоподобный рассказ о немой торговле между югрой и этими народами неведомого языка: «кажють на железо и помагають рукою просяще железа; и аще кто дасть им нож ли или секиру, и они дають скорою [т. е. мехами] противу»¹. Это указание на немую торговлю на Северном Урале давно уже оценено исследователями как существенный этнографический факт. Но не менее важно здесь и другое: сообщение о наличии в XII в. в области Северного Урала какой-то обособленной этнической группы с языком, отличным от финно-угорско-самоедских языков; этот факт вполне согласуется с представлениями современной науки об этногенезе угорских и самоедских народов Приуралья и об участии в этом этногенезе каких-то местных племен с языками, быть может, палеоазиатского типа.

Приведя услышанный им рассказ о неведомых горных народах, летописец пытается дать ему свое объяснение, – объяснение в духе тогдашней средневековой учености: это-де народы, «заклепении» (запертые в горах) в свое время Александром Македонским².

Итак, мы находим в «Повести временных лет», как в нарративной ее части, так и во вводном историко-географическом очерке, действительно поразительное богатство этнографических сведений и еще более по-

¹ ПСРЛ, т. I, с. 234–235.

² ПСРЛ, т. I, с. 235–236.

разительное для того времени осмысленное отношение автора к излагаемым им фактам. Он сумел соединить их в связную картину, расположить древние и современные ему племена и народности в исторической последовательности, определить их взаимоотношения, языковое и генеалогическое родство; разобрался в различиях культурного облика отдельных племен, сумел краткими, но выразительными чертами обрисовать их бытовые особенности. Все это позволяет нам считать автора «Повести временных лет» – Нестора-летописца – первым русским этнографом.

Этнографический материал в местных летописях

Летописей в Древней Руси было много – особенно в период феодальной раздробленности, в XII–XIV вв.: в каждой области, в каждом княжестве велись свои летописные записи. Из них сохранились далеко не все. Многие вошли впоследствии в общерусские летописные своды. Сохранились, помимо Киевской, Галицко-Волынская, Новгородские, Псковские, Владимирская, Суздальская, Тверская, Переяслав-Залесская, Нижегородская летописи. История местных летописей, история составления летописных сводов хорошо изучена исследователями¹.

Но местные летописи и поздние летописные своды почти не подвергались исследованию как этнографический источник, хотя исследователи отдельных народов

¹ См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908; М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. Л., 1938; Д. С. Лихачев. Указ. соч.

ими не раз пользовались¹. Пока эта работа не выполнена, невозможно судить и о том, как постепенно накапливались «этнографические» знания о народах нашей страны и соседних стран.

Сейчас можно лишь проиллюстрировать единичными примерами это постепенное накопление знаний о народах на протяжении XII–XV вв. В Начальном летописном своде, например, отсутствует еще название мещеры, хотя мещера жила довольно близко – на средней Оке; упоминания о ней появляются в позднейших списках того же свода – кажется, впервые в Никоновской летописи (середина XVI в.)². Точно так же в позднейших летописях и летописных сводах встречаются упоминания о карелах (с 1143 г.), голяди (с 1147 г.), разумеется, о татарах (с 1223 г.), о «лопи» (лопарях, с 1252 г.), о бесермянах (с 1319 г.), вотяках-арянах (с 1469 г.), башкирах (с 1469 г.), чувашах (с 1521 г.), ногайцах (с 1552 г.), зырянах (с 1581 г.)³. Из народов Кавказа в позднейших летописных текстах упоминаются обезы (абазины), армены.

«Слово о полку Игореве»

Один из замечательнейших памятников древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве» – может рассматриваться в то же время и как ценный памятник

¹ См., например: С. К. Кузнецов. Русская историческая география. Мордва. М., 1912; Б. А. Васильев. Проблема буртасов и мордва. «Труды ИЭ», н. с., т. 63. М., 1960.

² С. К. Кузнецов. Русская историческая география, вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). М., 1910, с. 14–15; Б. А. Васильев. Указ. соч., с. 205–206.

³ См. П. Келлен. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

истории русской этнографии. Конечно, он не только невелик по объему, но и встречаемые там этнографические обозначения беглы и не всегда ясны; это ни в каком смысле не этнографическое описание чего бы то ни было. Но памятник важен для нас в том отношении, что в нем как бы отразилось состояние этнографических знаний в ту эпоху – в конце XII в.

Большинство исследователей признает, что безымянный автор «Слова» – образованный русский человек, стоявший близко к князьям, видимо, дружинник¹. В своей поэме он, однако, выразил не классовые интересы и понятия этой небольшой социальной группы, а общенародные, общерусские интересы и понятия. Не раз отмечалось наличие широкого политического, даже, можно сказать, исторического взгляда у автора «Слова», – понимание им политической обстановки того времени. Это был русский интеллигент и патриот конца XII столетия. При этих условиях чрезвычайно интересно посмотреть: какие же этнографические понятия существовали в сознании автора «Слова» и, следовательно, среди русских образованных людей той эпохи?

¹ Общепринятая датировка написания «Слова о полку Игореве» – около 1187 г. (описываемый в нем неудачный поход князя Игоря против половцев имел место в 1185 г.). Но некоторые исследователи, основываясь на том, что этот памятник стоит совершенно изолированно в ряду прочих памятников письменности XII в., а также на некоторых других соображениях, считают его произведением гораздо более позднего времени – конца XVIII в. Так, Андрэ Мазон рассматривает «Слово» как искусную литературную подделку (вроде «поэм Оссиана», написанных Макферсоном в 1760-х годах, или чешских Краледворской и Зеленогорской рукописей начала XIX в.); А. А. Зимин считает произведение талантливой стилизацией (аналогичной, например, лермонтовской «Песне про купца Калашникова»). Вопрос этот вызвал недавно оживленную дискуссию (см. «Допросы истории», 1964, № 9, с. 121–140), но остался нерешенным. Пока это так, мы вправе держаться традиционной датировки «Слова» (см. сб. «Слово о полку Игореве» – памятник XII в.». М.–Л., 1962).

Общественно-национальные идеи автора «Слова» вращаются вокруг двух противоположных полюсов: «Земля Русская» и «Земля Половецкая». Это – два враждебных мира, и на их конфликте построена основная тема поэмы. Половцы нападают и угнетают русских, русские обороняются и с целью обороны сами по временам стремятся вторгнуться в Половецкую землю. Но для успешной борьбы против половцев русские должны соединить свои усилия; русские князья должны действовать совместно и дружно; на деле, однако, этого нет: автор ясно видит рознь и вражду между отдельными частями Русской земли. Какие же эти части? Это, разумеется, не племена – кривичи, древляне, вятичи и пр., – они уже давно отошли в прошлое. Это отдельные области, княжества, мелкие феодальные владения. В «Слове» упоминаются из городов, как самостоятельные единицы, Киев, Новгород (видимо, Северский), Чернигов, Переяславль, Путивль, Полоцк, Курск, Белград (т. е. Белгород), Тьмутаракань. Из рек автор явно считает русскими Днепр, Донец, речки Немигу, Стугну; Рось и Сула, притоки Днепра, упоминаются скорее как пограничные реки, а «Посулие», как и «Поморие», и даже Волга отнесены к «землям незнаемым», наряду с Тьмутараканью (хотя и русской, но находившейся далеко на отлете) и городами Крыма. Двина – тоже, по видимому, пограничная река.

Дон представляется автору «Слова» как река в Половецкой земле («испить шеломами Дону» означает уже большой ратный подвиг); там же течет речка Каяла, на которой русские воины, проникшие далеко в глубь «поля Половецкого», потерпели роковое поражение (неизвестно точно, что это за река). Многократно упоминается Дунай, но тоже как находящийся за пределами Русской земли.

Столь суженная географически, расщепленная на мелкие феодальные княжества, Русская земля все же сохраняет в глазах автора «Слова» свое идейное единство. Призыв к защите этой земли звучит с каждой строчки поэмы. Автор сознает себя одним из «храбрых русичей». Это общерусское самосознание настолько сильно у автора памятника, что у него и следа нет какого-либо местного патриотизма, областной симпатии: мы не знаем (хотя об этом и высказывались догадки), из какого княжества был родом автор, был ли он киевлянином, или путивлянином, или черниговцем, или галичанином.

Каковы же этнографические представления автора «Слова» о внешнем, нерусском мире? Половецкая земля представляется ему тоже единым целым, враждебным Руси миром степных кочевников («поле Половецкое», т. е. степь). Но и там автор знает какие-то подразделения, для нас сейчас неясные; знает имена отдельных ханов – Кончака, Гзака, Кобяка; знает имена каких-то племен, видимо тюркоязычных и родственных половцам, но союзных с русскими: это могуты (мангыты?), татраны (ср. Татрак – одно из родовых подразделений казахов Малой орды), шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы¹. В «Слове» упоминаются еще какие-то восточные народы, не то государства, может быть, хорошо известные автору поэмы: это особенно «Хинова», «хиновский» – название, упоминаемое в памятнике многократно. Об этом термине строили много догадок. Одни видели тут финнов, другие – гуннов. Первое предположение недопустимо с географической точки зрения,

¹ Впрочем, видный советский лингвист-тюрколог С. Е. Малов считает эти тюркские слова не этническими названиями, а обозначениями каких-то титулов или чинов у тюркских племен (см. С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». «Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.», 1946, т. V, вып. 2).

второе – с хронологической. В переводе Жуковского «хиновские стрелы» заменены «ханскими стрелами». По предположению Д. С. Лихачева, в «Хинове» надо видеть «Хину» – одно из средневековых названий Китая, – но не в точном географическом смысле, а как суммарное обозначение неведомых восточных народов, враждебных Руси¹. Как некая враждебная русским сила упоминаются также и готы – очевидно, крымские. Упоминаются и касоги (черкесы).

Этнографический интерес автора «Слова» ориентирован на юг и восток; север и запад интересуют его меньше. Даже Новгород Великий и Псков для него не существуют. Однако земли и страны, лежащие на запад, северо-запад и юго-запад от Руси, автору известны. Упоминается литва, ятвяги, «деремела» – по предположению Лихачева², тоже ятвяжское племя (Dernen, Dermne). Упоминаются «немцы и венецицы», «греки и морава», как прославляющие Святослава и порицающие Игоря. Автору «Слова» известны также и угры (венгры). Упоминаются «шеломы латинские», т. е. западноевропейские.

Мы не будем здесь касаться черт «языческого» мировоззрения автора «Слова» (о чем писалось неоднократно), наличия в памятнике ряда дохристианских мифологических имен и олицетворений (Див, Дева-обида, Карна, Жля, Хорс-солнце, Стрибог-ветер и пр.) и магических представлений (оборотничество). Эти факты, интересные сами по себе, интересные для истории русских религиозных верований, не имеют прямого отношения к истории накопления этнографических знаний. Для нас здесь важен только один факт – в мифологических представлениях отражалось все то же сознание эт-

¹ «Слово о полку Игореве». Л., 1953 (Библиотека поэта, малая серия, изд. 3. Вступит. статья Д. С. Лихачева), с. 256.

² Там же, с. 263.

нического единства Руси: русские для автора «Слова» – «Дажь-божи внуки». Дажь-бог, следовательно, здесь выступает как бы национальным общерусским богом.

«Слово о погибели Русской земли»

XIII век был периодом упадка русской культуры – упадка, вызванного феодальными усобицами, набегами кочевников и татаро-монгольским погромом. Памятников письменности XIII в. сохранилось (если не считать летописей) мало. Среди них надо отметить интересный памятник «Слово о погибели Руския земли», очень короткий (64 строки в оригинале)¹, но хорошо отражающий этнографический горизонт русских людей того времени. Это произведение рассматривается многими как поэтическое вступление к жизнеописанию Александра Невского и датируется примерно 1230-ми годами, однако еще до Батыева погрома: о нем в «Слове» не упоминается, «погибель» же русской земли автор разумел, видно, в смысле ослабления ее от кочевнических набегов и княжеских усобиц².

«Слово» начинается с патетического воззвания к родине: «О светло светлая и украсно украшена земля Руская! И многими красотами удивлена еси...» Далее автор, после краткого поэтического восхваления русской природы, как бы обводит мысленным взором границы Руси и перечисляет народы, бывшие ее соседями.

¹ «Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XII в. Сообщение Хрисанфа Лопарева». «Памятники древней письменности», 84. СПб., 1892.

² См. *Н. К. Гудзий*. История древней русской литературы. М., 1938, с. 190–193; *А. С. Орлов*. Древняя русская литература XI–XVII вв. М.–Л., 1945, с. 142–143.

Это перечисление и представляет для нас особый интерес: «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы от Устьяга, где тамо бяху тоимицы [тоймици?] погании, и за дышучим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до морьдвѣ, – то все покороно было богом христианскому языку. Поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю кыевському, деду его Володимеру и Мана[ма]ху, которым то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выникываху, а угры твердыху каменные города железными вороты, або из них великий Володимер тамо не въехал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем. Буртасы, черемиси, вяда и морздва бортничаху на князя великого Володимера...» Далее говорится, что и император Византии задабривал киевского князя подарками, но потом началась «болезнь христианом»: автор, видимо, переходит к рассказу о бедствиях и упадке Русской земли, но рукопись на этом обрывается.

Пределы Руси периода расцвета Киевского государства намечены в целом верно. Примечательно, что автор отчетливо знает названия народов, соседивших в то время с Русью. Порядок перечисления их соответствует направлению по часовой стрелке на географической карте; некоторой неточностью можно считать, пожалуй, лишь то, что «чахи» (чехи) поместились здесь между «ляхами» (поляками) и ятвягами и что порядок перечисления поволжских народов несколько случайный. «Немцы» имеются в виду при первом перечислении, видимо, прибалтийские (они там появились с первых годов XIII в., и отнесение их к периоду мощи Киевского государства – анахронизм); при втором же упоминании немцы, живущие «за синим морем», – очевидно, немцы Германии.

Кто такие «тоймицы» – неясно; по толкованию комментаторов, это либо жители области Тойма – по речкам Верхней и Нижней Тойме в Устюжском уезде (лопарри или ненцы); либо надо читать «то имици», понимая под «имицами» (емчанами) жителей области р. Емцы (левый приток Северной Двины)¹. Остальные народы в этом перечне сомнений не вызывают, неясно только, что имел в виду автор, говоря о «дышучем море». В числе народов, которые «бортничали» для великого князя Владимира, упоминаются, вместе с буртасами, черемисами и мордвой, также «вьяда». Хрисанф Лопарев видел в этом названии прибалтийскую водь², что мало вероятно; А. С. Орлов – «финнов на реке Вятке»³, – это более правдоподобно по общему географическому контексту. Известно, что северные удмурты еще недавно называли себя «ватка», и очень возможно, что прежде существовал такой особый народ.

«Слово о погибели» показывает также, что, несмотря на общий экономический и культурный упадок, несмотря на раздробление Руси, умственный кругозор русских людей XIII в. оставался еще сравнительно широким. Все соседние народы были еще в их поле зрения. Сама «Русская земля», вопреки феодальной раздробленности, продолжала мыслиться как единое целое.

«Задонщина»

XIV–XV века – время, когда происходило постепенное восстановление единства Руси: политического, экономического и культурного; время «собираания» русских

¹ «Слово о погибели...», с. 20–21.

² Там же, с. 23.

³ А. С. Орлов. Указ. соч., с. 143.

(великорусских) земель вокруг нового центра – Москвы. Письменные памятники этих веков немногочисленны, но и по ним можно отчасти судить о состоянии этнографических знаний на Руси.

Помимо местных летописей, о которых уже говорилось, следует выделить один замечательный поэтический памятник, в известном смысле параллельный «Слову о полку Игореве»: это «Задонщина», или повесть о битве на Куликовом поле в 1380 г. Точная хронологическая датировка этого произведения, сохранившегося в нескольких редакциях и списках (краткая и пространные редакции), текстологические соотношения этих редакций, а также соотношение всех их со «Словом о полку» – вопросы спорные, но для наших целей это не имеет большого значения. Хронологические пределы датировки различных редакций памятника – с конца XIV в. (сразу после сражения) и до XVI в.¹ Этого для нас достаточно, чтобы поставить вопрос: как отразился в «Задонщине» уровень этнографических представлений людей того времени, как широк был их этнографический кругозор?

Поражает прежде всего, что идея единства Русской земли – культурного, этнического, хотя и не политического – выражена автором «Задонщины» вполне отчетливо. «Взыдем на горы Киевския и посмотрим славнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской...»; «и отоля (оттоле. – С. Т.) Русская земля седит невесела...»; «главы своя положити за землю за Рускую и за веру христианьскую» и т. п.² Вопреки феодальной раздробленности, вопреки подчинению татарам, – а может быть отчасти и благодаря этому подчинению, обострившему «на-

¹ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; «Воинские повести Древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1949.

² «Воинские повести Древней Руси», с. 33.

циональные» чувства русских людей, – сознание «национальной общности» не затухало. И, видимо, оно по старой памяти было в какой-то мере связано с Киевом, прежним блестящим центром Русской земли.

Подобно концепции «Слова о полку», и для автора «Задонщины» Русской земле противостоит враждебная сила в лице кочевых степных народов. Эта враждебная сила обозначается тем же туманным термином, как и в песне об Игоре, – «хинове» («хинела»). «Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Руськую землю»; «гремят мечи булатные о шеломы хиновския» и т. п.¹ Но эти враги-кочевники называются и более точным этническим термином – татары: «...уже поганый татарове на поля на наши наступают...»; «...наехали рустии сынове на силную рать татарьскую...»; «а уже бо въстонала земля Татарская»².

Вскользь упоминаются в «Задонщине» и названия других стран и народов: Литва, Волынь, черемисы, чяхи (чехи), ляхи, Железные врата (на Дунае), Кафа, фрязове (видимо, крымские генуэзцы), Рим, Царьград, Торнава (Тырново в Болгарии) и др.

По этим разрозненным упоминаниям нельзя составить себе точного представления об этнографическом кругозоре автора «Задонщины» (и его современников), который мог быть и более широким.

«Казанская история»

Дальнейшая централизация Русского государства в XVI в. сказалась опять-таки на расширении и уточнении этнографических знаний. Свидетельство – «Казан-

¹ Там же.

² Там же, с. 35, 37.

ская история», литературное произведение безыменного автора, написанное около середины 1560-х годов и, видимо, пользовавшееся большой популярностью (сохранилось свыше 230 списков памятника)¹. Судя по многочисленным упоминаниям народов и стран в тексте «Казанской истории», составитель ее имел довольно отчетливые сведения не только о ближайших иноязычных соседях Руси на востоке, юге и западе, но и о более далеких народах. Из ближних упоминаются мордва, черемиса луговая и нагорная (в последнюю группу, быть может, включались и чувашаи), татары (именуемые также казанцами или, риторически, агарянами, измаилтянами, срацинами, варварами), «арские князья» (кажется, удмурты), башкиры, нагаи (нагайские срацины), в том числе мангиты, крымские срацины, «салтан турецкий», царь кизылбашский (персидский), армены, литва, ляхи, черкасы (видимо, украинцы).

Из народов Западной и Южной Европы упоминаются немцы, фрязи (генуэзцы?) – их воины участвовали в Казанском походе царя Ивана². Упоминаются посольства из зарубежных стран, прибывшие поздравить царя с победой: «И послы нагайския, и послы польскаго короля, и послы свийскаго короля, и послы датцкаго короля, и посол волоский (валашский? – С. Т.), и купци аглинския земли...»³.

Интересен краткий исторический экскурс «о первом начале Казанского царства», где обрывки этнографических сведений перемешаны со сказочными мотивами о двуглавом змее и пр. Здесь в качестве прежних жителей Казанского края упоминаются болгары («ма-

¹ «Казанская история». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1954, с. 3, 20.

² Там же, с. 124.

³ Там же, с. 167.

лые», в отличие от «больших болгар» на Дунае), пришедшие «из-за Камы реки» – «язык лют и поган» (т. е. народ воинственный и нехристианский), самоеды, «ина черемиса, зовемая отяки (может быть, вотяки-удмурты.– С. Т.), тое же глаголют ростовскую чернь (?), забежавши та от крещения русаго в болгарских жилищах...»¹. В этом сбивчивом историко-этнографическом очерке нелегко разобраться.

Автор имеет представление и о социальном строе некоторых известных ему народов: говорит об их правящих слоях – «саинах», «уланах», «мурзах», «царях» и их «вельможах». Говорит и об их религиозных верованиях и обрядах: о «срачинской вере» (исламе), о волхвах, «жрущих бесу» и предсказывающих будущее.

Общий тон произведения – строго монархический: прославление царя Ивана за его мудрые и смелые действия. Патриотическая идея – защита Русской земли от нападений воинственных соседей – соединяется с религиозной – *Божья* помощь христианам в их борьбе против приверженцев «срачинской веры».

Этнографический материал в житийной литературе

Произведения агиографической литературы иногда привлекаются как исторический источник (Ключевский)²; они могут рассматриваться и как историко-этнографический источник. Но в обзор истории собирания этнографических сведений можно включить лишь очень немного из этого рода литературы, а именно лишь те

¹ Там же, с. 47–48.

² В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

произведения, где фигурировал какой-то новый для русских людей того времени этнографический материал.

Одним из немногих произведений этого вида является «Слово о житии и учении св. отца нашего Стефана, бывшего в Перми епискупа», сочиненное Епифанием Премудрым вскоре после смерти Стефана (1396). Это «Слово», извлеченное из рукописного сборника Синодальной библиотеки (XVI в.), было напечатано Н. И. Костомаровым в 4-м выпуске «Памятников старинной русской литературы» (СПб., 1862), издававшихся графом Гр. Кушелевым-Безбородко. В «Слове» описываются подвиги Стефана Пермского среди «пермян» (т. е. коми-зырян, а не коми-пермяков) на Вычегде; при этом сообщаются некоторые любопытные сведения о быте и верованиях этого народа.

«Сказание о человецех незнаемых в восточной стране»

О народах зауральской части нашей страны сведения вплоть до XVI в. оставались весьма туманными. Об этом красноречиво свидетельствует любопытнейший памятник, давно привлечший к себе внимание исследователей: так называемое «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране». Это произведение сохранилось в нескольких списках (не менее шести) в старых рукописных сборниках, из которых самые ранние относятся к концу XV–XVI в., другие – к XVII в.¹ Содержание «Сказания» заставляет исследователей отнести его происхождение к концу XV в., самое позднее – к началу XVI в.: там не встречается еще, например, название «Сибирь», которое, однако, уже с конца XV в. стало русским известно.

¹ Библиографию см. М. О. Косвен. Указ. соч., с. 132.

«Сказание о человецех незнаемых» не раз издавалось и комментировалось. Оно впервые напечатано Фирсовым в 1866 г., а самое подробное исследование принадлежит Д. Н. Анучину¹.

Памятник представляет собой краткий рассказ о девяти племенах «незнаемых» людей на востоке, «за Югорской землей»; большая часть их именуется «самоедь» или «самоядь», и о каждом племени сообщаются интересные сведения, частью вполне реалистические, частью баснословные. Комментаторы, однако, пытаются и за баснословными сведениями рассмотреть реальную их основу. Вот вкратце эти сведения, с разбивкой по племенам и с необходимыми пояснениями (преимущественно по комментарию Анучина), которые мы дадим в скобках:

1. «На восточней стране, за Югорскою землею, над морем живут люди, самоедь, зовомы молгонзеи (самоедское племя монканси², ср. русский город Мангазея, построенный около 1600 г.). А ядь их мясо оленье да рыба. Да межи собою друг друга ядят. А гость к ним откуда приидет, и они дети свои закалают на гостей, да тем кормят (предания и рассказы о каннибализме у самоедов, быть может связанные с народной этимологией самого этого названия, держались на севере до недавнего времени). А которой гость у них умрет, и они того снедают, а в землю не хоронят, а своих також (здесь верно только то, что обычая зарывания трупов в землю у самоедов-ненцев действительно не было: они хоронили умерших в наземных ящиках, ставя их в тундре).

¹ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака, древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточней стране». Археолого-этнографический этюд. М., 1890, с. 3–4.

² См. Г. Прокофьев. Ненецкий (юрако-самоедский) язык. «Языки и письменность народов Севера», ч. 1. М.–Л., 1937, с. 7.

Сия ж люди невеликы возрастом, плосковиды, носы малы (довольно точное описание антропологического типа ненцев и других самодийских народов), но резвы велми и стрелцы скоры и горазды. А ездят на оленех и на собаках (езда на собаках практикуется некоторыми группами ненцев – Новая Земля, Вайгач – до сих пор). А платие носят соболие и оленье. А товар их соболи».

2. «В той же стране иная самоедь таковаж, линная словет. Лете месяц живут в мори, а на сусе не живут того ради, за неж тело на них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не смеют вылести» (по толкованию Анучина, здесь отразились сведения о рыболовческом береговом племени, проводящем летнее время в море; «тело трескается» – вероятно, искаженная передача известий о комарах и гнусе, кусающих до крови).

3. «В той же стране есть иная самоедь, по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх якож и прочий человеци (по Анучину, дело идет о меховой одежде, в нижней части из длинного собачьего меха). А ядь их рыбы и мясо. А торг их соболи и песцы и пыжи и олений кожи».

4. «В той же стране иная самоедь, вверху рты на те мени, а не говорят, а образ в пошлину человекь. А коли ядят, и они крошат мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку. И как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз» (в основе и этого рассказа лежит, по Анучину, реальный акт: одетый в тяжелую меховую одежду с жестким воротником, человек должен поднимать голову, чтобы положить в рот пищу).

5. Самоедь, умирающая на зиму, на два месяца (основа рассказа, по мнению Анучина, – антропоморфные идолы ненцев, похожие, особенно зимой, под снегом, на замерзших людей).

6. «В той же стране, вверху Оби реки великыя, есть земля Баид именуется. Леса на ней нет, а люди как и

прочий человеци, живут в земли, а едят мясо соболие...» (Баид, по Анучину, – какое-то тюркское или монгольское племя. Но географическое указание «вверху Оби реки» заставляет искать иного решения вопроса, ибо в верховьях Оби неизвестно никаких байтов. Зато там есть р. Бачат, в произношении алтайцев – «Паят», точнее – Большой и Малый Бачаты, притоки р. Ини, впадающей в Обь; там теперь живут телеуты).

7. Безголовая самоедь (по Анучину, опять какая-то особенность одежды: быть может, большой и широкий головной убор, создающий впечатление, будто голова на груди).

8. «Вверх тоя ж реки великия Оби есть люди ходят по под землю иною рекою день да ночь, с огни...» (здесь либо имеются в виду обитатели землянок, либо, как полагает Анучин, горные жители, разрабатывавшие меднорудные шахты, – таковые существовали на Алтае). Далее говорится о немой торговле.

9. «Самоедь каменная, облежит около Югорские земли, а живут по горам высоким, а ездят на оленех и на собаках...» (название «каменные самоеды» сохранилось до наших дней). Далее говорится о «лекарях», которые больному человеку «брюхо режут» (видимо, известные шаманские фокусы), и т. д.

Так причудливо перемешивались в сознании русских людей XV в. здравые сведения, проникавшие из-за Урала, с баснословными рассказами о жителях тех стран.

Сведения о народах зарубежных стран. «Хождение» игумена Даниила

Сведения о более отдаленных странах и об их народах были на Руси, конечно, очень туманны. Они про-

никали через случайных путешественников, через паломников в «святую землю». Наиболее известное такое паломничество – «хождение» – совершил игумен Даниил (начало XII в.). Записанное им «Житие и хождение Даниила, Русьския земли игумена» не сохранилось в подлиннике, но сохранилось во множестве (свыше 70) списков XV–XVI вв. и позднейших. Оно было издано вначале Сахаровым (1837–1849), потом Норовым (1864), напечатано с комментариями М. Веневитиновым¹.

Этнографических сведений в «хождении» немного – интерес автора был направлен целиком к христианским святыням. Однако встречаются сведения о населении Палестины – «срацинах», т. е. арабах или сельджуках; в Западной Европе в то время тоже знали мусульман Востока под этим собирательным и неопределенным именем. Из этих «срацин» одна часть жила в мирном соседстве с христианами: «...И ту есть близь на горе село велико вельми, и седять в нем срацины мнози, и христиане суть же ту, в селе том, мнози...»². Другая часть занималась разбойничьим промыслом: «...туда бо ходить мнози срацини и разбивают в горах тех»³; «...и суть разбои мнози, и разбивают в горах тех и в дебрях страшных»⁴ и т. д.

В одном месте Даниил описывает даже сельское хозяйство вблизи Иерусалима: «...И жита добра раждаются около Иерусалима в камении том без дожда, но тако божиим повелением и благоволением родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь всеяв и взяти 90 кадей,

¹ «Житие и хождение Даниила, Русьския земли игумена, 1106–1108 гг.». Под ред. М. Веневитинова. «Православный палестинский сборник», вып. 3, 9. СПб., 1883, 1885.

² Там же, с. 81.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 41–42.

а другоици 100 кадей по единой кади...» «Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа дрeвеса многоплодовита, смокви и агодичия и масличие и рожци ина вся различнаа дрeвеса без числа по всей земле той суть»¹.

Афанасий Никитин и его «Хождение за три моря»

Из всех средневековых русских «хожений» в дальние страны бесспорно самым замечательным является «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. В 1466–1472 гг. он совершил необычайное по тому времени путешествие через Каспийское море, Кавказ, Персию и Аравийское море в Индию, а оттуда обратно.

Афанасий Никитин проделал это путешествие не по доброй воле. Он отправился вниз по Волге с торговыми целями, вместе с другими купцами, но под Астраханью их ограбили татары и не пустили обратно домой – «вести деля» (чтобы не подали вести). Купцам пришлось плыть дальше на юг – в Дербент. Оттуда Афанасий Никитин попал в Баку, и еще дальше – морем в Персию, а через Персию добрался до «Гурмыза» (Ормуза) и, наконец, морем приплыл в Индию. Там он пристал к приморскому городу «Дегу» (Диу), потом к «Камбату» (Камбай), «Чивилю» (вблизи Бомбея). Далее наш путешественник отправился в глубь страны с расчетом поторговать. Он проехал через Пали и Умри до «Чюнейра» (Джуннар), где переждал дождливый сезон («а зимовали есмя в Чюнейре... ежедень и ночь, 4 месяца, а всюда вода да грязь») и где были обмануты его надежды на выгодную торговлю, а оттуда – «к Бедерю, большему их граду» (Бидар в земле маратхов был в то

¹ Там же, с. 40–41.

время центром сильного мусульманского княжества). В Бидаре Никитин прожил 4 месяца. Оттуда он совершил поездку в индуистский город Парвату, не подвластный мусульманским правителям. Затем вернулся в Бидар. После трехлетнего пребывания в Индии Афанасию удалось наконец ее покинуть. На обратном пути его корабль пристал к берегам Эфиопии. Оттуда путешественник через Маскат, Ормуз, Персию добрался до берега Черного моря и через Крым вернулся на Русь. Но, не доехав до родной Твери, он умер в Смоленске.

«Хожение» Афанасия Никитина необычайно богато этнографическим материалом, который почти весь относится именно к Индии. Весь долгий путь до этой страны Никитин описывает очень скупо, ограничиваясь перечислением пройденных городов. Но, едва вступив на землю Индии, он был настолько поражен всем увиденным там, что начал довольно подробно излагать свои впечатления. «И тут есть Индейская страна, – пишет он, – и люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, дети родят на всякий год, а детей у них много, а мужы и жены все черны; яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку. А князь их – фота на голове, а другаа на бедрах; а бояре у них ходят – фота на плеще, а другия на бедрах, а княгини ходят – фота на плечем обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярския – фота на бедрах обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с луки и стрелами; а все наги да босы да болкаты; а жонки ходят голова не покрыта, а груди голы; а паропкы да девочки ходят наги до 7 лет, а сором не покрыт»¹.

¹ «Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.». Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1948, с. 12.

Дальнейшие записи очень богаты и разнообразны, хотя не систематичны. Как торговый человек, Афанасий особенно интересовался товарами: подробно описывает, чем богата Индийская земля, отдельные ее области. Мало того: понаслышке он сообщает такие же сведения и о более далеких странах, где сам не был: о Цейлоне, Бирме, даже о Китае (Чин и Мачин, Кытай); попутно сообщает и о расстояниях между этими странами. Много сведений приводит Никитин о политической жизни посещенных стран, особенно княжества Бидар: о султанах, ханах, их войске (с подсчетом численности), о вооружении и военной технике, о пышных официальных церемониях. Но самое интересное – это сообщения о домашнем быте жителей Индии, об их обычаях, о религиозных верованиях и обрядах.

Путешественнику, естественно, бросились в глаза резкие имущественные различия: роскошь быта аристократии и крайняя бедность народа. «А земля людна велми, а сельские люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми; а все их носят на кроватех своих на серебряных, да пред ними водят кони в снастех золотых до 20; а на конех за ними 300 человек, а пеших 500 человек, да трубников 10, да нагарников 10 человек, да свирелников 10 человек...»¹

Семейные нравы индийцев Никитину не понравились – он не одобрил обычая гостеприимного гетеризма, легкого поведения женщин. Особенно же поразило путешественника разнообразие религий. В Бидаре господствовали мусульмане, но их религия не особенно заинтересовала Никитина – с исламом он был знаком и на Руси; он жалуется только на неоднократные попытки мусульман («бесерменов») обратить его в свою религию. Индуисты заинтересовали его больше. Они,

¹ Там же, с. 16.

как и он, страдали от мусульманских притеснений. Он открыл им, что он не мусульманин, а христианин, – «и они же не учили ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу (о намазе, т. е. о молитвах. – С. Т.), ни о иных вещех, ни жон своих не учили крыти»¹. Афанасий расспрашивал их об их религии и узнал, что она тоже не едина, а дробится на множество сект и кастовых культов: «А вер в Индии 80 и 4 веры, а все веруют в Бута (т. е. в индуистские божества. – С. Т.); а вера с верою ни пиеть, ни яст, ни женится...»² Съездив в индуистское святилище Парвату, Никитин подробно описывает вид храма, статуи богов («бутов»). Он отмечает строгие понятия индуистов о ритуальной чистоте, особенно в еде: «А ества же их плоха, а один с одним ни пиеть, ни яст, ни с женою... А от бесерман скрываются, чтобы не посмотрил ни в горнец, ни в яству; а посмотрил бесерменин на еству, и он не яст; а ядят иные, покрываются платом, чтобы никто не видел его»³.

Все сведения, сообщаемые Афанасием Никитиным, весьма правдоподобны. Вымысла, фантастики у него совсем нет. Правда, он сообщает без критики некоторые туземные поверья: о птице «гукук», предвещающей смерть, – «а кто ее хочеть убита, ино у нее изо рта огонь выйдет» о «князе обезьянском», правящем над лесными обезьянами и наказывающем людей за обиду, нанесенную обезьянам⁴. Но эту простодушную передачу местных поверий едва ли можно ставить в вину путешественнику.

Афанасий Никитин с интересом присматривался к чужим обычаям и верованиям. За долгое свое стран-

¹ «Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.», с. 17.

² Там же.

³ Там же, с. 18.

⁴ Там же, с. 15–16.

ствование он проникся веротерпимостью, в те времена необычной: «...правую веру Бог ведает, – говорит он, – а правая вера Бога единого знати, имя Его призывати на всяком месте чисте чисту»¹. Но свои русские обычаи и христианскую веру он старался свято сохранять, хотя в чужих краях и не мог соблюдать требуемые обряды, праздники, на что горько жалуется. Свою родину, Русь, он никогда не забывал и страстно стремился туда вернуться. «А Русскую землю Бог да сохрани! – восклицает он. – На этом свете нет страны подобной ей, хотя бояре Русской земли не добры. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость»².

Афанасий Никитин был одним из первых европейцев, побывавших в сказочной далекой Индии. До него там странствовал венецианец Николо ди Конти, проведший в тех краях более 20 лет; его сведения об Индии подробнее, чем у Никитина, но менее достоверны. Лишь через 30 лет после Афанасия Никитина Васко да Гама открыл морской путь в Индию и европейцы завязали с этой страной более регулярные сношения.

На Руси «Хождение» Афанасия Никитина, видимо, читалось. Сохранилось не менее шести списков сочинения³. В печати памятник впервые упомянут Карамзиным; в первый раз напечатан П. Строевым⁴. Исследовал «Хождение» Измаил Иванович Срезневский⁵ и др. Прекрасный историко-этнографический комментарий к рассказу Афанасия Никитина составил видный индолог И. П. Минаев («Старая Индия. Заметки на “Хоже-

¹ Там же, с. 28.

² Там же, с. 68.

³ Там же, с. 131–134.

⁴ П. М. Строев. Софийский временник, ч. 2. СПб., 1821.

⁵ И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. – «Ученые записки 2-го отделения АН», т. 2, вып. 2. СПб., 1866.

ние за три моря” Афанасия Никитина». ЖМНП, 1881, ч. 215, 216). В советское время появился ряд исследований, публикаций и популярных изложений текста «Хождения»¹. В г. Калинин (б. Твери) открыт памятник смелому путешественнику.

¹ См., например: *Н. И. Воробьев*. Хождение за три моря. «Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та», вып. 1. Казань, 1939; *В. В. Богданов*. Накануне 475-летия путешествия Аф. Никитина в Персию и Индию. — «Землеведение. Сборник Московского об-ва испытателей природы». М., 1940; *К. И. Кулин*. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. М., 1947; *он же*. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. Историческая повесть. М.—Л., 1947; *А. И. Клибанов*. У истоков русской гуманистической мысли (Исторические традиции идеи равенства народов и вер). «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2 (см. с. 52–60); «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.». М., 1960 (фототипия и транскрипция текста, переводы на русский, хинди и английский языки).

РУССКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ конца XVI и XVII вв.

Проникновение русских в Сибирь. Этнографический материал в донесениях служилых людей

Тот период русской истории, который начинается со второй половины XVI в. и заканчивается кануном Петровской эпохи, считают обычно периодом превращения Русского государства из национального в многонациональное. Это было время, когда после присоединения Поволжья в состав Руси вскоре вошли и Приуралье, и Зауралье, Западная и Восточная Сибирь. Походы Ермака начала 1580-х годов пробили брешь в преграде, отделявшей Русь от народов Сибири, разрушив Кучумово царство, и вслед за тем начинается стремительно быстрое продвижение русских людей за Урал, дальше и дальше в огромные просторы сибирской тайги, пока к середине XVII в. они не дошли до крайних пределов Северной Азии, до Тихого и Ледовитого океанов, до Амура и Чукотки. Гораздо медленнее расширялись пределы Руси на юг и запад; там лишь присоединение части украинских земель в 1654 г. раздвинуло пределы государства, но зато в него здесь вошли густонаселенные области.

Быстрый территориальный рост Русского государства, превращение его в многонациональное не могли не отразиться на умственном кругозоре русских людей. Их разноплеменные соседи, большая часть которых прежде находилась за рубежом Русской земли и о которых доходили до них порой лишь туманные, полубаснословные слухи, теперь стали более близкими соседями, подданными одного царя. Стихийное движение русских людей на восток, в Сибирь, столкнуло их вплотную с коренным населением Сибири. Русский промышленный человек, пашенный крестьянин, служилый человек увидел своими глазами остяка, самоеда, тунгуса, о которых еще отец его или совсем ничего не знал, или знал понаслышке, как о «человецах неизвестных в восточной стране»¹. Это было быстрое и огромное расширение этнографического кругозора. Его можно без колебаний сопоставить с тем умственным переворотом, который в людях Западной Европы вызвало открытие в XV–XVII вв. Америки и других заморских стран с их чуждыми европейскому миру народами.

В чем выразилось это расширение этнографического кругозора? Какими путями проникали в русское общество сведения о новых народах? Как они распространялись? Чьим достоянием делались?

Конечно, весьма узок был круг людей, соприкасавшихся с соседними народами или получавших о них сведения. Пионерами продвижения на восток были служилые и промышленные люди, которые небольшими отрядами, не превышавшими несколько десятков человек, под предводительством смелых атаманов, пятидесятников, письменных голов шли по рекам и волокам в дале-

¹ Новейшая, весьма обстоятельная работа о продвижении русских в Сибирь: В. А. Александров. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. «Труды ИЭ», н. с., т. 87. М., 1964.

кие «неведомые землицы». Они первые сталкивались с новыми «неясачными иноземцами», приводили их в ясак, брали с них «шерть» (присягу) на подданство царю, брали порой и «аманатов». О своих открытиях они общались или письменно – еще до возвращения из похода, посылая свои «отписки» (донесения), или письменно же, излагая события похода по возвращении в «статейных списках», или устно – устные доклады о походе записывались в съезжей (приказной) избе в виде так называемых «распросных речей», «сказок» или «доездов». О своих походах служилые люди рассказывали и в различных челобитных, которые они подавали воеводам или непосредственно в Москву, прося о жаловании за службу. Некоторые из этих челобитных представляют собой весьма драматические рассказы о трудном и опасном пути, о столкновениях с местным населением и пр. В этих челобитных, в отписках, в «распросных речах» содержатся иногда очень точные, подчас притом обстоятельные сведения о местных народах.

Вот, например, характерный отрывок из «распросных речей» письменного головы Василья Пояркова о его походе из Якутского острога на Амур в 1643–1646 гг.:

«...И как весною пятидесятник Патрикейко Минин с товарищи к нему, Василью, в судах приплыл, и он, Василей, собрався с достойными служилыми людьми в суды и вниз по Зию поплыл; а от Селимбы реки плыл до речки до Гогоулкргу трой сутки, и та речка пала в Зию на низ плавучи с левую сторону, а на усть той речки на Зие волость Гогоули, а в той волости Даурской острожек, а в том острожке два князка Омуты да Ломбо, а улусу у них в том острожке 200 человек, все пашенные и скотные сидячие люди, а хлеба у них родится много, а ясак платят хану соболми; а против Гогоул за Зию волость Шепки, а в той волости 100 человек, Дауры же, пашенные же; а от Гогоул

плыл до речки до Тома, плыл судном одни сутки, а Тома речка пала в Зию на низ идучи с левую же сторону, а по ней живут Дауры и Тунгусы пашенные многие; а от Тома плыл до даурского князца Балдачи сутки, а от Гогул до него Болдачи по Зию живут, по обе стороны, Дауры пашенные его Балдачины улусные люди, а у него, Балдачи, поставлен острожек, и в том острожке с ним, Балдачею, живет его улусу 100 человек пашенные; а от Балдачи от острожку плыл до Шилки реки сутки, а все его Балдачины люди Дауры пашенные, а ясак он, Балдача, дает хану соболми, а в аманатех у хана сидит жена его Балдачина; и как Шилка река сошлась с Зиею, и так пошла Шилка и до Шунгалы реки, а Шилка пала в Зию на низ идучи с правую сторону, а на Зие и на Шилке родится 6 хлебов, ячмень, овес, просо, греча, горох и конопля, да у Балдачи же родится овощ, огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, орехи грецкие, орехи русские; а с усть Зии по Шилке пойдут пашенные многие сидячие люди Дючеры родами и до Шунгалы реки; а с усть Зии до Шунгалы плыл 3 недели, а язык у Дючеров свой, и толмача Дючерского не было... А Шунгал река впаала вниз идучи с правую сторону, а по Шунгалу живут многие пашенные сидячие люди Шунганы, а в вершине той реки живут Мугалы кочевные скотные; а как Шунгал река сошлась с Шилкою, и так пошла Шунгал, а не Шилка; а от Шилки реки плыл до Амура шестеры сутки, а все и до Амура живут, по обе стороны, Дючеры многие сидячие люди; а Амур пала в Шунгал на низ идучи с правую сторону, а по Амуру живут Дючеры же пашенные, а в вершине живут Тунгусы, а как Амур сошлась с Шунгалом, и так пошла Амур река и до моря; а по Амуру до Натков плыл до князца Чекуная четверы сутки Дючерами же пашенными, а Натками плыл до Гиляков две недели, а Натки живут по Амуру по обе стороны улусами, а ясаку они никому не дают, а Гиляками

плыл и до моря две недели же, а Гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж Гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они Гиляки хану не дают, а в Каменю в горе живут Тунгусы»¹.

Из «статейных списков», подававшихся служилыми людьми – открывателями новых земель, а также послами, ездившими в другие страны, особенно выделяется по обстоятельности и полноте описания отчет о путешествии через Сибирь в Китай в 1675 г. посла Николая Спафария. Об этом документе и о самом авторе надо сказать несколько подробнее.

Николай Милеску-Спафарий (1625–1708), молдавский грек родом, пережил бурную и сложную жизнь, прежде чем попал на Русь. Политический авантюрист, он служил разным государям и изменял им, странствовал по разным европейским государствам и долго не находил себе постоянного пристанища. Человек образованный и умный, знающий несколько языков, он поступил, наконец, на русскую службу (1671), зачисленный переводчиком Посольского приказа. Здесь он прижился и выдвинулся под покровительство просвещенных русских государственных деятелей (Артамона Матвеева, князя Василия Голицына); здесь прожил остаток жизни. В 1675 г. Спафарий был отправлен с посольством в Китай. Посольство само по себе было мало успешным. Но зато Спафарий с избытком выполнил данное ему Посольским приказом поручение – подробно описать, во-первых, свой путь через Сибирь в Китай, а во-вторых, описать «все Китайское государство». По возвращении из поездки он подал в Посольский приказ два обстоя-

¹ «Акты о плавании письменного головы Василья Пояркова из Якутска в Охотское море, 1646, после 12 июня». «Дополнения к Актам историческим...», т. 3. СПб., 1848, с. 54–55.

тельных сочинения: статейный список «путешествия... от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского»¹ и подробное описание Китая.

Описание путешествия Спафария через Сибирь по форме мало отличается от других «статейных списков» и «допросных речей» сибирских землепроходцев. Но оно выделяется особой точностью и подробностью в описании пройденного маршрута: весь путь как бы нанесен на точную карту, с поперстным расстоянием между пунктами. Спафарий называет каждую деревню, каждый поселок или группу юрт, мимо которых проезжал, и точно указывает, кто там живет: русские, остяки, татары, тунгусы, «брацкие люди» (буряты). Местами вставлены краткие ремарки о встреченных достопримечательностях, о местном населении. Вот несколько примеров:

«Августа в 15 день. На левой стороне реки Тунгуски река Вихарева, а вытекла та река издалека, из гор каменных. А по ней живут Тунгусы многие и промышляют соболи, и бобры, и иной всякой зверь; от острова 8 верст»².

«Августа в 29 день. На левой стороне протока, от острова 7 верст, а протокою ходу 13 верст... На той же стороне юрты брацкие [бурятские], от заостровки полверсты. А юрты у Братов войлочные. А платья носят по калмыцки и скоту всякого, коней, коров и овец много»³.

«И от той речки (Бургудай) в виду река Тола (приток Селенги), и по той реке живет Кутухта Лама, а Кутухта Лама слово для того, что он над всеми жерцами начальник, что у нас митрополит, и в том месте построил капище

¹ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева». «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. X, вып. 1. СПб., 1882.

² Там же, с. 104.

³ Там же, с. 111.

своим идолом великое каменное, будто город, а мастера, которые делали то капище, приведены были из Китай»¹.

Местами Спафарий вставляет в маршрутные записи даже свои соображения о происхождении народов. «И zde кончается Сибирское государство и начинается государство Мунгальское. Мунгалы суть, о которых пишет в Библии, Гог и Магог, потому что они называют себя Маголь»². В одном месте «Путешествия» встречаем целый этнографический экскурс – описание быта остяков, с попыткой опять-таки ответить на вопрос об их происхождении³.

¹ Там же, с. 129–130.

² Там же, с. 128.

³ Приведем дословно это описание: «...Но про реку Кеть довольно, а ныне про Остяков напишем.

Народ Остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от Скифов произведены суть, которые Скифе после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И для того и обычай их, и просто нравии. И идолослужение их, как из начала, от исполина Неврода приняли, так и держут. Сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу, Кандаях, а Нарымские и Кецкие именуют же себя Чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадет в Обь, и потом по Обе та низ до Березова и до Окиянского моря и вверх по Обе реке до Томского города, также и по Кете реке до вершины ея. И то место есть немалое. Только и у них хотя и один народ и вера одна, однакождо языки у них живут разные, насилу друга друга выразаюют. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именяется ихфиофаги (хотя об них они толко слухом слушали), ея есть рыбады, потому что все Остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однакожде соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белой, сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимою едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут. А жилище их – курты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе из рыбной кожи делают, и сапоги, и шапки. А шьют их рыбьими жилами. А ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и 6 человек и болши. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколко хотят, столко и держат. Но про них писали и во иных местах, и ныне напишем опять путешествие наше, се есть Маковской острог и волок Маковской до Енисейска» (там же, с. 83–84).

Что касается описания Китая, составленного Спафарием, о нем будет сказано ниже.

«Росписи» и ясачные книги

Все эти документы предназначались, конечно, не для широкой публики, а для чисто ведомственного употребления и хранились затем в архивах воеводских приказных изб по сибирским городам или в Сибирском приказе в Москве. Читали их в Москве лица из высшей приказной администрации, а на местах – воеводы и дьяки с их подручными. Что они их читали и знали содержащиеся в них сведения, видно из «наказных памятей» (т. е. письменных инструкций), которые давались вновь назначаемым воеводам или начальникам посылаемых в «новые земли» отрядов: в эти «памяти» нередко вписывались, и очень подробно, те сведения о «новых землях», которые содержались в прежде полученных донесениях, отписках и челобитных. На основании подобных же документов порой составлялись и обстоятельные «росписи» вновь открытых стран – «росписи», дополняемые чертежами (чертежи к нашему времени в большинстве случаев не сохранились). Примером типичной «росписи» может служить: «Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины, и сторонным рекам, которые впали в Лену реку, и сколько от реки до реки судового ходу, и пашенным местом, и роспросные речи Тунгусского князца Можеулка про Брацких людей и про Тунгуских и про Ламу, и про иные реки».

«...От усть Куты реки судового ходу по усть Туруки реки полдни; а на усть реки Туруки пашенных мест на 60 десятин, санных покосов на 300 копен; Турука

река впадала в Лену реку с правую сторону, течет из Камени; кочюют по ней ясачные Тунгусы Лалагирцы.

От Туруки реки до усть Иги реки ходу полтретья дни, впадала в Лену реку с левую сторону, течет из Камени; по ней кочюют ясачные Тунгусы Ладагирцы» (лалагирцы).

«...От реки Бота до реки Бичи полдни ходу, впадала в Лену реку с левую сторону, течет из Камени; на устье тое реки пашенного места на 100 десятин, сенных покосов на 800 копен; а по Боту и по Биче реке кочюют ясачные Тунгусы Налягири.

От Бичи реки день ходу, на той же стороне пашенного места на 150 десятин, сенных покосов на 1000 копен, от тех пашенных мест до реки Илги 3 дни ходу, в Лену впадала с правую сторону, течет из Камени; а по вершине кочюют многие Брацкие люди, да неясачных Тунгусов человек с 30.

От Илги реки до Тутуры реки 2 дни ходу, впадала в Лену реку с левую сторону, течет из озер; а на устье тое реки Тутуры выше и ниже на полднища ходу, по обе стороны Лены реки пашенных мест на 3000 десятин, сенных покосов на 2000 копен; кочюют по ней тунгусской князец Можеул, и на прошлой на 148 год и на нынешней 149 год он, Можеул, дал с себя ясак, а на вершине тое реки Тутуры того же Можеула улусные люди.

От Тутуры реки до усть Куленги 5 дней ходу, впадала в Лену реку с правую сторону, течет из Камени; а на устье той реки Куленги выше и ниже по днищу ходу, по обе стороны Лены реки пашенных мест по смете можно крестьян устроить человек 200 и болше; а кочюют того ж Можеулова улусы Тунгусы.

От усть Куленги реки до реки Онги судовым ходом 2 дня, а пешим день ходу, конем половина дни, впадала в Лену реку с левую сторону, течет из Камени;

а на устье той Онги реки по обе стороны живут Брацкие люди, а хлеб у них родится просо, и мы то просо, Васка Витезев, Курбатко Иванов с товарищи, у князца Можеуля видели.

...А в роспросе тунгуской князец Можеулко и его улусные люди про Брацких людей и про Ламу, что называют Брацкие люди Байкалом озером, и про вершину Тунгузскую, и про Шилку реку, и про Витимские вершины сказывали: живут де по Иголикте реке и по Ленской вершине неясачные Тунгусы Камчагири человек с 300; а Ленская де вершина от Иголикти реки недалеко, а сколько от тое реки до самой вершины Ленской ходу, и князец Можеул и Тунгусы не сказали, а течет Лена река вершина из ключей, а подошла та вершина Ленская к Ламе близко. А по Ламе и по Байкалу живут неясачные Тунгусы Кумчагири и Чилчагири, и иных родов много, а числа те Тунгусы им не знают, сколько их в роду; а соболей де у тех Тунгусов много. А на Ламе остров именем Ойхон, а ходу через Ламу до острова Ойхона судового день; а люди на том острову живут Брацкие многие, лошадей и всякого скота много, а хлеб у них родится просо; а с Ойхона острова на другую сторону Ламы судового ходу день же. А на другой стороне Ламы живут Брацкие ж люди конные, а Тунгусы оленные; а от тех деи Брацких людей в правую сторону по Байкалу к Енисейской вершине живут люди Точали скотные»¹.

Но те же сведения о неясачных и ясачных «иноземцах» должны были просачиваться на Русь и иными, не письменными и не официальными путями: через рассказы торговых, промышленных, служилых,

¹ «Дополнения к Актам историческим», т. 2. СПб, 1846, с. 246–248. См. также «Роспись Сибирским городам и острогам», около 1640 г., опубликованную А. А. Титовым в сборнике «Сибирь в XVII в.» (М., 1890).

гулящих людей, приезжавших временно или насовсем из Сибири. Они таким образом становились в какой-то мере достоянием и неслужилого населения.

Уже первооткрыватели «новых земель», собирая с их населения первый ясак, непременно составляли его «роспись» и поименный список тех, с кого он взят; обычно указывался и «род», к которому принадлежал каждый уплативший ясак, – тем более, что многие платили не только за себя, но и за свой «род» или за своих «улусных людей» (для некоторых оседлых и полuosедлых народов указывалась вместо «рода» «волость»). Так составлялись первые «книги ясачного сбора», которые потом хранились в приказных избах. Сначала ясак с туземцев «новых земель» взимался «неокладной» (т. е. что удастся с кого взять), но постепенно устанавливался «ясачный оклад»: твердая норма внесения ежегодно ясака, для одних народов – с отдельных лиц, для других – с целых родов. Местами производились настоящие переписи населения и их имущества (такую перепись сделал, например, якутский воевода Петр Головин в 1642 г.), и на основе их составлялись «окладные ясачные книги», где население было распределено по «волостям» и «родам». Хотя и с неизбежными пропусками вследствие несовершенства тогдашней статистики, но такие книги давали достаточно ясное представление о составе населения каждой области, о численности населения каждой отдельной «волости», каждого «улуса» или «рода». Мало того, в книги вносились и некоторые сведения об отдельных плательщиках, отмечались «князцы» (т. е. родо-племенная или полуфеодалная аристократия), иногда и «шаманы», также «холопы» (рабы), «захребетники» (зависимые люди), «улусные мужики»; отмечались родственные и экономические взаимоотношения между отдельными ясачными людьми (такой-то «живет» у такого-то «в работе» и т. п.).

Отмечалось (в некоторых книгах) и имущественное положение каждого ясачного плательщика, например (у якутов) количество скота, либо, при бесскотности, другой источник существования («кормится рыбой и сосной, а скота у него нет» и т. п.). Образцом такой чрезвычайно богатой по содержанию росписи может служить ясачная окладная книга Якутского уезда на 1648/49 г.¹

Ясачные книги дополнялись ежегодными «росписями» собранного ясака, где отмечалось наличие или отсутствие каждого ясачного плательщика («не сыскан», «помер», «сшел в дальние незнаемые места» и пр.), взятие с него ясака или недоимка. Эти ясачные росписи дают возможность проследить изменение численности населения из года в год по «волостям» и «родам». Составлялись и ежегодные «сметные списки» ясака, который надлежало собрать. Наконец, по мере роста недоимки ясака – ибо население часто разбегалось от поборов, а пушной зверь постепенно истреблялся – устраивались формальные «сыски» о ясачном недоборе, где, помимо всего прочего, подробно описывалось, в показаниях свидетелей, тяжелое положение населения, беспромыслица, порой эпидемии и пр.

Все эти ясачные документы, как и донесения первооткрывателей землепроходцев, бережно хранились в архивах Сибирского приказа или воеводских изб. Сохранившиеся в них сведения были достоянием лишь администрации, следовательно, лишь узкого круга лиц. Для позднейшей науки, однако, они составили и составляют ценнейший этнографический источник².

¹ Хранится в ЦГАДА (Москва), филиал Сибирского приказа, № 250.

² Полнее и лучше всех других исследователей воспользовался этим видом источников – ясачными документами – Б. О. Долгих в своей книге «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» («Труды ИЭ», т. 55. М., 1960), привлекая, конечно, в качестве вспомогательных и все другие доступные источники.

Накопление знаний о народах Сибири

Сведения о народах Сибири все прибавлялись и расширялись по мере продвижения русских на восток. Хронология поступления этих сведений примерно соответствовала порядку проникновения русских в земли сначала Западной, потом Восточной Сибири.

О народах средней и нижней Оби – «югре» («югричах»), т. е. остяках-хантах, и о «вогуличах», т. е. манси, – сведения имелись и до походов Ермака: с ними сталкивались, как мы знаем, и новгородские ушкуйники; более точные известия о них были получены после похода кн. Курбского и Ушатого в 1499 г. Но основная масса материала об остяках и вогулах, как и о «самояди» (ненцах), появляется с конца XVI в.¹ К тому же времени относятся и обильные сведения о татарах – основном населении Кучумова царства – и о татарских «волостях», лежавших далее к востоку и югу. Население этих «волостей» представляло собой в XVII в., по-видимому, племенные группы. Уже в первые десятилетия XVII в. русские знали не только татарские «волости» в бассейне средней Оби и Иртыша,

¹ Эти богатые источники по остякам и вогулам XVI–XVII вв. были обработаны С. В. Бахрушиным и легли в основу его исследования «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» (Л., 1935. Переиздано: С. В. Бахрушин. Научные труды, III, ч. 2. М., 1955). Впрочем, даваемая С. В. Бахрушиным интерпретация сведений этих источников, касающихся социального строя данных народов, вызвала возражения других историков и этнографов: Бахрушин полагал, что в них отразились уже раннефеодальные отношения; напротив, Н. Н. Степанов и В. Н. Чернецов считают такое толкование натянутым: по их мнению, остяки и вогулы стояли тогда еще на стадии патриархально-родового строя. Источники по ненцам-самоедам обработаны С. В. Бахрушиным в статье «Самоеды в XVII в.» («Северная Азия», 1925, кн. 5–6. См. также: С. В. Бахрушин. Научные труды, III, ч. 2).

но и «волости» томских, чатских, чулымских и других «татар», для которых административным центром стал основанный в 1604 г. Томский острог¹.

С начала же XVII в. русские служилые люди стали проникать и вверх по р. Оби и по ее притокам, в предгорья и горные области Алтая и Саян. Там они нашли скотоводческие племена теленгутов, телесов, на верхнем Енисее – киргизов. Князцы этих народов держали в зависимости от себя целый ряд охотничьих кочевых и полуседлых племен: «кузнецких татар» (шорцев), качинцев, керсагальцев, кизильцев, басагар, мундусов и др.² В свою очередь теленгуты, телесы и киргизы оказались в зависимых отношениях от более сильных владетелей, живших к югу от Алтае-Саянского нагорья: от «контайши» джунгар (ойратов, калмыков), от «алтын-хана» (хотохойтов). Так русские познакомились уже в начале XVII в. и с монголоязычными народами Центральной Азии. К ним стали посылать посольства. Русским служилым людям пришлось разбираться в сложной системе вассально-даннической зависимости, связывавшей между собой племена и народы Южной Сибири и Центральной Азии.

В те же годы появляются первые известия и о народах Восточной Сибири. О тунгусах стало известно еще в 1608–1609 гг.³ В дальнейшем, перейдя Енисей,

¹ Об этих народах см.: С. В. Бахрушин. Сибирские служилые татары в XVII в. «Исторические записки», т. I, 1938; З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII в. Томск, 1950; карту «волостей» Тобольского уезда, составленную К. Н. Сербиной с разделением на татарские, вогульские и остяцкие «волости» см. в приложении к 1-му тому «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, Л., 1967.

² См. С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. – Научные труды, III, ч. 2.

³ См. Акты времени правления царя Василия Шуйского. «Материалы имп. Об-ва истории и древностей Российских», вып. 2, № 57, 64, 66 и др.

русские вплотную соприкоснулись с тунгусами (эвенками), расселенными на огромном пространстве вплоть до Охотского побережья. Связь с тунгусами оказалась очень прочной: тунгусы, эти таежные кочевники, ходили с русскими отрядами в «вожах» (проводниках) и «толмачах» (переводчиках). От тунгусов русские узнавали и о новых дальних «землицах», о других, далее живших народах. И названия этих народов (якуты, юкагиры и др.), и названия местностей, рек попадали к русским чаще из тунгусского языка.

О бурятах русские служилые люди услышали впервые еще не дойдя до Енисея – в 1609 г.: в Томском остроге стало известно, что на востоке есть народ «братья», которые сами берут ясак с других племен. Но лицом к лицу русские увидели бурят в 1628 г., когда сотник Петр Бекетов, поднявшись вверх по Верхней Тунгуске, сумел преодолеть ее пороги и дошел до устья р. Оки. В течение 1630–1650-х годов русские обследовали все Прибайкалье и хорошо познакомились с бурятами.

Почти одновременно познакомились они и с якутами. О них впервые стало известно от тунгусов в 1629 г., и тогда же отряд служилых во главе с Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым перевалил с Нижней Тунгуски на Вилюй, где и нашел якутов. Вскоре же в «Якольскую землю» русские проникли и с юга, спустившись вниз по Лене (походы Ивана Галкина 1631 г., Петра Бекетова 1632 г.). В несколько лет все якуты были замирены, объясачены. Уже с 1630-х годов построенный в их земле Якутский острог сделался центром дальнейшего движения на юго-восток, восток и север.

В бассейн Амура первый большой поход был организован из Якутского острога в 1643 г. и возглавлялся письменным головой Василием Поярковым. Отряд Пояркова проплыл весь Амур вплоть до устья и через три

года вернулся другим путем в Якутск. Поярков привез с Амура сведения о новых неведомых народах: даурах (по-видимому, монголизированное тунгусское племя), дючерах (маньчжурах), «натках» (вероятно, гольды-нанайцы) и «гиляках» (под этим названием фигурировали, видимо, помимо собственно гиляков-нивхов, также ульчи). Почти тем же маршрутом прошел в 1651–1653 гг. торговый человек Ерофей Хабаров со своим отрядом; он упоминает частью те же, частью иные названия народов Амура: вместо «натков», например, он называет «ачанов», но, видимо, это был тот же самый народ – нанайцы¹.

Походы на северо-восток начались из того же Якутского острога вскоре после его основания. Поход Ивана Реброва на Яну в 1633–1641 гг. познакомил русских с юкагирами. Об отдельных юкагирских племенах бассейнов Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы, Анадыря имеется много упоминаний в известиях о походах 30–60-х годов. Там же русские встретили ламутов, живших смежно с юкагирами. В 40-х годах служилые люди (М. Стадухин) добрались до земли чукчей, а от них вскоре узнали о жителях островов и близлежащего Американского материка – о «зубатых» людях, – видимо, эскимосах, носивших костяные украшения в нижней губе. Почти одновременно, продвигаясь вдоль Охотского побережья на север, русские служилые встретили коряков.

Наконец, народы Камчатки стали известны русским в самые последние годы XVII в., когда вернулся из своего замечательного похода Владимир Атласов (1700) и в своих «скасках» дал обстоятельные сведения о ко-

¹ См. А. М. Золотарев. Из истории народов Амура. «Исторический журнал», 1937, № 7, с. 35; он же. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, с. 16–17.

ряках и камчадалах (ительменах). Таким образом, точно к концу XVII в. закончилось продвижение русских на северо-восток Сибири и сибирская администрация и московские власти могли располагать сведениями о всех народах Северной Азии.

Каковы же были эти сведения? Конечно, очень неодинаковые. Об одних народах известны были только их названия, примерные места расселения, иногда приблизительная численность. О других наблюдательные землепроходцы сообщали гораздо больше различных подробностей, чисто этнографических: об их хозяйстве, образе жизни, обычаях и пр.

Некоторые из таких ценных для этнографа сообщений уже приводились. Наиболее же богаты в этом отношении ставшие знаменитыми «скаска» (устные показания) казачьего пятидесятника Владимира Атласова, который первым из русских проник со своим отрядом на Камчатку. Вернувшись из трехлетнего похода (1697–1700) в Якутск, а затем в Москву, Атласов сообщил о новооткрытой земле и ее населении чрезвычайно подробные сведения¹. Две его «скаска» – одна, записанная в Якутске (1700), другая – в Москве (1701) – представляют собой прекрасный этнографический источник, не утративший своей ценности донныне.

В них затрагиваются все стороны жизни народов Камчатки: говорится об их внешнем виде, различном у каждого народа, о хозяйстве и материальном быте, о военной технике, об общественном укладе, об обычаях и верованиях. Вот несколько образцов этнографических описаний у Атласова:

¹ «Скаска» Атласова были опубликованы Н. Н. Оглобиным в 1891 г. в «Чтениях в Об-ве истории и древностей Российских» (1891, кн. 3). Перепечатано в сб. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» (Л., 1935) (далее – КПЦКЧ).

«Седячие пешие коряки» р. Пенжины: «...А ружье де у них – луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают которой у них есть богатой мужик. А товары де надобны им – железо, ножи и топоры и палмы, потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаютца они рыбою и аманатов не держатца»¹.

Олюторские коряки: «А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам»².

Камчадалы: «А за теми люторцы живут по рекам камчадалы – возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летные на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по два и по три и по четыре. А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменя кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно. А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашаная и олифляная, а сказывают они, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров – того не ведают. А веры никакой нет, только одни шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы – носят волосы долги»³.

¹ КПЦКЧ, с. 25.

² Там же, с. 31.

³ Там же.

«А вышеписанные иноземцы, – говорится далее о всех упомянутых народах, – державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче – того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся...»¹

Некоторые из сообщений Атласова порождают сомнения. Всего сомнительнее приводимые им данные о численности населения Камчатки. Трудно поверить, чтобы в одном месте скапливалось по 200–400 юрт. Но Атласов не раз возвращается к этому вопросу. Посланный им казак насчитал будто бы по одному только нижнему течению р. Камчатки (ниже впадения р. Еловки) 160 «острогов», по 1–2 зимних юрты в каждом и по 150–200 человек в юрте; таким образом, в одном этом месте жило, если верить сообщением, не менее 24 тысяч человек – цифра, явно неправдоподобная. Видимо, здесь налицо или ошибка, или, что вернее, сознательное стремление Атласова преувеличить свои заслуги, изобразив себя покорителем необычайно богатой и многолюдной страны². За исключением этих малоубедительных цифровых расчетов, остальные сообщения Атласова оказываются на поверку вполне правильными. Таково, например, его сообщение о гончарном производстве у камчадалов, не подтверждаемое ни одним позднейшим наблюдателем, но подтверждаемое археологическими раскопками: видимо, глиняную посуду камчадалы вскоре после прихода русских перестали делать и более поздние наблюдатели ее уже не видели.

Поразительно, с какой точностью, с каким пониманием отметил Атласов характерную черту общественного строя народов Камчатки – их общинно-родовые

¹ Там же.

² См. Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 569.

отношения, отсутствие принудительной власти, быт взаимно обособленных родов.

Этнографические сведения в судебных делах

Таковы были этнографические сведения о народах Сибири, поступавшие от землепроходцев – служилых и промышленных людей. Сведения эти, как уже сказано, становились достоянием очень немногих лиц, но они составляли как бы потенциальный источник познания народов нашей страны.

Ту же участь имели и этнографические материалы, поступавшие из другого, не менее ценного источника – от самого туземного населения Сибири. В архивах хранится очень много различных челобитных, подававшихся русским властям ясачными людьми по разным поводам. Подавляющее большинство челобитных принадлежит к двум категориям: это или жалобы на притеснения со стороны служилых людей, ясачных сборщиков, жалобы на обеднение, беспромыслицу, просьбы об уменьшении ясака, о сложении недоимок; или жалобы ясачных людей друг на друга – исковые челобитные, в большинстве случаев сопровождаемые судебным разбирательством – «сыском».

Эти документы, исходившие от самих народов Сибири, представляют, конечно, очень большую ценность как этнографический источник. Хотя текст их прошел через руки толмачей и подьячих и при этом мог подвергаться искажениям, но основная суть излагается в судебных и прочих челобитных обычно толково и правильно.

Однако этот вид источников охватывает не все народы Сибири. У охотничьих племен тайги, у олене-

водов тундры еще не был нарушен общинно-родовой уклад жизни, свои споры и распри они улаживали сами, по родовым обычаям, саморасправой, и избегали обращаться к царским властям; даже и на притеснения их служилыми людьми, на тяжесть ясачного обложения они редко жаловались, предпочитая уходить в далекие таежные дебри или сопротивляясь насилиям с оружием в руках. Зато остяки и вогулы на Оби, буряты в Прибайкалье, а особенно якуты в Ленском крае очень часто подавали челобитные с жалобами и исками не только на служилых людей и «прикащиков», но и друг на друга. Особенно много – буквально тысячи – таких исковых челобитных дошло до нас из Якутской воеводской избы; все они исходят от якутов. Многие из этих челобитных влекли за собой судопроизводство, «сыск», с привлечением свидетельских показаний, иногда с выездом на место для «досмотра» и пр. Эти судебные дела содержат в себе многочисленные и порой драгоценные сведения о разных сторонах быта и культуры якутского населения. Они в значительной мере изучены теперь исследователями¹. Но в то время этот источник, как и выше названные, оставался доступным только приказным кругам. Его тоже лишь условно можно включать в историю русской этнографии.

Для примера приведем все же несколько образцов тех чисто этнографических сведений, которые содержатся в судебных исках Якутской приказной избы XVII в.

В 1654 г. в эту приказную избу поступила следующая челобитная: «Царю государю... [титул] бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачный якут Кытаначко Нултукаев. Жалоба, государь, мне той же воло-

¹ См., например: С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв. Якутск, 1945; «Якутия в XVII в.». Якутск, 1953.

сти на якута на Делгеря Торева. В прошлом, государь, во 161 году [1652–1653] збежала у меня сироты твоего женишко мое имянем Делбек. И в нынешнем, государь, во 162 г. та моя жена объявилась у него, Делгере. И в нынешнем же, государь, во 162 г. он, Делгере, выдал ту мою жену за иного якута, за Елтека, неведомо за что. Милосердый государь... [титул], пожалуй меня, сироту твоего, вели, государь, на него, Делгере, в той моей женишке дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся».

Помета: «162 г. февраля в 25 день суд был. Ответчик сказал, что та женка пожила у него добровольно и вышла замуж за якута з Дибгенской (Дюпсюнской. – С. Т.) волости за Ендока Быина, а калыму де он за ту женку не имывал, а истец де тое женку покинул тому ныне лет с 15. А истец сказал, что от него сбежала года с три. А якут, который тое женку за себя взял, сказал, что он тое женку взял с воли. А женка сказала, что она за ним исцом не бывала. И по тем речам исцу в той женке отказать»¹.

Из этого документа (а подобных документов до нас дошли сотни) видно, что у якутов того времени брак составлял нередко предмет чисто материальных расчетов и женщина занимала в этих делах неполноправное положение.

Другой пример – спор о сенокосных угодьях. В том же 1654 г. поступила такая челобитная: «Царю государю... [титул] бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачный якут Нокочо Чермоков. Жалоба, государь, мне Мегинской волости на Девуниных холопов на Домолта Карелкуева, да на Енекая Бопуева, да на Чюдара Някыева. В нынешнем, государь, во 162 г. июля

¹ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.: Сборник архивных документов. Л., 1936, с. 208.

в 23 день они, Домолто с товарищи, отняли у меня, сироты твоего, 4 луга сенных покосов. Да они ж, Домолто с товарищи, били у меня, сироты твоего, холопа моего Курдюгея Ембонова и пальмами ево в трех местах голову просекли и правую руку прокололи. А те, государь, луга мои, а кошу на тех лугах лет з десять. Милосердый государь... [титул], пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, на тех Девуниных холопов на Домолта с товарищи в том их отъеме в сенных покосах и в бою и в увечье холопа моего дать свой царьский суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Помета: «162 г. июля в 29 день ответчик сказал, что он сек исца пальмою за то, что истец ево, ответчика, на огонь пихнул и руку у него сжег. И по тем речам ответчику учинено наказанье, бит кнутом на козле»¹. Из этого судебного дела видно, что у якутов были сенокосы, что эти сенокосы составляли предмет споров; видно также, что были «холопы» – рабы, которых хозяева заставляли, помимо других работ, косить сено.

В некоторых, хотя и очень редких, судебных документах встречаются, кроме передачи единичных фактов, также и некоторые обобщения, касающиеся туземного обычного права. Например, по поводу одного спора между двумя якутами о праве владеть «холопом» в 1673 г. возник вопрос о «купчей»: истец сказал, что у ответчика нет «купчей» на данного «холопа». Ответчик же возразил: «В нашей де орде, у нашей братьи якутов, как покупаем друг у друга холопей мужиков и баб и девок и робят, и приданных даем и емлем, а купчих и никаких писмяных крепостей на холопей до сего числа промеж нами не бывало. И в том де шлюсь на всю якутскую орду, на всех якутов»².

¹ Там же, с. 210.

² С. А. Токарев. Указ. соч., с. 101.

Несколько особняком стоит один документ, тоже относящийся к области туземного обычного права, — документ, возникший в известной мере из любознательности русских людей. Это запись обычного права ангарских бурят, сделанная в Балаганском остроге в 1693 г. «прикащиком» (управителем острога), сыном боярским Борисом Серебренниковым, со слов «лутчих Балаганских братцких мужиков». Побуждения к расспросу этих «лутчих мужиков» были у него, конечно, простые: узнать юридические обычаи местного населения для того, чтобы вернее разбирать поступающие на его суд дела. Для этого он и расспросил бурятских представителей: «которые преж сего братцкие мужики и жонки кого до смерти брацких мужиков и женок побивали, или у кого что крадывали... и как по их иноземскому преж обыклому делу о таких делах делано бывало, и как у них изначала повелось? Также хто кого обесчестит или изувечит, и тем людем наказанья ль чинены или за бесчестья и за увечья что имано?»¹. Но чисто практические побуждения к расспросу трудно отделить от некоторой любознательности русского человека к «обыклому делу» туземного населения: ведь недаром Борис Серебренников не только сам расспрашивал бурят, но и переслал сделанную запись своему начальству, енисейскому воеводе Стефану Коробину, а тот не замедлил отослать копию записи со своей отпиской в Москву. Можно считать поэтому, что здесь действовали и соображения «научного» интереса.

Самая запись² представляет и в наших глазах большой интерес. В ней кратко излагаются нормы обычного права бурят, состоящие в таксе уплат при тех или иных

¹ С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. «Исторический архив», II. М.—Л., 1939, с. 44—45.

² Там же, с. 45—46.

преступлениях или правонарушениях: за убийство свободного мужчины взимается пеня (головщина, по-бурятски «анза») в размере 66 голов скота, за убийство женщины – 33 головы, за убийство «холопа» или «холопки» – конь с седлом и уздой; за убийство, совершенное «холопом», его хозяин должен выдать его потерпевшей стороне «головой» либо «окупить» головщиной. Это та система «композиции» – материального вознаграждения за причиненный ущерб, – которая известна нам по «Русской Правде» и по западноевропейским варварским «Правдам», но в более архаичном виде, ибо тут компенсация идет вся потерпевшей стороне, а не представителям «государственной» власти; таковой здесь попросту и не было. Тем самым запись этой «Бурятской Правды» представляет и общеисторический, а не только местный интерес.

Этнографический материал в летописях, повестях и пр.

Все те записи, о которых до сих пор шла речь, могут быть подведены так или иначе под категорию официальных документов. Это были ведомственные записи¹. Но уже в XVII в. о народах Сибири начали появляться и другие сведения – неофициальные.

Они содержались в разных повествовательных сочинениях – летописях, хронографах, в разных «сказаниях» и «описаниях». Авторами их руководила, ви-

¹ Из других окраинных и пограничных областей нашей страны, по которым в XVI–XVII вв. накапливались ведомственные этнографические сведения, можно упомянуть Северный Кавказ. См. обстоятельную работу Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв.» (М., 1963).

димо, любознательность, приближающаяся к научному интересу.

Сочинения этого рода привлекали к себе внимание и дореволюционных историков. Более обстоятельно исследованы они советскими учеными А. И. Андреевым, С. В. Бахрушиным, М. О. Косвенем и др.¹ Дадим здесь их самый краткий обзор.

В «сибирских летописях», в частности в самой ранней из них, в так называемой Есиповской летописи (автор – Савва Есипов, дьяк сибирского митрополита), составление которой относится исследователями к 1636 г., имеется краткое введение, где рассказывается о народах Сибири и о некоторых из них даются кое-какие подробности. В одном из списков (Абрамовском) Есиповской летописи читаем: «По сих же реках жителствуют мнози языцы: Татаровя, Калмыки, Мунгалы, Пегая орда (нарымские селькупы. – С. Т.), Остяки и Самоядь и прочие языцы. Татаровя держат закон Мааметев, Калмыки же которого закону или отцов своих предание держат не ведомо, потому что и писма о нем не обретохом; Пегая же орда, Остяки и Самоядь закона не имеют, но идолом поклоняются и жертву приносят яко богу... Они же Остяки одежду имеют от рыбы. Самоядь же ядят олени и всякой зверь и гад. Сырядцы же Остяки ездят на псах, впрежены бывают в нарты, на далное расстояние; Самоядь же ездят на оленях, впрежены бывают в санки, а сани делают как человеку можно сесть, от земли вышиною в полчеловека...»²

¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928; М. О. Косвен. Материалы к истории русской этнографии XVII в. СЭ, 1955, № 1 и др.

² «Сибирские летописи». СПб., 1907, с. 242.

Следующий по времени этнографический обзор народов Сибири, составленный (по А. И. Андрееву) около 1645 г., – это рассказ «О Сибирском царстве и о царех того великого царства»¹. Здесь в исторический текст о завоевании Кучумова царства Ермаком вставлены краткие сведения о народах: «В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни. Первые Татаровя, таже Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы, Киргизы, Колмыки, Якуты, Мундуки (вероятно, Мундусы, один из алтайских родов. – С. Т.), Гвиляги [гиляки?], Гарагили [тунгусское племя Горагир?], Имбаты, Зеншаки [Инбатский и Земшатский роды кетов], Сымцы [сымские кеты], Аринцы, Моторцы, Точинцы [точи – одно из алтайско-саянских, вероятно, самоедоязычных племен], Сиянцы [саянцы, т. е. тувинцы], Чаландасцы [?], Камасирцы [камасинцы?] и иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же людие, аще и подобии образом человеком, но нравом и житием подобии зверем, не имеют же закона, овии бо кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам, сотворше бо от древа птицы, звери и змеи, и сим поклоняются, тем же разных языков и нравов люди»². Далее в отдельных местах текста разбросаны упоминания о народах: «Река, ей же имя Тура... по ней язык вогульский». «По Иртышу языцы Татарской, Колмацкой». «Колмацкие люди кочуют по иным рекам Сибирским». «По Обе языцы Остяцкой Цегия орды...» «...На той же реке Тазу град зовомый Тазовской и паки Мангазея, сиречь Самоядская земля, по той реке и во вся поморие язык Самояц-

¹ А. И. Андреев. Указ. соч., с. 97. Памятник напечатан Андреем Поповым в его книге «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (М., 1869, с. 398–404).

² «Изборник...», с. 401–402.

кой...» «По реке Енисее языцы Имбацкой, Земшайской, Сымской, Тунгуской. В Енисею же реку течет река Кемь, а по ней языцы: Аридской [аринцы], Моторской, Точинской». «Да от Енисея реки преходят сухим путем по многим местам на реку Лену, по ней язык Якуцкой». «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17 [выше перечислено большее число], а от разделения язык сии языцы како нарицалися, сего не вием [т. е. автор не в состоянии связать названия сибирских народов с названиями библейских племен и языков, разделившихся после «вавилонского смещения»], да и сами не ведают же, по своим языком писмен не имут, точию Татары имут по своему языку писание, и держат закон Моамедов, а Калмыцкий язык приемлют учение от лаб [лам] Китайского царства...»¹

Около 1675 г. было составлено «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы»². Как установлено Ю. В. Арсеньевым и подтверждено А. И. Андреевым, автором его был тот же известный нам Николай Спафарий. По сведениям А. И. Андреева, текст «Сказания» включен как часть в его «Описание Китайского государства» (см. ниже)³. «Сказание» интересно особенно тем, что в нем дано очень точное описание гиляков, о которых и в то время и даже гораздо позже было известно очень мало достоверного⁴. В «Сказании» сообщается, что против устья Амура в океане «есть остров великой [Сахалин];

¹ «Изборник...», с. 402–404.

² Напечатано Григорием Спасским в «Вестнике РГО» (1858), позже А. Титовым в сб. «Сибирь в XVII в.» как анонимное.

³ А. И. Андреев. Указ. соч., с. 32.

⁴ Рассказывалось, что гиляки держат лошадей, имеют пашни и пр. Это сообщалось не только в XVII в. (см. М. О. Косвен. Указ. соч., с. 134), об этом писал и Крузенштерн в начале XIX в.

а живут на том острове многие иноземцы гиляцкие народы. Юрты у них деревянные рубленые, а носят платья собольи и лисьи, и звериные кожаны, и ездят на собаках нартами зимою, а летом по водам в лодках, и держат в улусах собак по 500 и по 1000; питаются всяким зверем и рыбою; и медведей кормят в улусах для работы [?] мирно... И на устье амурском живут многие иноземцы гиляки...»¹. За исключением ошибочного сообщения о том, что медведей гиляки держат «для работы», в приведенном рассказе все соответствует действительности.

В «Сказании об Амуре» сообщается также о других народах тех краев, хотя более коротко: о «многих мунгальских народах с тайшами», о даурах, тунгусах, о «джючерах [маньчжурах], пашенных китайских людях» и пр.

Уже к концу XVII в. относится довольно содержательное «Описание новоя земли, сиречь Сибирского царства». Оно напечатано как анонимное в сборнике Титова «Сибирь в XVII веке». А. И. Андреев установил автора этого «Описания» – это был Никифор Венюков, подьячий Посольского приказа, дважды ездивший с посольством в Китай: в 1675 г. (со Спафарием) и в 1686 г. (с Федором Головиным). К этому последнему году и относится, по предположению Андреева, составление «Описания»².

Вслед за кратким изложением истории присоединения Сибири к Руси автор описывает отдельные области этой страны, особо отмечая ее естественные богатства, занятия жителей. Есть интересные описания быта, обычаев отдельных народов Сибири. Упоминаются, на-

¹ А. Титов. Сибирь в XVII в., с. 110–111.

² А. И. Андреев. Указ. соч., с. 29.

пример, жилища народов нижней Оби и Иртыша, остяков и других: «Зимние юрты деревянные в землях, аки в погребях, от великих мразов, а летные юрты имеют в иных местах над водами великими...»; описывается их одежда и обувь «с рыбьих кож... и со всяких птиц: проделывают же те кожи рыбьим жиром аки рогдугу мягкостию, которые отнюдь дожда не боятся». Далее говорится о пище. «А ездят зимним путем от юрт до юрт и до города, где кто ясак платит, нартами, на собаках и на оленях доморощенных, потому что на конях для великих снегов ездити невозможно. Княжцы же их и прожиточные ясачные люди в улусах и юртах своих имеют у себя по 100, по 200, по 300 и по 1000 оленей, а те олени питаются собою мхом и травую, и молоко у них доят на потребу свою»¹.

Подробные сведения сообщаются также о населении Алтая и прилегающих стран. В районе Кузнецкого острога, например, описываются «кузнецы» (позднейшие «кузнецкие татары», т. е. шорцы), обрабатывающие железо, и техника обработки кратко описывается; «а железо то кузнецкое и уклад велми добр, лутше свейского железа, и мяхко железо, аки свинец». «А по другую сторону реки Томи горы зело высокие каменные, и леса на них зело темные всякие [это знаменитая алтайская «Большая Чернь»], а около тех мест по рекам и по лесам живут государские ясачные люди, Татарове, Тубинцы, Мразцы, Кондомцы (мрасцы и кондомцы, т. е. жители рек Мрассы и Кондомы, притоков Томи, — это шорцы. — С. Т.), Верхние Киргизцы»². Довольно обстоятельно описаны и области, пограничные с Китаем. Сообщаются сведения о буддистской религии и цер-

¹ А. Тутов. Сибирь в XVII в., с. 73–74. Тот же текст см. «Сибирские летописи». СПб., 1907, с. 378–379.

² А. Тутов. Сибирь в XVII в., с. 79.

ковной организации – о «кутуфтах», ламах, их храмах и «болванах» (статуях богов)¹.

Это любопытное сочинение оставалось в России мало известно, сохранилось всего четыре списка его². Но оно было использовано в зарубежной литературе о России – у Витсена и др.³

Этнографические и картографические труды Семена Ремезова

Последнее и, вероятно, наиболее точное описание народов Сибири XVII в. дошло до нас лишь в обрывках. Оно принадлежит тобольскому сыну боярскому Семену Устиновичу Ремезову (около 1664 – около 1715 г.), которого иногда называют первым этнографом Сибири. Его географическим и этнографическим трудам по Сибири посвящены специальные исследования А. И. Андреева⁴.

С. Ремезов известен больше всего как составитель «Чертежной книги Сибири». Эта чертежная книга – своего рода атлас географических карт отдельных сибирских городов и уездов – была им составлена по поручению Сибирского приказа. В «приговоре» Сибирского приказа 1696 г. требовалось поручить «доброму и искусному мастеру» изготовить «чертеж всей Сибири», с указанием расстояний между городами и пр. На чертеже, между прочим, должно быть показано, «в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли»⁵. Нанесение

¹ Там же, с. 83–101.

² А. И. Андреев. Указ. соч., с. 29–30.

³ Там же, с. 30.

⁴ Там же, гл. 2 и 4.

⁵ Там же, с. 47.

этнографических данных диктовалось, таким образом, административными потребностями. Как указывает А. И. Андреев, на более ранних «чертежах» Сибири (они составлялись в 1629, 1667, 1673 гг.) почти отсутствовали пометки о народах¹. Выполнение этого поручения было возложено на Семена Ремезова (который уже был известен начальству как живописец – он расписал часовню для водосвятия на р. Иртыше). Ремезов начал делать эту работу в Тобольске, но не смог ее там закончить по нехватке материала и закончил позже, съездив в Москву. Чертежная книга была вполне готова к 1 января 1701 г.

Из карт «Чертежной книги Сибири» наиболее интересна для этнографа карта, составленная в сентябре 1698 г., – «Чертеж всех сибирских градов и земель», т. е. обзорная карта Сибири. На ней надписано много названий народов с довольно точным указанием во многих случаях их мест обитания или кочевания. Надписаны: «Земля Остяцкая», «Вогуличи», «Самоедь ясашна», «Немирная Самоедь», «Татар», «Чюлымцы», «Остяки» (близ устья р. Чулыма), «Карагайцы» (на р. Катунь), «Барабинцы», «Кочевья Калмыцкие», «Киргизы», «Алтырцы», «Татара» (в районе теперешнего Минусинска), «Земля Тунгуска», «Земля Якуцкая», «Микинцы» (около устья Олекмы), «Шаманы» (к западу от р. Анабары), «Ламутки», «Колымцы», «Дауры», «Царство Гилянско» (в низовьях Амура). Крайний северо-восток Сибири оказался начерченным очень неудачно: там не оказалось даже юкагиров, коряков, чукчей, а Камчатка показана островом. Смежные с Сибирью области Восточной Азии воспроизведены на карте лучше: там показаны «Земля Мугалска», «Земля Богдойска», «Китаиско», «Кореа», «Остров Япония». На карту попали и народы земель, лежащих к юго-западу

¹ А. И. Андреев. Указ. соч., с. 48.

от Сибири: «Казачья орда», «Каракалпаки», «Бухаря», «Хивинцы», «Ногаи», «Башкиры»¹.

Помимо составления «Чертежной книги Сибири», Ремезов составил (в 1698 г.) также «Описание о народах Сибири». Этот труд до нас в целом виде не дошел (или по крайней мере не разыскан), но, как установил А. И. Андреев, выдержки из него сохранились в «Черепановской летописи». Тобольский ямщик Иван Черепанов составил эту летопись в 1750-х годах, причем широко использовал в числе других источников «Описание о народах Сибири» Ремезова².

Судя по приводимым у Черепанова отрывкам, ремезовское описание сибирских народов было очень обстоятельным и точным. Вот что говорится в нем об обских осятках: «Остяцкая земля в четыре языка разделяется: первые обдоринские осятки с самоедами емлются, другие – кодские городки и князь [о]собой, третий – сургутские или Пестрая орда и князь [о]собой, четвертые под Нарымом осятки, жилья тако ж и язык их и князи [о]собые, в делех и пословицах во всем друг от друга разнствуют... А в их земли четыре города: Березов, Сургут, Нарым и Кецкой...»³

Труды Ремезова – как письменные, так и особенно картографические – получили известность довольно скоро, и не только ведомственную. Как указывает А. И. Андреев, «Чертежной книгой Сибири» пользовались иностранцы, жившие в начале XVIII в. в Тобольске, особенно Табберт-Страленберг. Через книгу Страленберга, изданную в 1730 г., плоды географо-этнографических трудов Ремезова вошли в европейскую науку.

¹ «Чертежная книга Сибири 1701 г.» Изд. Археографич. комиссии. СПб., 1882, л. 21.

² А. И. Андреев. Указ. соч., с. 111–115.

³ См. М. О. Косвен. Указ. соч., с. 142.

Этнографические сведения о Китае

Были и сочинения, целиком посвященные зарубежным странам Азии, в частности Китаю. Помимо «статейных списков» и других официальных материалов, о Китае говорилось в сочинении, озаглавленном «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Ин-деи». Оно было написано в Тобольске при участии воеводы Петра Годунова⁵¹. В «Ведомости» даются сведения о разных сторонах материальной культуры китайцев, о военном деле у них, об обрядах и верованиях.

Но самым выдающимся описанием Китая того времени является бесспорно сочинение Николая Спафария, путешествие которого через Сибирь нам уже известно: «Описание первья части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции». Это сочинение составляет для той эпохи поистине замечательное явление.

Если путешествие Спафария через Сибирь оставалось почти неизвестным, пока в 1882 г. не было опубликовано Ю. В. Арсеньевым, то описание Китая, напротив, пользовалось широкой известностью и многократно переписывалось. До нас дошло свыше 10 списков «Описания Китая», составленного Спафарием, а по некоторым указаниям их имелось гораздо больше¹: видимо, это сочинение удовлетворяло любознательности многих. Оно было в 1910 г. опубликовано Н. Ф. Катановым по списку, хранящемуся в Казани².

¹ См. А. И. Андреев. Указ. соч., с. 32.

² Н. Г. Спафарий. Описание первья части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910.

Спафарий пробыл в Китае всего несколько месяцев (вместе с дорогой туда и обратно – 10 месяцев; в Пекине он был три с половиной месяца); китайского языка Спафарий не знал. Можно лишь удивиться тому, как при этих условиях он успел собрать и систематизировать столь обширные и разносторонние сведения о Китае. Источниками ему служили как собственные наблюдения, так и сочинения европейских путешественников и миссионеров, побывавших в Китае до него¹.

«Описание первая части вселенныя» разделено на 58 глав. В первых 20 дается общее описание Китая, разных сторон государственного устройства, быта и культуры населения. Главы 21–56 содержат описание отдельных провинций («стран») Китая и больших городов. Главы 57 и 58 посвящены краткому описанию Кореи и Японии.

Вот несколько выдержек из описания разных сторон китайского быта:

Земледелие и скотоводство (из 7-й главы): «Первое убо дело у китайцев поставлено, пашни паче всего наблюдать, и почитают их паче всех иных ремесел. Говорят бо они, что без пашни человеку жити невозможно. И того ради пашенных они ничем не избегают, и о том у них крепкое постановлено уложение, понеже вся земля делана и пустого места ни мало сыщеша. Где же пески неплодные, тамо художеством своим они плодovitы делают. Также где безводные места, тамо везде копаны протоки из рек, и приведены в те места, и для того везде китайцы могут ходити по сушу и по рекам. Хлеб же у них родится всякой, не токмо пшено сорочинское, но и иные роды многие, которых и у турков не имеется, ржи же и не сеют. Скота же у них всякого довольно, коровы, овцы, козы и кони, а наипаче свиней у них много, а род у них особой, собою великие, чер-

¹ Там же, с. XLV–XLVI.

ные, уши большие, и без них никакого дому нет. Понеже китайцы иного мяса так сладко не ядят, как свиное, и для того они гораздо их в зиме и летом кормят до жирности, и вкусом наших сладчае. У инных же есть и кони, и мски, и ешаки, и при том еще собаки, которых у бояр, как пиршество бывает, первее поставляют, что собачие мясо продается дороже иных мяс. Есть же у иных всякие птицы, гуси, утки, курицы и голуби, и протчие, такожде боб и горох и чечевица, и иные таковые множество суть. А что же луку, чесноку, ретки [редьки] и моркови и иные травы, и того множество, не токмо бо разной рад есть, что и во всей Еуропе такового нет, ибо они многи ни чего не ядят, кроме травы [т. е. овощей]»¹.

О шелководстве и других изобретениях (из той же главы): «Шелку толикое множество у них родится во одной стране китайской, Хекеанг нарицаемой [провинции Чжецзян?], нежели во всем свете, понеже по дважды на год черви родят шелк. Пишут же старые их книги, что есть тому ныне 1500 лет, как почали в той стране промышляти, и то подлинно есть, что подлинно шелковой промысл от китайцов и иные государства научились, и не токмо то одно, но и пушки лити, и ходити по морю матицами [т. е. с компасом] навыкли такожде и книги печатати от китайцов во Еуропе научились...» Далее Спафарий столь же верно говорит о том, какими именно путями, когда и через кого проникли в Европу все эти китайские изобретения².

О женщинах, их наружности, обычае бинтования ног, свадебных обычаях и пр. (из 13-й главы): «Жены у них возрастом против мужей гораздо малы, а что же лицом чисты и красивы. Они же наипаче у жен смотрят

¹ Н. Г. Спафарий. Описание первья части вселенныя..., с. 23–24.

² Там же, с. 24–25.

красоты не на лицо, точию на ноги, которая бо у них имеет малые ноги, та и прекрасна есть. И того ради толко еще родится женский пол, и тот час ноги стеснят и свяжут всячески, чтобы отнюдь не росли более, и так у китайцов у жен их ноги маленькие, как робячьи, что едва могут ходити. Еще же смотрят, чтобы была малого возраста [роста] жена. И то удивительно, что в таком разумном народе сицевой худой обычай прившел, что теснят женские ноги, и того ради они муку великую терпят, чтобы тем угодити мужем своим». «Сватаются они гораздо разным обычаем от нашего потому, который скуден от народа, жену от родителей ея купит, и когда хочет и ее продаст. А честные и богатые люди тако: муж дает приданое жене, а родители женины против того же дают, или болше того, а ни жених не видит невесты, ни невеста не видит жениха, и никакого разговору между ними нет до времени, пока родители между собою чрез посыльщиков переговоят, и так сватовство проходит. После же того затворят невесту на носилках, и многие люди провожают, зажегши свечи хотя вполдни, приносят к жениху и дают ему ключи носилков, и он сам отмыкает, и какова она есть примет...»¹

Столь же подробно и обстоятельно описывает Спафарий и все другие стороны частной и общественной жизни китайцев. Описание он дополняет своими комментариями, историческими справками. Все изложение проникнуто духом уважения к культуре огромного и трудолюбивого народа, хотя многие обычаи китайцев автор и не одобряет.

Таково произведение, которое представляло собой бесспорно очень крупный вклад в этнографическое познание народов Восточной Азии. Это одно из самых ранних этнографических сочинений в мировой науке.

¹ Там же, с. 44–45.

Этнография в «Книге Большому Чертежу»

Известный географический справочник XVII в. «Книга Большому Чертежу» содержит гораздо меньше этнографических сведений, чем можно было бы ожидать. «Книга Большому Чертежу» представляла собой как бы пояснительный текст к генеральной карте («Большой Чертеж») Русского государства, до нас не дошедшей. Книга была составлена в 1627 г. на основе более ранних описей, а сама карта – на основе более старых чертежей, восходящих, как считают, к годам царствования Бориса Годунова. «Книга Большому Чертежу» была в широком употреблении в XVII в., да и позже, и с нее делались многочисленные списки, притом нередко с дополнениями: имеется до 40 сохранившихся списков¹. «Книга Большому Чертежу» содержит в себе очень обстоятельную и точную перепись географических пунктов – главным образом рек, с обозначением расстояний между ними и некоторых достопримечательностей. Упоминаются города, но мелкие населенные пункты называются редко.

Географическая осведомленность составителей «Книги Большому Чертежу» была, таким образом, значительной. Естественно было бы ожидать упоминаний и о населении, жившем по всем этим многочисленным рекам и речкам, – о народах и племенах. Однако такие упоминания чрезвычайно редки, по крайней мере в основных списках «Книги Большому Чертежу»: видимо, составителей книги эта сторона дела не интересовала.

В списках основной редакции «Книги Большому Чертежу» (их известно четыре, не считая одного позд-

¹ «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.–Л., 1950, с. 7, 194–198.

него) фигурируют названия народов, главным образом, лишь южной окраины Руси: большие и малые ногаи (кочевавшие тогда, как известно, в причерноморских, приазовских и прикаспийских степях), крымские татары, народы Северного Кавказа: «пятигорские черкесы», кабарда, и неясные для нас «окохи», «осохи», «минкизы» («мичкизы») и «кугени», далее «Можаров юрт», на р. Куме (по-видимому, Мажары были тогда еще обитаемы, хотя в XVIII в. они уже запустели); упоминается «кочевая казацкая орда»¹. Неоднократно упоминаются «татары» (явно крымские), их «перевозы и перелазы, которыми татаровя приходят в Русь»², а также «татарские мечети каменные»³. Частое упоминание этих южных соседей Руси вызвано, очевидно, тем, что они представляли собой тогда весьма реальную угрозу для безопасности южных окраин государства. Напротив, западные, северо-западные, северные, восточные соседи русских почти не фигурируют в «Книге Большому Чертежу». Там нет ни литвы, ни чуди, ни карел (есть г. Корела), ни зырян. Из народов Поволжья названы одни башкиры – причина, видимо, аналогична той, которая вызвала интерес к ногаям, татарам. Из народов Сибири упоминаются бегло «самоядь кочевая», «обдорские города», «югорские города» (или «югра») ⁴.

Умолчание о многих народах европейской части Руси вовсе не означает, что составителю «Книги Большому Чертежу» они были неизвестны: точное описание местностей, где они жили, свидетельствует об обратном. Видимо, все дело было в практическом назначении «Книги»: народы, от которых не ожидалось ника-

¹ Там же, с. 50, 86, 88, 90–92, 140, 146.

² Там же, с. 49 и др.

³ Там же, с. 65, 143, 145 и др.

⁴ Там же, с. 162, 170.

кой опасности, не представляли для ее составителей и интереса. Впрочем, по некоторым народам имеются не только упоминания, но и любопытные, хотя и краткие, этнографические сведения. Например: «А в Перекопи город каменной, а в нем живут крымские татары и крымчаня (вероятно, «крымчаки» – крымские евреи. – С. Т.), и наряд в городе есть... А пашню пашут на сей стороне Перекопи, и через ров в иных местах люди ездят. А от Перекопи до царева двора, которой двор на реке на Алме, а другой двор в Бакчисарае, верст с 90... А в тех дворах живет крымской царь... А в Бакчисарае полаты царицы, и поварня, и конюшни каменные; а стоит под горою низко. Да за царевым двором, версты з 2, церковь Пречистый Богородицы в Солодчиках [речь идет о предместье Бахчисарая Салачик]; а служат у нее гречаня. А которой двор на реке на Альме, и в том дворе одна полата да избы деревянные, обмазаны глиною, а стоит на берегу в винограде». «А от Перекопи до Бакчисарая и до Козлева [Евпатория], по обе стороны дороги, деревни татарские, а воды копаные колодези, а рек нет. А до Кафы от Бакчисарая верст с 60, а по обе стороны той дороги деревни же татарские, а воды копаные и родники есть. А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу»¹.

«...А к Бухару городу и во всю землю Бухарскую из Сыра реки розведены воды по пашням, для того, что там безводно...»²

«...А усть реки Белые Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральной горы и дале, все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют»³. (Видимо, восточные, кочевые

¹ «Книга Большому Чертежу», с. 65–66.

² Там же, с. 95–96

³ Там же, с. 139.

башкиры-скотоводы были мало известны составителям «Книги Большому Чертежу».)

Это все в основной редакции. В некоторых позднейших редакциях «Книги Большому Чертежу» этнографические сведения местами богаче. Например, в «Черкасской» редакции (1671–1673) есть такая запись: «По реке Ахтубе 90 верст от Царицына пошла Золотая Орда, где живали цари ордынские, владели и дани имали на великих князей Российского государства до Грозного великого князя Ивана Васильевича, и мечети и ныне татарские каменные и все полаты целы до днесь, сказывают на царе ве дворе и казны много и ныне, а взять невозможно никому»¹. В этой же редакции многократно упоминаются «лопские жилища», «лопари» («На усть Варзуги по обоим берегам 2 погоста, лопские жилища». «А на усть Сороки, где жил преподобный отец наш Зосима, тут погост лопской, в нем лопарей 3000»)².

Этнографические дополнения в «Тобольской» редакции (1673) касаются народов Сибири и смежных стран: упоминаются «мугальцы», «китайские люди», даже «Индийская земля за каменем»³. Упоминаются народы Алтая, но это упоминание свидетельствует лишь о том, что составитель данной редакции имел довольно смутные сведения об этих местах: «А Бия река течет из озера Тележского, а вдоль то озеро 5 дней [на самом деле оно гораздо короче], а поперег день [на самом деле наибольшая ширина озера всего 3–5 км], и около тех мест кочуют многие иноземцы саянцы, мундусы, калмыцы, телеуты, ямундусы, учуги, карагайцы»⁴. В этом списке некоторые имена стоят правильно (телеуты, мунду-

¹ Там же, с. 182.

² Там же, с. 183.

³ Там же, с. 187.

⁴ Там же, с. 188.

сы), другие подходят сюда лишь с натяжкой (саянцы, т. е. тувинцы, «калмыцы», т. е. джунгары), остальные либо искажены, либо порождены недоразумением. Прочие народы Сибири в данной редакции, а тем более в других, не упоминаются.

«Космографии» и этнографические знания о зарубежных странах

В наш обзор истории накопления этнографических знаний русских людей мы должны включить и те сведения о народах разных, в особенности европейских стран, которые проникали к русским читателям из переводных сочинений¹. В числе последних особенно важное значе-

¹ Сами русские люди вплоть до конца XVII в. в Западную Европу почти не ездили. Изредка бывали там царские послы, но их донесения («статейные списки» и пр.) содержали в себе лишь чисто деловые отчеты о выполненном поручении, о переговорах и т. п.; описаний посещенных мест, их населения, достопримечательностей там почти нет (см. «Путешествия русских послов XVI–XVII вв., статейные списки». М.–Л., 1954, с. 319, 325–326 и др.). Да и предназначались они, конечно, не для любознательности читателей, а для ведомственных целей – для Посольского приказа и правительства. Только в самом конце XVII в., с ранних лет царствования Петра I, начинаются поездки русских за рубеж с целью добыть знания и технические умения. В числе самых первых описаний таких поездок можно назвать записки о путешествии стольника Петра Андреевича Толстого 1697–1698 гг. Проехав через Польшу и Австрию в Италию, Толстой подробно описывает свои впечатления о Венеции, Неаполе, Риме, Флоренции и других городах, а также об о-ве Мальте («Русский архив», 1888, кн. 1, 2). Путешественник интересовался архитектурными и военными сооружениями, костюмами жителей, разными достопримечательностями. Одновременно был составлен «дневник путешествия» по Германии, Голландии и Италии в 1697–1698 гг., принадлежавший одному из участников «великого посольства», в составе которого был сам Петр I, – кажется, князю Б. И. Куракину (напечатан в «Русской старине», 1879, май); там имеются хотя краткие, но любопытные сведения о местных обычаях.

ние имели в XVII в. «космографии», т. е. землеописания, составлявшие излюбленное чтение русских образованных людей того времени. Эти «космографии» давали сведения, хотя и не одинаково точные, о всех странах, которые вообще были тогда известны европейцам.

На русский язык были переведены, в числе других, самые солидные из западноевропейских географических сочинений подобного рода: «Космография» фламандского географа-картографа Ортелиуса («Theatrum orbis Terrarum», 1571) и «Космография» еще более известного картографа Гергарда Меркатора («Atlas sive Cosmographiae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura», 1590–1606). Время перевода последнего сочинения относят к 1650-м годам; «Космография» Ортелиуса переведена, видимо, раньше¹.

Русский текст обоих сочинений представляет собой, собственно, не дословный перевод, а скорее переработку; многие места переводчик изложил самостоятельно, дополнив собственными сведениями².

Самое пространное из этих сочинений – «Космография», основная часть которой принадлежит знаменитому Г. Меркатору (1512–1595)³. Переводчик дополнил его из других источников и приложил самостоятельное краткое описание стран. Переводная часть «Космографии», получившая в литературе название «76-главной космографии», представляет очень обстоятельное описание всех известных тогда стран как европейских, так и внеевропейских, с изложением исторических, географи-

¹ Т. Райнов. Наука в России XI–XVII вв. М.–Л., 1940, с. 418–422.

² А. Попов, впрочем, считал, что переводчик сочинения Ортелиуса не вносил от себя никаких добавлений (А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 219).

³ См. «Книга глаголемая Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих». Изд. Об-ва любителей древней письменности. СПб., 1878–1881.

ческих и других сведений. Имеется и немало сообщений о быте народов каждой страны. Приложенная к переводу «Краткая космография», составленная русским автором, содержит в себе сжатое описание стран, опять-таки и европейских? и внеевропейских. В описании последних, впрочем, верные известия перемешиваются с баснословными: об острове, где «живут василиски, лице и власы девичьи, от пупа хвост змиев и крилаты», об острове, «в нем же человецы песьи главы» и пр.¹

Автор «Краткой космографии» выразил в тексте свое отрицательное отношение к неправославным религиям: по поводу многих народов он, хотя и сдержанно, говорит о «латинской ереси», о «вере проклятой махметовой», о «вере перской и мидской проклятой» и т. п.

Чтобы дать более ясное представление о том, что знали или могли знать положительного русские образованные люди XVII в. о народах зарубежных стран, изложу кратко содержание перевода сочинения Ортелиуса – «Козмография сииречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных»². В нем речь идет главным образом о странах Европы. О других частях света говорится лишь кратко и суммарно. Только о немногих странах Азии и Африки и о некоторых испанских колониях в Америке автор упоминает отдельно. Зато о каждой, даже мелкой, стране Европы имеется отдельный очерк. Описаны: «Британские острова – Английское и Шкодское государство» (сюда же включены острова «Гибридес»

¹ В подобном же тексте анонимного автора, изданном А. Поповым, в числе других стран упоминается и «земля девическая»: «потому нарицаются, что живут своей землею, все един женеск пол и к войне сами ездят и храбрость имеют мужескую, а оружия держат копыа долгие и мечи...» («Книга глаголемая Козмография...», с. 468). К русскому читателю XVII в. попала, таким образом, и древняя амазонская легенда.

² Изборник, с. 476–507.

и «Гиберния», т. е. Ирландия), «Португальское королевство», «Ишпалиенская земля или часть Андалузийския земли» (другие части Испании не упомянуты), «Галлия сииречь Французское королевство», «Уделы или князство Пиктавия под властию короля Французского» (провинция Пуату), «Земля или Битуригов удел под королем французским» (провинция Берри), «Лиманской удел под королем французским» (Лимузен?), «Князство Андегавенское под королем французским» (провинция Анжу), «Калетес и Бононионские уезды под властию короля французского» (Кале), «Вероминдейской уезд тако же под королем французским» (Нормандия), «Пикардейской удел ныне под властию короля французского, бывал прежде сего воинским образом от Ишпанских людей взят...», «Галлия или Француска земля Нарбонска наречена...» (Прованс), «Сабаудия сииречь Савойское княжество», «Германия сииречь Немецкое королевство; все земли или государства, которые немецким языком говорят, Германией именууют, а та Германия много государств и уделов и княжеств славных и сильных содержит в себе и имеют свою широту от моря Немецкого и Венедицкого до гор великих Алпес именованных, а в долготу от пристанища, которое ныне Калес (Кале) нарицают, до Вислы реки против востоку», «Княжество Люценбургское», «Брабанское княжество», «Намурская земля», «Артесия сииречь Валюнска земля», «Фляндрия сииречь Фляндерта», «Земля Зеляндия», «Голяндия сииречь Голяндерская земля», «Фрисия сииречь Фриская земля» (с подразделением на западную и восточную), «Тетмария» (Дитмаршен), «Пруссия, сииречь Пруская земля», «Саксония сииречь Саская земля», «Мансфелдское графство», «Гасия» (Гессен), «Голсация» (Голштиния), «Турингия», «Мисния» (Мейссен), «Бухавия» (область г. Фульда в восточном Гессене), «Графство Валдецийское», «Богемия»

мия сииречь Ческое королевство», «Селесия сииречь Слянская земля», «Моравия», «Аустрия сииречь Ракуская земля», «Бавария», «Нижайшая Баварская земля», «Нортговия сиречь Баварское воеводство другая часть Баварский земли», «Свевска или Швабская земля», «Валесийский уезд или удел» (?), «Гелвеция сиречь Швейцарская земля», «Графство Тиролское», «Италия сииречь Италианская земля», «Медиолянейское княжество», «Лигурийская земля», «Земля Педемонтана», «Падевский удел или Паталинский», «Апулия или Япигская земля», «Ляриус озеро Коменское нареченное», «О городе Риму», «Туския или Тускийская земля» (Тоскана), «Сенесии удел» (Сиена), «Марка Анконы», «Корсика остров», «Королевство Неаполитанское», «Сицилийский остров или королевство Сицилия», «Сардинийский остров», «Малта», «Елба остров», «Остров Корцира или Корфу», «Кандия или Крицкой остров», «Кипрус сииречь Кипрьский остров», «Остров Сталимене, преже сего Лемнос нареченный», «Греция – или Греческое царство», «Княжество Каринтийское и воеводство Горицкое», «Истрийская земля», «Зара, Себенико», «Гунгария сииречь Угорское королевство», «Трансильвания сииречь Сидмиградская земля», «Полское королевство», «Литовское княжество», «Змудское княжество», «Мазовецкое княжество», «Волынская земля», «Подолская земля», «Руская земля» (Галиция), «Волоская земля», «Скандия любо земли северные: та земля или остров содержит в себе трегубые королевства: Норвегию, Швецкую, Готскую и часть королевства Дацкого», «Русия, царя и великого князя Московского царство».

По поводу каждой из перечисленных стран сообщаются некоторые сведения, главным образом о естественных богатствах. Но во многих случаях говорится и о населении, об обычаях, культуре.

Вот что рассказано, например, о Франции: «...В том государстве город столный Парис нарицается, величеством богатствы и всякими вещми честен. Королевство есть плодovitое, хлеба, виноградов множество; в том же государстве в Ременской [Реймс] церкви есть суденко, в котором хрисмо неисчерпаемое для помазания королевского при венчании из неба сосланное. Другое чудо есть, что король французский дотнением самым железы и пухлины на шеи лечит, говоря теми словы: король до тебя дотыкает, а бог тебя уздравливает. Посреди того города течет река Секвана наречена. В том же городе училища суть по всем свете славные всяких наук философских, которые училища маткою наук нарицаются»¹.

О Германии: «И имеет то государство Немецкое хлеба всякого множество, виноградов, рек рыбных, исполненных ключей вод сладких и теплых, и руды златые и серебряные, свинцу и олова и меди в своих рудах имеет, и железа множество, и иным государством уступатися не подобает; понеже славою и честию и достоинством от бога украшено есть, к тому же и в людех добродетели многие и нравы боголюбивые, и платие подобно нраву их, и поспешество же и быстрость в воинских делех и благородство содержат»².

О восточной Фризии (Фрисландии): «Люди в той земле купечеством живут и мастерством всяком и паханием земли корыстным, со странными людми с суседними немецким языком говорят, а меж собою своим языком прироженным. Женской пол красовито ходят»³.

¹ Изборник, с. 484. Поверье о том, что король может возложением рук излечивать золотуху, сохранялось во Франции, как известно, вплоть до XIX в. Такое же поверье существовало и в Англии.

² Там же, с. 486.

³ Там же, с. 489.

О Швейцарии: «А коли в ту землю въедешь, тогда лутчи увидишь; на которых животин коров, овец множество пасется, от которых животин великий доход люди имеют. В той земли суть 13 уездов или городов, которые владеют всею землею. Та убо земля Гелвецкая есть анарха сииречь без начала и без власти, ни единому государству не исподанна, а егда лучится дело всему государству подобающее, тогда с тех 13 городов вместе съезжаются и о делах советуют и становят, потому что всякие думные своими города владеют, теми паки города соединенные меж собою крестным целованием»¹.

О Тоскане: «Прежде всего та земля Гетрурия наречена была, земля есть красовита, славна и богата народу, в божией службе цветущия, разума скорого к наукам всяким... Флоренция хороша и красовита, что видитца цветом Италиския земли...»²

В таком духе описаны и другие страны, их народы, их культура. Нельзя не отметить в этих описаниях, во-первых, поразительной точности приводимых сведений; во-вторых, бросается в глаза общий тон серьезного уважения к культуре, обычаям каждой земли. Русский переводчик не внес от себя слов осуждения даже по адресу неправославных вероисповеданий зарубежной Европы. Лишь в очень немногих случаях пользуется составитель темными красками в описании быта народа (например, на о-ве Крите «от давних веков [люди] лжи и збойству и иным коварством извычены»).

Если православное духовенство в старой Руси воспитывало свою паству в духе недоверия, вражды ко всем иноверцам, то светское образование уже в XVII в. несло русским людям совсем иной дух – дух уважения к народам иной культуры.

¹ Изборник, с. 494.

² Там же, с. 497.

РУССКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ В XVIII в.

Общие черты эпохи

«Знать свое отечество во всех его пределах, знать изобилие и недостатки каждого места, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также места, в каких они живут, с кем пограничны, что у них произрастит земля и воды и какими местами к ним путь лежит, – всякому, уповаю, небесполезно, а наипаче нужно великим людям, которые по высочайшей власти имеют попечение о благополучном правлении государства и о приращении государственной пользы, ибо когда известно состояние по всем вышеписанным обстоятельствам, то всякого звания люди имеют желаемую пользу»¹. В этих словах С. П. Крашенинникова, одного из крупнейших деятелей русской науки XVIII в., очень хорошо отразился дух всей эпохи – эпохи, начавшейся с первых десятилетий этого века. Начало ее ознаменовалось всего очевиднее великими преобразованиями Петра I,

¹ С. П. Крашенинников. Неопубликованное предисловие к «Описанию земли Камчатки». В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.–Л., 1949, с. 87.

когда во всех областях жизни России наметилось резкое ускорение темпа развития. Новые огромные задачи встали перед русским народом, задачи экономического сплочения страны, расширения ее рубежей, ускоренного освоения и роста ее производительных сил, реформирования государственного аппарата и всей административной системы, общего роста культуры.

Никто не понимал так глубоко этих новых задач, никто не сделал так много для их разрешения, как сам Петр. Быстрый рост наук в Петровскую и послепетровскую эпоху призван был служить прежде всего той же основной цели – всестороннему познанию своего отечества с тем, чтобы всемерно содействовать его росту и процветанию. Лучшие деятели русской культуры того времени – Татищев, Ломоносов, Крашенинников, Лепехин, Новиков – прекрасно понимали эту задачу. «Знать свое отечество во всех его пределах» – таков был лозунг эпохи для всех образованных людей, для всех людей науки. А в познание отечества естественно включалась и задача «знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их». Хотя этнография еще не выделялась тогда в особую науку, но задача этнографического изучения народов России, вместе с изучением самой страны и ее богатств, как видим, ясно сознавалась образованными русскими людьми.

Этнографического материала немало было накоплено и в предыдущие века. Но вплоть до конца XVII в. этот материал собирался главным образом с прикладными, чисто ведомственными целями: он и не предназначался для опубликования, а оседал в ведомственных архивах. Были, правда, исключения: некоторые сочинения последних десятилетий XVII в. писались с целью удовлетворения научной любознательности. Сюда от-

носятся «Historia de Siberia» Юрия Крижанича, «Описание первой части вселенныя именуемой Азии» Николая Спафария и почти не дошедшие до нас труды Семена Ремезова о народах Сибири. В этих произведениях чувствуется уже веяние духа новой эпохи.

Григорий Новицкий и первая этнографическая монография

Первые чисто научные исследования в России, включавшие и сбор и изучение этнографического материала, связаны были либо непосредственно, либо косвенно с деятельностью Петра I и большей частью проводились по его прямой инициативе.

Дух Петровской эпохи отчетливо ощущается уже в первой этнографической монографии на русском языке – и одной из первых в мировой литературе – «Кратком описании о народе остяцком» Григория Новицкого (1715). Этот Новицкий, из украинской казачьей знати, примкнувший к мазепинскому движению, но позже раскаявшийся, был сослан в Сибирь. Там он участвовал в миссионерских поездках митрополита Филофея (Феодора) Лещинского по средней и нижней Оби, к хантам (остякам) и манси (вогулам), в 1712–1715 гг., – а эти поездки, предпринятые по прямому указу Петра I (1710) о массовом крещении остяков, были началом новой политики петровского правительства по искоренению «языческих» верований среди народов Сибири. О быте остяков и частью вогулов и рассказывается в «Кратком описании». Любопытно уже само «предисловие ко читателю», где автор излагает свое намерение рассказать об остяцком народе, изобразить его «удивлению достойное странное житие и дивныя обычаи». Желая со-

общить «ласкавому читателю» о том, чему он был «самовидец», автор, видимо, руководился соображениями научной любознательности, ведь в более ранние времена авторы этнографических описаний обращались не к «читателю», а к своему начальству и побуждались к тому чисто служебными и практическими мотивами¹. Несмотря на изрядное количество витиеватой, учено-благочестивой риторики в стиле тогдашних южнорусских богословских поучений, сочинение Новицкого содержит чрезвычайно много интереснейшего конкретного материала: о хозяйстве, образе жизни, материальной культуре остяков, об их обычаях, верованиях. Быту и обычаям остяков посвящена 2-я глава «Краткого описания», религиозным верованиям и обрядам – 3-я. Первая глава содержит в себе общие сведения о Сибири и ее народах, истории присоединения ее к России. В главах 4–8 излагается история миссионерской деятельности Филофея и наблюдения автора – участника его поездок к остякам и вогулам. Несмотря на свое богословское мировоззрение, Григорий Новицкий проявляет поразительное по тому времени понимание особенностей быта наблюдаемого им народа. «Острое и скудное житие» этого народа, т. е. тяжелые условия его жизни, «нестерпимые человеческой природе», переносятся остяками, по мнению Новицкого, благодаря многолетней привычке и приспособлению: сам воздух, морозный от «льдистого окияну», всякому приезжему «несносен, ужасен, зловредителен, – народу же сему благоприятен, зане всегдашнее их тамо пребывание». Само описание быта остяков у Новицкого лишено высокомерного тона, свойственного многим «просвещенным» европейцам; автор только старается возможно точно изобразить быт

¹ Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяком. Новосибирск, 1941, с. 25.

народа, который «зело прост и гражданства всякого чужд»¹. Лишь к верованиям остяков автор не скрывает своего враждебного отношения, резко осуждая «зловение их, вящце, – самое беззаконие и самую крайнюю мерзость запустения»²; но, несмотря на это, даже и верования остяков описаны Новицким довольно толково. Автор интересуется и вопросом о происхождении остяков, считая их потомками переселенцев из Пермской земли, бежавших оттуда при Стефане (т. е. в конце XIV в.), чтобы избежать крещения. Он пытается объяснить и само имя «остяк» в духе наивной народной этимологии: «остяки – аки бы останки» (оставшиеся некрещеными)³. Говоря о вогулах, Новицкий пытается определить их сходство и различие с остяками.

Сочинение Григория Новицкого долго оставалось неизданным (оно было опубликовано только в 1884 г. Л. Н. Майковым⁴, вторично в 1941 г. Н. А. Квашниным⁵), но уже в XVIII в. материалы его вошли в научный оборот, хотя, к сожалению, и без имени автора, а через бывшего пленного немца Иоганна Мюллера, жившего в те годы в Тобольске и в 1720 г. напечатавшего в Берлине извлечение из рукописи Новицкого под своим собственным именем, без указания подлинного автора⁶; позже этот текст был переиздан в книге Вебера⁷, а также вошел

¹ Там же, с. 40.

² Там же, с. 53.

³ Там же, с. 38–39.

⁴ *Г. Новицкий*. Краткое описание о народе остячком. С предисловием Л. Н. Майкова. – «Памятники древней письменности», т. 53. СПб., 1884.

⁵ *Г. Новицкий*. Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941.

⁶ *Joh. B. Müller*. Leben und Gewohnheiten der Ostjaken. Berlin, 1720.

⁷ *Fr. Weber*. Verändertes Russland. Frankfurt–Leipzig, 1744.

в известное сочинение пленного шведа Страленберга¹. Этими материалами пользовался Г.-Ф. Миллер для своей «Истории Сибири», ссылаясь на Мюллера и Страленберга, но опять-таки не упоминая Новицкого².

Мессершмидт и его путешествия по Сибири

Чисто научный характер имело поручение, данное Петром данцигскому ученому, доктору Даниелю Мессершмидту, состоявшему с 1716 г. на русской службе. Он был в 1719 г. отправлен в Сибирь с целью вести там разнообразные исследования, как природы края, так и местных народов, их языков, памятников письменности и древности. С этим сложным заданием трудолюбивый и способный ученый хорошо справился: за семилетнее путешествие по разным областям Сибири, особенно по р. Оби и по Забайкалью (1720–1727), он собрал огромные и разнообразные материалы, записи, чертежи, карты, коллекции, передав все это в Академию наук в Петербурге, только что перед тем созданную, – в ее Кунсткамеру. По отзыву Г.-Ф. Миллера, участвовавшего в приемке этих материалов, результаты путешествий Мессершмидта «превзошли все ожидания». Однако большая часть коллекций погибла вскоре во время пожара (1747); рукописи же Мессершмидта были разобраны и изданы только частично акад. Палласом³, а археологические его

¹ *Ph. Stralenberg. Das Nord und Östl. Theil von Europa und Asien. Stockholm, 1730.*

² *Г.-Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.–Л., 1937, с. 188, 473.*

³ «*Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie*», Bd. 3. St.-Pet.–Leipzig, 1782, с. 105–158.

записи – позже Радловым¹. В большинстве же они и поныне ждут опубликования и, несомненно, еще обогатят науку большим ценным материалом².

Татищев и его роль в развитии этнографии

Необычайно ярким, типичным выражением эпохи «просвещения» в России была научная деятельность Василия Никитича Татищева (1686–1750). Особенно типичным в ней было то, что Татищев, подобно самому Петру, умел прекрасно связывать задачи научного исследования с чисто практическими целями, вытекающими из потребностей государства. Это не мешало ему, как и другим деятелям той эпохи, ценить чисто научные знания, понимать важность просвещения. Большую часть своей жизни – более 40 лет – Татищев состоял на государственной службе, сначала военной, потом на дипломатической, а далее главным образом на административной. Он был управителем горных заводов Сибири, советником Берг-коллегии, начальником Оренбургской экспедиции, астраханским губернатором и пр.; по делам службы он постоянно разъезжал по всей России и вел обширную переписку. Задачи своей административной деятельности он понимал очень широко,

¹ Сибирские древности, т. 1, вып. 1. СПб., 1888.

² В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.–Л., 1940, с. 25–30.

В 1962 г. в Берлине вышел в свет 1-й том дневников Мессершмидта, охватывающий первый этап его путешествия (1721–1722 гг.). Все издание материалов Мессершмидта рассчитано на 10 томов. Оно предпринято совместно Германской Академией наук в Берлине и Академией наук СССР: D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Bd. I. Berlin, 1962.

включая в них организацию всестороннего изучения края и всей России, изучения быта населения, его прошлого, его производительных сил и ресурсов. Все это охватывалось у Татищева общим понятием «география», куда включались и картографические работы, и изучение истории страны, тесно связанное с изучением ее настоящего состояния.

«Правительствующему Сенату довольно известно, – писал Татищев в 1739 г., – что географическое совершенное всего государства описание необходимо нужно и всякому знать полезно, для которого надобно все шляхетство, колико удобно, от младенчества в школах обучать, дабы, пришед в возраст и дослужась какого-либо чина в войске или гражданстве, удобней и порядочней о всех обстоятельствах пользы и вреда, избытков и недостатков, возможности и неудобства совершенно зная, благоразумно рассуждать и правильные заключения и определения подать мог, ибо без того правильно о том рассуждать не беструдно»¹.

Географию Татищев делил на четыре «качества» (или отдела): астрономическую, физическую, политическую и гисторическую²; в других работах он соединял политическую и историческую географию в одно. В задачи «политической» географии включалось и почти все то, что мы теперь понимаем под этнографией; Татищев видел предмет ее в исследовании «о народе, или обывателях, какую оной веру имеет, их нравы и обычаи, имеют ли собственные свои гражданские законы, привилегии или вольности, должности, преимущества или увольнение в чем-либо пред другими, – оные письменные или застарелые (т. е. по обычному праву. – С. Т.); какое светское или духовное начальство; какие

¹ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 98.

² Там же, с. 203.

промыслы или обилия к их довольству имеют, и в чем переизясчествуют»¹.

В течение многих лет Татищев неустанно и всеми способами собирал разнообразный материал о России и ее народах. Этнографическими сведениями наполнены многие его труды, из которых, правда, лишь небольшая часть была напечатана при его жизни, а некоторые остаются и поныне неизданными или даже неразысканными. Много интересного, например, в его «Общем географическом описании всея Сибири» (1736), к сожалению, оставшемся незаконченным, и как раз главы, отведенные, судя по оглавлению, отдельным народам Сибири, не сохранились либо не были написаны². В очерке «Руссия или, как ныне зовут, Россия» (1739) Татищев излагает сведения об этническом происхождении населения отдельных областей государства, о национальном составе населения губерний и провинций, о вероисповедной принадлежности разных народов³. Любопытные историко-этнографические сведения включены во «Введение к гисторическому и географическому описанию Велико-российской империи» (1744). Девятая глава «Введения» содержит в себе алфавитный перечень древних и современных народов России и попытку их классификации по языку и происхождению, а также по религии⁴. В «Истории Российской», над которой Татищев работал много лет (и она тоже осталась незаконченной), имеется обильный историко-этнографический материал, а попутно, в качестве параллелей, сравнений, Татищев вклинивает в текст и современный ему этнографический материал, например о верованиях и обрядах разных народов.

¹ Там же, с. 204.

² Там же, с. 36–76.

³ Там же, с. 107–137.

⁴ Там же, с. 171–183.

Особенно много этнографических сведений в «Лексиконе Российском» – первом опыте географического словаря России, над которым Татищев работал в 1744–1745 гг.; «Лексикон» был доведен до буквы «К», но и в этом объеме увидел свет только через полвека, в 1793 г., когда уже существовали другие географические словари (о них ниже). В «Лексиконе» Татищева, наряду с объяснением географических названий и разных терминов, даны и статьи об отдельных народах, притом по тому времени солидные.

Большую заслугу Татищева представляет то, что он крепко связал географию с историей. Тем самым и этнографический материал, входящий в географическое описание страны, освещается у него исторически. Татищев – отец русской исторической этнографии. До него вопросы происхождения народов, этнической истории так прямо и широко никем не ставились.

К вопросам происхождения народов Татищев подходил в основном с языковой точки зрения. Критикуя наивное библейско-генеалогическое понимание этногенеза, Татищев в противовес ему утверждает, что «происшествие народов» можно исследовать лучше всего путем сравнения языков: «разность и согласие языков» (т. е. взаимное их родство) – вот откуда можно узнать и исторические связи, и происхождение самих народов.

Поэтому и современные народы Татищев пытался классифицировать по историко-лингвистическому принципу. Правда, классификация получилась у него искусственная и непоследовательная: он выделял народы «славянские», «сарматские» (главным образом финноязычные), «татарские» (или «скифские»), наконец, «странноязычные», т. е. как бы особняком стоящие; в последнюю группу вошли тунгусские и палеоазиатские народы¹.

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., с. 173.

Но тут уже была не его вина – это зависело от полной неразвитости в то время лингвистической науки, сам же принцип был выбран правильно. Совершенно исключительный интерес представляет разработанная Татищевым анкета для собирания историко-географических сведений через местное начальство разных городов. Эта анкета была составлена и разослана в первый раз в 1734 г. и состояла из 92 вопросов. Во второй, расширенной редакции, выполненной в 1737 г., она содержала уже 198 вопросов. Вопросы эти, весьма разнообразного содержания, включали в себя и чисто физико-географические, и эконом-географические, и историко-этнографические сведения. В числе последних имеются очень детальные вопросы, касающиеся названий народа, его происхождения, антропологического типа, рода занятий и «ремесл», прежней организации власти, а далее – семейных и правовых обычаев, разных обрядов, верований и пр. Автор требовал особой тщательности и осторожности и в задавании вопросов, и в записи ответов. «Сии все обстоятельства испытать без принуждения, но паче ласкою и чрез разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно». «Остерегать же и то, чтоб кто от крещеных или иного народа умышленно в поношение или хвастание чего лишнего не прибавил, или истинного не убавил, дабы тем правости не повредил; понеже многие глупые лжами хотят себе честь или пользу приобрести, но в том всегда обманываются»¹.

В конце анкеты указывается на важность знания местного языка: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть». При этом автор считает самым важным основной словарный фонд языка: «слова такие, которые не легко переменяются, яко счисление... також: Бог, небо,

¹ Там же, с. 92.

солнце, месяц, огонь и прочие имена, не легко переменяемые, и чим более оных собрано будет, тем лутше»¹. Он настаивает также на точности фонетической записи слов местного языка.

Эта анкета, видимо, первая в истории мировой науки программа сбора географо-этнографических и историко-этнографических сведений. Нельзя не подивиться широте научного кругозора ее составителя, строгости и точности предписываемого в ней метода исследования.

Ответы на разосланную анкету поступали из разных мест; они были весьма неравноценны, однако Татищев смог использовать многое для своих историко-географических работ. Очень важно то, что татищевская инструкция была принята во внимание участниками большой Камчатской экспедиции, проводившейся как раз в те годы, – Миллером и его товарищами².

Общественное мировоззрение Татищева было чисто дворянским. Он сам был родом из крупных дворян, вращался в кругу служилой аристократии и ревниво относился к неприкосновенности «шляхетских» привилегий³. Но он был и горячим сторонником просвещения, противником церковного фанатизма, религиозной розни между народами. Он считал, что «разность вер великой в государстве беды не наносит», он хорошо понимал, что религиозные распри «ни от кого более, как от попов для их корысти, а к тому от суеверных ханжей или несмысленных набожников происходят, между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто не касается и ему равно, лютор ли, кальвин ли, или язычник с ним в одном городе

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., с. 94–95. См. также: А. И. Андреев. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. СЭ, 1936, № 6.

² Г.-Ф. Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 72.

³ В. Н. Татищев. Указ. соч., с. 202–203.

живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав, и потому с ним обхождение имеет»¹. Татищев ратовал за сближение русского народа с другими народами России и считал, что это сближение лучше всего происходит через экономические связи и через школу.

Экспедиция 1733—1743 гг. Миллер, Гмелин

В истории науки XVIII век иногда называют «веком великих экспедиций». Но ни в одной стране, ни тогда, ни в другое время, научные экспедиции не достигали такого огромного размаха, как именно в России. Это явление отнюдь не случайно: оно опять-таки связано с общими условиями эпохи, когда потребности экономического и политического укрепления обширной страны диктовали ее всестороннее изучение. Для развития русской этнографической науки эти экспедиции сыграли чрезвычайно важную роль. Большая часть их была организована и проводилась Академией наук, основанной в 1725 г., — ведь вся деятельность Академии и имела главной целью всестороннее изучение России.

Из целого ряда следовавших одна за другой экспедиций одни представляли собой отдельные поездки ученых с ограниченными задачами, другие разворачивались в громадные многолетние предприятия с широко поставленными целями, с большим числом участников, с централизованным планом и руководством. Общее число экспедиций, считая и отдельные научные поездки, было очень велико: в исследовании В. Ф. Гнучевой

¹ Н. Н. Степанов. Татищев и русская этнография. СЭ, 1951, № 1, с. 153–154.

«Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках» (1940) собраны сведения о 50 таких экспедициях за один XVIII в., но перечень этот не полон, ибо сюда не вошли ни плавания русских моряков к берегам Америки после 1741 г., ни местные, порой очень плодотворные экспедиции, как, например, поездки сержанта Пестерева в Саянский край в 1770-х годах, поездка сержанта Попова на Виллой в 1790-х годах. Каждая из этих экспедиций и отдельных командировок что-нибудь давала и для прироста этнографических знаний о народах России. Но наиболее плодотворны были в этом отношении два огромных научных предприятия: «Великая северная экспедиция» (или 2-я Камчатская) 1733–1743 гг. и «Физическая экспедиция» (или «Академическая») 1768–1774 гг.

«Великая северная экспедиция», первая из крупных экспедиций, организованная Академией наук, имела основной задачей, как обычно считается, открытие морского пути в Америку и исследование связи ее с Азией; это была, кстати, уже третья попытка разрешить эту задачу после двух неудачных (1719 г. – экспедиция Евреинова и Лужина, и 1725–1728 гг. – 1-я Камчатская экспедиция Беринга). Но на этот раз участникам экспедиции были поставлены гораздо более широкие задачи: сверх указанной, также обследование и описание северного побережья Сибири и – что для нас самое существенное – целой группе ученых было поручено производить исследования в самой Сибири, исследования ее природы и жителей. Во главе этого «сухопутного» отряда экспедиции был поставлен историк Г.-Ф. Миллер, которому была дана Академией особая инструкция, краткая, но рассчитанная на чрезвычайно широкий охват изучения.

В инструкции Миллеру и его товарищам предлагалось: «1) ...наипаче наблюдать... где будут пределы каждо-

го народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собой смешаны, или нет; 2) какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, преселения, дела и проч.; 3) какая есть в каждом народе вера, и имеют ли они какую-нибудь естественную?.. 4) должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и проч.; 6) об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, например: переводы Господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена...» и т. д.¹ Иначе говоря, имелось в виду обширное историко-этнографическое изучение народов Сибири. Помимо этой краткой инструкции, Миллер и его товарищи пользовались, как уже говорилось, и подробной программой, составленной Татищевым.

Участниками «сухопутного» отряда экспедиции были: профессора Академии Герард-Фридрих Миллер и Иоганн-Георг Гмелин, адъютант Академии Георг Штеллер (Стеллер), студент Степан Петрович Крашенинников, магистр Иоганн Фишер, переводчик Якоб Линденау. Большинство этих ученых было родом из Германии, они были приняты на службу, как это нередко тогда делалось, в Петербургскую Академию наук: на первых порах русских сил не хватало. Несмотря на нередкие трения между участниками экспедиции, несмотря на неполадки в ее организации, почти все названные лица добросовестно отнеслись к своим обязанностям и обогатили науку множеством сведений, важных для этнографии народов Сибири.

Г.-Ф. Миллер, добровольно предложивший свое участие в трудной экспедиции, изъездил в течение 10 лет всю Сибирь вплоть до Мангазеи, Якутска и Нерчинска. Всюду он составлял маршруты пройденного пути с опи-

¹ Г.-Ф. Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 460–461.

санием всяких достопримечательностей; осмотренным древностям – могилам, писаницам и пр. – он посвятил особые статьи; в каждом из сибирских городов он обследовал архивы, выбирая из них все, что считал важным для истории; большое количество архивных документов было по его приказу переписано его помощниками или местными подьячими: эти «миллеровские копии» (в количестве 34 переплетенных томов) теперь хранятся в Архиве Академии наук СССР и представляют незаменимый исторический источник, так как многие подлинные документы с тех пор погибли. Знакомясь с местными народами в разных частях Сибири, Миллер записывал образцы их языков, составлял словари: в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) хранится более 30 таких словариков, некоторые из них охватывают по несколько диалектов¹.

Оставил Миллер немало и чисто этнографических статей и заметок. Таковы «Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному особливым известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно», «Некоторые вопросы на ответы, необходимые при описании сибирских народов», ряд мелких заметок под общим заголовком «Descriptiones gentium sibiricarum»². Но главный труд Миллера, над которым он работал многие годы и для которого все остальное было у него лишь черновым материалом, – это его «История Сибири» – обширный свод всего известного в то время и собранного участниками экспедиции материала по истории этой страны. Историко-этнографические сведения – о происхождении отдельных народов, их взаимных связях и пр. – включались Миллером в этот труд довольно щедро.

¹ Г.-Ф. Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 561–562.

² Там же, с. 560–561.

Хотя имя Миллера как историка Сибири было хорошо известно и в XVIII в., и позже, но собранный им этнографический материал не получил должной известности. Даже и главный его труд был опубликован только частично¹; полное издание со всеми дополнительными материалами предпринято лишь в советские годы². Этнографические же очерки Миллера в большей части своей еще ждут опубликования.

Сотоварищ Миллера, натуралист Гмелин, странствовал по Сибири в течение тех же 10 лет (1733–1743), и часть пути оба ученых проделали вместе. Гмелин посвящал основное внимание естественнонаучным исследованиям – флора, фауна, минералы, но он с интересом наблюдал и быт народов Сибири. Таких наблюдений много содержится в его четырехтомном труде «Reise durch Sibirien» (Göttingen, 1751). Это сочинение осталось непереведенным на русский язык, так как царское правительство усмотрело в нем вещи, обидные для своего престижа. Из этнографических записей Гмелина наибольший интерес представляют те, которые относятся к западносибирским татарам, хакасам, тунгусам, бурятам, якутам.

Этнографические труды Якова Линденау

Наиболее богатые этнографические материалы были собраны одним из самых незаметных участников

¹ Г.-Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена, кн. 1. СПб., 1750. Продолжение (главы 6–8) печаталось в 1764 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». На немецком языке главы 6–9 были напечатаны в «Sammlung Russischer Geschichte» (Bd. 8, 1763).

² Г.-Ф. Миллер. История Сибири. М.–Л., т. 1, 1937; т. 2, 1941.

экспедиции – Яковом Линденау. Он числился простым «переводчиком» при Миллере и выполнял отдельные его поручения, но позже работал и самостоятельно. Историки «Великой северной экспедиции» упоминают обычно о нем лишь вскользь или даже совсем не упоминают. По недостатку сведений трудно представить себе ясно, как протекала его деятельность в качестве участника экспедиции, тем более что собранные им материалы до сих пор не опубликованы. В «миллеровских портфелях», хранящихся в архиве в Москве (ЦГАДА), содержится целый ряд «тетрадей», написанных рукой Линденау. Среди них и описания отдельных маршрутов по Сибири, пройденных Линденау большей частью самостоятельно, и «Изустные сведения о реках: Анадыре, Колыме, Алазее и Индигирке, о впадающих в них других реках, об острогах, лежащих на них, и о племенах, заселяющих их берега» и пр. Но наибольшую ценность представляет целый ряд монографий об отдельных народах Сибири: о якутах, ламутах, тунгусах, коряках, бурятах, а помимо того – более краткие заметки о юкагирах, о кузнецких, качинских и канских «татарах»¹. Эти описания были составлены Линденау по материалам, собранным им самим на местах в 1741–1745 гг. Источниками служили для Линденау как расспросы местных жителей, их предания, так и архивные документы (в переписке которых он участвовал по распоряжению Миллера) и, наконец, собственные «полевые» наблюдения.

Чтобы дать примерное понятие о ценности названных монографий, изложим коротко содержание одной из них, посвященной якутам. Это тетрадь на 94 страницах, текст разделен на 25 глав².

¹ Г.-Ф. Миллер. История Сибири, т. 1, с. 552–563.

² ЦГАДА. Портф. Миллера, 511, II, тетр. 3.

1-я глава – «О якутах и их происхождении»: здесь излагается, по собственным якутским преданиям, частично дополненным письменными известиями 1630-х годов, подробная (хотя, конечно, нуждающаяся в критике) история переселения предков якутов с юга, с экскурсом в область вопросов этнического родства якутов с тюркоязычными народами Южной Сибири; история происхождения отдельных родов, родословия их предводителей – тойонов; рассказывается о войнах знаменитого Тыгына, о войнах якутов с тунгусами; подробно говорится о первой встрече с русскими. Весь этот материал – самая ранняя подробная запись якутских этногонических преданий – представляет огромный интерес. Сам Линденау, однако, излагая его, проявляет необходимую критическую осторожность: он оговаривается, что не может ручаться за достоверность всех преданий и считает необходимым проверять их по документам «в канцеляриях», т. е. в архивах. Здесь же приводятся и статистические сведения, извлеченные, видимо, из ясачных книг, – о численности населения отдельных улусов и дальних областей, тяготеющих к острогам и зимовьям, и о платимом ясаке.

2-я глава посвящена физическим и психическим свойствам якутов, 3-я – названиям якутского и соседних народов, 4-я – внутренним подразделениям среди якутов, в том числе классовым группам. Далее идет описание материальной культуры: в 5-й главе говорится о жилищах, в 6-й – об одежде, в 7-й – о пище и напитках, в 8-й – об утвари. Все эти стороны материальной культуры описаны очень обстоятельно. В 9-й главе сообщаются сведения о якутском скоте, в 10-й – о разных названиях жеребят и телят, в 11-й – о седлах и санях, в 12-й – об оружии. Следующие главы посвящены общественному быту: в 13-й главе рассказывается о свадебных обычаях и обрядах, в 14-й – о взаимоотношениях полов,

беременности и рождении детей, в 15-й – об именах, даваемых детям, в 16-й – о разводе и о воспитании детей, в 17-й – о правовых обычаях и наказаниях. Затем следует то, что можно назвать духовной культурой; 18-я глава посвящена времяисчислению, 19-я – пляскам и состязаниям, 20-я – празднику «ысыях», 21-я – шаманам и их деятельности, 22-я – жертвоприношениям, 23-я – погребениям и вере в загробный мир, 24-я – вере в Бога, ангелов и черта, наконец, 25-я – мифам о сотворении мира и представлениям о небесных явлениях.

Такова монография Якова Линденау о якутах. Это поразительное по полноте и всесторонности этнографическое описание оказывается в то же время и весьма точным: в нем очень мало мест, которые не были бы впоследствии подтверждены исследованиями этнографов. Данная монография, написанная в сущности рядовым, ничем не знаменитым участником экспедиции, свидетельствует об одном: об очень высоком уровне, достигнутом наукой в России уже в середине XVIII в. Из других этнографических работ того времени один только труд Крашенинникова, о котором будет речь ниже, стоит выше по своему научному уровню. Если же сравнить с зарубежными этнографическими описаниями, то и из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству с описанием якутов у Линденау.

Описания других народов – бурят, тунгусов, ламутов, коряков – уступают, правда, изложенному по полноте и обстоятельности, но они стоят тоже на высоком уровне.

Крашенинников и Штеллер

Особняком протекала работа «камчатского» отряда экспедиции. На Камчатку должны были ехать сами

руководители экспедиции, профессора Миллер и Гмелин, но дело обернулось так, что они туда не попали, а вся огромная работа по всестороннему исследованию этой самой отдаленной и тогда еще совсем неизвестной окраины Сибири легла на плечи молодого ученого, студента Степана Петровича Крашенинникова, проведенного на Камчатке около 4 лет, с октября 1737 по июнь 1741 г. Последние полгода у него появились и сотрудники – адъюнкты Академии, натуралист Георг-Вильгельм Штеллер, приехавший на Камчатку в качестве заместителя Миллера и «начальника» по отношению к Крашенинникову, и помощник его Горланов. После полугодовой совместной работы Крашенинников и Штеллер почти одновременно покинули Камчатку. Результатом работы «камчатского» отряда было появление в 1755 г. в Петербурге знаменитого труда Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и в 1774 г. в Германии (Франкфурт и Лейпциг) книги Штеллера «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka».

Уже тогда, в XVIII в., был поднят вопрос о том, кому из этих двух ученых принадлежит приоритет и главная заслуга в изучении Камчатки и ее жителей. В немецкой литературе была сделана попытка закрепить приоритет за Штеллером: Крашенинников был будто бы его учеником и помощником и к тому же воспользовался его, Штеллера, материалами; так заявлял, в частности, издатель книги Штеллера Шерер. Но уже и в иностранной литературе давно признано, что дело обстояло скорее как раз наоборот. Оно обстояло фактически следующим образом.

Крашенинников приехал на Камчатку уже хорошо подготовленным исследователем. Перед тем он в течение 4 лет – с самого начала экспедиции – работал вместе с Миллером и Гмелином, под их руководством,

совершил с ними и самостоятельно по их поручению ряд поездок в отдельные места Сибири и уже написал по материалам этих поездок более двух десятков статей, заметок и «рапортов» (отчетов). Его руководители были высокого мнения о способностях, энергии и добросовестности молодого ученого. Отправляя Крашенинникова одного на Камчатку, Миллер снабдил его подробной инструкцией, а вдогонку послал вторую – специально по этнографии («Вопросы при описании народов и их нравов и обычаев»). Но не только эти инструкции, а прежде всего собственные блестящие способности и неутомимая энергия Крашенинникова привели к результатам, которые превысили все возможные ожидания. Прибыв на место, Крашенинников в очень тяжелых материальных условиях развернул кипучую работу и за три года, изъездив Камчатку вдоль и поперек, собрал огромный и разнообразный материал, как физико-географический, так и историко-этнографический. Осенью 1740 г. приехал на Камчатку Штеллер и сейчас же по приезде обратился к Крашенинникову с «ордером» (приказом) как к своему подчиненному: «быть вам у меня в команде», – писал он ему и потребовал сдать весь собранный материал вместе с отчетом. Крашенинников безропотно подчинился, отдав плоды своих трехлетних трудов. Штеллер пробыл на Камчатке только полгода. Будучи способным и наблюдательным исследователем, он, конечно, тоже собрал некоторый материал, – и в его сочинении есть нечто, дополняющее описание Крашенинникова; но в значительной части он просто использовал материал последнего, хотя и не считал нужным на него при этом ссылаться; надо сказать, что такой образ действий и в те времена, как и теперь, не считался совместимым с научной этикой. Но Штеллер умер (в 1745 г.), оставив свой труд в рукописи, которая

была доставлена в Академию наук. Начальство Академии обязало Крашенинникова – тогда уже профессора Академии – при доработке своего собственного труда включить в него дополнения из рукописи Штеллера. Несмотря на некоторую странность этого требования, Крашенинников и на этот раз подчинился. Заимствованные из рукописи Штеллера места он снабдил добросовестными ссылками на источник. Большинство этих заимствований, впрочем, мелки; более существенные относятся по преимуществу к естественнонаучным наблюдениям, но и здесь только одну главу – 10-ю первого тома, «О Америке», Крашенинников изложил целиком по материалам Штеллера, ибо сам в плавании к берегам Америки не участвовал. В отношении же камчадалов Крашенинников чаще приводит мнения Штеллера, чем его фактический материал, и местами соглашается с этими мнениями, местами критикует их.

Таким образом, не умаляя и заслуг Штеллера в исследовании Камчатки, надо сказать, что собранные им материалы по количеству и полноте во много раз уступают исследованиям Крашенинникова, хотя в некоторых вопросах дополняют их. Пальма первенства во всех отношениях принадлежит по праву Крашенинникову.

Его «Описание земли Камчатки», несомненно, является наиболее замечательным произведением в этнографической литературе XVIII в., не только русской, но и мировой. Да и в более позднее время трудно подобрать ему равную по полноте и серьезности этнографическую монографию. Перед нами не просто большая груда фактического материала, а подлинное исследование, пронизанное единым взглядом, построенное на строго критическом отношении к источникам.

Из четырех частей (сведенных в два тома), на которые распадается труд Крашенинникова, первые две

посвящены физико-географическому описанию Камчатки, 3-я часть – «О камчатских народах» – целиком этнографическая, в 4-й излагается история Камчатки со времени ее присоединения к России. Впрочем, и в этой последней части, и в первых двух имеется интересный этнографический материал. Чисто этнографическая 3-я часть состоит из 22 глав, из которых три первых касаются общих вопросов – этнического состава населения, названий народов, вопроса об их происхождении и «прежнего состояния камчатского народа». Следующие шесть глав посвящены описанию хозяйства и материальной культуры камчадалов (ительменов), одна глава – военному быту, дальнейшие девять глав – общественному быту и духовной культуре, включая описание верований, обрядов, праздников и пр. В 20-й главе приводятся словари трех основных диалектов языка камчадалов, в 21-й главе говорится «о коряцком народе», в последней 22-й – «о курильском народе». Описание этих двух соседних с камчадалами народов значительно более кратко, но очень рельефно, так как построено на сравнениях, на выделении сходств и различий. Источниками, на которых основано исследование Крашенинникова, были по преимуществу его непосредственные «полевые» наблюдения, сопровождаемые расспросами местных жителей. Расспросы велись, конечно, через толмачей, однако Крашенинников старался собирать материал и по местным языкам, составляя по крайней мере их словарики. Для исторической части им использованы и документы из местных архивов.

Для Крашенинникова изучение народов, их быта, обычаев, т. е., говоря нашим языком, этнографическое исследование, составляло неотъемлемую часть познания своего отечества. А это познание Крашенинников, горячий поборник просвещения, считал делом чрезвычайно

важным. «Российское государство сколь есть обширно, – писал он в предисловии к своему труду, – сколь изобильно всем, что касается до человеческого удовольствия, столь и многими народами обитаемо, которые, хотя по большей части житием, языком, законом и нравом между собою разнствуют, однако поныне не токмо точное состояние каждого порознь, но и имена их не всякому известны...»¹

Различия в быту и культуре между отдельными народами отнюдь не казались Крашенинникову случайными и беспричинными. Напротив, у него была на этот счет вполне определенная точка зрения. В духе господствовавшей в XVIII в. просветительной философии Крашенинников видел в жизни народов постепенный прогресс разума. Отсталые народы – это те, среди которых еще недостаточно распространилось просвещение. Вместе с ростом последнего возрастает и культура народа, которая начинается с самых низших форм и постепенно доходит до сложных и высоких. «Все мастерства и художества по большей части от простых и самых бедных начал имеют происхождение. Так, например, строение кораблей, без сомнения, от лодок; архитектура от шелашей и прочая; а потом разумными людьми час от часу приводилось в лучшее состояние, пока напоследок пришли в совершенство нынешнего времени». В то же время различия в культуре отдельных народов зависят от различий в потребностях и интересах, т. е. в конечном счете от различий во внешних условиях. «Не можно сомневаться, чтоб между потребностями жития человеческого ничего не нашлось, что бы не от наук вымышлено было. Нужда делает остроумными. Известно, что самые дикие народы имеют по обстоятельству состояния своего потребное к содержанию... Камчадалы, не учась физике, знают, что можно огонь достать, когда дерево о дерево трется; и для

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, с. 89.

того, будучи лишены железа, деревянные огнива употребляют. Искусство же показало им, что есть варить можно и в берестяной и деревянной посуде»¹.

Быт изученных им камчадалов казался Крашенинникову как раз иллюстрацией одной из низших стадий культурного развития человечества. В 3-й главе 2-го тома своего труда – «О прежнем состоянии камчатского народа» – Крашенинников набрасывает общую картину состояния ительменов накануне прихода русских, рисует без прикрас их примитивный отсталый быт, грязь и грубость его, но в конце главы указывает, что теперь, под влиянием русских, этот старый быт начал уходить в прошлое. «Токмо ныне, – пишет он, – во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию... Во многих местах не токмо у тойонов (начальников), но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкновению... Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в краткое время много варварства без сумнения искоренится»².

Но этот старый, уходящий быт Крашенинников тем более тщательно изучал, отдавая себе ясный отчет в большой ценности этого материала для науки. Он видел, что уже в скором времени нельзя более будет наблюдать старых обрядов, которые он еще застал, и поэтому считал своим научным долгом описывать виденное со всей возможной подробностью. «При празд-

¹ С. П. Крашенинников. Речь о пользе наук и художеств (см. Н. П. Никольский. Крашенинников как этнограф Камчатки. «Советский Север», 2. Сборник статей, посвященный памяти Крашенинникова. Л., 1939, с. 69).

² С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, с. 372–373.

новании, — замечает он по поводу описания ежегодных религиозно-магических обрядов, — бывают у них, между прочим, много и таких мелочей, которые недостойны воспоминания, но понеже все у них непременно порядок, то опишу я все обряды их с начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой безделицы... наипаче для того, чтоб не погибла память толикого их заблуждения; ...ибо ныне все оные языческие обряды оставлены, и чрез несколько лет совершенному предадутся забвению к некоторому ущербу истории»¹.

По тем же соображениям Крашенинников заботливо отмечает несходства в обрядах, наблюдаемых в разных местностях. Придавая этим, хотя и мелким, несходствам большое научное значение, Крашенинников совершил даже специальную поездку в одно из поселений южных камчадалов, чтобы присутствовать на их празднике, и подробно его описал, и отдельно описал аналогичный праздник у северных камчадалов, где он нашел «немалую отмену в рассуждении южных»².

В описании Крашенинниковым этих праздников и обрядов нельзя не увидеть его необычайного умения тонко и глубоко понимать смысл наблюдаемого. Он хорошо подметил, например, связь обряда с относящимся к нему мифом (или «баснею»)³; на такую связь зарубежные этнографы стали обращать внимание лишь недавно, — едва ли не первым стал это делать Малиновский. Крашенинников ясно видел магическое назначение обрядов, в которых фигурировали сделанные из съедобной травы изображения кита, волка и пр.: по мнению Крашенинникова, эти обряды служили частью «для развлечения», а частью — «чтоб им прямых китов и волков промыслять и есть, как с тра-

¹ Там же, с. 415.

² Там же, с. 415, 421.

³ Там же, с. 420.

вяными поступали»¹; это то, что мы теперь называем имитативной (или подражательной) магией.

Заслуживает большого внимания описание Крашенинниковым социального строя камчадалов. Конечно, здесь к нему нельзя предъявлять особенно больших требований. Ведь именно понимание общественной структуры, понимание законов общественного развития, его ступеней не стояло в XVIII в. на высоком уровне; даже у наиболее передовых мыслителей, как французские просветители-материалисты, здесь было самое слабое место. Но тем больше заслуга Крашенинникова, что он все же умел тонко подметить характерные особенности общинно-родового строя камчадалов. Не употребляя, конечно, этих не существовавших тогда терминов, он, однако, недвусмысленно описывает типичные черты именно общинно-родового строя. Он дает ясное понятие о родовом расселении камчадалов, об общинной земельной собственности, об архаических формах обмена, об отсутствии классов, принудительной власти и пр.

Немалую заслугу Крашенинникова составляет и то, что он отметил в области хозяйства и материальной культуры камчадалов явления, которые в науке того времени были вообще новостью: женское собирательство, холодную ковку железа, добывание огня трением кусков дерева, камневарение, кожаные пластинчатые панцири, технику собачьего транспорта и пр.

Труд Крашенинникова привлек к себе заслуженное внимание не только в России. Его оценили и в Западной Европе, и уже в скором времени появились его переводы на английском, немецком, французском и голландском языках². Не все эти переводы были удовлетворительны,

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, с. 420.

² А. И. Андреев. Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». «Советский Север», 2.

но само появление их свидетельствовало и о растущем интересе за рубежом к русской этнографической литературе, и о ее растущем авторитете.

Выдающийся труд Крашенинникова и в более позднее время не терял своего значения, и интерес к нему не ослабевал. Как известно, его внимательно читал Пушкин и делал из него выписки, видимо намереваясь воспользоваться им для каких-то своих творческих замыслов. Д. Н. Анучин, Л. Я. Штернберг и другие крупные русские ученые ставили очень высоко Крашенинникова как этнографа-исследователя.

* * *

Таковы были общие результаты деятельности «сухопутных» отрядов «Великой северной экспедиции». Что касается «морских» отрядов, то цели их были иные, с задачами историко-этнографического исследования не связанные. Непосредственные результаты плаваний Беринга и Чирикова к берегам Америки, Шпанберга и Вальтона в Японию, целого ряда моряков вдоль северных берегов Сибири не дали существенного прироста этнографических знаний. Но их более отдаленные следствия имели для этнографической науки огромное значение: по проложенным русскими моряками путям пошли позже исследователи, обогатившие науку ценными сведениями о народах новооткрытых стран.

Оренбургская экспедиция. П. Рычков

Одновременно с проникновением на северо-восток и поисками путей в Америку шло и освоение юго-восточной окраины страны, Южного Приуралья.

С 1730-х годов, в связи с принятием русского подданства «Младшей ордой» казахов и с оживлением торговых связей со Средней Азией, усилилась русская колонизация этих областей. Правительство строило там города и крепости, проводило укрепленные «линии». В 1734 г. обер-секретарь Сената И. И. Кирилов представил «Кабинету» записку «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах» с планом широкого освоения земель по границе казахских степей и развития торговли с Востоком¹. По его проекту и под его начальством была организована так называемая «Известная экспедиция», позже переименованная в «Оренбургскую экспедицию». Став во главе ее, Кирилов развил разностороннюю деятельность не только по военно-политическому укреплению края, но и по его изучению².

«Оренбургская экспедиция», во главе которой после смерти Кирилова (1737) стал Татищев, была затем переименована в «Оренбургскую комиссию», а еще позже (1744) – в Оренбургскую губернию. Татищев не меньше Кирилова принимал меры к всестороннему изучению края, интересуясь в особенности историко-этнографическими вопросами (о его трудах в этом направлении уже говорилось выше). Но больше всех сделал для изучения Оренбургского края и всего Южного Приуралья Рычков.

¹ См. В. Ф. Гнучева. Указ. соч., с. 70–71.

² Иван Кирилов был помимо этого автором первого большого статистического описания России «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский... Собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г.» (издано М. П. Погодиным в 1831 г.). В этой книге есть и этнографический материал, но только в отношении Восточной Сибири: сведения о якутских «волостях» и их «князцах», «о камчатском народе», об этническом составе населения по отдельным рекам.

Сын купца, Петр Иванович Рычков (1712–1777) большую часть своей жизни служил на разных административных должностях в Оренбургском крае. Вместе с тем, даровитый самоучка, он неутомимо занимался научно-литературной деятельностью. Первые его научные работы были написаны еще в 1744–1745 гг. («Описание г. Оренбурга», «Краткое известие о татарах...»); в дальнейшем он написал ряд историко-географических работ, где много внимания уделял местным народам. Главное его сочинение «Топография Оренбургская» (1, 2, 1762) представляет собой прекрасное, всестороннее описание Южного Приуралья. Там много и чисто этнографических сведений о народах как соседивших с Оренбургской губ. с «внешней стороны» (т. е. с юга и востока), так и «внутри Оренбургской губернии находящихся» (т. е. внутри существовавшей тогда пограничной линии). Из первой группы им описаны: «1) Трухменцы [туркмены], 2) Хивинцы, 3) Аральцы [узбеки «Аральского владения»], 4) верхние Каракалпаки, 5) Киргис-кайсаки большой орды, 6) Туркестан, 7) Ташкент и 8) Зюнгорский народ». Из второй – «1) Российские, 2) Татара, 3) Башкирцы, 4) Мещеряки, 5) Калмыки, 6) Киргис-кайсаки, 7) Каракалпаки, 8) Мордва, 9) Черемиса, 10) Вотяки, 11) Чуваши»; сверх того, описаны национальные группы, появившиеся в крае только после основания г. Оренбурга: бухарцы, аравитяне, персияне и др.

Как и другие передовые деятели той эпохи, Рычков прекрасно умел сочетать серьезный научный интерес с ясным сознанием пользы и важности научных сведений для практических целей. «А понеже, – писал он, – в политических и статских рассуждениях за особливую нуждность уваживается и сие, чтоб в пограничных местах командующим состояние смежных народов

по крайней возможности достоверно знать, а потому с ними потребную комуникацию и всякие случающиеся дела располагать: то хотя об оных Оренбургской губернии смежных местах и народах обстоятельных и совершенно верных описаний еще нет; но сколько поныне об них ведомо и описано, не бесприлично к сему ж приобщить, что так как и сочиненные ландкарты от времени до времени дополняемо и в надлежащее совершенство приведено быть может»¹.

Книга Рычкова была переведена вскоре на немецкий язык. За свои заслуги Рычков был избран членом-корреспондентом Академии наук. Он был первый в России, кто получил это звание.

Экспедиция 1768–1774 гг. Петр Паллас и др.

Из других ученых экспедиций XVIII в. больше всего дали для этнографической науки поездки ряда исследователей-натуралистов в 1768–1774 гг. Эти поездки были объединены общим планом и известны обычно под именем «физической» или «академической» экспедиции. Общим руководителем их считают академика Петра Симона Палласа, хотя фактически отдельные «отряды», возглавлявшиеся крупными учеными, действовали самостоятельно.

Поводом к организации «физической» экспедиции послужила подготовка наблюдений над прохождением Венеры перед диском Солнца (май 1769 г.), того самого прохождения Венеры, которое было поводом и для снаряжения одновременного первого путешествия капитана Кука в Тихий океан. Но, как и там, задачи экспе-

¹ П. И. Рычков. Топография Оренбургская. СПб., 1762, ч. 1, с. 14.

диции на деле были неизмеримо более широкие, а сама экспедиция – если считать ее за одну – длилась гораздо дольше: шесть лет.

Помимо поездок с чисто астрономическими целями (Румовского, Эйлера, Иноходцева и др.), Академия наук снарядила одновременно пять «экспедиций»: три из них считались «оренбургскими» и две «астраханскими», хотя на самом деле этими географическими рамками отнюдь не ограничивалась их деятельность. Во главе «1-й Оренбургской экспедиции» стоял Петр Паллас; с ним ездили и много сделали самостоятельно капитан Николай Петрович Рычков (сын Петра Рычкова), «гимназисты» Василий Зуев и Никита Соколов. «2-й Оренбургской экспедицией» руководил Иван Иванович Лепехин, одним из его помощников был «гимназист» Николай Озерецковский (будущий академик). 3-я «астраханская» экспедиция возглавлялась Самуилом Гmeliном (племянником Иоганна Георга Гмелина), а 4-я «астраханская» – Иоганном Гильденштед-том. Пятая экспедиция называлась тоже «оренбургской», ею руководил сначала Иоганн Фальк, а позже, в связи с его болезнью, Иоганн Готлиб Георги. При каждом из руководителей экспедиций было по несколько помощников, главным образом из «гимназистов», некоторые из них оказались самостоятельными исследователями¹.

Шестилетние путешествия ученых, охватившие в общей сложности громадную территорию от Закавказья до Белого моря и от Москвы до Забайкальских степей, имели результатом накопление очень большого и разнообразного научного материала, в том числе и этнографического. Последнего особенно много содержится в описаниях путешествий Палласа, Зуева, Лепехина,

¹ См. В. Ф. Гнучева. Указ. соч., с. 95–96 и др.

Гильденштедта, но и другие путешественники внесли свой вклад в этнографическое изучение России.

Петр Симон Паллас (1741–1811), немец родом, зоолог по образованию, был приглашен в Россию в 1768 г. и сразу же стал руководителем одного из отрядов за-теянной экспедиции. Он с увлечением отдался большому делу и за 6 лет проделал самый сложный из всех участников экспедиции маршрут: в 1768 г. он ездил по Правобережью Волги, проделав путь от Москвы до Симбирска, в 1769 г. – по Левобережью нижней Волги и Оренбургским степям, в 1770 г. – по Южному Уралу и Западной Сибири, в 1771 г. – по Западной и Южной Сибири, в 1772 г. – по Восточной Сибири и Забайкалью, в 1773 г. – от Красноярска через Томск и Уральск на Царицын, в 1774 г. – по нижней Волге. Обширный материал этих поездок изложен Палласом в его пятитомном труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Сюда Паллас, впрочем, включил материалы, собранные его помощниками в их самостоятельных поездках – Зуевым и Соколовым.

Помимо разнообразных этнографических сведений, вписывавшихся Палласом в дорожный дневник попутно, особый интерес представляют собиравшиеся им систематически историко-этнографические материалы о монголоязычных народностях. Он собирал их у калмыков на Волге и у монголов на Селенге. Информаторами Палласа были преимущественно ученые ламы, снабдившие его и письменными источниками – монгольскими историческими сочинениями. Плодом этих исследований было капитальное двухтомное сочинение «Собрание исторических сведений о монгольских народностях»¹, которое теперь может считаться в значительной мере первоис-

¹ P. S. Pallas. Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I, II. St.-Pet., 1776.

точником для изучения исторической этнографии монгольских народов, ибо подлинные монгольские рукописи, использованные здесь Палласом, до нас не дошли.

Несколько позже, в 1793–1794 гг., Паллас совершил отдельную поездку по югу России – по нижней Волге, Северному Кавказу и Крыму (связанную на этот раз с устройством его личных дел). Он составил описание посещенных местностей, где есть и этнографический материал¹.

Зуев

Заслуживает особого упоминания молодой помощник Палласа – Василий Федорович Зуев (1754–1794), впоследствии профессор академии. Родом из разночинцев (сын солдата), он учился в академической гимназии, оказался в числе наиболее способных ее учеников и по окончании гимназии был прикомандирован к отряду Палласа. Он ездил сначала с ним вместе, а затем, в начале 1771 г., получил самостоятельное поручение – обследовать народы нижней Оби, остяков и самоедов. Пробыв в этой поездке почти год, Зуев составил обстоятельное «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов», которое Паллас весьма одобрил и в несколько сокращенном виде включил в свое «Путешествие». Полностью эта работа Зуева увидела свет только в наши дни². Помимо

¹ «Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг.» – «Записки Имп. Одесского об-ва истории и древностей», XII, 1881; «Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на Тамань». Там же, XIII, 1883.

² В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. «Труды ИЭ», т. 5. М.–Л., 1947.

нее, Зуев написал еще небольшую заметку «Об оленях»¹, а также составил описание рыболовства и охоты, словарики самоедского, остяцкого и вогульского языков, но эти работы Зуева до нас не дошли. Не сохранились также материалы второй самостоятельной поездки Зуева – в Мангазею (1772). Впоследствии (в 1781–1782 гг.) Зуев, уже зрелым ученым, совершил путешествие по Южной России, в Крым, Бессарабию и Турцию².

Главная работа Зуева, как участника «физической» экспедиции, представляет большой интерес не только потому, что это, в сущности, первое научное описание самоедов-ненцев и северных остяков-хантов (Григорий Новицкий охватил в своем «Кратком описании» главным образом южные группы остяков, севернее Березова он не ездил). Она представляет интерес и по своим высоким научным достоинствам. Перед нами, во-первых, очень точное и полное описание разных сторон хозяйства и материальной культуры хантов и ненцев, притом параллельное и сравнительное, что делает его особенно рельефным. Во-вторых, нельзя не отметить очень вдумчивое и правдивое описание общественного быта, отдельные черты которого – в области семейных отношений, имущественных различий и пр. – подмечены Зуевым так, как это не всегда удавалось и гораздо более поздним наблюдателям: он сообщает об обычае экзогамии у остяков (едва ли не первое в этнографической литературе обнаружение этого обычая)³, о большесемейных домах, о подчиненном положении женщины в семье, об имущественном расслоении, о долговой кабале, в какой

¹ См. В. Ф. Зуев. Указ. соч.

² См., например: В. Ф. Гнучева. Указ. соч., с. 119–120; «Путешественные записки Василия Зуева от СПб. до Херсона в 1781–1782 гг.». СПб., 1787.

³ «У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилию сам прозывается...» (В. Ф. Зуев. Указ. соч., с. 60).

находилось большинство остяков, и пр. Отмечая отрицательные стороны отсталого быта остяков и самоедов и осуждая их с точки зрения просвещенного европейца, Зуев в то же время ясно видит и положительные черты их характера: честность, гостеприимство, выносливость, стремление перенимать от русских все хорошее.

Лепехин

На фоне всей этой богатой литературы путешествий 1760–1770-х годов наиболее выделяются «Дневные записки путешествия» Ивана Ивановича Лепехина. Руководитель «2-й Оренбургской экспедиции», он фактически за 1768–1772 гг. покрыл гораздо более широкий маршрут, объехав области среднего и нижнего Поволжья, Оренбургские степи, южное и среднее Приуралье, бассейн Северной Двины и побережье Белого моря вплоть до Канина и Кольского полуострова. Но не обширность маршрута и не то, что на своем пути Лепехин видел и описал до десяти народов, составляет главное достоинство его «Дневных записок». Главное достоинство их в том, что в лице Лепехина перед нами незаурядный исследователь, у которого точность и добросовестность наблюдения сочетались с практическим умом и стремлением дать деловой совет, помочь своими знаниями тем, кто в них нуждался. Сам выходец из «худородных» низов, сын солдата, Лепехин (1740–1802), хотя и получил прекрасное по тому времени образование (ему была присвоена степень доктора медицины в Страсбургском университете), нисколько не противопоставлял себя угнетенному народу, не важничал перед ним, как это делали в то время многие высокоученые люди, особенно иностранцы.

В самом стиле изложения «Дневных записок» бросается в глаза одна черта – простота и скромность рассказа, без всяких высокопарных фраз. Такой просторечный стиль изложения даже несколько шокировал тогдашнюю академическую публику. Путешественник пересыпает свой рассказ пословицами, меткими словечками, шутками, сохраняя все же неизменно тон серьезного повествования о виденном.

Вот, например, рассказ Лепехина о встрече в г. Владимире со старухой лекаркой, «сродницей эскулаповой», которая взялась поучать автора и его спутников по части лечебных свойств трав и перечислять болезни, от которых они помогают. «Я бы без сомнения навел страх читателю, – пишет Лепехин, – если бы привел здесь толкования почтенной нашей бабушки на помянутые болезни. Но как бабушка начала на своем безмене развешивать приемы, то и у нас стали волосы дыбом, и, вышед из терпения, осмелился я попротивуречить эскулаповой сродственнице. Спор наш сначала обоюду был нарочито горяч, но бабушка скоро опешила...»¹ Эта сценка вставлена Лепехиным в путевой дневник отнюдь не для развлечения читателя: автор, сам врач, ставит тут же серьезный вопрос о применимости средств народной медицины и о дозировке ядовитых растительных веществ, употребляемых как лекарство.

Вдумчивые наблюдения постоянно соединяются у Лепехина с практическими соображениями: как бы надо поступать, чтобы жизнь пошла лучше. Повсюду на своем пути видит он гнет, нужду, отсталость, невежество. Но Лепехин не революционер, он не ставит, как его современник Радищев, вопроса о низвержении всего угнетательского строя тогдашней России; он лишь озабочен

¹ *И. Лепехин*. Дневные записки путешествия по провинциям Российского государства. СПб., 1795, ч. 1, с. 16–18.

думами о том, как бы в рамках сложившегося порядка улучшить жизнь народа. Он по-хозяйски смотрит на русскую природу, по-хозяйски болеет душой за неумелое, хищническое обращение с нею, которое всюду видит.

Например, крестьяне Среднего Поволжья страдают от малоземелья и вырубает леса под новую пашню. По мнению Лепехина, гораздо целесообразнее расширять землепользование путем осушения болот, которых кругом много, и повышать урожай внесением доступных минеральных удобрений (известки, мергеля). Вырубка же лесов истощает естественные богатства страны. Хищнически истребляются и липовые рощи на лыко для лаптей. Лепехин горячо спорит против мнения, что сокращение площади лесов будто бы улучшает климат. «Мне до того нет нужды, – говорит он, – что иной, сидя в Москве, пишет о перемене в лучшее состояние нашего воздуха через вырубленные леса. Тщетен страх и того, который опасается, чтобы от чрезмерного сбережения лесов не наплодить более хищных зверей. По нашему климату и звери нам необходимо нужны. Отцы наши в Петербурге покупали сажень дров по полтине, а мы платим с лишком по рублю. Во многих местах у нас деда топили дровами, а нынче внучата соломкой или пометом топить начинают»¹.

И такой «хозяйский» взгляд виден у Лепехина во всем. Он высказывает свои практические замечания и советы о самых разных вещах, которые видит на пути: и о применимости русской сохи и «косули» при разных условиях почвы, и о вреде мочки пеньки в озерах, от чего гибнет рыба, и о неосновательном предубеждении крестьян против каменных домов, и о желательности введения конной тяги барок на Волге вместо бурлацкой, и о возможности разведения плодовых садов в Сибири,

¹ Там же, с. 63–65.

и о многом другом. Особенно обстоятельные советы дает Лепехин по своей медицинской специальности – например, по поводу народных приемов скотолечения: в связи с частыми «повалами» скота у крестьян Лепехин предлагает ряд практических и общедоступных мер борьбы с этими «повалами».

Но вот путешественник сталкивается с фактами жестокого классового гнета, крепостнического произвола и беззакония, бесправного положения крестьянских масс – особенно среди нерусского населения. А в таких фактах недостатка не было. Лепехин не закрывает на них глаза, он описывает их сдержанным тоном, но с видимой болью. На Уральских заводах он видит, как владельцы их закабаляют чувашей, переселившихся на Урал, но не приписанных формально к заводам. «Сей народ, претерпевая иногда притеснения или другим каким несчастием пришел в скудость, берут заимообразно у богачей деньги. Заводчики в таких случаях бывают щедры и задолживают чуваш иногда по 100 рублей на душу с тем, чтобы они деньги зарабатывали на заводах». Но так как заводы от чувашских деревень отстоят порой на сотни верст, то переезды из дома на завод и обратно по нескольку раз в год «нередко должников в большую приводят скудость»; да и без того кабальные условия труда вконец разоряют рабочих. «...Не знаю, – пишет Лепехин, – могут ли они совершенно заработать свой долг, тем наипаче, что чувашанин, или добывая руду, или в дровосеке, зарабатываемые деньги почти износит на рукавицах, и так год от года больше наживают долгу»¹.

О тяжелом, безвыходном положении «работных людей» на Уральских заводах Лепехин пишет без всяких прикрас. Из грошового их заработка заводчики вычитают еще за харчи, за лечение больных и пр. «Такие не-

¹ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, с. 7.

щастные люди нередко года по два домов своих не знают, а бедные их бабы, посеяв хлебец и сжав, возят на базар, чтобы остальную мужней души окупить часть. Бедность их до того довела, что они принуждены большую часть своего веку довольствоваться пихтовой корою, в которую они, истолокши в ступе и просеяв, примешивают малое число ржаной муки и пекут лепешки...»¹

Лепехин ясно видит и имущественное расслоение внутри самого крестьянства. Он пишет о том, как «в бедность пришедший крестьянин» (на Вятке) обращается за помощью к местному богачу или купцу, который кабальной ссудой принуждает его вместе со всей семьей работать на его земле; таким образом, богач «орет и боронит на чужом хребте и уродившийся хлеб чужими собирает руками», а «бедные год от году более беднеют»².

С грустной иронией отзывается он о полах, которые из своих корыстных интересов причиняют вред крестьянскому хозяйству. Так, проезжая через населенные коми-зырянами местности по р. Сыsole, Лепехин отмечает «зырянскую особливую простоту и слепое повиновение к своему духовенству. Ильинский батька (священник церкви св. Ильи) не только представлял у них священнослужителя, но еще и прорицателя. От его предсказания зависело время сенокосу, жнитвы и прочих крестьянских предприятий; но сия доверенность и поповское корыстолюбие нередко принуждало зырян, как говорят, пропускать пору сеять, косить и жать, а его благословению в таких случаях молебное пение нагревало руки»³.

К миссионерской деятельности православного духовенства среди народов Поволжья и Приуралья Лепехин

¹ Там же, ч. 3, с. 197–198.

² Там же, с. 222–223.

³ Там же, с. 267–268.

не выражает прямо своего отрицательного отношения, что понятно, ибо он не мог одобрить и местные примитивные верования, но он ясно видит дурные последствия той религиозной розни, которая искусственно создавалась миссионерами. Он отмечает, например, то «великое несогласие», которое водворилось между крещеными и некрещеными татарами; друг друга они «терпеть не могут и друг другу всякие пакости содевают»¹.

При таком отношении путешественника к наблюдаемой действительности вполне понятно, что и чисто этнографические его наблюдения приобретают совершенно особую ценность: это не поверхностные и высокомерные заметки ученого иностранца, презрительно фыркающего по поводу «дикости» жителей посещенной страны, – это серьезно продуманные записи впечатлений, осмысленных разумом широко образованного ученого и согретых горячим патриотизмом русского человека, вышедшего из народных низов. Повторяем, Лепехин не был революционером, но горькую нужду поработенного русского народа и еще более – местных нерусских национальностей он хорошо видел и правдиво описывал, хотя тут он не мог дать таких практических советов, как по поводу лечения скота или конной тяги барж.

Ценность этнографических наблюдений Лепехина определяется и тем, что он в полной мере обладал необходимым для ученого критическим чутьем и должной осторожностью. К местным преданиям он относится критически, хотя считает важным их записывать. По поводу услышанного предания о провалившемся в озеро селении («Поганое озеро» на пути к Владимиру) путешественник замечает: «Но сия небылица пахнет раскольничьими рассказами»². Там, где краткость времени не дава-

¹ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, с. 93.

² Там же, с. 10.

ла ему возможности более основательных наблюдений, Лепехин отказывался от обобщений или оценок. Сделав, например, несколько мелких замечаний о казаках Ивллинской станицы на нижней Волге, он прибавляет: «О нравах же их... говорить много не могу, быв только в одной станице и то на короткое время»¹.

Вот почему так ценны этнографические материалы, собранные в немалом числе в четырех томах «Дневных записок» Лепехина. Они частью разбросаны среди его путевых заметок, частью сосредоточены в отдельных этнографических очерках, вставленных в текст: таковы очерки «О жителях при Черемшане» (мордва, чуваша, татары, русские и др.), «О мордве, чувашах и татарах», о некрещеных калмыках и их ламаистском духовенстве (ч. 1), а далее – о башкирах, о вогулах, о коми-пермяках и зырянах, о русских поморах и пр.

Трудно и перечислить те драгоценные этнографические наблюдения, которые рассеяны среди путевых записей Лепехина; многие из них относятся к явлениям, ныне уже исчезнувшим. Очень важно его описание техники подсечного земледелия на Севере, техники изготовления ткани из крапивы у вогулов, устройства татарского плуга – сабана, приемов обработки кожи у башкир, народной медицины и пр. и пр.

Плавания в Америку

В ряду прочих путешествий XVIII в., которые вели к приращению этнографических знаний, особое место занимают плавания русских моряков в северной части Тихого океана. После открытия Чириковым и Берингом в 1741 г. гряды Алеутских островов и северо-западного

¹ Там же, с. 430.

берега Америки начинается целая серия плаваний к новооткрытым землям. Туда потянулись «промышленники» и купцы, которых привлекали прежде всего пушные богатства прибрежных мест, бобровые, песцовые и другие меха. К 1743–1746 гг. относятся плавание тобольского крестьянина Емельяна Басова, который побывал на Командорских островах и проплыл мимо ряда Алеутских островов. В 1745–1756 гг. Ближние Алеутские острова были обследованы Михаилом Неводчиковым и Яковом Чупровым; первый из них составил карту посещенных островов, отослав ее в Сенат. Далее на восток лежащие «Андреяновские» острова (часть той же Алеутской гряды) были подробно обследованы в 1748–1764 гг. Андреем Толстым, селенгинским купцом, и его командой. Русские завязали дружественные отношения с местными алеутами. Из других плаваний выделяется посещение в 1759–1762 гг. островов Умнака и Уналашки у восточного края Алеутского архипелага Степаном Глотовым и Савином Пономаревым. Тот же Глотов в 1762–1763 гг. зимовал на острове Кадыке у берегов Аляски. В ходе всех этих плаваний моряки и промышленники сталкивались с местным населением – алеутами, кадыкцами; отношения с ними были порой враждебными, чаще дружественными; возвращающиеся из плаваний мореходы привозили сведения об «островских жителях», подавая об этом «сказки», «репорты», «доклады». Некоторые из этих ценных научных документов только в наши дни увидели свет. Так, проф. А. И. Андреевым опубликованы интересные донесения об Алеутских островах и их населении Степана Черепанова (1759–1762), Ивана Коровина (1762–1765), Ивана Соловьева (1764–1766), Василия Шилова (1760-е годы)¹.

¹ «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» Под ред. А. И. Андреева. М., 1948.

В течение двух-трех десятилетий мужественные русские люди – купцы, промышленники, крестьяне – проторили дорогу к берегам Америки, познакомились с народами ее побережья и островов. Сведения о новых странах доходили до правительства, попадали в Сенат, в Адмиралтейств-коллегию. С большим трудом раскачалось и правительство: в 1764 г. была снаряжена специальная «Экспедиция для исследования Алеутских островов и открытия Аляски». Экспедиция эта под командой капитана Петра Креницына и капитан-лейтенанта Михаила Левашова была сугубо засекречена – и так и называлась «секретной экспедицией». Она была, впрочем, малоуспешна: только в 1768 г. удалось двум судам ее доплыть до берегов Аляски, там команда их перезимовала с большими лишениями и, не сумев завязать дружественных отношений с местным населением, вернулась в 1769 г. на Камчатку. Оставшиеся в живых участники плавания (сам Креницын погиб на обратном пути, многие погибли во время зимовки) только в 1771 г. вернулись в Петербург. В путевых журналах Левашова есть этнографический материал об алеутах о-ва Уналашки¹.

«Описание всех в Российском государстве обитающих народов»

В итоге многолетних научных экспедиций и путешествий, систематического сбора материала по заранее составленным программам русская наука в последние десятилетия XVIII в. располагала обширным запасом этнографических сведений по большинству народов

¹ См. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», X, 1852, с. 97–103.

России. На основе их стало возможным появление первой обобщающей этнографической работы – обзора всех народов России, описания их хозяйства, образа жизни. Так появилось в 1776–1780 гг. объемистое «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», которое должно было удовлетворить возрастающий интерес русского образованного общества к народам своей страны. Автором этой книги был И. Г. Георги, участник большой «Физической экспедиции», незадолго перед тем вернувшийся в Петербург. Книга вышла на немецком языке в четырех частях¹, из которых первые три были тогда же изданы на русском и французском языках².

Обстоятельства появления этой книги, начиная с самой идеи ее написания, рассказывает автор в своем предисловии. «Едва ли какое другое государство мира, – пишет он, – обладает таким большим разнообразием различных наций, остатков народностей, колоний, как Русское государство». Несмотря на длительное сожительство и многократные смешения, отдельные народы сохранили свои особенности. Однако точных знаний об этих народах еще мало, – они стали накапливаться лишь в связи с многолетними поездками ученых, посланных Петербургской Академией наук. Теперь пришла пора, говорит автор, собрать и систематизировать накопленные сведения, тем более что быт народов в последнее время все более меняется под влиянием соприкосновения с русскими, принятия христианства и т. д. «К составлению краткого связного описания всех наших на-

¹ «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten», I–IV. St.-Pet., 1776–1780.

² «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», ч. 1–3. СПб., 1776–1777.

ций в их теперешнем состоянии и пр. – побудил меня замысел здешнего гравера К. М. Рота – издать, с помощью нескольких ученых, русские нации в подлинных изображениях под заглавием “Изображения различных одежд русских наций”, в тетрадах по 5 листов, к чему он приступил в 1774 г.¹ Они понравились, но для многих любителей потребовались краткие исторические сведения об этих, частью мало известных народах. Здешний книгопродавец г. К. В. Мюллер принял на себя это издание, требующее значительных издержек, а я взял на себя составление описания².

Таким образом, судя по этим словам самого автора, повод для составления описания народов был чисто случайный: желание дать пояснения, как бы расширенные подписи к рисункам альбома, изданного одним из художников. Но подлинная причина, несомненно, лежала глубже: как и сам Георги пишет в начале предисловия, в образованном русском обществе ощущалась уже потребность не только знать кое-что об отдельных народах, но и иметь более или менее полную картину национального состава Русского государства, особенностей быта всех его народов.

Какими источниками пользовался Георги для составления «Описания»? Надо сказать, что он отнесся к своей задаче необычайно добросовестно. У него самого из продолжительных его путевых наблюдений и записей составилась большой фонд знаний по целому ряду народов. Он пишет: «...Я сам во время прежней поездки по Швеции (еще до приезда в Россию) посетил лопарей, а во вре-

¹ Речь идет о журнале-альбоме «Открываемая Россия, или Собрании одежд всех народов, в Российской империи обитающих» (СПб., 1774). Журнал выходил действительно тетрадами по 5 листов цветных и черных гравюр, которых всего было опубликовано 96. Большая часть их вошла как иллюстрации в «Описание всех народов».

² «Beschreibung aller Nationen...», I, с. V.

мя академических путешествий по России и Сибири в 1770–1774 гг. побывал более или менее продолжительное время у следующих народов, производя у них наблюдения: у финнов, черемисов, чувашей, вогулов, остяков, пермяков, башкир, мещеряков, барабинцев, киргизов, различных татар, телеутов, монголов, тунгусов, бурят и калмыков, а также в наших бухарских, нагайских, армянских, индийских и других колониях». Эти собственные наблюдения автор дополнил широким использованием письменных и печатных источников – больше всего описаний путешествий академиков. «Сведениями о вотяках, вогулах, частью о бухарцах, киргизах и черемисах я обязан главным образом погибшему ученому проф. Фальку». Тут же автор перечисляет сочинения, которыми преимущественно пользовался: в перечне значатся труды Миллера, Гмелина, Крашенинникова, Штеллера, Фишера, Рычкова, Гмелина-младшего, Палласа, Лепехина, Рычкова-младшего, а также некоторые работы иностранных ученых, вышедшие за границу. В другом месте он указывает, что особенно широко пользовался записями историка Миллера, в частности его словарями разных языков. «В сомнительных случаях я обращался, – пишет Георги, – с вопросами к соответствующим ученым, особенно к г. статскому советнику Миллеру в Москве и к некоторым из здешних (т. е. петербургских) академиков, которые совершали путешествия по государству». При всем том сведений по некоторым народам оказалось у автора недостаточно: в качестве таких народов он называет чукчей, енисейских остяков, юкагиров – о них ему пришлось писать очень кратко. В целях соблюдения пропорции автор несколько сокращал изложение материала и по народам, достаточно хорошо изученным¹.

¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 1, с. V–VIII.

Таким образом, первая сводная этнографическая работа о народах России была построена на солидной научной базе. Написанная хорошо эрудированным ученым, она в то же время не может считаться в полном смысле продуктом чисто индивидуального творчества: в известной мере это как бы коллективная работа, сводка результатов многолетних исследований целого ряда ученых путешественников. Поэтому «Описание всех народов» интересно и важно для нас не только как первая попытка дать общую картину национального состава России и быта отдельных ее народов: оно интересно и важно также и потому, что является своего рода зеркалом, отражающим состояние в то время этнографического изучения народов России. И, рассмотрев его внимательно, нельзя не прийти к выводу об относительно очень высоком уровне развития этой отрасли знания в нашей стране во второй половине XVIII столетия. Конечно, никакая другая страна мира не могла похвалиться в то время подобного рода работой, да ни в одной из них не было тогда накоплено и малой доли того огромного материала, какой лег в основу «Описания всех народов». Впрочем, и в русской этнографической литературе в более позднее время не было повторения подобной попытки (о втором издании «Описания всех народов» будет сказано дальше).

Основная часть «Описания» – это ряд более или менее крупных очерков об отдельных народах. Об одних из них очерки эти довольно обстоятельны, занимая по 10–25 страниц: таковы главы о лопарях, черемисах (в 1-й части), о татарах, башкирах, киргизах, якутах (во 2-й части), о самоедах, тунгусах, камчадалах (в 3-й части). О других – лишь краткие заметки. Это отражает неравномерную изученность разных народов в то время. Судя по сравнительной величине и содержатель-

ности отдельных глав-очерков, можно видеть, что в 1770-х годах были сравнительно хорошо известны русской науке народы Поволжья, Прикамья и Приуралья, народы Западной и частью Восточной Сибири вплоть до крайнего северо-востока страны. Напротив, некоторые области и группы народов были известны еще очень слабо: нам это сейчас, кстати, виднее, чем видно было самому автору. Слабо был известен Европейский Север¹: автор очень подробно описывает лопарей, но, видимо, не имеет понятия о карелах как об отдельной народности, а население Карелии считает финнами; в этом можно было бы, правда, не видеть особой ошибки (ибо карелы действительно близки к финнам, по крайней мере по языку), если бы автор не распространял на Карелию такие утверждения, что там «мужики такое же точно носят платье, какое и шведские крестьяне»², и что они исповедуют «лютеранский закон»³, что к карелам никак не может относиться. Более извинительно неупоминание о вепсах – этом небольшом и даже и сейчас еще мало изученном народе. Но несколько странно, что автор очень мало знает о коми-зырянах и пермяках, вопреки своему заявлению, что пермяков он обследовал лично. Этим народам не посвящено самостоятельных глав; о них упоминается мимоходом в главе об осяках, и там сказано, что «большая половина пермяков и зырян» со времен Стефана Пермского переселилась из своей земли «в суровые северные около реки Оби страны», где они слились с осяками⁴. Можно догадываться,

¹ Видимо, Георги еще не мог принять во внимание эту часть материалов экспедиции Лепехина, опубликованную лишь позже.

² «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 1, с. 18.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 78.

что в таком искаженном виде дошло до Георги (вероятно, через Миллера) предположение Григория Новицкого о происхождении остяков от выходцев из Перми; материалы же экспедиции Лепехина в этой части, видимо, он не сумел использовать.

Очень скудны и путанны сведения автора о народах Кавказа, по поводу которых он, правда, делает оговорку о предстоящей публикации материалов экспедиции Гильденштедта. Из народов Средней Азии Георги знает «бухарцев» (т. е., видимо, узбеков и таджиков Бухарского ханства), «хивинцев» (о которых сказано бегло в главе «Татарские колонисты»¹) и «киргизцев» (т. е. казахов, однако к ним же присоединяет автор и «бурутов», т. е. настоящих киргизов). Впрочем, эти пробелы понятны: большая часть народов и Кавказа, и Средней Азии тогда еще не входила в состав России.

Очень важно обратить внимание на применяемую автором систему группировки описываемых народов. Распределяя их на группы, он руководится в основном лингвистическим или, точнее, историко-лингвистическим принципом, но комбинирует его с географическим. Первая часть посвящена «народам финского племени», 2-я – «народам татарского племени», но сюда же включены и кавказские (не тюркоязычные) народы. В 3-й части говорится о «самоедских», «маньчжурских» народах, о «народах неопределенного и смешанного происхождения» (сюда попали кеты и родственные им народы) и о «восточных сибирских народах»: под последними разумеются северо-восточные палеоазиаты, включая сюда также «курильцев» и «восточных островских жителей», т. е. незадолго до того открытых алеутов и кадьякцев. В 4-ю часть попали монгольские народы и прочие, а также русские.

¹ В русском переводе «Татарские поселяне».

Этот лингвистический принцип группировки народов введен у нас впервые Татищевым, и с того времени все путешественники, по специальным инструкциям, не переставали обращать внимание на языки изучаемых народов, их взаимное родство, собирали словари и т. п. К 1770-м годам была уже создана довольно прочная основа для распределения народов на языковые группы. И в самом деле, просматривая это распределение в труде Георги, можно убедиться, что оно в большинстве случаев верно и что прямых ошибок у него немного. Так, в группу «финских» народов вошли у автора действительно все народы угрофинской семьи, и он даже знает о языковом родстве вогулов и остяков с «венгерцами» и о происхождении их от «древних угров», хотя и замечает осторожно, что «о том надобно еще подумать»¹. Ошибку допускает автор, только включая в эту же группу латышей и чувашей. Первых Георги сближает с их соседями эстами (к которым они и на самом деле близки по культуре) и полагает, что «латыши, кои обще с литвой и древними пруссами составляют один народ, суть смешанные с финнами славяне» и что «язык их состоит из трех четвертей славянских слов и из небольшого числа финских»². Впрочем, в предисловии автор сам признает, что не сумел разграничить «ливов, латышей и эстов»³. Чувашей же автор считает народом весьма близким к черемисам (что в отношении культуры опять-таки верно, но неверно в отношении языка).

Под «народами татарского племени» Георги понимает тюркоязычные народы. Он знает об историче-

¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 1, с. 70.

² Там же, с. 23.

³ «Beschreibung aller Nationen...», I, с. IX.

ской близости «татар» к «монголам», но знает и то, что теперешние «татарские» (т. е. тюркские) и «монгальские» народы «говорят совсем особливими языками» и в большинстве «нимало лицом не похожи»¹. Взаимная языковая близость самих «татарских» народов для автора очевидна: «Все татарские поколения говорят турукским или турецким языком»². В эту группу попадают у автора все тюркоязычные народы Восточной Европы (кроме чувашей), Кавказа, Средней Азии и Сибири – те, о которых он знает. Но в эту же группу включает он и вообще народы Кавказа на том основании, что многие из них смешались с татарами или были в прошлом им подвластны. «Победоносные Татара как будто бы поглотили сии остатки народов и мало-помалу приучили их к своему житию, нравам и вере»³. Поэтому почти все народы Кавказа (кроме грузин) «называют татарским именем», в частности «горскими татарами». И хотя автор отдает себе отчет в самостоятельном, не «татарском» происхождении многих кавказских народов, но описывает их в той же группе. Нельзя ставить особенно в вину автору такую группировку, если вспомнить, что народы Кавказа и гораздо позже обозначались у русских нередко собирательным термином «татары», языки же их начали серьезно изучаться только в XIX в.

Группа «самоедских» народов у автора заслуживает особого внимания. В эту группу входят у него не только собственно «самоеды», т. е. ненцы, юраки и «тавцы» (тавгийцы-нганасаны), но и ряд народов Южной Сибири – «койбалы, маторы, тубинцы, камачинцы, каракасы и саяты», которых автор, основываясь на со-

¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 2, с. 2.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 45.

бранных Миллером словарях, считает «единоплеменными самояди по их происхождению». Автор полагает, видимо, что там, в Южной Сибири, была и родина северных самоедов¹. Тут автор не совершает ошибки даже и с точки зрения наших теперешних представлений об этническом родстве народов. Если не считать пропуска селькупов, о которых в то время ничего не было известно, то «самоедская» группа народов у Георги удовлетворяет самым строгим требованиям науки.

Сравнительно правильно подобрана у автора и группа «маньчжурских» народов – группа, состоящая «из прямых маньчжур и тунгусов». Автор не располагал только сведениями о тунгусоязычных народах бассейна нижнего Амура, почему и не упоминает ни гольдов-нанайцев, ни ульчей, удэ и орочей; зато ошибочно включает в эту группу гиляков².

Народы кетской группы бассейна нижнего Енисея автор вполне обоснованно не включает ни в одну из перечисленных выше групп, хотя их и называли в его время «остяками». Он выделяет их в особую группу «народов неизвестной или смешанной породы», куда помещает «енисейских остяков» (т. е. кетов), аринцев, асанов и котовцев (т. е. коттов). Три последних народа ныне исчезли, но они действительно входили в эту группу, которую и современные лингвисты затрудняются окончательно квалифицировать.

В группу «восточных сибирских народов» включены у Георги народы, которые теперь принято причислять к северо-восточным палеоазиатам.

Итак, в целом историко-лингвистическая группировка народов у Георги, за отдельными исключениями,

¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 3, с. 3.

² Там же, с. 31.

может считаться правильной и не противоречит нашим современным представлениям.

Те сведения, которые автор сообщает по поводу каждого отдельного народа, конечно, неравноценны. Эти сведения он старался расположить по единообразной системе: название народа, область его расселения, исторические сведения, подразделения, численность, физический тип, язык, управление и обычное право, образ жизни и хозяйство, поселения и жилища, одежда, пища, обычаи и семейный быт, болезни, погребения, верования. Но не везде были у него сведения по всем этим вопросам. Многие народы – особенно кавказские, некоторые южно-сибирские – описаны очень кратко, почти только упомянуты. В отношении достоверности сведений автор, конечно, зависел от своих источников, но выборочная проверка показывает, что в большинстве своем они для того времени были близки к действительности. Прямые ошибки встречаются лишь по отношению к народам, тогда совсем мало известным: так о гиляках (причисляемых, кстати, ошибочно к маньчжурской группе) автор, видимо, слышал, что они держат в неволе медведей, но понял это так, что гиляки запрягают этих медведей в сани¹, – на самом деле гиляки выкармливают медведей для устройства «медвежьего праздника».

Конечно, надо оставить на совести автора его попытки давать общие психологические характеристики народам. Эти характеристики, как известно, не удавались и гораздо более поздним и очень осведомленным наблюдателям, – вспомним, как высмеивал их, например, Чернышевский. Сквозь эти характеристики иногда просвечивает просто оценка низкого уровня культуры данного народа, иногда – наблюдение над особен-

¹ Там же.

ностями социального строя, в частности общинно-родового. Во многих случаях автор дает отрицательную оценку подмечаемым таким образом качествам. В других случаях оценка получается положительная. Так, о тунгусах он пишет: «У них всегда на языке и на деле то, что на сердце. Лгать кажется им дурно... Воровство и обман почитается у них столь позорным делом, что они по таковым попреканиям размениваются часто стрелами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни к чему, кроме оных, не имеют пристрастия: и потому пребывают при прародительских своих нравах и житейских порядках, без дальних прихотей или затей. Горести сего дня не растворяют они попечением о завтра; но паче делятся со всяким, кто бы у них ни случился, последним куском бескорыстно, и снедают оной с веселостью»¹. Можно спорить против допустимости таких суммарных и обобщенных характеристик, но ставить их в упрек автору не нужно, ибо, как уже говорилось, наука и сейчас еще не дошла до умения определять национальный характер народа, отличая его от черт, свойственных определенному типу социального строя или уровню развития.

Общим достоинством книги Георги является, таким образом, то, что автор ее не ограничивает своих задач простым описанием, пересказом сырого материала, хотя бы и систематическим, а старается его как-то осмыслить, обобщить. А его довольно удачная попытка сгруппировать народы по языку и происхождению, выяснить их взаимные исторические связи заслуживает всякого внимания.

Представляет интерес заключительная глава 3-й части книги – «О шаманском языческом законе». Ав-

¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. 3, с. 37.

тор пытается здесь понять сущность и происхождение шаманских верований народов Сибири. Надо сказать, что взгляд Георги на шаманизм был бесспорным шагом вперед по сравнению с существовавшими прежде мнениями: одни считали в то время шаманов слугами дьявола, другие – ловкими обманщиками. В противовес этому Георги смотрит на шаманизм как на определенную религиозную систему, где имеются некоторые «общие понятия естественной веры» и «некоторые обряды из Моисеева закона»¹. Этот взгляд, позже развитый Иакинфом Бичуриным, находит и сейчас, хотя и не в столь наивной форме, себе сторонников.

К книге Георги приложены были, как уже говорилось, цветные рисунки-гравюры (их 74), изображающие типы разных народов в национальных одеждах. При всей своей условности рисунки дают известное, иногда и довольно верное, представление об особенностях одежды данного народа; об антропологических же типах они не дают, разумеется, никакого представления. Изготавливал эти гравюры петербургский «резчик» Рот, а после его смерти – Шлеппер, причем делали они это «частью с находящихся рисунков и фигур при Императорской С.-Петербургской Академии наук в кунсткамере, а частью с живых подлинников»².

¹ Там же, с. 129.

² Там же, ч. 1, изд. 2. СПб., 1799, с. XV.

РОСТ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ в 1770–1800 гг.

Начало изучения русского народа. Роль Ломоносова

Одной из особенностей развития русской этнографии было то, что изучение собственно русского народа – вместе с близкородственными ему белорусским и украинским народами – началось позже, чем изучение всех других народов России. Если в 1770-х годах уже могли быть подведены итоги этнографической изученности многочисленных народов страны – «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», то весьма характерно заявление самого автора этой сводной работы, что он решил включить в это описание также и русских – как бы заодно и в целях полноты, – лишь по той причине, что в числе гравюр оказались и относящиеся к русским¹. Видимо, и для Георги, даже и не русского родом, русское население еще не казалось пригодным объектом этнографического описания. На русский же язык посвященный этому населению том (4-й) вообще не сочли нужным тогда переводить, – не из тех ли соображе-

¹ «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten», I. St.-Pet, 1776–1780, с. IX.

ний, что описание русского народа может быть интересным только для иностранцев?

Этот факт может показаться странным только на первый взгляд, на самом деле он вполне понятен. Интерес к быту разноплеменного нерусского населения Руси диктовался вначале практическими побуждениями, попросту административно-фискальными потребностями, – так было еще в допетровское время. С начала XVIII в. чисто практический интерес стал дополняться научным, но им руководили те же побуждения: познать все области обширного государства с их разноязычным населением, познать для того, чтобы сплотить их крепче воедино, выявить и развить их ресурсы. Не случайно же все крупные экспедиции XVIII в. направлялись в окраинные области, населенные нерусскими племенами. Русский народ, составлявший ядро государства, не представлял в этом смысле, казалось, никаких проблем, – его нечего было особо изучать, он был и без того известен. Не случайно и то, что в допетровской Руси все описания быта русского народа либо принадлежали приезжим иностранцам, либо если составлялись русскими людьми, то для иностранцев же (Дмитрий Герасимов XVI в., Григорий Котошихин XVII в.).

Лишь по мере того, как в послепетровскую эпоху быт господствующих классов стал все более отделяться от быта основной массы населения и европейское просвещение, оставаясь этой массе недоступным, стало прокладывать все более резкую грань между «образованным обществом» и «простым народом», т. е. лишь ко второй половине XVIII в. возникла объективная потребность для этого «образованного общества» познать и свой собственный народ, русское крестьянство.

Но и тут для того, чтобы эта потребность стала реально ощущаться, понадобились опять-таки внешние

побуждения, а они появились, как мы дальше увидим, только в последние десятилетия XVIII в. До этого если русский народ и привлекал в какой-то мере внимание образованных людей, то не своим современным бытом, а в других отношениях. Еще Татищев интересовался, например, вопросом о происхождении и древнейшей истории русского народа, о его связи с другими славянскими народами, а попутно – и сохранившимися следами древности, остатками языческих верований.

Предвестником подлинного научного интереса к русскому народу, и в его прошлом и в настоящем, можно считать гениального М. В. Ломоносова (1711–1765). О роли его в развитии русской этнографии надо вообще сказать подробно.

В кругу многогранных научных интересов этого великого ученого темы этнографические занимали, конечно, очень скромное место, и не только относительно, но и, так сказать, абсолютно. Однако он все же касался их, и притом с разных сторон.

Этнографические впечатления накапливались у Ломоносова еще с детства, когда он, сын поморского рыбака, участвовал с отцом в его промысловых плаваниях по Белому и Баренцеву морю, он видел быт русского промыслового населения, встречался и с лопарями, и с самоедами (ненцами). По-видимому, впоследствии Ломоносов собирался составить подробное описание этих народов, но не успел этого сделать¹.

¹ В литературе недавно было высказано мнение, что среди литературного наследия Ломоносова сохранились материалы, касающиеся лопарей и самоедов. Профессор А. И. Андреев обнаружил в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, среди хранящихся там «рукописей Вольтера», материалы, посылавшиеся Вольтеру из Петербурга в связи с его работой (над историей России): между этими материалами оказался, помимо замечаний Ломоносова по поводу ошибочных

Своей «Российской грамматикой» (1755 г., опубликована в 1757 г.) Ломоносов положил основу не только научному изучению русского языка, его грамматического строя, но и русской диалектологии: он первым выделил в «русском языке» три «главных диалекта»: «московский, северный, украинский»¹. При этом он указал, что «московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается»². В черновых подготовительных материалах к «Российской грамматике» об этом сказано подробнее, а сами «диалекты» названы несколько иначе: «Российской язык (главно) можно разделить на три диалекта: 1) московский, 2) поморский, 3) малороссийский. Первой главной и при дворе и в дворянстве употребительной и особливо в городах, близ Москвы лежащих. Другой несколько склонен ближе к старому славенскому и великую часть России занял. Третьей больше всех отличен и смешен с польским. Пограничные жители употребляют много слов близлежащих народов – чум, вежа, ворока»³.

По-видимому, Ломоносов имел в виду и специально заняться этим вопросом. В плане намеченных им «филологических» работ значится тема: «О сродных

мнений Вольтера о лопарях (см. *М. В. Ломоносов*. Полн. собр. соч., т. 6. М.–Л., 1952, с. 92), также «экстракт», посвященный лопарям и самоедам и посланный в 1758 г. Вольтеру. Автором «экстракта» А. И. Андреев считал самого Ломоносова (см. *А. И. Андреев*. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. «Ломоносов. Сборник статей и материалов». М.–Л., 1940, с. 299–300). Позже, однако, сам А. И. Андреев признал ошибочной эту атрибуцию и склонился к мнению, что автором «экстракта» был Т. Клингштет (см. СЭ, 1947, № 1, с. 86, прим. 7).

¹ *М. В. Ломоносов*. Полн. собр. соч., т. 7, с. 429–430.

² Там же, с. 430.

³ Там же, с. 608.

языках российскому и о нынешних диалектах». Кстати, в этом же плане Ломоносов наметил и такие работы: «О сходстве и переменах языков», «О простонародных словах», «О чистоте российского языка» и пр.¹ Интерес Ломоносова к народному русскому языку и его «диалектам», – хотя великому ученому и не удалось найти время для специального исследования этих вопросов, – может считаться показателем зарождающегося научно-го интереса к самому русскому народу.

Этот интерес, интерес к народному быту, был и у него самого. Как типичный деятель эпохи Просвещения и горячий патриот, Ломоносов смотрел на народный быт отнюдь не как на предмет романтического любования и бесстрастного наблюдения: он видел отсталые отрицательные черты этого быта и резко выступал против них. В подобных выступлениях он не останавливался и перед открытой критикой церковных традиций, на что нужна была тогда немалая смелость.

В письме к И. И. Шувалову от 1761 г. Ломоносов упоминает о нескольких своих «записках», найденных им среди своих бумаг и «простирающихся к приращению общей пользы». Темы этих «записок» непосредственно касаются народного быта; в перечне их упоминаются темы: «О размножении и сохранении российского народа», «О истреблении праздности», «О исправлении нравов и о большем народа просвещении», «О исправлении земледелия»; «О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств» и пр. Уже само перечисление тем говорит о направлении интереса Ломоносова. Из этих «записок» сохранилась, к сожалению, только одна: «О размножении и сохранении российского народа». В ней Ломоносов ставит вопрос о некоторых дурных обычаях и прочих вредных явлениях, задерживающих

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7, с. 763.

рост русского населения, увеличивающих смертность. Автор говорит тут об обычае ранних браков и браков людей неравного возраста, о происходящих отсюда дурных последствиях; о вреде насильственных браков; о неосновательности запрещения четвертого брака; о вреде раннего пострижения в монахи и запрещения второго брака попам; о бережном отношении к внебрачным детям; о борьбе с детской смертностью путем распространения просвещения и акушерских знаний; о вреде церковного обычая крестить детей в холодной воде; о вреде религиозных обычаев праздничного заговения и разговения с неумеренным обжорством и пьянством; о необходимости распространения медицинских знаний для борьбы с знахарством и суевериями; о борьбе с эпидемиями и прочими бедствиями; о борьбе с разбойничеством; о бегстве крестьян, солдат и других за рубеж; о привлечении иностранных колонистов¹.

Соображения, высказываемые здесь Ломоносовым, и меры, им предлагаемые, полны духа просвещения, глубокого понимания интересов государства.

Он ставил и такие вопросы, которые не имели непосредственного отношения к задачам практической жизни, – вопросы происхождения и древнейшей истории народа. Об этом говорится в его «Древней Российской истории», напечатанной посмертно в 1766 г. В ней Ломоносов, подобно Татищеву (труд которого был ему известен в рукописи), доискивается древнейших истоков русской истории. Он высказывает ряд интересных мыслей по вопросам этногенеза. Он хорошо видит, что история народа гораздо древнее, чем история государства. Мало того, она зачастую древнее, чем само имя народа. Ломоносов предостерегал от ошибки смешения истории народа с историей его имени. «Народы

¹ Там же, с. 384–403.

от имен не начинаются, но имена народам даются»¹. Предков русского народа – славянские племена – Ломоносов считает в числе древнейших исторических племен, видя родину их в Азии и связывая их с сарматами. В этом Ломоносов, правда, не оригинален, ибо «азиатская» и «сарматская» теории происхождения славян господствовала в европейской литературе еще с XVI в. Но Ломоносов понимал, – чего не понимали другие, – что нельзя сводить современный народ к одному какому-то древнему предку. «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, – писал он, – никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собой – без всякого примешения. Большую часть оных видим военными беспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество»². В образовании русского народа принимали участие, по Ломоносову, помимо славянских, также «чудские» (т. е. финские) племена³. «Норманскую» теорию происхождения русских и Русского государства Ломоносов решительно отвергает: древняя «русь», правда, связана была с варягами, но сами «варяги», по мнению Ломоносова, не представляли собой какого-то определенного народа – это были дружины воителей, которые «от разных племен и языков состояли», и как раз рюриковы варяги-россы были потомки славян-россов, переселившихся на берега Балтийского моря с юга⁴. Эта концепция происхождения Руси – весьма, конечно, спорна, а отдельные ее части

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, с. 178.

² Там же, с. 174.

³ Там же, т. 7, с. 173–174.

⁴ Там же, с. 203–213.

(сближение руссов с пруссами и т. п.) и вовсе не выдерживают теперь критики; однако в целом она гораздо ближе к исторической действительности, чем та упрощенная «норманская» теория (в то время развивавшаяся особенно Миллером), против которой Ломоносов и направлял больше всего свою критику.

Борьба же Ломоносова с «норманской» теорией была не случайной – она составляла часть общей его многолетней борьбы за права русской науки, русской культуры, русского языка – против иностранного засилья, которое тогда остро чувствовалось в Академии наук. Горячий поборник европейского просвещения, Ломоносов хотел, однако, чтобы это просвещение шло на пользу русскому народу, а не служило средством наживы для иностранных полузнаек за счет того же русского народа. В этих выступлениях против немецкого засилья Ломоносов был не одинок. Его поддерживали в этой борьбе – либо боролись в том же направлении самостоятельно – другие русские ученые: Татищев, Крашенинников (оба умершие раньше него), а позже Лепехин, Зуев, Озерецковский.

Было бы ошибкой видеть в этой патриотической борьбе русских ученых против иностранщины чисто национальный момент: русские против немцев (как изображают дело порой немецкие историки). Эта борьба была и социальной: передовые русские ученые Ломоносов, Крашенинников, Лепехин, Зуев, Озерецковский, сами выходцы из народных низов, были поборниками прав народа, ратовали за его просвещение. Они не были революционерами, но их сочувствие было на стороне угнетенного народа. У них не было ни тени высокомерия, барского пренебрежения к крестьянину, они всячески старались ему помочь, хотя и не всегда знали, как это сделать. Они были носителями демокра-

тического течения русской науки; один Татищев, быть может, представлял собой в этом смысле некоторое исключение, хотя о просвещении народа заботился и он. Напротив, приглашенные в Академию наук иностранцы, если они и не были, подобно Лакроайеру, проходившими, заботившимися только о своих доходах и почестях, служили честно академическому начальству, царскому правительству, науке, но отнюдь не русскому народу. Русский народ и другие народы России были для них либо предметом научной любознательности, либо предметом высокомерного презрения, либо то и другое вместе. Поэтому борьба передовых русских ученых против иностранщины в Академии наук XVIII в. была борьбой демократической и патриотической науки против феодально-придворной и помещичьей.

Первые публикации по русскому фольклору

Ломоносов был, как уже сказано, лишь предвестником серьезного интереса к изучению русского народа; этот интерес начал обнаруживаться более систематически лишь в последние десятилетия XVIII в. – примерно с 1770 г. В чем заключались причины этого?

Как и обычно бывает, причинами послужили перемены в общественно-экономической жизни страны. Почти с первых годов царствования Екатерины II стали обнаруживаться в России признаки назревания кризиса феодально-крепостнической системы. Придавленное крепостническим гнетом крестьянство глухо волновалось: за одно первое десятилетие екатерининского царствования имело место до 40 случаев крестьянских волнений, вызванных невыносимым гнетом

и произволом со стороны помещиков и горнозаводчиков. Очень часты были побегі крепостных и приписных крестьян. Наконец отдельные вспышки восстаний слились в огромный пожар, охвативший половину государства, – крестьянскую войну 1773–1775 гг. (восстание Пугачева).

На первые, еще мелкие крестьянские волнения правительство отвечало жестокими репрессиями, посылками военных команд и новыми свирепыми крепостническими законами (указ 1765 г. о праве помещиков ссылать крестьян по своему усмотрению в Сибирь, указ 1767 г. о ссылке крестьян в Сибирь за жалобу на своего помещика). Но в то же время, обеспокоенное угрозой более широкого крестьянского восстания, правительство пыталось изучить вопрос о положении крестьян, наметить пути дальнейшего развития сельского хозяйства. Не случайно как раз в 1765 г. организуется «Вольное экономическое общество», которое с разрешения Екатерины ставит себе задачей изучение вопросов улучшения сельского хозяйства – и даже вопроса о правах крестьянина на землю. Очень показательны, что в самые годы диких крепостнических указов «Вольное экономическое общество» объявило конкурсную тему: «Какое право на землю должен иметь земледелец для пользы общественной?», и что из 160 сочинений, представленных на этот конкурс, премии было удостоено то, автор которого высказывался за постепенную отмену крепостного права. Заботу правительства о судьбах сельского хозяйства отражал и манифест (1765) о проведении «генерального межевания» дворянских земель. Наконец, вопросу о крепостных крестьянах, их положении, причинах их побегов уделялось много внимания и на заседаниях екатерининской «Комиссии» 1767–1768 гг.

Нельзя никак считать случайностью, что именно около 1770 г. начинают появляться сочинения, посвященные творчеству, верованиям, обычаям русского (и украинского) народа.

Едва ли не первым собирателем и публикатором произведений русского народного творчества выступил писатель Михаил Дмитриевич Чулков (1743–1793), выходец из разночинной среды, далекий от сановного дворянства. В 1770–1774 гг. вышло в четырех частях его «Собрание разных песен», в котором наряду с песнями книжного происхождения немало было и народных, хотя вряд ли с особой точностью записанных. Книга быстро разошлась, и понадобились новые издания (1780–1781, 1784); значит, сборник удовлетворял общественному интересу. В 1780–1783 гг. издавались «Русские сказки» (ч. 1–10), где, впрочем, собственно народных сказок было мало¹. В предисловии автор сборника предвидит возможные нарекания со стороны читателей со слишком аристократическими вкусами за то, что издает «повествования, которые рассказываются в каждой харчевне»; в оправдание себе он ссылается на то, что «романы и сказки были во все времена у всех на-

¹ Авторство этого сборника спорно. Обычно его приписывают тому же Чулкову, имя которого стоит на титульном листе издания 1820 г. (*М. Чулков. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и пр. М., 1820*). Однако В. Шкловский пытался доказать, что авторство принадлежит В. А. Левшину, дворянину по происхождению, но по взглядам близкого разночинным писателям. Шкловский основывается главным образом на том, что сам Левшин поместил этот сборник сказок в список своих сочинений, приложенный к его автобиографии, тогда как Чулков не включал этот сборник в перечень своих сочинений (см. *В. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1933, с. 87–89, 148*). М. К. Азадовский согласился с этим мнением (*М. К. Азадовский. История русской фольклористики, I. М., 1958, с. 65–66*). Вопрос, однако, остается не совсем ясным. Для нас вопрос об авторстве данного сборника не представляет существенного значения.

родов», упоминает французские и немецкие рыцарские повести; «Россия имеет также свои, но оные хранятся только в памяти; я... издаю сии сказки Русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтобы составить Вивлиофику Руских Романов»¹. Так приходилось оправдываться перед публикой первым собирателям русского фольклора – оправдываться в столь необычном еще деле.

Начались публикации русских пословиц. Самую раннюю из них (по указанию Снегирева)² представлял собой алфавитный перечень пословиц в книге «Русская универсальная грамматика или всеобщее письмословие» профессора Курганова (СПб., 1769). В 1770 г. в Москве, в университетской типографии, было издано «Собрание 4291 древних российских пословиц», тоже расположенных в алфавитном порядке; составителем был (по предположению того же Снегирева) либо проф. А. А. Барсов, либо Чулков³. Второе издание «Собрания» вышло в 1778 г., третье – в 1787.

Начали появляться и первые работы по русским и древнеславянским народным верованиям. В качестве первого их собирателя в историографических обзорах обычно называют Михаила Попова с его сборником «Краткое описание славянского баснословия» (1768), но при этом упускают из вида, что у него был предшественник и образец для подражания в лице того же Чулкова. Чулков в 1767 г. издал «Краткой мифологической Лексикон», где перечислены в алфавитном порядке имена античных богов, героев и прочих мифологи-

¹ М. Чулков. Русские сказки, ч. I, с. I–III.

² См. И. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. 1. М., 1831, с. 34.

³ Там же, с. 35. М. К. Азадовский считает автором Барсова (М. К. Азадовский. Указ. соч., с. 58–59).

ческих персонажей и представлений, но вместе с ними приведен и ряд славянских мифологических имен. Среди них встречаются и имена действительно почитавшихся славянами богов: Волос, Даждбог, Коре (Хоре), Перун, Радегаст, Святовид и пр.; и разные имена сомнительного происхождения: Коляда, Купало, Лелио, Услад и пр.; и образы низшей мифологии – домовые, лешие и т. п.; и даже случайно сюда затесавшаяся от угорских народов «Золотая баба». По поводу каждого из этих имен Чулков сообщает краткие, частью верные, частью ошибочные сведения.

Этот перечень и заимствовал целиком (за одним только исключением «Лебедя») М. В. Попов для своего «Краткого описания славянского баснословия»¹, но несколько его дополнил, доведя список древнеславянских «богов» до 51. Сверх чулковского перечня он прибавил некоторые мифологические имена, действительно засвидетельствованные в источниках: Мокошь, Семаргл, Стрибог, Тригла(в), но еще более – образы сказочной фантазии (Яга-баба, Царь морской, Чудо морское) и т. п.²

¹ Попов. Краткое описание славянского баснословия. [Б. м.] 1769; Изд. 2. [Б. м.] 1772 («Досуги, или Собрание сочинений и переводов», ч. 1); см. также: И. Сахаров. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, 1, 1841, с. 5–10.

² И. П. Сахаров едко упрекал Чулкова в несамостоятельности и в ученическом переписывании из разных источников, прежде всего из книги Попова: «Выписки Чулкова подражательны до последней возможности»; за ним по этому же пути следовали-де Глинка, Кайсаров. В доказательство Сахаров сопоставляет отдельные места из книг Попова, Чулкова и других названных авторов, показывая их почти дословное совпадение (И. Сахаров. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. 2. СПб., 1837, с. 11–12). Но этот упрек – не по адресу: на самом деле именно Попов дословно переписывал из более раннего «Лексикона» Чулкова – книги, которая осталась неизвестной Сахарову и не упоминается позднейшими историографами (Пыпиным и др.).

В своих источниках Попов был не очень разборчив. Не упоминая о главном из них – «Лексиконе» Чулкова, он пишет в своем предисловии: «Материю, составляющую сию книжку, выбирал я из разных книг, содержащих Российскую историю, какие имел или мог сыскать для прочтения, также из простонародных сказок, песен, игр и оставшихся некоторых обыкновений». Автор притом и не задается особыми научными целями. «Сие сочинение, – говорит он, – сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок, и больше для стихотворцев, нежели для историков». Научная ценность книжки Попова и в самом деле невелика. Но это было лишь начало, свидетельствовавшее о пробуждении интереса и к этой стороне народного быта. Сборником Попова в дальнейшем пользовались многие, в частности Григорий Глинка, Андрей Кайсаров, о которых мы скажем ниже.

В 1780 г. тот же М. Д. Чулков издал «Словарь русских суеверий», широко используя, в свою очередь, сборник Попова, но дополнив его другими материалами. В 1786 г. вышло второе издание этой книги под названием «Абевега русских суеверий». Наряду с русскими и древнеславянскими верованиями в сборнике встречаются имена мифологических персонажей и описания обрядов самых различных народов, вплоть до камчадалов. Почин Чулкова и Попова увлек и других любителей старины. В 1804 г. Григорий Глинка, профессор Дерптского университета, издал небольшую книжку «Древняя религия славян». Взяв список «богов» у Попова, он добавил к нему очень немного (оказалось 59 «богов»), но зато вместо алфавитного порядка попытался расклассифицировать этих «богов» по месту обитания: «превыспренние», «земные», «преисподние», «водные» и по другим категориям и сопроводил свое

издание некоторыми теоретическими соображениями. По его мнению, в частности, «славянская языческая вера» – «из многих языческих... есть чистейшая», ибо боги – это олицетворения естественных действий. Однако, подобно своим предшественникам, Глинка мало стеснялся с источниками: по своему же признанию, он дополнял их «собственною под древнюю статью фантазиею». Он сам, например, сочинил «гимн Перуну»¹.

В том же 1804 г. вышло первое издание книги А. С. Кайсарова, повторенное потом в 1810 г.: «Славянская и Российская мифология». Автор ее хотя и оперирует в основном тем же списком «богов» и не обнаруживает особенно критического отношения к источникам, но его теоретические взгляды заслуживают более серьезного внимания: в 1-й главе – «Происхождение богов» – он излагает ту «натуристическую» теорию происхождения религии, которую проповедовали незадолго перед тем передовые мыслители – французские материалисты, Гольбах и др.²

Начало изучения народной музыки. Начало украиноведения

Большой интерес представляют первые записи русской народной музыки, появившиеся в последние десятилетия XVIII в. Записи эти делали профессионалы-музыканты. Самый ранний сборник их – «Собрание русских простых песен с нотами» (1776–1795), в пяти частях – принадлежал Василию Трутовскому, украинцу по происхождению, придворному певцу и гуслеарю.

¹ Г. Глинка. Древняя религия славян. Митава, 1804, с. 9, 15–16 и др.

² А. С. Кайсаров. Славянская и российская мифология. Изд. 2. М., 1810, с. 15 и др.

По словам автора, он собрал и включил в сборник только «простые», т. е. народные песни, но на самом деле в сборнике есть и песни, сочиненные профессионалами-композиторами. С записанными музыкальными текстами Трутовский обращался вольно: он сам признает, что «во всякой почти песне находил в речах великую неисправность и принужден был в некоторых местах прибавлять и убавлять, подводя их порядочно под ноты»¹. Понятно, что техника записи и публикации народной музыки не стояла тогда еще на высоком уровне. Впрочем, сборник Трутовского не получил особого распространения.

В 1790 г. появился другой сборник песен, скоро ставший гораздо более широко известным. Сборник назывался «Собрание народных русских песен с их глосами, на музыку положил Иван Прач». Второе издание сборника вышло в 1806 г., третье – в 1815 г. Вопрос о составителе сборника остается не вполне ясным. Им считался долгое время Прач, имя которого стоит на титульном листе. Сведения об этом Праче отрывочны. Он был, по-видимому, чех (по менее достоверным сведениям – немец или даже из украинских казаков), музыкант и композитор. Но впоследствии выяснилось, что Прач не сам составил сборник, а лишь «на музыку положил» собрание песен, т. е. аранжировал и гармонизовал их. Составителем же сборника, видимо, был Николай Александрович Львов, просвещенный меценат, поэт и любитель искусств, собравший в те годы вокруг себя кружок музыкантов, певцов и художников. К такому выводу пришел известный музыковед А. Пальчиков, подготовивший четвертое издание сборника (1896), а также редактор пятого издания (М., 1955), В. М. Беляев. Имя

¹ В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами, ч. I–IV. СПб., 1776–1795.

Львова не значится в сборнике, но авторство его устанавливается показаниями достоверных свидетелей¹.

Составитель «Собрания» 1790 г. включил в него много песен из сборника Трутовского, но отобрал из него более последовательно именно народные песни. Сборник открывается введением, которое написано, видимо, тем же Львовым. В этом введении («О русских народных песнях», во втором издании – «Предуведомление») содержится попытка анализа русского музыкального народного творчества. Это последнее Львов ставил выше, чем музыку всех других народов, считая, что русские песни – лучшие в мире. «Нет народа толь способного к сложению оных», – сказано в «Предуведомлении». Если в западноевропейской народной музыке крупная роль все же принадлежала профессионалам – трубадурам, бардам, то «сочинители» русских песен неизвестны: это простые казаки, бурлаки, стрельцы, солдаты, фабричные (автор почему-то не упоминает крестьян) – словом, народ. Русские народные песни автор делит на категории, из которых основные – это протяжные (минорные, армонические) и плясовые (мажорные, мелодические) песни. «Малороссийские» (т. е. украинские) песни автор отличал от русских: «В них более мелодии, нежели в наших плясовых; но не видно ни одной армонической малороссийской песни, которая бы равнялась с нашими протяжными». Украинские песни составитель считал более «усовершенствованными», чем русские, благодаря давнему употреблению бандуры; в них замечается некоторая «ученость», но меньше «характера». Особенностью русских песен автор считал их необычайное разнообразие. Изучение русского музыкального народного творчества состави-

¹ *Львов-Прач*. Собрание русских народных песен с их голосами. Под ред. и со вступит. статьей В. М. Беляева. М., 1955, с. 51–55, 4–5.

тель сборника признавал полезным даже для «философии»: ибо оно помогает познать народный характер¹.

Вероятно, не случайным совпадением надо считать и то, что как раз на эти же годы падает открытие (1795) и публикация (1800) замечательнейшего памятника древнерусской поэзии – «Слова о полку Игореве»². А в 1804 г. в сборнике «Древние Российские стихотворения», под именем Кириши Данилова, были впервые опубликованы древнерусские былины: они были напечатаны по рукописи, принадлежавшей прежде Прокопию Акинфовичу Демидову, из известной семьи уральских горнозаводчиков, а потом, переходя из рук в руки, доставшейся некоему А. Ф. Якубовичу, воспитаннику Московского университета, который и опубликовал часть этой рукописи. Второе, более полное и исправленное издание выполнил в 1818 г. К. Ф. Калайдович, известный знаток древнерусской письменности, снабдив его обширным предисловием³.

* * *

В те же годы стали появляться и первые описания быта малороссов. Самое раннее сочинение этого рода –

¹ «Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачом. Вновь изданное с прибавлением к оным 2-й части». СПб., 1806. Предисловие.

² В недавнее время вновь выдвинуто мнение, что «Слово о полку Игореве» не «открыто», а написано было именно в екатерининскую эпоху, в качестве не то искусной литературной подделки (как думает А. Мазор), не то талантливой стилизации (А. А. Зимин) под древнерусскую поэзию (см. выше, гл. 1, с. 29). Если бы это мнение подтвердилось, мы получили бы еще одно доказательство усиления интереса к русской старине в интересующую нас эпоху. Больше того, отсюда следовало бы, что и уровень историко-этнографических знаний в эти годы был, по крайней мере среди широко образованных русских людей, очень высок.

³ «Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым». Изд. 2. М., 1818.

книжка Гр. Калиновского «Описание свадебных украинских простонародных обрядов»¹ (СПб., 1777). Позже, в 1798 г., появилось сочинение Якова Марковича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях». Книга проникнута романтическим духом, сентиментальной симпатией к «сей приятной стране», где автор «имел удовольствие жить», записывая все «примечательное». Ему понравился характер жителей: «малороссияне важны, верны, открыты, без рабского унижения и без подлой лести». Автор описывает язык, внешность, различные обычаи, обряды жителей «Малороссии», а также экономику страны².

Путешественники. Озерецковский

Знания о быте русского народа расширялись и через записки ученых путешественников. Выше говорилось уже, например, о ценных наблюдениях академика Лепехина, частью касавшихся и русского народа. Из четырех томов «Дневных записок путешествия» сам Лепехин успел при жизни издать три, а 4-й том был издан уже после его смерти, в 1804 г.: он был дописан и подготовлен к печати спутником и учеником Лепехина – Николаем Яковлевичем Озерецковским.

Сам Озерецковский (1750–1827) известен тоже своими научными поездками. Те из них, которые были совершены по поручению Лепехина в составе той же экспедиции – из Архангельска в Колу, позже на Мезень и

¹ Перепечатано в «Харьковском сборнике», прилож. к «Харьковскому календарю», 1889, вып. 3.

² Я. Маркович. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях, ч. 1. СПб., 1798.

далее к востоку, – описаны им в упомянутом 4-м томе «Дневных записок». Впоследствии Озерецковский, уже будучи академиком, путешествовал на Ладожское и Онежское озера, на оз. Ильмень и пр. Озерецковский уступал своему учителю Лепехину в остроте наблюдений, в широте обобщений, но дух его исследований был тот же: перед нами свободомыслящий ученый-натуралист с гуманным и высокопатриотическим взглядом на русскую действительность.

Вот несколько характерных записей Озерецковского, взятых из его путевых наблюдений:

«При устье Большой Инцы (на берегу Белого моря) жил один только крестьянин, который, испугавшись ночного моего приезда, в клетки своей, за одною только от меня перегородкой, вслух советуется с женою своею, чем меня подарить. По окончании совета, который весь я слышал, приносит он мне рублевик с боязнию, со страхом, чтоб я малым его подарком не огорчился. На вопрос мой, за что дает он мне рубль, отвечал он, чтобы я его не обидел. “Поди с твоим рублем, – сказал я, – мне обидеть тебя не за что”. Когда мужик вышел от меня в сенцы к жене своей и отдал ей рубль, то она сказала: другому офицеру пригодится. Таким-то образом бедные люди от проезжающих бесчинников там откупаются»¹.

В описании более поздней своей поездки (1805) из Петербурга в Старую Русу Озерецковский последовательно придерживается той же просветительной точки зрения. Попав в «Рыбачью слободу» (под Петербургом), он отмечает, что здесь «слишком много шаталось юродивых людей, ханжей и нищих, кои все испрашивали милостыню особливými своими ремеслами: юродивые болтали вздор, каким простых людей

¹ «Путешествие академика Ивана Лепехина», ч. IV. СПб., 1805, с. 93.

обманывали; ханжи пели всячину зажмурившись, а нищие кричали под окнами. Обыватели сделали к ним привычку и охотно подают им милостыню¹. Автор сдержанно замечает, что около г. Новгорода «монастырей кажется довольно, да и в уездах сей губернии недостатка в них нет»²; он отмечает мимоходом, что слишком много церковных праздников, отвлекающих людей от труда, и что «весьма нужна уделить дней от празднований и прибавить их к земледелию»³; осуждает обычай, по которому попы вместе с нищими попрошайничают среди населения и получают «по грошу, по алтыну и даже по пятаку. Обычай сей столько там укоренился, что его и подлым не считают»⁴. Напротив, количество народных школ Озерецковский находит недостаточным, особенно для девочек, которых почти не учат, и автор предлагает «заставить» местное купечество открыть училище для девочек⁵. Он одобряет инициативу крестьян Коростинской волости, которые содержат за общественный счет трех мальчиков в пансионе при училище, и надеется, что и другие последуют этому примеру⁶.

Таким образом, и этнографические наблюдения Озерецковского, хотя их не так много, идут в том же русле патриотической работы русских передовых ученых на пользу родной земле и ее народа.

¹ Н. Озерецковский. Обзорение мест от С.-Петербурга до Старой Русы и на обратном пути. СПб., 1808, с. 2. То же см.: «Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя». СПб., 1812, с. 368.

² Н. Озерецковский. Обзорение мест..., с. 38.

³ Там же, с. 40.

⁴ Там же, с. 84.

⁵ Там же, с. 36, 73–74.

⁶ Там же, с. 36–37.

Второе издание «Описания всех народов». Антоновский

В 1799 г. вышло второе русское издание «Описания всех народов» Георги. Вместо прежних трех томов книга вышла в четырех томах: при этом новый 4-й том (первые три перепечатаны почти без изменений) в большей части занят описанием «владычествующих Россиян»; в самом деле, русскому народу и его подразделениям (казакам) отведено 306 страниц из 385, т. е. четыре пятых тома, и самый том по объему превысил первые три тома вместе взятые.

Если все прочие главы 4-го тома, как и первые три тома, были просто переведены с немецкого, то главы «О Россиянах» и о казачестве написаны специально для данного русского издания. Кем написаны они? Имя автора в книге не упоминается, но, по-видимому, автором был известный в то время литератор М. И. Антоновский, издатель журнала «Беседующий гражданин» (1789). Сам он говорит об этом своем авторстве в «Записках»¹, перечисляя свои литературные труды: «Описание народов, обитающих в России, три части с немецкого исправил и почти вновь сочинил, а четвертую всю от себя сочинил». Несмотря на видимую ясность этого указания, исходящего от самого автора, оно возбуждает некоторые сомнения: и общий необычайно хвастливый тон «Записок», и слова Антоновского о том, что он первые три части «с немецкого исправил и почти вновь сочинил», когда на самом деле русский текст первых трех частей «Описания всех народов» в издании 1799 г. почти не отличается от издания 1776–1777 гг., – не настраивают на особое доверие к заяв-

¹ «Записки М. И. Антоновского». «Русский архив», 1885, № 2, с. 161.

лению автора. Однако в библиографических указателях¹ именно Антоновский считается «переводчиком» Георги и составителем глав о русских. В пользу этого допущения говорит и то, что в тех же «Записках» Антоновский говорит о себе также как об издателе «Остервальдова Повествовательного Землеописания о целом свете, к коему присоединил сочиненное им² статистическое описание России»³. А это сочинение, опять-таки анонимное⁴, во многом близко к главе «О Россиянах» и даже рекламно-витиеватое заглавие напоминает стиль «Записок» Антоновского. Очень похоже, что составители этих вещей – одно лицо.

Оценка общественных и научных взглядов Антоновского, как предполагаемого автора главы «О Россиянах», – задача непростая. Издававшийся им журнал «Беседующий гражданин» был довольно противоречив по своему содержанию и направлению: в нем господствовала реакционно-охранительная тенденция, но некоторые статьи и стихи журнала отличались совсем другим тоном – в них видно критическое отношение к окружающей действительности, виден дух просветительства и патриотизма⁵. Недаром в журнале сотрудничал и Радищев, а сам Антоновский был близок к Новикову.

¹ См. А. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках. СПб., 1875, с. 204; Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей, т. 1 [Б. м. и г.], с. 185.

² В «Записках» Антоновский пишет о себе в третьем лице.

³ «Русский архив», 1885, № 2, с. 161.

⁴ «Новейшее повествовательное землеописание всех 4 частей света с присовокуплением самого древнего учения о сфере... Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными Россиянами». СПб., 1795, ч. 1–5.

⁵ См. «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1. Л., 1950, с. 107–110.

По содержанию глава «О Россиянах» в 4-м томе «Описания всех народов» представляет своего рода энциклопедию тогдашней русской жизни. Там говорится обо всем: за кратким очерком (правда, совершенно фантастическим) происхождения русского народа излагается сжато история Русского государства, затем идут общие данные о расселении, о языке, о физическом типе русских, о «нравах» их; затем говорится о сословиях, их правах и обязанностях, о духовенстве, военном сословии, гражданских чинах, о купцах и мещанах, о крестьянах – обо всем этом очень подробно; далее идет описание русской одежды, жилищ, пищи – все это очень обстоятельно и с четким разграничением между социальными (сословными) группами. Столь же подробно рассказывается затем об «упражнениях» (т. е. занятиях) каждого сословия в отдельности; по поводу «упражнений» крестьян сообщаются сведения о разных отраслях сельского хозяйства, а также о «промыслах и рукоделиях». После этого идут разделы об «обычаях и житейских обрядах» русских, об «увеселениях и забавах простонародных», о музыке и музыкальных инструментах, о «суевериях между чернью», о «богопочитании древнем и новейшем» (т. е. о дохристианской религии древних славян и о христианстве), о «вероисповедании, расколе, набожности». Отдельные главы посвящены казакам – каждому из казачьих войск особо: больше всего рассказано о донских и «малороссийских казаках», в связи с последним излагается очень подробно и история «Малороссии» (Украины) и особенности быта ее населения, – недаром Антоновский был родом из Украины.

Общий дух этого изложения отражает мировоззрение русского патриота старого закала. Автор отнюдь не ограничивается бесстрастным описанием: он

прямо и решительно выражает свой взгляд на русскую действительность. Он резко осуждает образ жизни дворянства, развращенного новым французским воспитанием, – правда, не проводя, видимо, ясного различия между невежественными французскими гувернерами и философией «Системы природы» Гольбаха¹; высмеивает пустоголовых офранцузенных щеголей, критикует мотовство этих поклонников иностранщины, мотовство модниц и щеголих, накидывающихся на дорогие заграничные товары. Вот образец обличительных тирад автора.

Получивший французское воспитание молодой дворянин едет во Францию. «Протекает землю русскую с презрением, немецкую без уважения; достигает Франции, удивляется всему, но паче удивляется преславному Парижу. В чем же там упражняется? Чему учится? Не учится ничему! ибо умеет уже говорить по-французски как природный француз. Упражняется в бегании на гульбища, на спектакли, по всем домам развратным; проматывает данные ему родителями его деньги, впадает в долги, в болезни постыдные... более растлевают нравы свои, истощают здравие, и, по осмотрении мнимых или и действительных чудесностей Парижа, возвращается и, наученный воспитателем своим и Парижем презирать все русское, кроме денег, вносит в отечество свое новые нужды, новые прихотей удовлетворения, новые моды, новые чувствования и, называемое им, просвещение и вкус, разврат и расточение, называемое им любомудрием, вносит и заражает оными сограждан своих, кои с жадностью восприимлют оные, употребляют без всякого размышления, кроме радостного восторга, что то мода

¹ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», ч. 4, с. 48 и др.

и что они явятся в обществе, в собраниях, вторые Парижских обезьян подражатели, и мужчины и женщины с ума сходят. Щеголь скачет в магазины, покупает желаемую ткань или что иное дорогою ценою, платит за поспешную работу портному вдвое. Госпожи, толпясь в лавке модной торговли, советуют, спорят, примеривают, отменяют, наконец выбирают и соперниц своих перебивают наддачею цены, только бы предупредить их оказанием щегольства... Новые заботы, новые издержки, новые странности. Прежние же забыты, брошены истлевать в гардеробе, или розданы слугам и служанкам, либо проданы на рынке за пятидесятую долю и меньше прежней цены своей... Все моды суть яко цвет сельный: процветут и увянут. Присовокупим еще к расточению сему на особы расточение на уборы домашние. Выписываются или покупаются здесь у иностранных обои многообразные, стекло всякое, бронзы золоченые, медь аплике, сервизы из металла и глины драгоценные, мебели названия бесчисленного, мраморы, позолоты из дерева и множайшие, за необходимые признанные и не иначе как иностранного дела вещи. Кто же от одного расточения приемлет мзду? Иностранец, вымысливший, сделавший и привезший в Россию оные вещи; иностранец, торгующий здесь сими товарами под именем гостя, иностранец портной, иностранка уборщица, изобретшая или выписавшая образцы нарядов и данных ей в научение господских крепостных девок руками шившая, иностранец архитектор, иностранец домов уборщик. Напоследок, кто же всем оным управляет в домах и питается от крупниц падающих? Иностранцы служители и служительницы, под разными званиями, в разных должностях, разными средствами господ русских окрадывающие, словом, все у российских дворян иностранное,

все в руках иностранных, все на пользу иностранным, да и сам господин в доме часто бывает душою и познанием оною, не что иное как иностранец...»¹

«Однако же должно и то сказать, – оговаривается автор после этой обличительной филиппики, – что Россия имеет, и притом довольно, таких благоразумных сынов, кои злу сему противодействуют удачно...»; сам император Павел I принимает меры против дворянского расточительства и преклонения перед иностранщиной².

Этому увлечению французскими модами и мотовству автор противопоставляет прежний патриархальный образ жизни боярства и дворянства. В патриархальном, идеализированном виде представляются ему и прежние взаимоотношения господ с крестьянами. Автор отнюдь не против крепостного права самого по себе, – напротив, он ставит себе целью «показать, коль благонамеренно и с пользой для государства устроено оное [крестьянское состояние] одинаким, твердым, постоянным и гораздо удобнейшим к обращению оною к цели общего блага...»³. Но он решительно против злоупотреблений помещиков своей властью над крестьянами. Трехдневная барщина в неделю в течение круглого года кажется ему вполне нормальной: «Таковая работа признается от крестьян умеренной, и жалоб и роптания на такого помещика не бывает. Другие помещики заставляют работать на себя 4 дня в неделю; но таковых меньше, а некоторые, и тем будучи недовольны, хотят, чтоб крестьяне их беспрестанно на них работали и собственности бы у себя никакой не

¹ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», с. 144–146.

² Там же, с. 147.

³ Там же, с. 114.

имели: но таковые очень редки и признаются от всех вообще за чудовищных и презрительных выроdkов в природе»¹. Автор резко осуждает также обычай многих помещиков держать при себе многочисленную дворню – обычай, вредный для народного хозяйства. «Таковая пышность, азиатцам более, нежели европейцам, свойственная, дабы быть окружену многими рабами, отправляющими должности, роскошью введенные в знатные дома, ...есть убыточна и разорительна помещикам и вредна государству; ибо, умножая тунеядцев, отъемлют многие тысячи рук от земледелия, сея матери обилия государственного»². Прежде же, по мнению автора, было лучше, и даже отношения господ с дворовыми (холопами) были просты и патриархальны: «С женами и детьми сыто бывали и благовременно холопи у старинных господ накормлены и благовременно на ложе своем успокоивались, весело вставали, ревностно господам своим во время дневное служили: ибо простодушные господа и в холопей равные своим чувства, равную нравственность и усердие, откровенным с ними обхождением вливали... Должно присокупить здесь и то, что слуги не обходились тогда с барами за панабрата, да и господа не поставляли их наравне со скотами»³.

Быт крестьянских масс представляется автору в сугубо идеализированном виде: крестьяне не отступили, по его мнению, от добрых прародительских нравов, как дворяне, и потому живут благопристойно и довольны своей судьбой. Такой тон проходит через все описание крестьянского быта. Среди крестьян автор знает зажиточных, но не знает бедняков. Одеваются

¹ Там же, с. 115.

² Там же, с. 164.

³ Там же, с. 139.

крестьяне и крестьянки «в старинное русское платье», которое автор описывает с видимым удовольствием¹; едят разнообразные, сытные и вкусные, хотя и простые, кушанья – описание их способно возбудить аппетит у всякого². Довольно толковое описание крестьянских построек автор сопровождает, во-первых, оговоркой – совершенно правильной – о большом разнообразии местных типов этих построек, а во-вторых, предупреждает, что нельзя из кажущейся простоты крестьянских изб делать заключение (какое делают некоторые «чужеземные путешественники») об особой грубости и примитивности крестьянского быта: «Таковой образ зданий, как и одеяний, есть больше привязанность к древним русским обычаям, нежели дикая грубость, не чувствующая вкуса в лучшем»; за последние десятилетия, указывает он, кроме того, появились «великолепные здания не только в городах, но и в самых деревнях; ибо есть целые деревни, в коих дома каменные или деревянные, с таким вкусом выстроенные, каков[ые] редко и в самой Немецкой земле найти можно», а в будущем, с ростом просвещения, можно будет увидеть «не ожидаемое в толь короткое время превращение вкуса народного в самый лучший». Наконец, и сейчас, по мнению автора, домашний быт русского крестьянина вовсе не плох. «Но сколь ни просты таковые здания, сколь ни бедны кажутся оные для верхоглядов: однако же и в сих деревянных закопченных избах имеющий любопытное и непредубежденное внимание увидит, что крестьянин российский с женою и детьми сыто и благовременно на ложе своем упокоется, весело встает, ревностно господам своим во время дневное

¹ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», с. 131–132.

² Там же, с. 140–141.

служит; участок его поля удобрен и златыми класами волнится; луг его вычищен, житница полная, убегает городских, не свойственных ему работ для доставания легкой деньги. Зимой, подобно пчелам, крестьяне сносят на двор господский муки, крупы, овса и прочих жит мешки великие, стяги говяжьи, туши свиные, бараны жирные, дворовых и диких птиц множество, коровья масла, яиц лукошки, сотов или медов чистых кадки, концы холстов, свертки сукон домашних...»¹

Единственно, что осуждает автор в крестьянском быту, – это суеверия: веру в домовых, колдунов, оборотней, злых духов. Все эти суеверия происходят, по его мнению, «от пустого или детского страха» либо от легковерья; от преследования же мнимых «колдунов» вера в их силу лишь еще более укрепляется².

Так причудливо перемешана в мировоззрении автора главы «О Россиянах» законная патриотическая гордость с преклонением перед стариной; презрение к пустоголовым «парижских обезьян подражателям» – с враждой к передовой французской просветительской философии; справедливый протест против дикого произвола помещиков – с идеализацией патриархально-крепостнических порядков прежнего времени; уважение к народной культуре русских крестьян – с подсахариванием их быта и с полным игнорированием всей бедности, нищеты огромной массы крестьянства; просвещенная критика «суеверий» народа – с умилением перед «набожностью» русских, перед «важностью и святостью» православного вероисповедания...

Но, каковы бы ни были положительные или отрицательные стороны общественного мировоззрения автора настоящей главы – т. е. Антоновского, – его

¹ Там же, с. 135–136.

² Там же, с. 186–188.

обширный труд интересен для нас прежде всего как добросовестная попытка удовлетворить проснувшийся среди русского образованного общества интерес к познанию собственного народа. Эта попытка тем более заслуживает внимания, что Антоновский, как мы видим, понял свою задачу очень широко и постарался нарисовать полную и всестороннюю картину русской жизни, описать и охарактеризовать быт всех классов населения и все области общественного и частного быта, дав притом посильную оценку описываемым явлениям.

А из этого следует очень важное заключение, подтверждающее, впрочем, то, что мы видели и на других примерах: хотя в России XVIII в. не существовало ни самого слова «этнография» (как его не было и в других странах), ни понятия о возможности такой особой науки, однако – что народы как таковые могут быть предметом описания и изучения и что описывать и изучать нужно все стороны их быта, притом в прошлом и в настоящем, т. е. в историческом разрезе, как бы мы сказали, – это знали и понимали русские образованные люди того времени. Эти русские образованные люди понимали, кроме того, что изучать и описывать быт народа нельзя «объективистски», бесстрастно: изучая и описывая быт народа, они давали прямую оценку наблюдаемым ими явлениям, положительную или отрицательную, – оценку, вытекающую, конечно, из общественного мировоззрения самого автора. Они связывали, таким образом, изучение быта народа с практическими целями борьбы за его улучшение (как бы ни понимать это улучшение). Это та же основная установка – познать свое отечество для того, чтобы работать на пользу его, – которая была, как мы уже знаем, основным девизом русских передовых людей начиная с Петровской эпохи.

Плавания в Америку

В конце XVIII в. оживилось изучение новооткрытых американских земель. Через 15 лет после неудачной экспедиции Креницына и Левашова в 1785 г. правительство решило возобновить попытку исследовать Алеутские острова и побережье Америки, а также и северо-восточное побережье Азии, и на этот раз она оказалась гораздо удачнее. Была снаряжена экспедиция – опять-таки «секретная» – под начальством капитана Иосифа Биллингса (бывшего спутника Джемса Кука) и капитана Гаврилы Сарычева. Экспедиция длилась восемь лет (1785–1794), она обследовала как прибрежные и внутренние области Чукотки, так и побережья Берингова моря и Алеутские острова. Исследования самого Биллингса были небогаты результатами, Сарычев же показал себя не только прекрасным моряком, совершил ряд точных географических обследований и описаний, но оказался и хорошим наблюдателем быта виденных им народов. В его «Путешествии флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» (СПб., 1802) содержится много ценных сведений о якутах, тунгусах, чукчах, камчадалах, алеутах. Он же издал «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю» (СПб., 1811) с интересными наблюдениями над бытом чукчей. Лишь в наши дни стали известны записи участника той же экспедиции, врача Мерка (о чукчах, алеутах, эскимосах)¹. Большой интерес представляют рисунки другого участника экспедиции, художника Луки Воронина, особенно по чукчам.

¹ См. А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. Сб. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» М., 1948, с. 69–70.

Почти одновременно с этой правительственной экспедицией протекала деятельность частного лица – рыльского купца Григория Шелехова – деятельность, которая, как ни странно, принесла более существенные результаты и имела более далеко идущие последствия. Плавания этого «русского Колумба» к берегам Америки и к Алеутским островам (1783–1787) не только принесли разносторонние сведения об обследованных им странах и об их населении, но ему удалось благодаря необычайной энергии, настойчивости, такту и широкому пониманию задач Русского государства на далекой восточной окраине завязать прочные дружественные, в том числе торговые отношения с коренными жителями. Он разработал широкий и чисто практический план организации русской торговли на берегах северной части Тихого океана, планомерной русской колонизации этого края, организации судоходства и порта на побережье Америки, борьбы с проникновением иностранных грабителей-торговцев, введения земледельческого хозяйства и т. д. Лишь после смерти Шелехова (1795) царское правительство начало с колебаниями и неохотой осуществлять его план. В весьма изуродованном виде план этот воплотился позже в деятельности «Российско-американской компании». Деятельность ее, впрочем, имела огромное значение и для развития русской этнографической науки, но это уже дело следующей эпохи, XIX столетия.

Шелехов показал себя не только отважным мореходом и прекрасным организатором, но и тонким наблюдателем. Составленная им по возвращении из плавания «Записка странствованию в Восточном море» (1787) содержит, помимо описания самого плавания и пережитых приключений, также интереснейшее, хотя и сжатое, описание быта местного населения, особенно «коняг» (т. е. жителей о-ва Кадьяка), а также чугачей и кенайцев.

Хорошо описана их материальная культура, некоторые обычаи. «Записка» Шелехова была напечатана в 1791 г., переиздана в 1793 г. с некоторыми дополнениями, сделанными чьей-то посторонней рукой¹. История изданий шелеховской «Записки» в наши дни хорошо изучена С. Б. Окунем² и А. И. Андреевым³.

Знакомство с сопредельными азиатскими странами

Уместно рассказать и об одном несколько особом направлении расширения этнографических знаний в XVIII в. – об изучении русскими людьми сопредельных стран Азии. Здесь, с одной стороны, продолжалось, как и раньше, собирание сведений чисто ведомственным путем, через командируемых военнотружущих и других подобных лиц: таковы были экспедиции Бухгольца (1714) и Лихарева (1720) через Казахстан в Среднеазиатские ханства, Бековича-Черкасского (1714–1717) туда же со стороны Каспийского моря, поездка капитана Унковского в Джунгарию, отчет о которой был впоследствии напечатан⁴. Но не такого типа сообщения характерны для интересующей нас эпохи, а появление настоящих научных трудов, рассчитанных на удовлетворение любознательности образованного читателя. Здесь надо отметить

¹ «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам...» СПб., 1793.

² С. Б. Окунь. Российско-американская компания. Л., 1939.

³ «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке», с. 35–39, 226–250.

⁴ «Посольство к Зюнгорскому Хун-тайджи Цэван-Рабтану капитана артиллерии И. Унковского». «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. X, вып. 2. СПб., 1887.

прежде всего деятельность двух ученых-востоковедов, пионеров русского, да и мирового китаеведения – Илариона Россохина и Алексея Леонтьева.

Хотя еще труд Николая Спафария «Описание первой части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями» (1677) можно с известным правом называть первым научным исследованием о Китае, это было все же лишь предвестие подлинного научного интереса к великому Китайскому государству и его народу, тем более что сочинение Спафария напечатано тогда не было. Теперь же появилась настоящая китаеведческая литература. Правительством начало посылать в Пекин (в составе действовавшей там постоянно «Российской духовной миссии») молодых людей для изучения китайского и маньчжурского языков, китайской литературы, философии, быта. В числе этих первых в России специалистов-синологов были И. К. Россохин (1707–1761) и А. Л. Леонтьев (1716–1786). Россохин прожил 11, а Леонтьев 20 лет в Пекине, непрерывно занимаясь китайским и маньчжурским языками, собирая книги, географические карты, наблюдая быт населения. По возвращении в Россию Россохин был первым по времени переводчиком с китайского языка при Академии наук. Им переведено до 30 китайских сочинений по истории, языку, философии, из которых, впрочем, всего не более пяти увидело свет, другие поныне хранятся в архивах¹. Леонтьев издал более 16 переводов китайских и маньчжурских сочинений разного содержания. В числе их были и книги, представляющие этнографический интерес: «Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительств», «Кратчайшее описание городам, доходам

¹ См. В. П. Таранович. Иларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское востоковедение», III. М.–Л., 1945.

и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы», «Уведомление о чае и шелке», «Описание китайской шахматной игры» и пр.¹

Но богаче всего этнографическими сведениями перевод обширного сочинения «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» (СПб., 1784). Этот перевод с маньчжурского языка, выполненный совместно Россохиным и Леонтьевым, составил целых 16 томов (250 глав) и включил в себя, помимо собственно перевода, различные примечания, составленные переводчиками. В этом сочинении содержатся интересные сведения, не потерявшие своей ценности и теперь: о происхождении маньчжурской народности, о ее первоначальном ядре – «исконных» маньчжурских племенах и о племенных группах, впоследствии постепенно ассимилировавшихся с маньчурами; данные о военно-политической организации маньчжурского союза, о борьбе первых маньчжурских императоров, с одной стороны, против пережитков родо-племенных традиций, ограничивших их власть, а с другой – против угрозы окитаивания маньчжур, подвергнувшихся действию китайской цивилизации. В тексте «Обстоятельного описания» рассеяно множество и других разнообразных этнографических данных – о хозяйстве, материальной культуре, духовной культуре маньчжур. Имеются этнографические сведения и о других народах, например о народах нижнего Амура².

Россохин и Леонтьев – основоположники русского китаеведения – были впоследствии незаслуженно забыты. А они, бесспорно, подготовили своими трудами

¹ См. А. В. Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения. СЭ, 1950, № 1.

² См. там же.

почву для блестящего расцвета русской синологической литературы XIX в. – для трудов Иакинфа Бичурина, Палладия Кафарова, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и др. От них идет и хорошая традиция русского китаеведения: не отрывать исследования китайских письменных памятников, литературы, истории от изучения живого быта китайского народа и других народов этого государства – традиция, которой пронизаны все работы названных сейчас крупных сиологов.

О более отдаленных странах Азии – например, Индии – русские люди знали в те годы, конечно, мало, хотя индийские купцы приезжали еще в XVII в. в Астрахань, даже в Москву. Но в начале 1780-х годов в этих далеких странах побывал невольный русский путешественник – сержант Филипп Ефремов, томившийся несколько лет в бухарском плену и оттуда бежавший. Ефремов прошел вместе с купцами-попутчиками через Кашгар и Яркенд, далее через западную окраину Тибета (Ладак) в Индию, где побывал в «столичном городе Дели», в «Лякнауре» (Лакхнау), «Банаресе» (Бенарес), Патне и «Калкате» (Калькутте). Оттуда он морем добрался до Англии и вернулся на родину, в Петербург (1782). О своем «девятiletнем странствовании» и приключениях в плену у бухарцев и в далеких странах Ефремов рассказал в книге, изданной тогда же (1786), переизданной в 1794 и в 1811 гг.¹ В этой книге

¹ «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее [ошибка, вместо «девятiletнее»] странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение отсюда в Россию. Писанное им самим». СПб., 1786; «Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение отсюда через Англию в Россию». Новое исправленное и умноженное издание. СПб., 1794; «Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его отсюда чрез Англию в Россию». 3-е вновь переделанное, исправленное и умноженное издание. Казань, 1811. Перво-

автор сжато, но очень содержательно описывает быт, хозяйство, примечательные обычаи бухарцев, кашгарцев, тибетцев, народов Кашмира и Индии. Описания в большинстве случаев правдивы и реалистичны.

Книгу Филиппа Ефремова можно рассматривать как первую ласточку русской индологии (сочинение Афанасия Никитина было ведь издано позже). В конце XVIII в. были и другие путешествия из России в Индию, но материалы их появились в печати уже в начале XIX в. – о них поэтому ниже.

Популяризация этнографических знаний. «Месяцесловы», словари, журналы и др.

Итак, во второй половине XVIII в., а особенно в конце его, русской наукой было накоплено большое количество этнографического материала – почти обо всех народах России и о некоторых зарубежных народах. Очень важно отметить, что этот материал постепенно просачивался из специальных ученых сочинений, описаний путешествий, исследований в общедоступную литературу. Этнографические сведения делались достоянием читающей публики, хотя, конечно, этнографии как особой науки все еще не было и самого термина не существовало.

Каналы, через которые шло это просачивание этнографических сведений в общедоступный оборот, были различны: это, во-первых, некоторые журналы, во-вторых – географические словари, в-третьих – «топографические начальная рукопись 1784 г. напечатана в журнале «Русская старина», 1893, т. 79, вып. 7. Популярное издание: *Филипп Ефремов*. Девятилетнее странствование. М., 1950 (1952). См. также: *Ю. И. Журавлев*. К истории путешествий русских по Тибетскому нагорью (Ф. С. Ефремов). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. «Труды ИЭ», т. 85. М., 1963.

описания» с соответствующими картами, в-четвертых – упомянутое уже «Описание всех народов».

В последние десятилетия XVIII в. журналы в России уже начали постепенно выполнять ту важную общественную роль, которая, как известно, выпала им на долю в XIX в.: роль выразителей и вместе с тем создателей общественного мнения. В большинстве журналов уже тогда заметное место принадлежало научно-познавательному материалу – популяризации сведений из самых различных наук. В числе их мы находим в некоторых журналах и этнографические сведения.

Приведем здесь лишь несколько примеров этих сведений, рассыпанных среди журналов и других периодических изданий XVIII в.

Уже с 1726 г. Академия наук начала издавать так называемые «Месяцесловы» – своего рода популярные календари-альманахи, где печатались и разные научно-популярные статьи, оригинальные и переводные. Впоследствии академик Озерецковский счел нужным переиздать эти статьи, потому что «Месяцесловы» стали библиографической редкостью. Так явилась серия «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов» (10 томов, 1785–1793). В числе напечатанных там статей, довольно разнообразного содержания, немало и чисто этнографических.

Часть 1-я: «Об астрономии гренландских жителей», «Краткое описание обрядов, при перерождении Кутухты примененных», «О великой Татарии» (из сочинения Жербильона).

Часть 3-я: «О происхождении молдавцев, о их языке... вере, нравах и поведениях», «Краткое географическое описание княжества Молдавского и лежащих между Черным и Каспийским морями земель и народов», «Описание Греции», «О покорении Сибири Российской

державе», «Исторические известия о Крыме», «Известие о достопамятных народах, в прежние времена на северной стороне Дуная, а особливо в России живших».

Часть 4-я: «Известие о Бухарии», «Известие о Чукоцком носе».

Часть 5-я: «Известие о королевстве Тибетском», «Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 г.»

Часть 6-я: «Описание Курильских островов», «О бывших промыслах Запорожских казаков и наипаче о рыбном», «Краткое описание Тобольского наместничества», «Об острове Колгуеве», «О Тунгусах вообще», «О Калмыцком народе, кочующем в преждебывшей Астраханской губернии».

В других томах этнографического материала почти нет.

Этнографические сведения и целые статьи встречались и на страницах более поздних журналов, издававшихся Академией наук: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764)¹, «Академические известия» (1779–1781), «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796) и пр.

Можно найти этнографический материал и в частных журналах того времени. Характер этого материала весьма неодинаков и зависит от общего направления журнала. Так, в занимательно-сатирическом журнале М. Д. Чулкова «И то и се» (1769) фольклорно-этнографические тексты отражали романтические увлечения автора (о нем мы уже говорили выше как о первом публикаторе русского фольклора) народной стариной: тут и народные песни, и пословицы, и описания обрядов и народных развлечений и пр. Напротив, в солидном «Рос-

¹ В 1758–1762 гг. выходил под названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1763–1764 гг. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

сийском магазине» Федора Туманского (1792–1794) этнографические статьи сухи и серьезны. Там мы находим «Краткое известие о Пермских Чердынских вогуличах» (и ряд других статей об этом же народе), «Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке», «О Китайском царстве» и пр.¹

Другим каналом, через который в публику проникали этнографические знания, были русские географические словари. Первым таким словарем по времени выхода (1773) был «Географический лексикон Российского государства», составленный Федором Полуниным, воеводой г. Вереи, любителем наук, под редакцией историка Г.-Ф. Миллера. В этом «Лексиконе» есть статьи примерно по 20 народам России; сведения о них заимствованы главным образом из ученых путешествий. Там упоминаются под особыми заголовками барабинцы (Барабинская степь), буджаки (т. е. бессарабские татары), едизанские татары (т. е. ногайцы), камчадалы (Камчатка), кузнецкие татары (Кузнецк), нагайцы, олюторы (т. е. коряки), остяки, пермяки (Пермь), «пегая орда» («народ баснословный», сказано о нем), сыряне (т. е. зыряне-коми), теленгуты, тунгусы, черемисы, чувашаи, чукчи, шелаги (часть тех же чукчей), юкагиры, якуты. Сверх того, ряд народов упоминается попутно в других статьях.

Второе, значительно расширенное издание словаря («Лексикона») Полунина вышло в 1788–1789 гг. под редакцией Льва Максимовича: «Новый и полный географический словарь Российского государства». Этот словарь состоял из двух томов. Сведения о народах в нем гораздо обильнее: описано уже 76 народов, не считая нескольких древних.

¹ См. А. Н. Неустроев. Описание редкого ныне журнала «Российский магазин», изд. в 1792–1794 гг. Ф. Туманским. СПб., 1871.

Близко к типу географического словаря обширное издание известного уже нам М. Д. Чулкова «Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего...» (1782–1788) в семи больших томах. В одну из частей этого издания (т. 3, кн. 1) включены сведения «о народах, обитающих в Сибири между прочими».

В 1793 г. вышел наконец в свет «Лексикон Российский» Татищева (составленный им еще около 1745 г.), доведенный, впрочем, только до буквы «К». Третье издание словаря Полунина, еще более расширенное и совершенно переработанное А. М. Щекатовым, выходило в 1801–1809 гг. в семи частях. Там содержались уже названия 109 современных и 70 древних народов.

«Топографические описания» отдельных местностей России, либо всего государства, выходили в XVIII в. неоднократно. Они очень неравноценны и по общему своему содержанию, и, в частности, по наличию в них сведений о народах. Некоторые из этих «топографических описаний» представляют собой настоящие исследования: такова уже известная нам «Топография Оренбургская» Рычкова, пользующаяся заслуженной славой классического сочинения. Другие «топографические описания» являются лишь сухими официальными справочниками, но и в них иной раз попадаются сведения о народах, населяющих данную область или страну в целом¹.

Из общих описаний России заслуживает внимания книга капитана флота Сергея Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии»². Один из разделов ее посвящен «Народам,

¹ Сведения об этих местных описаниях даны, между прочим, у Пыпина («История русской этнографии», т. 1. СПб., 1890, с. 126–130).

² Первое издание – 1783 г., второе – 1787 г., третье – 1790 г., четвертое – 1793 г.

обитающим в России»¹, где дается перечень этих народов, в общем довольно грамотно распределенных по языковым группам (правда, с типичными для того времени ошибками), и о каждом из них приводятся краткие сведения. Напротив, в упоминавшемся уже выше «Новейшем повествовательном землеописании всех 4 частей света...», где описание «Российской империи» принадлежит, кажется, М. И. Антоновскому, глава о «Народах России», хотя и довольно велика, представляет собой самую невероятную путаницу и в смысле группировки народов, и в отношении сообщаемых о них сведений. Автор не удовлетворяется простой классификацией народов по языкам (уже в то время в основном прилично разработанной и общепринятой), а пускается в «ученые» исторические рассуждения о происхождении народов и сообразно этому объединяет их в совершенно фантастические группы: так, в группу «древних Руссов» попадают у него финноязычные и летто-литовские народы, в группу «Гофов или Гетов» – самоедские народы, юкагиры и шведы и т. д.

Зато очень полезен для этнографа статистический справочник, составленный инспектором Академической гимназии Лудвигом Бакмейстером: «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи» (1–4, СПб., 1771–1774). Здесь нет ни классификации, ни перечня народов, и о народах вообще не говорится, но по каждой губернии и провинции даются точные сведения об экономике – о земледелии, о поголовье скота, о ремеслах и промыслах, о торговле и пр.

¹ См. третье издание, с. 26–38.

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

в 1800—1830 гг.

Кругосветные экспедиции начала XIX в.

Самым заметным новым явлением в русской этнографии начала XIX в. был выход ее на широкую мировую арену. В XVIII в. этнографический горизонт русских образованных людей был в значительной мере замкнут пределами Русского государства. За этими пределами даже страны и народы Европы, соседние страны Азии были мало известны; исключением был в известной степени лишь Китай. С первых же лет XIX в. были решительно прорваны прежние рамки. Это связано прежде всего с началом русских кругосветных экспедиций.

Большие кругосветные экспедиции (1803—1849) были непосредственно вызваны экономическими и политическими причинами: необходимостью установления прямой связи с недавно приобретенными Россией владениями в северо-западной Америке (Аляска, Алеутские острова) и организации снабжения основанных там колоний. Плавания русских моряков через Охотское и Берингово моря в Америку совершались, как мы знаем, еще в XVIII в.; уже тогда они принесли немало и этнографического материала. С начала XIX в. плавания туда

получили гораздо больший размах и научные результаты их стали неизмеримо более широкими: они охватили почти все части света. Перед русскими моряками ставились разносторонние задачи, лишь частично связанные с первоначальной узкой целью – сообщения с российско-американскими владениями. Речь шла теперь о больших географических исследованиях, открытии новых земель и островов, описании заокеанских стран. Всего кругосветных экспедиций было за интересующий нас период до 40. Расскажем о более выдающихся из них и о том, что они дали этнографической науке.

Первое кругосветное плавание – кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием капитан-лейтенантов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского – происходило в 1803–1806 гг. Оно было замечательным мореходным и научным предприятием. Оба командира были опытными моряками, много плававшими раньше на русских и иностранных судах. Крузенштерну принадлежала сама идея организации морского сообщения с американскими владениями России – сообщения, более удобного в условиях, когда сухопутная связь с ними через Сибирь была трудной и дорогостоящей. Но, помимо этой ближайшей практической цели и помимо другой, побочной, но тоже практической – доставки русского посольства в Японию, экспедиция разрешала и более широкие, исследовательские задачи. Оба командира были хорошо образованными и подготовленными людьми, – они вели географические, астрономические, гидрографические и прочие наблюдения, в том числе и наблюдения над бытом народов посещенных стран. Эти наблюдения были ими позже опубликованы¹.

¹ См. [Крузенштерн]. Путешествие вокруг света в 1803–1806 гг. на кораблях «Надежде» и «Неве», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 2-го ранга, Крузенштерна..., ч. 1–3. СПб.,

На корабле «Надежда» находился, кроме того, специально напросившийся в путешествие натуралист Георг Лангсдорф: он занимался научными наблюдениями и изложил их позже в большой книге «*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803–1807*» (1, 2. Frankfurt-am-Main, 1812).

Оба корабля совершили плавание частью совместно, частью врозь, из Кронштадта через Атлантический и Тихий океаны. Вместе они посетили берега Южной Америки, Вашингтоновы (Маркизские) и Гавайские острова. Описания этих двух групп островов, населенных полинезийцами, очень содержательны у обоих мореплавателей и во многом, особенно в этнографическом отношении, существенно дополняют прежние известия о них. В те годы еще почти не сказывалось разлагающее действие европейско-американской колонизации, которая позже совершенно разрушила самобытную культуру островитян, поэтому сведения, привезенные русскими моряками, представляют особый интерес. Например, описание социального строя и общественных обычаев гавайцев, данное Лисянским, описание их верований, системы табу, религиозных обрядов и пр. сохраняют полную ценность и по сейчас. Описаны им и некоторые стороны материальной культуры туземцев. И в этом описании, и в других замечаниях видна нескрываемая симпатия русского к способному, трудолюбивому народу, восхищение его самобытной культурой.

«Тамошний народ (т. е. гавайцы), – писал Лисянский, – кажется, имеет большую способность и вкус к рукоделиям: все делаемые ими вещи отменно хороши, но искусство в тканях даже превосходит воображение.

1809; [Лисянский]. Путешествие вокруг света в 1803–1806 гг. на корабле «Неве», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 1-го ранга и кавалера, Юрия Лисянского, ч. 1–2. СПб., 1812.

Увидев их в первый раз, я никак не мог поверить, чтобы дикой человек имел столь изящный вкус. Смешение цветов и отличное искусство в рисунке, со строжайшим соблюдением соразмерности, прославили бы каждого фабриканта даже и в Европе, а особливо если возьмем в рассуждение, что дикие столь редкие и удивительные изделия производят самыми простыми орудиями»¹. Лисянский отмечает также особую честность гавайцев в торговле.

Пробыв несколько дней у берегов о-ва Пасхи, Лисянский дал краткое, но ценное описание культуры жителей этого острова, возбуждающей поныне столько различных мнений и споров. Он же подробно обследовал и описал северо-западное побережье Америки, в частности русское поселение Ситку, о-в Кадьяк, записал интересные сведения о кадьякских эскимосах и о тлинкитах («ситкинцах»). От берегов Америки Лисянский направился на запад, в обратный путь, и по дороге посетил Марианские острова, порты Южного Китая – Макао, Кантон, где вновь встретился с Крузенштерном, а затем мыс Доброй Надежды и Азорские острова.

Крузенштерн на «Надежде» от Гавайских островов поплыл прямо к берегам Камчатки, оттуда к Сахалину и Японии. Он привез интересные сведения о почти неизвестных тогда айнах и японцах, о народах Сахалина, в частности гиляках (названных им «китайскими татарами»), о камчадалах.

Мореплаватели привезли и вещественные коллекции по быту посещенных ими народов, хранящиеся и сейчас в наших музеях; они составили в них основу собраний по этнографии зарубежных стран.

¹ Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света на корабле «Неве», с. 213–214.

Материалы экспедиции Крузенштерна и Лисянского были изданы не только на русском, но и на иностранных языках¹.

Следующими по времени были замечательные плавания лейтенанта В. М. Головнина, впоследствии вице-адмирала. Выдающееся значение имели два кругосветных плавания Головнина: на военном шлюпе «Диана» в 1807–1811 гг. и на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг. Задачей первого плавания были чисто научные изыскания, второе плавание имело и практическую цель: ревизию деятельности Российско-Американской компании. В первое плавание Головнин посетил берега Бразилии, мыс Доброй Надежды, о-в Танну в Меланезии (Новогебридская группа), Камчатку и побережье северо-западной Америки. Интересно его описание быта и нравов обитателей Капской колонии – главным образом голландцев-буров, описание жителей о-ва Танны (острова Меланезии были в то время почти совершенно не исследованы). Это первое плавание завершилось драматическим эпизодом, прославившим имя Головнина больше, чем что-либо иное: двухлетним пленом у японцев. Вероломно захватив Головнина и его спутников в плен, японцы вначале обращались с ними жестоко, но затем смягчили режим, и Головнин мог беспрепятственно наблюдать быт населения. Плавание на «Камчатке» имело результатом очень содержательное описание быта жителей Бразилии, Перу, Калифорнии, порта Новоархангельска, Гавайских (Сандвичевых) островов, Марианских островов, Манилы на о-ве Люсон и др. Наблюдения и исследования Головнина были тогда же

¹ А. *Krusenstern*. Reise um die Welt in den Jahren 1803–1806... auf den Schiffen Nadeshta und Neva, I–III. St.-Petersburg, 1810–1812; *De Krusenstern*. Voyage autour du monde, I–II, avec un atlas. Paris, 1821; *U. Lisiansky*. A voyage round the World in the years 1803–1806 in the ship Neva. London, 1814.

опубликованы им в книгах «Записки В. М. Головнина в плену у японцев в 1811–1813 гг.» (ч. 1–3, СПб., 1816; изд. 2, СПб., 1851), «Путешествие шлюпа “Диана” из Кронштадта в Камчатку... в 1807–1809 гг.» (ч. 1, 2, СПб., 1819), «Путешествие вокруг света... совершенное на военном шлюпе “Камчатке” в 1817–1819 гг. флота капитаном Головниным» (ч. 1, 2, СПб., 1822). Особенно ценны его «Замечания о Японском государстве и народе», составляющие 3-ю часть «Записок в плену у японцев»: это было первое обстоятельное описание быта японцев, а также и айнов-курильцев.

Экспедиции О. Е. Коцебу имели еще большее значение для русской географической и этнографической науки. Спутник Крузенштерна, Коцебу позже командовал (1815–1818) кругосветным плаванием брига «Рюрик», а в 1823–1826 гг. – плаванием шлюпа «Предприятие». Как и его предшественники, Коцебу посетил берега и острова Тихого океана, сделав здесь ряд важных географических открытий: он впервые открыл несколько островов в архипелаге Туамоту и целую цепь островов восточной части Маршаллова архипелага (группа Ратак), принадлежащего к Микронезии. Коцебу дал одно из первых в мировой науке описаний быта восточных микронезийцев – этой и сейчас еще недостаточно изученной группы островитян Океании. Острова Ратак Коцебу обследовал в оба свои плавания. Он побывал также на островах Таити, Самоа, Гавайях, Марианских. Наблюдения Коцебу отличаются особой вдумчивостью, серьезностью понимания быта туземцев. К ним он относился с гуманным интересом, уважал их обычаи и старался установить с ними дружественные отношения. «...Мне кажется, – писал сам Коцебу, – что при открытии какой-либо матерой земли или какого-либо острова весьма важно и нужно домогаться приобрете-

ния также познаний о жителях тех земель, о их нравах и обычаях»¹. Один из первых европейцев Коцебу старался научиться туземным языкам – и с островитянами Ратака он объяснялся довольно прилично. Островитяне полюбили приветливого и простого русского моряка и во второй его приезд, после семилетнего отсутствия, с восторгом встретили своего друга «Тотабу» (как они его называли). Из наблюдений Коцебу и его помощника лейтенанта Шишмарева – на островах Ратак особенно интересны те, которые касаются прекрасно поставленного земледельческого хозяйства островитян, их судостроительного и мореходного искусства, общественных обычаев. Записи Коцебу проливают свет, например, на своеобразный социальный строй микронезийцев, где глубоко архаические черты сочетались с развитыми формами классовых отношений. Коцебу, как и другие русские моряки, старался не только изучить и понять жизнь туземцев, но и чем возможно улучшить ее: с этой целью он раздавал островитянам семена новых для них культурных растений (острова очень бедны растительностью), обучая их уходу за ними, оставлял им свиней, которых они прежде не знали. Со своей стороны островитяне хотели отблагодарить своего русского друга и, узнав, что в России нет кокосовой пальмы, с трогательной щедростью принесли довольно много кокосовых орехов, чтобы русские посадили их, вернувшись на родину; они были очень огорчены и удивлены, узнав, что климат России этого не допускает.

Коцебу внимательно наблюдал не только самобытную культуру островитян Океании, но и то, как эта культура гибнет под <...> влиянием <...> колониза-

¹ О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания сев.-вост. морского прохода, предпринятое в 1815–1818 гг. ч. 2. СПб., 1821, с. 131.

ции... Попав на острова Таити, Коцебу в своих записях вспоминает, что эти острова описывались в европейской литературе путешествий как земной рай, где жители блаженствуют; в отношении природы и плодородия почвы островов, полагает он, с этим можно согласиться, но «что касается до блаженства народа, то ныне, к сожалению, путешественник ничего подобного сказать не может, ибо отагейтяне [таитяне] страдают под тяжким игом миссионеров»¹. Английские миссионеры захватили в свои руки всю власть, превратив местного короля в марионетку. «Многие островитяне умеют читать Библию и несколько писать, все они должны три раза в день ходить в церковь и вообще большую часть времени проводить в молитвах; по воскресным дням никто не смеет работать и даже не варят себе пищу, а проводят целые сутки с Библией в руках. Всякое веселье почитается за великий грех, хотя бы оно было и самое невинное»². Общий результат хозяйничанья колонизаторов – катастрофическое падение численности населения: «Во времена Кука на Отагейти [Таити] считалось жителей до 80 тысяч, теперь же их только 8 тысяч. Отчего произошла сия ужасная разность? Где на островах Южного моря поселится европеец, там опустошительная смерть, сопутствуя ему, истребляет целые племена, ибо сии переселенцы редко бывают достойны носить название своего отечества»³.

Одна из наиболее знаменитых в истории мореплавания русская экспедиция в Антарктику 1819–1821 гг., снаряженная морским министерством для чисто научной цели – открытий и исследований в области Южно-

¹ Коцебу. Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Предприятие» в 1823–1826 гг. СПб., 1828, с. 60.

² Там же, с. 63–64.

³ Там же, с. 64.

го полюса, – и увенчавшаяся, как известно, открытием Антарктического материка, дала в то же время немало и ценного этнографического материала. В плавании участвовало два судна: шлюпы «Восток» (капитан Ф. Ф. Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир – лейтенант М. П. Лазарев). В числе участников экспедиции были: казанский профессор-астроном И. М. Симонов, мичман П. М. Новосильский, – оба они оставили очень ценные записи своих наблюдений в экспедиции¹, живописец П. Михайлов, сделавший в пути много зарисовок, в том числе этнографических. Оба командира кораблей сами подготовили к изданию описание плавания². Во всех этих описаниях встречаются ценные сведения о населении Бразилии (Рио-де-Жанейро), некоторых островов Океании (Таити, Туамоту). Впервые в русской литературе появились прямые сообщения о туземном населении Австралии и Новой Зеландии. Эти сообщения очень любопытны. Помимо чисто фактических подробностей, авторы их пытаются обобщить свои наблюдения и ставят некоторые общие вопросы. Так, в записках Симонова мы находим впервые, видимо, в мировой науке поставленный вопрос о происхождении австралийцев. Симонов высказал предположение, что они – потомки выходцев из Индии, принадлежащих к низшим кастам; предположение это, основанное на некотором сходстве внешнего вида, не лишено интереса, ибо, как известно, современная ан-

¹ «Южный полюс, из записок бывшего морского офицера. 1853 г.» (автор этой анонимной книжки – П. М. Новосильский). «Русские открытия в Антарктике». М., 1951.

² Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819–1821 гг., совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном»... СПб., 1831. «Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном Ледовитом океане и вокруг света в 1819–1821 гг.». СПб., 1831.

тропология подтверждает родство расового типа австралийцев и некоторых племен Южной Индии, а заселение Австралии в древности выходцами из Южной или Юго-Восточной Азии и сейчас представляется наиболее правдоподобным.

Одновременно с экспедицией к Южному полюсу была снаряжена экспедиция в северные широты – с целью опять-таки географических открытий. Задача эта поручалась тоже двум судам – шлюпам «Открытие» и «Благонамеренный». Обе экспедиции, южная и северная, составляли две «дивизии» единого крупного научного предприятия. Но, в отличие от антарктической экспедиции, о плавании северной «дивизии» известно очень мало, – до недавнего времени об этом было издано всего несколько мелких сообщений. Лишь в наши дни обнаружена и опубликована хранившаяся более 100 лет рукопись А. П. Лазарева, лейтенанта, участника плавания на «Благонамеренном», родного брата М. П. Лазарева¹. Оба судна проплыли на Север окольным путем, как это обычно тогда делалось, посетив берега Бразилии, побывав в Австралии, на островах Океании. Больше всего этнографических наблюдений участники плавания сделали в Бразилии, – как и всех других русских моряков, их поразила здесь отвратительная торговля рабами – неграми, и на Гавайских островах, – туда они попали в критический момент истории гавайского народа, в разгар реформаторской деятельности Камехахеи II, только что перед тем уничтожившего старую религию и систему табу. Интересны и наблюдения в районе Берингова моря, где Лазарев записал много любопытных подробностей

¹ А. П. Лазарев. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819–1822 гг. М., 1959.

быта чукчей, эскимосов о-ва Лаврентия и залива Коцебу, алеутов, тлинкитов.

Из последующих плаваний наиболее плодотворным для этнографической науки было плавание военного шлюпа «Сенявин» под командой Ф. П. Литке в 1826–1829 гг. Спутник Головнина в его экспедиции на шлюпе «Камчатка», плававший затем в Баренцевом и Белом морях, Литке был назначен командиром экспедиции, получившей очень разносторонние задания, преимущественно научные. За 3 года плавания моряки «Сенявина» посетили и обследовали берега и острова Берингова моря и Литке сделал хорошее описание быта чукчей, «намоллов» (под этим названием фигурировали, видимо, и береговые чукчи, и эскимосы), алеутов, «колошей» (тлинкитов). С другой стороны, исследования велись и в тропической части Тихого океана, в Каролинском архипелаге. Из островов этого архипелага Литке и его спутник Мертенс особенно подробно описали острова «Юалан» (ныне Кусайе) и «Пыйнипет» (Понапе). Они детально описали общественный быт, организацию власти, материальную культуру островитян.

Описание это вполне осмыслено. Литке старался понять особенности общественного строя каролинцев, связывал между собой отдельные изучаемые явления. Например, очень метко определяет Литке различия в чертах характера племенной аристократии и простого народа на о-ве Юалан: от полной праздности умственные способности «юрсов»-аристократов остаются неразвитыми. «Поесть, поспать, посидеть в кружку и побалагурить – вот в чем проходит жизнь юроя. Умственные его силы в такой же всегдашней праздности, как и физические; он не боится недостатка и не имеет неприятелей, он не знает ни страха, ни надежды; стра-

сти его дремлют – от этого, конечно, кроткий, тихий нрав, но и ограниченность умственных способностей юросов; они все почти бестолковы; с последним из народа объяснялись мы лучше, и даже с женами их, потому что они хоть что-нибудь делают»¹.

Литке отмечает далее поразительную честность островитян, отсутствие у них воровства, отмечает их мирный, радушный нрав. Войн они не знают, а потому у них нет никакого оружия и нет никаких «гимнастических упражнений», нужных для военной подготовки.

Интересны мысли Литке о происхождении каролинцев: он посвящает этому вопросу специальное внимание. Опираясь на предположение Шамиссо – натуралиста, участника плавания «Рюрика» – о родстве языков жителей Океании и Индонезии, Литке привлекает к решению вопроса также данные антропологического типа, этнографические особенности жителей Каролинского архипелага для уяснения его исторических связей. «Подробное исследование их политического состояния, религиозных понятий, преданий, познаний и искусств вернее могло бы привести нас к открытию происхождения их»². Исходя из всей совокупности фактов, Литке высказывает предположение, что предками островитян Океании были сравнительно культурные племена Индии³.

Помимо изложенных, упомянем еще кругосветное плавание транспорта «Або» в 1840–1842 гг., описанное А. И. Бутаковым, его участником, и особенно интересное тем, что были посещены и описаны, между прочим, Ни-

¹ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Сенявина» в 1826–1829 гг. ... отделение историческое, ч. I. СПб., 1834, с. 271–272.

² Там же, ч. II, СПб., 1835, с. 239–240.

³ Там же, с. 240.

кобарские острова, весьма мало изученные еще и до сих пор. Наиболее подробно описал Бутаков жителей Южной Африки – Капской колонии (кафров-зулусов, готтентотов, бушменов), а также население Камчатки¹.

Изучение Русской Америки

Русские поселения в Америке, основание которых послужило первым толчком к кругосветным плаваниям русских моряков, сами по себе оставались предметом непрерывного внимания в России. Интерес к заморским владениям неуклонно рос со времени основания Российско-Американской компании (1799). Он особенно усилился в 30–40-е годы XIX в. в связи с обострением политического положения, с попытками англичан и американцев проникнуть в Русскую Аляску, а также в связи с наметившимся истощением и упадком морских промыслов: отсюда стремление найти новые ресурсы в глубине Аляски. С конца же 40-х годов интерес к американским владениям России заметно падает – на первое место выдвигается проблема Амурско-Сахалинского края.

Активные исследования в Русской Америке в 20–40-х годах XIX в. не могли не составить значительного вклада в этнографическую сокровищницу знаний.

Планомерные исследования Америки начались с первых же лет деятельности Российско-Американской компании. Помимо уже известных нам кругосветных плаваний Лисянского, Лазарева, Литке и других, с Охотского побережья туда плавали в 1802–1804 и в 1804–1808 гг. лейтенант П. А. Хвостов и мичман (позже лей-

¹ А. Бутаков. Записки русского морского офицера. «Отечественные записки», т. 27, 1843; т. 33, 35, 1844.

тенант) Г. И. Давыдов. Этим плаваниям посвящена книга «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» (СПб., 1810–1812, ч. 1, 2). В первом томе описано первое из этих путешествий (второе осталось неопианным из-за смерти автора), а второй целиком занят систематическим изложением сведений о посещенных странах и быте их населения, особенно «конягов» (жителей о-ва Кадьяка) и частью кенайцев (береговых атабасков).

В 1811–1812 гг. штурман Иван Васильев плывал к островам Андреяновской группы и в своем путевом журнале сообщил некоторые сведения об алеутах¹.

Одной из самых выдающихся экспедиций было плавание Кашеварова в 1838 г. к северным берегам Аляски. Александр Филиппович Кашеваров (1809–1866), местный «креол» (т. е. русско-алеутский метис), опытный моряк, проделал замечательный маршрут на байдарках вдоль берегов Аляски на Север, вплоть до крайней северной ее точки, мыса Барроу, и даже несколько восточнее. Для этнографической науки его плавание дало очень много. Кашеваров первым обследовал и описал береговые группы североаляскинских эскимосов, установил их племенные подразделения и диалекты, дал хорошее описание их жилищ, морских промыслов, некоторых обычаев, праздников. Материалы экспедиции Кашеварова разбросаны по разным журналам тех лет².

Российско-Американская компания заботилась и об обследовании внутренних областей Аляски, в то время совершенно неведомых для науки. Из путеше-

¹ «Выписки из журнала путешествия штурмана Ивана Васильева к островам Алеутским в 1811–1812 гг.». «Дух журналов», 1816, ч. XIV, с. 53.

² См. Б. А. Липшиц. А. Ф. Кашеваров как исследователь Аляски. СЭ, 1952, № 1.

ствий в эти области надо отметить пешеходную экспедицию Колмакова вверх по р. Кускоквим (1832–1833), Андрея Глазунова (креола) из Михайловского редута на Квихпак (р. Юкон) и оттуда трудным перевалом на Кускоквим и вверх по этой реке и по притоку ее Тхалькук с неудачной попыткой перевалить к Кенайскому заливу (1833–1834). Из этого невероятно трудного путешествия Глазунов привез с собой много очень ценных сведений о местных племенах, об их языках¹. Наибольшей известностью, однако, пользуется путешествие Лаврентия Алексеевича Загоскина, лейтенанта, служащего Компании, который в 1842–1844 гг. прошел большой путь вверх по Юкону и обследовал племена береговых и материковых эскимосов, несколько племен атабасков. В своей «Пешеходной описи части русских владений в Америке» (ч. 1, СПб., 1847) он ясно разграничил эти различные группы местного населения – различные и по языку, и по форме хозяйства и быта².

Сами правители русских колоний в Америке были в большинстве просвещенными людьми и всячески содействовали собиранию сведений о местных жителях, их быте и культуре. Особенно много сделал в этом отношении Кирилл Тимофеевич Хлебников (1776–1838), бывший правителем главной конторы РАК в Америке в течение 16 лет (1816–1832). Энергичный начальник, он сам неоднократно плывал вдоль берегов Америки, в Калифорнию, Мексику, Перу, Чили, изучал местную природу и туземное население, с которым постоянно поддерживал дружественные отношения. Сам Хлебников,

¹ См. «Извлечение из путевого журнала помощника мореходства Андрея Глазунова». «Журнал мануфактур и торговли», 1836, отдел IV, с. 31–61.

² См. «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг.» М., 1956.

будучи человеком очень скромным, печатал немного¹, но он щедро снабжал этнографическим материалом других авторов². Еще больше сделал для этнографии северо-западной Америки Фердинанд Врангель (1796–1870), управляющий российско-американскими владениями в 1830–1835 гг. Находясь там, он посылал статьи в журналы «Телескоп» и другие, дополняя свои собственные наблюдения сведениями других исследователей. Позже они были собраны и изданы с дополнениями на немецком языке К. М. Бэрм³; это настоящая энциклопедия этнографических сведений о населении северо-западной Америки.

Но наиболее выдающимся исследователем быта и культуры этого населения был Иван Евсеевич Вениаминов (1797–1879) – впоследствии митрополит Иннокентий – миссионер-ученый, живший в российско-американских владениях 15 лет (1824–1839), из них 10 лет среди алеутов, 5 лет среди тлинкитов. Основные результаты своих исследований он издал (на средства Российско-Американской компании) по возвращении в Россию в большой работе «Записки об островах Уналашкинского отдела» (ч. I–III, СПб., 1840). В первом томе автор дает подробное описание самих островов, их природных условий и общие сведения о жителях; во втором – обстоятельную этнографическую монографию об алеутах Лисьевских островов; в третьем, дополнительном, – более краткое описание атхинских алеутов и тлинкитов.

¹ См. *Хлебников*. Первоначальные поселения русских в Америке. «Радуга», 1833, кн. 4; «Байдара» и «Байдарка» – статьи в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, 1835, т. 4.

² См. *Н. Полевой*. Кирилл Тимофеевич Хлебников. «Сын отечества», т. 4, 1838, отд. VI. Известия и смесь, с. 1–7.

³ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzender Länder Asiens». 1-es Bändchen. St.-Petersburg, 1839.

Этот труд стоит совершенно особняком не только в ряду сочинений того времени о Русской Америке, — он занимает почетное место в мировой этнографической литературе.

Поразительно прежде всего обилие, полнота, разнообразие сообщаемых здесь этнографических сведений: 15-летние систематические наблюдения при хорошем знании местных языков дали свои плоды. Описание алеутов в труде Вениаминова охватывает все стороны их жизни, начиная от телесных качеств, национального характера, «способностей», языка и до подробной характеристики их хозяйств, материальной культуры, общественного быта, верований, народных знаний и народного творчества. Но не эта полнота и разнообразие фактического материала составляют главное достоинство труда Вениаминова, и даже не правдивость, точность, объективность наблюдений. Главное достоинство труда — это чисто исследовательский, научный стиль его. Перед нами отнюдь не куча сырого фактического материала, хотя сам автор из чрезмерной скромности и писал в предисловии, что его «записки» — «суть ничто иное или не более, как материал или материалы, разложенные по сортам почти без всякой обделки»¹. Напротив, все излагаемые факты осмыслены, взвешены, освещены общей концепцией.

Конечно, эта общая концепция, научное мировоззрение Вениаминова — не есть законченная и выдержанная система. В нем перемешаны идеи просветителей-рационалистов XVIII в. с элементами руссоизма и представлениями о «добром дикаре», признание определяющей роли внешней среды — с верой в силу разума и просвещения. Сказывается, естественно, и идеология христианского миссионера. Но над всем господству-

¹ Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 1, с. IV.

ет стремление видеть вещи как они есть, стремление понять и осмыслить их, т. е. реализм и объективизм в наблюдении фактов; в осмыслении же их автор всюду проводит историческую точку зрения. При этом – что особенно важно – познавательный интерес автора не отделен у него от практического стремления – стремления принести пользу изучаемому народу, содействовать его просвещению и развитию.

По убеждению Вениаминова, характер, способности, быт народа – в данном случае алеутов – зависят от степени «просвещения», а последнее, в свою очередь, зависит от условий среды. «Ежели всякое растение, каждый род животных может быть улучшен и доведен до возможного совершенства – образованием, то, без сомнения, и порода человека, способного к усовершенствованию всякого рода, – может совершенствоваться – образованием, и – следовательно, иметь степени совершенства. Алеуты выше индейцев (имеются в виду индейцы Калифорнии), потому что местность заставляет их изобретать средства к продовольствию и, следовательно, совершенствовать смышленность свою; а ознакомление с европейцами и принятие христианства пробудило и самые способности ума. Но алеуты ниже русских, потому что они лишь только начали просвещаться. Тогда как нынешнее поколение русских более чем тринадцатое от начала просвещения»¹. Вот почему алеуты, «хотя и имеют хорошую память и воображение не мертвое..., но при всем том умственными способностями своими не могут равняться со способностями тех народов, которых уже деды и прадеды были просвещеннее, чем нынешнее поколение алеутов, – т. е. я хочу сказать, что самая порода алеутов находится еще на низкой ступени и далеко не может равняться с поро-

¹ Вениаминов. Указ. соч., ч. II, с. 18–19.

дою народов просвещенных, – как с породою человека уже улучшенною»¹.

Вениаминов видел и во внешнем облике алеутов следы влияния среды и образа жизни – того, что они постоянно плавают в своих байдарках по морю, что они питаются преимущественно рыбой, и т. д.

Дав общую оценку «способностям» алеутов, Вениаминов затем подробно разбирает отдельные особенности их характера, с полной объективностью и беспристрастием рассказывая и о положительных, и об отрицательных его сторонах.

В самом начале своего труда Вениаминов ставит очень важный с нашей точки зрения вопрос – вопрос о происхождении алеутов: он внимательно разбирает данные относительно давности обитания их на островах, взвешивает соображения по вопросу о том, откуда именно, с востока (из Америки) или с запада (из Азии), пришли их предки, высказываясь в пользу мнения об азиатском происхождении алеутов: предки их приплыли с Камчатки, куда они в более раннее время могли попасть из Японии. Вениаминов учитывает при этом и данные языка, и физический тип, и предания алеутов и пр.²

Из описания Вениаминовым отдельных явлений быта и культуры алеутов наиболее интересна его характеристика их общественного строя или «правления» (ч. II, гл. VII). Здесь-то особенно проявляется глубокая наблюдательность автора, его умение видеть то, что от поверхностного зрителя обычно ускользает. Он описывает «патриархальное правление» в прошлом у алеутов, т. е. черты родового строя у них, но в то же время и разделение их на три «сословия»: «почетных, простолюдинов и калгов или рабов»; обстоятельно описывает положение

¹ Там же, с. 17–18.

² Там же, ч. I, с. 107–113.

рабов, давая достаточный материал для суждения о характере рабства у алеутов; говорит о дружинах вождей, о вождях как инициаторах постоянных войн; об обмене; о различных общественных обычаях, о наказаниях, об «игрушках» (празднествах) и пр.

Все описания быта алеутов выдержаны у Вениаминова в историческом плане: он систематически сопоставляет прежнее и нынешнее состояние островитян, не переносит прошлое в настоящее или наоборот (как делают и теперь еще многие этнографы). В последней главе – «Взгляд на нынешнее просвещение алеутов» – Вениаминов ставит вопрос: что дало алеутам «просвещение», принесенное к ним русскими? В этом вопросе Вениаминов проявляет ту же научную объективность и беспристрастность: он видит и положительное влияние русской культуры (и, как он считает, христианства), но не закрывает глаза и на дурные последствия прихода русских: к числу этих дурных последствий Вениаминов относит исчезновение некоторых хороших обычаев, патриархальной простоты и строгости нравов, упадок технических навыков, например мореходного искусства, народной медицины. В общем итоге, однако, автор смотрит на положение дел оптимистически, он верит в разум и в просвещение: печальные явления в новом быту алеутов «не суть следствия просвещения, но способа или образа, коим вносимо было им просвещение. Истинное просвещение всегда и всем полезно»¹.

Помимо названной большой работы, Вениаминов оставил отдельные статьи этнографического, лингвистического и другого содержания. Интересны его исследования языков алеутов, кадьякцев, тлинкитов: по мнению лингвистов, это были первые серьезные работы по языкам, не принадлежащим к индоевропейской семье.

¹ Вениаминов. Указ. соч., ч. II, с. 318.

Не отгораживая своей научной работы от практических задач помощи хозяйственному развитию колоний и их обитателей, Вениаминов много сделал и в этой области. Он заботился о лесонасаждениях на Алеутских островах, предлагал меры по улучшению промысла морского котика. Он был человеком разносторонних и притом практических знаний: хорошо знал лесное дело, был умелым мореходом, часовым мастером, плотником и столяром (сам построил себе дом и изготовил мебель). Для священника-миссионера – познания несколько необычные. Этнографическое изучение населения колоний было для него лишь частью общей цели – принести посильную помощь развитию американских владений России.

Необходимо упомянуть и о плодотворной деятельности Ильи Гавриловича Вознесенского, долго путешествовавшего (1839–1849) по американским владениям России и в северо-восточной Азии. Препаратор Зоологического музея, Вознесенский занимался главным образом сбором зоологических коллекций, но он имел также поручение и по сбору этнографических предметов. Человек необычайно трудолюбивый, добросовестный и наблюдательный, он сумел собрать и привезти в музей Академии наук богатейшие коллекции по быту эскимосов, алеутов, кенайцев, тлинкитов, племен Калифорнии и др. Печатных трудов Вознесенский не оставил, но в его записных книжках, хранящихся в Архиве Академии наук СССР, содержится очень много ценных этнографических наблюдений ¹.

¹ См.: К. К. Гильзен. И. Г. Вознесенский. «Сборник МАЭ», т. 3, 1915; М. В. Степанова. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки. «Изв. ВГО», 1944, вып. 5; Е. Э. Бломквист. Рисунки Вознесенского. Сб. МАЭ, т. 13; Б. А. Липшиц. Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского. «Изв. ВГО», 1959, вып. 4.

Экспедиция Лангсдорфа в Бразилию

Если северо-западная Америка была по понятным причинам в те годы предметом сосредоточенного и всестороннего изучения, в том числе и этнографического, то лишь случайным, хотя и немаловажным, эпизодом надо считать отправку русской экспедиции для изучения другой области Америки – далекой Бразилии. Экспедиция 1825–1829 гг. во внутренние земли Бразилии, тогда совершенно неизученные, не была вызвана какими-либо экономическими или политическими интересами России. Она обязана была исключительно научной предприимчивости отдельных лиц, больше всего Г. И. Лангсдорфа, с именем которого эта экспедиция и связывается.

Георг Генрих (Григорий Иванович) Лангсдорф (1774–1852) был незаурядным ученым; имя его связано с разными странами. Немец родом, он провел юные годы в Португалии и уже там стал известен как натуралист и врач; в 1803 г. был принят в число членов-корреспондентов Петербургской Академии наук. Об участии Лангсдорфа в русском кругосветном плавании на «Надежде» в 1803–1806 гг. уже говорилось выше. Едва вернувшись из длительной поездки, Лангсдорф тут же решил принять участие в экспедиции в Среднюю Азию (Самарканд и Бухару), но не доехал туда, так как в 1812 г. получил назначение русским консулом в Рио-де-Жанейро (Бразилия). Назначение это было вызвано, кажется, чисто научными интересами. За 12 лет своей жизни в Бразилии Лангсдорф усердно занимался изучением флоры и фауны, но одновременно интересовался и местным населением. Уже в первом письме его в Академию наук, написанном через месяц по приезде в

Рио-де-Жанейро, дается краткое описание племени ботокудов, а в следующем году он посылает в Академию наук, вместе с краткой заметкой о ботокудах, небольшой словарь их языка. Приехав в Петербург в 1821 г., Лангсдорф добился организации целой экспедиции во внутренние области Бразилии.

Экспедиция была снаряжена на средства, данные правительством. В ней приняли участие, кроме самого Лангсдорфа, ботаник Ридель, астроном Нестор Рубцов, рисовальщики Ругендас, Тонэй, Флоранс. В течение 3 лет (1823–1825) производились предварительные короткие экскурсии, а с сентября 1825 г. по сентябрь 1828 г. участники экспедиции проделали огромный маршрут, прорезавший широкой дугой всю Бразилию, от юго-восточного берега – Сан-Пауло, через реки Парану, Парагвай, к притокам р. Амазонки, и вниз по ним – один отряд по р. Мадейре, другой по р. Тапажосу – до Амазонки и вниз по ней до ее устья.

Экспедиция посетила малоизвестные пространства внутренней Бразилии, члены ее описали целый ряд отсталых индейских племен. Эти описания могли бы уже тогда составить ценный вклад в мировую науку, ибо о большей части этих племен в то время почти не имелось известий. К сожалению, результаты экспедиции остались почти неизвестными. Причина этого та, что сам ее начальник Лангсдорф еще в пути тяжело заболел и болезнь перешла в психическое расстройство, так что он сам не мог обработать и издать собранные материалы. Отдельные участники экспедиции опубликовали лишь небольшие заметки и часть рисунков, а основные материалы – дневники, альбомы рисунков, вещественные коллекции – были пересланы в Петербург, в Академию наук, где и продолжают храниться поныне. На русском языке об экспедиции Лангсдорфа не появилось почти

никакого сообщения, а скоро о ней все забыли, – забыли настолько, что когда впоследствии, перед Первой мировой войной, в Южную Америку была направлена новая русская экспедиция (Манизер, Фиельструп), то участники ее, только прибыв в Рио, узнали, что за 90 лет перед ними там работала русская научная экспедиция, во главе которой стоял «какой-то Лангсдорфф», и лишь по этикеткам «Langsdorff» на целой серии вещей, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Академии наук, поняли, что вещи эти как раз и собраны руководителем забытой экспедиции. Исчезновение надолго всякой памяти о ней только подтверждает, что экспедиция представляла собой случайный эпизод в истории русской этнографии.

А между тем архивные материалы, оставшиеся от экспедиции Лангсдорфа и даже теперь опубликованные лишь частично¹, чрезвычайно богаты. Они состоят из недавно обнаруженных дневников самого Лангсдорфа (до 1930 г. считались утерянными), из дневника и альбома рисунков художника Флоранса и некоторых мелких заметок. Среди материалов имеются обстоятельные описания ряда племен Бразилии: шавантов, кайяпо́, гуайкуру́, гуанá, гуатó, парессí, борорó, апиакá, мундурукú. Некоторые из этих племен были впоследствии почти истреблены колонизаторами либо утратили самобытную культуру; поэтому описания их в материалах экспедиции Лангсдорфа остаются и останутся уникальными научными документами. Они особенно интересны потому, что некоторые из поименованных племен сохранили у себя черты общинно-родового строя в типичной форме.

¹ См. Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию. М., 1948; Н. Г. Шпринцин. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве Академии наук и в Институте этнографии. СЭ, 1947, № 2.

В записях участников экспедиции есть немало и ярких картин трагической истории индейцев, попавших под иго колонизаторов; говорится и о борьбе их за независимость.

Изучение народов Китая и Индии. Иакинф Бичурин

В противоположность Южной Америке, сопредельные с Россией страны Азии привлекали к себе большой интерес русских людей, и практический и научный, и интерес этот – особенно к соседнему Китайскому государству – непрерывно возрастал по мере роста политической активности России. За первыми попытками серьезного изучения Китая во второй половине XVIII в. (см. выше, с. 135, 136) последовала, спустя некоторое время, полоса стремительного развития русского китаеведения. Крупнейшим деятелем в этой области, подлинным классиком русской и мировой синологии был Иакинф Бичурин. Труды его, открывшие для науки источники древней китайской истории, дали чрезвычайно много и исторической этнографии Восточной и Центральной Азии.

Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), родом из Свяжского уезда Казанской губ., сын очень бедного сельского дьячка, чуваша по происхождению, окончил Казанскую духовную семинарию и, выдвинувшись благодаря своим поразительным способностям, занял место преподавателя красноречия в Казанской духовной академии, а вскоре принял монашество (под именем Иакинфа) и был назначен архимандритом одного из монастырей г. Иркутска и ректором иркутской семинарии. Не вполне ясны причины назначения его в 1807 г. начальником 9-го

состава духовной миссии в Пекине, но это назначение предопределило всю судьбу будущего ученого и имело огромное значение для развития русского китаеведения.

Российская духовная миссия в Пекине была учреждением совершенно особого рода. В ее задачи отнюдь не входило заботиться об обращении китайцев в христианство. Миссия была учреждена в начале XVIII в. специально для церковного обслуживания пленных русских казаков-«албазинцев», увезенных в Китай после взятия китайцами русской крепости на Амуре – Албазина (1685). Первый состав миссии прибыл в Пекин в 1716 г., и после этого до начала XIX в. сменилось восемь ее составов¹. Миссия служила также и неофициальным дипломатическим представительством России при китайском правительстве. Научных интересов ни начальники, ни служащие миссии не обнаруживали, хотя в некоторых случаях к ней прикомандировывались люди для изучения языка и переводческой работы.

Совсем иное началось с прибытием в Пекин Иакинфа Бичурина. Он прожил там 14 лет (1808–1821) и за это время совсем не занимался делами миссии, фактически развалил ее хозяйство, за что по возвращении в Россию был наказан снятием сана и ссылкой в Валаамский монастырь. Но, будучи плохим начальником миссии, Иакинф Бичурин оказался талантливым ученым, неутомимым исследователем. Все свое время он отдавал изучению китайского языка, разговорного и письменного, китайской литературы, исторических источников. Полюбив китайский народ и его культуру, он сделался лучшим знатоком Китая.

Вернувшись в Россию, Бичурин привез с собой множество китайских книг (вес их достигал 400 пу-

¹ См. «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине». Изд. под ред. Н. И. Веселовского, вып. I. СПб., 1905.

дов, и везли их на 15 верблюдах) и всю последующую жизнь занимался их изучением, печатал переводы, извлечения из разных источников и самостоятельные исследования. Он занимался этим и в монастырском заточении и позже, когда был освобожден из монастыря и «причислен» к Азиатскому департаменту (1826) как сведущий переводчик-китаевед. С 1827 г. начинают выходить в свет одно за другим его сочинения о Китае и соседних с ним странах¹.

¹ Вот наиболее значительные из них: «Записки о Монголии, с приложением карты Монголии и разных костюмов», т. 1, 2. СПб., 1828 (описание путешествия автора от Пекина до Кяхты в 1821 г., «статистическое обозрение Монголии», исторические сведения о Монголии, «Монгольское уложение» 1780-х годов); «Описание Тибета в (нынешнем его состоянии, с картою дороги от Чен-ду до Лхассы». СПб., 1828 (история Тибета, нравы и обычаи тибетцев и пр.); «История первых четырех ханов из дома Чингисова, с картою походов их как в Монголию, так и внутри Китая». СПб., 1829; «Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.» СПб., 1829; «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», т. 1, 2. СПб., 1829; «Ся-сяо-чжен, или Земледельческий календарь китайцев» («Московский телеграф», 1830, ч. 32, № 7); «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени («Журнал Министерства внутренних дел», 1833, ч. VIII, № 3, 4; то же отдельно: СПб., 1834); «История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. по 1227 г. по Р. Х., с картой на разные периоды сей истории», т. 1, 2. СПб., 1833 (происхождение тибетцев-тангутов, последующая история народа); «Статистические сведения о Китае, сообщенные Академии наук членом-корреспондентом ее монахом Иакинфом». СПб., 1837; «Взгляд на просвещение в Китае». СПб., 1838; «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». СПб., 1840; «Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на 5 листах», ч. 1, 2. СПб., 1842; «Земледелие Китая с 72 чертежами разных земледельческих орудий». СПб., 1844; «Китай в гражданском и нравственном состоянии», ч. 1–4. СПб., 1848; «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С картою на 3 больших листах», ч. 1–3. СПб., 1851 (извлечения из древних и средневековых китайских хроник о народах Центральной, Восточной и Западной Азии).

Большая часть этих сочинений была основана на китайских исторических источниках, некоторые представляли собой переводы или извлечения из них. Но у Бичурина был и огромный запас личных наблюдений, сделанных за время жизни его в Пекине и переездов по стране, и этими наблюдениями он широко пользовался для комментирования и дополнения исторических источников.

Для этнографической науки труды Бичурина дали не только массу неведомого прежде фактического материала по исторической этнографии Восточной и Центральной Азии, не только извлеченные из китайских хроник сведения о древних и средневековых народах Тибета, Монголии, Маньчжурии, Синьцзяна, Южной Сибири. Они дали и определенную историко-этнографическую концепцию – концепцию, правда, на наш теперешний взгляд спорную, но заслуживающую серьезного внимания.

Изучая многовековую историю племен и народов Центральной Азии, особенно ее степной части, Бичурин пришел к выводу, что непрерывная смена названий племен и их объединений, отраженная в хрониках, есть лишь видимость, что сменялись в сущности только названия правящих родов, имена династий, народ же оставался по существу одним и тем же и говорил на одном и том же языке – и язык этот был монгольский. В Монголии жили спокон веков монголы, т. е. монголоязычные племена, хотя они и носили в разные времена разные названия: хунну, сяньби, жу-жане, тугю, хойху (уйгуры), татары, монголы. «В Средней Азии, – писал Бичурин, – искони господствовала удельная система правления, т. е. государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, то сливались, то снова дробились и преобразовывались

в новые государства. Монгольский народ сверх сего получал народное название от господствующего дома. Сим образом один и тот же народ под домом Хунну назывался хуннами, под домом Дулга (Тукюе) – дулгасцами; под домом Монгол назвался монголами, и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо дом покорит его и сообщит ему свое другое, народное, название»¹.

В такой общей категорической форме этот взгляд, конечно, неверен: мы теперь хорошо знаем, например, что орхонские «тугю» (которых никогда не называли «дулга», это монгольское слово интерполировано самим же Бичуриным в духе его монгольской теории), так же как и «хойху» – уйгуры, «хягас» – хакасы-кыргызы, были тюркоязычными, а отнюдь не монголоязычными народами; знаем, что только около начала X в. произошло вытеснение из Центральной Азии тюркского языка монгольским. Бичурин не знал тех источников (открытых впоследствии орхонских текстов и др.), которые сделали теперь для нас эту историю гораздо более ясной. Но во взгляде Бичурина была и немалая доля истины: современная историческая этнография подтвердила на многих примерах ту высказанную впервые Бичуриным мысль, что многие народы, особенно кочевые, в ходе истории не раз меняли свои названия, сохраняя прежний этнический состав, либо, что бывало еще чаще, новые этнические общности составлялись из прежде существовавших этнических компонентов, принимая новое имя, но сохраняя старые традиции.

Во взглядах Бичурина интересно и другое: как видно уже из приведенной цитаты, для него ясна была

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.–Л., 1950, с. 9–10.

картина многовекового господства у кочевников феодальных общественных отношений – того, что он называл «удельной системой правления».

Своими работами Бичурин поднял русское китаеведение на небывалую высоту. Критика указывала на некоторые недостатки его исследований, но в целом научный авторитет Бичурина стоял очень высоко не только в России, но и среди ученых Западной Европы.

Кроме Бичурина, однако, в России до середины XIX в. почти не было китаеведов. Следует отметить только весьма содержательную книгу Тимковского «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 гг.» (ч. 1–3, СПб., 1824). Егор Федорович Тимковский (1790–1875) сопровождал в Пекин очередную духовную миссию, и книга его – результат наблюдений и исследований во время пути. В ней содержатся разнообразные этнографические сведения о монголах, китайцах, маньчжурах и др.

Изучение Индии отставало от изучения Китая. Но с первых же десятилетий XIX в. начали появляться сведения об этой стране, исходившие от путешественников – продолжателей подвигов Филиппа Ефремова. Особенно примечательны исследования культуры Индии, проделанные Герасимом Лебедевым (1749–1817), подлинным основателем русской индологии.

Выходец из родовитой семьи, Герасим Лебедев, однако, очень поздно – только на пятнадцатом году жизни – овладел грамотой, а также обучился музыке. Пожив в разных странах Европы, он поехал из Англии морем в Индию и прибыл в 1785 г. в Мадрас; там прожил два года, давая концерты. После этого он 5 лет провел в Калькутте. Здесь Лебедев завел собственный театр и – первый из европейцев – стал ставить спектакли, которые сам переводил на местный язык. Он выучил «ма-

лабарский), бенгальский языки, санскрит, хиндустани; изучал брахманскую науку и с глубоким интересом относился к культуре Индии. Вернувшись в Европу, Лебедев издал в Лондоне грамматику индийских языков¹, а потом в России – «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (СПб., 1805) – первое русское научное сочинение по индологии. В 3-й части книги (первые две посвящены брахманскому вероучению и философии) излагаются народные обычаи индийцев, их общественный быт, разделение на «чины и звания», торговля и пр. Все изложение выдержано в гуманном духе терпимости и симпатии к культуре далекого народа.

Упомянем еще о путешествии в Индию Рафаила Данибегова, грузина родом, посланного туда царем Грузии Ираклием в 1795 г. Данибегов провел в путешествии 18 лет, проехав через Турцию, Месопотамию и побывав во многих городах Индии. В его книге² содержатся лишь очень краткие сведения об обычаях населения. Сходный маршрут проделали в 1790–1807 гг. братья Григорий и Данила Атанасовы, армянские купцы. Их краткое сообщение о путешествии напечатано Григорием Спасским в «Сибирском вестнике» (1824 г., ч. I).

Путешествия в зарубежную Европу

О народах зарубежной Европы наиболее интересные и содержательные этнографические сведения привозились офицерами русской армии и флота, участника-

¹ «A Grammar of the pure and mixed East Indian dialects... By Herasim Lebedeff». London, 1801.

² «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова». Пер. с груз. М., 1815.

ми заграничных походов 1805–1814 гг.¹ Многие из этих офицеров были патриотически настроены. Это не были туристы, объезжавшие знаменитые города и курорты Европы: война бросала их и в глухие деревни, сталкивала с простыми людьми. В этом отношении особенно характерны заметки Владимира Броневского, Федора Глинки, Николая Бестужева.

Вл. Броневский, морской офицер, был участником славной кампании русской эскадры, совершившей переход из Кронштадта в Средиземное море и там воевавшей в 1805–1810 гг. против французов и турок. В книге «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина, 1805–1810 гг.» (ч. 1–4, СПб., 1818–1819) он подробно излагает свои впечатления от виденных стран. Броневский хвалит порядок и деловитость англичан, чистоту и благоустройство английских городов, трудолюбие и искусство английских крестьян, отмечает их зажиточность: восхищается конституцией, законностью, правовым порядком Англии. Однако он видит и рост бедности, нищенства среди англичан и высказывает опасение, что англичане «кажется... взошли на последнюю степень возможного в человеческих постановлениях», – и за этим может последовать падение².

Попав к берегам Сардинии, в порт Калиари, Броневский отмечает бедность итальянцев, грязь и запу-

¹ Хотя в XVIII столетии многие русские ездили в европейские страны – одни учиться, другие за развлечениями, – но описаний путешествий, сколько-нибудь заслуживающих внимания, очень мало. Наиболее богаты материалом известные «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, побывавшего в 1789–1790 гг. в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Наблюдения его разнообразны и зачастую серьезны, но перемешаны с патетическими и сентиментальными излияниями.

² «Записки морского офицера...», ч. 1, с. 59.

щенность города, но также и общительность жителей. Несколько раз посетив Палермо (Сицилия), русский моряк описывает подробно и ярко нравы сицилийского населения, обнаруживая большую наблюдательность. Он не закрывает глаза на их отрицательные стороны: очень много монахов, нищих, воров, убийц. Причину многочисленности нищих Броневский указывает – весьма односторонне, но не без остроумия – в религии: «Набожность здешних католиков, почитающих первейшею добродетелью не отказывать просящему милостыни, сделала нищенство прибыточным ремеслом»¹. Он описывает также выразительный язык жестов сицилийцев, брачные и семейные обычаи, церковные обряды, законы и судопроизводство.

Длительная морская кампания в Архипелаге познакомила русских моряков с греками и турками. Грекам Броневский посвящает особый, хотя и краткий, очерк, сравнивая нравы их с нравами их античных предков². Характерно, что о турках Броневский пишет, хотя это были противники, с глубокой симпатией, отмечает все положительные свойства их национального характера: честность и верность своему слову, благородство, великодушие, гостеприимство, умеренность, бережливость. Эти черты характера он относит к разным классам населения, за исключением, пожалуй, лишь «вельмож». Даже судебно-административные порядки Турецкой империи кажутся Броневскому хорошими – судьи решают дела строго по законам, беспристрастно и без волокиты³. Интересны также заметки Броневского о жителях Триеста, этого торгового многонационального города⁴.

¹ Там же, ч. 2, с. 148.

² Там же, с. 137–147.

³ Там же, ч. 3, с. 147–156.

⁴ Там же, ч. 4, с. 203–234.

В Лиссабоне автор делает ряд вдумчивых наблюдений над бытом населения, но только городского. Настоящий ужас вызвало в нем зрелище мрачного здания Инквизиции, которая тогда еще продолжала свою кровавую деятельность¹.

Федор Глинка проделал две большие кампании против Наполеона на суше. В его «Письмах русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции» (ч. 1–6. М., 1815) заметки о зарубежных землях чередуются с отечественными впечатлениями. Описания быта и русского, и других народов проникнуты у Глинки чувством уважения к труду и культуре, но порой видна и некоторая идеализация существующих порядков. Попав в немецкие области, автор выражает свое восхищение трудолюбием населения, порядком, благоустройством. «Как умеют немцы всем пользоваться и угождать всем необходимым нуждам. Куда ни помотришь, на площадях и улицах везде фонтаны чистой воды. В одних поят лошадей, другие доставляют городу воду, нарочно трубами проведенную. Около всех почти огородов и садов городских проведены каналы, прегражденные заставками; каждый хозяин отворяет свои – и огород его наводняется. Здесь засуха не страшна»². Глинка очарован памятниками культуры в Дрездене. В Хемнице отмечает трудолюбие и искусство работниц текстильной фабрики. Одобряет широкое развитие школьного образования в Саксонии. И даже тяжелая участь горнорабочих, которые гибнут за гроши, обогащая владельцев шахт, вызывает у него только меланхолическое замечание: «Часто случается, что брат, дядя и отец задавлены глыбами или умерли от горной чахотки, а сын идет по их же следам: таковы люди!»³

¹ «Записки морского офицера...», ч. 3, 226–227.

² Ф. Глинка. Письма русского офицера..., ч. 5, с. 9–10.

³ Там же, с. 171.

Морской офицер Николай Бестужев оказался в Голландии в 1815 г., в момент заключения мира с Францией, и провел среди голландцев несколько месяцев. Его небольшая книжка «Записки о Голландии 1815 г.» (СПб., 1821) поражает содержательностью, полнотой, точностью наблюдений автора. При этом он не только описывает разнообразные особенности быта населения, его различных классов, материальную культуру, обычаи, домашний и семейный уклад, национальные черты характера: он пытается и осмыслить все это, связать в единое целое. По его мнению, все эти характерные особенности быта голландцев, столь непохожего на быт других народов Европы, выработались в вековой борьбе с суровой природой, под действием неблагоприятного, сырого и прохладного климата. Голландцы вынуждены были ценой огромного труда отвоевывать землю у моря, осушать морское дно, ограждать его плотинами, проводить каналы. Но автор не впадает в упрощенный географизм: дело ведь не в одних природных условиях самих по себе, – Бестужев хорошо видит и чисто исторические причины, побудившие голландцев начать наступление на море. Во время великой борьбы против испанского абсолютизма в конце XVI в. страна разделилась: 10 южных, самых богатых провинций остались под властью Испании, а «уменьшенные в силах своих, в числе семи беднейших провинций, но твердые духом Голландцы, стоя, так сказать, одной ногою в воде, теснимые войсками Филиппа, должны были избирать или пламень костров, или море. Нечего было делать: надлежало искать убежища в последнем; надобно было победить природу, дабы противостать людям, – и Голландцы повели с берега в море огромные насыпи, отрезали себе часть оною и, осушив отделенные сими насыпями пространства, сделались обитателями дна морского. Здесь-то, согнанные с лица земли, Голландцы

показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестися дух людей свободных...»¹.

О свободолюбии голландцев, об их свободных гражданских учреждениях и законах Бестужев говорит с глубоким уважением.

В своих «Записках» Бестужев отметил, кстати, характерный факт: русские люди уже в его время гораздо больше знали о других странах, чем жители этих стран о русских, – этот факт важен с точки зрения истории русской этнографии. «Мы, Русские, знаем даже, что в Гишпании едят Оллу-потриду и пляшут Сарабанду; что Турки запирают жен своих; что Караибы убивают отцов; что Голландцы скупы и хорошо солят сельдей; что Французы скоры и легкомысленны: а каждый из Европейцев глядит на нас до сих пор, как на чудо...»²

В числе русских людей, попадавших в Западную Европу и наблюдавших быт ее народов, были не только военные. Были и просто праздные путешественники, туристы – притом, конечно, помещики-дворяне. Это были люди с разными общественными взглядами, однако многие из них – с культурными запросами; только такие, впрочем, и оставили свои записки, наблюдения. Сообщаемые ими сведения не лишены этнографического интереса, хотя порой и являются плодом чисто случайных наблюдений, а общественные взгляды авторов далеко не всегда были прогрессивными.

Одно из самых ранних таких «туристских» путешествий – поездка Лубяновского. Его «Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800–1802 гг.»³ – пись-

¹ Бестужев. Записки о Голландии, 1815 г., с. 16.

² Там же, с. 53.

³ Издано без имени автора (СПб., 1805, ч. 1–3). Автор определен по книге: В. Карцев и М. Мазаев. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891.

ма случайного, как он сам признает, путешественника, написанные «только для препровождения времени», да и сама поездка не имела серьезной цели¹. Тем не менее письма его очень содержательны. Не говоря уже о разностороннем описании всевозможных памятников искусства, архитектуры в посещенных городах, и быт народа привлекал его внимание. В Саксонских землях Лубяновский подробно описывает понравившийся ему уклад быта, порядок, трудолюбие, бережливость крестьян и горожан, цветущее состояние земледелия и ремесел, хотя отмечает и имущественное неравенство среди крестьян, эгоизм зажиточных, которые никогда не помогают бедноте. В австрийских землях он тоже обращает внимание на положение крестьян, с похвалой рассказывает о хороших последствиях реформы Марии Терезии, облегчившей положение крепостных; в Италии – особенно в Неаполе и в Риме – не жалеет красок для описания бедственного положения народа, особенно городской бедноты, массового нищенства, всеобщей развращенности, суеверия. Лишь в Тоскане, во Флоренции, понравилось ему больше – тут он увидел следы просвещенного законодательства герцога Леопольда. Нравы и обычаи населения с тех пор улучшились.

Из более поздних подобных же путешествий выделяется «Прогулка за границу» Павла Сумарокова, «почетного члена Виленского университета»². Сумароков ездил около 1820 г. (точных дат в его книге нет) по странам Западной Европы, без определенной цели, по собственному признанию – «от праздности»³. Он объехал Германию, Францию, Голландию, побывал

¹ «Путешествие по Саксонии...», ч. 1, с. 5–6.

² П. Сумароков. Прогулка за границу, ч. 1–4. СПб., 1821.

³ Там же, ч. 1, с. 7.

в Англии. Хотя и человек отнюдь не прогрессивных взглядов, напротив, ярый враг идей просвещения, Французской революции и созданного ею нового строя в европейских государствах, – Сумароков, однако, оказался вдумчивым наблюдателем. Он описал не только большие города, в которых был, – Берлин, Дрезден, Париж, Лондон и др., – но и проезжавшиеся им деревни, крестьянские постройки, быт сельского населения. При этом он внимательно отмечает различия в положении крестьян прусских, саксонских, французских и др. В его описании много ценных этнографических сведений.

Напротив, в записках путешествовавшего почти в то же время (1823) А. Глаголева¹ интересных этнографических сведений мало...

Изучение зарубежных славян

Связь России с зарубежным славянским миром никогда не прерывалась, но до начала XIX в. была очень слабой. О зарубежных славянах знали мало. События первых десятилетий XIX в., особенно заграничные походы русских войск, познакомили русских людей со славянским населением придунайских и балканских стран.

Одно из самых ранних сообщений о южных славянах – о сербах – принадлежит Д. Н. Бантыш-Каменскому,

¹ А. Глаголев. Записки русского путешественника, ч. 1. Россия, Австрия. СПб., 1845. Об этнографических наблюдениях русских в европейских странах см. И. Н. Гроздова. Материалы по этнографии народов Западной Европы у русских путешественников (до середины XIX в.). В кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». «Труды ИЭ», т. 30. М., 1956.

который совершил в 1808 г. поездку в Сербию в связи с начавшимся там восстанием против турок. В своей книге¹ Бантыш-Каменский излагает впечатления от путешествия и виденных им народов – молдаван, валахов и сербов; особенно содержательны заметки именно о сербах. Это народ мужественный, храбрый, пишет он, но непросвещенный. Крестьяне зажиточны, едят много кур, яиц, пьют сливки. Сербы набожны, строго соблюдают посты, но церквей в деревнях нет, а в Белграде есть одна, и то маленькая, деревянная. Сербы очень любят русских, называют их «братико». Автор описывает виденные им сербские народные танцы².

Значительно больше этнографического материала о славянах в записях знакомого уже нам Владимира Броневского (см. выше). Во время продолжительной кампании на Адриатическом море (1805–1810) русские морские офицеры и матросы постоянно общались со славянским населением Черногории, Далмации, Истрии. Броневский очень обстоятельно и толково рассказывает об образе жизни, обычаях, характере этого населения. Особенно замечательно в этом отношении «Описание Черногории», включенное в 1-й том «Записок морского офицера». Здесь автор дает всестороннее представление об этом народе, о его мирной жизни, а особенно о военном быте; с вниманием и симпатией он присматривается к чертам быта и характера черногорцев, к их общественному и семейному укладу.

«Черногория есть республика, – пишет Броневский, – в коей равенство поддерживается бедностью, вольность храбростию, закон заменяется обычаем. Сия малая область представляет образ правления без печатных уставов. Черногорцы, не платя ника-

¹ Д. Б.-К. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.

² Там же, с. 100, 135–136.

ких податей, не собирая общественной казны, управляются сами собою и живут покойно и щастливо. Правление Черногории можно назвать народным и избирательным»¹. Подробно рассказывает Броневский об организации управления и суда, о мирных и военных обычаях. Живо и наглядно рисует он образ жизни народа. «Жизнь черногорца единообразна. Пробуждаясь с зарею, он оканчивает день с заходом солнца; когда же ночи бывают длинны, то с семейством своим проводит несколько времени у очага, где горящая ель служит ему вместо свечи. Война есть главная страсть. Деятельность, предприимчивость и храбрость их внушают ужас, но сколь жестоки они противу неприятеля, столь кротки и миролюбивы в доме. Посреди трудов и когда бывает один, черногорец имеет вид угрюмый и важный, в обществе же всегда весел и охотно предается радости. Вина у них много, но пьют его умеренно и никогда не упиваются до потеряния чувств. Говоря с знатными иностранцами, они не показывают ни низости, ни дерзости и, что всего удивительнее, при таком невежестве, очень остроумны и изъясняются с ловкостью и приятностью. Черногорцы не имеют понятия о неравенстве состояний, и потому, не исключая и начальника, которому обязаны повиноваться только в сражении, они обходятся очень свободно и кланяются малым наклоением головы и движением руки с такою приятностью, как бы учились у танцмейстера»².

Броневский говорит далее об обычае «гостеприимства, святой добродетели всех народов, от корени славян происходящих», об уважении к старикам, к женщинам, о высоком уровне морали, о строгости нравов, но в то же время и о суеверности, о поголовной негра-

¹ «Записки морского офицера...», ч. 1, с. 250.

² Там же, с. 273.

мотности и «невежестве» черногорцев, об отсутствии у них письменности, наук, искусств. Однако, отмечая их «невежество», грубый воинственный быт, автор выражает надежду на то, что в будущем, «под властью мудрых законов, мощные руки черногорцев отвратятся от грабежей, посвятятся возделыванию земли», у них разовьются искусства, улучшится благосостояние. Эти «мудрые законы», впрочем, сможет дать черногорцам, по мнению Броневского, не теперешний их правитель – митрополит, а лишь русский монарх¹.

Броневский описывает также быт славянского населения Боко ди Катаро (Боки Которской)². Неоднократно говорит он о симпатиях адриатических славян к русским³.

По окончании военных действий Владимир Броневский вернулся в Россию, совершив путешествие сухим путем от Триеста до Петербурга⁴. На пути он всюду встречал славян – словенцев (краинских и штирийских), словаков, галицийских украинцев. «Здесь для русского сердца, – пишет он, – весьма приличным нахожу сказать, что от Триеста до С.-Петербурга везде славянский язык господствует, и на сем пространстве коренные жители большей частью славяне»⁵. Очень интересны его замечания о быте и чертах характера словенцев (краинцев), в котором отразилось частично влияние соседних немцев и итальянцев⁶. Доехав до Галиции, автор почувствовал себя как бы на родной

¹ Там же, с. 297–300.

² Там же, с. 195–231 и др.

³ Там же, с. 159, 188, 194–195 и др.; ч. 4, с. 208 и др.

⁴ [Вл. Броневский]. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г., ч. 1, 2. М., 1828.

⁵ Там же, ч. 1, с. 54.

⁶ Там же, с. 24–33.

земле. «Сходство жителей с нашими малороссиянами поразительно: их свитки и шапки точно такие, какие носят у нас на Украине, говорят же так внятно, что я... все мог разуместь без затруднения»¹.

Все эти сведения о близкородственных, но так мало еще известных славянских народах не могли не пробуждать к ним еще большего интереса². Подъем освободительного движения и национально-культурное возрождение в славянских странах тем более этому способствовали. Вот на какой почве зарождается и научное славяноведение в России – почти одновременно с зарождением его среди чехов.

Славяноведение зародилось сначала как славянская филология, – этнография ведь вообще еще не существовала как особая наука. Основателем его был в России Александр Христофорович Востоков – большой знаток славянских языков и письменных памятников. Сравнением славянских языков Востоков начал заниматься еще с 1802 г. и увенчал свои многолетние исследования получившим широкою известность «Рассуждением о славянском языке» (1820)³. Это сочинение заложило научную основу для сравнительного изучения славянских языков, а тем самым была создана основа и для сравнительного изучения быта и культуры славянских народов, т. е. для славянской этнографии. Но это было еще делом будущего.

¹ [Вл. Броневский]. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г., ч. 2, с. 2.

² Не надо упускать из вида, что сведения эти не исчерпывались тем, что попадало в печать. Немалую роль играли и устные рассказы возвращавшихся из заграничных походов офицеров и солдат, а также частные письма. Как пример можно привести изданные впоследствии письма А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова (см. «Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г.» Под ред. В. М. Истрина. «Архив братьев Тургеневых», вып. 4. Пг., 1915).

³ См. И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 216–218.

Этнографические материалы по Сибири

Прирост этнографических знаний о народах России шел в начале XIX в. медленнее, чем расширение познаний о зарубежных народах. Причины были разные. О народах Сибири огромный материал был накоплен, как мы уже знаем, еще в предыдущий период. Народы же Средней Азии и Кавказа по-прежнему оставались мало-доступны серьезному изучению.

Большие заморские экспедиции начала XIX в. лишь слегка коснулись северо-восточной окраины Сибири. Из мореплавателей того времени только Крузенштерн посетил Камчатку, Курильские острова и Сахалин и сообщил некоторые сведения о местных народах – камчадалах, айнах и гиляках (которых он ошибочно назвал «татарами», откуда позже укрепилось название Татарского пролива). Головнин, побывавший на Камчатке дважды – в 1809 и в 1818 гг., ничего не сообщает о ее жителях. «О Камчатке так много было писано хорошего и худого, – говорит он, – что я совершенно излишним считаю предлагать читателю мои замечания о ней»¹.

Зато чрезвычайно много для этнографии северо-восточной Азии дала экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина. Эта экспедиция работала в 1820–1824 гг. в районе северо-восточного побережья Сибири, от устья Колымы на восток. Задачей ее были географические исследования и описание берегов. Но в путевых записках путешественников и в изданной затем (1841) книге² содержится множество ценных этнографических

¹ В. Головнин. Сочинения. М.–Л., 1949, с. 314.

² «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820–1824 гг. экспедицию, состоявшую под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля», ч. 1, 2. СПб., 1841; изд. 2. Л., 1948.

сведений о народах этой самой отдаленной окраины: чукчах, юкагирах, чуванцах, тунгусах, ламутах, колымских якутах и русских старожилах. Основная часть книги написана начальником экспедиции Ф. Врангелем, но в нее включены главы, написанные участниками экспедиции – мичманом Ф. Ф. Матюшкиным и штурманом П. Т. Козьминим. Особенно содержательны наблюдения Матюшкина, – имя его хорошо известно как лицейского товарища и друга Пушкина, впоследствии адмирала; но оно мало известно в связи с интересующей нас экспедицией, так как заслонено фигурой начальника экспедиции Врангеля. Чрезвычайно интересно живое, конкретное описание Матюшкиным быта чукчей, их торговли с русскими (ярмарка в с. Островном на р. Малом Анюе), их обычаев, верований (ч. 1, гл. 7), описание хозяйства и быта охотничьих народов к востоку от Колымы (ч. 2, гл. 3, 7).

Участник экспедиции Врангеля доктор Кибер написал отдельно свои наблюдения над бытом чукчей. Они были напечатаны тогда же в «Сибирском вестнике» Спасского¹ и надолго остались главным источником сведений о чукчах.

Из научных поездок во внутренние области Сибири в этот период лишь немногие дали существенные результаты для этнографии. Можно назвать экспедиции на Алтай натуралистов Ледебура и Бунге в 1826 г.² и геолога Гельмерсена в 1834 г.³

¹ *Кибер*. Извлечения из дневных записок, содержащие в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири. «Сибирский вестник», 1824, ч. I, кн. 2–5; он же. Чукчи. Там же, ч. II, кн. 9–10.

² *C. Fr. Ledebour*. Reise durch das Altai-Gebirge und in die soongarische Kirgisen-Steppe. Bd. 1, 2. Berlin, 1829–1830.

³ *Гельмерсен*. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. «Горный журнал», 1840, с. 41–61; *G. v. Helmersen*. Der Telezkische See und die Teleuten im östlichen Altai. St.-Petersburg, 1838.

Интересные этнографические наблюдения сделаны чиновником Н. Щукиным, ездившим в Якутск в 1829 г.¹

Более важным делом, чем отдельные экспедиции, была для Сибири первая попытка систематического и краеведческого ее изучения. В 1818 г. горный инженер Григорий Иванович Спасский начал издавать журнал «Сибирский вестник», где печатал разнообразные научные сведения, касающиеся Сибири и соседних стран: извлечения из отчетов старых путешественников и посольств, описания памятников древности и чисто этнографические материалы о местных народах и их быте (под общим заголовком «Изображение обитателей Сибири»); последний материал он черпал из собственных наблюдений во время служебных поездок.

Так, в первых двух книжках «Сибирского вестника» (1818) помещен составленный Спасским обзор: «Народы, кочующие вверху р. Енисея» (имеются в виду предки хакасов). В 9 и 10-й книжках (1820) напечатано обстоятельное описание «Киргиз-кайсаков Большой, Средней и Малой орды». В 18–20-й книжках (1824) помещены очерки «Буряты или Братские» (из ненапечатанного сочинения Ланганса (1789), с добавлениями Спасского), «Якуты» (оттуда же), «Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре», затем переведенные с французского статьи: «О нравах и завоеваниях древних татар и монголов», «О татарах», «О воспитании у китайцев», «О способе считать по суставам пальцев, употребляемом на Востоке» и пр.

«Сибирский вестник» издавался в 1818–1824 гг., сменивший его «Азиатский вестник» – в 1825–1826 гг. Позже Спасский печатал историко-этнографические статьи в других изданиях².

¹ Н. Щукин. Поездка в Якутск. СПб., 1833; изд. 2, 1844.

² См. М. Будылина. Григорий Иванович Спасский, к 75-летию со дня смерти. «Изв. ВГО», т. 71, вып. 8, 1939.

Другим патриотом Сибири, отдавшим большую часть своей жизни ее изучению, был Петр Андреевич Словцов (1787–1843). Он был родом не сибиряк, а из Пермской губ. (сын священника); но уже смолоду пострадав за свободомыслие, он с 1808 г. жил безвыездно в Сибири – в Тобольске – сначала в ссылке, потом по службе; с 1829 г., выйдя в отставку, занялся исключительно научно-литературным трудом¹. Словцов был первым, после Миллера и Фишера, историком Сибири; он издал объемистое «Историческое обозрение Сибири» (т. 1 – 1838, т. 2 – 1844). Труд этот построен на основе широкой, хотя несложной, историко-этнографической концепции. Она может быть выражена в немногих словах: в Сибири издавна обитали отсталые, слабые, малочисленные племена; приход русских оживил страну, повлиял благотворно и на туземное население, хотя последнее не могло не уступить своего места более сильным и культурным пришельцам.

Естественно, что своему историческому изложению автор предпосылает краткий этнографический обзор коренного населения Сибири. Обзор этот составлен в типичном для Словцова риторическом стиле, не без высокомерного пренебрежения к «хаотической смеси» местных племен и языков. Он завершается такой звонкой тирадой: «Вот туземцы, которые пресмыкались от Урала до Енисея, по трем продольным плоскостям, из которых одна тундро-промерзлая, другая лесистоболотистая и третья хлебородная, заселенная Татарами, пахарями в одной крайности. Вот сограждане, поневоле примирившиеся с русским новосельем, потому что не бывало у них в руках огнестрельного оружия, кроме лука и стрелы, страшной для зайца и тетерева.

¹ О Словцове см., например: *Н. Степанов*. И. А. Словцов (у истоков сибирского областничества). Л., 1935.

Они также не были знакомы с письменами, кроме Татар, достигнувших письменность чрез чтение Корана...»¹

Этнографический обзор населения Сибири у Словцова далек от точности. Его великодержавно-пренебрежительное отношение к сибирским народам не позволило ему справедливо оценить культуру этих народов, по-своему высокую. Возможно, что и сам Словцов отчасти сознавал этот свой недостаток, но относил его за счет невысокого уровня развития этнографической науки, не дававшей еще возможности серьезно изучить народы. Он писал: «Этнография наша без коренного изучения наречий в их историческом ходе изображает одни наружности обычаев, кажущихся то смешными, то глупыми, без углубления в сокровенные основания»². Этому замечанию нельзя отказать в меткости.

Важнейшим же событием в этнографическом изучении народов Сибири в первой четверти XIX в. было мероприятие чисто административное, официальное: соби́рание сведений об обычном праве народов Сибири, произведенное по приказу М. М. Сперанского. Как известно, Сперанский – крупный государственный деятель, в молодости настроенный весьма прогрессивно, но после опалы (1812) сильно поправевший – был в 1819 г. назначен генерал-губернатором Сибири с поручением произвести коренную ревизию всей административной системы и положить конец страшным злоупотреблениям к произволу местных властей. Трехлетняя деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822) была ознаменована действительно серьезными преобразованиями, попытками навести порядок во всех сферах управления краем. Одной из частей задуманной

¹ П. С. Словцов. Историческое обозрение Сибири. Изд. 2. СПб., 1886, с. 3–4.

² Н. Степанов. Указ. соч., с. 25.

реформы было преобразование системы управления туземными народами – «инородцами», как их тогда называли. Управление ими и раньше было основано в значительной мере на принципе наделения административными правами местной родо-племенной верхушки – «князцов», «тайшей» и т. п. Сперанский задумал придать этой системе более последовательную и узаконенную форму. Для этого потребовалось собрать широкие и систематические сведения об обычаях отдельных народов, об их экономических и политических отношениях, о формах быта, о платежах и повинностях, даже о верованиях и обрядах.

И вот по предписанию генерал-губернатора местные власти стали повсюду собирать сведения, требуя их от самого местного населения: требовалось, чтобы сведения доставляли «сами инородцы на собственном их языке». На деле сведения доставляли те, конечно, кто и раньше считался представителями населения, – местные «князцы» и «родоначальники». Естественно, что запись обычного права в их редакции несет на себе явный отпечаток классовых интересов этих господствующих слоев местного населения. Тем не менее она представляет большой интерес как первая систематическая запись обычного права народов Сибири и Севера.

Материалы, собранные для Сперанского (оригиналы с точным переводом), хранились в Петербурге, в делах «2-го отделения собственной Его Величества канцелярии», в ведении самого Сперанского. Предполагалось составить полный свод местных законов и обычаев всех народов России. На деле ограничились изданием в 1841 г. полуофициального «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Сами подлинные документы в дальнейшем куда-то исчезли. Лишь в 70-х годах копии их неожиданно нашлись в Варшаве (они попали туда че-

рез сенатора Губе, состоявшего прежде при гр. Блудове, главноуправляющем «2-м отделением»).

По поручению юридического факультета Варшавского университета копии сведений по обычному праву, собиравшихся для Сперанского, были приведены в порядок и изданы профессором Д. Я. Самоквасовым под названием «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Варшава, 1876). Наконец, еще через большой промежуток времени Э. К. Пекарскому удалось найти в архиве Якутского областного управления подлинники представлявшихся якутскими родоначальниками сведений. Часть их была им напечатана в «Живой старине» (1909, вып. 2–3) и в приложении к книге Трошчанского (о ней см. ниже); полностью же они опубликованы только в советские годы¹.

Путешествия в Среднюю Азию

Народы Средней Азии оставались в России в начале XIX в. гораздо менее известными, чем народы Сибири. Но интерес к Средней Азии, появившийся с Петровского времени и связанный с торговыми отношениями и с заботой об охране юго-восточной границы, не ослабевал, а постепенно усиливался.

Главным источником осведомления русского общества о Средней Азии и ее народах продолжали служить посольства, снаряжавшиеся время от времени русским правительством в Хиву, Бухару, Коканд, полувоенные экспедиции в степь и к восточному побережью Каспий-

¹ Э. К. Пекарский. Материалы по якутскому обычному праву, три документа. «Сборник МАЭ», т. 5, вып. 2 (1925). См. об этом также: *Павлинов, Виташевский и Левенталь*. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929, с. IV–VIII.

ского моря. Главы и участники этих посольств и экспедиций представляли донесения, составляли описания посещенных стран. В таких описаниях было немало и этнографических сведений, хотя кратковременность пребывания в этих странах, обычно незнание языка, да и естественная недоверчивость, даже враждебность местного населения не давали возможности собрать подробные и обстоятельные известия о жизни, культуре, обычаях народов. Только с казахами, большая часть которых считалась уже русскими подданными, общение было более близким, и о них сведения были обстоятельнее.

Перечислим наиболее известные из экспедиций, путешествий и посольств в Среднюю Азию за 1800–1830-е годы.

В 1800 г. были посланы в Ташкент, со стороны «Сибирской линии», Бурнашев и Поспелов. Сведения об их путешествии были напечатаны Г. Спасским в «Сибирском вестнике» (1818 г., № 4), а позже – в 1-м томе «Записок Русского географического общества» (1851).

В 1802 г. в Бухарию отправился доктор Савва Большой. Но караван, с которым он ехал, подвергся нападению казахов, которые и взяли Савву Большого в плен. По возвращении на родину из двухлетнего тяжелого плена он описал и свои приключения, и наблюдения над бытом казахов¹.

В 1813–1814 гг. в Ташкенте и Коканде побывал в качестве переводчика Филипп Назаров. Он написал об этом книгу «Записки о некоторых городах и землях средней части Азии» (СПб., 1821).

В 1819–1820 гг. состоялась очень важная экспедиция капитана Н. Н. Муравьева через восточное побе-

¹ «Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803–1804 гг. С замечаниями о Киргиз-кайсацкой степи». «Сын отечества», 76, 77, 80, 1822.

режье Каспийского моря и Туркменские степи в Хиву. Эта экспедиция впервые дала обстоятельные сведения об этих мало известных местах. Муравьев сообщил также и много этнографических сведений о населении Хивинского ханства¹.

В 1820 и 1822 гг. в Казахские степи ездил чиновник А. И. Левшин (позднее – писатель, ученый и государственный деятель) с поручением от Азиатского департамента. Результаты путешествия были значительны. Изучив также все прежде собранные сведения о казахах, Левшин в 1832 г. издал обширный и очень содержательный труд – «Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей» (ч. 1–3, СПб., 1832), – труд, сохранивший большое значение и поныне. В 1-м томе изложены «известия географические», во 2-м – «исторические известия», в том числе любопытные соображения об этногенезе казахов, родословия казахских ханов и пр. 3-й том содержит «этнографические известия» – чрезвычайно обстоятельное описание всех сторон материального быта, духовной культуры, «образа управления и законов» казахского народа; приложен «Устав о сибирских киргизах» (1822).

В 1830 г. казачий хорунжий Н. Потанин (отец известного путешественника и востоковеда) был послан с поручением в Коканд. Из своей поездки он вывез много этнографических известий².

На 1830-е годы падают и военно-исследовательские экспедиции Карелина, Бларамберга по восточным берегам Каспийского моря. Участники экспеди-

¹ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров», ч. 1, 2. М., 1822 (с атласом).

² См. *Потанин*. Записки о Кокандском ханстве. «Вестник РГО», ч. 18, 1856.

ций привезли обстоятельные сведения о туркменах, в частности южных¹.

Сведения о народах Кавказа

О народах Кавказа русские знали до начала XIX в. так же мало, как и о народах Средней Азии. Присоединение Грузии (1800) открыло путь культурного сближения России с Кавказом. Передовая русская культура стала оказывать все углубляющееся влияние на культурную жизнь кавказских народов, но, с другой стороны, знакомство с Кавказом обогащало и русскую культуру.

Возрастал интерес к быту народов Кавказа, представления о котором окрашивались тонами романтической экзотики, – вспомним место «кавказской темы» в творчестве Пушкина, Марлинского, Лермонтова.

Научное знакомство с народами Кавказа с первых десятилетий XIX в. стало неуклонно расти². В 1807–1808 гг. состоялось ученое путешествие на Кавказ лингвиста Юлиуса Клапрота, командированного Академией наук. Клапрот проехал от Новочеркаска через Георгиевск – Моздок – Владикавказ в Тифлис. Предполагавшееся продолжение поездки – в Баку и в пределы Персии – не состоялось из-за чумы и общей беспокойной обстановки, но Клапроту и без того удалось набрать много разнообразного материала. Записи своих наблюдений и расспросов он дополнил обширны-

¹ *И. Ф. Бларамберг*. Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 г. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагава. [Б. м. и г.]

² См. сведения о ранних путешествиях на Кавказ: *М. О. Косвен*. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», I. «Труды ИЭ», т. 26, 1955, с. 290–297.

ми извлечениями из сочинений прежних путешественников и историков. В книге Клапрота, изданной им, к сожалению, только за границей¹, содержится, помимо непосредственных путевых заметок, несколько обстоятельных историко-этнографических очерков: о монголах и калмыках, их ламаистской религии; об истории русско-кавказских отношений; о развалинах древних Мажар на р. Куме; об обычаях черкесов; об амазонской легенде и ее кавказских корнях; о Грузии и ее истории; об обычаях осетин. Автор приложил к своей книге материал по языкам народов Кавказа – это было началом систематического изучения этих языков, до того почти неизвестных. Клапрот уделял внимание вопросам происхождения народов; он первым выдвинул, между прочим, подтвержденную впоследствии мысль о происхождении осетин от сарматов и алан.

Не менее значительный вклад в этнографическое кавказоведение сделал Семен Броневский (1763–1830), участвовавший еще в Персидском походе 1796 г., позже служивший на военной и гражданской службе на Кавказе, в том числе в должности правителя дел при главнокомандующем (1802–1804), и всеми способами деятельно собиравший различные сведения о Кавказе и его народах. Его книга «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (ч. 1, 2, М., 1823) содержит, помимо географического описания, обширный историко-этнографический материал, особенно о таких народах, как абхазы, черкесы и кабардинцы, «кисты», народы Дагестана и Азербайджана («Ширвана» по тогдашнему обозначению). Неописанными остались (работа не была закончена) грузины, армяне, осетины. Эти

¹ *J. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807–1808...* Bd. 1, 2. Halle und Berlin, 1812–1814; то же на французском языке.

этнографические очерки представляют большую ценность, несмотря на допущенные автором отдельные неточности. Между прочим, Броневский пытался решать и вопросы этногенеза описываемых им народов, например, кабардинцев, кумыков, кубачинцев, проявляя при этом достаточно критического чутья.

Особый интерес представляет то, что Броневский первым (как это отмечает М. О. Косвен¹) поставил вопрос о характере общественного строя народов Кавказа. Он разделил их по «видам правления» на три группы: у одних правление «монархическое», у других – «аристократическое», у третьих – «демократическое». Первые два вида он объединял (и правильно) под понятием «феодалного правления»; при этом замечал (и тоже верно), что различные «виды правления» на практике часто смешиваются². Вопросам социального устройства Броневский вообще уделял большое внимание.

Будучи первым обширным описанием народов Кавказа, работа Броневского знаменательна еще и тем, что это было как бы первое звено в целой цепи последовавших затем сочинений об этом крае, авторами которых были официальные лица – офицеры армии, военные и гражданские администраторы. На Кавказе шла почти не прекращавшаяся война – непрерывные столкновения русских войск и пограничных казачьих частей с неукротимым населением гор. Война требовала разведки сил противника, его изучения. Вот почему с первых десятилетий XIX в., а особенно с третьего десятилетия, тянется целая вереница описаний кавказских народов – описаний официального или полуофициального происхождения.

¹ М. О. Косвен. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. СЭ, 1951, № 1, с. 8–9; он же. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке, с. 297–298.

² С. Броневский. Указ. соч., ч. 1, с. 38–41.

Не упоминая большого количества мелких заметок и сообщений об отдельных народах¹, назовем только несколько более крупных.

В 1829 г. в Петербурге вышла книга Иосифа Дебу, бывшего командующего Левым, а потом Правым флангом «Кавказской линии»: «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах», – по материалам, собранным в 1816–1826 гг. Среди разнообразных исторических, статистических и иных сведений о состоянии «Кавказской линии» выделяется 2-я глава, посвященная описанию народов «соседственных с Линиею», особенно кабардинцев (к которым автор весьма враждебно настроен), а также чеченцев, нескольких черкесских народов, карачаевцев, ногайцев.

В 1834–1835 гг. появилось большое четырехтомное сочинение Платона Зубова – офицера, долго служившего на Кавказе, содержащее сведения о его народах². Автор скомпилировал их из разных источников, и отдельные главы его работы неравноценны.

По прямому поручению начальства в 1828–1835 гг. было проведено обширное обследование различных областей Кавказа чиновниками Легкобытовым, Зубаревым, Флоровским, Гордеевым и др. Они выполнили свою работу весьма добросовестно. Результатом был четырехтомный труд «Обозрение Российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произ-

¹ См. подробный обзор в работе М. О. Косвена в «Кавказском этнографическом сборнике» (с. 290–319).

² Платон Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях, ч. 1–4, СПб., 1834–1835.

веденное и изданное по Высочайшему соизволению» (ч. 1–4, СПб., 1836). Там суммированы едва ли не все накопившиеся к этому времени сведения о кавказских народах; по одним народам они довольно обстоятельны и точны (например, о грузинах, даже об отдельных их подразделениях, об осетинах), по другим, напротив, поверхностны, неполны или просто неверны (например, о народах Дагестана).

Так накапливались постепенно этнографические знания о населении Кавказа – главным образом через каналы военно-административного аппарата. Это была как бы официальная, казенная этнография пограничной страны, страны, где непрерывно шла война.

Изучение русского и украинского народов

Интерес к быту русского народа, пробудившийся, как мы знаем, в последние десятилетия XVIII в., с началом следующего столетия усилился. Этому отчасти способствовал патриотический подъем в русских дворянско-помещичьих кругах в годы наполеоновских войн. Как известно, в те годы некоторые аристократы стали нанимать себе учителей, чтобы учиться по-русски (для многих родным языком был ведь только французский!). Появилось даже нечто вроде моды на русскую национальную одежду. Вот что читаем мы в одном «письме к приятелю в деревню», напечатанном в журнале «Любитель словесности» Николая Остолопова (ч. 2, 1806, № 5, с. 153–156):

«...Наши светские дамы, гнушавшиеся прежде всем, что есть русское, и с такой прилежностью подражавшие в одежде иностранкам, вдруг начали подражать нашим

крестьянкам...» «...Вместо украшенного французскими именами платья, стали носить сарафаны».

«...Должно благодарить судьбу, что модные наши дамы начали носить сарафаны, ибо это показывает приближение их ко нравам сельским, т. е. показывает, что нравы их сделались лучшими».

Далее автор письма говорит о своем приятном удивлении при встрече на улице дам в национальных костюмах: «Тут пришли мне на память сельские наши праздники, когда украшенные милою простотою крестьянки собираются в один кружок, играют или поют старинные песни». «Не станем ли и мы, – заключает автор вопросом, – через несколько месяцев ходить в русских кафтанах? а там, может быть, и во многом уподобимся нашим предкам».

Об этом же говорили и известные романтико-патриотические памфлеты Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» (1802), «О случаях и характерах в русской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802).

Интерес к родному народу усиливался и у той части русского образованного общества, которая составляла наиболее прогрессивное его крыло, – у деятелей будущих тайных обществ, впоследствии участников движения декабристов. Но у них этот интерес исходил совсем из иных побуждений и окрашивался иными тонами. Главным у декабристов было не любование патриархальной стариной, а стремление улучшить положение обездоленного народа, сделать его зажиточным и культурным. Впрочем, об этнографических интересах и взглядах декабристов будет идти речь ниже.

На фоне таких общественных настроений накопление и публикация этнографических материалов по русским и украинцам, после первых, еще любитель-

ских попыток конца XVIII в., продолжались и постепенно принимали более наукообразный вид. Представляет интерес в этом отношении, например, обширное (787 страниц) сочинение Гавриила Успенского, профессора «истории, статистики и географии Российского государства» в Харьковском университете: «Опыт повествования о древностях русских» (первое издание – часть 1 – вышло в 1811 г., второе издание – части 1 и 2 – в 1818 г.). В «предуведомлении» к первому изданию автор указывает, что «описание прежних нравов, обыкновений и учреждений такого народа, который в наши времена находится на высочайшей степени своего величия, могущества и славы» (т. е. русского народа), гораздо более полезно, чем чтение рассказов о народах «непросвещенных» или древних «баснословий». Автор собрал и систематически изложил сведения о всех сторонах русской жизни, как «частной», так и «гражданской», не упустив ничего, от «дорожных экипажей, одежды и обуви» вплоть до «судопроизводства, пеней и наказаний». Автор придерживается строго исторической точки зрения на предмет, стараясь проследить по периодам развитие каждой черты народного быта.

Усовершенствование научного метода в подходе к народному творчеству и к другим явлениям жизни народа сказалось в характерных фактах. Например, если книги Кайсарова и Глинки о древнерусской и славянской мифологии (1804) носят еще совершенно любительский, ненаучный характер (см. выше, с. 120, 121), то аналогичная работа П. Строева «Краткое обозрение мифологии славян Российских» (М., 1815) стоит уже на совершенно ином уровне: автор – еще совсем молодой человек, студент – проявляет здоровый критический взгляд на предмет исследования, с серьезной осторожностью оценивает источники, отбрасывает

непроверенные сведения¹. Показательно также сравнение второго издания сборника Кирши Данилова (1818) с первым изданием (1804): это второе издание, выполненное К. Калайдовичем, гораздо солиднее, полнее, научнее первого.

По украинской этнографии надо отметить знаменательное появление в эти годы первого опыта публикации народной поэзии: это был «Опыт собрания старинных малороссийских песней». Автор сборника, князь Цертелев, сам происходил из казацкой старшины на Полтавщине. В сборник попало всего 10 украинских песен, большей частью исторического содержания: о Богдане Хмельницком, Мазепе и др. Публикации их составитель предпослал рассуждение о старинных украинских песнях, оценивая высоко их художественные достоинства: в них «все просто и благородно», говорит он, и они очень «пиитичны»².

Этнографический материал в журналах

Так шло постепенное накопление фактического этнографического материала в первое сорокалетие XIX в., — преимущественно по зарубежным странам и по окраинным областям России. Но оставался ли этот материал чистым сырьем, ждал ли он лишь будущего исследователя, чтобы быть как-то осмысленным и обобщенным? Да

¹ П. М. Строев (1796–1876) впоследствии заслужил широкую известность своими неутомимыми и чрезвычайно добросовестными трудами в области русской археологии, изучении и публикации исторических источников.

² *Цертелев*. Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб., 1819, с. 6, 9.

и проникал ли он в среду образованных русских людей, входил ли в какой-то мере в сокровищницу умственной культуры русского общества того времени?

Попробуем ответить сначала на второй вопрос.

Главным каналом для распространения всякого рода знаний в русском обществе в то время были, еще в большей мере, чем в предыдущий период, журналы. Этих журналов было много, они были весьма различны по направлению, идейному уровню, содержанию. Журналы постепенно все больше становились и выразителями общественного мнения. Через журналы шла идейная борьба между основными политическими направлениями, борьба прогрессивной русской общественности против реакции, – правда, эта борьба была гораздо менее открытой и заметной, чем впоследствии. В то же время журналы были главной духовной пищей, важнейшим поставщиком образования в широкие слои общества.

К сожалению, еще никем не проделана весьма настоятельная работа по выявлению того богатства этнографических знаний, какое содержится в русских литературных, публицистических и научных журналах первых десятилетий XIX в. В настоящее время можно дать лишь весьма неполную картину того, как отражались в журналах этнографические знания. Однако даже поверхностный просмотр комплектов разных русских журналов того времени показывает, что этнографический материал в них, вначале очень скудный, постепенно увеличивался, делался все более разнообразным и в то же время более осмысленным.

До Отечественной войны 1812 г. журналов издавалось хотя и немало, но в большинстве это были эфемериды, существовавшие не более 1–2 лет; многие из них были частными. В некоторых изредка попадаются

статьи этнографического содержания. В карамзинском (позже – журнал Каченовского) «Вестнике Европы» за 1802–1812 гг. можно найти всего не больше 10 статей более или менее этнографического содержания: «Якутская песня» (1802, № 22), «Жители области Монтенегро, или черногорцы» (1805, № 7), «Прием и угощение у киргизов» (1809, № 8), «О зимнем рыболовстве уральцев» (№ 9), «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (1810, № 1; 1811, № 22; 1812, № 1), «Гренландцы внутри России» (1810, № 8; об одной обособленной группе низкорослого населения), «Славянская старина» (1811, № 2). В журнале «Периодические сочинения о успехах народного просвещения», издававшемся Академией наук (СПб., с 1803 г.), можно назвать лишь одну статью: «Об острове Мадагаскаре» (1803, № 2), – в последующие годы ничего этнографического не было. В 1-м томе (январь – март 1804 г.) журнала «Патриот» («Журнал воспитания, издаваемый Влад. Измайловым», Москва) напечатана статья о Канарских островах (перевод из Бори де Сен-Венса) с описанием быта гуанчей; имеется также статья о кругосветных путешествиях Кука. Во 2-м томе (апрель – июнь 1804 г.) есть статья «О русском старинном воспитании», но в ней больше риторики, чем фактических сведений. В «Санкт-Петербургском журнале» (издавался Министерством внутренних дел с 1804 г.) нельзя найти ничего этнографического, хотя в нем печатались научные и общеобразовательные статьи; статьи «О нравах в отношении оных к правительству» или «Народные празднества» (1804, № 12) только по заглавию могут казаться этнографическими, на самом деле они состоят лишь из отвлеченно-назидательных рассуждений. В журнале «Северный вестник» (СПб., 1804) есть отдел «Археология», этнографии же со-

вершенно нет. В журнале «Лицей» Ивана Мартынова (СПб., 1806) есть «Известие о путешествии Россиян около света» (о плаваниях XVIII в.), в том числе рассказывается о плавании Лаксмана в Японию, причем сообщаются этнографические сведения о японцах и о «мохнатых курильцах» (ч. 2, кн. 3). В том же журнале имеется заметка (ч. 3, кн. 3, с. 94–95): «Пишут из Фрибурга..., что там еще верят колдунам», – рассказывается о каком-то чревовещателе, желавшем напугать публику, но его чуть не убили как колдуна. Помещена интересная статья «Будущее блаженство диких американцев» (ч. 4, кн. 1) – о вере американских индейцев в загробный мир. В журнале «Любитель словесности» Николая Остолопова (1806 г.) в первой же книжке помещена очень содержательная статья «О происхождении, вере и обрядах якутов» – по материалам доктора Мерка и другим местным сведениям. Во второй книжке имеется статья «О финляндской поэзии».

После войны 1812 г. научное содержание журналов становится разнообразнее, появляется больше этнографических статей. Четче размежевываются идейные направления журналов. Наиболее прогрессивными были журналы, находившиеся под руководством членов тайных обществ, будущих декабристов, – о них будет сказано отдельно.

Вот некоторые образцы этнографического материала, появлявшегося в других журналах. В «Журнале Департамента народного просвещения» (издавался с 1821 г.) напечатаны статьи: «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» (1822, ч. 2–4), «О зырянах: словарь сольвычегодских провинциальных и простонародных слов, в городе и отчасти в округе употребляемых. Собран и пояснен тамошнего уездного училища смотрителем Алексеем Мудровым»

(1823, № 1), «Описание Колы» Николая Озерецковского, «Примеры действия религии над неграми, живущими в Регенстауне, на берегах Сиерры Леоны» (№ 2, 3).

В упоминавшемся выше «Вестнике Европы» (издававшемся и редактировавшемся почти бессменно М. Т. Каченовским) число этнографических статей заметно увеличивается в 1820-х годах. Например, за один 1821 г. были напечатаны статьи: «Старинные хороводные праздники» (№ 3), «О торжественном обряде примирения у черногорцев» (№ 14), «Киргизы» (№ 16, деление на орды, управление, брачные правила и пр.), большая, обстоятельная статья «О киргизах» (№ 22 и др.). В 1828 г. были напечатаны статьи: «О г. Тифлисе» (№ 1), «Старинные народные святки и Коледа» (№ 3), «О сходстве между русскими и восточными обычаями» (№ 4), «Народные праздники, увеселения, поверья и суеверные обряды жителей Белоруссии» (№ 5), «О языках страны Кавказской» (№ 8), «Некоторые обычаи, поверья и обряды нынешних финляндцев» (№ 13).

В журнале «Северный архив», издававшемся Ф. Булгариным с 1822 г., этнографического материала очень много. В первой книжке за 1822 г. опубликованы статьи «Древности Литвы», «Древняя славянская надпись», «Догадки о древних литовцах» Ф. Нарбута; «Нечто о вотландцах» (народность вода), «Новейшие известия об острове Исландии», «Сиерра-Леона в Африке», «Украинская песня о Богдане Хмельницком» и др. Во второй книжке – «Путешествие на Макарьевскую ярмонку», «Путешествие в Туркмению и Хиву», «Письма З. Ходаковского». В третьей – «Забавы и увеселения нынешних греков», «Описание якутов, их происхождения, населения страны Ленской и пр.», «Взгляд на Подольскую губ.» и др. В последующих номерах журнала количество этнографических статей не уменьшается.

В журнале «Русская старина», издававшемся А. Корниловичем (с 1824 г.), этнографического материала тоже очень много. В частности, там имеется обстоятельное историко-этнографическое описание донских казаков — «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях», с записью свадебных обрядов, с текстами и нотами песен и пр.

Чрезвычайно содержателен этнографический материал в журнале «Московский телеграф», издававшемся Николаем Полевым (1825–1834). Этот журнал сыграл особенно крупную идейную роль в русской общественной жизни. Он был очень популярен и действительно сделал для умственного развития русского общества больше, чем какой-либо другой журнал. В. Г. Белинский позже писал, что «Московский телеграф» «был явлением необычайным во всех отношениях»; этот журнал «с первой же книжки изумляет всех живостью, свежестью, новостью, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностью в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению». И этим направлением была борьба с застоём, борьба за просвещение, за «умственное движение»¹. Н. Г. Чернышевский еще позже писал о «Московском телеграфе», что это был журнал «столь сильно действовавший в пользу просвещения, разрушивший столько литературных и других предубеждений»².

И вот в этом-то журнале этнографический материал сразу же занял очень почетное место. Например, за один только 1825 год в нем можно найти не менее 25 этнографических статей.

¹ В. Г. Белинский. Ник. Алекс. Полевой. Собр. соч. в 3 т. Т. III. М., 1948, с. 162.

² Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1953, с. 26.

Вот перечень этих статей: «Картина Голландии» (пер. с франц.); «Штат Индийского идола» (перечень 40 званий жрецов и служителей храма у Ориссы, из «Азиатского журнала», ч. I, № 3); «Географические и этнографические сведения, приобретенные чрез путешествие Росса, Парри и Франклина в северные полярные страны» (из «Гёттингенских ученых ведомостей», 1825). В издательском примечании сказано: «...Содержит ясное изображение, какие приобретения вообще получила география, этнография и естественная история от знаменитых новейших путешествий в северные полярные страны» (ч. II, № 5, 6). «Статистическое обозрение обитателей Турецкого государства» (греки, албанцы, славяне); «Песни нынешних греков» (рецензия на 3 книги) (ч. II, № 6); «Письма из Франции» (есть о нравах, обычаях); «Обозрение новейших географических открытий в Африке»; «Обозрение Колумбии» (ч. II, № 7); «Отрывок из писем о Финляндии»; «О новейших путешествиях в Африку»; «Нравы и обычаи таитян» (ч. II, № 8); «Отрывки из путешествия Лейтцена в Иерусалим» (ч. III, № 9, 11); «Ширас»; «Исследование о развалинах Меджарских на р. Куме» (из Клапрота) (ч. III, № 9, 10); «Греция в начале 1825 г.» (ч. III, № 11); «Записки генерала Малькольма о Средней Индии»; «Кавказский пустынный» (о Ставропольской ярмарке и др.) (ч. IV, № 13); «Обозрение нынешнего состояния английских владений на Золотом Берегу и войны с Ашантиями»; «Статистическая и географическая газета» (в том числе этнографические заметки о гончарстве в Англии, о Борнео, о Гаити) (ч. IV, № 14); «Карта Золотого Берега и земли Ашантиев, сочиненная Боудичем» (ч. IV, № 15); «Путешествие Бюллока в Мексику в 1823 г.» (ч. IV, № 16; ч. V, № 17, 24); «Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря

и до Гудзонова залива» (В. Романов) (ч. V, № 18); «История Бирманского государства» (из Кокса, Париж, 1825) (ч. V, № 19); «Северо-американская колония в Африке» (о Сьерра-Леоне) (ч. V, № 20); «Воспоминания о Хили [Чили]» (из записок д-ра Гарно) (ч. VI, № 22).

Немало было этнографического материала в «Сыне отечества», «Библиотеке для чтения», «Телескопе» и других журналах.

В журналах впервые в русской литературе появляется и самый термин «этнография», «этнографический». Этот термин фигурирует в «Сибирском вестнике» Спасского (1824), в «Московском телеграфе» (1825). В «Северном архиве» с 1826 г. был заведен особый отдел «Этнография». Так постепенно этот термин получал благодаря журналам права гражданства в русском языке¹.

Итак, русские журналы 30-х годов XIX в. были едва ли не главными проводниками этнографических знаний в русское образованное общество. В эпоху, когда еще не было ни специальных этнографических научных учреждений, ни обществ, когда сама этнографическая наука еще не выделилась как особая отрасль знания, очень важное значение имело все то, что содействовало подготовке такого выделения, все, что приучало сознание русских образованных людей к восприятию «этно-

¹ Термин «этнография» был известен в России и раньше, но, кажется, в печати не появлялся. Самый ранний, насколько мне известно, случай его употребления встречается в инструкции, которую Главное правление Российско-Американской компании вручило А. А. Баранову при назначении его в 1802 г. главным правителем Американских колоний. 4-й пункт инструкции («предписания») гласил: «4. Обратитъ особенное внимание на исследование американского материка в этнографическом (NB), статистическом и гидрографическом отношениях и на тщательное и по возможности подробное изготовление карт всех описанных земель» (см. П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1. СПб., 1861, с. 77).

графии». В этой пропаганде будущей науки большая заслуга принадлежит русским журналам.

Конечно, идейное направление этих журналов, как уже говорилось, было разным. Но, чтобы яснее представить себе эту сторону дела, нам нужно познакомиться уже не с журналами собственно, а с самими идейными течениями того времени и с тем, как они отражались на развитии этнографических знаний.

Роль декабристов в развитии этнографии. Пушкин

То крупнейшее идейное течение, которое нашло выражение в деятельности тайных обществ второго десятилетия XIX в. и в восстании 14 декабря и представляло собой первую волну русского революционного движения, конечно, не могло не повлиять на направленные этнографические интересы в России.

Декабристы, эти дворяне-революционеры, отнюдь не были выходцами из народной среды... Но смутная тяга к народу, которому они хотели послужить, у них была; это отражалось и на научных интересах многих из них. Интересы эти видны в таких литературных и научных сочинениях декабристов, как уже известные нам «Письма русского офицера» Федора Глинки, «Записки о Голландии 1815 г.» Николая Бестужева, «Общежитие донских казаков XVII–XVIII столетий» В. Сухорукова (СПб., 1824), а также в издававшихся членами тайных обществ журналах: «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825) Вольного общества любителей российской словесности (им руководили декабристы), «Невский зритель» (1820–1821), «Полярная звезда» (1823–1825) А. А. Бестужева и

К. Ф. Рылеева, «Мнемозина» (1824–1825) Одоевского и Кюхельбекера. Во всех этих изданиях мало писалось о современном быте народа, в частности русского, вероятно, потому, что о крепостных порядках, о помещицьем гнете над крестьянами писать в то время было нельзя, а другие вопросы быта крестьянства меньше интересовали декабристов. Но об обычаях народов других стран декабристы писали охотно. И если в сочинениях декабристов еще нет ясного выражения задач научного изучения быта народов и тем более нет еще идеи о возможности существования особой науки о народах, то интерес к быту, к национальным особенностям этого быта в них уже ясно виден¹.

Вот, например, те же «Письма русского офицера» Федора Глинки. Автор отчетливо заявляет свою точку зрения: «Путешествуя в отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств; но можно списывать картины с нашей природы, которая богата ими: а всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть единственное к тому средство. Я старался рассматривать людей в их различных состояниях: гостил в палатах и жил в хижинах. Но там и тут главную целью моею было наблюдение нравов, обычаев, коренных добродетелей и наносных пороков...»² И точно: в обширном сочинении Глинки очень много конкретных фактов, живых описаний быта населения посещенных им стран, в том числе и отдельных местностей России.

¹ М. К. Азадовский. Декабристская фольклористика. «Вестник ЛГУ», 1948, № 1; В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; В. К. Соколова. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора. СЭ, 1953, № 2.

² Ф. Глинка. Указ. соч., ч. II, с. 6–7.

О наблюдениях его в зарубежных странах уже говорилось. Странствуя по России, Глинка обращал внимание на жизнь народа, на положение крестьянства, на народные обычаи, поверья. Очень любопытны, например, его заметки об отхожих промыслах верхневолжских крестьян¹, о механических изобретениях жителей Ржева², о народных развлечениях³, о суевериях лодочников⁴, об извозном промысле в Клину⁵ и пр. Но все этнографические наблюдения Глинки несут отпечаток непоследовательного, туманно-романтического мировоззрения автора: революционером Федор Глинка все-таки не был. Недаром позже он оказался на правом крыле движения декабристов, почти не принимал в нем участия, а впоследствии, амнистированный, дослужился до больших чинов. В своих «Письмах» он то выражает сочувствие задавленному крепостным гнетом крестьянству⁶, то, напротив, идеализирует крепостное право и расписывает благоденствие крестьян под властью «добротного помещика»⁷; то восторгается борцами за свободу – норвежцами, уплывшими от ига рабства в Исландию⁸, то заявляет о своей любви к «людям, хранящим нравы и обычаи праотцов своих»⁹. С большой легкостью верит он, что крестьяне Поволжья «благоденствуют», – ему достаточно было для этого угоститься жареной курицей в будний день в крестьянской избе, куда он слу-

¹ Там же, с. 40–41.

² Там же, с. 108–112.

³ Там же, с. 168–169.

⁴ Там же, с. 174.

⁵ Там же, с. 53–54.

⁶ Там же, с. 92–98.

⁷ Там же, ч. III, с. 49–50.

⁸ Там же, ч. II, с. 117.

⁹ Там же, ч. VI, с. 92.

чайно заехал ночевать¹. Мало того, в той же деревне он восхищается «прекрасной выдумкой» умного помещика, нашедшего оригинальный способ уравнивать богатых крестьян с бедными: он заставлял богатых женихов брать бедных невест, а богатых невест выходить за бедных женихов, так что «чрез года два или три все крестьяне стали равно довольны и богаты. Богачи породнились с бедняками; не стало ни ссор, ни вздоров, и все после били за то челом своему господину»².

Но при таком по меньшей мере смутном понимании сущности крепостных порядков преобладает у Глинки все же именно сочувствие к русскому народу, к крестьянству. Господствует же над всем у него – патриотизм, просвещенная любовь к родине. С симпатией, очень подробно рассказывает Глинка о встреченных им народных изобретателях, выдумщиках, механиках, творения которых улучшают быт народа. По этому поводу он делает общий вывод, «что у нас были, есть и будут самородные дарования и что русские точно ко всему способны»³. Но патриотизм Глинки – не закоснелый ура-патриотизм, он отнюдь не влечет за собой вражды ко всему иноземному. Напротив, Глинка с восхищением говорит (мы уже видели это выше) о достижениях культуры в западноевропейских странах. Его искреннее желание – чтобы все лучшее из этих достижений было и в России. «О, Россия! – восклицает автор, рассказав о культуре жителей Саксонии. – Отечество мое тысячекратно пространнейшее и могущественнейшее Саксонии; когда придет время, что ты будешь столь же многолюдна, цветуща и просвещенна, как сей прелестный уголок Европы? Теперь

¹ Ф. Глинка. Указ. соч., ч. II, с. 174–177.

² Там же, с. 181–184.

³ Там же.

ты одна из могущественнейших; тогда будешь ты счастливейшею из держав»¹.

Выше говорилось уже о наблюдениях Н. Бестужева в Голландии, возбуждавших в нем мысль о величии «духа людей свободных», которые, свергнув гнет притеснителей, покорили себе природу². Но, поклонник свободы, «кротких законов умеренности, строгости нравов и терпимости вер»³, Бестужев еще далеко не демократ. Свободные полноправные «граждане» и «простой народ» для него вовсе не одно и то же. «Благомыслящих граждан», защищающих республику, он противопоставляет «буйной черни», губящей ее⁴.

Некоторое представление о круге научных интересов декабристов дает перечень докладов, читанных на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности в 1820–1824 гг. «Журнал ученых упражнений» этого общества опубликован В. Базановым⁵. Темы докладов были весьма разнообразны, но преобладали исторические и литературные. Темы фольклорно-этнографического содержания затрагивались сравнительно редко, но все же они были. Например, «О северной поэзии, ее происхождении и характере», «О влиянии климата на образ, нравы и дарования народа» (Буниной), «Рукопись Краледворская», «Письмо... о стихосложении старинных русских песен», «Купало и Дид», «Исторические известия о запорожских козаках», «О свадебном русском обряде» (кн. Цертелева), «Речь с историческими замечаниями о черноморском войске со времени переселения

¹ Там же, ч. V, с. 167–168.

² Н. Бестужев. Записки о Голландии, 1815 г., с. 15–16.

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же, с. 75.

⁵ В. Базанов. Указ. соч., с. 325–404.

оного на Кубань» (Россинского), «О Кавказском крае» (Лохвицкого), «Нравы и обычаи древних норвежцев» (перевод с датского), «Путешествие в Нубию» (О. Сенковского), «Несколько слов о китайцах», «Об образе воспитания у малайцев в Малакке» (перевод с французского), «Внутреннее состояние донских казаков в конце XVI столетия» (Сухорукова).

Из числа осужденных по делу декабристов после разгрома восстания 1825 г. 121 человек был приговорен к каторге или ссылке в Сибирь. Ссылные были размещены по разным сибирским городам и уездам. Многие из каторжан, отбыв свой срок, тоже попали на «поселение».

Находясь в очень тяжелых условиях, декабристы вели все же разнообразную культурную работу. Одни из них организовывали школы, другие оказывали населению медицинскую помощь. Некоторые вводили улучшения в сельское хозяйство. Николай Бестужев, поселенный с братом Михаилом в Забайкалье, изобрел удобную в местных условиях двухколесную повозку; эта «бестужевка» до недавнего времени была в широком употреблении.

Многие декабристы проявили научный интерес к быту местного населения, описывали его в своих сочинениях, письмах, в художественных произведениях. Эта научно-литературная деятельность декабристов в Сибири была продолжением их этнографических интересов предшествующих лет.

В записках декабристов Н. В. Басаргина и А. Е. Розена имеются, например, очень интересные описания быта русских крестьян-старожилов. Они обращали внимание на местные характерные особенности быта. Так, Розен отмечает хорошее состояние сельского хозяйства в Южной Сибири: «Земледелие и скотовод-

ство процветают повсюду, где климат позволяет ими заниматься»¹. Он упоминает о местной форме плуга, о способе молотьбы зимой на ледяном току, о введенном местами с конца XVIII в. особом приеме молотьбы при помощи деревянных вальков-цилиндров с зубцами по окружности². Упоминает о новой крестообразной планировке притрактовых сел³ и пр. Довольно подробно описывает Розен быт старообрядцев – «семейских» Забайкалья, в частности в с. Тарбагатае: их дома, убранство, одежду, пищу. Описание это представляется несколько идеализированным. «Весь наружный вид этих людей, – писал Розен, – превосходен; они блаженствуют, имеют свое общинное правление, выбирают своих старост; на мирской сходке раскладывают все подати и повинности земские, никогда не бывают в долгу, рекрут ставят исправно. Между ними нет сословий с преимуществами, они имеют дело только с исправниками и заседателями, с которыми умеют ладить»⁴. Вообще, несмотря на ссылку и другие мрачные стороны жизни Сибири, сибирские порядки и нравы пришлись Розену по вкусу, вероятно, потому, что здесь меньше чувствовался крепостнический режим России. «Залогом хорошей будущности Сибири, – писал он, – служат уже ныне три обстоятельства: она не имеет сословий привилегированных, нет в ней дворян-владельцев, нет крепостных, чиновников в ней немного. Сверх того, народ хорошо справляется на мирских сходках, трудится большей частью на земле привольной и исправно выполняет все государственные повинности»⁵.

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 184.

² Там же, с. 187.

³ Там же, с. 185.

⁴ Там же, с. 169.

⁵ Там же, с. 213.

Подобные впечатления находим мы и у Н. В. Басаргина. «Чем дальше мы подвигались в Сибири, – писал он, – тем более она выигрывала в моих глазах. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, в особенности помещичьих. Он более понимал достоинства человека, более дорожил правами своими»¹. Сходные замечания о русских старожилах можно найти и у Е. А. Оболенского².

С неменьшим интересом присматривались некоторые ссыльные декабристы к быту коренного населения Сибири. У Н. А. Бестужева имеются очень ценные наблюдения над бытом забайкальских бурят. Особенно содержательны его очерки «Бурятское хозяйство» и «Гусиное озеро», напечатанные вначале анонимно³. В первом из них рассказывается, между прочим, об успехах земледелия у бурят и о полезном обмене культурным опытом между бурятами и русскими. «Земледелие быстро распространяется между бурятами. Они первые начали поливать свои пашни отведенными горными речками. Они выучились у русских пахать землю, а зато, в свою очередь, русские теперь переняли у них искусство орошения»⁴. В статье «Гусиное озеро» Бестужев рисует неприглядный быт разоренных, забитых бурят без всяких прикрас, но с симпатией и с серьезным пониманием причин бедности и отсталости. Бурятскую бедноту, по словам Бестужева, обижает не столько русское начальство, с которым она мало имеет

¹ П. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, с. 94.

² «Общественное движение в России в первой половине XIX в.», т. I, СПб., 1905, с. 178–179.

³ См. М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954, с. 216.

⁴ См. «Труды Вольно-экономического об-ва», 1853, № 2, с. 99–102.

дела, сколько свои же бурятские богачи и начальники. «Бурят почти огражден от столкновения с русскими. Наибольшие притеснения причиняют ему его родовичи: так как бурятские начальники, избранные однажды, остаются в должностях на всю жизнь, то бедные буряты, которые жалуются на злоупотребления, платятся за это дорого. Выговор тайше, оштрафование зайсана не лишает его места, – и тот, кто был причиной выговора или оштрафования, все-таки остается под начальством тех же лиц. Судите же сами, какова его судьба после жалобы»¹.

Бестужев хорошо разглядел и настоящее лицо буддистского духовенства, которое в его время, как и позже, оказывало огромное влияние на жизнь бурят. Именно засилье лам было одной из причин и бедности, и отсталости бурятского населения. Бестужев показывает это на ярких, убедительных примерах. «Вообще ламское сословие есть язва бурятского племени», – писал он².

«Что же касается до умственных способностей бурят, – говорит Бестужев, – то, по моему мнению, они идут наравне со всеми лучшими племенами человеческого рода»³.

Некоторые из декабристов попали в ссылку в Якутскую область. Хотя никто из них не оставался там долго (один Н. А. Чижов прожил в Якутии 7 лет), но они оставили свой след и в этнографическом изучении якутов.

Быт якутов произвел на ссыльных еще более печальное впечатление, чем быт бурят. «Все в этом народе носит отпечаток холода и бедности климата, – писал А. А. Бестужев (известный писатель Марлинский). – Лица большей частью бледны, напев скучен, танцы пе-

¹ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, с. 572.

² Там же, с. 574.

³ Там же, с. 575.

чальны. Право, кажется, они мерзнут в пляске»¹. Якутские впечатления послужили Бестужеву-Марлинскому материалом для его романтической поэмы «Саатырь». Чисто этнографическое содержание имеет его очерк «Сибирские нравы: Ысых» (описание известного летнего праздника якутов). В его «Рассказах о Сибири» говорится и о других народностях Якутии: тунгусах, ламутях, чукчах... Декабрист Чижев написал поэмы «Нуча» и «Воздушная дева»; в них тоже отразились якутские обычаи, предания, верования.

Отсталость якутского быта, все его отрицательные черты не мешали ссыльным декабристам относиться и к якутскому народу с глубокой симпатией. «Они крайне правдивы и честны, лукавства в них нет и воровства они не знают», – писал о якутах М. И. Муравьев-Апостол². Высокого мнения были декабристы и о национальном характере тунгусов: «Тунгус беден, но честен и гостеприимен, – писал тот же Бестужев-Марлинский. – Живучи день до вечера одною ловлею, он нередко постится дни по три, ничего не убив, но готов разделить последний кусок с путником»³.

* * *

Близкий к кругам декабристов Пушкин с глубоким интересом относился к русской народной поэзии. Сохранились сделанные им записи семи русских сказок – от его старой няни Арины Родионовны. Он написал около 25 народных песен, главным образом

¹ «Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным, 1827–1829». «Русский вестник», т. 87, 1870, № 5–6, с. 231.

² «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». Пг., 1922, с. 62.

³ А. А. Марлинский. Собр. соч. Пг., 1914, с. 83.

в Псковской губ., и хотел сам их издать, но потом передал записи П. В. Киреевскому, и они появились в печати значительно позже¹. Об интересе Пушкина к этнографии других народов свидетельствуют делавшиеся им выписки из разных этнографических источников; например, из «Описания земли Камчатки» Крашенинникова, большие выписки о езидах (Закавказье) и пр. Общеизвестно, какое большое влияние оказала русская народная поэзия на творчество самого Пушкина, сколько в нем чисто фольклорных мотивов. Достаточно назвать стихотворные «сказки» Пушкина, его «Руслана и Людмилу», «Русалку», стихи на мотивы русского фольклора – «Жених», «Утопленник», «Гусар», его «южные» и «кавказские» поэмы – «Кавказский пленник», «Тазит», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», где так глубоко и точно выражены этнические особенности народов, с которыми поэт встречался в своих скитаниях по стране².

Консервативное направление в этнографии. Снегирев

К началу 1830-х годов консервативные и реакционные настроения явно господствовали. Это сказалось и на изменении окраски национального самосознания: интерес к народу не пропал, но вместо романтического увлечения героической историей русского народа появилось увлечение его патриархальной стариной. С начала 30-х годов обнаруживается скорее даже повышенный

¹ См. «Рукой Пушкина». «Academia», 1935, с. 405–462.

² О «фольклоризме» в произведениях Пушкина, о его понимании «народностей» и интересе к народному творчеству см.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, I. М., 1958, с. 243–254.

интерес к народному быту, к обычаям, поверьям народа, к его духовной жизни; но под знаком охранительного курса государственной власти и этот интерес получил чисто консервативную окраску, – недаром идея «народности» оказалась одним из трех принципов эпохи Николая I вместе с «самодержавием» и «православием» (формула Уварова, 1834 г.)¹.

Вот почему несколько не удивительно, что в 30-е годы тон в изучении народа стало задавать направление, представленное людьми консервативного образа мысли: таковы были Снегирев, Сахаров, несколько позже – Даль, Терещенко. Несмотря на заметные индивидуальные различия во взглядах и трудах этих людей, у них всех основное было общим: народ, его жизнь, его мировоззрение представлялись им как своего рода символ патриархальной, неподвижной старины, исконно русских начал. И эта патриархальная старина была для них предметом не только научного интереса, но и романтического любования. Они ее идеализировали.

Самым старшим из этого поколения был Иван Михайлович Снегирев (1797–1868)². Сын профессора Московского университета, Снегирев и сам занимал в нем профессорскую кафедру (латинского языка и римских древностей), а позже служил цензором. Одновременно он, в порядке любительства, занимался изучением русской старины. Он считался лучшим знатоком старой Москвы, активно участвовал в работе Московского общества любителей российской словесности

¹ Само слово «народность» впервые употреблено, как выяснил М. К. Азадовский (указ. соч., I, с. 191–192), поэтом П. А. Вяземским в 1819 г.: употребил его в письме к А. И. Тургеневу в смысле точного соответствия французскому «nationalité».

² О нем см.: А. Д. Ивановский. Иван Михайлович Снегирев. Биографический очерк. СПб., 1871; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 1, с. 316–329.

(с 1820 г.), Московского общества истории и древностей российских (был его секретарем). Но главную известность стяжал себе Снегирев своими работами, посвященными «народности», как тогда выражались, т. е. этнографическими. Эти работы его имели тогда большой успех.

Первая из них была посвящена народным лубочным картинкам. О них он написал небольшую статью «Русская народная галерея, или Лубочные картинки» еще в 1822 г., напечатав ее в «Отечественных записках» Павла Свиньина; в статье дан краткий очерк русского народного гравировального искусства и указано на важность этого искусства для самого народа: оно может «способствовать к просвещению народа»¹. Издатель журнала в особом примечании к статье высказал пожелание, чтобы «г. сочинитель» разработал этот важный предмет более подробно. Снегирев последовал этому совету. В 1824 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности» (кн. IV) была напечатана его статья «О простонародных изображениях», и позже он не раз возвращался к той же теме: последний раз уже в 1861 г. в книге «Лубочные картинки русского народа в московском мире» (М., 1844; изд. 2, 1861). В этой книге собрано очень много исторических сведений о гравировальном деле в России и дано обстоятельное описание существовавших в середине XIX в. народных «лубочных» картинок, с классификацией их по содержанию: «духовно-религиозные», «философские», «юридические», «исторические» и «символико-поэтические». Правда, это несколько искусственное, формальное и не совсем вразумительное деление свидетельствовало, что Снегиреву весьма еще не хватало умения понять подлинное идейное содержание народных лубочных

¹ «Отечественные записки», ч. 12, 1822, № 30, с. 94.

картин. При его вполне консервативном образе мысли неудивительно, что он не мог уловить того духа народного протеста против гнета, того революционного содержания, которые отразились в популярных тогда лубочных картинках: иллюстрации к сказке о Ерше Ершовиче, Шемякин суд, погребение кота мышами и пр. Для него в этом «символично-сатирическом роде лубочных картинок» лишь «резко выдается чувственный элемент с его причудами и нелепостями». Зато он очень высокого мнения о пользе и достоинствах «духовно-религиозных» картинок, «коиими условливается преимущественное направление народа к вере и благочестию, к познанию истины и добродетели»¹, и он с удовлетворением отмечает, что «число простонародных эстампов духовно-религиозного содержания несравненно было более, чем других»². «Итак, лубочные картинки представляют не одни только предметы забавы и увеселения во вкусе простолюдья, – писал Снегирев в заключение своей книги, – но духовно-религиозным и нравственным содержанием своим питают в народе чувство веры и благочестия, любовь к государю и отечеству, внушая отвращение от пороков и страх грехов, уважение к добродетели как цели жизни»³. Еще в ранней статье (1822) Снегирев рисовал идиллическую сцену, как в зимний вечер крестьяне слушают пояснения к религиозным картинкам – о Страшном Суде, об искушении святых и пр. «Добрые поселяне слушают и из сего чтения научаются терпеть и забывать скорби житейские, уповать на вечное блаженство и страшиться вечной муки»⁴.

¹ Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, с. 135.

² Там же.

³ Там же, с. 136.

⁴ «Отечественные записки», ч. 12, 1822, с. 90.

Несмотря на такую сугубо «охранительную» концепцию автора и на то, что критика тогда же указывала на ряд промахов его в обращении с источниками и в выводах¹, работа Снегирева о лубочных картинках представляет несомненную научную ценность. Эту ценность признавал позже выдающийся исследователь русских народных картинок Д. А. Ровинский².

Почти одновременно Снегирев начал и другую большую работу – о русских пословицах. Сборники пословиц составлялись еще в XVIII в. (см. выше, с. 119). В 1822 г. «Полное собрание русских пословиц и поговорок» было издано Дм. Княжевичем. Но исследование пословиц никем еще не предпринималось. Снегирев взялся за это дело первым. Он посвятил русским пословицам сначала небольшую статью в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1823) и несколько статей в журналах. В 1831–1834 гг. он издал в четырех книжках большую работу «Русские в своих пословицах».

К народным пословицам Снегирев подошел как к отражению народного быта и народного мировоззрения – и это было правильно. «Когда народ, освобождаясь от оков грубого невежества, начинает наблюдать и размышлять, – писал Снегирев, – тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы». Эти пословицы «составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец». В пословицах, полагал Снегирев, выражаются моральные понятия народа, «правила нравственности и благоразумия».

¹ См. А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I, с. 324–325, 327–329.

² Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, с. VII–VIII.

Пословицы важны «для истории ума человеческого; ибо в них отсвечивается внутренняя жизнь народа, отличительные его свойства и господствующие в нем мнения, тесно соединяется настоящее с прошедшим и будущим, семейный его быт с народностью, а народность с человечеством»¹.

В русских пословицах Снегирев видел отражения разных эпох, разных событий русской истории. «...Пословицы, будучи тесно связаны с историей языка и народа, могут служить памятниками различных обстоятельств народных и пособиями для истории. В таком отношении они бывают а) по времени хронологические, б) по месту топографические, в) а по народу этнографические. В последнем отношении они могут быть общественные и фамильные, городские и деревенские»². Далеко не все русские пословицы созданы были, по мнению Снегирева, русским народом самостоятельно. Многие из них были заимствованы от других народов. С большим усердием старался Снегирев определить источники таких заимствований и в особой главе – «Об иностранных источниках русских пословиц» – собрал много пословиц народов Востока, античного мира, западных и южных славянских народов и пр.

По содержанию же Снегирев делил пословицы на «антропологические», «физические» и «исторические». К первой категории, весьма неудачно им названной, он относил пословицы, «касающиеся до естественных и нравственных причин различия народов» (в том числе «относящиеся к язычеству, вере и суеверию», «нравственные», «политические и судебные» и пр.), а также пословицы, в которых отразилось «законодательство и судопроизводство». К категории «физических» посло-

¹ И. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. I. М., 1831, с. 3–4.

² Там же, с. 46–47.

виц отнесены поговорки и приметы о погоде, сельскохозяйственные, а также «медицинские». В категорию «исторических» включены пословицы, связанные с какими-либо историческими событиями, и автор разделял их на «хронологические», «топографические» и «этнографические»: к последней группе отнесены разные поговорки и присловья об отдельных народах, о жителях отдельных местностей, городов и пр. Эта классификация, довольно сумбурная, свидетельствует все же о какой-то потребности подойти с научным критерием к народным пословицам как выражению народного мировоззрения, внести в них какую-то систему. В этой системе Снегирев и рассматривал и комментировал пословицы.

Третья и наиболее известная из работ Снегирева посвящена русским народным праздникам¹. Он собрал по этому предмету обширный материал – и из старой литературы, и через сообщения разных лиц (список их он приводит с выражением благодарности в предисловии к 1-му выпуску и в конце 4-го выпуска книги), и собственными наблюдениями. Материал изложен в правильном систематическом порядке: в 1-м выпуске дано общее теоретическое и историческое введение, в остальных – описание отдельных праздников, расположенных по годовому циклу. Описание собственно русских праздников и обрядов дополнено сравнительными сведениями об аналогичных явлениях у других народов, древних и новых. Все это не только для того времени представляло большой вклад в науку: материалами, собранными Снегиревым, мы пользуемся и теперь.

К чести Снегирева надо сказать, что он умел исторически подойти к изучаемому предмету. Он видел

¹ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1–4. М., 1837–1839.

чисто народную основу праздников: «Самое происхождение, содержание и цель оных решительно отделяет их от церковных св. празднеств», – писал Снегирев¹. Он понимал также, что сравнительное изучение праздников, обрядов, поверий разных народов может помочь судить о «сродстве» этих народов, т. е. об их исторической общности². Правда, филологическая точность сопоставлений оставляет у Снегирева желать многого: он отождествлял, например, индийского Копала с русским Купалой³, сближал скандинавского Одина с русским Водяным⁴, славянского Перуна с греческим словом «дар» (огонь)⁵; но он не настаивал на этих малоубедительных сближениях.

Однако общая направленность и этого труда Снегирева – неизменно строго охранительная. Народные праздники для него – это один из устоев патриархального старинного быта, который Снегирев всячески идеализировал. «Народные праздники, – писал он, – торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религиозные чувствования, доставляют участникам в оных льготу и наслаждение. Нигде с такою полнотою и свободою не раскрывается личность народная, как в праздниках; нигде столько, как в них, не сближаются люди душою и сердцем»⁶.

Вполне понятно, что труды Снегирева находили себе полное сочувствие и поддержку в консервативных общественных кругах и в правительстве. Сама мысль

¹ *И. Снегирев*. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1, с. 1.

² Там же, с. 57.

³ Там же, с. 59.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ Там же, с. 61.

⁶ Там же, с. 1–2.

описать русские народные праздники была подана Снегиреву, как он сам признает, еще в 1825 г. киевским митрополитом Евгением Болховитиновым (известным ученым-библиографом)¹. Один из корреспондентов Снегирева, священник Диев, писал ему: «Без сомнения, труды по исследованию обычаев, народных праздников и пословиц достойны всякого уважения, ибо нынешние обычаи есть благословенное наследство предков наших, отпечаток их чувствований и мыслей...» и т. д.² Граф Уваров, министр народного просвещения и руководитель консервативного правительственного течения в вопросах культуры, в письме к Снегиреву от 27 марта 1837 г. извещал его, что он представил императору его книгу о русских праздниках, и тот «соизволил» объявить автору «монаршее благоволение»; тремя годами раньше то же было с книгой о пословицах³. В 1840 г. за книгу о праздниках Снегиреву была присуждена Академией наук Демидовская премия⁴.

Сахаров

Еще более известно имя И. П. Сахарова, который благодаря своей большой литературной плодовитости выдвинулся в 1830-е годы на первое место как крупный авторитет в вопросах изучения народа. Общий стиль его работ был вполне ясно выражен: это стиль типичнейшего представителя консервативно-романтического направления.

¹ А. Д. Ивановский. Иван Михайлович Снегирев. Биографический очерк, с. 48–49.

² Там же, с. 100.

³ Там же, с. 125–126.

⁴ Там же, с. 47.

Иван Петрович Сахаров (1807–1863)¹, родом из Тулы, сын священника, врач по образованию, подвизался преимущественно в области изучения русской старины, как письменной, так и живой. Будучи в этой области чистым дилетантом, не имея никакой теоретической подготовки, Сахаров, однако, с необычайным усердием и трудолюбием собирал и публиковал всевозможные памятники старины. Им найдено и опубликовано немало старых рукописей и старопечатных книг, — и в этом деле заслуги Сахарова неоспоримы. Полезны были и его работы по русской нумизматике, иконописи. Но весьма противоречивые суждения вызывала его деятельность по собиранию живой старины — народных преданий, песен, сказок, поверий, обычаев и пр.

Сахаров начал печататься с 1830 г., сначала он публиковал мелкие статьи о местных древностях. С 1836 г. стали появляться его объемистые «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (ч. 1 — 1836 г.; ч. 2, 3 — 1837 г.; позднейшие издания — 1841 г., 1849 г. и др.). План этого издания был необычайно обширен, но весьма несистематичен. Автор предполагал издать 30 книг, соединенных в семь томов, и вот с каким содержанием: 1) «Русская народная литература», 2) «Очерки семейной русской жизни (чернокнижие, игры, загадки и притчи, присловья)», 3) «Русские народные песни», 4) «Памятники древней русской литературы», 5) «Старые словари русского языка», 6) «Русские народные свадьбы», 7) «Русская народная годовщина», 8) «Путешествия русских людей», 9) «Русская народная демонология», 10) «Словари русских народных наречий», 11) «Русские народные охоты», 12) «Сказания о русском народном врачевании», 13) «Русская народная симво-

¹ О нем см.: *И. И. Савваитов*. Для биографии И. П. Сахарова. «Русский архив», 1873, с. 897–1017.

лика», 14) «Летопись русской библиографии», 15) «Русские народные поверья и приметы», 16) «Русские народные пословицы», 17) «Летопись древних искусств и художеств», 18) «Летопись славяно-русских типографий», 19) «Летопись русской литературы», 20) «Русские народные сказки», 21) «Записки русских людей», 22) «Обозрение древнего русского права», 23) «Обозрение русских гербов и печатей», 24) «Русские народные одежды», 25) «Родословная книга русских дворянских родов», 26) «Летопись русской нумизматики», 27) «Образцы великорусских, белорусских и малорусских наречий», 28) «Славяно-русская мифология», 29) «Русские разрядные списки», 30) «Приложения и указатели»¹. Этот план, включавший в себя, наряду с этнографическими, также самые различные другие темы, в целом не был выполнен. Впоследствии сам Сахаров, видимо, отказался от странной мысли объединить все эти разные темы общим заглавием «Сказания русского народа...», и некоторые из них вышли под самостоятельными названиями: «Путешествия русских людей в чужие земли» (ч. 1, 2, 1837), «Песни русского народа» (ч. 1, 2, 1838, ч. 3–5, 1839), «Записки русских людей» (1841), «Русские народные сказки» (1841).

Сочинения Сахарова имели большой успех. Они поражали обилием материала, частью совсем нового, неизвестного; содержание их отвечало уже ясно ощущавшейся в образованном обществе потребности в познании своего народа. По этому поводу писал впоследствии современник Сахарова И. И. Срезневский: «Никто до тех пор не мог произвести на русское читающее общество такого влияния в пользу уважения к русской народности, как этот молодой любитель. Не по-

¹ И. Сахаров. Сказания русского народа..., т. 1. Изд. 3. СПб., 1841 (непагинированные страницы).

разил он основательную ученостью, не поразил он и многообразием соображений; но множество собранных им данных было так неожиданно велико и по большей части для многих так ново, так кстати в то время, когда в русской литературе впервые заговорили о народности, и притом же увлечение их собирателя, высказавшееся во вводных статьях, было так искренно и решительно, что остаться в числе равнодушных было трудно¹. Собирательскую деятельность Сахарова с большим одобрением отмечал Белинский².

Вся литературная деятельность Сахарова была пронизана одним цельным мировоззрением: идеалами Православия, Самодержавия, Народности и отрицания ценностей западной цивилизации. «Благодарю Господа, – писал он, – что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги»³. Он был убежден, что со времени Петра I вся Европа объединилась в общем стремлении разрушить русское государство и уничтожить русский народ, и все влияния культуры, которые шли с Запада, он расценивал с этой точки зрения. Охранителем же русского народного начала от гнилых и тлетворных влияний Запада Сахаров считал царя и правительство: «Император Николай Павлович ни мало не усумнился принять нашу народность под свою защиту и сделать ее символом Министерства народного просвещения⁴. Он ясно разгадал грядущую славу России; он один понял назначение Русской земли»⁵.

¹ *И. Срезневский*. Воспоминания об И. П. Сахарове. «Зап. имп. Академии наук», т. 4, 1864, кн. 2, с. 240.

² *В. Г. Белинский*. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1903, с. 203, 205, 206.

³ *И. П. Сахаров*. Мои воспоминания. «Русский архив», 1873, с. 906.

⁴ Намек на формулу «Самодержавие, Православие, Народность».

⁵ *И. П. Сахаров*. Мои воспоминания, с. 910.

Образцом патриотического понимания Сахаровым русской старины может служить лирическое вступление к новому изданию «Сказаний русского народа»: «Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вестное, приголубьте речью лебединою словеса немудрые, как в стары годы, прежние, жили люди старые. А и то-то, родимые, были веки мудрые, веки мудрые, народ все православный. Живали-то старики не по-нашему, не по-нашему, по-заморскому, а по-своему, православному. А житье-то, а житье-то было все привольное, да раздольное... Старики суд рядили, молодые слушали; старики придумывали крепкие думушки, молодые бывали во посылушках. Молодые молодницы правили домком, красные девицы завивали венки на Семик день...»¹

Вадим Пассек

Особняком в этой группе романтиков-народолюбив стоит имя Вадима Васильевича Пассека (1807–1842). Родившись в Сибири, где его отец жил в ссылке, Вадим Пассек затем получил образование в Московском университете (по юридическому факультету); числясь на государственной службе, он выполнял разные поручения научно-литературного характера, много ездил в связи с этим по России и имел большую возможность наблюдать жизнь народа. Романтическая любовь к народу жила в нем с детства и усилилась под влиянием знакомства с Герценом и людьми его кружка (Пассек был женат на родственнице Герцена Татьяне Петровне Кучиной, авторе известных воспоминаний «Из дальних лет»)². Эта лю-

¹ И. Сахаров. Сказания русского народа..., т. 1 (оборот титульного листа).

² См. ее воспоминания о муже: Т. П. Пассек. Из дальних лет. М.–Л., 1931, с. 279–302 и др.

бовь сочеталась с таким же романтическим интересом к старине. Это было честное, искреннее народолюбие, а не показное чванство народностью, как у других; Пассек делом доказал свою искренность, когда в холерный год (1830) с риском для жизни работал в самом очаге эпидемии, ухаживая за больными. Но мировоззрение Пассека было далеко от революционности, оно было глубоко консервативным. В духе консервативно-романтического народолюбия и написаны сочинения Пассека.

Ценный этнографический материал содержится в «Очерках России» (кн. 1–5, М., 1838–1842), где собраны всевозможные географические, исторические, археологические, этнографические сообщения. Большая часть текста написана самим Пассеком, но отдельные очерки принадлежат другим лицам (Срезневскому, Вельману и пр.). Интереснее всего с этнографической точки зрения в 1-й книге очерки «Праздник Купалы», «Осетинцы» (по Клапроту) и несколько мелких заметок; во 2-й книге – ряд мелких заметок: «Остяцкий праздник Яляня», «Малороссийские поверья», «Сибирские народные приметы и поверья», «Малороссийские размывки или поверья при рождении младенца»; в 3-й книге – «Малороссийские святки»; в 5-й книге – «Обычаи и поверья финнов», «Веснянки». Многие этнографические материалы относятся к Украине – стране, которую Пассек больше всего любил.

Свое понимание задач изучения народа и его быта В. Пассек всего яснее изложил в очерке «Праздник Купалы». Здесь четко указана важность собирания этнографического материала. Основная мысль автора – огромное значение обычаев народа как основы всей его жизни, как залога его национальной устойчивости, – отсюда и важность собирания и изучения народных обычаев.

«Обычаи народа в обширном смысле, – писал Пассек, – есть сокровищница его прошедшего, его знаний,

философии, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Без этой особенности народ был бы бесхарактерен, несчастен, ничтожен. Доколе жив и силен народ, до того времени живы и сильны его обычаи. Они могут выдержать вековую борьбу с противодействием людей, даже природы, и гибель их, без замены другими чисто народными обычаями, служит предвестником гибели народной... Напрасно думают иные писатели уничтожить обычаи как предрассудки и заблуждения народа, напрасно мечтают сделать всех людей, каждый по-своему, философами: в народе и без того есть высшая философия, которой он учится, правда, не в школах, есть бессознательные знания, которые часто идут впереди наук, как знание магнетизма, предания о переворотах земли и др. ...Худо человеку без собственного характера, горе народу без национальности. Эта национальность, более всего выражаемая и хранимая обычаями, составляет часть жизни целого человечества: каждый народ в этом отношении дополняет один другого, и доколе существует, составляет необходимое звено в неразгаданной цепи человечества»¹.

«Пред нами еще необозримое поприще, – писал Пассек, – благодарение Богу, что жизнь России так глубока и необъятна в прошедшем и настоящем. Нам предстоит узнавать ее из быта и обычаев и замечать быт и обычаи на месте, в живой картине, в рассказах и в песнях из уст народа: только так собираемые знания могут истинно познакомить нас с отечеством, а собирая и передавая иначе, можем лишиться верности и многих важных оттенков народного характера. Наше дело трудиться над материалами и без дальнейших выводов делать только замечания, потому что одни из них могут быть истинны, а другие, быть может, пригодятся

¹ В. Пассек. Очерки России, кн. 1, с. 84–85.

для будущего времени, и потому что и в самых замечаниях часто высказывается народный характер»¹.

Терещенко

Вполне последовательно проводится консервативно-романтическая точка зрения в монументальном сочинении Александра Власьевича Терещенко «Быт русского народа» (ч. 1–4, СПб., 1848), хронологически выходящем за пределы периода, нас сейчас интересующего. Идеи, одушевлявшие автора, те же, что и у Сахарова: это романтическое любование русской стариной. Во введении он сам прямо излагает свои взгляды по этому вопросу. По его мнению, мы «обязаны» смотреть «на наши нравы и образ жизни» «как на историю народного быта, его дух и жизнь и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благоговейной преданности к своей родине, отечеству, Православию и самодержавию»². Жизнь наших предков, полагал Терещенко, «излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их отчизны, и этим напоминает патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто бы это было во всяком из нас»³.

Книга Терещенко состоит из семи частей, соединенных в четыре тома. 1-я глава 1-й части озаглавлена «Народность», и в ней автор еще более ясно и обстоятельно излагает свои взгляды на понятие «народности». Начиная с общего взгляда на человечество, деления его на географические и расовые группы, он

¹ В. Пассек. Очерки России, кн. 1, с. 86.

² А. Терещенко. Быт русского народа, ч. 1, с. 1.

³ Там же, с. II–III.

затем переходит к славянам, которых наделяет всеми положительными чертами характера. Далее излагаются в приподнято-патриотическом, карамзинском тоне исторические судьбы русских славян, и наконец описывается национальный характер русского народа, причем автор красок здесь не жалеет. Несколько фраз из этой характеристики дадут достаточное о ней представление.

«При всех переворотах гражданственности, русский любил богатые одежды и роскошь, гордился своим хлебосольством и негою. Любил травить зверей и не боялся идти на него (видимо, на зверя. – С. Т.), прямо, с одним топором или с рогатиной; тешился плясками, веселил себя песнями. В самом горе он услаждал себя ими: певал почти безумолчно. И теперь он тот же самый: работает ли он, или сидит в праздничный день у ворот своей избы, поет и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины дороги для его сердца: все сочувствуют с ним, все ему знакомое» и т. д.¹ «Кто же не знает нашего народа! – восклицает Терещенко в другом месте. – Крепкий и чуждый заразительных болезней, он всегда веселой, живой, разговорчивой, обходительной, ласковой, не мстительной, терпеливой и любящий православную веру. Редкие качества обитателей земного шара. Питается здоровою и часто скудною пищею: хлеб с солью и квасом, – он сыт; живет в черной избе и проводит зиму самую лютую почти равнодушно; одевается просто и даже грубо; прикрывает тело в свирепые морозы почти тою же одеждой, какую носит летом: полушубок и лапти; но в его неизнеженном теле, необразованном уме таится великий дух и возвышенные его добродетели». «Умереть за веру и отечество – довольно для русского. Согреваемый божественным светом

¹ Там же, с. 68.

Православия, он всегда стоял за него грудью, не думая о славе»¹. «Посмотрите на расселение нашего народа по трем частям света, – говорится в заключение этой характеристики, – и что их соединяет: Что их держит и хранит? Священнейшее чувство любви к отечеству, основанное на Православии и единодержавии. Все дышат и пламенеют одним чувством, желают счастья и утверждают благосостояние, – вот где кроется народность: вот его сила и опора»².

Терещенко понимал, например, трудность задачи изучения народа: об этом свидетельствует хотя бы его призыв к образованному обществу систематически собирать сведения о народе и собирать их стационарным методом. «Если бы местные жители, – писал он, – собирали туземные сведения и делали их доступными, то можно бы достигнуть общего описания русского быта. Только при содействии местных собирателей в состоянии объясниться наш народ. Иначе все излагаемое о нем останется в одних очерках, в каковых и я представляю здесь»³. Следует также отметить попытку автора поставить вопрос о «народности» как о некоем высшем единстве, стоящем над местными особенностями: «Разве народность в том состоит, чтобы носить свои одежды, питаться своей пищею, жить в своих старинных хоромах, поступать по обычаю своей страны? – О, тогда бы каждый город, – что говорю, – каждый уголок деревни должен искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ее туземные обыкновения и привычки, изменяемые местностью, – это быт русской жизни»⁴.

¹ А. Терещенко. Быт русского народа, ч. 1, с. 70–71.

² Там же, с. 75.

³ Там же, с. VI–VII.

⁴ Там же, с. 73.

Немалая заслуга Терещенко состоит в том, что он едва ли не первым (по крайней мере после Антоновского) попытался изложить в какой-то системе материал если не по всем, то по многим сторонам русской народной жизни. В 1-м томе собраны сведения, касающиеся материальной культуры русских – жилища, одежды, пищи, ремесел и пр., о чем раньше никто не писал. Во 2-м томе изложен обильный материал по свадебным обрядам, материал, расположенный по векам, по общественным группам («свадьбы великокняжеские», «свадьбы царские», «свадьбы благородных и простолюдинов») и, наконец, по областям – губерниям. В 3 и 4-м томах собраны сведения о времяисчислении, о разных семейных и календарных обрядах и обычаях, об играх и хороводах. Больше всего места уделено календарным обрядам.

Этнография в Малороссии в 1830-е годы

В Малороссии в 30-х годах романтическое направление тоже господствовало, хотя с чертами зарождавшегося украинского национализма.

Чисто романтическим увлечением украинской стариной отмечены ранние работы Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) – впоследствии видного филолога-слависта. В 1831 г. он издал «Украинский альманах», в 1832 г. напечатал сборник словацких песен (записанных им от захожих словаков-разносчиков), в 1833–1838 гг. издавал «Запорожскую старину», где особенно сказались романтические настроения автора; наряду с подлинными народными песнями (думами) в сборник попали и подложные.

30-е годы были ознаменованы на Украине и началом систематического собирания фольклорно-этнографического материала. Пионером его был Михаил Александрович Максимович (1804–1873). Это был ученый широкого диапазона, не только историк и филолог, но и натуралист-ботаник (его идеи в этой области предвосхищали учение Дарвина). Увлекаясь украинской стариной, он писал многочисленные статьи по истории, языкознанию, литературе, археологии Украины. Из его этнографических работ особенно отмечается публикация им «Малороссийских песен» (М., 1827), переизданных вторично в 1834 г. («Украинские народные песни») и в третий раз – в 1849 г. («Сборник украинских песен», Киев). Мотивы, побудившие его к этой публикации, Максимович излагает прямо и ясно. «Наступило, кажется, то время, – пишет он, – когда познают истинную цену народности». А народность выражается всего лучше в песнях, в сказках, – вот почему автор и занялся этим делом¹.

Из других этнографических работ Максимовича представляют интерес его «Дни и месяцы украинского селянина»². Это украинский сельскохозяйственный календарь с рассказами о поверьях, обычаях, праздниках. Но работа осталась незаконченной, она охватывает только три весенних месяца.

В историю науки вошел также длительный спор Максимовича с историком М. П. Погодиным об этническом составе населения Киевской Руси и о непрерывности заселения Украины. Погодин доказывал, что население Киевской Руси было русским и что оно в годы татарского погрома разошлось, отлило на север, а Украина вновь заселилась «малороссами» уже позже. Макси-

¹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. 2. Киев, 1877, с. 439–440.

² «Русская беседа», 1856, № 1.

мович оспаривал этот взгляд и доказывал, что полного «запустения» Южной Руси не было и что современное ее население (украинцы) – это потомки древнего населения. Спор этот впоследствии продолжался.

Максимович, профессор и первый ректор Киевского университета, имел учеников и пользовался большим влиянием на молодежь. Из его учеников составила впоследствии группа украинских фольклористов-этнографов и общественных деятелей, заявивших о себе в 40–50-х годах.

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ в 1840–1860 гг.

Условия наступления нового этапа. Взгляды Белинского. Взгляды Герцена

Новый этап в развитии русской этнографической науки начинается с 1840-х годов. Он связан с теми общественными течениями, которые характеризуют вторую половину 30-х и 40-е годы в истории русской общественной мысли. В первую очередь спор разгорелся между «славянофилами» и «западниками».

В литературе все более настойчиво трактовался вопрос о «народности»¹.

Именно в это время появляются демократы-разночинцы с их совершенно новым отношением к самому понятию народности. Виднейший представитель этого течения – публицист и критик В. Г. Белинский (1811–1848) – в своих многочисленных статьях и рецензиях не раз касался вопросов изучения народа и его творчества.

Но роль Белинского в развитии русской этнографической и фольклористической мысли до сих пор недостаточно изучена. Считалось, что Белинский относился

¹ О взглядах славянофилов на «народность» и народное творчество см.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 1. М., 1958, с. 368–413.

без особого интереса к народному творчеству, невысоко его оценивал. С другой стороны, новейшие советские исследователи, в законном стремлении восстановить авторитет Белинского в данной отрасли знания, не всегда критически подходят к его идейному наследству. Достаточно солидных исследований о взглядах и деятельности Белинского в области этнографии и фольклористики еще нет, хотя советские фольклористы много в этом отношении сделали¹. Еще не прослежено, в частности, как менялись взгляды Белинского на народность и народное творчество в связи с общим развитием его мировоззрения, – а ведь известно, что Белинский не один раз резко менял свои общественно-философские взгляды: из идеалиста-шеллингианца (1834–1837) он превратился в гегельянца (1837–1840), а позже – в социалиста и материалиста (1842–1848).

Будучи литературным критиком по профессии, Белинский естественно интересовался в первую очередь одной областью этнографии – устным народным творчеством. Но он понимал его широко, видя в нем отражение быта народа и мировоззрения народа. Взгляды Белинского на народную поэзию были весьма своеобразны и для того времени совершенно новы: как и в других вопросах, Белинский шел здесь своим самостоятельным путем.

С самого начала Белинский ясно понимал связь народного творчества с жизнью самого народа, с его национальной спецификой. Еще в ранней своей работе «Литературные мечтания» (1834) Белинский ставит вопрос о том, что такое «самобытность» каждого народа. Эта самобытность заключается в образе мыслей народа,

¹ См.: А. Скафтымов. Белинский и устное народное творчество. «Литературный критик», 1936, кн. 7; М. Азадовский. Белинский и русская народная поэзия. «Литературное наследство», т. 55. М., 1948; Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии. СЭ, 1949, № 1.

в его религии, в языке «и более всего в обычаях». Нельзя представить себе народ, не имеющий своего языка, мировоззрения; «еще менее возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев», а к числу «обычаев» Белинский относил и материальный быт, одежду и пр. Обычаи «укрепляются давностью, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению». Они создают «физиономию народа»¹.

На важность собирания и изучения памятников народного творчества Белинский указывал многократно – и в ранних, и в поздних своих работах. Он всячески приветствовал усердную деятельность Сахарова по собиранию и публикации русского фольклора, не заметив даже недоброкачества некоторых сахаровских публикаций. Он приветствовал выход в свет «Народных песен Вологодской и Олонецкой губерний», записанных Ф. Студитским (1841), сборник песен М. Суханова и пр. Известный сборник Кирши Данилова Белинский называл «книгой драгоценной, истинной сокровищницей величайших богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце»². Но Белинский настаивал на записи лишь подлинных народных произведений и был решительным врагом всякого подражания им, всякой подделки под «народность». А такие подделки как раз в 30-е годы были модой. Белинский весьма не одобрял произведений вроде «Конька-горбунка» Ершова. В своей рецензии на эту книгу (1834) Белинский писал, что прежде «искажали народность, украшая ее», теперь же «иска-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 35–36.

² Там же, т. IV. М., 1954, с. 381.

жают ее, стараясь приближаться к ее естественной простоте». В русских сказках, писал критик, «в тысячу раз больше поэзии», чем в «Бедной Лизе» Карамзина. Но не надо подражать сказкам; надо «описать их как можно вернее под диктовку народа, а не подновлять и не переделывать». Нельзя сочинять народные сказки, писал Белинский, такие сказки всегда останутся подделкой, и «из-за зипуна всегда будет виднеться ваш фрак»¹.

Поэтому Белинский не одобрял даже сказок Пушкина, хотя пушкинского «Жениха», гоголевские «Вечера на хуторе», лермонтовскую «Песню про купца Калашникова» он ставил высоко.

Как уже сказано, к самой народной поэзии Белинский относился с глубоким интересом, но без всякой идеализации. Он, видимо, хорошо сознавал, что романтическое любование народными сказками, былинами, которое было характерно для славянофильского направления 30-х годов, есть лишь цепляние за отсталость, за старину, за азиатчину. Совершенно ясно изложены мысли Белинского на этот счет в серии его статей-рецензий на ряд изданий народной поэзии – Кирши Данилова, Сахарова и др. Здесь Белинский вновь обрушивается на «ложно понимаемую народность». Эта «народность», говорит он, теперь «находится в своей апогее, дошла до последней степени нелепости». Что же такое настоящая народность и настоящая народная литература? Так как ни один народ, говорит Белинский, не существует вне человечества, то «только та литература истинно-народная, которая в то же время есть общечеловеческая». Но собственно народная поэзия есть отражение лишь ранней стадии развития самого народа; на более поздней стадии появляется художественная (книжная) поэзия, т. е. литература. «Художественная

¹ Там же, т. I, с. 150–151.

литература всегда выше естественной, или собственно народной. Последняя есть только младенческий лепет народа, мир темных предощущений, смутных предчувствий, часто она не находит слова для выражения мысли и прибегает к условным формам – к аллегориям и символам». «Да, мысль выше непосредственного чувства, пора мужества выше поры младенчества». Однако, ставя книжную поэзию выше народной, Белинский нисколько не умалял огромного значения последней; только опять-таки ценил он подлинную народную поэзию, а не подделку под нее: «...Народная поэзия имеет для нас свою цену так, как она есть, – в ее чистом, беспримесном элементе, в ее простой, безыскусственной и часто грубой форме»¹.

«Грубость» же народной поэзии есть не что иное, как отражение грубого, патриархального, отсталого быта народа, его угнетенного положения. Яркий пример этого Белинский видел в русских былинах: в них-то и отразилась «татарщина», сохранившаяся в наименее культурной среде. Об образах былинных богатырей Белинский был невысокого мнения: «...Наши богатыри, – писал он, – тени, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы определенные. У них нет никаких понятий о доблести и долге, им всякая служба хороша, для них всякая удаль – подвиг». Они нередко проявляют грубое отношение к женщине. Удаль их проявляется в диких формах. Содержание наших «богатырских поэм» элементарное, в них нет объединяющей мысли. «Содержание их бедно до пустоты, а потому и однообразно до утомительности». Причину этой бедности и однообразия Белинский видел в социальных условиях. «...Ограниченная сфера народного быта, стоячесть жизни, вращавшейся вокруг себя

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 299, 305, 306, 308, 310.

без движения вперед... – вот причина скудости и однообразия в содержании этих поэм»¹.

Только для новгородских былин Белинский делал некоторое исключение. В них – в былинах о Буслае и др. – «есть еще не только мысль, но и что-то похожее на идею» – это идея исторического значения и гражданственности Новгорода. Несколько противореча себе, Белинский высказывается о новгородских былинах даже в восторженных выражениях: «лучший, благоуханнейший цвет народных поэм – поэм Великого Новгорода, этого источника русской народности». Но и здесь был далек Белинский от преклонения: как ни импонировало ему как демократу новгородское народоправство, но он видел, что Новгород был все же не республикой, а «вольницей», а вольница – «ничем не лучше азиатского деспотизма, если еще не хуже»².

Нельзя не видеть, что Белинский, борясь против славянофильского преклонения перед стариной, против, как он выражался, «благоговейного изумления» перед народной поэзией, впадал тут в противоположную крайность. Его взгляд на былины был односторонним. Он видел в них грубость, элементарность содержания, отражение «стоячести жизни», но отрицал в них всякую идейность. Однако если в новгородских былинах отразилась, как признавал сам Белинский, идея «гражданственности» и исторического значения Новгорода, то разве в былинах киевского цикла не отразилась идея единства Русской земли, идея защиты ее от внешних врагов? разве не отразилась в них и идея мужицкого протеста против княжеского самовластия, княжеской заносчивости? разве не отразилась идея уважения к земледельческому труду крестьянина?

¹ Там же, с. 398, 426.

² Там же, с. 401, 408 и др.

Несмотря на эту некоторую односторонность и непоследовательность, взгляды Белинского на народное творчество и на задачи его изучения имели огромное прогрессивное значение. Видя «грубость» народного творчества, Белинский все же считал чрезвычайно важным делом его изучение. Почему же? Потому, что народная поэзия была для Белинского прежде всего источником познания жизни народных масс.

Критикуя славянофильское любование стариной и ложной «народностью», Белинский в то же время выступал и против либерально-буржуазного «западничества». «...Крайности вызывают такие же противоположные им крайности, – писал он. – Одни бросились в фантастическую народность, другие – в фантастический космополитизм, во имя человечества. По мнению последних, национальность происходит от чисто внешних влияний и выражает собою все, что есть в народе неподвижного, грубого, ограниченного, неразумного, и диаметрально противопоставляется всему человеческому... Это мнение тех, которые народность видят в обычаях и предрассудках, не понимая, что в них действительно отражается народность, но что они отнюдь еще не составляют народности. Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала – значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм»¹.

В этих чрезвычайно глубоких мыслях заложена как бы программа всего дальнейшего развития русской этнографии. Не преклоняться перед всем патриархальным и старым в «народности», как это делали славянофилы, но и не отвергать «народность», не отождествлять ее с «обычаями и предрассудками», не впадать

¹ В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 25–26.

в космополитизм, не противопоставлять «народное» «человеческому», как это делали либерально-буржуазные западники. Задача заключалась для Белинского в том, чтобы стремиться к общечеловеческим идеалам, отнюдь не отказываясь от национального своеобразия своего народа.

«Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силой собственной национальности в собственную же сущность, – тогда он гибнет политически». «Что человек без личности, то народ без национальности. Это доказывается тем, что все нации, игравшие и играющие первые роли в истории человечества, отличались и отличаются наиболее резкою национальностью». Сейчас уже нет прежней вражды одной нации к другой. «Это утешительное, гуманное явление есть результат просвещения. Но из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности и делало все народы похожими один на другой, как две капли воды. Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей»¹.

Почти одновременно с Белинским начинал свою литературно-публицистическую деятельность другой видный русский революционный демократ – А. И. Герцен (1812–1870). Роль Герцена в развитии русской этнографии еще не оценена должным образом, но она была значительной². Герцен упрекал и славянофилов, и либералов-западников в незнании ими русского народа. Сам он любил и ценил народную поэзию, песни. Но особенно важным считал он верное понятие о самом быте народа.

¹ Там же, с. 29–30.

² См. В. Е. Гусев. Герцен и народная поэзия. СЭ, 1951, № 3; М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 1, с. 463–468.

Еще в годы своей высылки в Вятку (с 1835 г.), работая там в Статистическом комитете, Герцен писал статьи и заметки о быте местных народностей: «Вотяки и черемисы», «Русские крестьяне Вятской губернии» (1837–1838) и др.¹ Он принимал самое живое участие в устройстве местной этнографической выставки (1837). Под его влиянием в местной печати стали появляться краеведческие и этнографические статьи, написанные местными образованными людьми. Позже, живя во Владимире, он опубликовал (1838) большую «Программу сообщений для составления общих заключений о губернии»². В этих и в других работах Герцен указывал на важность изучения именно современного быта народа, а не только «обычаев былых времен». Он говорил о необходимости изучать быт не только сельского, но и городского населения. Однако он не чуждался и исторического интереса и понимал, что народные «праздники и обычаи» имеют свое происхождение в истории народа, что они могут вести «к историческим открытиям». В своих более поздних сочинениях, в годы эмиграции (1847–1870), Герцен многократно возвращался к вопросам народного быта и творчества.

Взгляды Белинского и Герцена сыграли немалую роль в развитии интереса к изучению народа и его культуры.

Нельзя также не видеть той большой роли, какую сыграла русская классическая художественная литература в этом оживлении интереса к народу, к его изучению. Не только замечательные произведения Пушкина и Гоголя, но и баллады Жуковского, басни Крылова, песни Кольцова не могли не усилить в образованном обществе потребности более глубокого изучения рус-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. I. М., 1954, с. 368–373.

² А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. Лемке, т. II. Пг., 1915, с. 183–185.

ского, украинского и других народов и народного творчества. Представленная этими лучшими русскими писателями так называемая «натуральная школа» с начала 40-х годов одержала полную победу над прежней «реторической», т. е. консервативно-романтической школой. Этой победе в сильной степени содействовала критико-публицистическая деятельность журналов – «Отечественных записок» (с 1839 г.) и «Современника» (реорганизован в 1847 г.) – со статьями Белинского и др. Все эти обстоятельства и подготовили углубление научного этнографического интереса, который дает себя чувствовать с середины 40-х годов.

Основание Русского географического общества и его первые действия в области этнографии

Внешним признаком наступления новой эпохи следует считать основание Русского географического общества осенью 1845 г. Этот год можно рассматривать условно как начало нового этапа развития русской этнографической науки. Раньше единственным учреждением, занимавшимся этнографическим исследованием, была Академия наук, которая проделала огромную работу в этой области в XVIII в., но в первые десятилетия XIX в. заметно ослабила свою деятельность. Кроме того, Академия была чисто казенным учреждением, весьма мало связанным в то время с русской общественностью. Поэтому создание Географического общества, втянувшего в свои ряды более широкие круги русских образованных людей, имело большое значение.

Обстоятельства организации Русского географического общества подробно излагал впоследствии

П. П. Семенов – один из старейших и заслуженных его деятелей. По его словам, идея создания Географического общества зародилась либо была поддержана одновременно в четырех разных «кружках» русской общественности: в кружке «мореходов» – Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель, П. И. Рикорд; в «академическом» кружке – антрополог К. М. Бэр, астроном В. Я. Струве, геолог Г. П. Гельмерсен, статистик П. И. Кеппен; в «военном» кружке (офицеры Главного штаба) – Ф. Ф. Берг, М. П. Вронченко, М. Н. Муравьев; и в кружке молодых русских ученых – географ К. И. Арсеньев, путешественник Платон Чихачев, этнограф В. И. Даль, литератор В. Ф. Одоевский¹. Можно спорить о правильности такой группировки инициаторов и первых адептов Географического общества, но бесспорен тот факт, что идея организации общества носилась в воздухе и находила отклик в разных слоях русской общественности.

К ней благожелательно отнеслось и правительство. Император разрешил создать Географическое общество и положил ему от государственного казначейства ежегодную субсидию в 10 тыс. руб. Вскоре Общество стало официально именоваться «императорским» (т. е. государственным). И в самом деле, вся последующая деятельность РГО протекала по большей части в контакте с правительственными учреждениями. Во главе Общества официально стоял один из великих князей.

Однако, вопреки этому почти казенному облику Географического общества, оно все же оставалось именно обществом и сумело опереться на прогрессивные силы русской общественности.

¹ См. П. П. Семенов. История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895, ч. 1. СПб., 1896, с. 1–3.

Учредительное собрание Общества состоялось 19 сентября 1845 г. (на квартире у Даля), а первое официальное собрание – 7 октября (в здании Академии наук).

В Обществе было создано четыре отделения: общей географии, географии России, статистики и этнографии (первые два отделения вскоре слились).

Этнография сразу заняла почетное место в системе РГО – недаром в организации его видное участие принимали этнографы, особенно В. И. Даль. По-видимому, Далем была составлена и «докладная записка» о создании Географического общества: в этой записке как раз подчеркивалась особая важность этнографического изучения России. «Сия последняя сторона вопроса, – говорилось там, – т. е. познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание общества по следующим причинам: 1) По быстроте, с которой изглаживаются отличительные черты народности; это порождает опасение, что важные для отечественной истории сведения и события, кои теперь могли бы еще быть сохранены, через немногие десятилетия погибнут невозвратно. 2) По великой важности законов сего рода для антрополога и историка, важности всеми признанной и подавшей повод к учреждению особых этнографических обществ в Германии, Франции и Англии. Наконец, 3) потому, что в России, представляющей богатейшее поле для исследований сего рода, ими чрезвычайно мало занимались. Между тем как сведения об этом государстве в географическом, физическом, статистическом и других отношениях со времени императрицы Екатерины II чрезвычайно много подвинулись вперед, напротив,

к изысканиям Палласа, Лепехина и Георги относительно туземных племен прибыло весьма немного. Разработыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бывают необходимы»¹.

Хотя ко времени организации РГО аналогичные общества уже существовали в некоторых других странах (Парижское – с 1819 г., во Флоренции – с 1828 г., в Дрездене – с 1830 г., в Лондоне – с 1830 г.), но ни в одном из них этнография не занимала такого видного места, как в Русском географическом обществе.

Руководство в отделении этнографии в первые годы принадлежало академику К. М. Бэру, одному из учредителей Общества, видному ученому-антропологу, однако консервативно настроенному. Он придавал большое значение этнографии, но его научный интерес был направлен главным образом к прошлому. При этом Бэра и его единомышленников интересовали преимущественно нерусские национальности России. Однако молодые общественно-научные силы, влившиеся в Общество, скоро придали деятельности отделения этнографии иное направление. Эта группа по преимуществу молодых ученых, притом русских по национальности, добилась того, чтобы основное внимание было направлено на изучение русского народа. Этого требовала эпоха, требовал рост общественного интереса к народности. Во главе этой молодой группы стоял Н. И. Надеждин, в нее входили В. И. Даль, И. И. Срезневский, П. С. Савельев, В. В. Григорьев. Борьба русской партии против старого руководства немецкой партии кончилась победой. Сам Бэр, созна-

¹ Л. С. Берг. ВГО за сто лет. М.–Л., 1946, с. 33–35.

вавший, что ему при недостаточном знании русского языка трудно руководить отделением этнографии в его новом направлении деятельности, устранился (в конце 1848 г.) от руководства, и во главе отделения стал Н. И. Надеждин¹.

Новое направление ставило себе задачей изучение не только прошлого, но и современного народного быта. Патриотическая идея – изучение России для блага России – сочеталась с идеей, пусть пока смутной, служить интересам русского народа. «...Общество наше называется не просто только Географическим, а *Русским* Географическим обществом», – говорилось в Отчете ИРГО за 1850 г. «Имя *Русского*... обязывает его к особому ее [деятельности Общества] направлению. Дело в том, что, куда бы ни обращалось наше внимание, где бы ни устанавливались наши работы, – в России ли или вне России – *везде и всегда* это должно быть для *России*, имея в виду *Россию*»².

Деятельность отделения этнографии с самого начала приняла широкие размеры. Она шла по нескольким направлениям. Одним из них было привлечение широкой общественности по всей стране к планомерному собиранию этнографического материала.

Уже в 1847 г. была составлена и разослана во многие места программа («циркуляр») – наставление для собирания этнографического материала. В 1848 г. она была значительно расширена. Общество обратилось ко всем русским образованным людям с призывом присылать описания отдельных местностей. Этот призыв не остался без отклика. Начали поступать десятки и сотни монографических описаний быта, обычаев,

¹ См. П. П. Семенов. Указ. соч., ч. 1, с. 38; Н. Н. Степанов. РГО и этнография. СЭ, 1946, № 4, с. 191–192.

² Отчет ИРГО за 1850 г. СПб., 1851, с. 4 (курсив в оригинале).

материальной и духовной культуры отдельных районов, волостей, деревень. Уже к 1850-му году в руках руководителей Общества скопилось около 600 таких отдельных монографических описаний, а еще через несколько лет число их возросло до 2 тыс. Разбор и разработка этнографических материалов были поручены Н. И. Надеждину и К. Д. Кавелину. С 1853 г. началась публикация лучших из присланных описаний в виде серии «Этнографических сборников», которых вышло шесть выпусков за 1853–1864 гг. В первых трех (1853–1858) было помещено всего 24 местных описания – из разных русских, украинских, белорусских, а также литовских губерний. Содержание последующих сборников (1858–1864) было несколько иным: круг этнографических материалов был расширен, большинство статей касалось уже не отдельных местностей, а крупных этнических групп, даже целых народов, либо специальных этнографических тем. После этого вместо «Сборников» стали издаваться (с 1867 г.) «Записки ИРГО по отделению этнографии».

Разнообразные этнографические материалы печатались также в других изданиях Географического общества: в «Записках ИРГО» (1846–1859 и 1861–1864; с 1867 г. «Записки» стали издаваться по отделениям), в «Вестнике ИРГО» (1851–1860), в «Известиях ИРГО» (с 1865 г.). Сюда попадали и материалы, присылавшиеся по известной уже нам программе, и всякие иные. Этнографические труды издавались Обществом и отдельными книжками.

Одним из интереснейших изданий РГО за те годы был сводный труд по этнографии всех народов России. Эта работа была составлена членом РГО де Паули и издана, к сожалению, только на французском языке, зато в виде роскошного тома *in folio*: «Description eth-

nographique des peuples de la Russie». Par T. de Pauly, membre eff. de la Soc. Géogr. Imp. de Russie. Publiée à l'occasion du jubilé millenaire de l'empire de Russie (St.-Petersburg, 1862). Книга составлена, как указано в предисловии, преимущественно по материалам РГО, причем автору помогали многие члены Общества: Кеппен, Видеман, Броссе, Лерх и др. Книга состоит из солидно написанных этнографических очерков об отдельных народах, с обстоятельным описанием разных сторон жизни народа, притом разных общественных классов, с историческими данными. Система расположения материала в основном правильная: сначала описаны славянские народы (восточные славяне – все вместе, под именем «русских»; этот очерк наиболее обстоятелен), затем «литовские», «латинские» («румыны или валахи»), «иранские» (куда попали и армяне), отдельные индо-европейские группы (немцы, шведы, греки и пр.), евреи, народы Кавказа, «самоедские народы» (отдельно – «енисейские остяки»), «финские» (со включением «угорских»), «татарские», «монгольские», «тунгусские», «народы Восточной Сибири» (т. е. палеоазиатские), «народы Русской Америки». Книга снабжена 62 рисунками с натуры, этнографической картой (Европейская Россия – по карте Кеппена, о которой см. ниже, Азиатская – составлена Эркертом), таблицами численности населения по народам и по губерниям.

Приходится пожалеть, что эта книга не появилась на русском языке и вообще осталась мало известна (о ней не упоминается даже в обстоятельном обзоре деятельности РГО у П. П. Семенова), представляя теперь большую библиографическую редкость.

Отделение этнографии с первых же лет приступило к созданию Этнографического музея. Этот небольшой музей ежегодно пополнялся за счет пожертвова-

ний и сборов во время разных экспедиций. Поставить дело шире не позволяли средства и помещение, да и сама потребность в большом этнографическом музее, видимо, еще не назрела. В 1858 г. руководители Общества, правда, поставили было вопрос о создании Всероссийского этнографического музея, но эта инициатива по тем же причинам заглохла¹. Несколько позже, в 1863 г., отделение этнографии составило даже довольно подробную программу собирания предметов для этнографического музея², и программа эта, тщательно составленная, свидетельствовала уже о зарождении более серьезного интереса к народной материальной культуре. Рассылка программы несколько усилила приток пожертвованных экспонатов в музей, но тут уж инициативу по созданию Всероссийского этнографического музея (выставки) перебило у Географического общества более молодое московское Общество любителей естествознания.

Одним из больших достижений Географического общества в первые же годы его деятельности было составление и издание первой этнографической карты нашей страны. Это дело было задумано и выполнено П. И. Кеппеном, одним из руководителей Общества, при деятельной поддержке Общества. Уже в апреле 1846 г. Совет Общества утвердил представленный Кеппеном план издания этнографической карты Европейской России и отпустил на это средства. Кеппен собрал обширный этностатистический материал по всем губерниям Европейской России, получая этот материал от местных должностных лиц, от местных сведущих людей, дополняя его официальными статистическими данными и собственными многолетними наблюдения-

¹ П. П. Семенов. Указ. соч., ч. 1, с. 181.

² Там же, с. 182; ч. 3, с. 1323–1327.

ми¹. Этнографическая карта была вчерне готова уже в 1848 г. и выпущена в свет в 1851 г.

На карте, изданной на четырех листах (масштаб 1 дюйм = 75 верст), области расселения русских, украинцев и белорусов оставлены незакрашенными. Места расселения других народов показаны во многих случаях довольно точно, но на окраинах страны – лишь приблизительно и неполно². Карту дополняли очень интересные статистические таблицы численности «инородцев» с разделением по губерниям.

В 1852 г. появилось второе издание этнографической карты, а в 1855 г. – третье издание.

¹ П. И. Кеппен (1793–1864) вообще много сделал для этнографии. Он постоянно разъезжал по России (по делам своей основной службы в почтовом ведомстве и в Министерстве государственных имуществ) и неутомимо всюду собирал экономико-статистические и этнографические сведения. С 1837 г. Кеппен был адъюнктом по статистике при Академии наук. Один из активных инициаторов Русского географического общества, он возглавил отделение статистики. Для этнографии имеют значение его работы «О происхождении, языке и литературе литовских народов» (в 3-м томе его «Материалов для истории просвещения в России», СПб., 1827); «Finland in ethnographischer Beziehung» (с картой) (1846); «Die Deutschen in St.-Petersb. Gouvernement» (1850); «Der Litthauische Volksstamm, Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte d. XIX Jh.» (1851); «Об этнографической карте Европейской России» (СПб., 1852); «Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России» (СПб., 1861) – очень полезный справочник, содержащий упоминания об отдельных народах в ранних источниках.

² Довольно точно показано расселение народов Поволжья (мордва, черемисы, чувашы, пермяки, татары, башкиры), Прибалтики (литовцы, латыши, эсты, ливы), Приладожья («финны петербургские», включая ижорцев, «чудь в губерниях Олонецкой и Новгородской», т. е. вепсы). Правильно показаны верхневолжские карелы, немцы-колонисты (в разных областях России). Напротив, народы окраинных областей показаны очень приблизительно. Кольский полуостров показан населенным одними лопарями. Зыряне, самоеды, вогулы, остяки показаны сплошной заливкой, в том числе и в незаселенных областях. В Финляндии выделены собственно финны, карелы, квены, шведы. На Кавказе показаны только одни ногайцы и трухмены. В Бессарабии – только «волохи (молдаване)», «булгары» и немцы, очень немного евреев.

Экспедиции на Север и в Сибирь

Не ограничиваясь получением, обработкой и публикацией присылаемых этнографических материалов, Географическое общество с самого начала приступило и к организации экспедиций в отдельные области страны с этнографическими целями. Экспедиции оно организовывало или самостоятельно, или принимало участие в снаряжении экспедиций, посылавшихся другими научными учреждениями или ведомствами. Но об экспедициях и путешествиях 1840–1860-х годов надо сказать отдельно. Большая часть их исходила либо от Академии наук, либо от РГО.

Значительная часть экспедиций направлялась в районы европейского Севера и в Сибирь, а также в Среднюю Азию (последнее связано было прежде всего с политическими интересами России в тех краях).

Из поездок с научной целью в районы европейского Севера можно отметить путешествие натуралиста А. Шренка, предпринятое (по поручению петербургского Ботанического сада) еще в 1837 г. Результатом его было очень серьезное описание быта ненцев-самоедов, а также русских поморов¹. В 1840 и 1843 гг. в области р. Печоры путешествовал В. Н. Латкин, – частью с торговой целью, частью из научной любознательности, – напечатавший затем статью «Заметка о самоедах»². Его обстоятельный «Дневник» путешествия был напечатан позже в «Запи-

¹ А. G. Schrenk. Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge, auf Allerhöchsten Befehl für den Kais. botanischen Garten zu St.-Pet. im Jahre 1837 ausgeführt, I. Dorpat, 1848; Александр Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.

² В. Н. Латкин. Заметка о самоедах. ЖМВД, 1844, ч. 7.

сках РГО» (кн. 7, 1853). В 1844 г. в Мезенскую тундру ездил по поручению Министерства государственных имуществ Владимир Иславин – результатом была очень ценная книга «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПб., 1847). В 1847 г. начала свою работу большая четырехлетняя «Североуральская» экспедиция РГО; цели ее были естественнонаучные, и хотя К. М. Бэр написал для нее и этнографическую инструкцию, но особых результатов для этнографии эта экспедиция не дала¹.

Зато крупнейшее научное значение имели многолетние странствования по районам европейского Севера, а потом и Сибири знаменитого лингвиста-путешественника Кастрена.

Матиас Александр (Матвей Христианович) Кастрен (1813–1852)², финн родом, провел большую часть жизни в непрерывных странствованиях по северу России и по Сибири. Научным исследованиям он отдал всю свою жизнь. Он путешествовал и работал в чрезвычайно трудных материальных условиях, которые разрушили его здоровье и привели его к преждевременной смерти. Во второй период путешествий Кастрена поддерживала Петербургская Академия наук, платившая ему регулярно субсидию и финансируя его поездки. Хотя и плохо зная русский язык, Кастрен все же предпочитал держать связь с русской наукой, чем с консервативно-ограниченными учеными Финляндии.

Научные путешествия Кастрена продолжались 11 лет (1838–1849). Сначала он объездил европейский Север – был у лопарей, карелов, ненцев, коми-зырян, доехал до

¹ Краткие этнографические сведения о вогулах и остяках есть в статье участника экспедиции Д. Юрьева «Топографическое описание северного Урала и его рек» («Зап. ИРГО», кн. VI, 1852).

² О нем см.: «Памяти Кастрена. К 75-летию со дня смерти». Л., 1927 (с полной библиографией).

Обдорска; одно из этих путешествий он проделал совместно с Элиасом Ленротом, известным поэтом – составителем «Калевалы». В 1845 г. он отправился в свое продолжительное сибирское путешествие, длившееся более 4 лет. Он посетил остяков и вогулов, селькупов, кетов, эвенков, минусинские племена (хакасов), тувинцев, камасинев, бурят.

Главной целью путешествий Кастрена было выяснение языковой связи финнов с другими народами Севера. Он не раз заявлял, что хочет установить, с какими народами находится в родстве финский народ. Главным результатом его многолетних трудов было накопление огромного материала по языкам угро-финских, самоедских, тюркских, монгольских, тунгусских народов. Работы его положили начало систематическому сравнительному изучению упомянутых языков (ибо раньше их изучали лишь эпизодически). Ему удалось обосновать историческое родство всех этих языков, которые Кастрен объединял под понятием «алтайские» языки (ныне они называются обычно урало-алтайскими). В наиболее близком родстве к угро-финским оказались самоедские языки. В то же время они, по мнению Кастрена, близки к тюркским. Тем самым самоедские языки оказываются чем-то вроде связующего звена между языками угро-финскими и собственно алтайскими. Родиной урало-алтайских (или «алтайских» по его терминологии) народов Кастрен считал Алтае-Саянское нагорье – взгляд, который и сейчас разделяется многими учеными.

В общей сложности Кастрен дал научное описание (составил грамматики) 20 языков и диалектов и составил для некоторых из них – особенно самоедских – обширные словари.

Помимо чисто лингвистического материала, послужившего основным вкладом Кастрена в науку, в за-

писях его путешествий содержится очень много наблюдений над бытом, материальными условиями жизни посещенных им народов. Будучи мелкобуржуазным демократом по своим убеждениям, Кастрен особенно интересовался народным творчеством, прежде всего творчеством угнетенных народов.

Представляют большой интерес и теоретические взгляды Кастрена, находившегося под сильным влиянием идей Гегеля. Общие задачи этнографии как науки он понимал широко. Этнография для него была «наукой о религии, социальной организации, нравах и обычаях, образе жизни, жилищах, одним словом, наука обо всем, что имеет своим содержанием внешнюю и внутреннюю жизнь народа». Но Кастрен разделял и принципиальную ошибку Гегеля – делил народы на «исторические» и «неисторические». «Этнографию можно было бы, – писал он, – рассматривать как часть истории культуры, но не все народы имеют историю в высшем смысле этого слова. История таких народов и есть этнография».

В статье о финской мифологии Кастрен высказал общие мысли, очень интересные, о развитии религии: древнейшей формой ее он считал (вслед за Гегелем) магию, а веру в богов – поздней формой.

При жизни Кастрена вышли в свет лишь немногие его труды. Большую часть своих материалов он не успел обработать. Они были обработаны трудолюбивым и самоотверженным Антоном Шифнером и изданы им на немецком языке в 12 томах под общим названием «*Nordische Reisen und Forschungen*» (СПб., 1853–1858, 1862)¹.

¹ Из этой серии надо назвать первые два тома, содержащие описания путешествий: «*Reiseerinnerungen aus den Jahren 1843–1844*» (1853), «*Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849*» (1856), а также имеющие большое этнографическое значение труды: «*Vorlesungen über die finnische Mythologie*» (1853) и «*Ethnologische Vorlesungen über die Altäischen Völker, nebst samojedischen Märchen und Tatarischen Heldensagen*» (1857).

Путевые наблюдения напечатаны на русском языке в 6-м томе (2-я часть) «Магазина земледения и путешествий» Н. Фролова («Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849». М., 1860).

Не менее плодотворными были и путешествия Миддендорфа в северо-восточную Сибирь (1843–1844) – выдающееся событие в истории изучения этой окраины. Экспедиция туда была снаряжена Академией наук с целью изучения главным образом растительного и животного царства. Задача эта была возложена на натуралиста Александра Федоровича Миддендорфа (1815–1894), преподававшего зоологию в Киевском университете. Его порекомендовал К. Бэр, знавший Миддендорфа по поездке на побережье Ледовитого океана. С немногими спутниками, преодолевая невероятные трудности, Миддендорф за 2 года проделал огромный маршрут, совершив фактически два путешествия. Сначала он проехал от Красноярска вниз по Енисею до его низовьев и пересек весь Таймырский полуостров до р. Хатанги, изъездил бассейн р. Таймыры, затем вернулся тем же путем в Красноярск. Почти сразу же началось второе путешествие: через Иркутск в Якутск, а оттуда сухим путем через Амгинскую слободу, Алдан, Учур, Становой хребет, Удский острог – на побережье Охотского моря, откуда на Шантарские острова и вдоль побережья на юг, почти до устья Амура; на обратном пути Миддендорф прошел на запад через верховья левых притоков Амура, спустился на Амур и, поднявшись вверх по нему, через Нерчинск вернулся в Иркутск, а оттуда выехал в Петербург.

Не столько гигантское протяжение проделанного маршрута, тяжесть пути составили Миддендорфу славу, сколько широта и солидность проведенного науч-

ного исследования. Результаты экспедиции были опубликованы в обширном труде, полностью изданном на немецком языке¹. На русский язык были переведены только обобщающие томы². Труд этот представляет собой не гору сырого материала, а хорошо обработанное исследование всех сторон жизни посещенных стран. Будучи натуралистом, Миддендорф естественно уделит главное внимание природе, физической географии, климату, растительному и животному миру; но целый отдел книги (отдел 6) он посвятил чисто этнографическому материалу.

Материал этот ценен прежде всего потому, что взят из самых неисследованных в то время областей Сибири. На Таймыре хотя и работали русские исследователи еще в 30–40-х годах XVIII в. (Прончищев, Челюскин, Харитон Лаптев), но этнографические наблюдения их были отрывочны, а с тех пор там никто из ученых не был. Сведения Миддендорфа о «береговых юраках», отдельных группах тавгийцев («авамские, вадеевские самоеды»), долганах, северных якутах, таймырских тунгусах были совсем новы для науки. Население же южной части Охотского побережья, бассейна нижнего Амура – тунгусы, негидальцы и др. – было еще менее известно русской науке.

Этнографические материалы Миддендорфа очень обильны и подробны, но односторонни. Будучи натуралистом, он больше всего интересовался антропологическими типами. К сожалению, значительная часть собранных им антропометрических материалов погибла, когда буря потопила его лодку на Таймырском

¹ А. *Middendorff*. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844... Bd. 1–4, St.-Petersburg, 1848–1875.

² А. *Миддендорф*. Путешествие на север и восток Сибири, ч. 1, 2. СПб., 1860, 1878.

озере. Интересны его соображения насчет взаимных исторических связей между народами (хотя Миддендорф, подобно многим ученым того времени, не умел ясно различать антропологические и языковые группы). Много ценных наблюдений у него о хозяйстве, особенно охотничьем промысле, о товарных отношениях, торговой кабале и пр. Миддендорф первым нашел якутских купцов в районе Станового хребта, охарактеризовал их деятельность среди охотничьего тунгусского населения. Ценны сведения о материальной культуре. Есть даже попытки записи образцов языка (хотя Миддендорф не был лингвистом), в частности якутского. Кстати, привезенные Миддендорфом материалы по якутскому языку (тексты, записанные якутянином Уваровским) были обработаны известным лингвистом-санскритологом О. Н. Бётлингком, написавшим на основе их целое исследование – первое научное описание якутского языка¹.

Миддендорф пытался также дать оценку особенностей национального характера каждого из встреченных им народов. Эти оценки, при некоторой доле субъективизма, порой не лишены меткости.

Одним из результатов экспедиции Миддендорфа было пробуждение общественного интереса к району низовьев Амура и Сахалину. Оказалось, что этот край, богатый, но слабо заселенный, является как бы ничьей землей. В то же время английские и американские торговцы и моряки все чаще появлялись в водах Охотского моря, и возникала угроза захвата Амуро-Сахалинской области иностранной державой. Передовые русские люди видели положение дел и старались всячески добиться от неповоротливого царского прави-

¹ О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St.-Petersburg, 1851.

тельства более активных действий на Дальнем Востоке. Видная роль тут принадлежала выдающемуся русскому моряку Геннадию Ивановичу Невельскому, тогда капитан-лейтенанту, впоследствии адмиралу. Ему удалось добиться от Главного морского штаба разрешения на морскую экспедицию к устью Амура, которое тогда считалось недоступным с моря.

Экспедиция Невельского на транспорте «Байкал» в 1848–1855 гг. была выдающимся событием в истории освоения Дальнего Востока Россией. Это плавание замечательно прежде всего первым точным исследованием устьев Амура и Татарского пролива. Для этнографической науки важно то, что Невельской и его спутники – офицеры Чихачев, Бошняк, Березин и другие – первыми сообщили о народах нижнего Амура: о гиляках, мангунах (ульчах), гольдах и самагирах (нанайцах), нейдальцах (негидальцах); изложив точные данные о их расселении, Невельской и его спутники пытались разобраться и в языковых взаимоотношениях названных народов, внимательно присматривались к их обычаям. Невельской считал, что только уважение к обычаям местного населения, знание этих обычаев может обеспечить дружественные отношения туземцев к русским¹. Невельской и его спутники старались со своей стороны посылить помочь местному населению. Они научили, например, гиляков сажать и употреблять картофель, не без труда преодолев их предубеждение против всякого ковыряния земли², приучали их к чистоплотности и пр.

¹ Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849–1855. М., 1947, с. 130, 134.

² Там же, с. 162. См. также: А. В. Смоляк. Экспедиция Невельского 1850–1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине. СЭ, 1954, № 3.

Вскоре после Невельского – в 1854–1856 гг. – в тех же районах нижнего Амура и Сахалина побывал Леопольд Иванович Шренк, командированный туда Академией наук по согласованию с Морским ведомством¹. Он добрался туда морем, объехав кругом света. Шренк – хотя и натуралист по специальности – очень обстоятельно изучил гиляков (он даже выучил гиляцкий язык и объяснялся на нем с местными жителями) и другие народы нижнего Амура и Сахалина. Результатом его путешествия было капитальное сочинение «Reisen und Forschungen im Amurlande in den Jahren 1854–56...» (I–IV), St.-Petersburg, 1858–1877. По-русски издана этнографическая часть сочинения: «Об инородцах Амурского края» (изд. Академии наук, т. 1 – 1883, т. 2 – 1899, т. 3 – 1903). Этот труд не только обработка полевых материалов, собранных экспедицией, но серьезное историко-этнографическое исследование. В нем автор широко ставит вопросы этнической истории Восточной Сибири и, в частности, выдвигает мысль о «палеоазиатских» народах как о потомках древнейших обитателей края – мысль, до сих пор не утратившую своего значения. Сохранили большое научное значение и данное Шренком этнографическое описание гиляков, особенно их хозяйства и материального быта, и сравнительно-этнографическая характеристика других народов той области.

Одновременно происходили научные поездки Р. К. Маака (организованные только что открытым тогда Сибирским отделом РГО). В 1854–1855 гг. Маак, учитель Иркутской гимназии, путешествовал по Вилюю. Результатом путешествия было прекрасное описание вилюйских якутов: «Вилюйский округ Якутской об-

¹ См. В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.–Л., 1940, с. 211–212.

ласти» (ч. 1–3, СПб., 1883–1887) – до сих пор мало известной группы якутского народа. Едва вернувшись с Вилюя, Маак сразу же отправился во второе большое путешествие – на нижний Амур (1855). Материал этого, тоже плодотворного, путешествия был им изложен в книге «Путешествие на Амур» (СПб., 1859).

Уссурийский край также получил своего энергичного и добросовестного исследователя: это был Н. М. Пржевальский, впоследствии знаменитый путешественник по Центральной Азии. Первая поездка его (1867–1869) имела целью ознакомление как раз с Уссурийским краем. Помимо важных чисто географических материалов, Пржевальский собрал и опубликовал ценные сведения о жителях. Представляют большой интерес его заметки о коренном и русском населении среднего Амура и собственно Уссурийского края: о русских крестьянах и казаках (Пржевальский внимательно присматривался к быту новопоселенных уссурийских казаков, вдумывался в причины их бедственного положения); о китайцах, или «манзах», Уссурийского края; о гольдах, орочах («тазах»), о недавних поселенцах-корейцах. Путешественник подробно описывает их хозяйство, технику промыслов и земледелия, домашний и семейный быт, одежду и пр.¹ Наконец, огромное значение для этнографического изучения Сибири имели научные странствования Радлова.

Василий Васильевич (Вильгельм) Радлов (1837–1918), немец родом, получивший востоковедческое образование в Берлинском университете, приехал в 1858 г. в Россию для специальных занятий по тюркологии. Ему удалось получить место преподавателя в Барнаульском горном училище (вскоре ставшем гимназией), причем он

¹ Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870.

выговорил себе в качестве условия право совершать ежегодные летние поездки по Алтайскому краю с ежегодной субсидией от правительства на эти поездки (по 700 руб. в год в течение 5 лет). Обучившись в первый же год работы в Барнауле живому алтайскому языку, он с 1860 г. начал свои регулярные летние путешествия. В 1860 г. Радлов ездил через Урусул на Чую и к китайской границе (алтайцы и теленгиты); в 1861 г. – к телеутам р. Бачата, к шорцам р. Мрассу, на р. Лебедь, на Телецкое озеро и р. Чулышман; в 1862 г. – в Кулундинскую степь и долину р. Или (казахи); в 1863 г. – к абаканско-минусинским племенам (теперешние хакасы). Съездив затем в Петербург, чтобы добиться продолжения субсидий, Радлов в 1865, 1866 и 1867 гг. ездит по Алтаю и к западносибирским татарам, в 1868 г. – в Среднюю Азию (Чимкент, Ташкент, Самарканд, р. Зеравшан и др.), в 1869 г. – к границам Джунгарии, на оз. Иссык-Куль и р. Чу (к киргизам), в 1870 г. – в округ Кобдо. На этом закончились 11-летние странствования Радлова среди разных, преимущественно тюркоязычных народов Алтайско-Саянского нагорья, юго-западной Сибири и Средней Азии.

Плоды этих странствований были богаты. Уже с 1866 г. начала выходить капитальная серия «Образцов народной литературы тюркских племен» (составившая в целом 10 томов): в 1-й том были включены фольклорные тексты племен Алтая, во 2-й – минусинско-абаканских и чулымских племен, в 3-й – «наречие киргизов», в 4-й – западносибирские фольклорные тексты и т. д. Издание было первой солидной публикацией текстов на многих тюркских языках, до того бесписьменных; оно дало богатый материал и для лингвистики, и для сравнительного изучения устного творчества этой группы народов.

В дальнейшем Радлов работал в Казани, руководя школами, организованными для татар (1871–1883).

За это время он составил на немецком языке описание своих путешествий («Aus Sibirien, Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Lingnisten», 1, 2. Leipzig, 1884¹). С 1884 г., избранный членом Академии наук, он переселился в Петербург, где и протекала вся его дальнейшая деятельность².

Экспедиции в Среднюю Азию

Путешествия Радлова были как бы соединительным звеном, связавшим изучение Сибири и Средней Азии. Но исследования в Средней Азии имели в целом и в этот период иную окраску, чем путешествия по Сибири. Средняя Азия была еще порубежной страной, и многие ее области оставались малодоступны для проникновения. Туда, как и раньше, направлялись либо полувоенные, либо разведочные экспедиции под видом дипломатических посольств.

После разведочных поездок офицера генерального штаба И. Бларамберга (1836 г. – побережье Каспийского моря, 1840 г. – казахские степи)³, после неудачного чисто военного похода генерала Перовского (1839–1840) правительство послало в Бухару экспедицию горного инженера Бутенева с несколькими спутниками – по просьбе Бухарского эмира, для поисков золота. В этой

¹ Одна из глав (6-я во 2-м томе) посвящена специально описанию алтайско-саянского шаманства. На русский язык переведена глава «Сибирские древности» – описание археологических памятников.

² О Радлове см.: *Л. Штернберг*. Из жизни и деятельности В. В. Радлова. «Живая старина», 1909, вып. 2–3.

³ См. «Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Сост. полковник ген. штаба Бларамберг». «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. 14, ч. 3.

экспедиции (1841–1842), имевшей негласное задание собрать различные сведения о Бухаре, приняли участие натуралист Александр Леман и молодой востоковед – переводчик Николай Владимирович Ханыков. Важным для этнографии результатом экспедиции было составленное Ханыковым «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1843) – очень полное и всестороннее, одно из лучших до настоящего времени описаний этой страны, хотя автор не скрывал своего великодержавно-пренебрежительного отношения к описываемым им народам. Особый интерес представляют, например, записанные Ханыковым названия 97 узбекских родов, впоследствии многие из них изгладились из памяти.

Около того же времени брат Н. В. Ханыкова Яков Ханыков (1818–1862), статистик и картограф, обследовал область «Внутренней» (Букеевской) орды казахов. Его содержательная работа «Очерк состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 г.» опубликована во 2-й книжке «Записок РГО» (1847).

В 1842 г. в Хиву был командирован подполковник генерального штаба Г. И. Данилевский. По возвращении он составил очень полное «Описание Хивинского ханства» («Зап. ИРГО», кн. 5, 1851).

С 1848 г. начались путешествия и военные походы офицера Ал. Ив. Макшеева, впоследствии генерал-лейтенанта. Он печатал в дальнейшем свои военно-географические материалы, где есть и этнографические сведения: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (1867), «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае» («Зап. ИРГО по отд. статистики», т. 2, 1871).

В 50-х годах правительство предпринимало новые попытки проникнуть военной силой в Среднюю Азию и подчинить себе местные ханства, которые представ-

ляли источник постоянного беспокойства на границе и где непрерывно плелись интриги агентов Англии. Не без связи с этим усиливался и интерес ученых к Средней Азии. В 1850–1851 гг. Яков Ханыков составил и опубликовал по поручению РГО несколько карт отдельных частей Средней Азии (общая карта осталась незаконченной из-за тяжелой болезни и смерти Ханыкова)¹. В те же годы РГО предприняло перевод и издание на русском языке обширного труда немецкого географа Карла Риттера «Землеведение Азии», с не менее обширными дополнениями, причем в первую очередь переводились и издавались те части этого труда, которые посвящены Азиатской России и странам с нею сопредельным, в том числе Средней Азии («Турану»)². В 1856 г. состоялась известная экспедиция П. П. Семенова на Тянь-Шань – правда, лишь с чисто географическими задачами, не принеся особых этнографических результатов.

Зато поездки Ч. Валиханова (1856–1859) дали для этнографического изучения Средней Азии очень много.

Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865)³, казах по происхождению, из знатного ханского рода (его дед Валихан был последним ханом Средней орды), был, однако, по воспитанию и образованию далек от степной знати, а близок к прогрессивной русской общественности. Окончив Омский кадетский корпус (1853), где он особенно дружил с учившимся там в те же годы Г. Н. Потаниным, Валиханов занялся изучением восточных и западных языков, историко-географической литературы, впоследствии посещал лекции в Петербургском уни-

¹ См. П. П. Семенов. Указ. соч., ч. I, с. 89–90.

² Там же, с. 90–92.

³ Биографические сведения о Ч. Валиханове см.: «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». Изд. под ред. Н. И. Веселовского. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 29, 1904; Х. Айдарова. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945.

верситете. Общаясь с передовыми русскими людьми, в том числе со ссыльными петрашевцами, Валиханов сам заразился прогрессивными демократическими идеями. В то же время любознательный и энергичный молодой казах стремился к путешествиям, к расширению своего кругозора. В этом Валиханова поддерживали его русские друзья, деятели РГО – особенно П. П. Семенов.

В 1856 г. Валиханов, будучи офицером, присоединился к военной экспедиции в район оз. Иссык-Куль, где кочевало киргизское племя бугу. Он собрал здесь много фольклорно-этнографического материала, этнографическую коллекцию, впервые записал отрывок из знаменитого киргизского эпоса «Манас». По окончании экспедиции, в том же 1856 г., Валиханов был официально командирован в Кульджу. Собранные материалы позволили ему написать ряд очерков: «О дикокаменных киргизах»¹, «Очерки Джунгарии»² и др. После этих поездок Валиханов вступил в РГО, хотел бросить военную службу и ехать в Петербург для продолжения своего образования. Но неожиданно ему пришлось отправиться в трудное и опасное путешествие в Кашгар, в малодоступную тогда страну, где в те годы назревало большое движение против китайского владычества. В Кашгар Валиханов поехал инкогнито, приняв имя пропавшего лет за 20 перед тем сына одного китайского купца. Добравшись с большим трудом и опасностями вместе с торговым караваном до Кашгара и проведя там 5 месяцев (1858–1859), Чокан Валиханов изучил там уйгурский язык и собрал множество ценных сведений по географии, этнографии и истории Кашгарии, разыскал в старинном буддийском монастыре ценные рукописи. По материалам своей по-

¹ «Северная пчела», 1861, № 192.

² «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». СПб., 1904; Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961.

ездки он написал работу «О состоянии Алтышара или 6 восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарин) в 1858–59 г.»¹.

В 1859–1861 гг. Валиханов жил в Петербурге, обрабатывал материалы своих путешествий, печатался, участвовал в работе РГО, общался с передовыми учеными и писателями. Но не выдержав петербургского климата, с расстроенным здоровьем он уехал в родные казахские степи. Там он занимался общественной деятельностью, защищая свой народ от местных султанов и богачей, и продолжал свою научную работу: собирал произведения казахского фольклора, написал статьи «Следы шаманства у киргизов», «Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства». Но скоро туберкулез свел молодого ученого в могилу (1865).

Научное наследие Чокана Валиханова, им самим лишь частично обработанное, собрано неполностью в книге «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». Значительные материалы хранятся в архивах Академии наук СССР (Ленинград) и Академии наук Казахской ССР (Алма-Ата). Сейчас предпринята их полная публикация².

Из других путешествий по Средней Азии, давших этнографический материал, следует назвать поездку офицера генерального штаба М. И. Венюкова по бассейнам рек Или и Чу в 1859–1860 гг.³, капитана А. И. Голубева в Заилийский край в 1859 г.⁴

¹ «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». СПб., 1904; *Чокан Валиханов*. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

² Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5 томах, т. 1–3. Алма-Ата, 1961–1964.

³ М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. «Зап. ИРГО», 1861, кн. 4.

⁴ А. Голубев. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию в Заилийский край. «Зап. ИРГО», 1861, кн. 3; он же. Ала-Куль. «Зап. РГО по общ. географии», т. I, 1867.

В 1866 г., уже в разгар русских походов против среднеазиатских ханств, в Ташкент был послан в качестве переводчика П. И. Пашино́, чиновник Министерства иностранных дел. Но Пашино был человек демократических взглядов, весьма не одобрявший действий царской администрации во вновь завоеванных землях; за это он скоро был выслан из Ташкента, и даже под конвоем казаков. Изданная им популярная книга «Туркестанский край в 1866 г., путевые заметки» (СПб., 1868) очень богата живыми яркими наблюдениями автора над бытом «киргизов» (казахов) и «сартов» (узбеков и таджиков), хотя наблюдения эти порой поверхностны.

В целом же изучение Средней Азии, в том числе этнографическое, проходило и в данный период под знаком официального, военно-дипломатического собирания сведений о стране, в которой царское правительство имело свои политические интересы.

Изучение народов Кавказа

Те же по преимуществу побуждения определяли развитие этнографических знаний и на Кавказе. Как раз в 40–50-е годы там обострились военные действия, связанные прежде всего с движением Шамиля. Военные и гражданские власти на Кавказе были более чем когда-либо заинтересованы в собирании сведений о быте и нравах кавказских горцев: с одними из них велась война, других русская власть старалась привлечь на свою сторону.

Но географические и политические условия на Кавказе были все же иные, чем в Средней Азии: русская администрация прочно сидела в Тифлисе и в других городах, всюду стояли русские войска; чиновники и офицеры

повседневно общались с местным населением. Поэтому на Кавказе не было надобности в организации особых экспедиций, как в Средней Азии. Собрание необходимых сведений могло идти стационарным путем.

С 1840-х годов оживились чисто официальные действия с целью изучения быта и обычаев местного населения. Возобновилось изучение юридических обычаев – адатов, начатое еще в 20-х годах. Историю собирания кавказских адатов подробно проследил М. О. Косвен¹. По его данным, работа эта началась после провала попытки властей ввести для народов Кавказа суд по русским законам («Положение» 10 апреля 1840 г., отмененное уже в 1842 г.). Инициатором собирания адатов выступил подполковник Д. С. Бибиков (секретарь Канцелярии по управлению мирными горцами), который представил об этом в 1842 г. три доклада командующему Кавказской линией генералу Головину: он предложил записать народные адаты и перевести на русский язык мусульманские законы шариата. Начальство одобрило проект, и уже в 1843–1845 гг. уполномоченные на это дело офицеры составили семь сборников адатов разных народов: черкесов, кабардинцев, осетин и др. Капитан генерального штаба Ольшевский по поручению начальства объединил эти сборники и составил (1847) общий свод собраний адатов. На практике этот свод, впрочем, не получил применения. Но для науки работа не пропала даром. Сборники адатов были позже опубликованы профессором Новороссийского университета Ф. И. Леонтовичем – «Адаты кавказских горцев, материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (т. 1, 2. Одесса, 1882–1883; «Зап. Новороссийского ун-та», т. 34, 36–38, 1882, 1883).

¹ См. М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», I. «Труды ИЭ», т. 26. М., 1955, с. 340–345.

С 40-х годов появляются и официальные кавказские издания (в Тифлисе), где помещается много этнографических материалов. Это «Кавказский Календарь» (выходил ежегодно с 1845 г.), газета «Кавказ» (с 1846 г.). В 1850 г. был открыт Кавказский отдел Русского географического общества, который с 1851 г. стал издавать свои «Записки». В том же 1850 г. было основано «Кавказское общество сельского хозяйства», тоже печатавшее в своих изданиях этнографические статьи. В 1850 же году начали выходить и «Ставропольские губернские ведомости», где опять-таки появлялись и этнографические статьи.

Печатались и отдельные этнографические описания народов Кавказа. Авторами их были, как и прежде, преимущественно офицеры или гражданские чиновники: А. Л. Зиссерман (мелкий чиновник, впоследствии офицер, дослужившийся до полковника), Н. П. Колюбакин (разжалованный в солдаты, но впоследствии офицер, губернатор и генерал-губернатор Кутаисского округа), О. И. Константинов (офицер, позже чиновник особых поручений), Ю. А. Гагемейстер (чиновник для поручений), М. Я. Ольшевский (офицер, дослужившийся до генеральского чина), К. Ф. Сталь (офицер), Л. Я. Люлье (чиновник, француз по происхождению) и др. Из более выдающихся работ этой группы авторов надо назвать статьи Сталя и Люлье о черкесах, Гагемейстера о народах Закавказья, Ольшевского о чеченцах¹.

Близкое общение русских с народами Кавказа приводило к тому, что и из среды последних выделялись интеллигентные люди, с интересом относившиеся к быту своего народа. Уже в 40-х и 50-х годах можно назвать целый ряд выходцев из местных национальностей, сделавших свой вклад в этнографическое изучение народов Кавказа.

¹ Библиографические данные см.: М. О. Косвен. Указ. соч.

К числу их относятся: черкес Хан-Гирей (ум. в 1846 г.), автор ряда статей по черкесской этнографии¹; кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов (1796–1844), автор работы «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев»²; азербайджанец Аббас-Кули Бакиханов (1794–1847), написавший несколько статей о народах Закавказья; армянин Хачатур Абовян (1804–1848), знаменитый основоположник новой армянской литературы, автор романтико-патриотической повести-памфлета «Раны Армении», а также и нескольких чисто этнографических работ³; абхаз Соломон Званба (1809–1855); осетин Соломон Жускаев; кумык Девлет-Мирза Шихалиев (1811–1880); грузины Платон Иосселиани (1810–1875), Рафаил Эристави (Эристов, 1824–1901), Николай Берзенов (1820–1874), позже – Илья Чавчавадзе (1837–1907), Акакий Церетели (1840–1915), Георгий Церетели (1842–1900), писавшие как чисто этнографические статьи, так и художественно-бытовые очерки и повести, где отражался быт народа Грузии. Более ранние из этой плеяды национальных писателей-этнографов в большинстве своем происходили из местной знати и служили на русской военной или гражданской службе; среди более поздних были такие, которые находились под влиянием идей русских просветителей-демократов и стали сами просветителями, писателями, деятелями культуры.

«Литературная экспедиция»

В числе экспедиций тех лет одна занимает своеобразное место по своему значению для этнографии-

¹ Там же, с. 326–328.

² Тифлис, 1861. Другие издания: Пятигорск, 1893; Нальчик, 1947 и пр.

³ См. М. О. Косвен. Указ. соч., с. 326.

ческой науки. Это так называемая «литературная экспедиция» 1855–1857 гг. Ее предприняло, как это ни странно, морское ведомство, глава которого, Великий князь Константин Николаевич, он же председатель РГО, предложил послать группу писателей в разные места России – в те, где жители занимаются морским промыслом и рыболовством, – для изучения и описания их быта. Идея экспедиции была практическая. После неудачной Восточной войны стала ясна необходимость преобразований в армии и флоте, как и в администрации. В Морском министерстве возник план комплектовать личный состав военного флота (матросов) из тех людей, которые с детства привыкли к воде, т. е. из рыбацкого населения¹. И вот понадобилось изучить быт этого населения. Но план был построен широко. По приказу Великого князя (11 августа 1855 г.) были привлечены к участию в поездках писатели и этнографы А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, А. Н. Островский, А. Афанасьев-Чужбинский, Н. Н. Филиппов, М. Л. Михайлов, С. В. Максимов, Г. П. Данилевский. Получив денежные субсидии, они с начала 1856 г. разъехались по указанным им или избранным ими местам. Результаты поездок были неодинаковы: одни собрали богатый и ценный материал, другие – нет; одни отразили его в художественных произведениях, другие – в этнографических очерках.

Больше всего для этнографии дали исследования и наблюдения С. В. Максимова, отраженные в его прекрасных очерках быта русских поморов, также ненцев и др. («Год на Севере», 1, 2. СПб., 1859), Афанасьева-Чужбинского («Поездка в Южную Россию», т. 1, Очерки

¹ См. С. В. Максимов. Литературная экспедиция. «Русская мысль», кн. 2, 1890, с. 23 и др.; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II. СПб., 1891, с. 55–61.

Днепра; т. 2. Очерки Днестра. СПб., 1861), Данилевского (очерк «Чумаки»)¹. Островский использовал свои наблюдения в приволжских городах для своих драм и комедий.

На русское образованное общество того времени организация «литературной экспедиции» произвела сильное впечатление, – и не столько своими результатами, сколько самым замыслом и непривычной постановкой дела. Правительственные учреждения и раньше не раз командировали людей для обследования того или иного вопроса, для изучения той или иной местности, но командированными были обычно чиновники либо военные. Теперь впервые правительство привлекало к подобному делу «литераторов». А ведь это была эпоха, когда только что миновало николаевское царствование, приучившее русское общество к совсем иным взаимоотношениям между властью и общественными силами. «Литераторы» еще совсем недавно считались у властей людьми чуть не поголовно подозрительными, крамольными; все они были зажаты в ежовые рукавицы цензуры, а многие – как петрашевцы – попали на каторгу и в ссылку. Немудрено, что русская интеллигенция восприняла весть о «литературной экспедиции», посылаемой властями, как нечто «неожиданное и почти невероятное», как выразился впоследствии один из участников экспедиции Максимов². В своем либерализме организаторы экспедиции доходили до того, что никаких программ или инструкций для участников ее не сочиняли, им предоставлялось «составлять описание по собственному усмотрению»³. Присылаемый материал должен был печататься в «Морских сборниках» – официальном журнале Морского министерства. Правда, правитель-

¹ «Библиотека для чтения», 1857, апрель – июль.

² С. В. Максимов. Указ. соч., с. 17.

³ Там же, с. 23.

ственного либерализма хватило ненадолго. Многие из представленных статей и очерков были забракованы редакцией «Морского сборника», и авторы должны были искать для их напечатания другие возможности¹.

Как бы то ни было, «литературная экспедиция» была отражением каких-то веяний новой эпохи – вернее, признаком того, что и правительство было не совсем невосприимчиво к этим веяниям. Она была как бы уступкой новой эпохе.

Этнография русского народа. Даль

В изучении русского народа середина XIX в. ознаменовалась более систематическим собиранием конкретных материалов, в значительной мере благодаря организующей роли РГО. От кустарно-любительских методов Снегирева, Сахарова и других русские этнографы-фольклористы переходили к планомерным и методическим сборам, к изучению материала под углом зрения определенных общих концепций. Преобладающим предметом интереса вплоть до конца 60-х годов остается фольклор. Хотя руководство отделения этнографии РГО в лице Надеждина и бросило лозунг всестороннего изучения русского народа, но практически наибольшее внимание продолжала привлекать область словесного народного творчества. Причина этого коренилась, видимо, в тех общих условиях, о которых говорилось в начале главы, как о факторах, определивших особенности всего периода. Что касается семейного и общественного быта, материальной культуры, хозяйства, – они оставались еще вне поля зрения, их время еще не пришло.

¹ С. В. Максимов. Указ. соч., с. 37–40.

Характерное явление эпохи – все более резкое размежевание двух основных направлений в собирательской фольклорно-этнографической работе: либерально-буржуазного (с остатками крепостнического) и демократического. Правда, в деятельности отдельных собирателей нередко сочетались черты и того, и другого направления.

В либерально-буржуазном направлении отчасти продолжалась линия, представленная в предыдущий период Снегиревым, Сахаровым, а позже – Терещенко. Смена консервативных установок этих исследователей на либеральные была в духе эпохи, когда все сильнее ощущались новые веяния в общественной жизни. Но эта смена проходила в рамках одной и той же классовой идеологии – идеологии, воплощавшей взгляды помещиков и буржуазии. В этом лагере интерес к народу окрашивался в славянофильские тона. Народ, в частности русский, по-прежнему выступал здесь в качестве хранителя исконных патриархальных начал. Если для сторонников официальной народности эти исконные начала отливались в тройственную формулу – «Самодержавие, Православие и Народность», то для либералов-славянофилов дело шло о некоем романтическом «земском начале». А где же искать сокровищницу этого «земского начала», как не в народном творчестве, в песнях, сказках, преданиях, пословицах и прочих фольклорных произведениях. Вот откуда повышенный интерес к русскому фольклору в этом общественном лагере. Этот интерес сказался в научной деятельности Даля, Бессонова, Гильфердинга, Максимова; у белорусов – Шпилевского; у малороссов – Метлинского, Кулиша.

Но среди славянофилов были и люди, ближе стоявшие к народу и его интересам. Такие люди от славянофильства переходили к народничеству. Примеры – Петр Киреевский и его последователь Павел Якушкин.

Демократический лагерь в фольклористике был выразителем интересов крестьянства. Это были последователи и продолжатели дела Белинского и Герцена. До начала 60-х годов этому направлению не было хода, и тот же Петр Киреевский многие годы записывал русский фольклор, не будучи в состоянии ничего издать¹. К демократическому направлению следует отнести в интересующий нас период Якушкина, Рыбникова, Ефименко, Худякова, Прыжова. Правда, не все эти люди были одинаково глубоко проникнуты идеями демократии: одни до конца остались им верны (Худяков, Прыжов), другие со временем поправили и перешли в лагерь господствующего класса (Ефименко, Рыбников). Зато и среди ученых либерального лагеря были люди, не чуждые демократическим идеям: типичный пример – Афанасьев.

Однако при всех идейных расхождениях положительный вклад в этнографическую науку делали сторонники и того, и другого лагеря.

Очень многим обязана русская этнография Владимиру Ивановичу Далю (1801–1872), долголетняя деятельность которого началась еще в предыдущий период. По рождению и воспитанию он менее всего подходил к роли русского славянофила и фольклориста. Сын иностранца (датчанина) и разночинец, протестант по вероисповеданию, получивший сначала военно-морское, а потом медицинское образование, долго служивший в казенных учреждениях, В. И. Даль, казалось бы, имел мало шансов войти в историю русской этнографии и фольклористики. А он занял в ней очень видное место. Еще с детства воспитанный на любви ко всему русско-

¹ Только «духовные стихи» смогли тогда найти доступ в печать (см. «Русские народные песни, собранные П. Киреевским», ч. I. Русские народные стихи. «Чтения ОИДР», 1848, № 9).

му, Даль за многие годы своей военно-морской, военно-медицинской и казенной службы пользовался всякой возможностью, чтобы изучать язык народа, записывать пословицы, сказки, поверья, слова местных наречий и говоров. Основная идея, которой руководился Даль в этой неутомимой работе, длившейся более 50 лет, была чисто славянофильская: в языке и словесном творчестве народа проявляется его подлинный исконный дух. К русскому народному языку Даль относился с каким-то благоговением. Литературный русский язык казался ему испорченным всякой иностранщиной, и он стремился очистить его при помощи народной речи. Хотя Даль и получил хорошее образование, он был врагом книжной учености и предпочитал ей здравый ум простого неученого человека.

По словам Даля, он еще с 19-летнего возраста (с 1819 г.) начал записывать встречавшиеся ему областные народные слова и выражения и с тех пор «не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот, на пополнение своих запасов». В печати дебютировал он в 1832 г., издав «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским¹. Пяток первый» (СПб., 1832). И стиль, и сюжеты этих сказок напоминали скорее публикации сказок конца XVIII в., чем подлинный народный сказочный фольклор. Но впоследствии сборы и публикации Даля приобрели более серьезный характер. В 1845–1846 гг. он напечатал в журнале «Иллюстрация» статьи о народных верованиях (переизданы позже под названием «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». СПб.–М., 1880). В этой любопытной книжке изложение поверий

¹ Псевдоним по месту рождения Даля в г. Луганске.

сопровождается попытками автора истолковать их – иногда наивными, но подчас вполне здравыми. Однако настоящую и честно заслуженную славу составил себе Даль двумя трудами крупного значения: сборником русских пословиц и «Толковым словарем».

Статью «О русских пословицах» Даль опубликовал в журнале «Современник» в 1847 г. (кн. 6, отд. 4). В 1861–1862 гг. в «Чтениях в Московском обществе истории и древностей российских» были опубликованы «Пословицы русского народа», где собрано до 30 тыс. пословиц, поговорок, загадок, скороговорок и пр., – самое обширное из существующих их собраний¹. Для сравнения можно указать, что в сборнике Княжевича (1822) фигурировало 5300 пословиц, в сборнике Снегирева – 4000. Из этих двух сборников Даль заимствовал около 6 тыс. пословиц – около одной пятой всего количества, остальные собрал сам².

Этот сборник был готов у Даля гораздо раньше, еще в 1853 г., но цензура не пропускала его в печать из-за якобы крамольного содержания многих пословиц, хотя на самом деле гораздо большее количество их отличалось как раз обратным свойством – духом покорности перед Богом и властями; многие пословицы и поговорки носят на себе следы творчества не народа, а церковных кругов и старообрядческих уставщиков. Как бы то ни было, но только в годы реформы стало возможно напечатать сборник.

Свою авторскую работу Даль свел к роли простого собирателя и систематизатора материала – он распределил пословицы на категории по смыслу. От всяких сравнительно-исторических комментариев автор за-

¹ Вновь издано: М., 1957. См. также вводную статью В. И. Чичерова к этому изданию.

² В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862, с. II–III.

ранее отказался, считая, что это ему «не по силам»¹. Истолкование же смысла пословиц он старался давать, придерживаясь мнения, что пословицы – «это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый»².

«Толковый словарь живого великорусского языка» издан Далем в 1863–1866 гг. в четырех больших томах ин-кварто убористого текста. Труд этот вошел в сокровищницу русского языка и доныне сохраняет свое большое научное и практическое значение. Для Даля этот труд был делом его жизни: всю остальную свою деятельность он подчинил основной задаче – изучению русского языка и борьбе за его очищение³. В словаре собрано более 80 тыс. слов, в том числе очень много областных, мало известных. Строгие критики – особенно А. Н. Пыпин – ставили под сомнение подлинность многих внесенных в словарь слов, подозревали, что Даль некоторые из них сам сочинил; упрекали автора за отсутствие точной паспортизации слов: где, когда, от кого услышано и записано то или иное слово. Даль в своем ответе критикам (см. «Ответ на приговор», напечатанный в конце 4-го тома словаря) горячо отвергал обвинения в сочинении искусственных слов, а по поводу упрека в неполноте документации словарного материала писал, что от него требуют невозможного: как может собиратель указать, где, от кого слышал он каждое из 80 тыс. слов? «Академия могла бы это сделать при изда-

¹ Там же, с. II.

² Там же, с. XXII.

³ Еще в 1852 г. Даль напечатал очень содержательную статью «О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного 2-м отделением имп. Академии наук» («Вестник ИРГО», кн. V, 1852; отдельно: СПб., 1852). Это одна из первых серьезных попыток обоснования русской диалектологии, с яркой и меткой характеристикой отдельных наречий.

нии “Областного словаря”, потому что ей сообщались слова за подписью собирателей, а я-то сам собиратель, то есть подбиравший крохи эти случайно и сорок лет сряду, на кого я сошлюсь? ...Воля ваша, опричь случаев, где слово относится к весьма ограниченной местности или к какому-нибудь ремеслу, промыслу, трудно делать удостоверения или ручательство. Кроме нравственной поруки, другой нет; можно бы разве только пожелать, чтобы прежде подобного нареkania сами судьи ознакомились поближе с живым, не книжным языком, и, может быть, многие сомнения тогда бы сами собой исчезли»¹.

Однако, несмотря на критику, люди науки по достоинству оценили колоссальный труд Даля. Тот же Пыпин, весьма критически настроенный к Далю, писал впоследствии: «Богатством материала труд Даля превышает все, что когда-нибудь было у нас сделано силами одного лица; не много есть и в богатых иностранных литературах трудов подобного рода»². По словам биографа Даля, П. И. Мельникова, Даль за 50 лет труда создал словарь, «для составления которого потребовалась бы целая академия и целое столетие»³. Заслуги Даля были признаны и официально. Академия наук наградила «Толковый словарь» Ломоносовской премией, а составителя его избрала в свои почетные члены. РГО присудило за словарь Константиновскую золотую медаль. Вообще наибольший успех имел труд Даля в консервативных и официальных кругах. Александр II пожаловал Далю в 1862 г. орденскую ленту с грамотой, а получив через министра Головнина 1-й том «Толкового словаря», взял на себя все издержки по печатанию этого труда.

¹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. 4, с. 1–2.

² А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 1, с. 346.

³ П. И. Мельников. В. И. Даль. Критико-биографический очерк. «Полн. собр. соч. В. Даля», т. I. СПб.–М., 1897, с. XXIV–XXVI.

Попутно с фольклорно-собирательской деятельностью Даль пробовал свои силы и в беллетристике. Его рассказы и повести, довольно многочисленные, построены в большинстве на народных темах, хотя герои его принадлежат к разным общественным классам. Помимо русского быта, в рассказах Даля отразился и быт других народов, с которыми автору приходилось сталкиваться за долгую свою кочевую жизнь: казахов и башкир (рассказы «Бикей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка»), кавказских горцев («Рассказ лезгинца Асана»), петербургских финнов («Чухонцы в Питере»).

Афанасьев

Не менее почетное место, чем Даль, занял в истории русской этнографии и фольклористики Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871). Если Даль прославился прежде всего своим сборником пословиц и «Толковым словарем», то Афанасьев – изданием народных сказок. Но Афанасьев был ученым совсем иного склада, чем Даль, и по методу работы, и по научным и общественным взглядам. Впрочем, и личная роль его в собирании издаваемого материала была совсем иная – относительно гораздо меньшая, а «афанасьевский» сборник сказок составляет в действительности в значительной мере плод коллективного труда.

А. Н. Афанасьев, выходец из бедной разночинной среды (сын уездного стряпчего), учившийся на «медные деньги», окончивший юридический факультет Московского университета, а позже – скромный чиновник архивного ведомства, казалось бы еще меньше, чем Даль, подходил к роли фольклориста-этнографа. Да он сам почти и не занимался «полевой» собирательской рабо-

той. Из обширного опубликованного им сборника сказок только 10 сказок записано им лично, притом без всяких специальных поездок, а просто у себя на родине, в Воронежской губернии. Откуда же он взял остальные и что побудило его вообще заняться подобной работой?

Ученик Кавелина, Соловьева, Калачова и других крупных историков и юристов, Афанасьев серьезно интересовался вопросами истории. И этот интерес, и широкий исторический взгляд сказались у него в ранних печатных работах, появлявшихся еще в бытность его студентом («Государственное хозяйство при Петре Великом». «Современник», 1847, № 6, 7; «О вотчинах и поместьях». «Отечественные записки», 1848, № 6, 7 и др.). С 1849 г. Афанасьев начал печататься систематически в «Современнике» и «Отечественных записках», а также и в других журналах, менее прогрессивного направления. Темы его ранних статей – главным образом русские и славянские верования и фольклор: «Колдовство на Руси в старину», «Религиозно-языческое значение избы славянина», «Зооморфические божества у славян», «Языческо-религиозные предания об острове Буяне», «Дедушка-домовой», «Дополнения и прибавления к собранию русских народных пословиц и притчей, изданному Снегиревым», «О значении рода и рожениц», «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и желчи и дополнение», «Ведун и ведьма», «Несколько слов о соотношении языка с народными повериями» и др.¹ Были и статьи на исторические и историко-литературные темы. Таким образом, в начале 50-х годов у Афанасьева было уже литературное имя. В это время наметился у него серьезный интерес

¹ Полный перечень печатных работ Афанасьева см.: «Русский архив», 1871, с. 1948–1955. Повторен в издании: «Народные русские легенды», т. I. Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Казань, 1914, с. XCV–GI.

к народным сказкам, которые казались ему важным историческим источником. В 1851 г. в письме к редактору «Отечественных записок» Краевскому Афанасьев подает мысль о систематическом печатании в журнале русских сказок с чисто «ученой» целью, с научными комментариями и предлагает свои услуги в этом деле¹. Этот замысел не осуществился, но идея Афанасьева скоро получила более полную реализацию. Русское географическое общество, где руководящую роль играл тогда Кавелин, учитель и друг Афанасьева, решило (1852) передать последнему для обработки и публикации все хранившиеся в его архиве запасы сказок, а их было собрано, в числе прочего этнографического материала, довольно много. Кроме этих сказок, взятых из архива РГО, Афанасьев получил немало сказок от отдельных собирателей, больше всего от В. И. Даля и от П. И. Якушкина. Некоторое количество сказок он взял из прежних изданий. Собственных записей было у него, как уже говорилось, очень немного. Весь собранный таким образом огромный материал – до 640 номеров, не считая вариантов – Афанасьев систематизировал и издал в 1855–1864 гг. в восьми выпусках². Второе издание их появилось в 1873 г.³, сказки в нем расположены в более стройном порядке – по типам.

Чем замечателен сборник русских сказок Афанасьева? Тем, прежде всего, что это был первый обширный сборник именно народных сказочных текстов. Сам Афанасьев в предисловии к 1-му выпуску «Сказок» называет публикации своих немногих предшественников: «Рус-

¹ См. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева». Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. I. «Academia», 1936, с. XLI–XLII.

² «Народные русские сказки», вып. 1–8. М., 1855–1864.

³ «Народные русские сказки», кн. 1–4. М., 1873.

ские народные сказки, собранные Богданом Броницыным» (СПб., 1838) – пять сказок; «Русские народные сказки», изданные Сахаровым (СПб., 1841), – шесть сказок по рукописям XVIII в.; и еще несколько сказок, напечатанных в разных журналах, – это все, если не считать сборников, изданных в XVIII в., где народных сказок, в сущности, не было¹. Исследователь истории изучения народной сказки С. В. Савченко указывает еще несколько изданий русских сказок, предшествовавших сборнику Афанасьева, но это были в большинстве своем не народные, а лубочные и литературные сказки, издававшиеся не из этнографических, а из литературно-романтических интересов². Таким образом, можно без всяких колебаний сказать, что серьезное изучение народной сказки началось у нас с Афанасьева.

В какой мере афанасьевский сборник сказочного фольклора отвечал научным требованиям? Надо сказать, что он был встречен оживленными откликами периодической печати, что само по себе знаменовало наличие большого общественного интереса к этому делу. На одно только первое издание «Сказок» появились рецензии в полутора десятках журналов³.

О достоинствах издания взгляды критиков расходились, хотя все отмечали большое значение афанасьевского сборника. Некоторые критики упрекали Афанасьева в слишком механической передаче записанного текста, без всякой стилистической обработки (Пыпин), благодаря чему в тексте сказки отражаются-де чисто

¹ «Народные русские сказки Афанасьева», т. 1. М., 1936, с. 490–491.

² С. В. Савченко. Русская народная сказка (история собирания и изучения). Киев, 1914, с. 114–117.

³ Перечень рецензий на «Сказки» Афанасьева см.: «Народные русские легенды», т. I. Легенды, собранные Афанасьевым. Казань, 1914, с. СХХVIII; С. В. Савченко. Указ. соч., с. 141.

индивидуальные особенности речи и стиля того или иного рассказчика. Эти критики требовали, чтобы сказка отражала в некотором обобщенном виде идеи и настроения народа. Указывали и на непоследовательность применения Афанасьевым фонетического принципа записи: в одних текстах налицо попытки передать особенности говора данной местности, в других – обычная литературная орфография.

Но эти замечания критиков били мимо цели: в отношении точности передачи Афанасьев зависел от своих источников – он ведь брал готовые записи. Поэтому в сборнике Афанасьева встречаются сказки, записанные совершенно по-разному: одни – с точной передачей особенностей языка рассказчика, другие – в литературной обработке. Сам Афанасьев вначале не позволял себе никаких изменений в лежащем перед ним тексте; он печатал отдельно каждый вариант сказки, указывая точно его происхождение. Но позже, начиная с 4-го выпуска своего издания, он, видимо по совету критиков, стал сводить варианты воедино, печатать большие по объему тексты и уже не отмечал места записи. Здесь критика оказала составителю плохую услугу: она исходила из того несколько идеализированного, романтического по существу представления о «народности», какое существовало в публицистике середины XIX в.; все индивидуальное, отпечаток личного творчества рассказчика и пр. она хотела устранить как нечто «случайное», «простонародное», в отличие от подлинно «народного». Этими указаниями критики составитель был сбит с толку, и сказочные тексты, помещенные в последних выпусках издания Афанасьева, уступают по своей документальной научной ценности сказкам первых выпусков¹.

¹ См. об этом: Ю. Соколов. Жизнь и научная деятельность А. Н. Афанасьева. «Народные русские сказки Афанасьева», т. 1, с. XLVI–L.

Как бы то ни было, уже современники единодушно оценивали сборник сказок Афанасьева как крупный вклад в русскую науку. И в самом деле, сборник Афанасьева, позже не раз переиздававшийся, донине остается самым полным, самым солидным научным изданием русского сказочного фольклора. Точнее говоря, не только русского, а и малоросского, и белорусского. Специалисты отмечают, что сборник Афанасьева – единственный, где собраны сказки всех трех восточнославянских народов, хотя преобладают в нем собственно русские сказки¹.

Этот сборник получил широкую известность и в зарубежной литературе: сказки из сборника Афанасьева неоднократно переводились на европейские языки. Можно сказать, что в настоящее время за границей знают русский сказочный фольклор почти исключительно по сборнику Афанасьева².

Цензура не чинила препятствий печатанию сказок Афанасьевым, хотя во многих из них выражена народная насмешка над богачами, барами, попами. Но в некоторых сказках сатирическое содержание было настолько остро, что издать их в тогдашней России было невозможно. Эти сказки Афанасьев издал в 60-х годах отдельным сборником за границей под названием «Заветные сказки», притом анонимно³.

В 1860 г. Афанасьев издал в Москве сборник «Народные русские легенды». Туда вошли 33 «легенды», т. е. повествования, навеянные христианскими веро-

¹ Савченко (указ. соч., с. 144–146) произвел подсчет сказок по местному и национальному происхождению. Из 120 сказок с отмеченными особенностями говора оказалось около 50 великорусских, столько же украинских, до 20 белорусских.

² См. С. В. Савченко. Указ. соч., с. 144–145.

³ Ю. Соколов. Указ. соч., с. LIV–LV. По предположению Ю. М. Соколова, Афанасьеву мог помочь в этом издании Герцен, у которого Афанасьев побывал в свою поездку за границу в 1860 г.

ваниями и преданиями. Несмотря на весьма благочестивый дух этих «легенд», церковные круги встретили книгу враждебно – она казалась им «кощунственной» и «оскорбляющей благочестивые чувства, нравственность и приличие». Второе издание этого сборника (первое быстро разошлось) не было допущено цензурой. Мало того, это обстоятельство было одной из причин того, что Афанасьев был в 1862 г. неожиданно уволен со службы и остался без средств. Последние годы жизни он сильно бедствовал, но не прекращал большую научную работу (о ней мы скажем дальше).

Афанасьев и Даль делали одно дело и почти одновременно, однако они представляли совсем разные, почти противоположные типы исследователей. В отличие от Даля, Афанасьев был не самоучкой-собирателем, а кабинетным ученым; он не записывал фольклор, а систематизировал и публиковал чужие записи. Если Даль был враждебен всякой школьной учености, то Афанасьев, напротив, находился под сильным влиянием господствовавших тогда научных теорий (о них тоже будет речь ниже). Даль горячо отстаивал самобытность русского народного творчества; Афанасьев искал в русских сказках и поверьях черты сходства с фольклором других народов, особенно европейских. По своим взглядам Даль был славянофилом, Афанасьев – западником. Его западничество было, однако, умеренно-либеральным, он был чужд революционных идей Белинского и Герцена, хотя к демократическому движению в европейских странах относился с симпатией.

Пожалуй, из всех видных этнографов-фольклористов середины XIX в. Афанасьев был вообще единственным западником. В его лице, таким образом, и это либерально-буржуазное течение было задето интересом к русскому народу и к народному творчеству – знак

того, как широко и неудержимо распространялся в образованном обществе этот интерес.

Петр Киреевский и Павел Якушкин

Интерес этот нарастал по мере подъема политической активности в русском обществе к концу 50-х и в начале 60-х годов – ведь то были годы подготовки и проведения крестьянской реформы и вопрос о судьбе русского крестьянина живо волновал всех. Но и само по себе появление афанасьевского собрания сказок содействовало распространению среди читающей публики интереса к народному творчеству, неожиданно оказавшемуся столь богатым.

Нисколько не случайно появление в те годы и целого ряда других изданий произведений народного творчества. Помимо уже известного нам сборника пословиц Даля и его «Толкового словаря», в короткий период времени выходят: «Великорусские сказки» Худякова (три выпуска, 1860–1862); его же «Великорусские загадки» (1861), «Песни, собранные Киреевским» (10 выпусков, 1860–1874), «Песни, собранные Рыбниковым» (4 части, 1861–1867), «Народные сказки, собранные сельскими учителями» (изд. А. А. Эрленвейна. М., 1863), «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки» Е. А. Чудинского (М., 1864) и др.¹

Остановимся несколько подробнее на некоторых из этих публикаций и на их авторах и собирателях. Авторы принадлежали к весьма различным общественным лагерям, и история появления этих публикаций была различна и в некоторых случаях весьма примечательна.

¹ Савченко (указ. соч., с. 145–153) приводит ряд других публикаций сказочного русского фольклора, относящихся к 60-м годам.

Посмертная публикация фольклорных материалов из многолетних сборов Петра Васильевича Киреевского (1808–1856) составила крупное событие в изучении русского народа и его культуры. Это было первое полное и систематизированное собрание былин, т. е. русского героического эпоса. При жизни своей Киреевский смог опубликовать, как уже сказано выше, только духовные стихи. Его огромное литературное наследство попало в руки ученых консервативного лагеря: через родственников умершего оно досталось Обществу любителей российской словесности. Общество поручило редактирование и издание текстов П. А. Бессонову, который много поработал над их редакцией и, не довольствуясь публикацией самого текста песен, снабдил их обширными комментариями, правда, довольно путанными в теоретическом отношении. Так появились «Песни, собранные П. В. Киреевским» в 10 выпусках (М., 1860–1874). Это были былины и исторические песни. Происхождение текстов было различно: и собственные записи Киреевского, и тексты, полученные от других собирателей (в том числе от Пушкина, от Даля и др.), и взятые из Кирши Данилова и прочих старых сборников. Расположены песни по циклам: в первых четырех выпусках – былины «Владиминова времени», т. е. киевские, в 5-м – «Новгородские и княжеские», в 6-м – исторические песни об Иване Грозном и т. д., в 10-м, самом обширном (492 стр.) выпуске, озаглавленном «Наш век в исторических песнях», собраны песни новейшего содержания, посвященные событиям и лицам XIX в., в том числе есть песни об Аракчееве, Сперанском, о войне против Наполеона, против польских повстанцев, против турок, о Севастопольской обороне и пр. Весьма примечательна эта широта интереса составителей сборника, прежде всего самого Киреевского.

го: они отнюдь не искали в народном творчестве одной только древности¹.

Демократическое направление деятельности Киреевского, однако, слабо отразилось в опубликованном под его именем сборнике. Но деятельность продолжателей Киреевского имела гораздо более отчетливую демократическую, плебейскую направленность.

Продолжателем дела Киреевского был Павел Иванович Якушкин (1820–1872), младший двоюродный брат известного декабриста И. Д. Якушкина. П. Якушкин сделал хождение в народ своей профессией. Родом из помещиков Орловской губернии, он учился в Московском университете (на математическом факультете), но, не кончив курса, ушел странствовать по деревням. В крестьянской одежде Якушкин обошел Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Нижегородскую, Орловскую, Черниговскую, Астраханскую губернии. Он ходил под видом коробейника, неся за плечами короб с красным товаром. Ходил, наблюдая быт, записывая народные песни, поверья. Позднейшие биографы Якушкина из либерального лагеря старались затушевать политическую сторону его деятельности, изображая Якушкина наивным чудачком, не имевшим к «политике» никакого отношения. Это не совсем так. Уже одно то, что Якушкин сознательно променял студенческий и чиновничий мундир на мужицкий полушубок, говорит о его социальных симпатиях и политических взглядах. Его не раз арестовывали и ссылали, хотя, казалось бы, без особой вины. Самое же главное – во многих записях Якушкина ярко виден мужицкий демократизм его мировоззрения.

¹ О Киреевском см., например: Б. М. Соколов. Собиратели народных песен П. В. Киреевский, П. И. Якушкин, П. В. Шейн. М., 1923.

Начал он, правда, с собирания духовных стихов (1858), но потом перешел к совсем другой тематике: записывал рекрутские и солдатские песни, разузнавал народные предания о Ермаке, Степане Разине, Пугачеве. Он знал, что собирать фольклор надо в самой гуще народа – в курных избах, в кабаках. Публиковал свои записи он сначала в консервативных журналах «Русская беседа» и других, но потом стал печататься в прогрессивных органах – «Современнике» и «Отечественных записках».

О демократическом содержании записей Якушкина говорят уже одни заглавия его публикаций: «Бунты на Руси», «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь», «Чисти зубы, а то мужиком назовут», «Мужицкий год» и пр. Первые очерки Якушкина стали появляться в печати в 1859 г.¹ Затем последовало несколько сборников русских песен², «Бывалое и небывальщина», сборник рассказов (СПб., 1867) и др. Посмертно «Сочинения Павла Якушкина» были изданы В. Михневичем в 1884 г. (СПб.); издатель усердно собрал здесь и много ценного биографического материала о Якушкине³.

П. И. Якушкин был трудолюбивым, бесхитростным собирателем. Он интересовался и стариной, и современным ему положением народа. Одинаково старательно записывал и местные предания, следы исторического прошлого, и произведения народного творчества, особенно песни, и жалобы крестьян на тяжелую долю.

¹ «Путевые письма из Новгородской губ.», «Путевые письма из Псковской губ.» («Русская беседа», 1859, IV, кн. 16; VI, кн. 18). Переиздано вместе: «Путевые письма из Новгородской и Псковской губ.» СПб., 1860.

² «Утро», 1859; «Отечественные записки», 1860, кн. 4, 5, 6, 7, 10, 12; «Русские песни, собранные Якушкиным». СПб., 1860; «Народные русские песни из собрания П. Якушкина». СПб., 1865.

³ О П. И. Якушкине см. также: В. Базанов. Павел Иванович Якушкин. Орел, 1950 (с подробной библиографией); Б. М. Соколов. Указ. соч.

Он нисколько не прикрашивал тяжелой действительности, правдиво рисовал и бедность, забитость, бесправие мужиков, и их невежество, суеверия.

Вот образец картинок народного быта, нарисованных в типичной для Якушкина грустно-иронической манере:

«Кто странствовал по России, не только по проселочным дорогам, а хоть и по самому битому тракту, тот знает, как трудно человеку в обильной России быть сыту. Кто же не странствовал, в качестве странника, по великой и обильной России, тот решительно не может себе представить, чем насыщается православный люд. Вероятно, из моих читателей наполовину не знают, что такое – пустые щи, поэтому я и берусь объяснить, как готовится это немудрое кушанье. Должно взять горшок, положить в него серой капусты (т. е. самого дурного качества, не очищенной от верхних, жестких и песочных листьев), налить воды; этот горшок с капустой и водой поставить на огонь или на вольный дух и кипятить до тех пор, пока вам не надоест. Когда вам наскучит смотреть, как кипят ваши щи, – эти щи готовы; вы должны вылить эти щи в большую чашку, поставить на стол, положить ложки и пригласить общество обедать; ежели вы достаточно богаты, когда все усядутся за стол, торжественно солите эти пустые щи, ежели же вам недостаток не позволяет такой роскоши, то вы каждому члену общества даете по маленькой щепоти соли, которую он может кушать с чем ему угодно; но ежели у вас есть корова, да к тому же случится мясоед, то на всю семью вливают в эти пустые щи несколько ложек снятого молока, а иногда и цельного; к этому прибавляют по куску хлеба, который зачастую имеет способность гореть пламенем и который, разумеется, раздается непременно каждому»¹.

¹ «Сочинения Павла Якушкина», с. 113.

Рисуя быт крестьянина, Якушкин в то же время хорошо понимал и большое научное значение собираемого этнографами материала, понимал, что из него могут и должны делаться крупные исторические выводы, например, по вопросам, как бы мы сказали, этногенеза. «Преподобный Нестор, – писал Якушкин, – говорит, что в России жили разные племена. Мне кажется, что, внимательно изучая быт нашего народа, и теперь можно указать на границы поселений разных племен. Но для этого надобно обращать внимание на все: на песни, поверья и в особенности на обряды, архитектуру домов и расположение дворов и одежды. Как ни просто устройство нашей деревенской избы, но в разных местах – разные избы»¹. Далее Якушкин рассказывает о замеченных им особенностях в типах поселений и построек в разных местностях, а затем о народном костюме.

Рыбников. «Онежские былины» Гильфердинга

Представителем демократического течения в фольклористике и этнографии был и Павел Николаевич Рыбников (1832–1885). В оценке его взглядов и деятельности мнения историков расходились. Прежние либерально-буржуазные авторы (Пыпин, Грузинский) сближали Рыбникова со славянофилами, его интерес к народу и народному творчеству вели от московского кружка Хомякова, к которому Рыбников был близок.

В те годы студенты Московского и других университетов, державшиеся демократических убеждений, старались проводить летние каникулы в деревне, сбли-

¹ Там же, с. 364.

жались с крестьянами, обучали их грамоте, записывали народные песни, предания. У Рыбникова, который тоже следовал этому обычаю, был особый интерес к старообрядцам – отчасти потому, что он сам происходил из старообрядческой семьи. Окончив курс университета в 1858 г., он продолжал свои поездки по деревням. В начале 1859 г. в одну из поездок к старообрядцам Черниговской губ. он был арестован и отправлен в ссылку в Петрозаводск. Поводом для ссылки были «неуместные рассуждения» в разговорах со старообрядцами, а также и «прежнее его поведение в Москве»¹.

Однако прежние славянофильские связи Рыбникова и его основательная научная подготовка создали ему хорошую протекцию, и его в Петрозаводске сразу же определили на государственную службу, в губернский статистический комитет. Это создало ему благоприятные условия для научной деятельности, и он ретиво занялся собиранием фольклора, старых рукописей и прочих памятников старины. В одном из своих писем к Константину Аксакову (Петрозаводск, 6 мая 1860 г.) Рыбников писал: «Многое можно бы сделать, да почти везде местное начальство равнодушно к жизни народной. Мне еще пока не мешают заниматься, между прочим, этнографией, потому что каждый шаг по службе ступаю бережно. А для меня эти этнографические занятия да чтение – единственное спасение от застоя провинциальной грязи. Теперь я понимаю озлобление Щедрина: лучшие люди едва высовывают голову из зеленоватой мутной воды провинциального болота и все чаще мало-помалу опускаются на дно»².

¹ С. М. Виноградов. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. «Советский фольклор», 1936, № 2–3, с. 318; А. П. Разумова. Указ. соч., с. 32–33.

² А. П. Разумова. Указ. соч., с. 50.

Для этнографических сборов Рыбников использовал свои служебные поездки по губернии. Однако местная администрация старалась ставить рогатки на пути собирателя. В одном из своих писем (апрель 1861 г.) он сообщает: «...До последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими препятствиями, а три первых и даже отчасти пятое оставили за собой неприятности... В Каргополе в ту же поездку (летом 1860 г.) я собрал бы многое, да меня воротили»¹.

Узнав из разговоров со старожилками, что в Олонецком крае бытуют до сих пор старинные былины, песни, предания, обычаи. Рыбников стал с большим усердием разыскивать сказителей былин, записывал тексты сам, привлекал к этой работе местных интеллигентов. По словам самого Рыбникова, он «проехал более 2000 верст от Петрозаводска через Заонежье до границ Архангельской губернии на север и Вологодской губернии на восток»². Он записал 200 былин от 30 певцов-сказителей, в том числе от знаменитого сказителя Рябинина. Рыбников, кстати, был едва ли не первым собирателем, кто обратил внимание на индивидуальность певцов-исполнителей, записывал сведения о них. К тексту былин и других фольклорных произведений, записываемых из уст народа, он относился с большой добросовестностью, не позволяя себе что-либо в них подправлять или добавлять. Он обращал внимание на особенности местного говора, прилагал к текстам словарь местных выражений. Кроме былин, Рыбников собрал много текстов песен, похоронных заплачек, записывал поверья, сказки, игры.

В деле собирания фольклорного материала Рыбников руководился не романтическим увлечением, не

¹ Там же.

² Там же, с. 54.

любительским пристрастием, а глубоким интересом к народу. Записывая былины, он не спускал внимательных глаз с картины быта народа-хранителя этих былин. И он не прикрашивал, не подсахаривал этого быта, видел всю его неприглядность. «Войдите в крестьянскую избу, – писал Рыбников в одном из писем, – с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом, и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбилось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставень, на полках запас лучины и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгнание перед сильным и, пожалуй, тюрьма за то, что крестится по-старому и вместо Иисуса выговаривает Исус. Летом скотский падеж, зимой – долги и недостаток хлеба... Впрочем, что же нам горевать о их судьбе, – с грустной иронией заключает Рыбников. – Ведь их трудом и усталостью мы покупаем себе удобства нашей цивилизованной жизни»¹.

Первые записи былин, песен и духовных стихов, сделанные Рыбниковым, появились в газете «Олонецкие губернские ведомости» в 1859 г. Основной свой материал Рыбников послал в Москву, где он попал опять – как и песни Киреевского – в руки того же Бессонова, который и эти тексты снабдил своими учено-тяжеловесными комментариями. Два тома былин вышли в свет в Москве в 1861–1862 гг. («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. 1, 2. Народные былины, старины и побывальщины). Третий том, куда вошли, кроме былин, также другие

¹ А. П. Разумова. Указ. соч., с. 59–60.

песни, был напечатан в Петрозаводске под наблюдением самого Рыбникова (1864). Четвертый том, куда попали также сказки, поверья и пр., был издан в Петербурге под редакцией Ореста Миллера (СПб., 1867).

Публикация былин, собранных Рыбниковым, произвела на ученый мир и на читающую публику сильнейшее впечатление. По свидетельству Срезневского, Пыпина и других современников¹, всем казалось удивительным уже одно то, что такое огромное количество старинных былин, известных до того времени почти только из старых сборников Кирши Данилова и т. п., оказались бытующими среди народа, и не где-нибудь в далекой Сибири, а вблизи от столицы, в Олонецком крае. Высказывалось и недоверие – не подделка ли это, подобно поэмам «Оссиана» или «Краледворской рукописи»? Недоверие рассеялось лишь когда Рыбников опубликовал в 3-м томе своего сборника подробное сообщение о том, как он собирал былины, привел сведения о сказителях и пр.

Вскоре после публикации своего сборника былин Рыбников был освобожден от полицейского надзора и уехал из Петрозаводска. Он постепенно охладел и к науке, и к народу, сильно поправел и кончил свою жизнь калишским вице-губернатором.

Второе полное издание текстов, записанных Рыбниковым, было выполнено А. Е. Грузинским в 1909–1910 гг. Оно вышло в трех томах (два тома былин, в третьем – разные прочие тексты); былины расположены по сказителям (так хотел сам Рыбников, но редактор 1-го издания Бессонов произвольно нарушил волю автора). Приложена обстоятельная биографическая статья о Рыбникове.

В 1871 г. в Олонецкую губ. отправился по следам Рыбникова известный тогда историк-славист и славяно-

¹ См. А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II, с. 63–65.

фил Александр Федорович Гильфердинг. Несмотря на то, что он пробыл в крае всего два месяца, ему удалось записать еще большее количество былин, чем Рыбникову. По словам самого Гильфердинга, он даже и не ожидал «такой богатой жатвы»¹. Оказалось, например, что былинный эпос бытует не только среди православных крестьян, но и среди старообрядцев. Гильфердинг обратил внимание и на различие местных стилей или «школ» в исполнении былин. Он обратил внимание, и притом, пожалуй, впервые в русской фольклористике, на роль отдельных сказителей, на их индивидуальные различия: всего удалось Гильфердингу записать тексты от 70 сказителей, и он собрал биографические сведения о каждом из них. Особенно же важно то, что Гильфердинг прямо ставил вопрос о социальных условиях бытования былинного эпоса: он обнаружил, что знание и пение былин на Севере – не профессия, а как бы любительство, доступное всем; что в особенности крепко держатся они среди более зажиточных крестьян; однако что почти все сказители – неграмотны².

Так же, как и Рыбников, Гильфердинг с большим сочувствием писал о тяжелых материальных условиях жизни севернорусских крестьян, обиженных и скудной природой, и «нашей братьей бюрократами», как с грустной иронией пишет сам собиратель³. Однако, при всей своей нужде, севернорусский крестьянин, не знавший крепостного права, сохранил какие-то черты психологии свободного человека. «Свобода» и «глушь» – вот, по мнению Гильфердинга, две причины, содействовавшие сохранению эпической поэзии у русских крестьян

¹ А. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. «Вестник Европы», 1872, март, с. 89.

² Там же, с. 90–95, 106–107, 110 и др.

³ Там же, с. 85.

на Севере¹. Собранный Гильфердингом материал был опубликован в сборнике «Онежские былины» (СПб., 1873). Во время второй поездки в Олонецкий край, в 1872 г., Гильфердинг умер от холеры.

Петр Ефименко

Рядом с именем Рыбникова можно поставить и имя Петра Саввича Ефименко (1835–1908) – судьба их во многом была сходна, сходно и общественно-научное мировоззрение, хотя вклад обоих в этнографическую науку был разным.

Подобно Рыбникову, Ефименко был в университетские годы (он учился в Харьковском университете) организатором студенческого тайного кружка, существовавшего в 1855–1860 гг. Исключенный из университета, Ефименко переехал в Москву. Как и Рыбников, и другие члены кружка, Ефименко ходил по деревням, странствовал по той же Черниговской губернии, записывая фольклорные тексты. Уже в 1859 г. в «Черниговских губернских ведомостях» (№ 6–13, 15, 23–26, 31–34) появились его статьи: «Памятники украинской народной словесности – украинские пословицы, поговорки», «Украинские обрядные песни, веснянки» и др. В 1860 г. Ефименко был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, затем выслан в Пермь (1860–1861), но так как он и там принял деятельное участие в революционных кружках, то его выслали еще дальше – в Архангельскую губ.; там он жил сначала в Онеге (1861–1863), потом в Холмогорах (1863), наконец, в Архангельске (1863–1871). Подобно Рыбникову, Ефименко работал в губернском статистическом

¹ Там же, с. 87. См. также рецензию Р. Липец на 4-е издание «Онежских былин» (СЭ, 1950, № 4, с. 200–201).

комитете, и это давало ему возможность во время служебных поездок собирать фольклорно-этнографический материал. Но в отличие от Рыбникова, Ефименко интересовался не только устной народной поэзией, а жизнью народа в целом. «Все продолжительное мое пребывание на севере, – писал впоследствии Ефименко в автобиографии, – я занимался изучением народной жизни, не специализируясь ни на какой отдельной ее стороне, а интересуясь всей совокупностью ее явлений, насколько они были мне доступны»¹.

Сам собирая и записывая этнографический материал, П. С. Ефименко всячески привлекал к этому делу и местные интеллигентные силы – учителей, волостных писарей, священников и др., а также политических ссыльных. Одним из последних был, кстати, П. П. Чубинский, энергичный исследователь Севера, а позже – руководитель известной западнорусской этнографо-статистической экспедиции. Несмотря на административные рогатки, Ефименко скоро начал печататься в местных изданиях – в «Памятной книжке Архангельской губернии», «Архангельских губернских ведомостях», «Трудах Архангельского статистического комитета». За годы жизни на Севере он напечатал до 125 статей, главным образом этнографических, в том числе и программы собирания этнографических сведений по обычному праву, по верованиям и пр. Отдельно изданы: «Заволочская чужь» (Архангельск, 1869), «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губ.» («Труды Архангельского статистического комитета за 1867–1868 гг.», т. 3. Архангельск, 1869). Основную же массу материалов, касающихся самых различных сторон народной жизни и собранных частью сотрудниками Ефименко, частью им самим, он уже по-

¹ А. П. Разумова. Указ. соч., с. 88.

сле отъезда из Архангельской губ. послал в Москву – в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии; они и были там напечатаны под редакцией Н. А. Попова в двух больших томах «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта; ч 2. Народная словесность. «Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ», кн. 5, вып. 1, 2. М., 1877–1878)¹.

В числе сотрудников П. С. Ефименко в годы его жизни на севере была местная учительница Александра Яковлевна Ставровская, вскоре ставшая женой Петра Саввича. Она тоже внесла немалый вклад в этнографическое изучение русского Севера. Ей принадлежат статьи по обычному праву севернорусского населения, позже собранные в книге «Исследования народной жизни» (ч. I, М., 1884). А. Я. Ефименко придерживалась народнической точки зрения на «трудовое начало» как основу отношений собственности в крестьянской среде. Собранные ею материалы, однако, представляют большую ценность; особую известность получило открытие ею остатков большой семьи – так называемого «печища» – на русском Севере; в широкий научный оборот вошло также сделанное А. Я. Ефименко подробное описание особой формы общинного землепользования – так называемое «долевое» владение землей.

Прыжов и Худяков

Наиболее ярко выразилось демократическое направление этнографической науки тех лет в деятель-

¹ Биографические данные о П. С. Ефименко см., например: А. Панов. К 5-летию со дня смерти П. С. Ефименко. «Изв. Архангельского общества изучения русского Севера». Архангельск, 1913, № 13; см. также: А. П. Разумова. Указ. соч.

ности двух собирателей – этнографов и фольклористов – И. Г. Прыжова и И. А. Худякова. Это были последовательные представители разночинного, плебейского течения в науке.

Литературная деятельность обоих этих авторов протекала одновременно – в 1860–1863 гг. – и в одном направлении. Иван Гаврилович Прыжов (1827–1885), получивший образование почти самоучкой, «поистине лбом прошиб себе дорогу» (по его собственному выражению). Вечно бившийся в тисках нужды, голодавший и постоянно искавший заработка, Прыжов, однако, всю жизнь не переставал изучать народный быт. Но он не был увлечен романтикой народной старины и поэзии. Он видел изнанку жизни народа, вечно задавленного нуждой и царско-помещичьим гнетом. Вот названия некоторых из его печатных работ: «Нищие на Святой Руси», «26 московских юродивых, пророков, дур и дураков», «Корчма», «Русские кликуши», «История кабаков в России в связи с историей русского народа» и др. Такие темы, конечно, с трудом и с большими увечьями проходили через тогдашнюю цензуру. Другие работы, написанные или намеченные Прыжовым, уж, конечно, не могли пройти ни через какую цензуру: таковы его темы «Поп и монах как первые враги культуры человека», «История крепостного права, преимущественно по свидетельству народа» и т. п. Вот каковы были интересы этого горячего борца-демократа. «Я хотел, – писал он, – собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот, пролитые когда-либо народом, – собрать и высчитать, насколько вынесет это наука счисления». За участие в известном кружке Нечаева Прыжов был арестован, приговорен к каторге и кончил свою бурную жизнь на поселении в Сибири,

где он продолжал заниматься изучением народного быта («Записки о Сибири» и пр.)¹.

Почти такой же характер носила и деятельность Ивана Александровича Худякова (1842–1876), хотя внешне темы его работ не имели такого боевого вида. Он собирал и публиковал народные сказки, загадки («Великорусские сказки», 1860–1862, «Великорусские загадки», 1861 и др.), писал о них исследования, но писал и популярные книжки для народа, проникнутые демократическим духом. Уже с 1863 г. Худяков принял участие в революционном движении, активно участвовал в каракозовском покушении, за что был сослан в отдаленный Верхоянский округ Якутской области, где и жил в невыносимо тяжелых условиях².

От официально-академической и либерально-буржуазной науки это плебейское, демократическое направление русской этнографии стояло достаточно далеко.

Консервативные ученые и писатели. Мельников-Печерский

Однако и консервативный лагерь деятелей этнографической науки был далеко не един, не однороден. Называть его «либерально-буржуазным» можно лишь условно. В нем действовали в эти годы и люди консервативных убеждений, примыкавшие к славянофилам (как Бессонов, Гильфердинг), были и люди более либерально и демократически настроенные (Максимов, Гуляев и др.).

¹ О Прыжове см.: *И. Г. Прыжов*. Очерки, статьи, письма. М.–Л., 1934; *Л. Н. Пушкарев*. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным. СЭ, 1950, № 1.

² О Худякове см.: *Л. Н. Пушкарев*. Из истории революционно-демократической этнографии. И. А. Худяков. СЭ, 1949, № 3.

Одной из самых крупных и колоритных фигур консервативного лагеря русской этнографической науки был П. И. Мельников (А. Печерский). Его заслуги перед наукой несомненно велики, но не так просто дать им объективную оценку.

Павел Иванович Мельников (1819–1883)¹, родом из Нижнего Новгорода, сын помещика Ардатовского уезда, учился в Нижегородской гимназии и в Казанском университете, а по окончании его (1837) вел преподавательскую работу в Перми (1838–1839) и в Нижнем Новгороде (1839–1846). Еще в университете он проникся интересом к русской народной словесности, фольклору, полюбил народный русский язык, которым впоследствии так мастерски владел. В бытность в Перми он начал писать о местных древностях, архивных рукописях, помещая статьи в «Отечественных записках» (с 1839 г.) и в «Литературной газете». Приобретя некоторую литературную известность, Мельников в 1841 г. был принят в число «корреспондентов» Археографической комиссии и по ее поручению занялся разборкой местных нижегородских архивов и публикацией интересных исторических документов. Он печатал статьи в «Нижегородских губернских ведомостях» и в 1845–1850 гг. редактировал «неофициальную» часть газеты.

Вскоре, однако, Мельников перешел на службу по Министерству внутренних дел и выполнял поручения начальства главным образом по расследованию дел о «расколе», т. е. о старообрядцах, которых правительство подвергало всяким преследованиям. В непрестанных разъездах по этим делам (хотя с 1852 г. он жил

¹ Биографические данные о Мельникове см.: П. Усов. Павел Иванович Мельников, его жизнь и литературная деятельность. «Полн. собр. соч. Мельникова-Печерского», т. 1. СПб., М., 1897; Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 3. СПб., 1887, с. 54–58.

уже в Петербурге) Мельников хорошо познакомился со старообрядцами, которых отчасти знал еще с детства, по отцовскому имени, собирал и читал старообрядческие книги и рукописи. Мельников был прекрасным знатоком «раскола» – как догматики и организации «раскольничьих» общин, так и их быта.

Помимо старообрядцев, Мельников по поручению начальства занимался обследованием также мордовского населения ряда поволжских губерний (1852).

В 1866 г. Мельников оставил службу и поселился в Москве, занявшись литературным трудом. Впрочем, он начал заниматься литературным трудом гораздо раньше, с 1839 г., параллельно со своей служебной деятельностью. Литературное наследство Мельникова велико, и в нем этнографические материалы занимают видное место. Они делятся на два вида: чисто описательные, собственно этнографические сочинения и этнографическая беллетристика.

Первые посвящены главным образом расколу. Для истории старообрядческого движения, разных его направлений и толков они представляют превосходный источник. Много в них и бытового материала. Наиболее содержательны из этих сочинений: «Исторические очерки поповщины» (1864–1866), «Тайные секты» (1868), «Белые голуби, рассказы о скопцах и хлыстах» (1869). Мордовской этнографии посвящена книга «Очерки мордвы» (1867).

Но наиболее известен Мельников своей этнографической беллетристикой. Еще в молодости он выступил с ней в печати под псевдонимом «Андрей Печерский»; публика долго не знала, что писатель Печерский и чиновник-исследователь раскола Мельников – одно лицо. После ранней повести «Красильниковы» (1852) появились его «Старые годы» (1856), «Дедушка Поликарп» (1857), «Бабушкины рассказы» (1858), «На станции» (1859) и др. В них описание старого помещичьего

и чиновничьего быта чередуется с картинами быта крепостных крестьян. Позже появились знаменитые романы из жизни заволжских и приволжских старообрядцев – «В лесах» (1871) и «На горах» (1875).

Эти романы, сделавшие славу Мельникову-Печерскому как писателю, поражают точностью, конкретностью этнографических описаний. Это единодушно признано критикой, и на этнографические сведения из обоих романов принято ссылаться, как на надежный источник. Но лишь недавно поставлен более строго вопрос об источниках самих этих романов (собственно – романа «В лесах»). Г. Виноградов очень верно подметил, что тут надо различать собственно этнографические бытовые описания и тот обильный фольклорный материал – песни, сказания, поверья, – которыми густо начинен роман. Источниками для первых служили прежде всего личные наблюдения Мельникова, многократно посещавшего старообрядческие селения и скиты. Но фольклорный материал он сам собирать и записывать не мог: старообрядцы справедливо считали его своим врагом и гонителем и едва ли стали бы делиться со строгим чиновником своими заветными верованиями и песнями. Весь фольклорный материал романа взят из чужих записей и различных изданий. Особенное влияние оказал на Мельникова, видимо, сказочный эпос, собранный у Афанасьева, а также и мифологическая концепция этого автора – в те годы мифологическая школа вполне владела умами¹.

Этнографы-беллетристы — «шестидесятники»

Прогрессивная струя в этнографической беллетристике середины XIX в. воплотилась в творчестве писа-

¹ См. Г. Виноградов. Фольклорные источники романа «В лесах». «Советский фольклор», 1935, № 2–3.

телей, которые правдиво, сочувственно и порой беспощадно резко описывали быт русского крестьянина. Эта струя идет от «Записок охотника» Тургенева, печатавшихся в «Современнике» с 1847 г.: «Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Бурмистр», «Бирюк», «Два помещика», «Контора», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи» и другие – вся эта серия художественных очерков обрисовывала разные стороны жизни русского крепостного мужика, показывала читателю человеческие черты в его забитом лице.

В предреформенные и пореформенные годы в творчестве писателей и поэтов-демократов крестьянская тема получает еще большее значение. Крупнейшим представителем этого демократического течения в художественной литературе был, как известно, Н. А. Некрасов (1821–1878), многолетний редактор (1846–1866) наиболее прогрессивного журнала «Современник». Некрасова нельзя назвать, конечно, писателем-этнографом, но художественное изображение быта народа занимало в его произведениях почетное место. Еще в 40-х годах Некрасов проявил свои демократические наклонности и уже в ранних стихотворениях рисовал быт бедноты, городской и крестьянской («Вино», «Извозчик», 1848; «На улице», 1850; «В деревне», 1853; «Несжатая полоса», «Влас», 1854; «Школьник», «Забытая деревня», 1856). С конца 50-х годов Некрасов все больше переходит на крестьянские темы, изображая жизнь обездоленного народа и лишь изредка рисуя более светлые стороны деревенского быта («Песня Еремушке», 1858; «Знахарка», «Деревенские новости», «Дума», 1860; «Крестьянские дети», «Похороны», «Коробейники», 1861; «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный нос», «Кумушки», 1863; «Железная дорога», 1864; «С работы», 1867; «Стихотворения, посвященные русским детям», 1867–1870; «Кому на Руси жить хорошо?», 1863–1876).

Настоящими «писателями-этнографами» называют обычно литераторов-шестидесятников – Николая Успенского, Левитова, Слепцова, Решетникова, Глеба Успенского. Выходцы из разных общественных слоев, они все, однако, шли одним путем – рисовали правдиво и бесхитростно, без малейшей романтики и идеализации, быт народа, быт деревенской и городской бедноты.

Раньше других вступил на этот путь Николай Васильевич Успенский (1837–1889), в творчестве которого указанные черты сказались и наиболее резко. Сын бедного сельского священника (Тульской губ.), недоучившийся в семинарии, в медико-хирургической академии и в Петербургском университете, Успенский потом всю жизнь скитался по службам (учителем), а под конец жизни – по улицам, трактирам и ночлежным домам и кончил жизнь самоубийством. Писать он начал еще в молодости, уже в 1857 г. появились в журнале «Сын отечества» первые его очерки-рассказы: «Старуха» и «Крестины», а «Отечественные записки» не приняли его рассказа «Хорошее житье» по тем мотивам, что рассказ «слишком народен и непонятен для публики»¹. Этот рассказ, однако, в следующем году появился в некрасовском «Современнике», где затем печатались и другие рассказы и очерки Николая Успенского из народного быта: «Змей», «Сельская аптека», «Деревенская газета», «Обоз», «На пути», «Проезжий». После 1861 г. Н. Успенский, порвав с «Современником», стал печататься в других журналах либо отдельными изданиями.

В изображении неприглядного быта русской деревни Н. Успенский был так беспощадно резок, что от него вскоре отшатнулись и тогдашние, и позднейшие «народники». Его обвиняли в клевете, издевательстве над крестьянином, в грубом натурализме. Критик-народник

¹ Н. Успенский. Собр. соч. М.–Л., 1931, с. 497.

А. М. Скабичевский писал об Успенском: «В его рассказах народ представляется в невообразимо безобразном виде: каждый мужик непременно или вор, или пьяница, или такой дурак, каких и свет не производил; каждая баба такая идиотка, что ума помрачение». «Забитость, тупоумие, отсутствие всякого человеческого образа и подобия в героях Николая Успенского одуряют вас, когда вы читаете его очерки»¹. Напротив, демократы сумели оценить сурово-правдивый талант Н. Успенского. Чернышевский писал по поводу его рассказа «Обоз»: «Кажется, если бы г. Успенский написал только эти три-четыре страницы о народе, мы и тогда должны были бы назвать его человеком, которому удалось так глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить перед нами коренную причину ее тяжелого хода, как никому из других беллетристов»².

Из той же разночинной неимущей среды вышел Александр Иванович Левитов (1835–1877). Сын сельского дьячка (Тамбовской губернии), он, как и Николай Успенский, не окончил духовной семинарии, потом учился в петербургской Медико-хирургической академии. Выслан был, по неясным причинам, в Шенкурский уезд Архангельской губернии, где прожил два года. Впоследствии всю жизнь жил «пролетарием» и умер от туберкулеза. Еще в ссылке написал Левитов свой первый рассказ «Сельский праздник». С 1861 г. он стал печатать очерки и рассказы в «Современнике», потом в «Отечественных записках» и других журналах. Они выходили позже отдельными изданиями под общими названиями: «Степные очерки» (1865), «Горе сел, дорог и городов» (1874) и пр. В них правдиво рисуется быт крестьянина и разной деклассированной бедноты.

¹ Там же, с. XXXVIII–XXXIX.

² Там же, с. 507.

К той же группе разночинцев-писателей принадлежал Федор Михайлович Решетников (1841–1871). Выходец из мелкочиновничьей среды (сын почтальона), он всю жизнь не мог выбиться из нужды. Начал печататься с 1862 г., но особенно известен своей повестью «Подлиповцы» (1864), где с огромной силой выразительности нарисована картина нищего быта уральских коми-пермяков и бурлаков на р. Каме. В других повестях («Горнорабочие», «Глумовы») рисуется быт уральских рабочих.

Василий Алексеевич Слепцов (1836–1876) по рождению принадлежал к другой среде – к зажиточному дворянству. Но, недоучившись в Московском университете (медицинский факультет), он пошел странствовать по деревням (Владимирской губ.) для изучения быта народа, как это делали тогда многие. Уже в 1861 г. появились его очерки «Владимир на Клязьме», а затем и другие рассказы из крестьянского быта: «Спевка», «Питомка», «Письма об Осташкове» и пр. Слепцов известен также и как деятельный последователь Чернышевского, организовавший в Петербурге «коммуну» по идеям романа «Что делать?».

Наибольшую известность из всей этой группы писателей-этнографов получил Глеб Иванович Успенский (1843–1902). Двоюродный брат Николая Успенского, но, в отличие от него, происходивший из зажиточной чиновничьей семьи, он, однако, тоже не смог окончить университета и уже с молодых лет (с 1862 г.) стал жить литературным трудом. Он печатался в демократических журналах «Русское слово», «Искра», «Современник» и др. Как и его собратья, Г. И. Успенский ярко рисовал быт деревенской и городской бедноты. Наиболее известно его произведение «Нравы Растеряевой улицы» (1866), из более поздних – «Люди и нравы» («Из деревенского дневника»), «Власть земли», «Живые цифры»

и пр. Примкнув в 70-х годах к народникам, Успенский, однако, своими правдивыми картинами крестьянского быта сам же опровергал народнические взгляды. В 80-х годах Г. Успенский попал под влияние марксистских идей, и в его произведениях этого периода изображается растущая сила капитала.

Этнография на Украине и в Белоруссии

На Украине с 40-х годов также весьма усилился интерес к изучению народности. Стимулом был подъем общественного движения, которое раскололось, как и в России, на два крыла: либерально-буржуазное и революционно-демократическое. Резкого разрыва между ними, однако, до поры до времени не было. Среди украинцев появилась группа патриотов-энтузиастов, романтически увлекшихся родной стариной, языком, бытом, творчеством народа. Продолжателями Максимовича были Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, А. Л. Метлинский. Первый из них был ученый историк-этнограф. С особым интересом он изучал «южнорусский» (украинский) областной этнический тип и роль его в общерусском историческом процессе («Две русские народности», 1861; «Об отношении русской истории к географии и этнографии», 1863 и др.)¹. Произведения П. А. Кулиша² («Украинские народные предания», 1847, «Записки о Южной Руси», 1, 2, 1856–1857) проникнуты духом романтической идеализации народной старины. В 1854 г. вышел сборник «Народных южнорусских песен» Метлинского.

¹ О Костомарове см., например: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 2. М., 1963, с. 38–46.

² Там же, с. 32–36.

Самым выдающимся представителем демократического крыла украинского общественного движения был Тарас Григорьевич Шевченко, крупнейший национальный поэт. Он с глубоким интересом изучал украинское народное творчество, черпая из него материал для своих художественных произведений («Кобзарь», 1840, и др.).

В Белоруссии собрание этнографического материала шло более мирным путем, по крайней мере до 60-х годов. Одним из ранних и самых трудолюбивых собирателей был Иван Иванович Носович (1788–1877)¹, сын священника из Могилевской губернии. Окончив духовную семинарию, он был учителем, смотрителем училищ и пр. В начале 50-х годов он начал печатать в «Известиях ОРЯС» белорусские фольклорные материалы. Главные работы Носовича появились позже: это был большой «Словарь белорусского языка», представленный в 1863 г. (напечатан в 1870 г.); «Сборник белорусских пословиц» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», I, 1867); дополнительный сборник пословиц и сборник загадок (там же, II, 1869); «Белорусские песни» (там же, V, 1873; отдельно: 1874).

Одним из деятельных белорусских собирателей-патриотов был Павел Михайлович Шпилевский (1827–1861). Он с ранних лет заинтересовался родной стариной, к которой относился с романтическим преклонением. «Нас интересуют предания и верования древних греков и римлян, – говорил он, – мы пишем об их нравах, мифологии, языке, даже пиршествах и обедах; отчего же не писать о родной Белоруссии, которая так богата своими самобытными нравами, мифологиею, языком и, наконец, игрищами и празднествами»². С молодости записывал Шпилевский народные предания, песни, обычаи. С 1853 г.

¹ См. А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, с. 148–149; В. К. Бандарчук. Гісторыя беларускай этнаграфіі. Мінск, 1964, с. 109–116.

² А. Н. Пыпин. Указ. соч., с. 73–74.

он начал публиковать свои материалы в «Современнике», «Журнале Министерства народного просвещения» и др.¹

В числе белорусских собирателей-этнографов надо упомянуть еще Анимелле – вольноотпущенного крестьянина, видимо литовца по национальности, автора статьи «Быт белорусских крестьян»²; А. Киркора – автора статьи «Этнографический взгляд на Виленскую губернию»³ и ряда других статей.

Этнографическая славистика 40–60-х годов

Сороковые годы XIX в. ознаменовались далее и крупным шагом в развитии русской славистики: она становится в это время на твердую научную почву. Славяноведение понималось тогда как славянская филология, но деятели ее не чуждались и интереса к живому быту народов.

Интерес к зарубежным славянским народам сказывался уже в предшествовавшие десятилетия. В 1821–1824 гг. П. И. Кеппен, юрист, статистик и этнограф, путешествовал по славянским землям Австрии. В 1829 г. вышла в свет первая часть книги Юрия Венелина «Древние и нынешние болгары», где автор, карпаторусс родом, изложил свои полунаучные, полуромантические представления о великом прошлом болгарского народа. И эта книга, несмотря на обилие в ней фантастики и полное отсутствие какого-либо критического чутья, сыграла немалую роль в привлечении интереса к самому тогда неизвестному из славянских народов, томившемуся под турецким

¹ О Шпилевском см. также: В. К. Бандарчык. Указ. соч., с. 38–43.

² «Этнографический сборник», II, 1854.

³ Там же, III, 1858.

гнетом¹. В 1837 г. появилась замечательная в своем роде книга – «О народной поэзии славянских племен» – магистерская диссертация Осипа Максимовича Бодянского. Автор пытается в этой книге дать сравнительную характеристику поэтического творчества разных славянских народов: чехов, мораван, словаков, поляков, сербов, великорусов и украинцев (по другим славянским народам – белорусам, болгарам, словенцам, саксонским сербам, т. е. лужичанам, – автор этого не делает, ссылаясь на отсутствие записей). В начале своей книги Бодянский указывает на повсеместно возросший интерес к «народности», к самобытности каждого отдельного народа. Но народный дух лучше всего выражается в словесности, которая непременно должна быть народной. Вот чем оправдывал он свою тему. Даваемая автором характеристика особенностей поэзии отдельных славянских народов во многом сомнительна, порой почти наивна. Стараясь кратко выразить эти особенности, он говорит, что народные песни чехов и мораван – «лирические», словаков – «идиллические», поляков – большей частью «лирические», а веселые у них только краковяки; у сербов песни «героические» или «эпические», у севернорусов – «повествовательно-описательные», у южнорусов (украинцев) – «драматические»². Заслуживает, однако, внимания попытка Бодянского объяснить отмеченные им различия в характере поэзии разных славянских народов особенностями исторического развития этих народов. В итоге автор приходит к выводу о замечательном богатстве славянской народной поэзии: славяне, по его мнению, «самый песенный, поэтический народ»; общая

¹ Ведь даже лучший знаток славянских языков в то время, патриарх славяноведения Иосиф Добровский, почти ничего не знал о болгарях как особом народе и полагал, что они говорят на сербском языке. А Павел Шафарик еще в 1842 г. насчитывал всего 500 тыс. болгар.

² *Иосиф Бодянский*. О народной поэзии славянских племен. М., 1837, с. 153–154 и др.

черта этой поэзии – «гармония между идеей и формой». При всей упрощенности этих определений, односторонности и субъективности выводов, при общем налете романтической идеализации изучаемого предмета, исследование Бодянского заслуживает серьезного внимания уже одним тем, что это была, видимо, самая ранняя попытка сравнительного изучения отдельных черт культуры славянских народов, первая ласточка сравнительной славянской этнографии.

В 1835 г. в России был введен новый университетский устав, который предусматривал введение кафедры «Истории и литературы славянских наречий». Так как специалистов для занятия этих кафедр не было, то было решено выбрать несколько способных молодых людей и послать их в зарубежные славянские земли для изучения на месте славянских языков и письменных памятников. Было послано четверо: уже известные нам О. М. Бодянский и И. И. Срезневский, а также П. И. Прейс и В. И. Григорович. Поездки их в славянские страны (Бодянского в 1837–1842 гг., Срезневского и Прейса в 1839–1842 гг., Григоровича в 1844–1847 гг.) были и формой подготовки этого «первого поколения русских славистов» к научной деятельности, и в то же время очень важным средством культурного сближения между Россией и другими славянскими странами: завязанные ими личные знакомства с деятелями славянской культуры за рубежом сыграли и тогда, и позже очень существенную роль¹.

¹ Из других путешествий русских ученых по зарубежным славянским странам можно отметить поездки горного инженера Е. П. Ковалевского в Черногорию в 1839 г. (см. «Путешествия в зарубежные страны») и туристские поездки Федора Васильевича Чижова (1811–1877), известного славянофила, побывавшего в 1840 г. в Галиции и Чехии, в 1843–1845 гг. – в Истрии, Далмации, Черногории, Хорватии, Сербии; Чижов был одним из очень немногих русских, посетивших малоизвестную славянско-итальянскую землю Истрию (см. *Ф. Чижов*. Заметки путешественника по славянским странам. «Русская беседа», II, 1857, кн. 5 и 6).

Прейс вскоре по возвращении умер (1846), но остальные трое сделали действительно учителями и воспитателями дальнейших поколений русских славяноведов. Основательно подготовившись, они заняли славянские кафедры: Бодянский в Московском университете (1842–1870), Срезневский сначала в Харьковском (1842–1846), потом в Петербургском (1847–1880), Григорович в Казанском (1847–1863), впоследствии в Новороссийском (Одесса, 1865–1876).

Каждый из трех ученых внес личный вклад в славянскую этнографию. Осип Михайлович Бодянский после заграничного путешествия посвятил себя, правда, почти целиком изучению славянских языков и истории славянской письменности. Для этнографии имеют большое значение сделанные им переводы «Славянских древностей» Шафарика (М., 1842; изд. 2, М., 1847) и его же «Славянского народописания» (М., 1843); частью и его большая работа «О времени происхождения славянских письмен» (М., 1855).

Вклад Измаила Ивановича Срезневского в славянскую этнографию был больше. Очень важны прежде всего его письма из-за границы, где он побывал у чехов (в Чехии, Моравии и Силезии), у лужицких сербов, словенцев (в том числе у почти неизвестных резьян), у хорватов (в том числе у хорватов Истрии и Далмации), у черногорцев, словаков, краковских поляков, закарпатских и галицийских украинцев, — словом, объехал почти все славянские народы и общался там и с крестьянством, и с интеллигенцией. В письмах своих¹ Срезневский сообщает очень много живых, метких наблюдений. Он первый попытался разобраться в многочисленных диалектах и говорах

¹ «Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Е. Н. Срезневской». «Живая старина», II, 1892, вып. 1–4.

словенцев¹. Материал о резьянах и других группах так называемых «бенешских словенцев» напечатан им в отдельной книжке «Фриульские славяне» (СПб., 1878), очень содержательной. Из других работ Срезневского интересны для этнографа его исследования древнеславянских верований и обрядов: «Об обожании солнца у древних славян» (ЖМНП, 1846, № 7), «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» (Харьков, 1846 – докторская диссертация), «Исследование о языческом богослужении древних славян» (СПб., 1847), «Роженицы у славян и других языческих народов» («Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» Калачова, кн. I, 1855) и др.

Виктор Иванович Григорович много обогатил славянскую этнографию своим путешествием по землям южных славян. В отличие от своих товарищей, избравших более безопасные маршруты по австрийским провинциям, Григорович не побоялся поехать к балканским славянам, находившимся под азиатско-деспотической властью Турции, где жизнь путешественника не могла считаться в безопасности. Он объехал разные области Болгарии и Македонии². Помимо поисков и изучения древних рукописей, его интересовала и живая речь народа. Он первый установил деление болгарского языка на западный и восточный диалекты (к западному он причислял и наречия македонцев), первый дал их научное описание, первый отметил, что македонские славяне (не отделявшиеся им от болгар) распадаются на ряд местных групп: мърваки,

¹ *И. Срезневский*. О наречиях славянских (словенских). ЖМНП, 1841, сентябрь.

² См. *Виктор Григорович*. Очерки путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.

поливаки, бабуны, кецкари, мияки, берсияки; сюда же он относил и западноболгарских шопов. Этими сообщениями было положено начало болгаро-македонской диалектологии и изучению этнических групп болгар и македонцев. У Григоровича есть и заметки о быте, о народном творчестве болгар, и о встреченных им других национальностях: греках, валахах и пр.

Однако вклад старшего поколения русских славистов в этнографию не исчерпывался их собственными исследованиями. Не меньшее, если не большее, значение имело то, что они за долгие годы своей профессорской деятельности вырастили многочисленную плеяду ученых – «второе поколение русских славистов», а за ним пошло и «третье поколение». Из них некоторые оставили след своей деятельности и в области этнографии. Назовем здесь тех, чья научная работа проходила в рамках изучаемого нами периода.

В числе учеников О. М. Бодянского были: Е. Н. Новиков – автор первой работы по лужицко-сербской диалектологии «О важнейших особенностях лужицких наречий» (М., 1849); А. А. Майков, написавший «Историю сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа» (М., 1857), и «Суд присяжных у южных славян» (1861); А. А. Котляревский, автор диссертации «О погребальных обычаях языческих славян» (1868), позже написавший «Древности юридического быта балтийских славян» (Прага, 1874), «Успехи славяноведения за последнее время» (1876), не считая других многочисленных работ, заметок, рецензий по восточнославянской филологии, истории, этнографии.

Среди учеников Бодянского был и А. Ф. Гильфердинг – один из видных славянофилов. Он свои ранние работы посвятил изучению славянских языков в их отношении к другим индоевропейским языкам и пришел,

между прочим, к оригинальному выводу – вполне в славянофильском духе, – что некоторый архаизм звукового и грамматического строя славянских (и балтийских) языков сравнительно с западными индоевропейскими объясняется не чем иным, как крепким сохранением у славян общинного начала!¹ Позже Гильфердинг заинтересовался специально южными славянами. Издав в 1855 г. «Письма об истории сербов и болгар», он затем поехал на Балканский полуостров, получив назначение консулом в Сараево (1856). О своих наблюдениях в этих краях он подробно рассказал в работе «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»². Это доныне одно из самых обстоятельных описаний быта и национальных отношений среди населения Боснии и соседних областей. Третья группа славяноведческих работ Гильфердинга посвящена ныне почти исчезнувшим «поморским» (прибалтийским) славянам, в земли которых он тоже совершил поездку, но здесь он основывался больше на исторических источниках³. Об изучении Гильфердингом русского фольклора уже говорилось.

Из учеников Срезневского больше всего поработали в области славянской этнографии П. А. Лавровский, В. В. Макушев, А. Н. Пыпин и В. И. Ламанский – люди, оказавшиеся в весьма далеких друг от друга общественно-политических лагерях.

Из работ Лавровского наиболее интересно с этнографической точки зрения его исследование «Коренное значение в названиях родства у славян» (СПб., 1867,

¹ А. Гильфердинг. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853.

² «Зап. РГО», т. 13, 1859; см. также: А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 3. СПб., 1873.

³ А. Ф. Гильфердинг. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. 1862; он же. История балтийских славян. СПб., 1874.

приложение к 12-му тому «Записок Академии наук»). Это исследование важно, во-первых, как одна из ранних попыток сравнительного изучения отдельных сторон культуры славянских народов; во-вторых, тем, что автор его выступает здесь как предшественник Льюиса Моргана, который считается первым ученым, обратившим внимание на изучение терминологии родства как исторического источника. Другие работы Лавровского посвящены языкам и истории славянских народов, – и некоторые из них были проникнуты довольно крепким великорусско-шовинистическим духом.

Макушев, подобно Гильфердингу, сочетал научные занятия с дипломатической службой. После напечатания первой крупной историко-этнографической работы «Сказания иностранцев VI–X веков о быте и нравах славян» (1861) он получил назначение в качестве секретаря русского консульства в Дубровник на Адриатическом побережье и там, параллельно со службой, занимался кропотливой работой в библиотеках и архивах. Позже он добросовестно обследовал и архивы итальянских городов, разыскивая везде материал о славянах, – и этого материала набрал очень много. Не говоря о его чисто исторических и историко-литературных работах, назовем здесь только его более важные историко-этнографические труды о южных славянах: «Задунайские и адриатические славяне» (1867), «Исторические разыскания о славянах в Албании» (Варшава, 1871–1873), «Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории» (1871). С 1871 г. Макушев занимал кафедру славяноведения в Варшавском университете и печатал кое-что по истории польской и чешской письменности.

О научной деятельности Ламанского и Пыпина более уместно сказать позже – она принадлежит сле-

дующему периоду. Это относится и к некоторым ученикам Григоровича¹.

Путешествия в зарубежные страны

Прирост этнографических знаний по внеевропейским зарубежным странам в 40–60-е годы был не слишком значительным. Россия решала в эти годы, особенно после поражения в Восточной войне, главным образом внутривосточные задачи. Деятельность Российско-Американской компании шла с 50-х годов на убыль, и новых научных работ в Америке, после путешествий Загоскина и Вознесенского, не предпринималось. По той же причине прекратились и регулярные кругосветные плавания. По Китаю в 40-е годы выходили в свет последние труды Иакинфа Бичурина.

Путешествий русских людей в зарубежные страны было в те годы немного. Самым неутомимым и подвижным путешественником был, пожалуй, Егор Петрович Ковалевский (1811–1868), горный инженер, писатель и общественный деятель. Он бывал несколько раз в странах Балканского полуострова, больше всего в Черногории (1838, 1851, 1853–1854), был в Средней Азии (1839–1840), а также на землях тогдашней Китайской империи (1840, 1849–1850, 1851), в Египте и Судане (1847–1848). Цели путешествий Ковалевского были разнообразны, но по большей части связаны с обследованием горных

¹ Из последних следует упомянуть А. Троянского, путешествовавшего в 60-х годах по землям зарубежных славян. Очень интересны его очерки «Чешская деревня: село Гудлицы» («Русский вестник», т. 36, 37, 42, 1861–1862), где очень ярко и живо описан быт чешского крестьянства и тот национально-патриотический подъем, который как раз в начале 60-х годов охватил самые широкие массы чешского населения.

богатств; этнографические наблюдения его интересны, хотя дилетантского стиля¹.

Можно отметить также путешествия Алексея Дмитриевича Салтыкова по Индии в 1841–1843 и 1845–1846 гг.²; несколько путешествий по Ближнему Востоку и Северной Африке: Артемия Алексеевича Рафаловича (1816–1851) – врача, который ездил в 1846–1848 гг. для изучения чумы в Египет, Сирию, Палестину, Тунис, Алжир³; геолога Эдуарда Ивановича Эйхвальда (1795–1876) в Алжир и по Малому Атласу в 1847 г.⁴ Немало этнографических сведений в капитальном сочинении полковника И. Ф. Бларамберга «Статистическое обозрение Персии, составленное... в 1841 г.»⁵ – автор был в этой стране в 1837–1840 гг.

Наиболее интересным для этнографии было кругосветное плавание писателя И. А. Гончарова на фрегате «Паллада» в 1852–1854 гг. Целью плавания фрегата было ведение дипломатических переговоров с Японией. Возглавлял экспедицию адмирал Путятин, а Гончаров, в то время уже приобретший известность писателя, напросился к нему в секретари. Фрегат «Паллада»

¹ См. *Е. П. Ковалевский*. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841; *он же*. Странствователь по суше и морю. СПб., 1871; *он же*. Черногория и славянские земли. СПб., 1872; *он же*. Собр. соч., т. 4. Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1872; см. также: *Б. А. Вальская*. Путешествия Е. П. Ковалевского. М., 1956.

² См. *А. Д. Салтыков*. Письма об Индии. М., 1851.

³ Им написаны: «Этнографические заметки о жителях нижней Нубии» («Зап. ИРГО», кн. 4, 1850); «Этнографические очерки Константинополя» («Отечественные записки». LXIII, LXVII, 1849); «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты» (СПб., 1850). Позже Рафалович был секретарем отделения этнографии РГО.

⁴ *Э. Эйхвальд*. Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г. «Вестник ИРГО», 1851, т. II, с. 7.

⁵ «Зап. ИРГО», кн. VII, 1853.

по пути в Японию заходил в английские порты, плыл через Атлантический океан, вокруг Африки, посетил Яву, Сингапур, Гонконг. После окончания переговоров русскому фрегату из-за начавшейся войны против Англии и Франции пришлось уходить на север, в Татарский пролив, и там он, чтобы не достаться противнику, был затоплен. Гончаров вернулся домой через порт Аян, Якутск, Иркутск. Впечатления от плавания были изложены им сначала в нескольких статьях в журналах «Отечественные записки», «Современник», «Морской сборник» (1855), – и они сразу обратили на себя внимание критики и читателей, – и в отдельной книжке «Русские в Японии» (1855). В 1857 г. были изданы полностью путевые записки Гончарова под заглавием «Фрегат “Паллада”». Книга получила вскоре очень широкую известность; ее и доньше считают образцовым литературным описанием путешествия.

Этнографический материал в книге Гончарова был очень обилен и разнообразен: тут и заметки об англичанах, и о жителях Капской колонии, и о малайцах, и о японцах, и о китайцах, и о якутах. Наблюдения автора переданы живо, наглядно, талантливо, но поверхностны. Поразительно точно замечая детали, Гончаров, однако, был слеп к важнейшему: тяжелую долю народных масс, классовое и колониальное угнетение народа он просто не замечал.

Отчасти аналогично гончаровскому, но гораздо менее известно описание кругосветного плавания, составленное морским врачом А. В. Вышеславцевым: «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857–1860 гг.» (СПб., 1862). Автор этого описания проделал еще более далекий маршрут, обогнув Африку, посетив Яву, Сингапур, Гонконг, Формозу, Сахалин, Японию, Гавайи, Таити, порты Южной Америки. В его «Очер-

ках» очень много ценного этнографического материала обо всех этих странах. В отличие от Гончарова, Вышеславцев прекрасно видел тяжелый колониальный гнет. С горькой иронией писал он о «подвигах» торговцев и миссионеров, – часто то и другое совмещалось в одном лице, – по одурачиванию и обиранию туземцев.

Первые теоретические построения в области этнографии. Взгляды Бэра и Надеждина

Новый этап в развитии русской этнографической науки, наметившийся с середины 40-х годов XIX в., ознаменовался не только началом более планомерного и методического собирания материала, но и повышением теоретического уровня этнографии.

В 40-е годы впервые были сформулированы принципы и задачи этнографии как особой науки. Можно поэтому считать с известным правом, что именно в 40-е годы этнография окончательно выделяется в России в самостоятельную науку.

Вскоре же начало все более резко намечаться и по теоретической линии размежевание двух основных направлений в русской этнографии – либерально-буржуазного и демократического. Первое выступило на сцену раньше, и его голос звучал громче. Средоточием этого направления было известное уже нам отделение этнографии Русского географического общества, а главными выразителями его – К. М. Бэр, Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин, игравшие тогда руководящую роль в отделении этнографии. Революционно-демократическое направление, продолжавшее линию Белинского, выступило наиболее ярко несколько позже – в 50–60-х годах.

Либерально-буржуазное направление было в ту эпоху еще прогрессивным; именно его представители сформулировали в 1846–1848 гг. впервые не только в истории русской, но и в истории мировой науки задачи этнографии, место ее в системе человеческого знания.

Академик К. М. Бэр – крупный ученый, зоолог, антрополог, географ, первый председатель отделения этнографии РГО – на одном из первых же его заседаний (март 1846 г.) выступил с докладом «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности». В этом докладе, уже одно заглавие которого звучит очень показательно, Бэр развил ряд важных мыслей, свидетельствующих о глубоком понимании им задач этнографической науки.

По мнению Бэра, сравнительная этнография дополняет историческую науку, в особенности там, где чувствуется недостаток прямых исторических свидетельств. При этом этнографические исследования являются очень важными и неотложными, ибо «запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен». «Все сведения, – говорил Бэр, – кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене. Поэтому все, что сделано будет для этнографии, сохранит по себе самое продолжительное воспоминание»¹.

Правда, теоретические взгляды Бэра не во всем были передовыми. В понимании причин этнических особенностей отдельных народов он разделял ложные представления своего времени: следуя Blumenbachу, он усматривал причинную связь между расовыми признаками и политическими учреждениями народа. Но в самой по-

¹ «Зап. РГО», I, 1846, с. 94–95.

становке вопроса о задачах этнографических исследований Бэр далеко опередил своих зарубежных коллег.

Сам Бэр был не чужд этнографической полевой работе: в том же докладе он упоминает о своих собственных наблюдениях над бытом промыслового населения Новой Земли, куда он совершил в 1837 г. поездку.

Еще более ясное и широкое понимание задач этнографии как науки высказал Н. И. Надеждин (1804–1856). Деятельность Надеждина хорошо известна в истории русской литературы. Он читал лекции в Московском университете (1831–1835); был редактором прогрессивного журнала «Телескоп» (1831–1836) и за опубликование в этом журнале вольнодумных «Философических писем» Чаадаева был сослан на Север, в Усть-Сысольск (1836). Во время своего пребывания в ссылке он много писал, в том числе и по этнографии. Им написана статья «Народная поэзия у зырян» (напечатана в журнале «Утренняя заря», 1839 г.), много статей для «Энциклопедического лексикона» (в том числе историко-этнографические статьи «Великая Россия», «Венеды», «Венды», «Винды», «Весь», «Вогуличи»). Отбыв ссылку, Надеждин поселился временно в Одессе, участвовал в работе Одесского общества истории и древностей. По поручению этого Общества совершил в 1840–1841 гг. поездку по южнославянским землям, но отчет его об этой поездке¹ содержит лишь общие риторические рассуждения. С 1842 г. Надеждин служил в Министерстве внутренних дел и редактировал «Журнал Министерства внутренних дел». По командировке министерства он ездил, между прочим, к зарубежным старообрядцам-липованам, эмигрировавшим в Австрию и Дунайские княжества (1845–1846). Пыпин впо-

¹ Прочтен на торжественном заседании Общества (см. «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», I, 1844).

следствии писал об этой поездке, что Надеждин, обследуя зарубежных старообрядцев, выступал не столько в роли «любопытного ученого-этнографа, любящего народ исследователя», сколько в мало привлекательной роли «лазутчика»¹. Действительно, цель поездки была скорее полицейская, чем научная. Это было как раз время жестоких административных преследований старообрядцев, и Надеждину довелось принять в этом деле весьма не почетное участие. В своей книге-докладе «О заграничных раскольниках» (1846)² Надеждин не скрывает своей крайней вражды к расколу и его деятелям, в которых он видит «изменников», а в их деятельности – одно «бесчиние», в зарубежных же старообрядческих поселениях – «притоны всякого рода дикой сволочи»³. Однако, описывая быт посещенных им зарубежных старообрядцев-липован (в Буковине, Молдавии, Валахии), Надеждин вынужден был, в силу простой научной добросовестности, нарисовать этот быт совсем иными красками. Оказалось, что это мирные трудолюбивые люди, свято хранящие русские национальные традиции. Липоване в Буковине «до сих пор остаются неизменно такими, какими пришли сюда: совершенными русскими, со всеми особенностями прародительской великороссийской национальности. Весь домашний быт их есть быт наших околomosков-ных поселян: та же русская изба с углами и крышей под князек, с русской печью, даже с русскими ухватами, ко-чергою и помелом... Коротко сказать: встречаясь ли с ними, а тем паче заехавши в их слободы, не веришь,

¹ См. А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, с. 271.

² Н. Надеждин. О заграничных раскольниках (1846). «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (составил В. Кельсиев), вып. 1. Лондон, 1860.

³ Там же, с. 83.

что находишься в Немецком государстве, видишь себя как будто перенесенным в сердце России». «Таким образом, народность русская, со всеми мельчайшими подробностями и оттенками, как будто окаменела в них и пребывает в такой целостности и чистоте, какую в настоящее время не везде сыщешь и в самой России»¹.

В целом вклад Надеждина в конкретно-этнографическое изучение народов был невелик. Но зато его вклад в теоретическое обоснование этнографической науки был весьма значительным. Именно Надеждин первым сумел обосновать право этнографии на роль самостоятельной науки и место ее в системе человеческого знания.

Н. И. Надеждин был, по определению Чернышевского, «один из замечательнейших людей в истории нашей литературы, человек замечательного ума и учености»². «Все отрасли нравственно-исторических наук, от философии до этнографии, были так глубоко изучены им, как редкому специалисту удастся изучить одну свою частную науку. Этим страшным запасом знаний располагал ум необыкновенно сильный, светлый и проницательный, и потому, о чем бы он ни писал, он проливал новый свет на предмет, какой бы науки ни касался, двигал ее вперед. А писал он обо всем, от богословия до русской истории и этнографии, от философии до археологии»³.

Еще в 1837 г. Надеждин напечатал в журнале «Библиотека для чтения» (т. XX, отд. III) значительную по глубине и содержательности статью: «Об исторической истине и достоверности», где, быть может, впервые в мировой литературе определено значение этнографи-

¹ Н. Надеждин. Указ. соч., с. 88–89.

² Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1953, с. 171.

³ Там же, с. 173. Оценку деятельности и взглядов Надеждина см. также: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 2, с. 7–16.

ческих изучений для исторического познания. В этой статье Надеждин указывает прежде всего на недостаточность той «критики свидетельств» (т. е. источников), иначе говоря «формальной критики», которой историческая наука обычно ограничивается в стремлении познать истину: нужна еще «критика собственно фактов», «критика реальная», которая одна только может установить подлинную историческую истину¹. Но в чем же заключаются принципы этой «реальной критики»? Они, по мнению Надеждина, сводятся к четырем «главным началам и основаниям».

Первое из них – «согласие с общими законами человеческой природы», которая в основе своей везде и всегда одна и та же². Второе – соответствие «народному характеру», т. е. тому своеобразию быта каждого данного народа, которое складывается в силу географических условий и «генеалогических условий происхождения каждого народа»; следовательно, необходимо считаться с «этнографическим разделением людей на народы»³. Третье основание – соответствие эпохе, т. е. признание «влияния времени или последовательного развития жизни в каждом народе», а каждый народ проходит, по мнению Надеждина, стадии развития от «патриархального» детства, через «героическую юность» и «возраст мужества эпохи цивилизации», до «эпохи дряхлости»⁴. «Наконец, и этнографическая основа, и хронологическое развитие жизни в каждом народе подлежат еще могущественному влиянию внешнего сообщения с другими народами»; поэтому необходимо учитывать «заимствования» народом «чуждого элемента», которые

¹ «Библиотека для чтения», т. XX, 1837, отд. III, с. 152–154.

² Там же, с. 155–159.

³ Там же, с. 159–162.

⁴ Там же, с. 162–166.

могут совершенно преобразить облик народа (как, например, в России со времени Петра I). «Эти сторонние влияния, эта внешняя накипь, всасываемая и усвояемая народами, составляет четвертое и последнее начало для судопроизводства реальной исторической критики»¹.

В данной статье Надеждин еще ничего не говорит о самостоятельном существовании этнографии как науки, но он указывает на важность этнографической точки зрения как одной из важнейших при применении «реальной исторической критики» для достижения «исторической достоверности». Иначе говоря, этнографическим изучениям уделяется здесь почетное место в построении исторического знания.

Иллюстрируя свою мысль о важности этнографической точки зрения для познания исторической истины, Надеждин приводит ряд наглядных примеров, показывающих существенные различия между народами, порожденные неодинаковостью природных условий. «Тропическое солнце, опалив кожу араба, вместе с тем раскалило кровь в его жилах, воспламенило огненную фантазию, вскипятило восторженные страсти. Напротив, полярный холод, выморозив до белизны льна волосы лапландца, застудил в нем и кровь, оледенил ум и сердце. Горцы, гнездящиеся на высотах, всегда гордее и неукротимее мирных жителей долин. Народ морской предприимчивее и отважнее народа средиземного. Чем роскошнее природа, тем племя ленивее, сладострастнее, чувствительнее; напротив, там, где должно отстаивать, оспаривать, завоевывать средства существования, он бодр, трудолюбив, изобретателен»².

В другой статье, помещенной в той же книжке «Библиотеки для чтения», – «Об исторических трудах в Рос-

¹ «Библиотека для чтения», т. XX, 1837, отд. III, с. 166–167.

² Там же, с. 160–161.

сии» – Надеждин называет «географию и этнографию» «двумя первыми основаниями истории»¹.

Н. И. Надеждин, как мы уже знаем, принял деятельное участие в новооткрытом Русском географическом обществе и уже с 1848 г. возглавил его отделение этнографии. В одном из первых заседаний Общества, в начале 1846 г., он выступил с докладом «Об этнографическом изучении народности русской»², где попытался теоретически обосновать задачи этнографии как самостоятельной науки.

Надеждин указал здесь прежде всего на очень важный факт: у нас накопилось много этнографического материала, но этнографии у нас еще нет. Почему же у нас есть этнографический материал, но нет этнографии? В чем здесь разница? И Надеждин указывает на эту разницу: для существования этнографии как науки недостаточно еще того, чтобы был этнографический материал: «Собирать материалы для науки может всякий охотник личным усердием и личными средствами. Но самая наука является только тогда, когда, во-первых, сбор материалов производится не набегом и урывочно, как где пришлось, как попало под руку, но систематически, в порядке, связи и полноте, требуемых наукою». Во-вторых, собираемый материал, по мнению Надеждина, нужно пропускать через «чистительное горнило строгой, разборчивой критики».

Что же такое критическое отношение к материалу? Прежде всего, по мнению Надеждина, необходимо выделить в числе тех сведений, которые касаются быта и культуры русского народа, с одной стороны, наносные, заимствованные, а с другой – самобытные черты. Задача этнографической критики, таким образом, состоит

¹ Там же, с. 111.

² См. «Зап. РГО», кн. 2, 1847.

в том, чтобы выделить то, что свойственно русскому народу – «первобытной, основной, чистой, беспримесной русской натуре», а то, что является продуктом влияния других народов («чуди, немцев, византийцев, варягов»), нужно отбросить.

Этот принцип выделения элементов, заимствованных из разных культур, явился для того времени новым словом в развитии этнографической науки. С нашей точки зрения сама постановка вопроса несколько наивна, ибо нельзя сказать, что одни черты свойственны данному народу как таковому, а остальные являются привеском к ним. Но все же мысль Надеждина – это проблеск исторического подхода к изучению народа и культуры.

У Надеждина мы находим также первую попытку философского определения сущности этнографии как науки; это определение, несколько туманное, составлено в духе гегельянской философии. По его словам, «народности – это естественные разряды в человечестве»; они-то и составляют содержание этнографии. «Ее (этнографии) задача – приурочивать “людское” к “народному” и чрез то обозначать в нем “общечеловеческое”»¹.

Взгляды Кавелина

Не менее интересны и теоретические взгляды другого видного деятеля Русского географического общества, сотоварища Надеждина – К. Д. Кавелина. Имя Кавелина хорошо известно как историка; хорошо известен Кавелин также как общественный деятель и публицист... Формирование же этнографических взглядов Кавелина относится преимущественно к первой половине его деятельности, к 40-м – 50-м годам.

¹ «Зап. РГО», II, 1847, с. 63–64, 67.

В качестве этнографа Кавелин известен очень мало, однако он играл крупную роль в развитии этой науки в те годы. Он был одним из активных руководителей отделения этнографии Русского географического общества, редактировал «Этнографические сборники» и принимал ближайшее участие в обработке этнографического материала. Он задавал и теоретический тон работе отделения. Для истории этнографической науки важна точка зрения Кавелина на патриархально-родовое происхождение Русского государства. В русской этнографии эта теория разделялась также С. М. Соловьевым. Известно, что в мировой этнографической науке патриархально-родовая концепция господствовала вплоть до открытий Бахофена и Моргана.

Для нас очень существенны взгляды Кавелина по вопросу о том, что мы сейчас называем пережитками. Обычно «теорию пережитков» приписывают английскому этнографу Тэйлору, но мало кому известно, что еще лет за 20 до Тэйлора почти те же взгляды развивал Кавелин. Он изложил их в большой статье «Быт русского народа» (1848), представлявшей собой обширную рецензию на известную уже нам (см. гл. 5) книгу Терещенко под тем же названием.

«Наши простонародные обряды, приметы и обычаи, – писал Кавелин в этой статье, – в том виде, как мы их теперь знаем, очевидно, сложились из разнородных элементов и в продолжение многих веков... Развалины эпох, отделенных веками, памятники понятий и верований самых разнообразных и противоположных друг другу, в них (обычаях и обрядах) как будто набросаны в одну грудку в величайшем беспорядке». Поэтому задачей науки Кавелин считает «разобрать их по эпохам, к которым они относятся, по элементам, под влиянием которых они образовались. По примеру геологии, кри-

тика должна найти ключ к этим ископаемым исчезнувшего исторического мира»¹.

Не употребляя слова «пережитки», Кавелин говорит именно о них; он говорит об обычаях, сохранившихся в народе и представляющих остатки каких-то, очевидно, важных исторических явлений, утративших позже свой смысл; для понимания этих сохранившихся до настоящего времени отдельных обычаев необходимо восстановить первоначальный их смысл. Однако, в отличие от Тэйлора, Кавелин не признавал важности сравнительного метода в этом анализе. С другой стороны, Кавелин решительно возражал против того, чтобы объяснять заимствованием сходство русских обычаев или верований с параллельными явлениями у евреев, греков, индусов или других народов. По его мнению, объяснять русские обычаи надо исходя из истории самого русского народа. Сходное – вовсе не значит заимствованное. Эти мысли Кавелина и сейчас сохраняют интерес.

Взгляды Надеждина и Кавелина представляют собой необычные попытки теоретических построений в этнографической науке около середины XIX в. Но эти взгляды составляли при всей их теоретической значительности лишь индивидуальные воззрения отдельных мыслителей. Последователей у них не нашлось. Либерально-буржуазная этнография в целом пошла в эти годы по другому пути: в ней получило господство в 50–60-е годы так называемое «мифологическое» направление, которое преобладало в те годы и в Западной Европе.

Мифологическая школа

Мифологическое направление (главными теоретиками его были в Германии Якоб Гримм, Адальберт Кун,

¹ К. Д. Кавелин. Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1897, с. 33–34.

в Англии – Макс Мюллер) имело в России своих представителей в лице А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и О. Ф. Миллера, работы которых относятся к 50–60-м годам. Связанное с романтической историографией, мифологическое направление и на Западе, и в России складывалось и развивалось на основе изучения фольклора и мифологии, но оно оказало влияние и на собственно этнографию. Выше уже говорилось о преобладании в этнографии в ту эпоху интереса именно к народному творчеству. С этим было отчасти связано господство в этнографии той школы, которая была построена на изучении фольклорного материала.

Мифологическая школа рассматривала народные верования, предания, поэзию, даже обряды и обычаи как разрозненные остатки какого-то древнего полузабытого мировоззрения, которое будто бы господствовало у предков индоевропейских народов. Это мировоззрение было якобы целиком натурмифологическим, и основано оно было на наблюдении небесных явлений и их олицетворении. Древние «индоевропейцы» поклонялись небесным богам, олицетворениям солнца, неба, грозы и пр. Впоследствии же, с упадком этой древней возвышенной религиозно-мифологической системы, образы прежних богов превратились в человеческие фигуры, в сказочных героев, в песенные мотивы.

Таким образом, основная мысль «мифологической теории» заключается в идее о том, что духовная культура современных народных масс есть итог не развития, а, напротив, упадка, деградации, разложения некогда будто бы господствовавшего возвышенного мировоззрения. Следовательно, духовная жизнь народов шла, с точки зрения этой школы, как бы по нисходящей, а не по восходящей линии. Иначе говоря, основная идея мифологической школы – идея деградации. В этом

заклучалась реакционная сторона взглядов и русских, и зарубежных сторонников мифологической школы, которая в целом представляла собой – и в Германии, и в России – противоречивое сочетание консервативно-реакционных и прогрессивно-демократических идей. Предмет исследования был для приверженцев мифологической школы скорее объектом любования: они преклонялись перед остатками старины.

В духе своей основной идеи «мифологи» и в России, и на Западе подвергали довольно искусственным толкованиям разные обычаи, те или иные явления народной жизни. Наиболее ярким примером в этом отношении служит книга Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869). В ней видно, до каких курьезов доходили толкования последовательных представителей этой школы. Не только образы мифологических героев и сказочные персонажи считаются олицетворением божеств грома, облаков, солнца и т. д., но и самым простым, элементарным народным обрядам и обычаям дается такое же искусственное, мифологическое толкование. Например, в русском свадебном обряде употребляется плетка в руках дружки или свата. Откуда она явилась? Можно по-разному понимать это, но с точки зрения Афанасьева это не что иное, как символ молнии, ибо молния считается небесным бичом¹. В погребальном обряде при оплакивании женщины обычно распускают волосы. Почему? С точки зрения Афанасьева эти распущенные волосы суть символ дождевых туч². Известный магический обряд опахивания, по мнению Афанасьева, есть обрядовое подражание тому плугу, под видом которого человек

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 284.

² Там же, с. 117.

представлял себе небесную грозу¹. Общеизвестен обычай святочного ряжения, когда люди надевают маски и изображают зверей: оказывается, эти люди изображают не обычных зверей, а мифологических небесных зверей, т. е. тучи и облака². Даже простой весенний выгон скота на пастбище на Егорьев день с употреблением освященной вербы толкуется так: «Обряд этот имеет символическое значение: он указывает на стада дожденосных коров, которых в весеннюю пору выгоняет Перун на небесные луга ударами молнии...»³

Нечего уж и говорить, что всем поверьям, сказочным образам дается такое же толкование: поверья о кладах – «обломки древних мифических сказаний о небесных светилах, скрываемых нечистой силою в темных пещерах облаков и туманов»⁴; Соловей-разбойник – демон грозовой тучи⁵, жар-птица – воплощение бога грозы⁶, ступа и пест бабы-яги – грозное облако и молния⁷ и т. д. и т. п.

К этому направлению примыкал и виднейший фольклорист и филолог Александр Афанасьевич Потебня, хотя до таких крайностей он не доходил. К этнографии имеет близкое отношение его статья «О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865). Здесь тоже проводится последовательно натур-мифологическое толкование этнографического материала, иногда столь же произвольно, как и у Афанасьева. Например, обычай покрывания невесты или устилания пола

¹ Там же, с. 565–569.

² Там же, с. 717–718.

³ Там же, с. 707.

⁴ Там же, с. 202.

⁵ Там же, с. 307–308.

⁶ Там же, с. 513.

⁷ Там же, с. 291–292.

соломой объясняется как обрядовое подражание покрытию земли снегом¹, обсыпание новобрачных кашей – символ дождя и воды² и т. п.

Несмотря на свои ошибки и односторонность взглядов, мифологическая школа сыграла и положительную роль в развитии нашей науки. Она содействовала повышению интереса к памятникам народного творчества. Она широко раздвинула горизонты исследования, особенно в сравнительном изучении славянского фольклора³.

Чернышевский и «Современник» об этнографии

Преобладание мифологического направления в буржуазно-либеральной науке продолжалось до 70-х годов. В те же годы в революционно-демократическом лагере русской общественной мысли оформилось свое особое понимание задач этнографии как науки, ее принципов и методов. В этом понимании, которое отвечало интересам освободительной борьбы широких народных масс, нашла свое продолжение точка зрения Белинского на изучение культуры и творчества народа.

Главными теоретиками демократического направления в 50–60-е годы были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Взгляды Чернышевского на задачи и специфику этнографии как науки представляют исключительно

¹ А. Потебня. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. «Чтения ОИДР», 1865, кн. 2, с. 83.

² Там же, с. 61–83.

³ К оценке мифологической школы см. также: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 2, с. 47–84.

большой интерес. Эти взгляды намного вперед предвосхищали развитие этнографии. Чернышевский не был этнографом и не оставил специально этнографических работ, но во многих своих статьях и рецензиях он касался принципиальных вопросов этнографии¹.

Чернышевский очень высоко расценивал значение этнографической науки. Уже в одной из своих ранних статей – рецензии на 3-й том «Магазина земледения и путешествий» Фролова («Современник», 1855, № 1) он развернул широкую программу задач этнографической науки. Указывая на то, что «наука о человеке» всегда остается «важнейшею, коренною наукою», Чернышевский совершенно правильно определяет место этнографии в системе гуманитарных знаний. Чтобы понять нашу цивилизацию, окружающую нас общественную среду, надо знать «первоначальную сущность» сложившихся учреждений, т. е. древнейший период их развития. Это и является задачей, с одной стороны, «исторической филологии», с другой – этнографии. Но последней Чернышевский отдает решительное предпочтение перед первой, ибо этнография имеет дело с непосредственно данным материалом, а не с косвенными умозаключениями. «Все, что с невероятными усилиями соображения успевает добыть историческая филология для объяснения первобытной жизни, сообщает нам этнография в живых, простых, ясных рассказах; потому что... наши древнейшие предки начали с состояния, совершенно подобного нынешнему состоянию австралийских и других дикарей, стоящих на низшей ступени развития, потом постепенно проходили те состояния несколько более

¹ О взглядах Н. Г. Чернышевского на этнографию см., например: *Г. Виноградов*. Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. СЭ, III, 1940; *М. К. Азадовский*. История русской фольклористики, т. 2, с. 100–112.

развитой нравственной и общественной жизни, какую видим у различных негритянских племен, у североамериканских краснокожих, у бедуинов и других азиатских племен и народов; каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена. Поэтому этнография дает нам все те исторические сведения, в которых мы нуждаемся...»¹

Указав таким образом этнографии, быть может даже с некоторым преувеличением, ее почетное место в системе наук, Чернышевский здесь же устанавливает и вполне правильный взгляд на чисто историческую закономерность развития национальных особенностей народов. Расовые различия оказывают, по его мнению, ничтожное влияние. Все дело в исторических условиях. Поэтому у самых различных народов, стоящих на одинаковой ступени развития, оказываются налицо сходные нравы и учреждения. «Степень развития и внешние условия жизни, с нею соединенные, почти безусловно властвуют над характером общества, его обычаями и учреждениями»². Таким образом, уже в этой ранней работе Чернышевский отстаивал четкую антирасистскую точку зрения.

В других своих многочисленных рецензиях и заметках Чернышевский живо откликался на появление того или иного этнографического материала, отмечая его даже в тех книгах, где он занимал сам по себе скромное место. Во всех своих отзывах Чернышевский последовательно проводил строго историческую точку зрения на этнографические явления.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1906, с. 223, 225.

² Там же, с. 225.

Чернышевский с интересом следил за деятельностью Русского географического общества и считал эту деятельность полезной. Но в редактируемом им журнале «Современник» появлялись – частью уже после его ареста – статьи и рецензии, где указывалось на узость и ограниченность задач, которые ставило перед собой Географическое общество.

Совершенно отчетливо выражена эта мысль хотя бы в рецензии на 6-й выпуск «Этнографического сборника». В ней прямо сказано, что этнография не должна ограничивать свои задачи изучением одной только старины, она должна изучать и современный быт народа. «Область этнографии, – говорится в рецензии, – весьма обширна, в нее входит не только то, чем, собственно, и ограничивалась обычно наша этнография: сказки, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т. п., т. е. не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная, общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах нашей цивилизации...» «...Этнография наша значительно могла бы выиграть, если бы дала больше места... современным бытовым вопросам»¹. Несколько ниже говорится, что «этнография нисколько не уронила бы своего ученого достоинства, если бы расширила рамку своих задач»².

Таким образом, с точки зрения Чернышевского и его друзей, – этнография имеет не только огромное познавательное значение как историческая наука; она имеет или должна иметь и важное значение как наука о современной жизни народа, наука, помогающая понять

¹ «Современник», 1864, № 10, с. 192.

² Там же, с. 193.

нужды народа, «нынешнее содержание народного образа мыслей».

Особого внимания заслуживает своего рода программная статья о задачах этнографии, напечатанная в № 2 «Современника» за 1865 г. Статья эта, не подписанная (автором был, по-видимому, А. Н. Пыпин), озаглавлена «Как понимать этнографию?». В полемической форме, критикуя патриотические взгляды славянофильского журнала «День», автор статьи развивает программу «подлинно научного, конкретного и беспристрастного изучения народного быта, правдивого его описания, без попыток уйти от живой жизни в область отвлеченных умозрений». «Этнографическими статьями “Современник” интересуется не со вчерашнего дня, – говорит автор, – и читатели его знают, что статьи с этим характером – в той или другой форме – появляются в нем нередко». Автор резко нападает на тех «блюстителей и знатоков народного интереса» (т. е. на славянофилов из «Дня»), которые хотят сделать из этнографии подкрашенное и подсахаренное изображение быта. Они не понимают, что этнографическое изучение вовсе не обязано быть «голословным и оптовым панегириком», «что в жизни народа... есть свои темные стороны, которые можно объяснять тем или другим образом, но которым можно, пожалуй, и не сочувствовать, – скрывать же этих темных сторон этнография никак не может, если только хочет остаться сколько-нибудь добросовестной»¹.

Спор со славянофильским «Днем» был вызван в данном случае тем, что последний нашел неприличным и «скандальным» описание деревенского быта в этнографическом очерке Кадниковского уезда, помещенном в «Современнике» в 1864 г. (№ 10), – описание грубых

¹ «Современник», 1865, № 2, с. 173–174, 177.

нравов молодежи, их «игрищ» и пр. На это обвинение автор иронически отвечает, что та этнография, которую признает «Современник», «не есть этнография ученых цитат и ссылок на индейскую мифологию г. Буслаева, а этнография живых сцен и живых обычаев»; ведь известно, что народные развлечения вообще не отличаются особой жеманностью и сдержанностью¹.

Далее автор статьи излагает общий взгляд на состояние русской этнографии и ее подлинные задачи – взгляд, чрезвычайно характерный для понимания этнографии демократами того времени. «Наша этнография, – пишет автор, – как мы уже заметили по поводу изданий Географического общества, находится в довольно странном положении. До сей поры она уже собрала значительную массу фактов, хотя большей частью они остаются разбросанными. Кроме старой книги Терещенки “Быт русского народа”, до сих пор нет ни одного обзора русской народной жизни, даже отдельных сторон ее. В самом собирании материала до сих пор у большинства собирателей и наблюдателей господствует старая рутина тех времен, когда лучшими знатоками русской народности считались Сахаров, Даль и Снегирев. Собиратели записывали песни и сказки, описывали обычаи и поверья, какие попадались на глаза, собирали какие-нибудь особенные слова и т. п., и все это без всякой связи, без всякой общей мысли, которая бы придала определенный смысл этим подробностям. При том большая часть наблюдений ограничивалась одной внешностью народного быта, почти не заботясь угадывать, какое внутреннее содержание скрывается за его наружными чертами. Несколько позднее этнография взялась объяснять и это внутреннее содержание и опять остановилась на половине пути: она бросилась в архео-

¹ Там же, с. 179.

логию (имеется в виду мифологическая школа. – С. Т.), как будто современный народный быт заслуживает внимания только потому, что он представляет интерес для археологии, а не просто потому, что он важен для нас как современный народный быт. Дошло до того, что этнография, разрабатываемая в таком виде, стала терять весь интерес для людей серьезных, которые, конечно, искали в ней не одних следов поклонения Перуну». «И люди серьезные были правы: из-за археологических интересов этнография не должна была забывать современных явлений народного быта и их общественного интереса в настоящую минуту.

Отлагая в сторону археологию, мы найдем, однако, что надлежащее изучение народной жизни в состоянии дать множество указаний, имеющих непосредственную важность для современных практических приложений. В формах народного быта, взятых в настоящую минуту, народный взгляд на вещи и состояние народного развития выражается не археологически, а непосредственно живым образом, и уловить этот взгляд во всех его разнообразных вариациях составило бы весьма почетную задачу для новейшей этнографии»¹.

Так как автор статьи писал ее в условиях цензуры, то он не мог яснее и прямее выразить свою главную мысль – мысль, которая была основой основ понимания этнографии русскими демократами: задача этнографической науки – изучить подлинный народный быт, как он есть, без всяких прикрас. Изучать же его надо для того, чтобы познать народ, познать «народный взгляд на вещи», т. е. стать на точку зрения угнетенного народа и бороться за его права, – вот что значили туманные слова о «современных практических приложениях» изучения народной жизни.

¹ «Современник», 1865, № 2, с. 180–181.

Возвращаясь к Чернышевскому, надо сказать о значении его поздних работ. Из них для этнографии особенно важны его «Приложения» к переводу «Истории» Вебера. В специальных статьях о «расах», «классификации людей по языку», «о различиях между людьми по национальному характеру» Чернышевский в обычной для него яркой, образной форме, но глубоко и серьезно опровергает ходячие предрассудки в вопросах этнографии: теорию неравенства рас, которую он вполне правильно связывает с классовыми интересами плантаторов-рабовладельцев; абстрактно-метафизическую теорию В. Гумбольдта о неравноценности языков; обывательские представления о влиянии климата на изменение национального характера, ходячие и пошлые характеристики отдельных народов, основанные на поверхностных и пристрастных заключениях, и т. д. В противовес всем этим антинаучным представлениям Чернышевский и здесь неуклонно проводит свою принципиальную точку зрения: идею единства человечества, единообразия человеческой природы, зависимости всех национальных особенностей от исторических условий, идею прогресса, – и требование научной добросовестности исследования.

Взгляды Добролюбова

Чернышевский настолько опередил своими взглядами эпоху, что они не нашли себе в то время прямого отголоска в русской, а тем более в иностранной научной литературе. Несколько большее влияние оказали в те годы высказывания Н. А. Добролюбова.

Добролюбов живо интересовался народным бытом и творчеством, но подходил к нему совсем с иных позиций, чем академическая и либеральная наука. Взгляды

его четко выразились в замечательной рецензии на сборник русских сказок Афанасьева, написанной в 1858 г. Приветствуя появление этого сборника и отмечая его полноту и богатство, Добролюбов в то же время резко выступил и против барского пренебрежения к народному творчеству, и против романтического преклонения перед ним. Нельзя, говорил он, каждую народную сказку «возводить в идеал изящества и глубины мысли», нельзя восхищаться курными избами и лохмотьями. «Но дело в том, чтобы иметь возможно полное и ясное, наглядное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможно никакое усовершенствование в народном быте». Добролюбов, следовательно, смотрел на произведения народного творчества прежде всего как на источник изучения народной жизни, а это изучение рассматривал как средство «усовершенствоваться» (что на подцензурном языке означало «радикально изменить») положение народных масс.

Вот почему Добролюбов отмечал и неполноту, неудовлетворительность даже таких добросовестных записей народного творчества, как сборники Афанасьева. Эти записи оторваны от жизни самого народа, и Добролюбов видел в них «совершенное отсутствие жизненного начала». «Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полочку рядом с пыльными фолиантами или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений – это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном в связи с окружающей его деятельностью». «Нам сказки важны всего более, – писал далее Добролюбов, – как материал для характеристики народа. А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных г. Афанасьевым». Напротив, настоя-

шая научная публикация должна, по мнению Добролюбова, показывать, «в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиям. Верят ли, например, в народе в ту разумность отношений между зверями, какая выказывается во многих сказках?..» В одном случае народ может верить в реальность образов сказочного эпоса, в другом – нет. Все это необходимо выяснить «для того, чтобы по преданиям народным могла обрисоваться перед нами живая физиономия народа, сохранившего эти предания». Вот почему собиратель не должен, с точки зрения Добролюбова, ограничиваться записью простого «текста сказки или песни», а должен стараться передать «и всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать ту песню или сказку»¹.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1. М.–Л., 1934, с. 431–433.

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ **в 1870—1890 гг.**

Характерные черты новой эпохи

«Пореформенная» Россия обогатилась общественными силами. Появились «земские учреждения». Выросла провинциальная печать. В ней обсуждались вопросы местной жизни, нужды и потребности народных масс. В местных и в центральных газетах и журналах печатались разнообразные сообщения, корреспонденции, статьи о положении тех или иных групп населения, об экономике, культурных потребностях и т. д. Тогда все это называли «гласностью». Эти материалы имели преимущественно публицистическое назначение и исходили чаще вовсе не от этнографов, но этнограф находит в них множество очень важных и ценных сведений.

Так, еще в 60-х годах в радикальных журналах — «Дело» и др. — стали появляться статьи В. В. Берви, посвященные положению трудящихся классов в России. В 1869 г. автору удалось — с трудом и под псевдонимом Н. Флеровского — издать собранные им по этой теме обширные материалы отдельной книгой — «Положение рабочего класса в России». Книга содержит обильный и ценный экономический и статистический материал, но в ней также множество правдивых и неприкрашен-

ных картинок быта разных слоев рабочего, горнозаводского, земледельческого населения России. Эти чисто этнографические описания касаются по большей части разных областных групп русского населения, но немало страниц уделено в книге и быту других национальностей: калмыков, татар, чувашей и пр. Автор говорит о семейном быте трудового народа, о материальной обстановке жизни – жилище, одежде и т. п., о верованиях, о моральных понятиях¹.

Другой пример, не менее яркий, – «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта, печатавшиеся в журнале «Отечественные записки» с 1872 по 1882 г. (и дополнительно в 1887 г.), позже не раз издававшиеся отдельной книгой (1882, 1885, 1897, 1937)². Энгельгардт, мелкий помещик Смоленской губ. (с. Батищево Дорогобужского уезда), по образованию и специальности офицер-артиллерист и химик, в 1866–1869 гг. – профессор химии в Петербурге, по убеждению народник-демократ, в 1871 г. был выслан из Петербурга и поселился в своем имении, занявшись хозяйством. Его «Письма» содержат подробнейшее и правдивое описание крестьянского и помещичьего хозяйства той местности... Но и с чисто этнографической точки зрения сообщения Энгельгардта представляют ценный источник: в них дается подробное, живое и неприкрашенное изображение быта и воззрений крестьян: рассказывается о классовом расслоении деревни, о земледелии и неземледельческих занятиях, кулаках, нищенстве и хождении «в кусочки», семейном быте и положении женщин в семье, пище крестьян, народной медицине, суевериях, политических и экономических представлениях народа и о многом другом.

¹ См. *Н. Флеровский (В. В. Берви)*. Положение рабочего класса в России. М., 1938.

² См. *А. Н. Энгельгардт*. Из деревни, 12 писем. М., 1937.

Научные общества. Этнографическая выставка 1867 г.

Неудивительно, что и собственно научное, чисто этнографическое изучение русского народа и других народов России стало все больше принимать форму стационарных, а не экспедиционных исследований. Возникли новые, в том числе провинциальные, центры этнографической работы. Расширялась сеть местных отделов Русского географического общества: помимо существовавших уже Кавказского отдела РГО в Тифлисе (с 1850 г.) и Сибирского отдела в Иркутске (с 1851 г.), в 1867 г. был открыт Северо-западный отдел РГО в Вильне, в 1868 г. – Оренбургский отдел, в 1873 г. – Юго-западный отдел в Киеве. В 1877 г. Сибирский отдел разделился на Восточно-Сибирский в Иркутске и Западно-Сибирский в Омске. Еще позже, в 90-х годах, были созданы новые отделы: Приамурский в Хабаровске (1894), с отделениями – Троицкосавско-Кяхтинским, Читинским, Владивостокским; Туркестанский в Ташкенте (1897); Семипалатинский и Алтайский подотделы Западно-Сибирского отдела; наконец, Якутский отдел (1913). Все эти отделы и подотделы вели в рамках своей деятельности и этнографические изыскания, производя специальные обследования, печатая этнографические труды, сборники.

Однако долголетняя монополия Географического общества в области организации этнографической работы с 60-х годов была нарушена. В 1864 г. при Московском университете было образовано (в согласии с новым университетским Уставом 1863 г., разрешившим открытие научных обществ при университетах)

Общество любителей естествознания. Хотя при том же университете издавна существовало Общество испытателей природы, тем не менее создание нового общества не рассматривалось его инициаторами как ненужное дублирование – и по очень характерному мотиву: задачей Общества ставились не новые специальные исследования (чем занималось Общество испытателей природы), а «распространение науки в массе публики», «подготовка новых деятелей для нее», «изыскание средств, могущих содействовать распространению естествоведения в России»¹. Иначе говоря, основной целью нового Общества была, вполне в духе времени, популяризация и демократизация науки.

Какой науки? Хотя, по названию, речь шла об «естествознании», о естественных науках, но они понимались широко, и в число их включалась не только антропология, но и этнография.

Это обстоятельство опять-таки было в духе времени. Если до тех пор этнография в России развивалась в рамках главным образом географических наук – что и выражалось в деятельности Географического общества с его отделением этнографии, – то уже с 60-х годов во всех странах, в том числе и в России, усилилась тяга к сближению этнографии с естественными науками: здесь сказывалось общее увлечение этими науками, которые в те годы могли действительно похвастаться огромными успехами. Вскоре в составе Общества было организовано отделение антропологии, а позже – и этнографии.

Во главе Общества любителей естествознания стоял долгое время геолог Г. Е. Щуровский (1864–1884), впоследствии антрополог А. П. Богданов (1886–1889),

¹ См. «Пятидесятилетие имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1863–1913». Сост. В. В. Богданов. М., 1913, с. 7.

фольклорист-филолог Вс. Ф. Миллер (1889–1890), наконец, антрополог, географ, зоолог Д. Н. Анучин (1890–1923).

Первым крупным действием молодого Общества была организация Всероссийской этнографической выставки. Эта выставка состоялась в Москве в апреле – июне 1867 г.; она была очень важным событием в истории русской этнографической науки, а частью отозвалась и на зарубежной науке¹.

Инициатива устройства выставки принадлежала группе членов Общества любителей естествознания во главе с А. П. Богдановым, виднейшим антропологом (который высказал мысль о желательности этнографической выставки еще в 1862 г.). В конце 1864 г. по предложению этой группы Общество создало особый комитет выставки. Инициаторы предполагали собрать материал для выставки путем посылки специальных экспедиций в разные области России, но это оказалось почти ненужным вследствие широкой поддержки, оказанной идее выставки как правительством, так и местной администрацией – губернскими статистическими комитетами и пр. Они заботились о сборе и пересылке экспонатов. Всему делу устройства и проведения выставки была придана вполне официальная окраска: об этом говорило посещение выставки императором и его особое ей «покровительство», «почетное председательство» Великого князя Владимира Александровича в комитете выставки, официальные торжества, обеды по случаю выставки и пр. Правительственные круги явно стремились сделать выставку демонстрацией мощи и величия царской империи. Помимо этнографических

¹ См. «Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г.». М., 1867; «Этнографическая выставка 1867 г. имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском ун-те». «Изв. ИОЛЕАЭ», т. XXIX, вып. 1. М., 1878.

коллекций из разных областей России, на выставке были представлены также экспонаты, привезенные из зарубежных славянских стран, – и этим было подчеркнуто, что царская Россия считает зарубежных славян как бы находящимися под ее покровительством. Еще более было подчеркнуто политическое значение выставки наконец тем, что к ней был приурочен созыв «славянского съезда», т. е. приезд гостей – представителей западных и южных славянских народов (об этом сказано будет дальше).

Но, вопреки этому нарочито казенному лицу этнографической выставки, она объективно имела большое научное значение. Организаторам выставки удалось собрать материал почти из всех уголков огромного государства. Были представлены типы крестьян в национальной одежде, в окружении предметов быта из многих русских, белорусских, украинских губерний, типы неславянских народов Поволжья, Прибалтики, Сибири, в меньшей степени Кавказа. Народы Средней Азии, кроме казахов, почти не были представлены на выставке. Были выставлены предметы быта почти всех западных и южных славян. Основная масса экспонатов была объединена в группы – обстановочные сцены, – где манекены, одетые в национальные костюмы, располагались вблизи построек, среди предметов утвари, хозяйства. Другая часть экспонатов – одежда, предметы быта – была выставлена в систематическом порядке.

Всего на выставке фигурировало 288 манекенов в национальных костюмах, до 450 комплектов одежды, до 1200 разных предметов быта, орудий, моделей и пр.¹

Руководство выставки постаралось придать ей серьезный научный вид: читались популярные лекции;

¹ «Этнографическая выставка 1867 г. ...», с. 38.

был издан указатель к выставке¹, который оказался, в сущности, неплохим общим пособием-справочником по этнографии народов России и зарубежных славянских народов. Выставку за 2 месяца ее функционирования посетило свыше 90 тыс. человек². Все это говорит о широких масштабах, масштабах, по тому времени невиданных. Были оживленные отклики в печати. Это все содействовало широкой популяризации этнографических знаний среди русского общества.

По закрытии выставки материалы ее были переданы в Московский публичный (Румянцевский) музей как особая часть под названием «Дашковский этнографический музей» (по имени мецената В. А. Дашкова, давшего взаймы деньги на устройство выставки)³.

Общество любителей естествознания с этого времени (с 1867 г.) получило название «Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Во главе этнографического отдела стал профессор Нил Александрович Попов – историк, славист; с 1881 г. руководство перешло к профессору Вс. Ф. Миллеру – филологу и этнографу.

Окрыленное успехом Этнографической выставки, Общество в дальнейшем организовало также Политехническую выставку (1872), легшую в основу Политехнического музея в Москве, и Антропологическую выставку (1879), где, помимо собственно антропологических, были представлены и археологические, и этнографические материалы.

Деятельность этнографического отдела Общества оказалась очень плодотворной. За несколько десятиле-

¹ «Указатель Русской этнографической выставки, устроенной имп. Об-вом любителей естествознания, состоящим при Московском ун-те». М., 1867.

² «Этнографическая выставка 1867 г. ...», с. 36.

³ Там же, с. 38.

тий своего существования (до 1917 г.) он выпустил целый ряд интересных изданий и ценных монографий¹. Он имел свой периодический орган.

Иной характер имело «Общество археологии, истории и этнографии», основанное в 1878 г. при Казанском университете. Здесь этнография выступала уже в сообществе с чисто историческими науками. Казанское общество оказалось также очень деятельным научным учреждением и выпустило за время своего существования большое количество интересных материалов и исследований: они печатались в «Известиях» Общества и в отдельных приложениях к ним. Так были опубликованы труды И. Н. Смирнова, В. К. Магницкого, М. Веске, Е. А. Малова, Г. Ахмарова, И. В. Яковлева, В. М. Ионо-

¹ Большая часть этих монографий и сборников выпускалась в серии «Труды этнографического отдела» (как часть более общей серии «Изв. ОЛЕАЭ»). Вот более значительные из них: т. 1. – «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих», кн. 1, 1868; т. 2 – Ф. Я. *Трейланд*. Народные песни латышей, 1873; т. 3, вып. 2 – К. А. *Попов*. Зыряне и Зырянский край, 1874; т. 5, вып. 1, 2. – П. С. *Ефименко*. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., 1877, 1878; т. 6 – Ф. Я. *Трейланд*. Материалы по этнографии латышского племени. Пословицы, загадки, заговоры, врачевание, колдовство, 1881; т. 9, 11 – «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», 1889, 1890; т. 10 – Н. *Харузин*. Русские лопари, 1890; т. 12 – В. *Михайловский*. Шаманство, 1892; т. 13 – *Житецкий*. Очерки быта астраханских калмыков, 1893.

Помимо этого, интересные для этнографа материалы печатались и в серии «Труды антропологического отдела». Например: т. 10, 14 – А. *Харузин*. Киргизы Букеевской орды, вып. 1, 2, 1889, 1891; т. 21 – А. *Элькинд*. Евреи, 1903; т. 23 – *Арутинов*. Удины, 1905; т. 26, 29 – А. *Джавахов*. Антропология Грузии, 1908, 1914; т. 28 – Н. *Синельников*. Енисейские остяки, 1911.

Вне серий были изданы: В. *Вербницкий*. Алтайские инородцы. М., 1893; Н. *Харузин*. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895; он же. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896; А. *Маслов*. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов Дашковского этнографического музея. М., 1909.

ва, А. А. Диваева, В. А. Мошкова, В. Ф. Трощанского, М. Е. Евсеева, Н. Ф. Катанова, С. К. Кузнецова и целого ряда других ученых – преимущественно по этнографии и археологии Поволжья¹.

Перемещение научного интереса. Обычное право. Сельская община

Семидесятые и последующие годы знаменательны для развития этнографической науки также и тем, что несколько переместился центр научного интереса. Как нам уже известно, в 50-е и 60-е годы преобладающее внимание этнографов было направлено к изучению народного творчества – фольклора, мифологии; это была та почва, на которой выросло мифологическое направление. В 70–80-е годы интерес переместился в сторону изучения общественной жизни, семьи, общины, народного обычного права. Это объяснялось прежде всего практическими потребностями русской общественной жизни: в 70-е годы стала особенно заметно сказываться та ломка общественных отношений в России, которая сопровождала переход от крепостнической системы хозяйства к капиталистической.

На первое место выдвинулось изучение обычного права. Юридические обычаи и понятия русского крестьянства просто необходимо стало изучать по чисто практическим побуждениям. Прекращение вотчинной юрисдикции помещиков после реформы 1861 г., введение нового сельского управления, новых судов – все это вызывало множество вопросов, неясностей, конфликтов. Знать народные юридические понятия и обычаи

¹ См. указатель к «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те за 1878–1905 гг.» Сост. И. Альфонсов. Казань, 1906.

стало необходимо для судебных и административных властей. Не случайно, что с 60-х годов в официальных журналах «Судебный вестник», «Журнал Министерства юстиции», «Правительственный вестник» и др. появляются статьи об обычном праве и его отношении к законодательству¹. Не случайно, что и среди этнографов усилился интерес к этой области жизни.

Особенно много сделал в этом отношении Николай Васильевич Калачов (1819–1885), известный историк права, руководивший отделением этнографии РГО в 1860–1865 гг. Опытный и знающий юрист, он еще с 1850 г. издавал солидную серию «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Им написаны ценные работы по народному обычному праву: «Юридические обычаи в некоторых местностях»², «Артели в древней и новой России»³ и др. Приступив к руководству отделением этнографии, Калачов первым делом разработал «Программу для собирания народных юридических обычаев». Она была напечатана в 6-м выпуске «Этнографического сборника» (1864). Программу перепечатали «Губернские ведомости» не менее чем в 23 губерниях⁴ – знак того, что потребность в изучении юридического быта и правовых понятий народа везде остро ощущалась. Составлялись и печатались и другие подобные программы⁵. В журналах и газетах печатались статьи о значении изучения народного обычного права.

¹ См. *Е. Якушкин*. Обычное право, вып. 1. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875, с. 1–4 и др.

² «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», 1859, вып. 2.

³ «Этнографический сборник», вып. 6, 1864. Отдельно: СПб., 1864.

⁴ *Е. Якушкин*. Указ. соч., вып. 1, с. 3–4; вып. 2, с. 9.

⁵ Там же, вып. 1, с. 1–4; вып. 2, с. 9–10 и др.

Прогрессивная русская общественность весьма одобряла такой поворот внимания этнографов. Орган этой общественности «Современник» писал в своей рецензии на 6-й выпуск «Этнографического сборника», где опубликована упомянутая программа: «Это предприятие (собрание народных юридических обычаев. – С. Т.), если только оно пойдет удовлетворительным образом, кажется нам одним из наиболее полезных дел, какие только бывали предпринимаемы отделением этнографии Общества, и желательно было бы, чтобы Общество обратило особенное внимание на эту отрасль своих занятий. Этнографическое изучение получило бы здесь настоящий жизненный интерес, которым, к сожалению, редко оно отличалось до сих пор. Признаемся, что в этой программе нам приятно было бы иметь надежду, что этнографические занятия Общества найдут полезную задачу и выйдут из рутины, присутствие которой значительно охлаждало в последнее время интерес к его трудам». «Составители программы, – говорится далее в рецензии, – несколько темно выражаются о том, в чем именно заключается практическая важность изучения народных обычаев, – но достаточно того, что они с полным усердием относятся к начинаемому делу, которое действительно имеет существенную важность и научную, и практическую». Автор рецензии под конец выражает надежду, что это новое живое дело привлечет к этнографической работе новых людей прогрессивного образа мыслей. «Желательно, чтобы труды отделения по вопросу о народных юридических обычаях привлекли на будущее время людей, действительно знающих народный быт и достаточно компетентных в этом деле»¹.

¹ «Современник», т. 104, 1864. Современное обозрение, октябрь, с. 202–204.

С середины 70-х годов, вероятно в связи с подъемом «народнического» движения в стране, интерес к народному обычному праву еще больше усилился. С февраля 1876 г. при отделении этнографии РГО начала действовать особая «Комиссия о народных юридических обычаях», во главе которой стал тот же Н. В. Калачов. По поручению комиссии член ее П. А. Матвеев составил новую «Программу для собирания народных юридических обычаев» (СПб., 1877). В 1878 г. был издан «Сборник народных юридических обычаев, т. 1» («Зап. РГО по отд. этногр.», т. 8). В сборнике были среди других помещены статьи: П. А. Матвеев – «Очерки народного юридического быта Самарской губернии», П. С. Ефименко – «Договор о найме пастухов», А. Я. Ефименко – «Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ.», кн. Н. А. Костров – «Юридические обычаи якутов», И. Я. Фойницкий – «Народные обычаи по уголовному праву», Д. Я. Самоквасов – «Семейная община в Курском уезде» и др.

Очень содержательна большая обобщающая работа Александра Григорьевича Смирнова «Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа», печатавшаяся в «Юридическом вестнике» (1877, 1–12; отдельно: М., 1877). Автор собрал обширный фактический материал по семейному обычному праву, рассматривая его со сравнительно-исторической точки зрения и отмечая в брачно-семейных обычаях пережитки древних форм брака.

С 70-х годов начало вообще появляться множество корреспонденции и статей в печати на темы о волостных судах, о наказаниях, самосудах, семейных разделах, спорах о земле, о наследстве и пр. За полтора десятилетия, 1876–1889 гг., можно насчитать – по библиографии Е. И. Якушкина – более 3500 книг и ста-

тей, либо посвященных специально обычному праву, либо содержащих материал о нем¹.

¹ См. *Е. И. Якушкин*. Обычное право, вып. 2–4. Ярославль, 1886; изд. 2. М., 1909. Вот более важные из работ по этим вопросам: *П. С. Ефименко*. Народные юридические обычаи Архангельской губ. Архангельск, 1869; *В. Н. Майнов*. Юридические обычаи болгар (по Богишичу). «Зап. РГО по отд. этногр.», т. 4, 1871; *Селезнев*. Этнографические сведения о Рязанской губ. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губ. Рязань, 1871; «Сборник материалов об артелях в России», 1–2. СПб., 1873–1874; *К. Челурный*. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губ. Киев, 1874; *Д. Я. Самоквасов*. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; *И. Лядов*. Юридические народные обычаи крестьян Шуйского уезда. Владимир, 1876; *Н. Костров*. Юридические обычаи крестьян – старожилов Томской губ. Томск, 1876; *Илья Шраг*. Крестьянские суды Владимирской и Московской губ. М., 1877; *Ал. Смирнов*. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; *С. В. Пахман*. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, 1–2. СПб., 1877, 1879; *Игорь Тютрюмов*. Крестьянская семья. Очерк обычного права. «Русская речь», 1879, 4, 7, 10; *И. Г. Оршанский*. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879; *П. Скоробогатый*. Устройство крестьянских судов. М., 1880; *Павел Березанский*. Обычное уголовное право Тамбовской губ. Киев, 1880; *Ф. Щербина*. Очерки южнорусских артелей и общинных артельных форм. Одесса, 1880; *П. Скоробогатый*. Роль крестьянских судей в процессе. «Юридический вестник», 1881, кн. 6; *П. Скоробогатый*. Применение наказаний в волостном суде. Там же, 1882, кн. 8; *М. Харузин*. Очерки юридического быта народностей Сарапупльского уезда Вятской губ. М., 1883; *А. Загоровский*. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884; *А. Ефименко*. Исследования народной жизни, вып. 1. Обычное право. М., 1884; *Н. Добротворский*. Торговые крестьянские артели. «Северный вестник», 1886, № 3; *В. Птицын*. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губ. СПб., 1886; *П. Уймович-Пономарев*. Земледельческое братство как обычно-правовой институт сектантов. «Северный вестник», 1886, 9 и 10; *Мария Ганенко*. Семейно-имущественные отношения крестьянского населения в Елисаветградском уезде. СПб., 1886; *М. И. Кулишер*. Цехи у нас и в Европе. «Русская мысль», 1887, № 11–12; *С. Пономарев*. Очерки народного быта. Обычное право. «Северный вестник», 1887, № 2; *С. П. Дороватовский*. Лесные промыслы и артели. «Русская мысль», 1887, № 2; *Н. Добротворский*. Крестьянские

Заслуживают упоминания труды самого Якушкина по этнографии. Евгений Иванович Якушкин (1826–1905), сын декабриста И. Д. Якушкина (отца своего он увидел впервые в 1850 г., приехав к нему в Ялуторовск, где тот отбывал ссылку; позже он опубликовал его «Записки»), окончил Московский университет, потом был управляющим казенной палатой в Ярославле. Но большую часть своей жизни он отдал науке. Главным предметом его интереса было обычное право. Составленная им обширная библиография этого вопроса¹ – содержащая более 6 тыс. названий книг и статей – представляет незаменимый справочник. Во вводных статьях к первым двум выпускам он пытается осмыслить научное и практическое значение изучения юридических обычаев. Отдельно составил он и издал библиографический указатель «Обычное право русских инородцев» – 1197 названий книг и статей². Якушкину принадлежит также интересная статья «Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия»³.

Особо надо выделить литературу о русской сельской общине. Интерес к ней, и практический, и науч-
юридические обычаи в восточной части Владимирской губ. «Юридический вестник», 1888, № 6, 7; *Ф. Лазаревский*. Рыбный лов и рыболовные артели в С.-Петербургской губ. «Северный вестник», 1888, № 1, 6; *В. Ф. Мухин*. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888; «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 1. «Труды этногр. отдела ОЛЕАЭ», т. 9, М., 1889; *А. А. Титов*. Юридические обычаи с. Никола-Перевоз Сулостской вол. Ярославской губ. Ярославль, 1888.

¹ *Е. И. Якушкин*. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, вып. 1, 2. Ярославль, 1875; вып. 3, 4. М., 1908, 1909.

² *Е. И. Якушкин*. Обычное право русских инородцев (Материалы для библиографии обычного права). М., 1899.

³ ЭО, кн. IX, 1891, № 2.

ный, быстро вырос в пореформенные годы; по мере все ускоряющегося распада общинных порядков под влиянием проникновения капитализма этот интерес усиливался. Достаточно показательны такие цифры: в библиографическом указателе работ о русской сельской общине, приложенном к «Сборнику материалов для изучения сельской поземельной общины» (изд. ВЭО и РГО, под ред. Ф. Барыкова, А. Половцева и П. Соколовского, т. 1. СПб., 1880), перечислено следующее количество книг и статей – если распределить их по пятилетиям: по 1850 г. – 4, 1851–1855 гг. – 5, 1856–1860 гг. – 99, 1861–1865 гг. – 54, 1866–1870 гг. – 44, 1871–1875 гг. – 76, 1876–1880 гг. – 372.

Резкий скачок в количестве выходящей литературы после 1875 г. бросается в глаза, хотя бы и сделать любую поправку на неточность и неполноту библиографического обзора за более ранние годы. Показательно также, что 3-й и 4-й выпуски библиографии «Обычное право» Е. Якушкина (изданы посмертно) целиком заняты литературой о «способах земельного владения и пользования», т. е. о сельской общине. Они содержат более 2 тыс. названий книг и статей (за 1876–1904 гг.).

Нелегко и почти невозможно выделить собственно этнографические сочинения в массе литературы о сельской общине. В широком понимании задач этнографии – в нее входит вообще все то, что касается общины; при более узком ее понимании – выпадет чисто экономическая сторона общинного строя, фискально-казенная (податная) сторона, равно как и техника измерения и переделов земли и пр.: в поле зрения этнографа остается лишь бытовая сторона, общинные обычаи, связанные с ними поверья, обряды и т. п. Но при таком более узком понимании тем более трудно

выделить собственно этнографические материалы и исследования о сельской общине¹.

Особенно большое научное значение имели работы Александры Яковлевны Ефименко, вызвавшие живой отклик в литературе. В статьях «Трудовое начало в народном обычном праве» («Слово», 1878, № 1) и «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (см. *Ефименко. Исследования народной жизни*, 1. М., 1884) ей удалось показать совершенно специфические черты и формы земельной собственности на русском Севере («долевое» землевладение) и самих понятий о собственности, основанных на «трудовом начале», а также связь их с патриархальными кровнородственными отношениями.

Показателем интереса этнографов к русской сельской общине служило и то, что в 1878 г. была напечатана особая программа ее изучения, составленная комиссией

¹ Назовем несколько работ о сельской общине, имеющих преимущественно этнографический уклон: *Н. М. Ядринцев*. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; *А. Л-ш.* Сельская община в Олонецкой губ. «Отечественные записки», 1874, кн. 2; *А. Щалов*. Бурятская улусно-родовая община. «Изв. СОРГО», т. V, вып. 3–4, Иркутск, 1875; *он же*. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине, бурятской, улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской. «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах», т. 2, вып. 1. СПб., 1876; *И. Тимощенко*. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. «Труды Областного Войска Донского статистического комитета», 1874, вып. 2; *П. Соколовский*. Об общинном землевладении. «Орловский вестник», 1876, т. 50; *он же*. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; *П. Базилов*. Жизнь русского крестьянина. «Труды ВЭО», 1876, т. 2, вып. 4; *Г. Потанин*. Никольский уезд. «Древняя и новая Россия». 1876, 10; *А. Я. Ефименко*. Трудовое начало в народном обычном праве. «Слово», 1878, № 1; *П. Георгиевский*. Очерк быта одной сельской общины. «Слово», 1879, № 1; *В. Орлов*. Община в Московской губ. «Отечественные записки», 1879, кн. 12; *Ф. Щербина*. Сольвыгодская земельная община. Там же, кн. 7, 8; *он же*. Русская земельная община. «Русская мысль», 1880, кн. 5, 6.

при РГО («Изв. ИРГО», 1878; «Отечественные записки», 1878, кн. 8; «Вестник Европы», 1878, кн. 10). В 1879 г. вышло второе издание этой программы.

Изучение народной поэзии

Хотя народная поэзия с 70-х годов перестала находиться в центре внимания этнографов, но ее изучение продолжалось, и в нем проявились существенно новые моменты. На смену почти единодержавному господству мифологического направления пришло новое – так называемая «школа заимствования», иногда обозначаемая, не очень удачно, как «историческое» направление.

Эта «школа заимствования» сама была по существу заимствована – именно с Запада, точнее из Германии. Там родоначальником ее считается Теодор Бенфей, филолог и историк древней литературы. В книге «Панчатантра» (1859) он доказывал, что корни сюжетов разных европейских книжных и народных сказаний – на Востоке, в частности в древнеиндийской литературе. Вот это-то направление и нашло себе ревностных последователей в России. Последователи эти – как и приверженцы мифологического направления – принадлежали к весьма различным общественным лагерям.

Первым из них был Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) – видный ученый, художественный и музыкальный критик и историк литературы, прогрессивный общественный деятель, демократ-просветитель. Неустанная многолетняя борьба Стасова за русскую национальность в искусстве не помешала ему выступить с парадоксальным утверждением о чуждом, нерусском происхождении русских былин и сказок. Этому вопросу он посвятил обширную работу «Происхождение рус-

ских былин» («Вестник Европы», 1868; перепечатано: В. В. Стасов. Собр. соч., т. 3. СПб., 1894). В ней он, подвергнув обстоятельному разбору сюжеты двух русских сказок и целого ряда былин, пришел к выводу, что все они занесены к нам с Востока. Корни этих сюжетов Стасов видел, как и Бенфей¹, в древнеиндийском эпосе, но полагал, что влияние тут было не прямое, а через эпос тюркских и монгольских народов Центральной Азии, с которым русские сказки и былины и обнаруживают как раз наибольшее сходство. Этот свой основной вывод автор строит как на сравнении самих сюжетов и эпических мотивов, так и на разборе всей материальной обстановки быта, описываемой в былинах: жилища, одежды, оружия и пр. Во всем этом, по мнению Стасова, нет ничего русского, зато много тюркско-монгольского. Самобытные русские черты в русских былинах, по Стасову, имеются, но «их немного, и все они второстепенные, никогда от них не зависит ход событий в былине. Они попали в рассказ, по всей вероятности, в позднее время, как вставки, как замена или пополнение предметов и названий более древних и первоначально иноземных. Но все-таки они есть, – прибавлял Стасов, – и на них нельзя не обратить внимания, так как они придают былинам известный национальный колорит»².

Выступая с этой новой точкой зрения, Стасов вовсе не отвергал выводов мифологической школы, согласно которой фольклор всех индоевропейских народов составляет наследие древней общеиндоевропейской

¹ Однако прямого заимствования идей Бенфея тут, видимо, не было. Как разъяснил сам Стасов, он первоначально дошел до своих выводов вполне самостоятельно, еще в начале 60-х годов, даже не зная в то время книги Бенфея; когда же впоследствии ее прочел, то порадовался совпадению выводов (В. В. Стасов. Собр. соч., т. 3. СПб., 1894, с. 1353–1355).

² Там же, с. 1237.

эпохи. Он даже принимал основной тезис сторонников этой школы: что в основе всех фольклорных мотивов лежит в последнем счете космический миф¹. Но он настаивал на необходимости различать два наслоения в фольклоре, в том числе русском: с одной стороны, славянская ветвь индоевропейской семьи народов должна была унаследовать и принести в Европу остатки древних поэтических мотивов; но с другой стороны, в гораздо более позднее время народы Европы, в частности славяне, получили с Востока новый приток фольклорных мотивов. На Руси это произошло в XIII–XV вв., в татарскую эпоху. Вот именно из этого позднего наслоения и составились наши былины².

Работа Стасова вызвала горячую полемику. Против него резко выступили славянофилы и сторонники мифологической школы – Гильфердинг, Бессонов, Орест Миллер, Буслаев и др. Стасов возражал им не менее резко («Блистательный триумvirат», «Критика моих критиков» и др.)³.

Может показаться странным, что Стасов, горячий сторонник русского народного и демократического направления в искусстве, так запальчиво отрицал самобытное происхождение богатого русского былинного эпоса, рассматривал его как нечто чуждое русскому народу (взгляд, конечно, весьма антиисторичный). На самом деле, это было вовсе не случайно и противоречия тут никакого не было. Видимо, сказалось навеянное взглядом Белинского отношение демократов-просветителей к былинам как к произведениям, отражавшим «азиатчину», «татарщину», «стоячесть» народной жизни. Сказалось стремление отмежевать эту «татарщи-

¹ В. В. Стасов. Собр. соч., т. 3, с. 1022, 1038, 1040 и др.

² Там же, с. 1241–1242, 1258 и др.

³ Там же.

ну» от подлинного русского народа. Сам Стасов писал в своем ответе критикам: «В своем исследовании я указывал на то, что у русского народа поэтические создания двух сортов: одни, настоящие русские, свои собственные, оригинальные, и в них наш народ выразил свое отечество, свою природу, свою историю, свои нравы, привычки, верования, всю свою жизненную обстановку (это наши песни хороводные, свадебные, заплачки, пословицы, поговорки, заговоры, загадки и русские песни, собственно исторические), а другие – создания чужие, заимствованные, где нет ни русской природы, ни русского народа, ни русской истории и ни одной подробности нашей народной обстановки, материальной или нравственной (это наши былины). Если я поражал эти последние и доказывал их иностранность, то именно во имя созданий собственно русских, где наш народ выразил и воссоздал свой поэтический гений и всю свою национальную физиономию, точно так же как это сделал вообще каждый народ в своих истинно народных созданиях»¹.

Таким образом, у Стасова «теория заимствования» отнюдь не приводила к космополитическим выводам.

Самым видным из ученых нового направления был литературовед-фольклорист Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) – представитель совсем другого общественного лагеря; он находился, подобно многим в то время, под влиянием идей «реализма», враждебного всякой научной романтике. Окончив Московский университет, Веселовский потом долго жил и учился за границей. В 1868 г. он вернулся в Россию, скоро стал доцентом, потом и профессором Петербургского университета, с 1880 г. – академиком. В своей ранней работе «Славянские сказания о Соломоне и Ки-

¹ Там же, с. 1301–1302.

товрасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (докторская диссертация, 1872) Веселовский пошел по тому же пути, какой был намечен Стасовым, – по пути отыскивания восточных влияний на русскую и европейскую книжную и народную поэзию; но он действовал более осторожно и солидно, избегая скороспелых и парадоксальных выводов.

Как и Стасов, Веселовский не отвергал начисто мифологической концепции, но считал, что прежде, чем пускаться в ход мифологическое истолкование фольклорных образов, надо выяснить все исторические связи между ними: «Попытка мифологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены все счета с историей»¹. В названной работе Веселовский доказывал важное значение славянской средневековой литературы, служившей посредником между Востоком и Западом: через Византию и славян индийские эпические сюжеты и образы оказывали влияние на западно-европейскую литературу. Веселовский придавал также большое значение христианским легендам и представлениям, которые тоже впитывали в себя восточные мотивы и позже передавали их народному творчеству².

Последующие работы Веселовского шли по той же линии: «Опыты по истории развития христианской легенды» (1875–1877), «Разыскания в области русского духовного стиха» (1879–1891), «Южнорусские былины» (1881–1884) и др. Но в них он все более

¹ А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. 8, вып. 1. Пг., 1921, с. 1.

² Эта идея, подхваченная потом другими исследователями, сыграла большую и в целом здоровую роль в русской фольклористике. Оказалось, что многие мнимославянские «языческие» божества и герои на деле принесены из антично-христианского мира представлений и ритуалов: «коляда» – от *lat. calendae*; «русалки» – от *rosaliae, dies rosarum*; даже «Лель» и мнимоязыческий песенный припев «лельлюли» – от христианского возгласа «аллилуйя».

тщательно отмежевался от односторонности «теории заимствования». Он настойчиво подчеркивал, что «заимствуется» обычно лишь то, что созвучно данной общественной среде. «...Заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогичные образы фантазии»¹. В более позднее время Веселовский все больше уклонялся в сторону вопросов теоретической и исторической «поэтики», в сторону построения «социологической» концепции фольклористики и литературоведения. Эти исследования привели его к замечательной, хотя во многом и спорной концепции «первобытного синкретизма» как некоей первоначальной формы народной поэзии, включавшей в себя обрядность, пляску, хоровую песню; этот первобытный синкретизм был выражением чисто коллективистических форм общественной жизни. Лишь позже из него выделились лиро-эпическая песня, обрядность, драма, вырастающая из культового действия.

Выдающиеся теоретические труды А. Н. Веселовского оказали глубокое влияние не только на русскую, но и на зарубежную науку; впрочем, больше на литературоведение и собственно фольклористику, чем на этнографию.

Третьим видным представителем нового направления в те годы был Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) – разносторонний ученый, впоследствии признанный глава московских этнографов². По окончании Московского университета (1870), где он занимался древней индо-иранской филологией и сравнительным

¹ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. XI. СПб., 1889, с. 115.

² О В. Ф. Миллере см. некрологи, статьи и воспоминания в «Этнографическом обозрении» (1913, № 3–4).

языкознанием, Миллер посвятил свои ранние работы древнеиндийской мифологии (1875–1876). Но одновременно он, как ученик Буслаева, интересовался русской народной поэзией. К теории восточного происхождения русского эпоса он отнесся вначале отрицательно, выступив с критикой взглядов Стасова (1871), но вскоре сам увлекся поисками восточных – в частности иранских – влияний в русских былинах и сказках.

В. Ф. Миллер начал систематически печатать свои исследования о русском эпосе с 1890 г. и в ряде статей 1890–1892 гг. (преимущественно в журнале «Русская мысль», также в «Этнографическом обозрении»), переизданных вскоре отдельной книжкой¹, изложил свои взгляды. Даже и в этот период увлечения «теорией заимствования» Миллер избегал крайних, односторонних выводов. Он отнюдь не объявлял былинный эпос целиком «заимствованным», напротив, считал его вполне национальным. Миллер писал: «Конечно, истинная самобытность нашего эпоса не потерпит ни малейшего ущерба, сколько бы заимствованных сюжетов в нем ни указали исследователи. Нужно помнить, что усвоение чужого материала для народов возможно только под условием радикальной его переработки на свой лад. Наш же народ имел уже весьма рано настолько богатый былевой эпос, настолько твердые традиционные приемы эпического склада, что все чужое, что к нему проникало, переливалось уже в готовые формы народного склада, приобретало печать народности и быстро становилось родным достоянием»². В более позднее время Миллер – как будет показано дальше – вообще охладел к «теории заимствования» и перешел к чисто историческому взгляду на народную словесность.

¹ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.

² Там же, с. 232.

В «теории заимствования» было несомненно свое здоровое зерно. Во-первых, последователи нового направления первыми указали на односторонность мифологической школы, которая совершенно не интересовалась историческими связями и готова была любой сказочный образ, любой обряд выводить непосредственно из древнего «космического» или «астрального» мифа. Глубокая и меткая критика этой односторонности дана в статье Веселовского «Сравнительная мифология и ее метод» («Вестник Европы», 1873, октябрь). Во-вторых, представители нового направления обратили внимание на важность изучения взаимных культурных связей между народами и отражения этих связей в фольклоре. В-третьих, они выступили на защиту культурно-исторической роли народов Востока, и не только древних индийцев и иранцев, но и тюрко-монгольских народов (Стасов), на которых прежняя европейская наука высокомерно смотрела как на разрушителей всяких культурных ценностей; они указали и на роль славянских народов (Веселовский) как культурных посредников между Востоком и Западом.

Но, борясь против крайностей мифологической школы (однако не отвергая ее целиком), сторонники «теории заимствования» сами впадали в другую крайность и выдвигали неубедительные тезисы. Приводившиеся ими «параллели» и «анalogии» русским былинам в восточных сказаниях в большинстве случаев мало обоснованы: достаточно посмотреть непредубежденно хотя бы на сопоставление (у Стасова) русского богатыря Добрыни Никитича и индийского бога Кришны, – аналогия в высшей степени натянутая; то же и с другими богатырями. Совершенно неисторично и само представление Стасова о том, что былины – это нечто органически чуждое русскому народу. Но Стасов, отрицая самобытность русских былин, признавал по край-

ней мере национальную самобытность за другими произведениями русского народного творчества. Другие же представители «теории заимствования» не делали такого противопоставления и вообще мало интересовались национальными чертами в народном творчестве.

В украинской фольклористике в 70-е годы тоже появилось новое направление, и тоже противостоявшее мифологической школе. И его называли «историческим», но тут это обозначение вернее и точнее. Представители его — Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908) и Михаил Петрович Драгоманов (1841–1895), мелкобуржуазные революционеры-народники и украинофилы-сепаратисты. Помимо политической деятельности, оба эти человека занимались научной историко-этнографической и фольклорной работой. В 1874–1875 гг. они издали совместно сборник «Исторические песни малорусского народа» (т. 1, 2, Киев, 1874, 1875), где попытались связать песенное творчество украинцев с историей народа. Материал в сборнике расположен по эпохам: 1) «песни века дружинного и княжеского», 2) «песни козацкого века», 3) «песни века гайдамацкого», 4) «песни века рекрутского и крепачьего», наконец, 5) «песни про волю» (после отмены крепостного права). Авторы ставят вопрос и о заимствовании песен («бродячие песни»), но не придают этому вопросу особо большого значения. В 1876 г. М. Драгоманов издал «Малорусские народные предания и рассказы» (изд. Юго-зап. отдела РГО, Киев, 1876).

Изучение народных верований и народного искусства

О народных верованиях писали в эти годы меньше. Здесь еще сохранились традиции мифологической

школы, хотя начало уже обнаруживаться и критическое к ним отношение.

Целиком в духе мифологического направления написаны работы, посвященные древним «языческим» верованиям славян и их новейшим пережиткам: П. С. Ефименко – «О Яриле, языческом божестве русских славян» («Зап. РГО по отд. этногр.», т. 2, 1869), А. С. Фаминцина – «Божества древних славян» (СПб., 1884), Мих. Соколова – «Старо-русские солнечные боги и богини, историко-этнографическое исследование» (Симбирск, 1887). Напротив, здоровым критическим духом пронизано интересное сочинение А. И. Кирпичникова «Что мы знаем о личных божествах славян» (ЖМНП, ч. 241, 1885, сентябрь). Автор его, видный историк литературы, строго придерживаясь исторических источников, отвергает широкие обобщения мифологов и подвергает сомнению даже существование общеславянских богов, за исключением разве одного Перуна: все прочие божества засвидетельствованы либо для одних западных, либо для одних восточных славян¹.

Одна более узкая область народных верований привлекала особое внимание исследователей: заговоры. Серьезное научное изучение их началось в эти годы как раз в России, когда на Западе ими еще мало интересовались. В 1869 г. обширный сборник русских заговоров был опубликован Л. Н. Майковым («Великорусские заклинания». «Зап. РГО по отд. этногр.», т. 2), использовавшим несколько рукописных сборников, материалы архива РГО, местные газеты и журналы. Майков расклассифицировал заговоры – общим числом 376 – по их назначению (любовь, брак, здоровье и болезни и пр.), но не сделал никаких обобщений или выводов. В 1874 г. П. С. Ефименко опубликовал анало-

¹ См. также: А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879.

гичный сборник украинских заговоров («Малороссийские заклинания», в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» и отдельно), числом 221, повторив классификацию Майкова.

Вскоре была сделана и первая попытка научного исследования заговоров. Николай Вячеславович Крушевский, молодой лингвист, впоследствии казанский профессор, напечатал в 1876 г. небольшую, но знаменательную книжку «Заговоры как вид русской народной поэзии» («Уч. зап. Варшавского ун-та» и отдельно). Он применил к исследованию заговоров старый метод мифологической школы, но уже без той односторонности, как у ее крайних приверженцев, а дополняя его психологическим анализом в духе эволюционной школы. Зато с чисто мифологических позиций рассматриваются заговоры в книжке П. Иващенко «Следы языческих верований в южнорусских шептаниях» (1878).

Заговорами интересовались больше с фольклорной стороны. Но одновременно обнаружился и другой интерес к той же области народной жизни – историко-юридический. Обследование архивов в городах Западного края (экспедицией Чубинского – местных, проф. Антоновичем – в г. Киеве) обнаружило множество судебных дел XVIII в. по обвинениям в колдовстве. Изучение их показало, что они основаны на тех же самых народных верованиях, которые сохранились и до новейшего времени. Кроме того, исследователи попытались сопоставить народные и юридические представления, с одной стороны, на Руси, с другой – в католической Западной Европе. Этому вопросу посвящены интересные работы киевского профессора В. Б. Антоновича¹,

¹ В. Б. Антонович. Колдовство. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край», т. 1, вып. 2. СПб., 1877; он же. Колдовство. Документы, процессы, исследования. СПб., 1877.

харьковского профессора Н. Ф. Сумцова¹, М. В. Довнар-Запольского², Я. Канторовича³. Названные авторы пришли к выводу (впоследствии, правда, оказавшемуся односторонним и неточным) о коренном различии во взглядах на колдовство на Западе и на Руси: в то время как западное средневековое колдовство целиком держалось на демонологических христианских понятиях – проще говоря на вере в дьявола, в черта, – в Восточной Европе колдовство обходилось, так сказать, без дьявола и основывалось на вере в таинственные силы природы. Поэтому и преследования колдунов и ведьм были-де гораздо более жестокими в Западной Европе, чем на Руси: там их сжигали на кострах по одному только подозрению в ведовской профессии, на Руси же преследовали только за якобы причиненный ими кому-либо вред⁴.

Историко-этнографический интерес представляет работа Л. П. Рущинского «Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв.» («Чтения ОИДР», 1871, кн. 3), примыкающая к известному сочинению В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866).

Народная музыка в данный период привлекла более серьезное, чем раньше, внимание исследователей.

¹ Н. Ф. Сумцов. Очерк истории колдовства в Западной Европе. X, 1878.

² М. В. Довнар-Запольский. Чародейство в Северо-западном крае в XVII–XVIII вв., историко-этнографический этюд. ЭО, 1890, № 2; он же. Исследования и статьи, т. 1. Киев, 1909.

³ Я. Канторович. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.

⁴ С той же юридической точки зрения написаны и такие статьи, очень содержательные по собранному в них материалу: Л. С. Белогриц-Котляревский. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию. «Исторический вестник», т. 33, 1888, июнь; А. А. Левенстрим. Суеверие в его отношении к уголовному праву. «Журнал Министерства юстиции», 1897, № 1, 2.

Начало систематическому ее собиранию и изучению положил выдающийся композитор М. А. Балакирев, издавший в 1866 г. сборник русских народных песен. Ей посвящены работы: кн. В. Ф. Одоевский – «Русская и так называемая общая музыка» (М., 1867), А. Н. Серов – известный композитор и музыкальный критик – «Русская народная песня как предмет науки» (1869), Ю. Н. Мельгунов – «Русские песни, непосредственно с голосов записанные» (вып. 1–2, М., 1879), Н. Лопатин и В. Прокунин – «Сборник русских народных лирических песен» (1889). В эти годы впервые было обращено внимание (Одоевским, Мельгуновым, Пальчиковым) на многоголосие русской народной музыки, – раньше ее считали одноголосной¹. Народные песни записывали также композиторы Мусоргский, Римский-Корсаков и др. В середине 80-х годов при отделении этнографии РГО была создана «Песенная комиссия».

Народное изобразительное искусство лишь начинало становиться предметом специального изучения. Одним из первых обратил на него внимание тот же В. В. Стасов. В 1872 г. Общество поощрения художеств издало его книгу-альбом «Русский народный орнамент (шитье, ткани, кружева)», с 75 таблицами рисунков. Анализируя мотивы текстильного орнамента, Стасов сопоставлял их с орнаментикой русских рукописей XII–XIV вв. и тем доказывал их древность. Но эти мотивы он – как и сюжеты былин – признавал не русскими по происхождению, а заимствованными, именно заимствованными от финских и иранских народов². Назовем еще его статьи: «Новые художественные издания» («СПб. ведомости» 1870–1871 гг.), «Дуга и пряничный

¹ См. *Е. В. Гиллуус*. О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII – начале XIX в. СЭ, 1948, № 2.

² См. *В. В. Стасов*. Собр. соч., т. 1. СПб., 1894, с. 197, 211–212 и др.

конек» («Русская старина», 1877, № 4)¹. В 1884 г. вышел в свет составленный Стасовым прекрасный альбом «Славянский и восточный орнамент»².

Наиболее капитальным изданием по народному искусству было в эти годы пятитомное исследование Д. А. Ровинского «Русские народные картинки»³. Продолжая дело, начатое Снегиревым полвека тому назад, Ровинский собрал и описал огромное количество – до 4700 – лубочных картинок, издававшихся для «простонародья» и отражавших вкусы, сюжеты, воззрения народных масс⁴.

Краеведы-собиратели. Шейн, Максимов и др.

Заметно оживилась в данный период деятельность местных собирателей – этнографов и фольклористов. Большая часть их примыкала к прогрессивному крылу русской научно-общественной мысли того времени. Но ярко революционных настроений, какие сказывались в 60-е годы, среди них уже не наблюдалось: революционеры-демократы 60-х годов к этому времени уже сошли со сцены, – кто умер (Якушкин), кто томился на каторге и в ссылке (Прыжов, Худяков), кто поправел и отошел от политики (Рыбников, Ефи-

¹ Там же, т. 2.

² «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Собрал и исследовал Влад. Стасов». СПб., 1884.

³ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. 1–5. СПб., 1881 с атласом таблиц.

⁴ См. П. Н. Берков. Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках. «Русский фольклор». Материалы и исследования, II. М.–Л., 1957.

менко). Поле научной деятельности было занято теперь людьми либерально-буржуазного или либерально-народнического лагеря; однако и их честная деятельность на пользу науки оставила в ней существенный след. Здесь надо назвать имена прежде всего таких этнографов и фольклористов-собирателей, как Шейн, Максимов, Барсов, Ефименко, Садовников, позже – Никифоровский, Романов, Добровольский.

Одним из наиболее плодovitых собирателей-этнографов – вполне «аполитичным» по своему направлению – был в то время Павел Васильевич Шейн (1826–1900)¹. Биография Шейна необычна. Еврей родом (из Могилева), он воспитан был в косном раввинистском духе, в отчужденности от всего нееврейского. Но позже, под влиянием душевного кризиса во время тяжелой болезни, резко изменил свои взгляды, принял христианство по лютеранскому обряду, проникся идеями европейского просвещения. Во время долголетней, главным образом педагогической, работы – домашним учителем, учителем гимназий и училищ – в разных городах он стал любителем-фольклористом, неутомимым собирателем памятников народного творчества. Неизлечимо больной – он ходил всю жизнь на костылях, писал сведенными руками, – Шейн никогда не прекращал свою бескорыстную работу на пользу науки: он постоянно записывал народные песни, предания, заговоры, поверья, русские и белорусские. Он записывал их не только сам, но и пользовался добровольной помощью многих учителей и местных любителей старины. Некоторые из втянутых Шейном в этнографическую работу стали

¹ Биографическая литература о Шейне обширна. См., например, В. Ф. Миллер. П. В. Шейн, биографический очерк. М., 1901; Б. М. Соколов. Собиратели народных песен. М., 1923; Н. В. Новиков. Деятельность П. В. Шейна в 70-е годы. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. «Труды ИЭ», т. 85, М., 1963.

впоследствии самостоятельными собирателями (Никифоровский, Богданович и др.).

Количество опубликованных П. В. Шейном материалов огромно; некоторые из них продолжали публиковаться уже после его смерти. Более обширные из его сборников: «Русские народные песни», ч. 1 («Чтения в Московском Обществе истории и древностей российских», 1868–1870; отдельно: М., 1870), ч. 2 (М., 1877); «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний» («Зап. ИРГО по отд. этногр., т. 5, СПб., 1874); «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, ч. 1. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях» (изд. Академии наук, СПб., 1887), ч. 2 (СПб., 1890), т. 2. Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и пр. (СПб., 1893), т. 3. Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождение времени, игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверия, приметы и т. д. (СПб., 1902); «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном», т. 1 (изд. Академии наук, СПб., 1900).

Особая ценность фольклорно-этнографических материалов Шейна состоит не только в их обилии, не только в точности датировки и воспроизведения всех записей, но и в необычайном разнообразии содержания собранных им произведений народного творчества, записей народной культуры и быта. Тексты песен, преда-

ний, заговоров и пр. дополняются у него сведениями о верованиях, обрядах, обычаях, связанных с этими произведениями народного творчества. Сборники Шейна – это настоящая энциклопедия духовной культуры народа. Однако общественной жизни, хозяйству, материальной культуре Шейн уделял гораздо меньше внимания. Только 3-й, посмертный, том его «Материалов» (1902) содержит в себе и описание материального быта русского населения северо-западных областей.

Неутомимым и чрезвычайно плодовитым этнографом-собирателем был С. В. Максимов (1831–1901). Его научно-литературная деятельность растянулась почти на полвека. Учившийся в Московском университете и в Петербургской медико-хирургической академии, Максимов еще с 1855 г. начал свои хождения по Руси для изучения народного быта. О своих первых попытках он сам позже рассказывал не без горечи, хотя с юмором. Он ходил по Владимирской и другим губерниям, надев крестьянскую одежду, и знакомился с бытом разносчиков-«офеней». Но ему не удалось приобрести доверие – от него сторонились. Вторая поездка – на Север (о ней говорилось выше) – тоже во многом разочаровала его: ему опять не доверяли местные жители, видя в нем на этот раз «большого начальника». Третья поездка – по черноземным губерниям – была более удачна: Максимов оделся купцом, и это помогло ему ближе сойтись с народом. В 1860–1861 гг. Максимов совершил большое путешествие в далекий Амурский край. Там он рассмотрел тяжелых картин бедствий новых поселенцев. Побывал в портах Японии, в Маньчжурии, наблюдал быт китайских торговцев. В Сибири он сталкивался с каторжанами и ссыльными. В 1862–1863 гг. Максимов ездил на Каспийское море и на Урал. В 1867–1868 гг. он ездил по Белоруссии. Накопленный в этих поездках богатый

этнографический материал Максимов публиковал в многочисленных, очень популярных по форме, живо написанных очерках. Из многих десятков таких очерков – большинство их печаталось в журналах – укажем более крупные: «На Востоке, поездка на Амур» (СПб., 1864; тоже в «Морском сборнике», 1860–1864); «О русской земле. Рассказ 1-й» (СПб., 1865); «О русских людях. Рассказ 2-й» (СПб., 1865); «Край крещеного света» (кн. 1–4. СПб., 1865–1866) (о народах окраин России); «За Кавказом» (журнал «Дело», 1867, кн. 5–7; «Отечественные записки», 1867, т. 172, кн. 5, 6; т. 173, кн. 7, 8); «Лесная глушь. Картины народного быта» (кн. 1–2. СПб., 1871); «Сибирь и каторга» (кн. 1–3. СПб., 1871); «Куль хлеба и его похождения» (СПб., 1873); «Бродячая Русь Христа ради» (СПб., 1877); «Лесные жители» («Живописная Россия», т. 1, ч. 1, СПб., 1881); «Лесные города» (там же); «Не спуста слово молвится» (газета «Новости», 1883, разные номера); «Крылатые слова» (СПб., 1890; тоже в газете «Новое время», 1888, разные номера).

Большинство названных работ Максимова неоднократно переиздавалось – значит, пользовалось большим спросом.

Общественные и научные взгляды С. В. Максимова представляли собой своеобразную смесь либерального народничества и консервативного монархизма. Он любил народ, видел и ярко показывал тяжелое его положение, нищету, темноту. Но понять их причины было ему не дано. В статье-брошюре «Крестьянский быт прежде и теперь» (СПб., 1867) Максимов в довольно наивной форме изложил свои общественно-исторические взгляды. Крестьяне, по его мнению, испокон веков делились на «ленивых и бессильных», которые «и тогда, как и теперь, впадали в нищету», и на «трудолюбивых и бережливых», которые тем самым были «достаточны

и богаты». Бедняку жить рядом с богачом «было выгодно», ибо богач давал ему все необходимое, а за это «требовал только обработки земли своей и дележа добычи с нее»¹. Но крестьяне не хотели жить на одном месте, а постоянно кочевали, расселяясь мало-помалу по всей огромной стране. Государство стало постепенно прикреплять крестьян к земле, хотя цари о них непрестанно заботились. Помещичий произвол над крестьянами цари постепенно ограничивали – особенно делали это Александр I и Николай I. Александр II «совершил окончательный поворот к лучшему», освободив крестьян². Теперь «царский указ 19 февраля» дал крестьянам все права, дал землю. «Без земли теперь крестьян нет; земля вошла в ту силу, которую дает ей работник-крестьянин»³. «Суд крестьянину дают теперь общий со всеми... Закон для всех один и всем равен»⁴. Земские учреждения «сблизили и сдружили» все классы общества⁵. Банки, страховые общества заботятся о народном благосостоянии и т. д. Словом, Максимов – явно вопреки всему тому, что он сам видел на каждом шагу в своих странствованиях по Руси, – рисует здесь картину идеальной народной монархии, неуклонного пути к благополучию народа.

Несмотря на такой взгляд, этнографические зарисовки Максимова представляют большую ценность. Они правдивы, безыскусственны и очень разнообразны; исследователь рисует картины быта самых разных слоев населения, разных областей России: тут и крестьяне, и поморы, и старообрядцы, и нищие, и странни-

¹ «Собр. соч. С. В. Максимова», т. 20. СПб., 1913, с. 3.

² Там же, с. 21.

³ Там же, с. 22.

⁴ Там же, с. 23.

⁵ Там же, с. 29.

ки, и арестанты, и ссыльные, и купцы, и разные нерусские народности. Чрезвычайно интересны соображения Максимова по вопросу о том, что может получить этнограф от общения с теми или иными слоями общества в деревне и в городе. Больше всего дает исследователю народного быта – кабак. «Наши кабаки – это народные клубы, откуда, по пословице, идет весь мирской толк и разум, – одно из важных и живых подспорий для исследователя. Здесь русский простой человек распоясывается, чрез искусственное возбуждение делается крайне откровенным и разговорчивым. Сюда он несет и заветную вещь, и заветную мысль». «Пусть исследователь... смело, с полною верою в себя и в свое дело, идет в кабак, тут видится жизнь без подготовки, без хитрости, вся нараспашку...»¹ Подобные мысли о народных кабаках высказывали, как мы знаем, и этнографы-демократы Павел Якушкин и Иван Прыжов.

Но С. Максимов смотрел на задачи этнографа шире: этнограф должен изучать и быт других классов общества, в частности и городских. «Присутствие этнографа в городе необходимо: он должен иметь там место; но какое?»² Городское общество Максимов делил на «два класса людей: одних, которые привыкли всего бояться, и других, которые ничего не боятся». Те, которые «ничего не боятся», которые смотрят на всех свысока, не заслуживают уважения: это «жалкие, ничтожные люди, ...их содержание внутреннее столько же бедно, сколько богата их внешняя обстановка – их платье, их кабинет, их обед». «Тут этнографу поживиться нечем. Мимо!»³ Что касается тех, кто «всего боится», – эта группа неоднородна. Мещане не вызывают симпатии Максимова – это те же кре-

¹ Там же, т. 11, с. 57–58.

² Там же, с. 60.

³ Там же, с. 61.

стьяне, но разоренные, оторвавшиеся от народа. «Отсюда отчасти идут и все те негодяи, которые ложатся пятном на имя простого (и настоящего) русского люда»¹: из этой среды выходят и кулак, и барышник, и просто разбойник. Правда, Максимов хвалит в «мещанах» одно: многие из них искусные мастера². Не уважает автор и фабричного рабочего: «фабричный урод из простого доброго народа нашего, пятно на честном его имени, фабричный вор, пьяница и развратник»³. Единственный городской класс, достойный, по мнению Максимова, внимания этнографа, это купечество, только не самое крупное. «Класс этот интересен и по патриархальности своих верований, и именно потому, что в нем сохраняется всецело русский человек, со всеми его доблестями и слабостями». «Здесь Русь настоящая, та Русь, до которой не коснулась немецкая бритва, на которую не надели французского кафтана, не накормили еще английским столом»⁴.

Из собирателей местного фольклора и старины в эти годы можно отметить также Елпидифора Васильевича Барсова (1837–1913) – исследователя фольклора Олонецкого края («Причитания Северного края», т. 1–2, 1872–1882), «Слова о полку Игореве» (т. 1–3, 1887–1889) и др.; Алексея Парфеновича Сапунова, витебского учителя, автора «Витебской старины» (т. 1–5, Витебск, 1883–1885); супругов П. С. и А. Я. Ефименко, живших с 70-х годов на Украине и писавших на украинские историко-этнографические темы.

В Симбирске деятельным собирателем фольклора был Дмитрий Николаевич Садовников (1846–1883), даровитый самоучка, не окончивший даже средней

¹ «Собр. соч. С. В. Максимова», т. 11, с. 63.

² Там же, с. 69.

³ Там же, с. 68.

⁴ Там же, с. 67.

школы, но путем самообразования получивший широкие знания. Поэт, критик, переводчик иностранных писателей, Садовников в то же время глубоко интересовался и народным творчеством, местной стариной, записывал предания, песни, загадки. Особенно много разнообразных сказок удалось ему записать от знаменитого впоследствии сказочника, крестьянина-пастуха Абрама Новопольцева (с. Яксажное-Помряскино б. Ставропольского уезда). Важнейшие фольклорно-этнографические публикации Садовникова: «Жегули и Усолье на Волге, наброски путем-дорогою» («Беседа», 1872, № 11, 12); «Этнографические материалы Поволжского края» («Симбирские губернские ведомости», 1874, № 34, 36, 40, 46, 47, 51); «Загадки русского народа, сборник загадок, вопросов, притч и задач» (СПб., 1875; изд. 2. СПб., 1901) – более 2500 загадок, систематизированных по темам, причем помимо собственных записей автор включил в сборник и загадки, опубликованные или собранные его предшественниками; «Из летней поездки по Волге» (журнал «Век», 1883, кн. 1); «Сказки и предания Самарского края, собранные Д. Н. Садовниковым» («Зап. РГО по отд. этногр.», т. XII. СПб., 1884).

Помимо научных записей, Садовников и поэтически перерабатывал местные предания и песни. Ему принадлежит цикл стихотворений о Степане Разине и о других волжских атаманах. В среде профессионалов-литераторов Садовников был мало известен, но его поэзия нашла широкий отклик в народе, некоторые его стихи сделались фольклорными, – например, широко популярная в настоящее время песня «Из-за острова на стрежень»¹.

¹ См. сб. «Певец Волги Д. Н. Садовников. Избранные произведения и записи». Сост. и комм. В. Ю. Крупнянская. Под ред. акад. Ю. М. Соколова. Куйбышев, 1940.

Политические ссыльные — этнографы

Какова же была судьба демократического направления в собирательно-этнографической работе, того направления, которое в предыдущий период нашло таких ярких представителей в этнографах и писателях-«шестидесятниках»? Это революционно-демократическое крыло русской этнографической науки с 70-х годов расслоилось. Одни из его представителей поправили, превратившись в либерально-буржуазных или мелкобуржуазных деятелей; другие попали в тюрьму и в ссылку. Из последних некоторые продолжали свою этнографическую работу и в ссылке.

Правительство и раньше ссылало в отдаленные места Сибири своих политических врагов. О ссыльных декабристах уже говорилось выше. Следующей значительной группой ссыльных были польские повстанцы 1863 г. Но особенно значительные размеры приобрела политическая ссылка с конца 70-х годов.

Одним из ранних политических ссыльных-этнографов был И. А. Худяков, который с 1866 г. в течение долгих лет жил в Верхоянске. Как уже говорилось выше, он еще до ссылки зарекомендовал себя в литературе как талантливый ученый-фольклорист. Во время своего пребывания в ссылке, в тяжелейших материальных и моральных условиях, он не прекращал научной работы. Помимо метеорологических наблюдений, он деятельно занимался изучением местного якутского и русского фольклора. Он выучился по-якутски, составил якутско-русский словарь (5 тыс. слов), составил «Краткое описание Верхоянского округа» (оно до нас не дошло, но содержание его известно, и, судя

по нему, это было очень полное и солидное описание быта местного населения)¹. Ценные фольклорные материалы, собранные Худяковым, были через много лет после его смерти, – на почве ужасных условий жизни Худяков психически заболел и умер в 1876 г., – изда ны Восточно-Сибирским отделом РГО под названием «Верхоянский сборник» (1890)². В этом сборнике помещены якутские сказки, предания, загадки, пословицы и пр., а также русские сказки, песни. Якутские тексты Худяков записывал по-якутски и переводил их на русский язык. В «Верхоянском сборнике» напечатан только русский текст, а якутский позже был опубликован Э. К. Пекарским³. «Верхоянский сборник» был высоко оценен критикой как одно из лучших собраний фольклора.

Ценные этнографические наблюдения делал В. Г. Короленко, живший в ссылке в глуши Якутии, в Амгинской слободе, в 1881–1884 гг. Свои наблюдения над бытом русского старожилого населения слободы и приленских ямщических «станков», а частью и якутов он отразил в серии рассказов, ставших широко известными: «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Государевы ямщики», «Ат-Даван» и др. Рассказы эти дышат глубоким чувством гуманности, полны болью за обездоленных, забитых людей в глухом Якутском краю. Короленко замышлял писать и научные очерки. В его бумагах сохранилась «Программа для очерков

¹ См. Л. Н. Пушкарев. Из истории революционно-демократической этнографии. И. А. Худяков. СЭ, 1949, № 3, с. 191.

² «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым». «Зап. ВСОИРГО по этнографии», т. 1, вып. 2, 1890.

³ «Образцы народной литературы якутов». Под ред. Э. К. Пекарского. СПб., вып. 1, 1913; вып. 2, 1918.

Якутского края», черновые наброски отдельных статей, много выписок из старой литературы о Якутии¹.

Известным этнографом Якутии стал Вацлав Серошевский – поляк родом, проведенный в якутской ссылке 12 лет (1880–1892), побывавший во многих уголках края. Он напечатал ряд статей в «Известиях ВСОИРГО», в «Сибирских сборниках», в «Живой старине». Главный его труд «Якуты, опыт этнографического исследования» (т. 1) был издан в Петербурге в 1896 г. Географическим обществом. Книга и до сих пор остается наиболее полной монографией о якутах, несмотря на многие ее недостатки – и прежде всего некоторую архаизацию общественного строя якутов, которые, по мнению Серошевского, еще недавно жили родовым укладом. Из якутской жизни брал Серошевский и темы для своих повестей и рассказов («На краю лесов», «Предел скорби», «Хайлак», «Побег»).

В те же годы отбывал верхожанскую ссылку (1882–1892) Сергей Филиппович Ковалик, осужденный по процессу «193». Ему принадлежит прекрасная работа «Верхожанские якуты и их экономическое положение»².

Одним из заслуженных исследователей якутской этнографии был земледелец Василий Филиппович Трощанский, проведенный в якутской ссылке 12 лет – с 1886 г.; там он и умер в начале 1898 г. Почти все написанные им труды опубликованы уже после его смерти. Из них известны: «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов» (Казань, 1902) – здесь Трощанский делает интересную попытку связать развитие религиозных

¹ См. «В. Г. Короленко в амгинской ссылке. Материалы для биографии». Якутск, 1947; Б. М. Белявская. В. Г. Короленко и современная Якутия. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», вып. 1. Якутск, 1950.

² «Изв. ВСОИРГО», т. 25, 1895, № 4–5.

верований якутов с предполагаемым переселением их предков из Южной Сибири на Север; «Землепользование и земледелие у якутов» («Сибирские вопросы», 1908, № 31–32); «Наброски о якутах Якутского округа» (Казань, 1911; отдельные главы из этой работы перед тем печатались в «Живой старине», 1908 и 1909) – в этой работе автор дает неприкрашенную картину тяжелой жизни якутского народа, пожалуй даже несколько сгущая краски в описании ее отрицательных черт.

Очень многим обязана русская этнография Дмитрию Александровичу Клеменцу (1848–1914). Народник 70-х годов, он был в 1879 г. арестован и выслан в Восточную Сибирь, в Минусинск (1881–1884). Там условия ссылки были более мягкими, чем в Якутии, и Клеменц сразу же смог приступить к научной работе и даже участвовать в экспедициях. Он вел активную работу в Минусинском музее, превратил его в настоящее научное учреждение, подготовил к печати книгу «Древности Минусинского музея» (Томск, 1886), написал целый ряд этнографических статей, поместив их в местных сибирских изданиях. В 1883 г. он совершил вместе с краеведом А. В. Адриановым путешествие в область водораздела Томи и Абакана, в 1884 г. – в верховья Абакана, в 1885 и 1887 гг. – в «Урянхайский край» (Туву), в 1888 и 1889 гг. – по таежным районам Енисейской губ. Эти путешествия Клеменцем совершены были большей частью по поручению и на средства Русского географического общества.

В 1890 г. Клеменц переселился в Иркутск, приняв деятельное участие в работе местного музея, в издании газеты «Восточное обозрение» (Ядринцева). Клеменц был также главным организатором большой так называемой «Сибиряковской экспедиции» 1894–1896 гг. в Якутии (о ней будет рассказано ниже). Сам же он

в 90-е годы занимался изучением Центральной Азии, в 1894–1896 гг. жил в Урге, позже участвовал в Турфанской экспедиции (1898). По окончании срока ссылки Клеменц жил (с 1897 г.) в Петербурге, работая в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в Русском музее.

За свою 15-летнюю жизнь в Сибири и в постоянных путешествиях Клеменц собрал огромный и разнообразный этнографический материал. Важнейшие его этнографические работы: «Заметки о кочевом быте» («Сибирские вопросы», 1908, декабрь), «Общественные охоты у северных бурят» (в соавторстве с М. Н. Хангаловым, «Материалы по этнографии», 1. СПб., 1910), «О взаимных влияниях между ламаизмом и бурятским шаманством» (ЭО, кн. 83, 1909); «Население Сибири» (в сб. «Сибирь, ее современное состояние и нужды». СПб., 1908)^{1, 2}.

¹ См. *Н. Могилянский*. Памяти Д. А. Клеменца. «Материалы по этнографии России», II, Пг., 1914; *А. Мэрген*. Клеменц и сибирские инородцы. «Изв. ВСОИРГО», т. XIV, 1883.

² Сибирских краеведов-собираателей, не принадлежавших к политическим ссыльным, было в тот период очень мало. Самым крупным из них был Степан Иванович Гуляев. Прослужив большую часть своей долгой жизни (1805–1888) в Барнауле, в Алтайском горном управлении, Гуляев неустанно собирал и записывал все, что казалось ему достойным внимания в окружающей его сибирской жизни: в частности, записывал фольклор, предания, поверья и пр. Он был первым, открывшим бытование в Сибири былинного эпоса; первым начал записывать рабочий горняцкий фольклор. Первые публикации собранных Гуляевым материалов относятся еще к 30-м годам. Особенно обильными стали его записи в конце 60-х годов, когда он познакомился с талантливым местным певцом-сказителем Тупицыным. К сожалению, большая часть научного наследства Гуляева до сих пор остается неопубликованной, а многое и не разыскано (см. *Р. С. Лилец*. Научное наследие С. И. Гуляева как этнографа и фольклориста. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. «Труды ИЭ», т. 85, М., 1963).

Этнография в Средней Азии и на Кавказе

Одновременно с деятельностью этнографов в сибирской ссылке научная работа шла и на другом социальном полюсе, но она имела противоположные тенденции и значение. Местом действия были главным образом юго-восточные окраины. Царское правительство, проводя свою политику на Кавказе и в Средней Азии, не могло не заинтересоваться бытом населения этих провинций. С этим связано развитие официальной и полуофициальной этнографии, которая во второй половине XIX в., как и в предыдущий период, особенно заметна на Кавказе и в Средней Азии.

Прекращение войны на Кавказе и введение повсеместно гражданского управления повело к тому, что в этнографическом изучении место военнослужащих стали все больше занимать гражданские лица. Однако преобладающий характер этнографической работы оставался казенным. Кавказские власти издавали специальные серии публикаций материалов для изучения края. С 1868 по 1881 г. выходили «Сборники сведений о кавказских горах, издаваемые с соизволения Его Импер. высочества главнокомандующего Кавказскою армиею при Кавказском горском управлении» (10 выпусков). Их сменили затем «Сборники материалов для описания местности и племен Кавказа», которые издавало Управление Кавказского учебного округа: с 1881 по 1916 г. вышло всего 46 томов¹. В обеих сериях было

¹ Этими сборниками широко пользовался, например, Л. Н. Толстой и внимательно изучал их, особенно когда писал повесть «Хаджи-Мурат» (см. У. Б. Далгат-Чавтараева. Этнографические материалы в кавказских повестях Л. Н. Толстого. СЭ, 1953, № 4).

очень много монографических очерков об отдельных городах, селениях, национальных группах. С 1874 г. выходил также «Кавказский сборник», занятый, впрочем, почти целиком военно-историческими очерками, а этнографического материала в нем очень мало. В 1885 г. начали издаваться «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», – там есть много сведений о земельных отношениях в Грузии, Армении, восточном Закавказье. В 1886–1897 гг. выходило издание «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе» (Тифлис, вып. 1 и 2 – 1886, вып. 3 и 4 – 1887).

Но народами Кавказа начали интересоваться и профессионалы ученые, не связанные ни с какой администрацией. Из чисто ученых экспедиций на Кавказ в данный период надо отметить особенно исследования филолога В. Ф. Миллера и историка-этнографа М. М. Ковалевского.

Всеволод Федорович Миллер, разносторонний ученый, посвятивший ранние свои работы главным образом древнеиндийской мифологии – о них уже говорилось выше – в дальнейшем перешел на языки и этнографию народов Кавказа и специально заинтересовался осетинами. Он совершил к ним несколько научных поездок (1879–1886). Результатом была, кроме ряда статей, капитальная монография «Осетинские этюды» (т. 1–3, М., 1881–1887): 1-й том ее занят материалом по языку и фольклору – нартовский эпос и пр.; 2-й – исследованием языка, религиозных верований осетин и пр.; в 3-м обстоятельно излагается проблема происхождения осетин, их исторической связи с древними аланами. «Осетинские этюды» Миллера поныне остаются классическим трудом по осетиноведению.

Многие другие более мелкие работы Миллера посвящены народам Кавказа, – особенно интересовало его их народное творчество. В кавказском фольклоре Миллер искал исторических связей с Востоком, с Ираном (о работах Миллера по русскому былинному эпосу, который он тоже стремился связать с Востоком, будет сказано позже)¹.

Под влиянием Вс. Миллера обратился к изучению Кавказа и Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Окончив Харьковский университет (юридический факультет) и получив доцентуру, а потом профессуру в Московском университете, Ковалевский сблизился здесь с Миллером. Совместно с ним он совершил на Кавказ свою первую поездку (1883), посвятив ее тем же осетинам. Но его занимало не народное творчество и не этногенез осетин, а их общественный строй и обычное право. По материалам поездки он написал несколько статей и капитальный труд «Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (т. 1, 2, М., 1886). Вторая и третья поездки (1885 и 1887 гг.) охватили горные области Кавказа: Ковалевский побывал у сванов, горцев Восточной Грузии и народов Дагестана. Отсюда родилась вторая большая его работа из посвященных Кавказу: «Закон и обычаи на Кавказе» (т. 1, 2, М., 1890). Обе названные работы Ковалевского содержат не только непосредственный конкретный материал по посещенным народам, но и обширный сравнительный материал: Ковалевский подходил к своим исследованиям как историк-социолог с широким кругозором.

Это качество и придало кавказоведческим трудам Ковалевского большое научное значение. Как указывает М. О. Косвен, он привлек внимание ученого мира

¹ См. Б. А. Калоев. В. Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе, 1963.

к кавказскому этнографическому материалу, столь важному для изучения проблем развития общественного строя: следы материнского рода, сельская и семейная община и пр.¹

В Средней Азии научные экспедиции шли в 70–80-х годах буквально по следам военных походов или даже сливались с ними: либо офицеры производили научные наблюдения – в том числе и этнографические, – либо ученые прикомандировывались к отрядам. После замирения той или иной области научные исследования производились там более свободно. Как и в предыдущий период, собирателями этнографического материала были по преимуществу военные. К ним в дальнейшем присоединились гражданские чиновники, назначенные на службу в присоединенных областях. Собственно ученые играли тут второстепенную роль. РГО принимало деятельное участие в экспедициях в Среднюю Азию, но оно вынуждено было порой лишь выполнять требования власть имущих. Этнографические наблюдения стояли, как правило, на втором плане и были подчинены военно-административным целям.

Это особенно ярко сказалось на первой большой научной экспедиции в Среднюю Азию – Амударьинской (1874). В только что присоединенную область по правому берегу нижней Аму-Дарьи правительство предложило РГО направить экспедицию, отпустив на нее крупную сумму (20 тыс. руб.). Вокруг экспедиции был поднят шум. Более серьезные ученые в РГО видели в ней лишь ненужную затею одного из Великих князей (Николая Константиновича), идущую вразрез с подлинными требованиями науки. «Ни один из наших серьезных исследователей, – писал по этому поводу

¹ См. М. О. Косвен. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. СЭ. 1951, № 4, с. 134–135 и др.

Ф. Р. Остен-Сакен, тогдашний председатель отделения физической географии, в своем письме Н. Н. Миклухо-Маклаю, – не решался ехать в экспедицию, снаряжавшуюся при таких ненормальных условиях». Остен-Сакен даже сложил с себя в знак протеста звание председателя отделения, ибо «убедился, что при всем желании в настоящее время, при новых легкомысленных порядках, существующих в Географическом обществе, вести какое-либо разумное дело решительно невозможно»¹.

В Амударьинскую экспедицию был включен в качестве «этнографа» полковник Л. Н. Соболев, а в качестве переводчика флигель-адъютант, персидский принц Риза-Кули-Мирза. Для этнографии ценными оказались только рисунки прикомандированного к экспедиции художника Н. Н. Каразина.

По указанным причинам невозможно провести грань между чисто ведомственными, казенными изданиями, военно-статистическими обзорами областей Средней Азии, авторами которых были военнослужащие и чиновники, и чисто научными этнографическими работами. Этнографический материал, и не лишенный ценности, есть и в названных официальных изданиях².

¹ Письмо Ф. Р. Остен-Сакена Н. Н. Миклухо-Маклаю, 31/III 1874. *Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV. М.–Л., 1953, с. 454.*

² «Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник». Под ред. Н. А. Маева, вып. 1–3. СПб., 1872–1874. Сборник составлен из статей, печатавшихся в «Туркестанских ведомостях». Во 2-м и 3-м выпусках немало этнографических сведений.

А. *Макшеев*. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. «Зап. ИРГО по отд. стат.», т. 2, 1871. Автор – офицер, впоследствии генерал-лейтенант, много лет проведенный в Средней Азии.

А. *В. Каульбарс*. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. «Зап. ИРГО по общ. геогр.», т. 9, 1881. Каульбарс – полковник генерального штаба, принимал участие в Хивинском походе 1873 г. Его книга – первое серьезное исследование

Этнографические работы собственно ученых были в этот период по Средней Азии немногочисленны и по большей части опять-таки подчинены военным планам и заданиям. Можно отметить поездки ориенталиста А. А. Куна в Хиву, Коканд, Шахрисябз¹; экспедицию академика А. Ф. Миддендорфа в Фер-

дельты Аму-Дарьи и ее населения с очень обстоятельным описанием быта каракалпаков, казахов, отдельных групп узбеков.

А. П. *Хорошихин*. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. Автор – из офицеров Уральского казачьего войска, с детства знавший казахский язык, участник всех больших походов в Среднюю Азию – дает немало ценных этнографических сведений, изложенных, однако, с высокомерно-великодержавной точки зрения.

А. *Куропаткин*. Туркмения и туркмены. СПб., 1879. Автор – командующий войсками Туркестанского края, впоследствии неудачный главнокомандующий в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.

В. А. *Туган-Мирза-Барановский*. Русские в Ахал-Теке 1879 г. СПб., 1881. Автор, участник похода 1879 г., дает, кроме рассказа о самом походе, подробное и довольно беспристрастное описание быта туркмен.

Н. И. *Гродеков*. Война в Туркмении. СПб., 1883. Есть карта расселения туркменских племен. Он же. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. Н. И. Гродеков был губернатором Сыр-Дарьинской области, человеком начитанным, интересующимся наукой. По его приказанию чиновники с помощью местных султанов, биев и других собрали очень ценный материал по обычному праву казахов и киргизов. Книга считается одним из лучших сочинений по данному предмету.

Г. А. *Арандаренко*. Досуги в Туркестане, 1874–1889. СПб., 1889. Автор свыше 20 лет служил по административному управлению в разных местностях Средней Азии. Содержание книги богато и разнообразно.

Н. П. *Остроумов*. Сарты. Этнографические материалы, вып. 1. Ташкент, 1890; изд. 2. Ташкент, 1897. Редактируя с 1883 г. туркестанскую «Туземную газету» – чисто официальное издание, – автор рассмотрел на быт местного городского населения, так называемых «сартов». Свои наблюдения он предваряет историко-этнографическим исследованием о «сартах»: что это за группа, откуда происходит ее название, приводя разнообразные мнения по этому вопросу.

¹ См.: А. Кун. Поездка по Хивинскому ханству. «Изв. ИРГО», т. X, 1874; он же. Очерк Кокандского ханства. «Изв. ИРГО», т. XII, 1876, вып. 1; он же. Очерки Шахрисябзского бекства. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 6, 1880.

гану в 1877 г.¹ Отметим также поездки антрополога А. Н. Харузина в казахскую Букеевскую орду в 1887 и 1888 гг., давшие богатый антропологический и этнографический материал².

Этнография в Западном крае

Помимо Кавказа и Средней Азии, была и еще третья область, где широко развернулась деятельность «официальной», правительственной этнографии, – Западный край. Правительственные круги были обеспокоены усилением там национального движения, прорвавшегося открыто в польском восстании 1863 г. Еще до восстания царское правительство искало путей ослабить польское влияние в Западном крае. С этой целью было предпринято нечто вроде официального этнографического обследования: в каждую из западных губерний было командировано от Министерства внутренних дел совместно с Военным министерством по одному «штаб-офицеру генерального штаба» с задачей собрать «верные и подробные сведения о народонаселении по вероисповеданиям»³. Сведения были собраны, и разработать их было поручено полковнику А. Риттиху, который на основе их и составил «Атлас населения 9 губерний Западного края по вероисповеданиям и национальностям», изданный с объясни-

¹ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

² А. Харузин. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книжки. М., 1888; он же. Киргизы Букеевской орды. «Труды антропологического отдела ОЛЕАЭ при Московском ун-те», т. 10 и 14. М., 1889–1891.

³ П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб., 1890, с. XVI.

тельным текстом на русском и французском языках в 1863 г., в разгар восстания¹.

Не довольствуясь этим «военным» сбором этнографических сведений, правительство решило одновременно воспользоваться и услугами Русского географического общества. Осенью 1862 г. царь Александр по докладу министра народного просвещения Головкина указал поручить РГО снарядить этнографо-статистическую экспедицию в Западный край, на что обществу было ассигновано 10 тыс. руб.² Однако дело затянулось, начавшееся восстание прервало подготовку экспедиции, и она возобновилась только через несколько лет.

В 1867 и 1868 гг. этнограф С. В. Максимов и статистик Н. Я. Дубенский по поручению РГО совершали поездки по белорусским и литовским губерниям Западного края. Дубенский старался выяснить численность национальных групп и вероисповеданий, но без особого успеха (частью из-за тяжелой болезни). Максимов же собрал интересный этнографический материал – о культурных взаимоотношениях между национальностями: белорусами, литовцами, евреями, поляками. От продолжения экспедиции он отказался³.

Тогда Общество снарядило в юго-западный край особую экспедицию, которая оказалась необычайно успешной. Эта экспедиция – так называемая «этногра-

¹ См. там же.

² См. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край», т. 1, вып. 1, с. III.

³ О его поездке 1867 г. появился в печати краткий отчет («Изв. ИРГО», 1868, № 6). Сам Максимов напечатал в газете «Голос» (1868 г., № 18, 61, 66, 79, 82) серию заметок «Из Белоруссии» под псевдонимом «Проезжий». Впоследствии он использовал свои белорусские впечатления в очерках «Обитатель и житель. Из очерков Белоруссии» («Древняя и новая Россия», 1876, т. II, кн. 6–8) и «Белорусская Смоленщина с соседями» («Живописная Россия», т. III, ч. 2, 1882).

фическо-статистическая экспедиция в Западно-русский край» 1869–1870 гг. – была поручена П. П. Чубинскому, чрезвычайно способному человеку¹.

Чубинский развил бурную деятельность. Он лично объехал более 50 уездов юго-западного края, от Днепра до австрийской границы и от белорусских губерний до Новороссии. Кроме того, он сумел привлечь к работе много способных людей, в том числе местных любителей. Содействие экспедиции оказывали и официальные лица, губернаторы, архиереи. В руках Чубинского скоро оказался обширный и разнообразный материал, который он обработал и издал в 7-томной серии «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной ИРГО» (т. 1–7, СПб., 1872–1877). Туда вошли и разные фольклорные тексты, и записи верований, и народный календарь, юридические обычаи вместе с обширными извлечениями из архивов (судебные дела и пр.). Последний, 7-й том содержит общие этнографические очерки отдельных национальностей края: малорусов, евреев, поляков и др.

Юго-западная экспедиция оказалась, вопреки официальной, казенной инициативе в ее организации, чрезвычайно плодотворным научным делом.

«Официальная» же этнографическая работа в Западном крае шла своим чередом. Главными деятелями были военные: П. Н. Батюшков, А. Ф. Риттих, офицер генерального штаба Эртель. Эти люди оставили по себе

¹ Украинец родом, Павел Платонович Чубинский (1839–1884) был вскоре по окончании Петербургского университета (юридический факультет) сослан в Архангельскую губ., где пробыл 7 лет (1862–1869), служа в статистическом комитете. Здесь он приобрел вкус к этнографической работе и много в этой области сделал. Особенно интересен его «Статистико-этнографический очерк Корелы» («Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г.», кн. 2. Отдел статистический. Архангельск, 1866).

память своей обрусительской и антипольской деятельностью в западных и прибалтийских губерниях, но нельзя отрицать и заслуг их в изучении статистики национальностей и этнического картографирования.

Помпей Николаевич Батюшков (1810–1892), младший брат известного поэта Константина Батюшкова, благодаря ему получивший хорошее образование, был военным, потом служил в Министерстве внутренних дел; с 1850 г. был ковенским вице-губернатором, позже попечителем Виленского учебного округа. Им или под его редакцией составлены и изданы: «Атлас народонаселения Западно-русского края по исповеданиям» (СПб., 1863; изд. 2, 1865); «Памятники русской старины в западных губерниях» (1–8, СПб., 1865–1886); «Холмская Русь» (1887); «Волынь, исторические судьбы русского Забужья» (1888); «Белоруссия и Литва, исторические судьбы северо-западного края» (1890); «Подолія, историческое описание» (1891); «Бессарабия, историческое описание» (1892)¹.

Не менее энергичную деятельность развивал А. Ф. Риттих, офицер (под конец жизни генерал-лейтенант) генерального штаба, военный картограф по основной специальности; большую часть трудов своих он посвятил этнографии и этнической статистике отдельных областей России и составлению этнографических карт. Из последних наиболее известны и действи-

¹ Критика, исходившая от прогрессивных научных кругов, указывала на недоброкачественность точки зрения Батюшкова и его сотрудников в освещении излагаемого материала. Так, в рецензии на книгу «Белоруссия и Литва», напечатанной в журнале «Этнографическое обозрение» (1890, № 2, за подписью «П. М.»), говорится, что автор книги (в данном случае – проф. Петров) подошел к своей теме односторонне, узко и предвзято; что он все свел к вероисповедному вопросу; что он некритически использовал произвольно подобранные источники, повторив и их ошибки; что он, например, совершенно игнорировал польскую литературу вопроса.

тельно ценны: «Этнографическая карта славянских народностей» (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Этнографическая карта Кавказа» (СПб., 1875). Из описательных работ Риттиха Западному краю посвящены: «Материалы для этнографии Царства Польского: Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России: Прибалтийский край» (СПб., 1873). Сверх того, им изданы: «Материалы для этнографии России: Казанская губерния» (Казань, 1870) – обстоятельное описание, с подробными статистическими таблицами, с этнографической картой; «Этнографический очерк Харьковской губернии» (Харьков, 1879).

Этнография на Украине

На Украине в 1870-е годы образовались свои центры этнографической деятельности. Главными из них были Юго-западный отдел РГО (в Киеве), Киевский и Харьковский университеты.

Юго-западный отдел РГО, созданный в 1873 г., просуществовал очень недолго, всего 3–4 года. Он успел, однако, за это короткое время развить широкую деятельность: собирались этнографические материалы, особенно по Правобережной Украине, проведена перепись населения г. Киева (1874). Отдел издал три тома «Записок», в которых, между прочим, была помещена монография М. П. Драгоманова «Малорусские народные предания и рассказы» (т. 3, 1876). Во главе отдела стояли М. П. Драгоманов, П. П. Чубинский, В. Б. Антонович и др. Большинство их принадлежало к мелкобуржуазно-националистическому лагерю. И, хотя деятельность отдела носила аполитичный, чисто

научный характер, царское правительство усмотрело и в ней «вредную украинофильскую пропаганду» (эта «вредная» пропаганда выражалась главным образом в «распространении в народе переводов учебников и молитвенников на малорусском языке»). За такое преступление Юго-западный отдел общества был в 1876 г. закрыт; закрытие считалось «временным», но оказалось окончательным. Драгоманов в том же году эмигрировал, позже он был профессором Софийского университета в Болгарии. Антонович остался профессором Киевского университета.

В Харьковском университете виднейшим этнографом был Николай Федорович Сумцов (1854–1922). Он получил образование в Харьковском университете, где был учеником Потебни, Лавровского, Марина Дринова. С 1878 г. читал лекции в том же университете, главным образом по истории литературы, с 1888 г. в качестве ординарного профессора. С 1880 г. Сумцов печатал множество этнографических статей и исследований (наряду с историко-литературными), частью на местные украинские темы, но также и на более общие, с широким привлечением сравнительно-этнографических сведений. Вот более крупные из его работ: «О свадебных обрядах, по преимуществу русских» (1881, магистерская диссертация), «Хлеб в обрядах и песнях» (1885, докторская диссертация), «Научное изучение колядок и щедривок» (1886), «К вопросу о влиянии греческого и римского свадебного ритуала на малорусскую свадьбу» (1886), «Досветки и посиделки» (1886), «Тур в народной словесности» (1887), «Культурные переживания» (1889–1890), «Ворон в народной словесности» (1890), «Колдуны, ведьмы и упыри» (1891, библиографический указатель), «Заговоры» (1892, библиографический указатель).

В своей статье о греко-римских влияниях на малорусскую свадьбу он высказал мысль, что влияние античной культуры и, в частности, обрядности именно на украинцев (южно-русов) было особенно сильным; мысль, позже подхваченная и развитая украинским националистом Ф. К. Волковым, который стал противопоставлять украинский свадебный ритуал великорусскому. В объяснении обрядов и обычаев Сумцов заплатил дань мифологической школе («Хлеб в обрядах и песнях»), но позже высказывался критически об односторонности и просто ошибочности мифологической концепции. Сумцов считал даже, что мифологическая школа принесла, по крайней мере на русской почве, прямой вред науке, ибо «увлечение мифологической теорией» «содействовало появлению подложных песен и усилению того ложного патриотизма, который ищет себе пищи в национальном самовосхвалении, повсюду усматривает славян и наделяет их всеми премудростями и добродетелями»¹. Сам Сумцов стал все больше склоняться к эволюционистскому направлению (о нем см. ниже).

Видным этнографом-собирателем был среди украинцев И. И. Манжура (1851–1893), родом тоже из Харькова. С 1870-х годов он много странствовал, ходил по селам, записывал народные песни, сказки, предания. Записи его печатались в изданиях Юго-западного отдела РГО².

Изучение зарубежных славян

В изучении зарубежных славянских народов 70-е годы были тоже началом нового этапа. Точнее, нача-

¹ Н. Сумцов. Ворон в народной словесности. ЭО, 1893, № 3.

² Н. Я. Ив. Ив. Манжура. ЭО, 1893, № 3.

лом этого этапа можно считать 1867 год с его славянским съездом.

Славянский съезд 1867 г., приуроченный к Всероссийской этнографической выставке, был, бесспорно, крупным событием и в общественно-политической, и в культурной жизни славянских стран и прежде всего России. И идея этого съезда, и ее осуществление исходили от славянофилов, а организационным центром был Московский славянский благотворительный комитет¹. Первым подал мысль В. И. Ламанский – в письме к Нилу Александровичу Попову, московскому профессору и видному славянофилу, который вместе с М. П. Погодиным, И. С. Аксаковым и другими и организовал съезд². Правительство благословило созыв съезда, хотя формально оставалось в стороне. Представители славянских народов охотно откликнулись на приглашение. Из разных стран явилось свыше 80 гостей – главным образом политические и общественные деятели. Больше всего было чехов (27) и сербов (из Австрии 16, из княжества Сербии 12, из Черногории 2), были хорваты (10), зарубежные украинцы (4), словаки и словенцы (по 3), лужичане (2), болгары и кашубы (по одному). Политическая цель съезда ни для кого не составляла секрета, хотя инициаторы и стара-

¹ Этот комитет был основан еще в 1858 г. с ближайшей целью оказывать материальную помощь иностранцам-славянам, учащимся в России, а также разным культурным учреждениям в зарубежных славянских странах. Вскоре появились отделения этого комитета в Петербурге, Киеве и Одессе, которые в дальнейшем (1877) были преобразованы в самостоятельные «Славянские благотворительные общества» (см. *Ф. М. Истомин*. Краткий очерк деятельности СПб Славянского благотворительного общества за 25 лет его существования, 1868–1893 гг. СПб., 1893).

² См. С. А. *Никитин*. Славянские съезды 60-х годов XIX в. «Славянский сборник». М., 1948; «Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г.» М., 1867.

лись скрыть ее под фразами об «аполитичности» съезда, о его чисто культурном значении, о «племенном единстве» славян, о «взаимодействии» их и пр. Однако австрийские и германские правительственные круги и газеты недаром усмотрели в московском съезде «панславистское сборище» и маневр царской России, стремящейся захватить под свою власть все славянские народы. Недаром поляки, не забывшие недавнего поражения 1863 г., не только отказались участвовать в съезде, но и резко протестовали против него. В самой России съезд организовали и поддерживали реакционные общественно-политические круги – прежде всего славянофилы, и лишь отчасти либералы; революционно-демократическая общественность отнеслась к нему отрицательно. Надо прибавить к этому, что все время пребывания славянских гостей в России было заполнено всякими торжествами, чествованиями, обедами, приемами у высокопоставленных лиц, в том числе у царя, у Великого князя Константина. Зато не было сделано ни одного научного доклада, не обсуждали ни одного научного вопроса, если не считать таковым вопрос о введении русского языка и русского алфавита во всех славянских странах. В числе гостей было мало ученых, еще меньше этнографов, хотя поводом для приезда их и была этнографическая выставка. К числу этнографов можно отнести лишь чеха Эрбена, западного украинца Головацкого, серба Миличевича, лужичанина Смоляра, кашуба Ценову; но они не играли заметной роли на съезде.

Несмотря на все это, славянский съезд сыграл свою положительную роль в развитии и русской, и зарубежной славистики.

Укрепились научные и литературные связи, ожили переписка с зарубежными славянскими деятелями.

лями¹. Начали появляться специальные журналы, посвященные славяноведению и славянским вопросам. В 1867–1868 гг. выходил журнал «Славянская заря». С 1875 г. начали выходить «Славянские сборники» – орган С.-Петербургского славянского благотворительного общества. С 1884 г. оно же выпускало «Известия СПб славянского благотворительного общества» (с 1889 г. – «Славянские известия»). Киевское славянское благотворительное общество издавало в 1876–1884 гг. «Славянские ежегодники». С 1888 г. издавался (Качановским) «Вестник славянства». Все это были не этнографические журналы, но в них было немало материала, нужного для этнографа-слависта.

Начал шире распространяться интерес к русскому языку в славянских странах. С другой стороны, для всех стало более ясным международное политическое значение славянских интересов, их связь с агрессивной политикой держав (в первую очередь России), но также и с национально-освободительной борьбой народов. Связь эта сделалась более ясной и для того, и для другого лагеря. Если раньше идея родства и взаимной близости славян представляла в значительной мере лишь академический интерес и связывалась только с туманно-романтическими мечтами о «славянской взаимности», то теперь стало более очевидным, что дело идет о вполне реальных и конкретных политических интересах, за которыми стоят реальные же силы – царская Россия, Габсбургская Австрия (Австро-Венгрия) и сами борющиеся народы. Реакционно-панславистские круги усилили пропаганду своих идей, а демократические круги яснее увидели неприемлемость их для подлинных интересов славянских народов.

¹ С. А. Никитин. Указ. соч., с. 38, 57, 78, 84, 85, 92.

Как же отразилось это на этнографическом изучении славян?

Первое место в этой области заняли теперь люди, которые сочетали научные исследования с открытой пропагандой панславизма, шовинистических и великодержавных идей. Самой видной фигурой из них был Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), признанный глава славистики тех годов, занимавший кафедру славяноведения Петербургского университета с 1865 г., многолетний председатель отделения этнографии Русского географического общества (1865–1871 и 1886–1910), основатель и постоянный редактор журнала «Живая старина».

В молодости Ламанский был настроен прогрессивно и даже поместил свою статью «О распространении знаний в России» в некрасовском «Современнике» (1857). Его магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (1859) очень богата по материалу и важна как исследование одного из неразработанных вопросов славяноведения. В 1862–1864 гг. Ламанский путешествовал по славянским землям; плодом его путешествия были статьи «Сербия и южнославянские провинции Австрии», «Национальности итальянская и славянская в политическом и культурном отношении» (1864). Но главная работа Ламанского была им написана уже после славянского съезда – в 1870 г., и она уже целиком проникнута духом панславизма. Книга эта называется «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе».

Романо-германская Европа объединилась, по мнению автора, в общей вражде и ненависти к греко-славянскому миру, а славяне не могут ничего этому противопоставить, так как не объединены, а раздроблены; отсюда – необходимость и им объединиться, чтобы

дать отпор романо-германцам. Первую часть этой мысли Ламанский подкреплял обильным материалом: целой серией отрицательных высказываний немцев и французов о славянах. Вторая половина конкретизировалась самим Ламанским – особенно в более позднее время – в требовании распространения не только русского языка, но и Православия среди западных славян. Впоследствии Ламанский еще более обобщил идеи извечной противоположности, антагонизма между славянами и народами Западной Европы, подведя под эту идею и теоретическую основу – антропогеографический принцип. В статье-памфлете «Три мира Азийско-Европейского материка»¹ он делит всю Евразию на три качественно различных и обособленных мира: 1) романо-германская Европа, 2) собственно Азия и 3) средний и промежуточный греко-славянский мир – «не настоящая Европа и не настоящая Азия». Борьба между этими тремя мирами и определяла, по Ламанскому, ход истории человечества. В наше время главную угрозу представляет, по мнению автора, не Азия, а Европа, где взяли верх германские народы.

Книга Ламанского стала как бы камертоном, по которому стали настраиваться инструменты панславистского оркестра. Прямыми последователями и сподвижниками Ламанского были в этом деле А. Ф. Риттих, А. С. Будилович (1846–1908), Т. Д. Флоринский (1854–1919).

С наибольшей отчетливостью, прямоотой выразилась панславистская тенденция у А. Ф. Риттиха – знакомого уже нам литератора-картографа, снискавшего себе действительно немалые заслуги своими этнографическими картами. В 1885 г. он выступил с большой

¹ «Славянское обозрение», 1892, № 1–4; отдельно: СПб., 1892; изд. 2. Пг., 1916.

книгой «Славянский мир» – книгой по-своему замечательной, как своего рода манифест панславизма. В ней собрано довольно много историко-этнографических сведений о славянах.

По Риттиху, славяне с древнейших времен расселились чуть не по всей Европе и доброй части Азии, дойдя до Северной Испании, Бретани, до низовьев Рейна, до Южной Англии и Скандинавии. По его мнению, например, «Аттила не ходил попусту по разным землям Европы. Он шел туда, где были славяне, которых он освобождал от ига готов, греков, римлян и подобных врагов всему славянству»¹. На Кавказе славяне жили по обе стороны хребта, заселяя в Закавказье весь бассейн Аракса, Чороха, всю Армению: там были «Древлянское княжество», «Тмутаракань», «Басанейская Русь» и пр.² «Остатки славян Тмутаракани переименовались в косогов, яссов, черкес, кабардинцев, абадзехов и в другие уже больше известные истории народы». Из них осетины, например, – «далеко не немцы (!), будучи в большинстве православными и придерживаясь славянских (!) обычаев»³. Названия многих городов Европы с корнем «буд» (Буда-Пешт, Будва в Далмации и пр.) «не могли бы возникнуть без народа будин»⁴, а будины (Геродота) – это предки венедов, а позже сербов⁵, причем, кстати, имя «сербы» означает «людей, употребляющих для снятия хлебов серпы» (!!), – «значит, сербы были земледельцы с незапамятных времен»⁶.

¹ А. Риттих. Славянский мир. Варшава, 1885, с. 106.

² Там же, с. 259, карта.

³ Там же, с. 260, 258.

⁴ Там же, с. 241.

⁵ Там же, с. 242.

⁶ Там же.

Исходное же место расселения славян, по мнению Риттиха, – северо-западная Индия¹. При этом «факт прибытия славян в Европу» автор без всяких колебаний относит «к эпохе, одновременной с созданием Карфагена»².

Риттих доказывал, что славяне представляют собой цвет человечества. «Из трех основных рас, – пишет Риттих, – положивших начало народам старого света: кушитской или хамитской, семитической и арийской или индо-европейской (автор полагает, что индоевропейцы, семиты, хамиты – это расы! – С. Т.), только последняя явилась носительницей человеческого прогресса. Ни узко практическая смышленность хамитов, ни идеализм семитов не заключали в себе истинных основ для духовного развития человечества. Широким полетом мысли, обнимающим всю сферу мироздания, пытливостью, которой тесна земля и которая стремится за пределы ее в бесконечность, отличается только ариец». Но арийцы опять-таки не все одинаковы. «Лучшим представителем этой богатой духовными силами и многосторонней отрасли человечества является славянин. Недаром гордые римляне из массы варваров отличали голосистых ретов, ретующих, словоизвергающих, поющих и на все слово имущих словен. Особенно богатство речи, обуславливаемое разнообразием выражаемых ею понятий, указывает на разносторонность натуры человека-славянина. В своем шествии с отдаленного востока до крайних пределов запада, он с удивительною разумностью и с истинно художественным чутьем вбирал в себя все лучшее, что могли представлять ему природа и другие отрасли человечества, перерабатывая приобретенное в свою духовную

¹ А. Риттих. Славянский мир. Варшава, 1885, с. 174, 310, 324 (карты).

² Там же, с. 331.

консистенцию. И так этот гениальнейший сын своей земли пошел особо...» и т. д.¹

Из всего этого делается наконец и практический вывод. «Великое славянское племя» должно объединиться, но объединиться не на федеративном начале (ибо федерация не соответствует характеру славян), а в форме присоединения к России². Масса славян, по мнению Риттиха, «давно уже смотрит на восток, откуда восходит солнце ее лучших надежд на будущее. Здесь, под сению едино- и самодержавия (Божья держава, Бог держит, помазанник) исчезали споры, и древние Споры-Славяне сделались русскими; здесь господствующая вера – Православие, столь близкое всем славянам по их первоучителям св. Кириллу и Мефодию; здесь язык развивался в полную и могучую речь; здесь на громадном пространстве нравы, обычаи, вес, мера, счисление времени и все, чем живет величайшее государство, все стало единым, все слилось в один могучий аккорд, к звукам которого Европа прислушивается с недоумением и боязнью»³. «Да, только Россия, и по своей истории, и по своему современному политическому положению, может соединить в своем лоне разорванный мир славянский»⁴.

Таково было наиболее откровенное выражение панславистских стремлений, изложенное с предельной грубостью и с чисто «военной» прямотой полковником генерального штаба Риттихом.

Антон Семенович Будилович, воспитанник Петербургского университета, в 1868 г. и в 1872–1874 гг. путешествовал по славянским землям, потом зани-

¹ Там же, с. 307.

² Там же, с. 330, 334–335.

³ Там же, с. 332.

⁴ Там же, с. 336.

мал профессорскую кафедру в Нежинском институте (с 1875 г.), в Варшавском университете (с 1881 г.), в Дерптском университете (с 1892), где был и ректором. Он редактировал «Славянское обозрение», а в последние годы жизни – черносотенную газету «Московские ведомости». По характеристике Ягича, это был «отъявленный славянофил в смысле практического применения начал бывшего когда-то московского славянофильства к жизни славян, но без философских идеалов Хомякова или Киреевского, скорее в узко понятом правительственном преследовании славянофильских целей, заключавшихся в русификации западных окраин русской империи и в административной защите православия. Будилович был энергичная, несколько грубоватая, цельная русская натура, любившая действовать на форпостах находившихся, как ему казалось, в опасности русских интересов – в Польше, в Остзейских провинциях. Таким образом, из Будиловича вышел какой-то воинственный славист...»¹. Из его более ранних научных работ представляет интерес для этнографа незаконченное исследование «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян» (ч. 1, 2, Киев, 1878–1882), хотя применяемый здесь автором метод оперирования одними только данными языка, конечно, не мог привести к вполне убедительным результатам. После 10-летнего перерыва в 1890–1892 гг. вышла в свет его самая крупная работа – «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы».

Само появление этой книги было симптоматично. Она была представлена на конкурс, объявленный

¹ И. В. Ягич. История славянской филологии. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 1. СПб., 1910, с. 789.

Петербургским славянским благотворительным комитетом в 1885 г. по поводу тысячелетней годовщины смерти св. Мефодия, – конкурс на исследование истории образования языков в древней и новой Европе в связи с вопросом о возможности создания общеславянского литературного языка. Сочинение Будиловича было увенчано первой премией – и оно бесспорно было достойно этой премии. Перед нами – очень солидное двухтомное исследование, где в 1-м томе подробно излагается история образования литературных языков античности (греческого, латинского) и средневековой и новой Европы (итальянского, испанского, французского, английского, немецкого), а во 2-м томе – история развития славянских языков с точки зрения литературного единства славянского мира. С этой точки зрения автор очень детально прослеживает историю образования и распространения старославянского (церковнославянского) письменного языка, затем историю попыток распространить сербский, чешский, польский языки в качестве международных, далее – «выступление русского языка в роли общего на славянском востоке» и, наконец, излагает историю «теоретической разработки вопроса об общеславянском языке». Основная мысль автора, органически вытекающая из всего исследования, состоит в том, что, как в древности греческий и латинский литературные языки объединили вокруг себя или вытеснили местные диалекты, как это случилось в новой Европе с итальянским, испанским, французским, английским, немецким языками, так в будущем русский язык имеет все возможности стать общеславянским литературным языком. Автор решительно отклоняет все проекты создания общеславянского литературного языка через «славянскую взаимность» (Коллар, Ригер) или через выработку искусственного

межславянского жаргона (Крижанич, Геркель, Матия Маяр-Зильский) и утверждает, что только один из живых славянских языков может стать языком общения славян между собой и что на эту роль может претендовать только русский язык.

Аргументации Будиловича нельзя отказать в логичности. Правда, из приводимых им исторических примеров (образования греческого, латинского, итальянского и других литературных языков) можно бы сделать и вывод как раз обратный тому, какой делает автор: можно ведь сказать, что исторические условия образования упомянутых общелитературных языков сильно отличаются от тех, при которых складывались до сих пор взаимоотношения славянских языков между собой, а потому и примеры эти можно при желании приводить как опровержение идеи о превращении русского языка в общеславянский... Вопрос остается спорным, но если Будиловичу и не удалось доказать свою основную мысль, то исследование его и собранные им обильные фактические материалы представляют – и сохраняют донныне – бесспорный и большой интерес¹.

К той же группе славистов надо причислить и киевского профессора Тимофея Дмитриевича Флоринского. Впрочем, оставаясь чистым филологом и лингвистом,

¹ Большинство прочих работ А. Будиловича представляет главным образом филологический и лингвистический интерес. Его книга «Обзор областей западного и южного славянства, со включением червонорусских, в оротографическом и гидрографическом отношении» (СПб., 1886) есть лишь попытка физико-географического описания славянских земель, и этнограф может воспользоваться в ней разве только некоторым топонимическим материалом. Книга эта, как пишет сам автор в предисловии, обязана своим появлением большому замыслу коллективной работы «Славянская этнография», возникшему в недрах Петербургского славянского благотворительного общества (во главе с Гильфердингом) около 1870 г., но оставшемуся, к сожалению, неосуществленным.

Флоринский вообще мало дал этнографии. Для этнографов представляет интерес его краткий справочник по славянским народам – «Славянское племя» (Киев, 1907), с этнографическими картами. При крайней скудности подобной справочной литературы о славянах книжка эта принесла известную пользу. Но и в ней сказалась особая точка зрения автора: украинцам и белорусам он не уделил самостоятельного места в обзоре, упомянув о них только как о «разновидностях» русского народа. С другой стороны, Флоринский обошел молчанием общепринятую группировку славянских народов по трем ветвям, перечисляя все народы лишь в порядке сплошной нумерации. Может быть, именно эти особенности работы были причиной того, что она не была принята в «Энциклопедии славянской филологии», для которой предназначалась (капитальное издание Академии наук, руководившееся проф. Ягичем), и вышла отдельно¹. В серии «Энциклопедия славянской филологии» вышла аналогичная по содержанию, но более отвечающая взглядам либеральной славяноведческой науки книга чешского ученого Любора Нидерле «Обозрение современного славянства» (СПб., 1909).

Либеральное и демократическое течение в славистике было в те годы более слабым. Самой видной его фигурой был Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – не этнограф, а историк литературы, но

¹ Об этом говорит сам Флоринский в предисловии к книге, ссылаясь на «независящие от автора обстоятельства» («Славянское племя», с. III). Краткий обзор зарубежных (именуемых им «западными») славянских народов Флоринский дает также в небольшой брошюре «Западные славяне в начале и конце XIX ст.» (Киев, 1895) – юбилейной речи по случаю 25-летия Киевского славянского благотворительного общества. Речь пронизана публицистической панславистской тенденцией, хотя и завуалированной фразами о «чистом, бескорыстном служении славянской идее» со стороны России.

касавшийся во многих своих сочинениях и этнографических вопросов, в частности по славяноведению. Близкий друг и родственник Чернышевского, Пыпин в молодости держался радикальных и демократических взглядов, сотрудничал в «Современнике», но позже перешел на либерально-буржуазные позиции, в 1896 г. избран академиком. К славяноведению относятся несколько его работ: из ранних – важный и для этнографа – «Обзор истории славянских литератур» (1865, но написан раньше), четко антипанславистский по тенденции. Третье издание этой книги – «История славянских литератур» (т. 1, 2, СПб., 1879–1881) – подготовлено в соавторстве с В. Д. Спасовичем, составившим очерк истории польской литературы. Зато в сугубо компромиссном тоне написана статья Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878, напечатано только в 1913 г., с предисловием и примечаниями В. Водовозова), где автор хотя и высказывается против идей панславистов, но старается доказать, что панславизм сам по себе, как идея возрождения славянских народов, солидарности и помощи отставшим, вполне законен. Очень полезен богатым фактическим материалом исторический очерк Пыпина «Русское славяноведение в XIX столетии» («Вестник Европы», 1888, кн. 7–9). Важны для этнографа-слависта также автобиографические «Мои заметки» Пыпина, написанные уже в старости, под диктовку автора (1900–1904), а напечатанные в 1910 г.¹

Для славянской этнографии очень большое значение имели и в эти годы «полевые» наблюдения и исследо-

¹ О взглядах и трудах Пыпина см.: М. Я. Мельц. А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX – начала XX в. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. «Труды ИЭ», т. 85, 1963.

вания русских ученых, путешественников либо людей, по службе живших в славянских зарубежных землях¹.

Этнографические сведения о странах Европы – и славянских, и неславянских – были вообще ко второй половине XIX в. накоплены в большом количестве. Они непрерывно пополнялись через разные путешествия, поездки по европейским странам, – а туда ездили многие русские люди, и теперь уже далеко не одни дворяне-помещики. Литература путешествий по западноевропейским странам была достаточно обширна.

¹ *И. А. Бодуэн-де-Куртене*. Резья и резьяне. «Славянский сборник», т. 3. СПб., 1876. Содержит богатые материалы, полученные в результате поездки этого известного лингвиста к резьянам – наиболее обособленной группе словенцев в Юлийской Краине.

Л. Березин. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница, т. 1, 2. СПб., 1879. Одно из очень немногих обстоятельных описаний хорват; автор жил там долгое время в качестве русского консула. Он же. О древней внутренней организации хорват-сербов. «Знание», 1876, № 9.

И. Сазонович. Из путевых заметок по Хорватии. «Изв. СПб Славянского благотворительного об-ва», 1884, № 1, 3.

М. Филиппов. Хорваты и борьба их с Австрией. СПб., 1890.

А. Н. Мошнин. Придунайская Болгария. «Славянский сборник», т. 2. СПб., 1877. Автор – русский консул в Болгарии.

В. Теплов. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. С приложением карты распределения народонаселения по вероисповеданиям. СПб., 1877.

И. С. Ястребов. Обычай и песни турецких сербов (в Призрене, Ипек, Мораве и Дибре). СПб., 1886. Автор – русский консул в Битоле. Книга эта сыграла важную роль в истории изучения южных славян, в ней впервые славянское население Македонии названо «сербами» – до этого их считали обычно болгарами, с этого времени и началась длительная и ожесточенная полемика между сторонниками болгарской и сербской точек зрения по вопросу о национальности жителей Македонии.

А. С. Ионин. О куцо-влахах Эпира, Фессалии и Македонии. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 3, 1873. Автор – русский консул в Черногории.

Особенно ценный вклад в этнографию южных славян внесли многолетние исследования П. А. Ровинского, который в 1868 г. совершил первую поездку в Сербию, а с 1879 г. поселился надолго в Черногории и посылал оттуда корреспонденции. Но его основные работы принадлежат уже следующему периоду.

Замечательна попытка обобщить весь этнографический материал по народам зарубежной Европы и популяризировать его для широкого читателя: создать нечто вроде этнографии европейских народов. Попытку эту сделала Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923) – известный общественно-культурный деятель того времени, педагог, ученица и последовательница Ушинского. В 1875–1883 гг. она издала обширный трехтомный труд «Жизнь европейских народов». Каждому народу там посвящен обстоятельный очерк. Очерки написаны живо, популярно, на основе разнообразных источников, главным образом описаний путешествий. Конечно, серьезного анализа материальных условий жизни, классовой структуры того или иного народа там нет: автор не был марксистом. Зато книга проникнута гуманным, демократическим духом, духом сочувствия угнетенным народным массам, уважения к культуре каждого народа. Русскому читателю книга Водовозовой (а она потом издавалась отдельными главами-очерками под общим названием «Как люди на белом свете живут») давала яркое, наглядное представление о быте народов Европы.

Надо сказать, что книга Водовозовой и до сих пор остается лучшим – хотя теперь, конечно, уже устаревшим – описанием быта европейских народов. Это было до самого последнего времени едва ли не единственное на русском языке сводное сочинение по этнографии народов зарубежной Европы.

Изучение Центральной Азии

1870-е годы были и годами нового расширения научно-экспедиционных исследований в зарубежных вне-

европейских странах: к этому времени относится целый ряд научных путешествий, экспедиций, прежде всего в сопредельные страны Азии, а также и в другие части света. В этой научной «экспансии» – второй волне ее после великих кругосветных плаваний первых десятилетий XIX в. – сказались косвенно и экономические и политические причины: рост русского капитализма требовал поисков новых рынков, а активизация внешней политики России с конца 60-х годов (после временного ослабления ее, вызванного поражением в Восточной войне), возобновление соперничества с другими государствами, прежде всего с Англией, – все это создавало почву для более смелой деятельности и русских ученых в зарубежных странах. Эта деятельность была разнообразной по задачам: то географические открытия в малоисследованных странах, то более специальные научные проблемы, – но в той или иной мере они давали свой вклад в сокровищницу этнографических знаний.

Ближайшим и наиболее плодотворным объектом исследований была соседняя с Россией Центральная Азия – еще почти нетронутая влиянием европейской культуры; недаром здесь особенно скрещивались экономические и политические интересы России и Британии. С начала 70-х годов сюда снаряжаются одна за другой научные экспедиции с целью прежде всего общегеографических обследований. Экспедиции эти были организованы в большинстве Русским географическим обществом, и они составляют бесспорно огромную заслугу и Общества, и вообще русской науки, что признается и всеми зарубежными авторами¹.

Всемирно известны путешествия Николая Михайловича Пржевальского (1839–1888), который после пер-

¹ См., например: *Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований.* М., 1950, с. 333.

вой, как бы пробной, экспедиции в Уссурийский край (1867–1869) совершил в 1870–1885 гг. одно за другим четыре больших путешествия в Центральную Азию. Их результаты в отношении географических открытий, исследования природы, растительного и животного мира были поистине огромны. Этнографические исследования стояли для Пржевальского на втором плане. Да иначе не могло и быть: экспедиция Пржевальского представляла собой военный отряд под командой офицера (Пржевальский уже во второе путешествие отправился в чине подполковника, в третье и четвертое – в чине полковника, а готовясь к неосуществленному пятому, он был уже генерал-майором), и его непосредственное общение с местным населением нередко ограничивалось перестрелкой, в лучшем случае – дипломатическими переговорами и покупкой припасов. Однако и при этих условиях путешествия Пржевальского дали этнографической науке немало интересного материала.

Быть может, наиболее ценны этнографические сведения, привезенные Пржевальским из его первой экспедиции – еще в пределах России, по Уссурийскому краю, когда путешественник еще не был командиром военного отряда, странствовал почти один (см. выше, «Экспедиции на Север и в Сибирь»).

Первое центральноазиатское путешествие Пржевальского, самое продолжительное (1870–1873) и самое обширное по пройденному пути (свыше 11 тыс. км), охватило Монголию, Северный Китай, Ганьсу, Цайдам и другие области Северного Тибета. В описании путешествия есть сведения о монголах Халхи, Ордоса, Алашани, о китайцах, о тангутах (тибетцах) области Кукунора, интересны замечания Пржевальского о ламаистском духовенстве, об административной системе Дайцинского государства, о торговле, о взаимоотношениях между на-

циональностями; записано несколько местных легенд¹. Второе центральноазиатское путешествие было самым коротким (1876–1877); оно охватило Кашгарию с бассейном Тарима и Лоб-нором и Джунгарию – области, прежде почти неисследованные. Из этнографических заметок этого путешествия представляют особый интерес описания быта смешанного населения бассейна Тарима и Лоб-нора – «таримцев» и «кара-курчинцев» (местные группы уйгуров, которые тогда, правда, уйгурами не назывались)². В третьем путешествии, одном из самых крупных (1879–1880), были охвачены области Джунгарии, Наньшаня, Цайдама и северного Тибета, оз. Кукунора и Северной Монголии, причем были как бы соединены маршруты первого и второго путешествий. Интересны заметки об уйгурах бассейна Хами («хамийцы», или «таранчи»), китайцах западного Ганьсу («оазис Са-чжеу»), цайдамских монголах-олютах и тангутах, о кочевниках-тибетцах, в частности о племенах еграев и голыков (голоков), о разноязычном населении оз. Кукунор и района г. Синина, о «харатангутах» (тибетцах) верховьев Хуанхэ, об алашаньских монголах (описанных и в первом путешествии), о монголах-уротах³. Наконец,

¹ См. *Н. М. Пржевальский*. Монголия и страна тангутов, трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии, т. 1, 2. СПб., 1875–1876; изд. 2. М., 1947.

² См. *Н. М. Пржевальский*. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. СПб., 1878; изд. 2. М., 1947. Немецкий географ Ф. Рихтхофен ставил даже в образец этнографические описания Пржевальского. По его мнению, «описание быта, обычаев и рода занятий лобнорцев [Пржевальским] и тяжелых климатических условий, при которых они живут, – самая завлекательная и интересная из этнографических картин, нарисованных новейшими путешественниками» (цит. по кн.: *Н. М. Пржевальский*. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. М., 1947, с. 9).

³ См. *Н. М. Пржевальский*. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883; изд. 2. М., 1948.

четвертое, последнее путешествие (1883–1885) частично повторило маршрут предыдущего, но в обратном направлении – от Кяхты через Монголию и Алашань в область Куку-нора и оттуда на запад через Цайдам на Лоб-нор и в Кашгарию, с охватом на этот раз южной ее части – Черчен-дарьи и Хотана. В это путешествие Пржевальский, помимо встреч с описанными уже ранее народами, соприкоснулся с жителями этой южной части Кашгарии – оазисов Черчен, Кери и Хотан; он отнес их к племенам «мачинцев» и «ардбюлей» – видимо, местные группы тех же уйгуров¹.

Несмотря на чисто внешнее в большинстве случаев соприкосновение Пржевальского с местным населением и не всегда дружелюбные с ним отношения, наблюдения путешественника над туземным бытом не лишены значительного интереса – особенно по части хозяйства и материальной культуры. Некоторые из встреченных Пржевальским этнических групп вообще никем раньше не были описаны. Существенно отметить, что Пржевальский вел свои исследования в тревожные для всей Центральной Азии годы: это было время дунганских восстаний, образования мусульманского государства Якуб-бека и карательных походов маньчжурских войск. Обстановка войн и междоусобиц в значительной степени объясняет многие отрицательные черты быта местного населения, которые Пржевальский ошибочно принял за черты национального характера².

Путешествия Пржевальского были организованы Русским географическим обществом; но после перво-

¹ Н. М. Пржевальский. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888; изд. 2. М., 1948.

² Биографические и прочие сведения о Пржевальском см. также в юбилейном выпуске «Изв. ВГО», т. 72, вып. 4–5, 1949.

го же центральноазиатского путешествия во всей дальнейшей своей деятельности всемерную поддержку получал он от царского правительства и от царской семьи. Этим лишь подчеркивался как бы официальный, правительственный характер экспедиций, что, конечно, не мешало большому научному значению их результатов.

Одновременно с путешествиями Пржевальского и после него в Центральную Азию направлялись и другие экспедиции примерно того же характера, возглавляемые военными. Одновременно со вторым («Лобнорским») путешествием Пржевальского в Восточный Туркестан ездил (1876–1877) с дипломатическим поручением А. Н. Куропаткин, полковник генерального штаба (о его работах в Средней Азии см. раздел «Русская этнография в 1840–1860-х годах. Экспедиции в Среднюю Азию»). Он проехал по маршруту Ош – Кашгар – Аксу – Курла (в бассейне Тарима) и обратно. Результатом путешествия была книга «Кашгария, историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля» (СПб., 1879). После смерти Пржевальского его работы продолжал Михаил Васильевич Певцов, офицер генерального штаба, активный член РГО; о его вкладе в этнографию Центральной Азии надо сказать несколько подробнее.

Певцов еще перед тем успел совершить две экспедиции: в Джунгарию в 1876 г. (в качестве начальника военного конвоя торгового каравана) и в Северную Монголию в 1878–1879 гг. (опять-таки по поводу торгового каравана). В 1889–1890 гг. Певцов возглавил большую экспедицию в Восточный Туркестан, подготовленную еще Пржевальским; сопровождали его Роборовский и Козлов. Эти три экспедиции, а особенно вторая и третья, дали богатый этнографический материал, ибо сам Певцов оказался вдумчивым и серьезным наблюдателем быта населения.

В первом путешествии есть лишь краткие, хотя и содержательные, сведения о монголах-торгоутах восточной Джунгарии¹. Но в материалах второго путешествия, помимо путевых записей о населении, имеется обстоятельно написанная глава «Заметки о племенном составе населения Монголии, образе жизни и быте обитателей этой страны, ее политическом устройстве и административном управлении»: здесь дается такое серьезное и точное этнографическое описание монголов, какое может сделать не всякий специалист-этнограф. Автор точно характеризует этнический состав населения, область обитания каждой отдельной народности и племени, общие черты быта, хозяйства, материальной культуры. Описывая «удельную» (феодальную) систему политического устройства Монголии, он перечисляет точно аймаки с их территориальными границами и входящими в них хошунами². Довольно подробно описывается и быт китайского населения района Калгана³.

В последнем путешествии особенно замечателен «Этнографический очерк Кашгарии». Здесь не только дано точное описание хозяйства, материальной культуры населения, семейных обычаев, обрядов и пр., но обращено внимание (что очень редко в буржуазной науке) и на формы земельной собственности, на систему распределения воды; автор не забывает отметить тяжелое положение бедняков, страдающих и от налогов,

¹ См. М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО». Омск, 1879, кн. 1; он же. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.

² М. В. Певцов. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. «Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО». Омск, 1883, кн. 5, см. гл. 4.

³ Там же, см. гл. 7.

и от злоупотреблений «мирабов», распоряжающихся водой, и пр.¹

Имя М. В. Певцова можно, таким образом, поставить в ряду имен лучших этнографов-исследователей Центральной Азии.

Военно-дипломатические и экономические цели преследовала экспедиция капитана генерального штаба Ю. А. Сосновского 1874–1875 гг., исследовавшая пути через Китай – от устья Голубой реки, вверх по ней и далее через провинции Ганьсу и Синцзян до русской границы (Зайсанский пост). Результаты экспедиции изложены в книгах двух ее членов: врача П. Я. Пясецкого – «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.» (1, 2, СПб., 1882) и топографа З. Л. Матусовского – «Географическое обозрение Китайской империи» (СПб., 1888); в последнем сочинении особенно много историко-этнографических сведений.

Хотя перечисленные выше путешествия по Центральной Азии и имели полувойенный и как бы правительственный характер, но они были и учеными путешествиями. В них руководящую роль по большей части принимало Русское географическое общество, по-прежнему главный инициатор большинства работ по географии и этнографии. Оно же снарядило немало и других экспедиций, во главе которых стояли уже не военные, а ученые по профессии. Из них бесспорно первое место по значению принадлежит экспедициям Г. Н. Потанина, впоследствии крупного ученого – фольклориста и этнографа.

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), родом из сибирских казаков, еще в ранней молодости много

¹ «Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М. В. Певцова», ч. 1. СПб., 1895, гл. 4; см. также: М. В. Певцов. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1940.

странствовал по степям Казахстана. Поступив в Петербургский университет (на естественное отделение физико-математического факультета), он, однако, не мог его окончить (в связи с временным закрытием его из-за студенческих волнений) и вернулся в Сибирь. В 1863–1864 гг. Потанин принимал участие в экспедиции астронома Струве на оз. Зайсан и в Тарбагатай, где, помимо основного поручения – изучения флоры, занимался и этнографическими наблюдениями над бытом кочевников-казахов, записывал фольклорные тексты. Материалы эти опубликованы в «Записках РГО по общей географии» (т. 1, 1867). После этого в научной деятельности Потанина наступил длительный перерыв, так как он был арестован (1865) и вместе с группой других сибирских общественных деятелей предан суду по обвинению в «сибирском сепаратизме». Он отсидел 3 года в каторжной тюрьме, а в 1871–1874 гг. отбывал ссылку в г. Никольске Вологодской губ. Там он имел возможность заниматься научными наблюдениями, в том числе этнографическими¹. По освобождении из ссылки Потанин возглавил экспедицию РГО в северо-западную Монголию (1876–1877), а следом затем вторую (1879–1880). Обе эти экспедиции, охватившие области северо-западной и Северной Монголии, северо-восточную часть Джунгарии и южную часть Урянхая (Тувы) – от Черного Иртыша, округов Кобдо и Уланкома на западе до оз. Косогола на востоке и до Хами на юге, – дали богатые результаты для познания природы этих стран, а особенно быта и культуры их населения. Фольклорно-этнографический материал обеих монгольских экспедиций Потанина был поистине огромен. Этот материал – особенно фольклорные

¹ См., например: Г. Н. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. «Живая старина», 1899, вып. 1, 2.

тексты – заполнил большую часть четырех томов, где изложены результаты обеих экспедиций¹.

Не менее, если не более важными были итоги китайско-тибетской экспедиции Потанина, совершенной им в 1884–1886 гг. по поручению того же РГО. Целью экспедиции было изучение природы той переходной полосы от Центральноазиатского нагорья к китайской низменности, где смешиваются два разных типа органических форм; границе между ними примерно соответствует и важная историко-этнографическая граница: между оседлыми высококультурными народами китайской равнины и кочевыми племенами степей и нагорий Центральной Азии. Эту-то малоизученную область – «тангутско-тибетскую окраину Китая» – и должна была обследовать экспедиция, и с этой задачей она хорошо справилась. Потанин со своими спутниками начал путешествие из Пекина (куда добрался морем из Кронштадта через Тяньцзинь) и, пройдя через Ордос, направился на юго-запад до Ланьчжоу, далее на запад, на нагорье Амдо, и на юг до Сычуаньской провинции, а оттуда прошел на север вдоль всей восточной окраины Тибетского нагорья и затем через Гоби и Центральную Монголию прибыл в Кяхту. Помимо естественнонаучного, экспедицией был собран огромный и разнообразный этнографический материал – по быту разноплеменного населения этой пограничной культурной зоны, по буддистским монастырям и духовенству, по народному творчеству. Материал этот изложен Потаниным в его книге «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия 1884–1886 гг.» (т. 1, 2, СПб., 1893). 2-й том книги занят целиком фольклорными текстами (сказки, легенды, исторические предания) с обстоятельными комментариями.

¹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. 1–4. СПб., 1881, 1883.

По возвращении из этой экспедиции Потанин жил в Иркутске и активно участвовал в работе Восточно-Сибирского отдела РГО, издавал этнографические труды, организовал выставку в музее, писал свою книгу и пр. В 1892–1893 гг. Потанин совершил вторую китайско-тибетскую экспедицию – на этот раз с целью обследовать южный участок восточной окраины Тибета. Экспедиция проникла в горную область юго-восточного Тибета, до г. Да-цзяньлу (в провинции Сикан), но работа ее прервалась из-за смерти жены Потанина, его ближайшей многолетней помощницы, делившей с ним все трудности предыдущих путешествий. Этот тяжелый удар помешал Потанину полностью обработать и издать материалы данной экспедиции, о которой появился только краткий отчет¹.

Наконец, в 1899 г. состоялось последнее путешествие Г. Н. Потанина в зарубежную Азию – на этот раз в область Большого Хинганского хребта, тянувшегося по восточному краю Внутренней Монголии. И эта поездка дала, кроме естественнонаучных, также и этнографические результаты – заметки о быте малоизвестного народа баргутов и других монголоязычных групп².

Александра Викторовна Потанина, жена и спутница Г. Н. Потанина, активный член РГО, вела и сама во всех экспедициях этнографические наблюдения, в частности над бытом женщин. Статьи и заметки о них она печатала в журналах и газетах. После ее смерти сборник ее этнографических работ был издан отдельно³.

¹ Г. Н. Потанин. Очерк путешествия в Сы-чуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 гг. «Изв. РГО», т. 35, вып. 1, 1899.

² Г. Н. Потанин. Поездка в среднюю часть Большого Хингана летом 1899 г. «Изв. РГО», т. 37, вып. 5, 1901.

³ А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей. М., 1895.

Один из спутников Потанина по первой монгольской экспедиции, А. М. Позднеев (1851–1920), – языковед-монголист по образованию – уже из этой экспедиции вывез достаточно письменного и живого материала для целого ряда ценных исследований, так или иначе связанных с историей и этнографией монголов. Перечислим его труды: «Образцы народной литературы монгольских племен», вып. 1. Народные песни монголов (СПб., 1880), «Ургинские хутухты» (СПб., 1880), «Города северной Монголии» (СПб., 1880), «Монгольская летопись Эрдэнийн-Эрихэ» (СПб., 1883), «Очерки быта буддистских монастырей и буддистского духовенства в Монголии» («Зап. РГО по отд. этногр.», т. 16, 1887). В 1892–1893 гг. Позднеев совершил важную научную поездку по Монголии, посетив Ургу, Улясутай, Кобдо, Калган, Пекин, Чэн-дэ-фу, Долон-нор и ряд буддистских монастырей. Итогом путешествия было чрезвычайно содержательное двухтомное сочинение «Монголия и монголы» (СПб., 1896–1898) – одно из важнейших историко-этнографических сочинений о монголах в мировой литературе.

Существенное значение для этнографической науки имели и путешествия Н. М. Ядринцева, открывшего в 1889 г. в Монголии, на р. Орхон, недалеко от Урги, памятники древнетюркской («орхонской») письменности¹. Для исследования этих памятников была в 1891 г. снаряжена экспедиция (в составе акад. Радлова, акад. Васильева, Ядринцева и Клеменца), снявшая эстампажи с текстов; публикация их дала тогда же возможность дешифровать древнеорхонскую письменность (В. Томсен) и перевести тексты (Радлов, Мелиоранский)², что обогатило миро-

¹ Н. Я. Ядринцев. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. «Изв. ВСОРГО», т. XX, вып. 4.

² W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, I–III. St-Pet., 1894; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. «Зап. Вост. отдела Русского археологического об-ва», т. 12, 1899.

вую науку историко-этнографическими источниками первостепенной важности по тюркским и другим народам Центральной Азии VII–VIII вв.

Этнография собственно Китая обогатилась в данный период крупными трудами. Продолжателем Иакинфа Бичурина выступил архимандрит Палладий Кафаров (1817–1878), начальник Пекинской духовной миссии (1849–1859 и 1865–1878). Еще в 1866 г. он опубликовал свой перевод с китайского языка важного памятника древней истории монголов: «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866), – это ныне хорошо известное «Сокровенное сказание» (Юань-чаоби-ши). В 1870–1871 гг. Палладий Кафаров совершил по поручению Географического общества поездку в Маньчжурию и Амурско-Уссурийский край¹. Ему принадлежат также работы: «Китайская литература мусульман» («Гр. ВОРАО», ч. 18, 1887); комментарий к путешествию Марко Поло; большой китайско-русский словарь. Позже напечатаны «Описание Маньчжурии» (СПб., 1897) и «Описание Кореи» (СПб., 1900).

В этот период выросла и университетская, академическая синология как сложившаяся наука. Это была наука главным образом о китайском языке и литературе, но в ней видное место занимало и изучение китайской культуры – особенно семейного быта, обычаев, верований. Одним из видных основателей этой науки был Василий Павлович Васильев (1818–1900) – ученый с мировым именем. Проведя 10 лет в Китае (при Пекинской миссии, 1840–1850), Васильев потом был профессором Казанско-

¹ См. *Палладий*. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска в 1870 г. «Зап. ИРГО по отд. общ. геогр.», т. IV, 1871; *он же*. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. Там же, т. VIII, 1879.

го, позже Петербургского университета. Из его работ, важных для этнографии, выделяются: «О движении магометанства в Китае» (СПб., 1867), «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм» (СПб., 1873), «Очерк истории китайской литературы» (СПб., 1880).

Учеником Васильева был Сергей Михайлович Георгиевский (1851–1893) – тоже петербургский профессор, – работы которого имеют еще более непосредственное отношение к этнографии. Важнейшие из них: «Принципы жизни Китая» (1888), «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892).

Работы В. П. Васильева и С. М. Георгиевского очень содействовали распространению в русском обществе более полного и правильного представления о китайском народе и его культуре.

Изучение Индии, Африки, Америки

Русские этнографические исследования в Индии в 1870–1880-е годы связаны с именами А. И. Воейкова, П. И. Пашино и И. П. Минаева.

О научных путешествиях Воейкова, охвативших несколько частей света, мы скажем отдельно.

Петр Иванович Пашино (1836–1891), служивший в молодости по дипломатической части, не прижился, однако, на этой службе из-за своих демократических, оппозиционных взглядов. В 1861 г. он служил в русском посольстве в Персии. Свои наблюдения над бытом населения этой страны он излагал в «Письмах о Персии», которые печатались в газете «Русь» и в «Еженедельных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1864). О поездке Пашино в Среднюю Азию уже говорилось выше. Но наиболее интересны его этнографические наблюдения

во время двух поездок в Индию (1873–1874, 1874–1875), непосредственной целью которых было исследование путей в Индию из Средней Азии. Свои наблюдения Пашино изложил в книге «По Индии»¹ и в нескольких отдельных статьях.

Пашино побывал во многих городах и местностях Индии, а также в Кашмире и в пограничных местах Персии. Он был в Бомбее, Агре, Амритсаре, Аллахабаде и пр. Он много ходил пешком и всюду общался с народом. Наблюдения его очень разнообразны – он описывает уличную жизнь и костюмы, земледельческое хозяйство и торговлю, храмы и настроение населения. Однако эти наблюдения несистематичны. Правда, готовясь к путешествию, Пашино получил консультацию и даже как бы задание от РГО, но во время поездки редко об этом вспоминал. Уже добравшись до западного Кашмира, недалеко от русской границы, путешественник записал в дневнике: «Когда я отправился в Индию, вице-президент Географического общества советовал мне обращать внимание на то, где и каким образом построены жилища: вблизи ли рек или на возвышенностях гор, раскинуто или сжато построены. Я заметил, что все деревни построены вблизи рек и ручейков, однако на довольно далеком расстоянии от ручейков, так как весенние разливы превращают эти ручейки в огромнейшие реки. Строения раскинуты на довольно широкое пространство, так что подумаешь, будто уже другая деревня начинается, а между тем тут еще несколько домов, принадлежащих прежнему селению»². По тому же поручению вице-президента Географического общества Пашино обращал внимание на черты полиандрии в за-

¹ Вокруг света, т. 1. По Индии. Путевые впечатления П. И. Пашино. СПб., 1885. Других томов издания не появилось.

² П. Пашино. Указ. соч., т. 1, с. 87.

падном Кашмире, но ему этот пережиток ранних форм брака совсем не понравился, и он «пришел... к тому убеждению, что к многожеству женщин побуждает разврат»¹. Так меткие наблюдения перемежались у Пашино с обывательскими рассуждениями.

Пашино передает свои разговоры с туземцами, которые постоянно жаловались на высокие налоги, на притеснения со стороны английских властей. К англичанам большинство индийцев относится с ненавистью. Пашино иронически пишет о тех попытках «сблизиться» с населением, которые у английских чиновников выражаются в том, что они изучают местный язык. «Англичанину, имеющему при себе 15 человек прислуги, конечно, необходимо знать индустанский язык; но в своей семье, вдали от туземного населения, все сближение он ограничивает тем, что, отправляясь по утрам на службу, хлестнет бичом какого-нибудь индуса, перебегающего ему дорогу»².

Особенно плодотворны были индологические изыскания Ивана Павловича Минаева (1840–1890): это были чисто ученые путешествия с точно поставленными задачами и с большими научными результатами.

Окончив факультет восточных языков Петербургского университета (1862) по китайско-маньчжурскому отделению, Минаев еще из студенческих лет вынес особый интерес к буддизму. В университете, а позже за границей он глубоко изучил литературные языки Индии – санскрит, пали и в дальнейшем специализировался на древнеиндийской литературе и языкознании. В Индию

¹ Там же, с. 64.

² П. Пашино. Характеристические черты отношения англичан к индусам. «Церковно-общественный вестник», 1878, № 36–37. Цит. по статье Е. И. Гневушева. Путешествия П. И. Пашино по Персии и Индии. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953.

Минаев ездил три раза: в 1874–1875, в 1880 и в 1885–1886 гг. Особенно богатым результатами, в частности для этнографии Индии, было первое путешествие.

Минаев провел тогда на Цейлоне и в собственно Индии около двух лет и объехал много областей этой огромной страны. Помимо специального интереса к буддийским древностям и литературным памятникам, путешественник внимательно наблюдал жизнь страны, экономический быт, культуру населения, записывал образцы фольклора, присматривался к взаимоотношениям индийцев с англичанами-колонизаторами. Наблюдения Минаева отличались необычайной объективностью: он видел и правдиво показывал тяжелое положение порабощенного народа. Но оценки его не всегда были последовательны.

Наблюдения и записи первого путешествия собраны в книгах Минаева: «Очерки Цейлона и Индии» (ч. 1, 2, СПб., 1878) и «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г.» (СПб., 1876). Материалы второго и третьего путешествий не были, к сожалению, обработаны самим автором (дневники этих путешествий опубликованы лишь в наши дни)¹.

Оставляя в стороне специальные труды Минаева, посвященные истории буддизма и буддийской литературы, упомянем другие его работы, важные для этнографии Индии. Сюда относятся: его ценное исследование «Старая Индия. Заметки на “Хождение за три моря Афанасия Никитина”» (СПб., 1881) – содержательный ученый комментарий к этому древнерусскому памятнику; статьи-рецензии в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Непал и его история» (1878, № 1), «Родовой быт в современной Индии» (1878, № 3), «Но-

¹ См. И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886. М., 1955.

вые сведения о кяфирах» (1882, № 5), «Землевладение в современной Индии» (1883, № 11), статья «Русские помыслы об Индии в старину» (1884, № 10).

Кроме индологических работ, Минаев сделал вклад и в общую историко-этнографическую литературу по Азии. Сюда относится его книга «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» (СПб., 1879), а также «Путешествие Марко Поло» – перевод со старофранцузского текста (СПб., 1902). Минаев был активным членом отделения этнографии Русского географического общества¹.

Крупным вкладом в этнографию Африки были путешествия Юнкера: значение их далеко превзошло все то, что давали более ранние русские путешествия в этой части света (Норов, Рафалович, Ковалевский). Василий Васильевич Юнкер (1840–1892), из обрусевших немцев, сын богатого московского банкира, получил медицинское образование в Дерпте и Геттингене. Большую часть своей сознательной жизни он посвятил путешествиям, на которые тратил собственные средства. После поездок в Исландию (1869), в Тунис (1873) – там он выучился арабскому языку, – Юнкер решил предпринять трудное и продолжительное путешествие во внутренние области Африки, в частности в верховья Нила и в область водораздела Нила и Конго. Он совершил туда две большие экспедиции – в 1876–1878 и в 1879–1886 гг. Помимо важных географических исследований и ценных картографических работ, Юнкер проводил этнографические наблюдения над многочисленными племенами и народностями этой совершенно неисследованной тогда части африканского материка.

Этнические отношения здесь очень сложны. Народы нилотской и восточной суданской групп, банту,

¹ О Минаеве см.: А. П. Баранников. Биография И. П. Минаева. В кн.: И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму.

арабы и нубийцы, пигмеи представляют разнообразные по языку и культуре этнические группы, разобраться во взаимоотношениях которых наука тогда еще не умела. Юнкеру удалось путем внимательных наблюдений, изучения местных преданий и пр. выяснить в известной мере картину этнических передвижений. Но эти передвижения принимали тогда нередко форму завоеваний, грабительских набегов. Особенно страдало местное население от вооруженных отрядов арабских торговцев, мародерских шаек египетских солдат. Юнкер, в отличие от многих других европейских путешественников, относился с симпатией к местным угнетенным народам. Он ярко рисует трагическую картину насилий, грабежей, разорения туземцев.

Попав в разоренную страну народа митту (провинция Бахр-эль-Газаль), Юнкер писал: «От прежнего благополучия зериб (поселений), их богатых зерновых запасов и обилия рогатого скота и коз ничего не осталось; я видел повсюду крайнюю нужду и должен был помочь управителю этого округа Абдуллахи частью своих скудных запасов зерна. Векили, солдаты и торговцы... бессовестно и безжалостно грабили бедных негров и довели страну до того, что целые деревни принуждены были оставлять насиженные места и бежать одни под защиту укрепившего свое могущество султана азанде Мбио, другие – на юг, к племени лооба или к вождю племени абака, Анзеа. Страна Митту обезлюдела, земледелие пришло в упадок, и даже нубийцы не могли ничего больше выжать из несчастных оставшихся еще на месте митту. Такой же упадок и обнищание испытывало и племя бабакур или мабугуру»¹. С большой проницательностью Юнкер именно такими

¹ В. В. Юнкер. Путешествия по Африке (1877–1878 и 1879–1886). Со-кращенное издание. М., 1949, с. 131.

насилиями и разорением объяснял и перемены в культуре, упадок старых обычаев, апатию туземного населения. «Старые, вероятно, столетиями переходившие из поколения в поколение обычаи исчезли и частично вытеснены обычаями, возникшими под чужеземным влиянием; с другой стороны, все усиливающаяся нужда, все более жестокая борьба за существование делают невозможным сохранение церемоний и празднеств, которыми в прежнее время сопровождали рождение и смерть, брачные связи и т. п.» «Негр, видя, как его лишают не только скота и зерна, но даже и больших и малых предметов его и без того скромного домашнего обихода, теперь теряет охоту что-либо делать, постепенно пропадает охота к работе, и многие отрасли домашнего производства пришли в упадок, заглохли»¹.

Наиболее ценны для этнографии наблюдения Юнкера над бытом и культурой местного населения. Он тщательно отмечал все особенности, отличия между племенами, видя в этих отличиях средство, чтобы разобратся в этнических взаимоотношениях.

Из первого своего путешествия Юнкер, вернувшись в Петербург, привез не только обильные записи наблюдений, но и ценную этнографическую коллекцию. Второе путешествие протекало в разгар махдистского восстания, и собранная новая коллекция погибла в пути. Материал своих исследований Юнкер опубликовал в большом трехтомном труде на немецком языке: «*Dr. J. Junker's Reisen in Afrika, 1875–1886. Nach seinen Tagebüchern herausgegeben...*», Bd. 1, 2, Wien, 1889–1891. Русское, более популярное издание он сам подготовить к печати не успел. После его смерти сокращенное изложение его путешествий было издано Э. Петри: «Путешествия В. В. Юнкера по Африке» (СПб., 1893).

¹ Там же, с. 132.

В более полном виде труд его появился только в советское время.

В те же примерно годы, как и Юнкер, по Африке путешествовали: П. А. Чихачев (Алжир, Тунис, 1877–1878), А. В. Елисеев (Египет, Абиссиния и Сев. Африка, 1881–1884, 1893, 1894), М. И. Венюков (Северная Африка, 1884, 1898), А. А. Чикин (внутренняя Африка, 1888)¹.

Америка уже с середины XIX в., а особенно после утраты русско-американских владений, стала привлекать к себе гораздо меньше внимания русских исследователей. Из очень немногих научных путешествий, падающих на последние десятилетия XIX в., можно назвать лишь одно, наиболее замечательное: путешествие Ионина вокруг Южной Америки.

А. С. Ионин, русский генеральный консул в Бразилии, был весьма образованным человеком. Еще раньше он, чиновник дипломатической службы, жил в Черногории (об этом см. «Изучение Центральной Азии»). Назначенный генеральным консулом в Рио (1884), он вскоре решил, для лучшего знакомства с отдельными странами Южной Америки, предпринять огромное путешествие вокруг всего материка. Это путешествие Ионин совершил в 1886 г., объехав все побережье Южной Америки, обогнув материк с юга и местами углубляясь далеко во внутренние области. Доехав до Лимы, он оттуда перевалил через Андское нагорье в бассейн Амазонки и спустился по этой реке до ее устья. По возвращении на родину (1892) Ионин напечатал в четырех больших томах свои путевые наблюдения («По Южной Америке», т. 1–4, 1892–1902); последний этап путешествия, однако, остался неописанным – ему должен был быть посвящен невышедший 5-й том.

¹ См. М. П. Забродская. Русские путешественники по Африке. М., 1955.

Однако образованный и наблюдательный путешественник сообщает много ценного. Его наблюдения касались быта как белого населения, так и индейцев, которых он местами встречал или о которых слышал. Он ярко и правдиво рисует тяжелый быт полукрепостных индейских арендаторов-«инквилинов» в Чили; описывает местные ремесла патагонских индейцев; описывает типы построек и пр. Очень интересны наблюдения Ионина над устойчивостью индейских языков – особенно языка кечуа, превратившегося в общенародный язык во многих областях Перу. «Теперь весь здешний индейский народ говорит на языке кечуа во всей провинции и даже в городах. В дальних кварталах Арекипы и до сих пор почти не слышно испанского языка, на пространствах плато еще меньше, а в разных уголках “кебрадос”, этой обширной провинции, как говорят, до сих пор цветной народ даже и не понимает ни слова по-испански»¹.

Этнографические наблюдения Ионина хотя и не систематичны, но составляют существенный вклад в этнографию Южной Америки.

Н. Н. Миклухо-Маклай

На 1870–80-е годы падают и замечательные многолетние путешествия Миклухо-Маклая, имя которого занимает совершенно особое место в истории русской, да и мировой науки. Имя Миклухо-Маклая, а отчасти и его научные работы стали известны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, особенно в последние годы. О нем писали и пишут много, хотя в оценке его научных трудов имеются некоторые разногласия.

¹ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. 4, с. 16–17.

Биография Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846–1888) излагалась неоднократно, однако в ней до сих пор есть белые пятна¹. Сын инженера-путейца, он рано потерял отца и был воспитан матерью, образованной женщиной прогрессивного образа мыслей. Исключенный из 6-го класса Петербургской гимназии (по не совсем ясной причине), он поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета, но и оттуда был исключен – видимо, за свои связи с революционерами и участие в студенческом движении. Хронология этих событий восстанавливается с трудом. Миклухо-Маклаю пришлось довершать образование за границей, куда он выехал весной 1864 г. (по его собственному ошибочному указанию в автобиографии – весной 1863 г.). Он проучился два семестра (впоследствии он неточно писал, что два года) в Гейдельберге, потом перевелся в Лейпцигский университет, но вскорости переехал (осень 1865 г.) в небольшой университетский городок Иену, где и окончил курс в 1868 г. В германских университетах Миклухо-Маклай слушал лекции крупных передовых ученых: Гельмгольца, Бунзена, Гегенбаура и др. Особенно близкую дружбу он свел с профессо-

¹ Биографические очерки о Н. Н. Миклухо-Маклае: Краткая автобиографическая справка (*Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч.*, т. IV. М.–Л., 1953); Николай Николаевич Миклухо-Маклай (автобиография). Там же; *Д. Н. Анучин. Путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая*. В кн.: *Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия*, т. 1. М., 1923; *А. Минаков. Жизнь и деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая*. «Изв. ГГО», т. 71, 1939, № 1–2; *А. Г. Грумм-Гржимайло. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи*. Там же; *Г. А. Шмидт. Н. Н. Миклухо-Маклай*. М., 1947; *Я. Я. Рогинский. Н. Н. Миклухо-Маклай*. М., 1948; он же. *Н. Н. Миклухо-Маклай*. СЭ, 1946, № 2; *Н. А. Бутинов. Н. Н. Миклухо-Маклай* (биографический очерк). В кн.: *Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч.*, т. IV; *O. Finsch. Nikolaus von Miklucho-Maklay, Reisen und Wirken*. Berlin, 1889; *F. Greenop. Who travels alone*. Sydney, 1944.

ром Эрнстом Геккелем, известным дарвинистом, учеником которого он себя считал.

Еще до окончания курса Миклухо-Маклай отправился с Геккелем в свою первую научную поездку – на Канарские острова. В 1869 г. он путешествовал по берегам Красного моря. Целью обоих путешествий были зоологические исследования; но в отчете о поездке на Красное море Маклай затрагивает уже и вопросы быта местного населения. Вернувшись затем в Россию (1869), молодой ученый выступил перед Русским географическим обществом со смелым планом организации экспедиции на острова Океании. Официально основу программы экспедиции составляли опять зоологические исследования (особенно – изучение губок), но тут же Миклухо-Маклай оговаривал и свое намерение вести «исследования по антропологии и этнографии». В сущности, именно ради последних, антрополого-этнографических, исследований Маклай выбрал местом экспедиции Новую Гвинею как область, почти незатронутую в то время европейским влиянием и почти неизвестную науке. План, хотя и не без споров, был принят Географическим обществом, и молодому исследователю были отпущены средства, правда, очень скромные.

В октябре 1870 г. Миклухо-Маклай отплыл на военном корвете «Витязь» в свое первое дальнейшее путешествие. Ему суждено было с этого времени лишь трижды и на короткое время возвращаться на родину, – вся его жизнь с тех пор прошла в непрерывных путешествиях.

По пути на Новую Гвинею корвет останавливался на островах Зеленого мыса, в Рио-де-Жанейро, в Пунта Аренас (Огненная земля), Вальпараисо, у островов Пасхи, Питкерн, Мангарева, Таити, Уполу (о-ва Самоа), Новой Ирландии. Путешественник всюду делал наблюдения, хотя не все записи их сохранились. На Новой Гвинее

он высадился на берегу залива Астролябии (северовосточный берег), куда до него не ступала нога белого человека. С большими трудностями удалось ему наладить дружественные отношения с туземцами-папуасами. С огромными лишениями, почти один «среди дикарей» прожил там путешественник 15 месяцев – с сентября 1871 по декабрь 1872 г. Его взял оттуда русский клипер «Изумруд», на котором Маклай затем посетил острова Индонезии. Во время короткой остановки в Маниле он успел побывать у горных негритосов – аэта. Посетив потом Гонконг и Сингапур, Миклухо-Маклай поселился временно на Яве, в резиденции генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии.

Оттуда он в начале 1874 г. совершил поездку на западное побережье Новой Гвинеи, где нашел папуасское население не в такой первобытной изоляции, как на берегу залива Астролябии, а в постоянной тревоге от нападений малайских пиратов. Из этой же своей яванской штаб-квартиры Маклай совершил затем две трудные экспедиции в глубь Малайского полуострова (1874–1875 и 1875): его интересовали там остатки древнего населения – малорослые и темнокожие племена.

Живя на Яве, Миклухо-Маклай написал и успел напечатать несколько антропологических и этнографических статей и заметок о папуасах залива Астролябии («Берега Маклая», как стала эта местность с тех пор называться) и западной Новой Гвинеи, о негритосах о-ва Люсона, о племенах Малайского полуострова. Статьи посылались им в Петербург, где печатались в «Известиях РГО», в журнале «Природа»; но большей частью публиковались они в местных научных журналах Батавии либо в немецких, английских журналах. Поэтому путешествия и исследования Миклухо-Маклая стали вскоре широко известны ученым разных стран.

В 1876–1877 гг. Миклухо-Маклай совершил большую поездку по островам Западной Микронезии и северо-западной Меланезии (Яп, Пелау, острова Адмиралтейства) и вторично посетил свой «Берег Маклая». Там он прожил почти полтора года – так называемое «второе пребывание на Берегу Маклая», – занимаясь наблюдениями над бытом береговых папуасов и совершая экскурсии в горные деревни. В 1878 г. он собрался вернуться в Россию, но сильно заболел (в Сингапуре) и по выздоровлении должен был по совету врачей переехать на жительство в Австралию, в Сидней. С этого времени Сидней стал главной базой работы Маклая. Он принимал там активное участие в деятельности научного «Линнеевского общества» (в изданиях его и печатался), организовал зоологическую станцию и оттуда совершил несколько поездок по островам Меланезии и Микронезии (1879), на южный берег Новой Гвинеи (1880 и 1881).

Только в 1882 г. путешественнику удалось приехать в Россию, и то ненадолго. Там он выступил с лекциями и докладами о результатах своих путешествий, устроил выставку привезенных материалов. Посетив после этого страны Европы, он вновь поехал в Сидней, заехав по пути в третий раз (1883) к своим друзьям-папуасам на Берег Маклая. В Сиднее Маклай продолжал научные занятия, обзавелся семьей, женившись на Маргарите Робертсон. Он посылал содержательные корреспонденции в Петербург, касаясь в них разных сторон жизни австралийского общества. В 1886 г. Миклухо-Маклай вторично едет в Россию. Помимо докладов о своих научных исследованиях, он агитирует за организацию русской колонии на Тихом океане, добившись с этой целью аудиенции у царя, – но все безуспешно.

Однако здоровье Миклухо-Маклая непрерывными путешествиями и тяжелыми условиями жизни было

подорвано. Он собирался теперь переселиться окончательно в Россию и, уже совсем больной, съездил в Сидней за оставшейся там семьей. Но болезнь скоро докончила неутомимого исследователя: в апреле 1888 г. он умер в петербургской больнице.

В биографии Н. Н. Миклухо-Маклая не все ясно: не только сбивчива хронология молодых лет путешественника, но и некоторые периоды его позднейшей деятельности плохо освещены. Поэтому и вопрос о конкретных научных результатах путешествий Маклая вызывал разногласия, в особенности об этнографических их результатах.

Основная масса этнографо-антропологических материалов исследований Маклая падает на сравнительно короткий промежуток времени – 1871–1879 гг. Очень обильны и разнообразны сведения, собранные им во время «первого пребывания» на Берегу Маклая среди папуасов. Интересные и важные сведения собраны им и в кратковременную поездку на западный берег Новой Гвинеи в 1874 г. Сравнительно немного дали науке оба путешествия по Малайскому полуострову: от второго из них, кроме альбома рисунков и нескольких писем, вообще ничего не сохранилось. Оба путешествия по островам Западной Микронезии – 1876 и 1879 гг. – внесли богатый вклад в этнографию этих областей. Но «второе пребывание» на Берегу Маклая 1876–1877 гг., хотя и продолжительное, и протекавшее в условиях благоприятных для научной работы, оказалось очень бедно результатами: сохранилось лишь несколько кратких заметок в записной книжке. С начала 80-х годов Миклухо-Маклай вообще почти прекращает этнографические исследования и, живя в Сиднее, посвящает все время лишь работам по зоологии. Прожив более 5 лет в Австралии, он почти ничего не сделал

(если не считать случайных антропологических замечаний) для изучения австралийских аборигенов.

Объясняют по-разному эту крайне неравномерную научную продуктивность путешествий Миклухо-Маклая. Сам он объяснял это – в ответ на советы сначала обработать и опубликовать результаты проделанных путешествий, а потом уже пускаться в новые странствования – тем, что ему важнее успеть набрать больше фактического материала, обработать его он сможет и после. Были и другие причины. Тяжелая болезнь в 1878 г., многолетняя скитальческая жизнь, нередко полная лишений, подкосили организм путешественника, его трудоспособность понизилась. Кроме того, Миклухо-Маклай был очень скуп на изложение результатов своих исследований; он был очень строг к самому себе и не позволял себе писать и печатать ничего такого, в чем не убедился собственными повторными наблюдениями. Далее, некоторые материалы своих исследований он просто и не желал сообщать из политических соображений: насмотревшись на хищничество и грабительские повадки европейских колонизаторов в Океании и юго-восточной Азии, он опасался, как бы его научные наблюдения не послужили для колониальных торговцев, миссионеров, агентов европейских государств разведочным материалом, который мог бы облегчить им захват новых владений. Он сам писал в одном из своих писем (1875), что, хотя его путешествие по Малайскому полуострову дало много важных для науки результатов, он не считает возможным употребить во зло туземцам (малайцам) их доверие к нему: «Я почел бы сообщением моих наблюдений, даже под покровом научной пользы, положительно делом нечестным. Малайцы, доверявшие мне, имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством»¹.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV, с. 128.

Такое же объяснение скупости своих сообщений дает он и по поводу второго пребывания на Берегу Маклая¹.

Подобные соображения могут показаться странными для ученого, посвятившего всю жизнь науке. Но в том-то и дело, что Миклухо-Маклай был ученым особого склада. Для него наука была, видимо, лишь одной из форм более широкой общественной деятельности. Это подводит нас к вопросу о мировоззрении Миклухо-Маклая.

Данный вопрос тоже не так прост, ибо Миклухо-Маклай сам неохотно говорил о своих общественных взглядах. О нем существовало мнение как о человеке аполитичном, как о слугителе чистой науки – больше того, как о человеке, который и в научной области интересовался лишь голыми фактами и пренебрежительно относился ко всяким теориям. Но в этом отношении, видимо, более прав новейший биограф Миклухо-Маклая Н. А. Бутинов, которому лучше удалось вскрыть и пружины деятельности Маклая².

Согласно весьма правдоподобному мнению Бутина, Миклухо-Маклай не сразу решил посвятить себя научной деятельности. Вначале, в свои гимназические и первые студенческие годы, он, как и вся передовая молодежь тех лет, стремился к общественной деятельности. Семья Миклухо-Маклая поддерживала личные связи с кружком Герцена. Есть все основания утверждать, что Миклухо-Маклай находился под сильным влиянием идей Чернышевского. Имя Чернышевского упоминается не раз в переписке Миклухо-Маклая с матерью. Мать посылала ему в Германию портрет Чернышевского, по нему он сделал для себя карандашный рисунок, сохранившийся среди его бумаг. Роман

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, с. 423.

² Н. А. Бутинов. Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк).

«Что делать?» был с ним в годы его жизни в Германии. Можно думать, что Миклухо-Маклай был там связан с польскими повстанцами (мать его была польского происхождения, и три ее брата были участниками восстания 1863 г.). Но разгром восстания, разгром русского революционного движения вынудил Маклая отказаться от прямой общественно-политической деятельности и избрать для себя другой путь освободительной борьбы – через науку. В научной деятельности он видел «форму борьбы за переустройство общества на справедливых началах»¹.

По-видимому, на Миклухо-Маклая оказала сильное влияние одна из основных идей Чернышевского – идея единства человеческого рода и возникновения различий между людьми лишь под воздействием различий во внешних условиях жизни. Эту идею он, – хотя почти никогда не высказывал ее прямо, – и старался подкрепить своими научными исследованиями.

Даже в своих зоологических работах – о губках – он проводит ту же по существу идею. Он показывает, что один и тот же вид губок, но живущий в разных условиях среды, обнаруживает совершенно различные формы, – и этому выводу он придавал очень большое значение². В отчете о путешествии на Красное море Маклай делает то же замечание и о людях: говоря о местном населении, арабах, он заявляет, что «причина их настоящего застоя и неподвижности заключается не в человеке (т. е. не в расовых особенностях. – С. Т.), а в условиях, лежащих вне его, против которых бессильна европейская цивилизация». «Это сильное влияние природы на человека, которое так легко забывается в Европе, при иных условиях жизни, особенно стано-

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV, с. 485.

² Там же, т. III, ч. 2, стр. 147, 190–193; т. IV, с. 34–35.

вится ясным в странах восточных»¹. Н. А. Бутинов предполагает, что и весь план дальнейших экспедиций Миклухо-Маклая – на первый взгляд несколько странный, заставлявший его переезжать из Меланезии в Индонезию, оттуда на Малайский полуостров, – определялся, в сущности, именно этой идеей: Маклай хотел установить на фактах изменчивость одного определенного расового типа под влиянием различий в географической среде. Он выбрал для этого «папуасскую расу» (как ее тогда называли) и поставил себе целью изучить ее сначала в чистом виде – на Новой Гвинее, – а потом в смешении с другими расами в других странах: Индонезии, Индокитае, даже Африке (куда он тоже собирался поехать, но не успел)².

Вклад Миклухо-Маклая в антропологическую науку был очень велик, но здесь не место о нем подробно говорить³. Маклай впервые изучил антропологические особенности папуасов и меланезийцев, опроверг существовавшие в то время ходячие научные предрассудки о «пучкообразном» росте волос на голове у папуасов, о мнимой жесткости их кожи и пр.; доказал изменчивость головного указателя у папуасов, отвергнув прежнее мнение о долихоцефалии как якобы типичной особенности этой расы; изучил характерные изменения типа при метисации с малайцами; доказал наличие остатков негроидного населения в глубине Малайского полуострова и пр.

Каков же был вклад Миклухо-Маклая в собственно этнографическую науку? Маклай не был специалистом-этнографом, он был натуралистом, и этнография была

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. 2, с. 362.

² Там же, т. IV, с. 496–498.

³ См. Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. В кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II.

для него предметом лишь побочного интереса. Понятно, что его этнографические исследования не могли быть полными и всесторонними. Тем не менее они представляют для этнографа огромную важность.

Миклухо-Маклай фактически открыл для мировой науки папуасов Новой Гвинеи, о которых до того почти ничего не было известно¹: только отдельные пункты побережья посещались европейцами и сведения о населении были отрывочны; на северо-восточном же побережье, которое специально исследовал Миклухо-Маклай (Бухта Астролябии, Берег Маклая), вообще никто из европейцев до него не был. Прожив долгое время в тесном соседстве с папуасами, установив с ними прекрасные дружеские отношения и пользуясь полным их доверием, Миклухо-Маклай смог собрать и сообщить множество ценнейших сведений о их быте и культуре. Правда, сведения эти несистематичны, многого в них не хватает. Миклухо-Маклай мало интересовался социальным строем народа; надо, впрочем, не забывать, что в науке подобные вопросы в те годы, до появления работ Моргана, почти не ставились. Маклай не уделял большого внимания и религиозным верованиям. Зато материальный быт папуасов, их хозяйство, технику он изучил прекрасно: его записи, рисунки, привезенные им коллекции как нельзя лучше характеризуют эти стороны быта папуасов. Хорошо изучив языки местного населения, Миклухо-Маклай первым собрал ценный материал по словарям папуасских диалектов, первым сообщил о своеобразной языковой дробности папуасского населения: там что ни деревня, то особый диалект. Он сделал множество ценных наблюдений, касающихся трудовых и культурных навыков папуа-

¹ См. *Н. Н. Миклухо-Маклай. Почему я выбрал Новую Гвинею.* – Собр. соч., т. I.

сов, коллективных форм труда, своеобразных видов обмена, общественного потребления и пр.

Принципиальная ценность этнографических исследований Миклухо-Маклая заключалась прежде всего в примененном им едва ли не впервые методе: жить одному среди изучаемого населения, научиться местному языку, подружиться с туземцами, завоевать их доверие, оказывая им услуги, – но не навязывая им себя, не вторгаясь самовольно в их жизнь. Этот метод применялся, пожалуй, и до Маклая, но только либо миссионерами, в целях не научного исследования, а религиозной пропаганды; либо в европейских странах, исследователями быта своего собственного народа. Поселиться же одному среди «дикарей», обречь себя на все лишения и опасности, и притом во имя науки, – это впервые сделал Миклухо-Маклай. И такой «метод полевой работы» прекрасно себя оправдал. Маклаю удалось дать не поверхностное и внешнее описание быта народа, а глубоко заглянуть в жизнь, в душу людей. Вот почему в записях Миклухо-Маклая мы находим едва ли не впервые в мировой этнографической литературе правдивое, неприкрашенное изображение психики, характера изучаемого народа, притом народа, далекого от нас по быту и культуре. Папуасы у Миклухо-Маклая – это не свирепые «людоеды», но и не «добрые дикари» сентиментальных писателей-романтиков. Это не безликая масса, не аморфная «орда», а живые люди, со своими положительными и отрицательными чертами. Впервые в мировой научной литературе «туземец», «дикарь» предстал как простой живой человек. В этом главная ценность записей Миклухо-Маклая.

Этнографические исследования Маклая в других местах были более кратковременными, отрывочными. Однако большую ценность представляют его наблю-

дения в Западной Микронезии (острова Яп, Пелау), в Северной Меланезии (Адмиралтейские острова) – областях, даже и сейчас еще мало изученных. Интересные, хотя фрагментарные, сведения сообщает Маклай о других посещенных им местах – об Индонезии, Малайском полуострове, о некоторых островах Полинезии, о побережье Бразилии, Чили.

Отличительную черту Миклухо-Маклая как ученого составляло то, что для него научные исследования были неотделимы от практической работы на пользу народу. Он был продолжателем славной традиции русской науки – традиции Ломоносова и Лепехина, Коцебу и Невельского. Ведь и сама наука была для Миклухо-Маклая лишь доступной ему формой служения общественному благу. Живя среди папуасов, он обучал их новой для них технике, давал им железные орудия и с удовлетворением наблюдал, как быстро они их осваивают; он научил их разводить новые растения – арбузы, дынное дерево, пытался ввести новых домашних животных. А самое главное, видя своими глазами грабительство европейских колонизаторов в Океании и Азии, Миклухо-Маклай всемерно старался защитить туземное население, особенно своих друзей-папуасов, от вторжения колониальных торговцев, миссионеров, чиновников. Во время своей поездки на западный берег Новой Гвинеи в 1874 г. он защищал местных жителей от малайских пиратов. В 1881 г. энергичное вмешательство Маклая спасло туземную деревню на южном берегу Новой Гвинеи от жестокой карательной экспедиции. Впоследствии Миклухо-Маклай не раз обращался с письмами, телеграммами, заявлениями к высшей администрации колоний, к европейским правительствам, стремясь оградить островитян от колониальных насильников. 27 октября 1883 г. он шлет телеграмму

лорду Дерби, статс-секретарю колоний (Лондон): «Туземцы берега Маклая желают политической самостоятельности под европейским покровительством»¹. Узнав о захвате северо-восточной Новой Гвинеи Германией, он посылает в Берлин канцлеру Бисмарку телеграмму (9 января 1885 г.) резкого протеста: «Туземцы берега Маклая отвергают германскую агрессию»². В то же время Миклухо-Маклай замышляет организацию русской трудовой колонии на одном из островов Океании. Все эти утопические проекты Миклухо-Маклая, все его гуманные начинания оказались бесплодными. Но в отдельных случаях ему удавалось приносить пользу туземцам, защищая их от несправедливостей.

Всей своей гуманной деятельностью, которой Маклай посвятил значительную часть, особенно вторую половину своей жизни, русский ученый вписал свое имя в одну из славных страниц истории этнографической науки.

Елисеев. Венюков. Воейков

Из других «кругосветных путешественников» — людей, которые или по служебным обязанностям или по собственной любознательности посещали разные страны во всех частях света и внесли заметный вклад в этнографию, — надо назвать Александра Васильевича Елисеева (1858–1895). Врач по образованию, он частью в порядке служебных командировок, частью на свои средства год за годом объезжал и обходил пешком самые различные страны. Начав с пеших экскурсий по

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. IV, с. 253.

² Там же, с. 279. См. также «Письма Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту туземцев». — «Изв. ГГО», т. 71, 1939, № 1–2.

Финляндии и русскому Северу еще в гимназические и студенческие годы (1875–1880), он затем перенес свои путешествия в страны Востока: в 1881 г. побывал в Египте, каменистой Аравии, Палестине и Сирии; в 1884 г. – в Палестине, Греции, Италии, Триполи, Алжире, Марокко; в 1886 г. – в Малой Азии, Троаде, Афоне. В 1889 г. Елисеев сопровождал партию русских переселенцев, отправлявшихся морем из Одессы во Владивосток; там он странствовал по Южно-Уссурийскому краю, затем проехал в Японию, а на обратном пути посетил Цейлон. В 1890 г. он странствовал по Персии. В 1893 г. сделал неудачную попытку проехать в Судан, охваченный тогда восстанием махдистов, но дальше Египта не проник. В 1894 г. он побывал в Абиссинии. В 1895 г. неожиданная смерть оборвала его планы еще более дальних путешествий.

Помимо выполнения прямых медицинских обязанностей, Елисеев занимался антропологическими и этнографическими наблюдениями и излагал их в многочисленных статьях – свыше 100, – которые он помещал в различных журналах (в направлении их он был не очень разборчив, печатаясь и в прогрессивных, и в реакционных органах). Темы статей были крайне разнообразны, свидетельствуя о многогранности научных интересов Елисеева. Большая часть их была потом собрана в четырехтомном описании путешествий Елисеева: «По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света доктора А. В. Елисеева» (т. 1–4, 1894–1898; последние два тома посмертно). Книга написана легко и занимательно, наблюдения автора живы, непосредственны, правдивы. Они, однако, порой поверхностны. Общий дух исследований Елисеева – гуманный: он видел и не старался затушевать тяжелое положение народа в посещенных им странах, но часто

ограничивался беглым упоминанием об этом и, не задерживаясь, переходил к другим темам¹.

Скажем коротко еще о двух путешественниках, труды которых в те годы обогащали этнографическую науку, – о Венюкове и Воейкове.

Михаил Иванович Венюков (1832–1901) – человек с весьма своеобразной биографией, и сделанный им вклад в науку был также своеобразен. Родом из дворянской семьи, он получил высшее военное образование в Военной академии генерального штаба (окончил в 1856 г.) и затем много лет провел в путешествиях по разным окраинам России, обследуя и описывая пограничные районы. Хотя эти путешествия были служебными военными командировками, но наблюдательный и добросовестный исследователь привозил из них много ценного для науки материала. Полевые наблюдения он всегда дополнял внимательным изучением литературы.

В 1857 г. Венюков был командирован в Амурский край. В 1857–1858 гг. он путешествовал по пограничным районам Восточной Сибири и Дальнего Востока, плывал по Амуру. В 1859–1860 гг. был в Семиречье, на Тянь-Шане и Памире.

В 1861–1863 гг. Венюков был на Кавказе, участвовал в военных действиях и одновременно занимался военно-географическим и статистическим описанием Закубанского края; он при этом особенно интересовался этническим составом населения; составил этнографическую карту края.

В 1864–1867 гг. Венюков служил в Польше – председателем Комиссии по крестьянским делам.

¹ О Елисееве см.: [Д. Н. Анучин.] А. В. Елисеев. Некролог. «Землевед», кн. 2–3, 1895; Груздев. А. В. Елисеев. Биографический очерк. Елисеев. По белу свету, т. 4; А. И. Першиц. Научные и общественные взгляды А. В. Елисеева, «Изв. ВГО», т. 85, вып. 2, 1953.

С 1868 г. начались заграничные путешествия Венюкова. В этом году он совершил кругосветное путешествие. В 1869–1871 гг. по командировке Военного министерства он ездил в Японию и в Китай; в 1874 г. – в Азиатскую Турцию.

В 70-е годы Венюков принимал активное участие в работе Географического общества. В 1872–1876 гг. он был его секретарем.

Хотя Венюков и состоял на военной службе в высоких чинах, он, однако, всегда держался весьма независимых взглядов. Он резко критиковал чиновничий и военный бюрократизм, защищал солдат от жестокого обращения командиров, был решительным противником крепостного права. Путешествуя по странам Востока, он прямо и резко говорил об их угнетении чужеземцами. В 1877 г. Венюков, не желавший более мириться с реакционно-самодержавным режимом в России, вышел в отставку и, отказавшись от пенсии, уехал за границу, послав императору письмо с откровенным объяснением мотивов своей отставки и эмиграции. С этого времени, поселившись в Париже, Венюков занимался литературной деятельностью, совершил еще несколько путешествий. В своих автобиографических записках он резко пишет о всякого рода «царственных паразитах» и прочих высокопоставленных разбойниках, угнетающих народ¹. Умер Венюков в одиночестве и бедности.

Еще до своей отставки Венюков был связан с кругами русской революционной эмиграции: он был знаком с Герценом, даже давал ему статьи для «Колокола», но не был ни революционером, ни социалистом. Болея душой за угнетенный народ, он не ждал, однако, ничего хорошего от революции и возлагал надежды лишь на медлен-

¹ См. М. И. Венюков. Из воспоминаний (M. Venukoff. Mes souvenirs), кн. 1–3. Амстердам, 1895–1901.

ное культурное развитие трудящихся масс, – без этого они, по его мнению, неизбежно утрачивают временные революционные завоевания.

Научно-литературное наследие Венюкова велико. Особую ценность в нем представляют его описания посещенных им и хорошо изученных стран. Более крупные из них: «Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них» (1868); «Очерки Японии» (1869); «Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии» (1, 2, 1871); «Очерки современного Китая» (1874); «Опыт военного обозрения русских границ в Азии» (1873–1876) и др. Во всех этих работах есть ценные этнографические сведения. Местами сильно сказывается горячее сочувствие автора угнетенным народам Азии, сочувствие их борьбе против угнетателей.

Совсем другим человеком был Александр Иванович Воейков (1842–1916) – тоже из военно-дворянской семьи, но ставший ученым по профессии. Он был географом, преимущественно физико-географом, и его вклад в мировую географическую науку, особенно в области климатологии, был чрезвычайно велик. Этнография его занимала мало и лишь с чисто географической точки зрения¹. Однако в своих многочисленных и далеких путешествиях он попутно подбирал и этнографические сведения и иногда их печатал.

Путешествия Воейкова начались в конце 60-х годов. В 1868 и 1870 гг. он ездил по Кавказу, в 1872 г. – по странам Западной Европы. В 1873 г. он путешествовал по США и Канаде. В 1874 г. – странствовал по Центральной и Южной Америке: был в Мексике, причем в Юкатане

¹ См. из позднейших работ Воейкова: «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» («Изв. ИРГО», 1906); «Людность селений Европейской России и Западной Сибири» («Изв. ИРГО», т. 45, 1909, № 1–3).

побывал на развалинах древних городов майя, был в центральноамериканских республиках, в Перу, в Бразилии, ездил вверх по Амазонке. Из Рио вернулся в Нью-Йорк. В 1875–1876 гг. Воейков путешествовал по южной и юго-восточной Азии: был в Индии, объехав многие ее места, на Цейлоне, Яве, в Японии – по Японии он много ходил пешком. В последующие годы Воейков совершал отдельные поездки по России и за границу¹.

Из этнографических заметок Воейкова представляют интерес: «У сирийских христиан и в Траванкоре» («Русское обозрение», т. 1, 1890, январь), где автор рассказывает о своем посещении колонии несториан («сирийских христиан») в Южной Индии, ведущих обособленную жизнь, с весьма колоритным бытом и сложными отношениями. «Краткий этнографический очерк айнов» («Изв. ИРГО», т. XIII, 1877, вып. 2, отд. 1, с. 102), «Канада: ее сельское хозяйство и колонизация» («Русская мысль», 1898, кн. 4), – там есть данные о быте населения, в частности о франко-канадцах.

Общий дух этнографических заметок Воейкова – строго объективистский, беспристрастный. Его общественно-политические взгляды были консервативными. В позднейших работах сказывается даже казенно-великодержавная точка зрения (см. «Русская колонизация на Кавказе», в газете «Экономист России», № 1, СПб., 1912).

Влияние марксизма на русскую этнографию

Важным показателем нового этапа в развитии этнографической науки был ее теоретический рост – появление в 70-х годах новых общих концепций. Они бази-

¹ См. Г. Д. Рухтер. Жизнь и деятельность А. И. Воейкова. В кн.: А. И. Воейков. Избранные сочинения, т. 1. М.–Л., 1948.

ровались, с одной стороны, на все большем накоплении фактического материала, а с другой – на усилении связей с научной мыслью Запада; главным же образом в них отразилось развитие общественной мысли в России. Здесь прежде всего надо отметить влияние марксизма на русскую этнографическую литературу¹.

Влияние марксизма шло в основном по двум каналам: через работы самих основоположников и через труды их русских последователей. С одной стороны, сами Маркс и Энгельс интересовались некоторыми проблемами изучения русской народной жизни; наиболее интересовала их русская сельская община, а также артельная организация труда и другие подобные явления, вопрос о которых в то время оживленно обсуждался в связи с перспективами революции в России. Этим вопросам, которые представляют важное значение для этнографа, посвящены известные черновики письма Маркса к Вере Засулич (1881), статья Энгельса «О социальном вопросе в России» (1875) и многочисленные высказывания обоих основоположников, особенно в их переписке с русскими деятелями².

Другим каналом, по которому шло влияние марксизма на русскую этнографическую литературу, были работы первых русских марксистов и ученых, находившихся под влиянием марксистских идей. Одним из них был Н. И. Зибер.

Николай Иванович Зибер (1844–1888) – экономист и этнограф, передовой русский мыслитель, еще на сту-

¹ См. В. Е. Гусев. Марксизм и русская фольклористика конца XIX – начала XX в. М.–Л., 1961.

² См. К. Маркс. Письмо к В. Засулич. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1. Изд. 3. М., 1930; Ф. Энгельс. О социальном вопросе в России. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18; «Переписка Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2. М., 1951.

денческой скамье (юридический факультет Киевского университета) познакомился с сочинениями Маркса и Энгельса и стал на всю жизнь убежденным последователем их учения. Служа после окончания университета мировым посредником на Волыни, он столкнулся вплотную с крестьянской средой и серьезно заинтересовался экономикой деревни. Его магистерская диссертация (1871) была посвящена теории ценности и капитала Д. Рикардо; в ней он изложил и марксово учение о стоимости – и изложил вполне правильно, что с одобрением отметил сам Маркс. В 1873–1875 гг. Зибер был доцентом Киевского университета и читал лекции по политической экономии и статистике, но в 1875 г. ушел из университета в знак протеста против шовинистической политики правительства (преследования украинских ученых) и уехал за границу, в Швейцарию.

Там он лично познакомился с основоположниками марксизма. Пропаганда марксизма, идейная борьба против русского народничества втянули Зибера в круг проблем этнографии. А именно, для опровержения народнического тезиса о том, что сельская община – это самобытная особенность русского народа, он занялся изучением широкого сравнительно-этнографического материала о распространении общинного землевладения у народов всех частей света. В 1881 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована его большая статья «Община и государство в Нидерландской Индии». А в 1883 г. вышел в свет его капитальный труд «Очерк первобытной экономической культуры» – главный вклад Зибера в русскую и мировую этнографическую литературу (переиздано в 1899, 1923, 1937 гг.). В Россию Зибер вернулся в 1884 г. больным и утратившим работоспособность и через 4 года умер.

Научное значение книги Зиберя особенно велико потому, что в ней, в сущности, впервые поставлен вопрос о характере производственных отношений, форм собственности в первобытном доклассовом обществе – вопрос, который ни Морган, ни Энгельс по-настоящему не поставили. Зибер собрал огромный материал, наглядно показывающий, что древнейшими формами хозяйствования были общинные, коллективные формы. Автор пришел к выводу, «что общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития»¹. В своей книге он исследует коллективные формы труда в охоте, рыболовстве, земледелии, в постройке жилищ, общинные традиции в обычаях – гостеприимство, дарение и пр., преобладающие общинные формы собственности, первобытные формы обмена, демократизм в общественном устройстве отсталых народов.

Следует признать, что Зибер не уберется от некоторых преувеличений: он видел господство общинных, коллективных форм даже у народов, у которых на самом деле уже исчезло первобытное равенство и возникли общественные классы, – это та же ошибка, которую до него сделал Морган, отрицавший классы и государство, например, у древних народов Мексики и Перу. Выводы Зиберя поэтому нуждаются – в отношении отдельных народов – в критической проверке. Но общий вывод его остается несомненно правильным, и этот вывод составил важный вклад в разработку проблем первобытного общества и проблем общей этнографии.

Не все считают Зиберя марксистом. Есть мнение, что он – буржуазный эволюционист либо позитивист,

¹ Н. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. СПб., 1883, с. 1.

находившийся лишь под влиянием марксизма. Конечно, элементы эволюционистского мировоззрения у Зиберера ясно видны. Верно и то, что он не мог еще усвоить себе марксистскую концепцию целиком: например, П. И. Кушнер, редактор нового издания Зиберера, правильно отмечает, что Зиберер недопонимал диалектики исторического процесса, слишком упрощенно понимал значение экономического базиса¹. Тот же Кушнер верно указывает, что Зиберер не был революционером, а был гуманистом-интеллигентом, но он горячо сочувствовал обездоленным массам, ненавидел классовый гнет. Он не имел ничего общего с позднейшими «легальными марксистами», идеологами либеральной буржуазии. По верному выражению П. И. Кушнера, «Н. И. Зиберер был первым русским этнографом, наиболее близко подошедшим к марксизму»².

Другой крупный исследователь, хотя и не марксист, а буржуазный позитивист, но испытавший на себе влияние марксизма, – известный М. М. Ковалевский (1851–1916). Ковалевский в ранние годы своей деятельности был очень радикально настроен; он был лично знаком с Марксом и Энгельсом (с 1874 г.) и поддерживал с ними постоянную переписку. За свои радикальные убеждения Ковалевский был изгнан из Московского университета, вынужден был эмигрировать (1877), и его дальнейшая деятельность протекала по большей части за границей. Он читал лекции в Стокгольмском университете (см. его «Очерк происхождения и развития семьи и собственности»), в Оксфордском (лекции по обычному праву народов России) и в других универ-

¹ Н. Зиберер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, с. XVI; см. также: П. И. Кушнер. Н. И. Зиберер. К 60-летию со дня смерти. СЭ, 1948, № 4, с. 147.

² СЭ, 1948, № 4, с. 154.

ситетах и научных учреждениях Европы и Америки. В 1901 г. им была основана в Париже «Русская высшая школа общественных наук».

Сферой особых научных интересов Ковалевского было, как и у Зибера, общинное землевладение. Этому вопросу посвящена его первая большая работа – «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт» (Лондон, 1876), вышедшая тогда же и в немецком переводе, а далее – «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (ч. 1, 1879, работа осталась незаконченной) и отдельные исследования и лекции, издававшиеся за границей на английском и французском языках. Работы Ковалевского по истории сельской общины являются крупным вкладом в мировую науку. Они очень высоко оценивались основоположниками марксизма, которые ставили Ковалевского в этом отношении на один уровень с Маурером, впервые открывшим для науки сельскую общину.

Другая область интересов Ковалевского – родовой строй в его развитии и разложении. Обширный материал по этой проблеме он собрал лично среди народов Кавказа в 80-х годах и посвятил ей две большие специальные работы: «Современный обычай и древний закон» (1886 г. – об обычном праве осетин) и «Закон и обычай на Кавказе» (1890 г. – о пережитках первобытнообщинных отношений у ряда других народов Кавказа). В 1906 г. вышла его широко обобщающая работа «Родовой быт». Наиболее важным результатом исследования Ковалевского в данной проблеме было разработанное им учение о патриархально-семейной общине как форме разложения родового строя. Важность этого открытия Ковалевского подчеркивал Энгельс¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 61–62, 63, 130, 134, 139–140.

Вообще труды Ковалевского находили себе заметный отзвук в зарубежной науке, и с ними очень считались. Почти все его крупные работы появлялись вскоре в иностранных переводах, на английском, французском, немецком, испанском, итальянском языках.

Правда, работы Ковалевского имеют существенные недочеты: он не всегда достаточно критически относился к материалу, допускал фактические неточности. Самое же главное – это то, что Ковалевский никогда не мог подняться выше уровня буржуазно-позитивистского мировоззрения. Однако его работы были крупным вкладом в русскую и мировую этнографическую литературу.

Эволюционистское направление

Господствующим направлением, начиная с 70-х годов, сделалось то, которое известно под именем эволюционизма и которое получило особую популярность в эту эпоху и в западноевропейской этнографической литературе, со времени работ Тэйлора, Спенсера, Мак-Леннана, Лёббока, Моргана, Герланда, Липперта и других представителей этой школы.

Составляя часть позитивистского течения буржуазной научной мысли, эволюционистское направление в этнографии было наиболее прогрессивным из всех буржуазных направлений. Позитивизм как научное течение еще раньше одержал победу и в философии, и в естествознании, и в области общественных наук, отражая в себе идеологию буржуазии как еще прогрессивного в то время класса. Романтическая историография предыдущего периода, отражавшая взгляды по преимуществу отжившего дворянства, искала свои идеалы в прошлом, и прошлое было для нее предметом любо-

вания. В этнографии это течение было представлено мифологической школой. Напротив, позитивистская наука исходила из идеи прогресса и идеал свой видела впереди. В противоположность историкам-романтикам историки-позитивисты ставили себе цель строго объективного, реалистического познания действительности. Они искали общих закономерностей в истории. Образцом для них служили естественные науки, огромные успехи которых в те годы вызывали всеобщий энтузиазм. Естественнонаучных закономерностей искали и в истории человечества. Все эти основные идеи позитивизма – стремление к объективному познанию действительности, идея естественнонаучной закономерности, идея прогресса – составляют характерные черты и эволюционистского направления в этнографии. Недаром как раз в те годы появилась во всех странах тенденция связать этнографию именно с естественными науками.

Отрицательными сторонами позитивизма, как буржуазного мировоззрения, были: неглубокое понимание им развития как простого количественного, притом постепенного, роста, игнорирование законов диалектического развития. В области общественных наук, в частности в этнографии, буржуазные позитивисты-эволюционисты не видели качественных различий между отдельными формами общественного строя (социально-экономическими формациями), не видели неразрывной связи общественных явлений друг с другом, в частности диалектической связи общественного базиса и надстройки; поэтому при изучении они искусственно изолировали отдельные явления культуры от жизни народа в целом и пытались проследить их имманентное (каким они его себе представляли) развитие.

Наконец, нельзя забывать о том, что ученые-позитивисты по своим общефилософским взглядам были

не материалистами, а либо агностиками, либо просто идеалистами. Так было не только с историками, этнографами, но и с натуралистами. Ведь еще Энгельс говорил о многочисленных естествоиспытателях, «которые в пределах своей науки являются непреклонными материалистами, а вне ее не только идеалистами, но даже благочестивыми, правоверными христианами»¹. Энгельс приводил и наиболее поразительный пример – великого ученого-биолога Альфреда Уоллеса, соперника Дарвина по открытию эволюции видов через естественный отбор, – Уоллеса, который оказался убежденным мистиком-спиритом²...

В России одним из ранних представителей эволюционистского направления в области этнографии был Михаил Игнатьевич Кулишер (не смешивать с его сыном Иосифом Кулишером, известным историком хозяйства и экономистом). Наиболее известна его книга, представляющая собой собрание отдельных статей, под общим названием «Очерки сравнительной этнографии и культуры» (1877), которая по духу своему целиком соответствует работам западноевропейских, в особенности английских, эволюционистов. Кулишер находился под сильным влиянием Лёббока. Он отстаивал теорию «коммунального брака», придерживался тех же взглядов, как и Лёббок, на развитие семьи и брачно-половых отношений. Особенный интерес он проявлял к области изучения форм семьи и положения женщины.

Последователями эволюционистского направления были также, помимо уже упоминавшегося М. Ковалевского: Э. Ю. Петри – автор двухтомной «Антропологии» (СПб., 1890–1897); Д. А. Коропчевский, переводчик ряда классических иностранных работ по этнографии, неудо-

¹ Ф. Энгельс. Дialeктика природы. М., 1952, с. 157.

² См. там же, с. 28–37 («Естествознание в мире духов»).

мимый популяризатор науки; харьковский профессор Н. Ф. Сумцов, автор многочисленных работ по украинской этнографии; казанский профессор И. Н. Смирнов, знаток этнографии народов Поволжья; сибиряк С. С. Шашков, популяризовавший западных классиков этнографии Лёббока, Тэйлора и др.; М. В. Довнар-Запольский, краевед Белоруссии, позже историк, профессор Киевского университета.

Д. Н. Анучин

Близок к эволюционистскому направлению был бесспорно и Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Но он стоит несколько особняком. В лице Анучина перед нами очень яркий пример связи этнографии с целым пучком наук биологических, т. е. того же самого явления, которое выразилось в создании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Анучин был зоологом по основной специальности. Однако, обладая очень широкой научной эрудицией, он работал одновременно в области географии, в частности физической, в области археологии, антропологии и этнографии. Очень плодотворной оказалась в некоторых отношениях увязка этнографического материала с данными антропологии и археологии. Идея такого объединения трех родственных наук высказывалась, правда, и раньше, например, К. М. Бэрром в 1842 г.; но эта идея в официальной науке не получила признания. Теперь же, в связи с успехами естественных наук, с победой эволюционистского мировоззрения, усилилось стремление связать этнографию, через антропологию, с естествознанием. С этой стороны особенно памятна для истории нашей науки деятельность Анучина. С триадой наук:

этнография, археология и антропология – и связано в нашем представлении имя Анучина. Традиция этого тройственного союза сохраняется до настоящего времени в Институте антропологии Московского университета. Анучин был создателем очень ценного музея, где органически объединялась работа трех наук: антропологические, археологические и этнографические коллекции связаны здесь в единое целое. Этот музей – ныне Государственный музей антропологии МГУ – предмет гордости русской науки. По этой же линии шла исследовательская и преподавательская деятельность Анучина. Он был, между прочим, первым, кто занял кафедру антропологии в Московском университете (1880); но он читал и курс «этнологии» и был автором ряда ценных этнографических работ.

Вот более важные из них: «Материалы для антропологии Восточной Азии. 1. Племя айнов» («Труды антропологического отдела ОЛЕАЭ», 1876, прилож.); «Этнографические очерки Балканского полуострова» («Природа», 1877); «Лук и стрелы, археолого-этнографический очерк» (М., 1887); «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд» (М., 1890); «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнерусское сказание “О человецах неизвестных в восточной стране”. Археолого-этнографический этюд» (М., 1890); «Япония и японцы» («Землеведение», 1906, кн. 3–4).

Более мелкие этнографические работы Анучина насчитываются многими десятками.

Из названных работ особенно характерны для Д. Н. Анучина два его «археолого-этнографических» очерка: «Лук и стрелы» и «Сани, ладья и кони». В обеих работах очень удачно комбинируется археологический и этнографический материал с данными пись-

менных источников. Пример мастерства анучинской этнографической интерпретации письменных источников – его замечательный анализ древнерусского памятника «О человецех незнаемых в восточной стране» (1890), где Анучин тщательным исследованием сумел под баснословными сказаниями увидеть реальные этнографические факты.

Для научных взглядов Д. Н. Анучина очень показательна его программная статья в № 1 журнала «Этнографическое обозрение» (1889). В ней он предостерегает против увлечения чистым собирательством фактов, бесконечным накоплением сырого материала. Очередной задачей науки, по его мнению, является не это, а систематизация собранного материала, «сведение воедино» разбросанных этнографических данных о разных народах и составление капитальных монографий об отдельных народностях, со всесторонним использованием письменных и вещественных источников и собственных полевых материалов исследователя. При этом Анучин, со своим обычным широким взглядом, указывает на важное значение этнографического материала не только с чисто научной точки зрения – для общей истории и истории культуры, но и в общеобразовательном, практическом и общественном отношении. Этнография, говорил Анучин, сближает нас с нашим народом, знакомит с его бытом и нуждами.

Эта широкая программа этнографических работ, подкрепленная научным авторитетом Анучина (он был, между прочим, бессменным президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1890 г. до самой смерти, редактором основанного им журнала «Землеведение»), осталась не без влияния на многих исследователей – учеников и единомышленников Анучина. Надо прибавить, что имя Д. Н. Анучина

было очень авторитетным и среди зарубежных ученых; работы его переводились на разные языки либо реферировались в иностранных журналах и оказывали влияние на труды этнографов.

Преобладание эволюционистского направления в русской этнографической литературе было вообще симптомом сближения нашей науки с зарубежной. Это сближение выражалось, в частности, в очень характерном факте – появлении ряда переводов, классических сочинений западноевропейских этнографов на русский язык. Любопытно, что до 70-х годов этнографические работы, выходявшие на Западе, у нас почти не переводились. Сочинения классиков мифологической школы – Гримма, Куна, Маннгардта и других – до сих пор на русский язык не переведены. С другой стороны, в более позднюю эпоху, в годы господства реакционных и эклектических направлений на Западе, опять-таки ослабела связь зарубежной науки с русской, и произведения более поздних авторов – диффузионистов, функционалистов и др. – редко издавались в России. А как раз в эпоху господства эволюционизма иностранные этнографические работы переводились на русский язык и переводились корифеями русской этнографической науки – Анучиным, Коропчевским или под их редакцией. В частности, Анучин редактировал перевод книги Лёббока «Доисторические времена» (1876). Перевод главного труда Моргана «Древнее общество» вышел с предисловием М. Ковалевского (1900). «Первобытная культура» Тэйлора переведена Коропчевским (1872).

Этот факт не случаен: он не только знаменовал более крепкую связь русской этнографической науки с западноевропейской; появление переводов классиков-этнографов означало также и рост общественного интереса к вопросам этнографии. Ведь самим специалистам

не требовались переводы с иностранных языков, они читали эти работы в подлиннике. Переводы были нужны для более широких кругов читателей. Если возникла потребность в переводах классических сочинений по этнографии на русский язык, это означало, что в широких читательских кругах усиливался интерес к этнографии.

«История русской этнографии» Пыпина

На исходе XIX в. русская этнографическая наука могла похвалиться очень большими достижениями. Был накоплен огромный фактический материал. Были созданы оригинальные и ценные концепции. Русская этнография шла в ногу с зарубежной наукой, а порой – в лице таких ученых, как Чернышевский, Миклухо-Маклай, Максим Ковалевский, Анучин – перегоняла ее. Содержание этнографических материалов, накопленных и обработанных к концу XIX столетия, было буквально неисчерпаемо.

Показательна попытка подвести итоги развитию русской этнографии, сделанная в те годы. Это большая четырехтомная «История русской этнографии» (1890–1892) А. Н. Пыпина – книга, составленная из статей в «Вестнике Европы» за 1881–1888 гг. А. Н. Пыпин, сам отнюдь не этнограф, а известный литературовед, умеренный демократ по убеждениям, но позже перешедший в лагерь либералов, смотрел на этнографию через свои историко-литературные и публицистические очки. Он видел в ней развитие идеи народности, историю национально-демократического мировоззрения. Труд Пыпина по своему содержанию не совсем соответствует названию: это не та «история русской этнографии», какую мы себе представляем. В ней собран

богатый материал по истории общественной мысли в России, обстоятельно изложены взгляды всех более или менее видных писателей, критиков, ученых, публицистов, так или иначе проявлявших свое отношение к «народу», к «народности»; и взгляды эти подвергнуты довольно последовательной критике в духе умеренного демократизма. Изложение свое Пыпин начинает с Петровской эпохи, когда «впервые возникает сознательная мысль об изучении народа и народности»¹. Внимание свое он уделяет и таким авторам-публицистам и ученым, которые собственно к этнографии как науке имели отдаленное отношение: таким, как Сергей Соловьев, Константин Аксаков, Н. Тихонравов. Зато история накопления и обработки конкретного этнографического материала, изучение хозяйства, материальной культуры, да и общественно-семейного быта народа отражены в книге Пыпина чрезвычайно слабо. Эта сторона науки его самого как-то мало интересовала, он ее почти и не замечал. Развитие музейного дела, столь важного для этнографии, оставлено им вообще в стороне. Словом, самое понимание этнографии как науки у Пыпина довольно далеко от нашего. По его определению, «материал этнографии – народно-поэтические воззрения и обрядовый быт»².

В целом, хотя пыпинская «История русской этнографии» и не дает полного представления об истории и состоянии этой науки к концу XIX в., уже самое появление этого капитального компендиума, да еще написанного не специалистом, свидетельствует о больших достижениях и почетном месте, завоеванном русской этнографией к этому времени.

¹ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 1. СПб., 1890, с. III.

² Там же, с. 15.

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

в 1890–1917 гг.

Этнографы-краеведы

В собирательской этнографической работе конца XIX и начала XX в. все более преобладало краеведческое направление. На местах росли кадры любителей и специалистов-этнографов, изучавших быт местного населения; рос и количественно и качественно собираемый ими материал. В их числе были лица, специально подготовленные, научные работники, были самоучки-любители, люди разных социальных положений и разных политических взглядов: учителя, земские деятели, сельское духовенство, мелкие чиновники, захудалые помещики. Но все они были так или иначе близки к народу. Некоторые из этих тружеников-собирателей продолжали свою полезную деятельность и после революции.

В качестве краеведа начинал свою многолетнюю научную деятельность Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) – впоследствии один из виднейших русских и советских этнографов¹. Родом из Вятской

¹ О Д. К. Зеленине см.: «Записка о научных трудах Д. К. Зеленина». «Изв. Академии наук», 1925, № 18; Т. В. Станюкович и М. Д. Торен. Д. К. Зеленин (некролог). СЭ, 1954, № 4.

губ. (Сарапульского у.), он окончил в 1904 г. историко-филологический факультет Юрьевского (Тарту) университета. Еще в молодые годы он делал фольклорно-этнографические наблюдения и записи на своей родине в Вятском крае и уже в студенческую пору (с 1900 г.) публиковал их¹. В 1903 г. он выпустил первую книгу – «Песни деревенской молодежи, записаны в Вятской губ.» (Вятка, 1903), а затем краеведческий путеводитель «Кама и Вятка, путеводитель и этнографическое описание Прикамского края» (Юрьев, 1904; сокращенное издание: Нижний Новгород, 1908). Обладая широким научным кругозором, Зеленин записывал и фольклорные тексты (притом не только старинные, но и новые, частушки и пр.) и верования, интересовался материальной культурой («Русская соха, ее история и виды», Вятка, 1907). По окончании университета Зеленин жил в Петербурге, специально занимаясь – под руководством академиков Фортунатова и Шахматова – русской диалектологией. Он опубликовал в те годы свои записи сказок – «Великорусские сказки Пермской губ.» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 41, 1914), «Великорусские сказки Вятской губ.» (там же, т. 42, 1915). Очень важное значение для историко-этнографического изучения русского народа имеет крупный труд Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (СПб., 1913): автор тщательно прослеживает исторический ход заселения каждой отдельной губернии, каждого уезда и пытается выяснить этнический состав их населения. Это была магистерская диссертация Д. К. Зеленина; после защиты ее Зеленин был избран приват-доцентом

¹ «Язычество в Вятской губ.» («Жизнь», 1900, № 4); «Новые веяния в народной поэзии» («Вестник воспитания», 1901, ноябрь) и др.

Петербургского университета и читал там лекции по этнографии. В 1916 г. Зеленин опубликовал не менее интересную докторскую диссертацию – «Очерки русской мифологии» (о ней см. ниже).

Д. К. Зеленину принадлежат также очень полезные библиографические и архивоведческие труды: «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 40, СПб., 1913) и «Описание рукописей ученого архива Русского географического общества» (Пг., 1914–1916, вып. 1–3; не закончено).

В советские годы Д. К. Зеленин вел большую научную и преподавательскую работу в Институте этнографии, в Музее антропологии и этнографии, в Ленинградском университете и написал ряд этнографических трудов.

По северным областям России выделялась краеведческо-этнографическая деятельность, особенно Иваницкого и Едемского.

Николай Александрович Иваницкий (1847–1899) служил долгое время в земстве Вологодской и Олонецкой губерний (секретарем земской управы и пр.) и с увлечением занимался изучением быта крестьян. Он умел хорошо с ними сходитья (хотя сам происходил из дворян) и входить в их интересы. Его главные труды: «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (М., 1890), «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» («Живая старина», 1898, вып. 1), они награждены медалями Русского географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии¹.

¹ Некролог Н. А. Иваницкого см.: «Олонецкие губернские ведомости», 1899, № 92; см. также: Н. В. Новиков. Н. А. Иваницкий и его переписка с П. В. Шейном. «Русский фольклор», III. М.–Л., 1958.

М. Б. Едемский (1870–1933), сын крестьянина с. Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губ., получил образование в Учительском институте, потом в Петербургском университете – по специальности геологии. Большую часть жизни он работал учителем и попутно увлекался сбором фольклорно-этнографических текстов. Им написан ряд статей в «Живую старину» по быту его родной деревни¹. Свою краеведческую собирательскую деятельность Едемский продолжал и в советские годы².

Из сибирских краеведов особенно видное место принадлежит А. А. Дунину-Горкавичу (1854–1927)³. Он служил с 1890 г. лесничим в Самаровском лесничестве Тобольской губ. и за годы службы изъездил обширный край вдоль и поперек, изучив его всесторонне. Особенно привлекали его внимание хозяйство и быт местного населения – остяков и вогулов, ненцев. Первую обстоятельную статью о них он напечатал в 1897 г. – «Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения» («Ежегодник Тобольского музея», вып. XIII, 1897). Основная же его работа – «Тобольский Север» (т. 1–3, Тобольск, 1904–1911) – остается до сих пор лучшей монографией о крае. Третий том ее озаглавлен «Этнографический очерк местных инородцев».

Скромное место занимает в сибирской этнографии Петр Алексеевич Городцов (ок. 1865–1919) – младший брат известного археолога В. А. Городцова. Он служил

¹ «Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге» («Живая старина», 1905, вып. 3–4); «Из кокшеньгских преданий» (там же, 1905, вып. 1–2); «Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда» (там же, 1910, вып. 1–4, приложение); «17 сказок, записанных на Севере» (там же, 1912, вып. 2–4); «О крестьянских постройках» (там же, 1913, вып. 1–2) и др.

² См. Н. Ончуков. М. Б. Едемский. СЭ, 1934, № 1–2.

³ См. о нем: М. К-в. Александр Александрович Дунин-Горкавич (некролог). «Уральское краеведение», 1927, вып. 1.

в Тобольской губ. крестьянским начальником и судебным следователем (в этой должности он, между прочим, дважды отдавал под суд за кражи неизвестного Григория Распутина, крестьянина с. Покровского, бежавшего потом в Петербург и там прославившегося при царском дворе). Из довольно многочисленных этнографических записей П. А. Городцова в печать попало очень немного: «Азан-юрты, западносибирская легенда» (ЭО, 1906, № 1–2), «Западносибирская легенда о творении мира и борьбе духов» (там же, 1909, № 1), «Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда» («Ежегодник Тобольского музея», 1905, вып. 16) и др. Неопубликованные записи Городцова хранятся в Тюмени, в архиве Общества изучения Тюменского края¹.

В числе сибирских краеведов-этнографов надо отметить Марию Васильевну Красноженову. Живя долгие годы в Красноярске, она еще в гимназии, 14 лет от роду, заинтересовалась народным творчеством и начала записывать местные песни, поговорки, загадки, сказки и пр. Сначала она работала «на ощупь», потом связалась с ВСОРГО (Иркутск) и получала оттуда помощь и указания. Ее этнографическая работа «Из народных обычаев крестьян деревни Покровки» печаталась в «Известиях Красноярского подотдела ВСОРГО» (т. II, вып. 6, 1904), ряд работ опубликован в «Известиях ВСОРГО»: «Описание крестьянской свадьбы в деревне Лапино» – в т. 36 за 1905 г., «Описание крестьянской свадьбы в деревне Злобиной» – в т. 38 за 1907 г., «Материалы по народной медицине Енисейской губ.» – в т. 42 за 1911 г.; «7 сказок русского населения Енисейской губ.» напечатаны в «Живой старине» (1912, вып. 2–4) и т. д. После Октябрьской революции Красноженова продолжала активную

¹ См. Н. Е. Ончуков. П. А. Городцов, западносибирский этнограф. «Сибирская живая старина», VII, 1928.

собираТЕЛЬскую и культурную работу. За свою многолетнюю деятельность она накопила свыше 5000 текстов, в том числе 120 сказок, около 1000 песен, около 400 текстов детского фольклора¹.

Можно было бы рассказать немало интересного и о других сибирских краеведах-этнографах: об А. В. Анохине (1874–1931) – учителе – старожиле Алтая, собирателе-фольклористе и композиторе; о В. И. Анучине (1875–1941) – этнографе-беллетристе (впоследствии, в советские годы, он был профессором физической географии в Казани и в Самарканде); о К. М. Рычкове, В. И. Огородникове, И. А. Лопатине, Л. Н. Добровой-Ядринцевой и пр.

В Сибири начинал в дореволюционные годы свою фольклорно-краеведческую деятельность и Марк Константинович Азадовский (1888–1954), иркутянин родом, впоследствии виднейший советский фольклорист-этнограф. Окончив в 1913 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Азадовский тогда же начал систематически собирать фольклор в Верхоленском крае и на Амуре; туда он совершил несколько поездок в 1913–1915 гг. и записал много текстов. Материалы своих записей М. К. Азадовский опубликовал уже в советское время: «Ленские причитания» (Чита, 1922), «Сказки Верхоленского края» («Сибирская живая старина», вып. 2–4, 1924; отдельно: Иркутск, 1925), «Верхленские сказки» (Иркутск, 1938) и др.²

Особенно оживленная этнографо-собираТЕЛЬская краеведческая работа развертывалась в эти годы в Белоруссии и на Украине. По западным, белорусским губер-

¹ См. М. К. Азадовский. К 45-летию юбилею М. В. Красноженовой. «Советский фольклор», 1935, № 2–3.

² См. «Библиография М. К. Азадовского, 1913–1943». Составила Н. С. Бер под ред. В. Д. Кудрявцева. Иркутск, 1914; В. Ю. Крупянская и Э. В. Померанцева. М. К. Азадовский (некролог). СЭ, 1955, № 2.

ниям было собрано и опубликовано очень много ценного этнографического материала¹.

Одним из типичнейших краеведов-собираателей того времени был, например, Николай Яковлевич Никифоровский (1845–1910). Родом из мелкого духовенства Витебской губ., белорус, получивший образование в Полоцкой духовной семинарии, он затем всю жизнь учительствовал на Витебщине. Горячий патриот своего народа, своего края, он неумоимо собирал различный материал по быту, обычаям, поверьям местного крестьянства. Этот материал он передавал сначала Шейну (с которым познакомился в 1871 г.), а с начала 90-х годов начал публиковать его сам. Его бесхитростные записи охватывают разные стороны материального и духовного быта витебских белорусов. Главные работы: «Очерки Витебской Белоруссии» – ряд статей под этим общим заглавием печатался в «Этнографическом обозрении» за 1892–1898 гг. (и отдельно); «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (Витебск, 1895); «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах в Витебской Белоруссии» (Витебск, 1897); «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (Вильно, 1907). Многое из собранного Никифоровским материала осталось, однако, неопубликованным².

В Смоленской губ. неумоимым собирателем-этнографом был Владимир Николаевич Добровольский (1856–1920), из мелких смоленских помещиков. Воспитанник Московского университета, он учился у про-

¹ См. В. К. Бандарчык. Гісторыя беларускай этнаграфіі. Мінск, 1964.

² Сведения о Никифоровском см.: В. К. Стукалич. Н. Я. Никифоровский, 1845–1910. Вильно, 1910 (оттиск из «Зап. Северо-западного отдела ИРГО», кн. 1).

фессоров Буслаева, Корша, Всеволода Миллера и уже в студенческие годы, особенно под влиянием Миллера, заразился горячим интересом к этнографии. Ей он посвятил всю свою дальнейшую жизнь, исколесив всю Смоленскую губернию, сначала на свои средства, а потом, обеднев и поступив на службу (инспектором народных училищ), – в связи со служебными поездками. Кроме Смоленской губ., он бывал и жил в Калужской, Орловской, Рязанской – и там столь же ревностно собирал фольклорно-этнографический материал. У Добровольского есть также и интересные записи о цыганах Смоленской губ., – он их знал с детства и даже понимал цыганский язык. Важнейшие публикации Добровольского: «Смоленский этнографический сборник» – ч. 1–4, изданный ИРГО в серии «Записок по отделению этнографии» (т. 20, 23, 1–2; 27), «Смоленский областной словарь» (Смоленск, 1914); «Киселевские цыгане» (вып. 1. Цыганские тексты. СПб., 1908). Кроме того, он опубликовал до трех десятков этнографических статей, главным образом в журналах «Этнографическое обозрение» и «Живая старина».

Неустанная собирательская работа Добровольского вдохновлялась его подлинной любовью к народу. Он умел сблизиться с народом, с крестьянскими детьми. Его любили народные учителя, от которых он записал много фольклорных текстов. Увлеченный любимым делом, Добровольский видел свою задачу в накоплении фактического материала и не позволял себе никаких теоретических обобщений. «Собиратель был совершенно чужд, – писал о себе сам Добровольский, – стремления делать научные выводы и обобщения, хотя некоторые научные соображения руководили им, по необходимости, при группировке довольно значительного материала; главная же забота собирателя заключалась в том,

чтобы собрать возможно большее число разнообразных этнографических фактов»¹.

Свою этнографическую работу Добровольский продолжал и даже усилил в советский период, со свежей энергией, несмотря на преклонный возраст, кинувшись в культурно-просветительную работу. Но уже в мае 1920 г. он погиб от бандитской пули².

С Белоруссией была связана и краеведческая деятельность Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934), имя которого, впрочем, более известно как историка и профессора Киевского университета.

Довнар-Запольский начал печататься в 1883–1884 гг. с мелких газетных корреспонденции («Из Мозыря»), а затем стал помещать в журналах и газетах и выпускать отдельными книжками этнографические материалы и статьи: «Белорусская свадьба и свадебные песни. Этнографический этюд» (Киев, 1888), «Статистические очерки северо-западного края» («Виленский вестник», 1888, № 158–191), «Погребальные обряды белорусов» (там же, 1890, № 197), «Крестьянские игры в Минской губернии» («Живая старина», 1891, вып. 4), «Женская доля в песнях пинчуков» (ЭО, 1891, № 2), «Сватовство и дружина жениха в белорусской свадьбе» («Минский листок», 1892, № 52), «Современное дело о знахарстве» («Киевская старина», 1892, № 3), «Значение этнографического изучения Гродненской губ.» («Гродненские губернские ведомости», 1893, № 61), «Обряды, игры, танцы, припевки в Минской губ.» («Живая старина», 1893, вып. 2), «Заметки о белорусских говорах» («Живая старина», 1893,

¹ «Смоленский этнографический сборник», ч. 1. СПб., 1891, с. IV. Предисловие.

² Биографические сведения о Добровольском см.: В. В. Дмитриев. В. Н. Добровольский. Краткий биографический очерк. Смоленск, 1930; В. Сидельников. Смоленский этнограф и краевед В. Н. Добровольский. «Смоленский альманах», 9, 1951.

вып. I), «Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках» (ЭО, 1893, № 1, 2, 4), «Обрядовые блюда» («Живая старина», 1893, IV), «Заметки по белорусской этнографии» (там же, 1894, вып. I), «Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов» (Киев, 1895), «Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губ.» (ЭО, 1897, № 1, 2), «Ритуальное значение коровайного обряда у белорусов» («Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера». М., 1900) и др. Но Довнар-Запольский углублялся и в историю, исследовал архивные источники: «Чародейство в Северо-западном крае в XVII–XVIII стол.» (ЭО, 1890, № 2), «Западно-белорусская сельская община в XVI стол.» (ЖМНП, ч. 312, 1897) и др. В 9-м томе известного издания «Россия» Семенова-Тяньшанского была напечатана его обширная статья «Белорусы. Этнографический очерк». В 1909 г. Довнар-Запольский переиздал свои этнографические работы в сборнике «Исследования и статьи» (Киев, 1909). Будучи в молодые годы этнографом-краеведом, Довнар-Запольский с 1901 г. получил профессию в Киевском университете и стал видным историком. В этнографических вопросах он стоял на эволюционистской точке зрения (см., между прочим, его статью «Первобытные формы брака». «Виленский вестник», 1892).

Одним из видных собирателей-краеведов по Белоруссии был Евдоким Романович Романов (1855–1922), деятельность которого больше всего связана с Могилевской губ. Долгое время работавший там народным учителем, Романов неустанно занимался записыванием различных фольклорных материалов. По его собственным словам, к этому делу его побудило первоначально одно обстоятельство: то, что он, изучая еще в юношеские годы сравнительную и историческую грамматику по известному труду академика Буслаева, находил

у него множество языковых примеров из различных русских говоров, но «почти не нашел у него примеров, которые были бы взяты из богатейшей сокровищницы белорусского языка, напоминающего язык Нестора и представляющего или по крайней мере еще недавно представлявшего неисчерпаемый запас черт древнерусского языка. Больно стало белорусскому моему сердцу, – пишет далее Романов, – такое незнакомство ученых с моим родным языком? и, зная бедность литературы белорусской, принялся я за собирательство»¹.

Романов начал с собирания чисто диалектологического материала (словарь, грамматика белорусского языка). В 1878 г. он представил в Отделение русского языка и словесности Академии наук часть своей рукописи. Но ему было указано на необходимость «подтверждения значения слов примерами, взятыми из произведений народной словесности». Тогда он принялся собирать их, и это собирание, разрастаясь с каждым годом, «в конце концов отодвинуло на задний план словарь и грамматику»².

Уже в 1886 г. вышли в свет два первые выпуска «Белорусского сборника» (Киев, 1886), где помещены песни, пословицы, загадки Могилевской губ. Для продолжения и расширения собирательской работы Русское географическое общество командировало Романова в поездку по Могилевской губ. (1886). После этой поездки Романов издал 3-й выпуск «Белорусского сборника» (Витебск, 1887): он озаглавлен – «Губерния Могилевская: сказки». 4-й выпуск составили «Сказки космогонические и культурные» (Витебск, 1891), 5-й – «Заговоры, апокрифы и духовные стихи» (Витебск, 1891), 6-й – «Сказки» (Могилев, 1891).

¹ «Смоленский этнографический сборник», ч. 1. СПб., 1891, с. IV. Предисловие.

² Там же, с. III–IV.

лев, 1901). 7-й – песни (Вильна, 1910), 8-й – «Быт белоруса» и 9-й – «Опыт словаря условных языков Белоруссии» (Вильна, 1912). В 8-м выпуске имеется много сведений и по материальному быту белорусского крестьянина.

Кроме «Белорусского сборника», Романов издавал еще сборник «Могилевская старина» (вып. 1–3, Могилев, 1900–1903) – перепечатка статей из «Могилевских губернских ведомостей»; книги: «Материалы по исторической топографии Витебской губернии» (Могилев, 1898), «Старина доисторическая в северо-западном крае» (Вильна, 1908), «Древние русские пословицы по сборнику Романова» (Вильна, 1910) и др.¹

Часть собранных Романовым фольклорных материалов осталась после его смерти неопубликованной².

Как краеведы-любители начинали свою этнографическую деятельность еще два крупных белорусоведа: Карский и Сержпутовский.

Евфимий Федорович Карский (1860–1931) работал в молодости преподавателем Виленской гимназии, и первые его научные опубликованные работы были фольклорно-этнографического содержания: «Белорусские песни с. Березовца Новогрудского уезда Минской губ.» («Русский филологический вестник», т. 12–13, Варшава, 1884–1885) и «Белорусские песни дер. Новоселок-Затрокских Виленской губ. Троцкого у.» (там же, т. 21, 1889). Впоследствии Е. Ф. Карский (с 1894 г. профессор Варшавского университета, с 1916 г. – ординарный академик) специально занимался славянской филологией и языкознанием; но его работы по белорусской диалек-

¹ См. *Е. Ф. Карский*. Разбор историко-этнографических трудов Е. Р. Романова по Северо-западному краю, вышедших в течение 1898–1901 гг. СПб., 1904; *В. К. Бандарчык*. Еудакім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961.

² В 1928 г. издан 10-й выпуск «Белорусского сборника» («Зап. Аддэл. гуманит. навук БАН», кн. 2).

тологии и истории белорусского языка тесно связаны с изучением этнографии белорусского народа. Капитальный труд Карского «Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности» (т. I, Вильна, 1904; т. II, 1908–1912; т. III, вып. 1. М., 1916; вып. 2, 3, Пг., 1921, 1922) и сейчас остается основным исследованием по этнической истории, географии расселения, диалектологии, истории изучения белорусов. Уже после революции, в 1918 г., издана составленная им «Этнографическая карта белорусского племени»¹.

Александр Константинович Сержпутовский (1864–1940) тоже начинал как краевед, работая учителем в Минской губ. и собирая фольклорно-этнографический материал. Но публиковать свои записи он начал уже после переселения в Петербург как сотрудник Русского музея («Очерки Белоруссии», печатались в «Живой старине» с 1907 г.; «Сказки и рассказы белоруссов-полешуков». СПб., 1911).

Украинская этнография после закрытия царским правительством Юго-западного отдела РГО нашла себе главный организационный центр в лице Исторического общества Нестора-летописца в Киеве и издававшегося им журнала «Киевская старина» (о нем см. ниже). Помимо этнографов старшего поколения – супругов Ефименко, Н. Ф. Сумцова, о работах которых уже говорилось, в эти годы выступали еще многие этнографы-краеведы – В. Н. Ястребов, С. Венгрженевский, В. Василенко, Хр. Ящуржинский, Ор. Левицкий, И. Беньковский, А. Малинка, В. Милорадович, В. Данилов и др.

Этнографо-краеведческие материалы издавались также научными обществами в отдельных украинских городах. Серия ценных публикаций принадлежит Харьковскому историко-филологическому обществу. Можно

¹ См. Н. Дурново. Академик Е. Ф. Карский. «Slavia», v. X, s. 3. Praha, 1931.

назвать из них: И. И. Манжура – «Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях» («Сборники Харьковского историко-филологического общества», т. 2, 1890), «Малорусские сказки, предания, пословицы и поверья» (там же, т. 6, 1894); П. В. Иванов – «Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках» (там же, т. 5, 1893), «Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губ.» (там же, т. 17, 1907). В Одессе существовало Историко-филологическое общество при Новороссийском университете, издававшее свои «Летописи». Там было напечатано, между прочим, сочинение В. Н. Ястребова «Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губ.» («Летописи Историко-филологического об-ва при Новороссийском ун-те», III, Одесса, 1894). В Чернигове с 1895 г. издавались как приложение к «Земскому сборнику» книги Б. Д. Гринченко «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях» (вып. 1–3, 1895, 1897, 1900); 4-й выпуск – под названием «Из уст народа» (1901). В том же издании в 1902 г. вышла книга А. Н. Малинки «Сборник материалов по малорусскому фольклору (Черниговской, Волынской, Полтавской и некоторых других губерний)» (Чернигов, 1902).

Научная общественность Украины чем дальше, тем сильнее ощущала отсутствие настоящего организационного центра этнографической работы, каким был в свое время Юго-западный отдел РГО, насильственно закрытый властями. Делались попытки его восстановить. С такой просьбой обратился 10-й съезд естествоиспытателей и врачей, собравшийся в Киеве, в августе 1898 г. в Географическое общество. Совет Общества запросил на этот счет мнение киевского генерал-губернатора ген. Драго-

мирова. Тот поддержал ходатайство. И тем не менее «Южный отдел» РГО (как его хотели теперь назвать) не был открыт. Видимо, царское правительство по-прежнему смертельно боялось призрака «украинофильства»¹.

Этнографы — политические ссыльные

Совсем особую разновидность «краеведческой» работы составляла исследовательская деятельность политических ссыльных в Сибири, продолжавшаяся и в данный период.

В 90-е годы самый состав политической ссылки стал меняться: на смену старой народнической ссылке стали прибывать в Сибирь участники революционного рабочего движения — марксисты, социал-демократы. Немало в ссылке оставалось и народников, и они тоже продолжали свою деятельность. Поэтому идейное содержание этнографических работ, выходявших из рук политических ссыльных 90-х годов и позже, было весьма неоднородно: рядом с сочинениями народнической окраски там появлялись уже и марксистские работы.

Главными местами сосредоточения политических ссыльных были и в эти годы Якутская область, Прибайкалье, Минусинский край. Больше всего этнографических исследований велось ссыльными, жившими в Якутии.

Крупнейшим научным предприятием здесь была проведенная в 1894–1896 гг. так называемая «Сибиряковская» экспедиция. Названа она так по имени давшего на нее деньги И. М. Сибирякова, богатого золотопромышленника-мецената. Фактическим же

¹ Л. Берг. ВРО за 100 лет, с. 161–162; «Изв. ИРГО», т. 35; 1899, вып. VII, с. 784–788.

инициатором и главой экспедиции был Д. А. Клеменц, организовавший ее в 1893 г., перед своим отъездом в Монголию. Клеменцу удалось добиться, благодаря ходатайству влиятельного в правительственных кругах П. П. Семенова-Тяньшанского, привлечения к работе целой группы – более 10 – политических ссыльных, живших тогда в Якутии. Лишь для вида были включены в состав экспедиции и несколько местных чиновников и священников.

Первоначальной целью экспедиции было изучение экономики районов, примыкающих к Ленским (Витимо-Олекминским) золотым приискам. На деле программа оказалась гораздо более широкой: в нее вошло изучение всех сторон жизни якутского и русского населения Якутской области, а в северных округах ее – изучение быта местных малых народностей. Участники экспедиции проделали огромную работу, но результаты ее лишь в небольшой части были тогда же опубликованы, остальные увидели свет гораздо позднее, некоторые лишь в советский период.

Из участников экспедиции одни занимались изучением экономики и обычного права якутов. Л. Г. Левенталь, проработав большой архивный материал, написал солидное историко-этнографическое исследование «Подати, повинности и земля у якутов»¹. Н. А. Виташевский написал на основе преимущественно собственных многолетних наблюдений «Способы разложения и сбора податей в якутской общине», «Основные правила распределения земли у якутов Дюспинского улуса Якутского округа», «Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права»².

¹ См. Д. Павлипов, Н. Виташевский и Л. Левенталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.

² См. там же.

Ему же принадлежат статьи «Фактические отношения в якутской общине»¹, «Земство в Якутской области»², «Материалы для изучения шаманства у якутов»³, «Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями»⁴ и др. И. И. Майнов специально обследовал быт олекминских якутов и русских старожилов⁵. Другие члены экспедиции изучали язык, фольклор, верования якутов. С. В. Ястремскому принадлежит ценная «Грамматика якутского языка» (1900; изд. 2, 1938). Э. К. Пекарский был автором фундаментального «Словаря якутского языка»: этот словарь, плод многолетней работы (с 1881 г.), включил в себя 25 тыс. слов, почти все – с указанием источников записи и с фольклорными примерами; подобного рода трудов мало в мировой научной литературе. «Словарь» Пекарского начал печататься выпусками с 1899 г., сначала на средства Сибирякова, но потом его издание взяла на себя Академия наук; оно закончено только в 1930 г. (13 выпусков, 3858 столбцов). Пекарскому принадлежит также ряд этнографических статей и собрание фольклорных текстов «Образцы народной литературы якутов» (т. I, вып. 1–5, СПб., 1907–1911, записанные самим Пекарским; т. II, вып. 1–2, записанные И. А. Худяковым; т. III, 1916, записанные В. Н. Васильевым). Всеволод Михайлович Ионов изучал главным образом фольклор и религиозные представления якутского населения: см. его «Обзор литера-

¹ «Сибирский сборник», прилож. к газете «Восточное обозрение», 1889, вып. 2.

² «Сибирские вопросы», 1908, № 23–24, 26.

³ «Зап. ВСОИРГО по этногр.», 1890, т. II, вып. 2–3. «Сборник МАЭ», т. V, вып. 1. Пг., 1918.

⁴ «Сборник МАЭ», т. V, вып. 1. Пг., 1918.

⁵ И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. XII. СПб., 1912.

туры по верованиям якутов»¹, «Медведь по воззрениям якутов»², «Дух-хозяин леса у якутов»³, «К вопросу об изучении дохристианских верований якутов»⁴ и др.

Иные интересовались антропологией якутского населения: Н. Л. Геккер написал «К характеристике физического типа якутов»⁵, – эта работа долго была чуть не единственным точным антропологическим описанием якутов; «Три якутских могилы»⁶. Этими же вопросами занимался Ф. Я. Кон (о нем будет сказано дальше).

Крайний Север Якутии изучали В. Г. Богораз (1865–1936) и В. И. Иохельсон, жившие в Колымском крае. Богораз изучал чукчей и русских старожилов-колымчан, Иохельсон – юкагиров. Позже – уже по отбытии ссылки – оба исследователя приняли участие в русско-американской экспедиции, организованной американским профессором Францем Боасом на средства Джебупа (так называемая «Джебуповская экспедиция») для изучения культурно-исторических связей между народами северо-восточной Азии и северо-западной Америки. В серии капитальных трудов этой экспедиции вышли обширные монографии Богораз «Чукчи» и «Сибирские эскимосы», Иохельсона «Коряки» и «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы»⁷. Богоразом также на-

¹ «Живая старина», 1914, вып. 3–4. Там же, 1915, вып. 3, приложение 3.

² Там же, 1915, вып. 3, приложение 3.

³ «Сборник МАЭ», т. IV, вып. 1. Пг., 1916.

⁴ Там же, т. V, вып. 1. Пг., 1918.

⁵ «Зап. ВСОИРГО по этногр.», т. 3, вып. 1. Иркутск, 1896.

⁶ «Изв. ВСОИРГО», т. 26, № 4–5, 1896.

⁷ *W. Bogoras. The Chukchee. «Jesup North Pacific Expedition. Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist.»*, v. 7, 1904–1907, pt. 1–3. Русск. перев.: Чукчи, т. 1, 2. Л., 1934–1939; *он же. The Eskimo of Siberia. «Jesup North Pacific Expedition. Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist.»*, v. 8, 1913, p. 3; *W. Jochelson. The Koryak. Там же, т. 6, ч. 1–2; он же. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Там же, т. 9, 1920–1924, ч. 1–3.*

печатаны труды: «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» (СПб., 1900), «Ламуты» («Землеведение», 1900, кн. 1), «Областной словарь колымско-русского наречия» (СПб., 1901), «Очерк материального быта оленных чукоч, составленный на основании коллекций Гондатти, находящихся в МАЭ» («Сборник МАЭ», т. II, 1901) и др. По возвращении из ссылки Богораз некоторое время жил в Америке, продолжая работу по этнографии – вместе с Фр. Боасом, – а с 1904 г. жил в России, вел общественно-политическую работу (в «трудовой» партии), литературную и научную этнографическую работу. Как беллетрист, Богораз (писавший под псевдонимом «Тан») известен своими романами, а также рассказами этнографического содержания («Колымские рассказы», «Чукотские рассказы»). Из научных работ им в эти годы напечатано: «Религиозные идеи первобытного человека» («Землеведение», 1906, кн. I), «Материалы для изучения языка азиатских эскимосов» («Живая старина», 1909, вып. 2–3), «К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии» (ЭО, 1910, № 1–2) и др. После Октябрьской революции В. Г. Богораз вел большую научную и культурно-общественную работу, был одним из пионеров советской этнографической науки, воспитателем целого поколения советских молодых этнографов. Он написал немало новых работ.

В. И. Иохельсон напечатал в России по материалам своих поездок «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении» («Живая старина», 1895, вып. 2; «Землеведение», 1895, вып. 2–3; «Памятная книжка Якутской обл.», Якутск, 1896), «Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов» («Изв. ВСОИРГО», т. XXIX, 1898, № 1), «Бродячие роды тундры между

рр. Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов» («Живая старина», 1900, вып. 1–2). Позже Йохельсон работал сотрудником Музея антропологии и этнографии Академии наук, в 1908 г. ездил на Камчатку для археологических раскопок. Последние годы жизни он провел в США, не прекращая этнографической работы.

Другим делом коллективной работы политических ссыльных в Якутии было создание местного музея. Основанный областным Статистическим комитетом при активной поддержке населения (1891), Якутский музей сразу же попал в надежные руки культурных людей – политических ссыльных. Первым его «консерватором» (заведующим) был ссыльный В. П. Зубрилов (1891–1893), за ним следовали: М. И. Сосновский (1894–1895), Н. А. Виташевский (1896–1898), В. Е. Окольский (1899–1900), П. В. Оленин (1901–1903). В работе музея принимали участие и другие политические ссыльные¹.

Назовем еще несколько этнографических работ других политических ссыльных Якутской области, действовавших в одиночку: И. В. Шкловский (Дионео) – «На крайнем северо-востоке Сибири» («Зап. ВСОИРГО по общ. геогр.», т. II, вып. I); А. Бычков – «Полеводство в Якутской области» («Труды Томск. отд. имп. Моск. об-ва сельского хозяйства», 1898, кн. 2), «Очерки Якутской области с устья р. Лены» (Томск, 1899); П. Л. Драверт – «Материалы к этнографии и географии Якутского края» (Казань, 1912). Драверт был также и поэтом (см. его сборники стихов: «Под небом Якутского края». Томск,

¹ См. М. Измайлова. К 35-летию Якутского областного музея им. Ем. Ярославского. «Сборник трудов исследовательского об-ва "Саха Кескиле"», вып. 3. 1926; «Якутский музей им. Ем. Ярославского». Якутск, 1941.

1911 и др.); В. М. Зензинов – «Русское устье Якутской обл.» (ЭО, 1913, № 1–2); «Старинные люди у холодного океана» (т. 1, 2. М., 1914). Работы Зензинова посвящены быту изолированной группы русского старожилого населения Якутии – Русского устья. <...>

Алексей Алексеевич Макаренко (1860–1942) – украинский народник, был сослан в Сибирь в 1886 г. и поселен в Енисейской губ. – сначала в Ачинском, потом в Енисейском уезде. Он сразу же принял деятельное участие в местной жизни (за что еще раз подвергся аресту), всячески помогал крестьянам. Вскоре начал печатать корреспонденции и статьи в местных газетах. Одновременно вел этнографические наблюдения. Отбыв ссылку, Макаренко в 1899 г. вернулся в Россию, вскоре поступил на работу в Русский музей в Петербурге, в его этнографический отдел. Полюбив Сибирь, он уже добровольно совершил туда несколько научных поездок: в 1904, 1906–1908, 1910, 1913 гг. Из разнообразных этнографических работ А. А. Макаренко наиболее важные посвящены народной медицине и сельскохозяйственному народному календарю русского старожилого населения Сибири. Таковы его работы «Материалы по народной медицине Ужурской волости Енисейской губ.» («Живая старина», 1897, вып. 1–4), «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении – Восточная Сибирь, Енисейская губерния» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 36, СПб., 1913) – научная работа, чрезвычайно высоко расцененная критикой: по словам М. К. Азадовского – «это совершенно исключительная работа, равной которой у нас вообще мало в сибирской этнографии, а в литературе, посвященной русскому населению Сибири, и совсем нет»¹.

¹ М. Азадовский. А. А. Макаренко. К 40-летию научно-общественной деятельности. «Сибирская живая старина», VII, 1928, с. 106.

Из других этнографических работ А. А. Макаренко можно отметить следующие: «Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губ.» («Живая старина», 1897, вып. 2), «Новогодняя ворожба по деревьям Енисейской губ.» (там же, 1900, вып. 3–4), «Сказки, собранные А. А. Макаренко» («Зап. Красноярского подотдела ВСОРГО», т. I, вып. I, 1902), «Сибирские песенные старины» («Живая старина», 1907, вып. 1–4), «Гибель инородцев Сибири» («Сибирские вопросы», 1908, № 25).

В советские годы А. А. Макаренко продолжал до конца жизни вести научную работу в Государственном музее этнографии в Ленинграде.

Самым крупным из этнографов, прошедших политическую ссылку, был несомненно Лев Яковлевич Штернберг (1862–1927). Будучи студентом, он за активное участие в партии «Народной воли» был в 1889 г., после трехлетней тюрьмы, выслан на Сахалин на 10 лет (впоследствии срок ссылки был по амнистии сокращен, и Штернберг в 1897 г., пробыв на Сахалине 8 лет, вернулся на родину). В ссылку Штернберг попал уже имея некоторую теоретическую подготовку в этнографии – он был знаком с учением Моргана и был его убежденным сторонником. Свой вынужденный досуг Штернберг посвятил глубокому и всестороннему изучению гиляков, живших поблизости от места его ссылки: он изучил их язык, их обычаи, верования. Ему удалось обнаружить поразительно своеобразные формы общественного быта гиляков – их родовой строй с характерной кольцевой связью родов, пережитки группового брака, классификаторскую систему родства. Эти открытия Штернберга после первого же их опубликования в печати привлекли внимание самого Энгельса, который откликнулся на них статьей в журнале «Neue Zeit» (1892–1893) под названием «Вновь откры-

тый пример группового брака»¹. Энгельс отметил, что открытие Штернберга еще раз подтвердило правильность концепции Моргана.

Впоследствии Штернберг, продолжая научную работу, занял видное место среди русских этнографов. В советский период он стал одним из создателей первой этнографической школы в Ленинграде, руководителем целого поколения молодых советских этнографов.

Административная этнография в Сибири

Помимо политических ссыльных, сибирской этнографией интересовались, по понятным мотивам, и ученые, близкие к царской администрации, или даже представители последней. Экспедиции и обследования нередко непосредственно организовывались и финансировались правительственными органами. Цели преследовались прежде всего административные, что не мешало, конечно, некоторым исследователям руководствоваться и чисто научными задачами. Главным предметом интереса служили окраины и пограничные, недавно освоенные или осваиваемые, области.

Назовем наиболее ценные исследования из этой категории: в 1896–1897 гг. в Охотско-Камчатском крае работала экспедиция, снаряженная Министерством финансов под руководством горного инженера К. И. Богдановича. В ней принял участие врач, доктор Н. В. Слюнин, который объехал все Охотско-Камчатское побережье и некоторые районы в глубине страны и собрал множество как физико-географических, так отчасти и экономико-этнографических сведений. Результатом было капитальное исследование Слюнина «Охотско-Камчатский край,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 364–367.

естественно-историческое описание» (издание Министерства финансов, СПб., 1900).

Очень показательны в этом же направлении и солидные работы П. Ф. Унтербергера, прослужившего на видных административных постах в Сибири 38 лет: «Приморская область, 1856–1898 гг.» («Зап. ИРГО по отд. статистики», т. 8, СПб., 1900) и «Приуральский край, 1906–1910» (там же, т. 13, СПб., 1912); обе работы написаны с прямой целью содействовать освоению этих окраинных территорий; в них очень много полезных экономических сведений, представляющих и этнографический интерес. Любопытен и этнографический очерк якутского вице-губернатора В. Л. Приклонского «Три года в Якутской области» («Живая старина», I–IV, 1890–1891). Из других чисто «ведомственных» описаний можно еще назвать: В. В. Солярский «Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, составлено по поручению приамурского генерал-губернатора» (Хабаровск, 1916).

На южной окраине Сибири внимание административных сфер было привлечено главным образом к Урянхайскому краю.

И вот в Урянхай направляются одна за другой экспедиции для обследования природы и экономики края. Участники экспедиций привозили немало и этнографических сведений о населении – о тувинцах и их соседях, о русских поселенцах. Можно назвать работы В. А. Ощуркова (командированного иркутским генерал-губернатором в 1892 г.; вторично он ездил в Туву в 1902 г.): «Из странствий по земле Урянхов» («Сибирский сборник», приложение к газете «Восточное обозрение», 1892, I, Иркутск, 1893), «Отчет о поездке 1902 г.» («Записки Красноярского п/о ВСОИРГО по физич. географии», т. I, вып. I, СПб., 1906). Были поездки В. Л. Попова (1903,

1910) – см. В. Попов «Через Саяны в Монголию» (Омск, 1905), «Второе путешествие в Монголию в 1910 г.» (Иркутск, 1913); В. М. Родевича (1907–1908) – см. Вс. Родевич «Очерк Урянхайского края» (СПб., 1910), «Урянхайский край и его обитатели» («Изв. ИРГО», т. 48, 1912) и др.¹

Во внутренних областях Сибири и в Забайкалье больше всего озабочивали правительство вопросы, связанные с землепользованием коренного и русского населения. Обострение аграрного кризиса в России и проведение Сибирской железной дороги усилило движение переселенцев в Сибирь – отсюда стремление властей найти «свободные» земли для переселенцев. Вот причина, вызвавшая появление целой вереницы комиссий, экспедиций, обследований условий землепользования и вообще хозяйства во многих областях Сибири. В материалах этих комиссий много ценного и для этнографа: сведения о хозяйственном быте, земельных отношениях, обычном праве и пр. Надо назвать такие капитальные издания: «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (т. 1–22, СПб., 1889–1898), – в составлении их приняли участие видные ученые, как А. А. Кауфман, С. С. Пчелин и др.; «Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию, за 15 лет» (т. 1, 2, М., 1885, 1897), – работа выполнена группой московских юристов; «Материалы по исследованию земледелия и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (т. 1, 2, 1890). В 1897 г. в Забайкалье работала специальная комиссия статс-секретаря А. Куломзина, всесторонне обследовавшая землепользование и экономику бурятского и русского населения. Результаты работы комиссии были

¹ Об истории изучения Тувы см.: В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы XIX – начала XX в. М.–Л., 1956, с. 45–55.

изданы в 1898 г. в 16 томах: «Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы». Особенно интересен том 10 («Формы землепользования»), составленный этнографом М. Кролем, и том 15 («Подати и повинности»), составленный бурятским ученым Гомбочжабом Цыбиковым.

По данным этих обследований интересную работу написал А. А. Кауфман: «Крестьянская община в Сибири» (СПб., 1898).

Очень богаты этнографическими сведениями материалы экономико-статистического обследования населения Алтая, предпринятого Главным управлением Алтайского округа в 1897 г. для упорядочения землепользования и выделения переселенческих участков. В этом обследовании приняли участие и прогрессивные общественные деятели – С. П. Швецов, П. М. Юхнев, Н. Т. Шерстобоев и др. Материалы его напечатаны в издании «Горный Алтай и его население» (т. 1–4, Барнаул, 1900–1903); это ценнейший источник для изучения хозяйства и социального строя коренного населения Алтая, где имеются, помимо чисто экономических данных, основанных на сплошной подворной переписи, также и сведения о родовом составе алтайского населения («сёёки», «дючины» и пр.).

Этнографическое изучение Средней Азии

Этнографическая работа в Средней Азии в последние дореволюционные десятилетия в значительной мере утратила прежний казенный и «военный» характер.

Страна была прочно замирена, военные действия давно прекратились; там жило много русских. Интерес к местному быту возбуждался частью – как и прежде – административными потребностями, но уже более мирного свойства; частью простой научной любознательностью – ведь быт коренного населения все еще оставался чуждым и экзотичным для русских людей. Этнографические исследования в Средней Азии все более приобретали мирный «краеведческий» вид, такой же, как в других областях России. Неслучайным было открытие в 1897 г. в Ташкенте Туркестанского отдела РГО.

Очень характерными для работ краеведческого типа по Средней Азии в данный период были исследования В. М. Наливкина, местного старожила: «Очерки быта оседлого туземного населения Ферганы» (1886, совместно с М. В. Наливкиной); «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1886), содержащая краткий этнографический обзор населения; «Туземцы раньше и теперь» (Ташкент, 1913) – прекрасное исследование, основанное на 40-летних внимательных наблюдениях автора.

Того же типа исследования Н. С. Лыкошина «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения» (вып. I, Пг., 1916), – автор 35 лет прослужил в крае на административных должностях; А. Ломакина – «Обычное право туркмен (адат)» (Асхабад, 1897), – автор с 1890 г. служил в Средней Азии; его опытом пользовался, как он сам пишет, начальник области генерал-лейтенант Куропаткин; Д. Н. Логофета – «Бухарское ханство под русским протекторатом» (т. 1, 2, СПб., 1911), – автор, член РГО, долго жил в ханстве; работа, однако, частью компилятивная и в некоторых местах путаная¹. Компиляцию же, и довольно некритичную, представляет и большая

¹ Ему же принадлежат работы «Страна бесправия» (СПб., 1909) и «В забытой стране» (М., 1912).

работа А. Шишова «Таджики» (сб. «Средняя Азия». Ташкент, 1910, № 11, 12, 1911, № 1–2).

Экспедиционные исследования в Средней Азии продолжались главным образом лишь в области Памира – в «Горной Бухаре» по тогдашнему обозначению. Там побывал в 1894 г. антрополог И. Л. Яворский, командированный Новороссийским университетом (И. Л. Яворский. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 г., т. 1, 2. Одесса, 1895). В 1898 г. совершил двухмесячную поездку на Памир А. А. Семенов – по поручению Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Результатом поездки были очень содержательные книги: «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии» (т. 1, 2. М., 1900, 1901) и «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза» (М., 1903). Вместе с ним туда ездил гр. А. А. Бобринский, издавший по материалам поездки «Орнамент горных таджиков Дарваза (Горная Бухара)» (М., 1900), «Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии» (М., 1902), «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)» (М., 1908). В 1911 г. вышла в серии «Сборники Музея антропологии и этнографии» (т. IX) обстоятельная монография М. С. Андреева (впоследствии известного советского этнографа) и А. А. Половцева: «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан».

Для этнографии Средней Азии большое значение имеют труды некоторых географов-натуралистов, относящиеся к тому же периоду, особенно И. В. Мушкетова и Л. С. Берга. И. В. Мушкетов, один из активных деятелей РГО, много лет путешествовал по Средней Азии по командировке РГО, изучал ее природу. Он – автор обширного труда «Туркестан, геологическое и орографическое описание» (т. 1, 2. СПб., 1886, 1906; второе сильно допол-

ненное издание – 1915), где для этнографа представляет интерес большое историографическое введение – история изучения Средней Азии. Работа Л. С. Берга «Аральское море» (Ташкент, 1908 – по материалам экспедиций РГО 1899–1902 и 1907 гг.) – ценна для этнографа тем, что автор собрал обильные историографические данные относительно заселения нижней Аму-Дарьи и Приаралья в связи с изменениями водного режима и колебаниями уровня моря. Автор пришел к очень важному выводу: климат Средней Азии за историческую эпоху не менялся заметным образом, и мнение об «усыхании» страны, которое будто бы порождало крупные движения народов, запустение целых областей, – лишено оснований.

Из обобщающих историко-этнографических работ этого времени по Средней Азии стоит особенно отметить ценные исследования Н. А. Аристова: «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов» («Живая старина», IV, 1894, вып. 3–4), «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (там же, VI, 1896, вып. 3–4), содержательную статью А. Н. Харузина «К вопросу о происхождении киргизского народа» (ЭО, 1895, № 3)¹.

Этнографическое изучение Кавказа

В значительной мере сходны были в этот период и условия этнографической работы на Кавказе². Она

¹ По историографии вопроса см.: Н. А. Кисляков. Этнографическое изучение Таджикистана. «Труды Тадж. филиала АН СССР», т. 29, 1951.

² См. М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. III. «Кавказский этнографический сборник», III. «Труды ИЭ», т. 79, 1962.

и здесь двигалась преимущественно по краеведческим рельсам, а главными деятелями были преимущественно чиновники и местные интеллигенты. Но среди тех и других было значительно больше, чем в Средней Азии, выходцев из местных национальностей.

Организационным центром этнографо-краеведческой работы на Кавказе оставался главным образом Кавказский отдел РГО, хотя деятельность его после 1891 г. (когда умер Д. Г. Загурский) несколько ослабела. Впрочем, как и раньше, КОРГО продолжал сильно напоминать казенное учреждение. Количество членов его было по-прежнему невелико – к 1901 г. их насчитывалось всего 54. Любопытен и социальный состав членов: из этих 54 человек было 10 генералов, 12 представителей высшей администрации, 6 мелких чиновников, 5 инженеров, 7 учителей и т. д.; людей, не связанных с коронной службой или с армией, было совсем мало¹. Таким образом, КОРГО почти не вовлекал в свои ряды, в отличие хотя бы от обоих сибирских отделов, разночинной и демократической общественности.

Этнографический материал печатался, как и раньше, в «Известиях» и в «Записках» КОРГО, в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» и в разных местных изданиях.

Из активных деятелей кавказской этнографии данного периода надо назвать в особенности Вейденбаума, Егиазарова, Хаханова, Козубского, Чурсина, Лалаяна, Дьячкова-Тарасова, Джавахова.

Евгений Густавович Вейденбаум (1845–1918), служивший в тифлиских губернских учреждениях (губернское по крестьянским делам присутствие и др.), сделал немалый вклад в кавказскую этнографию. Ему принадлежит солидный «Путеводитель по Кавка-

¹ См. «Изв. КОРГО», т. XIV, 1901, № 2, с. 45–49.

зу» (Тифлис, 1888), составленный по поручению главноначальствующего, с очень толковым этнографическим очерком; ряд этнографических статей, главным образом о верованиях и обрядах народов Кавказа, собранных позже в его книге «Кавказские этюды: исследования и заметки» (Тифлис, 1901).

Соломон Адамович Егиазаров (1852–1920), армянин по происхождению, профессор Киевского университета, был автором ценных исследований о курдах и езидах: «Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии» («Зап. КОРГО», кн. 13, вып. 2, Тифлис, 1891), «Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губ.» (там же).

Александр Соломонович Хаханов (Хаханашвили) (1854–1912), питомец Московского университета, историк, языковед и этнограф, почти всю жизнь проработал в Москве преподавателем грузинского языка и грузинской литературы в Лазаревском институте и в университете, а в свободное время совершал научные поездки¹. Важнейшие его историко-этнографические работы: «Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии» («Чтения ОИДР», М., 1890; перепечат. с дополнениями в «Зап. КОРГО», кн. 22, вып. 6, Тифлис, 1903), «Очерк по истории грузинской словесности» (вып. 1. Народный эпос и апокрифы. «Чтения ОИДР». М., 1895)².

¹ О Хаханове см.: А. Н. Джавахов. А. С. Хаханов и его деятельность в области кавказоведения. ЭО, 1912, № 3–4.

² А. С. Хаханову принадлежит и целый ряд этнографических статей: «Мохевцы и пшавы» («Дашковский этнографический сборник». М., 1884), «Тушины» (ЭО, 1889, кн. 2), «Празднование Нового года у грузин» (там же, 1890, кн. 7), «Месхи» (там же, 1891, кн. XI), «Обычаи грузин при пахании» (там же, 1891, кн. XI–XII), «Закавказские молокане-прыгуны» (там же, кн. XV, XIX), «Суд общины у грузин-горцев» (там же, кн. XVI), «Из жизни армян Новобаязетского уезда» (там же, кн. XVII), «Языческая религия грузин» («Кавказ и Средняя Азия». Баку, 1899),

Евгений Иванович Козубский (1851–1911), преподаватель истории в Темир-Хан-Шуре, секретарь Дагестанского областного статистического комитета, много лет с увлечением занимался краеведческой деятельностью. Ему принадлежат местные справочные издания: «Памятная книжка Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895); «Дагестанский сборник» (Темир-Хан-Шура, вып. 1, 1902; вып. 2, 1904), где имеется солидный и очень точный этнографический материал по народам Дагестана, подробные (особенно в первом «Дагестанском сборнике») этнографические карты¹.

Ерванд Александрович Лалаян (1864–1931), армянин, получивший высшее образование в Женеве, работал долго за границей. По возвращении на Кавказ деятельно работал в области этнографии и археологии; был инициатором создания армянского «Этнографического журнала» (на армянском языке, выходил с 1896 г.), позже – Армянского этнографического общества в Тифлисе (с 1906 г.), крупным деятелем армянской этнографии, автором многочисленных исследований и статей по этнографии и фольклору на армянском, русском, французском языках. Из русских его работ наиболее значительны: «Айсоры Ванского вилайета» («Зап. КОРГО», кн. 28, вып. 4, Тифлис, 1914), – самое полное исследование об айсорах, «Ванский вилайет» («СМОМПК», вып. 44, 1915). В советские годы Лалаян

«Легенды о царице Тамаре» (ЭО, кн. XIX), «Изменения в семейной, общественной и бытовой обстановке Грузии за 100 лет» («Кавказский вестник», 1901, XI), «Татары, этнографический очерк» («Новое слово», 1907, № 5–6), «Цалкинские греки и их современное положение» (ЭО, 1907, № 3), «Молоканы и баптисты Закавказья» (там же, 1909, № 1), «Закавказские духоборы» (там же, 1909, № 2–3) и др. Хаханов был также составителем ряда библиографических указателей этнографической литературы о Кавказе.

¹ Об Е. И. Козубском см.: М. О. Косвен. Указ. соч., с. 246.

опубликует ряд новых археологических и этнографических работ¹.

Григорий Филиппович Чурсин (1874–1930), сын крестьянина-плотника, из Ейска, окончил в 1894 г. Тифлисский учительский институт и за участие в революционном движении был сослан в форт Александровский (на Мангышлаке), где учительствовал. С 1897 г. служил на мелких должностях на Кавказе. Приобретая путем самообразования этнографическую подготовку, Чурсин занялся систематическими этнографическими наблюдениями. С 1896 по 1917 г. им написано свыше 40 статей, заметок, рецензий по кавказской этнографии – особенно по верованиям, обрядам, обычаям; они печатались в местных газетах и журналах. В отличие от многих других краеведов, Чурсин не боялся научных обобщений, – он делал их в эволюционистском стиле, широко применяя сравнительный метод. В числе этнографических работ Чурсина – полный список их приведен А. Ф. Ляйстером в некрологе ученого² – особенно интересны такие: «Праздник мертвых» (1896), «Этнографические заметки о Карачае» (1900), «Культурные переживания» (1901), «Культ мертвых на Кавказе» (1901), «Культ железа на Кавказе» (1901), «Свадебные обычаи и обряды на Кавказе» (1902), «Траур у кавказских народов» (1902), «Почитание огня на Кавказе» (1902), «Почитание деревьев на Кавказе» (1903), «Этнографические очерки Кахетии» (1904), «Курды в Закавказье» (1909), «Священные рощи и деревья на Кавказе» (1913). В 1913 г. вышел сборник из восьми статей Чурсина: «Очерки по этнологии Кавказа» (Тифлис). После революции Чурсин еще более усилил свою дея-

¹ См. Л. М. Меликсет-Бекоев. Армянский этнограф – археолог Е. А. Лалаян. Некролог и список трудов. СЭ, 1936, № 4–5.

² А. Ф. Ляйстер. Проф. Г. Ф. Чурсин. СЭ, 1931, № 3–4.

тельность. С 1929 г. он был профессором этнографии Ленинградского университета.

Александр Николаевич Дьячков-Тарасов принадлежал к числу типичных краеведов-этнографов. Родом с Кавказа, он окончил Московский университет (был там учеником профессора В. Ф. Миллера). Дьячков-Тарасов еще со студенческих лет обнаружил серьезный интерес к этнографии. Позже, работая преподавателем в кавказских учебных заведениях, он неустанно вел краеведческую работу, вовлекая в нее и учащихся. Главным предметом его интереса были народы северо-западного Кавказа. Им посвящены его работы: «Карачай и карачаевцы» («Сборник Кавказского учебного округа», XXV, 1891), «Мамхеги» («Изв. КОРГО», XIV, 1901, № 6), «Абадзехи» («Зап. КОРГО», кн. 22, вып. 4, 1902), «Бзыбская Абхазия» («Изв. КОРГО», XVIII, 1905) и др. Свою краеведческо-этнографическую деятельность Дьячков-Тарасов продолжал и в советские годы¹.

Путешествия в зарубежные страны

Экспедиции и путешествия в зарубежные страны в этот последний период развития дореволюционной этнографии играли для нее скорее второстепенную роль. Как особенно важные из них надо отметить путешествия в Центральную Азию, в Индию, в Абиссинию.

Экспедиции в Центральную Азию были в 1890-х годах непосредственным продолжением большого дела,

¹ «Северокавказский краевой горский научно-исследовательский ин-т. Бюллетень», 1927, № 2–4. А. Н. Дьячков-Тарасов. К 35-летию научной и общественной деятельности. Б. Лунин. О 35-летнем юбилее Дьячкова-Тарасова. «Краеведение», т. 5, № 5, 1928.

начатого Пржевальским. Из них наиболее плодотворными для этнографии были научные поездки П. К. Козлова.

Петр Кузьмич Козлов, принимавший участие в последнем путешествии Пржевальского, в экспедициях Певцова и Роборовского, с 1899 г. начал серию больших самостоятельных путешествий, поставивших его имя как исследователя Центральной Азии рядом с именем Пржевальского. В 1899–1901 гг. он совершил путешествие через Монгольский Алтай и Алашань на оз. Куку-нор и дальше на юг в область «Кам» (верховья Мэконга и Янцзы), а оттуда вновь на север, через Гоби и Ургу, в Россию¹. В 1907–1909 гг. он вторично направился через Монголию к Куку-нору, обследовал близкие к нему города, буддистские монастыри, в одном из которых он встретил проживавшего тогда там изгнанного из Лхасы далай-ламу. На обратном пути Козлов производил раскопки в открытых им развалинах средневекового тангутского города Хара-Хото². Последнюю экспедицию в Монголию Козлов совершил уже в советское время, в 1923–1926 гг.

Хотя экспедиции Козлова носили, как и у Пржевальского, характер военных походов, но отношения с местным населением у него были более близкими, да и интерес к быту народа – более глубоким. Описания этого быта занимают более заметное место в материалах путешествий Козлова – целые главы в его книгах. Там много сведений о монголах Алашаня и Цайдама, тангутах и восточных тибетцах и пр. Очень интересны вдумчивые наблюдения Козлова над национальными

¹ П. К. Козлов. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова, т. I. СПб., 1905; изд. 2. М., 1947; он же. Трехлетнее путешествие (1899–1901 гг.) по Монголии и Тибету. СПб., 1913 (сокращенное издание).

² П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.–Л., 1923; изд. 2. М., 1947.

взаимоотношениями, например, между тангутами и монголами в областях Цайдам и Куку-нор, где монголы уступают напору более сильных тангутов, недавних там пришельцев, и сами постепенно перенимают тангутский язык и образ жизни. Много интересных сведений сообщает Козлов о буддистских монастырях, ламах, их вероучении, исторические данные о них. Огромное научное значение имели археологические открытия Козлова в Хара-Хото: памятники тангутского письма и культуры X–XIII вв. («государство Си ся») обогатили русскую науку таким количеством текстов на языке тангутов-сися, которые превышают имеющиеся во всех других странах; очень много найдено и образцов средневековой буддистской иконописи, много предметов китайского искусства и пр. Эти находки проливают новый свет на историю народов Центральной Азии в средние века.

Упоминания заслуживает также экспедиция Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло по Центральной Азии и Западнему Китаю (1889–1890). В сопровождении брата, Михаила Ефимовича, он прошел большой маршрут от Тяньшаня на Лоб-нор и через Нан-шань к Куку-нору и верховьям Хуанхэ. В 1903 г. Г. Е. Грумм-Гржимайло путешествовал по северо-западной Монголии. Будучи зоологом по образованию, он живо интересовался и историко-этнографическими вопросами, печатал множество статей по истории народов Центральной Азии, пытаясь разобраться в сложных путях этногенеза и этнических отношений в этих странах. Подобным вопросам уделял он внимание в трехтомном «Описании путешествия в Западный Китай» (т. 1, 1896, т. 2, 1899, т. 3, 1907). Они подробно рассмотрены в трехтомной же работе «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. 1, 1914, т. 2, 1926, т. 3, 1930), причем 2-й том специально посвящен

истории, а 3-й – антропологии и этнографии этих стран. Некоторые исторические замечания Грумм-Гржимайло, например о местонахождении древних городов, позже подтвердились; но отсутствие исторической подготовки у автора придает некоторым его взглядам дилетантский отпечаток: такова, например, его пресловутая теория о древней «белокурой расе» в Центральной Азии, которой он приписывал, отождествляя ее с динлинами, особо благородные черты характера – рыцарство, любовь к свободе, «чувство индивидуальности», исконную моногамию и пр.¹ Эта «теория» Грумм-Гржимайло вызвала даже некоторую полемику в литературе², но в общем она не имеет серьезного научного значения³.

Совершенно особняком стоит давшее много этнографической науке путешествие Гомбочжаба Цыбикова (1873–1930). Бурят родом, востоковед, окончивший Петербургский университет⁴, Цыбиков совершил в 1899–1902 гг. по поручению РГО – по совету А. М. Позднеева – замечательное путешествие в священную столицу Тибета, Лхасу, куда до тех пор не удавалось проникнуть никому из русских ученых. Цыбиков направился туда инкогнито, под видом буддиста-паломника. Соблюдая тайну, путешественник тщательно прятал взятый с собою фотоаппарат, термометр, тайно вел записи в своем блокноте. Тем не менее Цыбикову удалось многое узнать,

¹ См. Г. Грумм-Гржимайло. Белокурая раса в Средней Азии. «Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина». – «Зап. РГО по отд. этногр.», т. 34, 1909.

² См. Г. Ф. Дебец. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. «Сов. Азия», 1931, № 5–6.

³ Биографию Г. Е. Грумм-Гржимайло см.: А. Г. Гржимайло. Дела и дни Г. Е. Грумм-Гржимайло, путешественника и географа. М., 1947.

⁴ Еще в бытность студентом, Цыбиков принял участие в комиссии Куломзина по обследованию землепользования в Забайкалье; в 15-м выпуске «Материалов» этой комиссии напечатана его работа «Подати и повинности» (СПб., 1898).

записать, сфотографировать, снять планы и чертежи зданий. Насыщенная богатым, совершенно новым для науки материалом книга Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета» издана только после Октябрьской революции (Пг., 1919). В ней, помимо обширных сведений о буддистских монастырях и храмах, о ламах и религиозных обрядах, немало и замечаний о хозяйстве, быте тибетцев. Цыбиков привез из своего путешествия свыше 300 томов тибетских книг, переданных им в Азиатский музей Академии наук.

Отчасти аналогичным, но менее значительным, было путешествие в 1905 г. другого ученого буряты – Б. Барадийна – в область Куку-нора, где он побывал в буддистском монастыре Лавране. В сообщении об этом путешествии, сделанном в РГО¹, Барадийн привел интересные этнографические сведения о тангутях, о их брачных обычаях, например о матриликальном браке и пр.

Из путешествий по странам Передней Азии заслуживает упоминания поездка А. М. Беркенгейма в 1894 г.² По собранным материалам он написал небольшую, но очень содержательную работу «Современное экономическое положение Сирии и Палестины» (М., 1897), где есть немало интересного для этнографа.

По странам Южной и Восточной Азии в 1892 и в 1895 гг. путешествовал А. Н. Краснов, видный русский географ³. В своих книгах-корреспонденциях «По остро-

¹ См. «Изв. ИРГО», т. 44, 1908, вып. 4.

² Абрам Моисеевич Беркенгейм (1867–1938), химик-органик, уехал за границу в 1890 г. вследствие конфликта в Московском университете (где он преподавал) и провел там много лет. Впоследствии был одним из видных советских профессоров химии (см. «Успехи химии», т. 19, 1950, вып. 2).

³ См. «Проф. А. Н. Краснов. Сборник Харьковского об-ва любителей природы». Харьков, 1916; Ф. Н. Мильков. А. Н. Краснов – географ и путешественник. М., 1955.

вам далекого Востока» (СПб., 1895) и «Из колыбели цивилизации, письма из кругосветного путешествия» (СПб., 1898) он дал яркие картины хозяйства, труда, быта японцев, китайцев, жителей Цейлона и других стран.

В конце XIX и в начале XX в. произошло сильное приращение этнографических знаний о народах северо-восточной части Африки – Абиссинии. Эта страна как раз в те годы попала под перекрестный огонь империалистических интересов (Англия, Италия, Франция, Россия), что объяснялось отчасти соседством недавно открытого Суэцкого канала. Хотя некоторые связи с Абиссинией были у России и гораздо раньше, частью на церковной почве (абиссинцы – христиане), но именно в конце XIX в. состоялся целый ряд русских путешествий и официальных экспедиций в Абиссинию.

Следом за колонизационной авантюрой казака Н. Ашинова, окончившейся неудачей (1886–1889), были поездки по Абиссинии одного из его спутников, поручика Федора Машкова (1889–1891), затем экспедиция отставных офицеров Леонтьева и Звягина (1894–1895), потом миссия Российского Красного креста в связи с итало-абиссинской войной (1896). Врачи из отряда Красного креста сделали много наблюдений в Абиссинии и по возвращении в Россию выступили с докладами в РГО. Связанный с тем же отрядом поручик А. К. Булатович совершил несколько поездок (1896–1899) по разным областям Абиссинии и соседнего Судана и собрал много этнографического материала о народах этих стран – амхара, галла, каффа и др. С 1896 г. в Абиссинии находилась русская дипломатическая миссия, а с 1902 г. – русское посольство. В 1903 г. русское правительство по просьбе негуса Менелика послало в Абиссинию группу горных инженеров во главе с Н. Курмаковым для разведки месторождений золота.

В последующие годы в Абиссинии были русские врачи (Бровцын, Лебединский, Владыкин, Кохановский), сотрудники посольства, был художник Сенигов и др. Многие из этих людей привозили в Россию записи своих наблюдений, издавали их, привозили этнографические коллекции, рисунки (большинство их хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР)¹. Так установление политических и культурных сношений с почти единственным независимым государством Африки привело к значительному накоплению этнографических знаний о его народах.

Из научных поездок по Америке, приносящих этнографический материал, можно в эти годы отметить путешествие уже упомянутого А. М. Беркенгейма в Аргентину в начале 1890-х годов. Он написал об этой стране очень обстоятельную монографию, посвященную истории ее колонизации, экономике, быту населения; особенно интересны для этнографа живые картинки быта пастухов – «гаучо» аргентинской пампы². Очень содержательны также наблюдения С. К. Патканова, путешествовавшего в 1890-х годах по южной Мексике: он описывает быт современных майя Юкатана и памятники их древней культуры³.

Австралия и Океания оставались после путешествий Миклухо-Маклая почти вне поля зрения русских этнографов. В начале XX в. можно отметить только научную поездку А. Л. Яценко в Австралию в 1903 г. (его

¹ См. *М. В. Райт*. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX в. и их этнографические материалы. «Африканский этнографический сборник», I. «Труды ИЭ», т. 34. М., 1956.

² *А. М. Беркенгейм*. Аргентина и ее колонии, ч. 1–3. М., 1895–1896; он же. Жизнь в пампасах Южной Америки. Из поездки в Аргентину. «Землеведение», 1895, кн. II–III.

³ *С. К. Патканов*. По гациндам и руинам Юкатана (путевые наброски). «Землеведение», 1896, кн. 1, 2, 3–4.

материалы увидели свет лишь в советский период)¹ и поездку туда же В. В. Светловского в 1908–1909 гг., привезшего этнографическую коллекцию для Музея антропологии и этнографии.

Этнографическое изучение зарубежных славян

На развитие славянской этнографии в России в 90-х и 1900-х годах оказали влияние, с одной стороны, общий рост этнографической науки, с другой – важные общественно-политические события в славянском мире, повышавшие интерес общественности к зарубежным славянам.

Последнее особенно относится к южным славянам. На Балканском полуострове политическая борьба не затихала, а все более разгоралась. Болгаро-сербский конфликт 1885 г. обострился из-за македонского вопроса; в Македонии поднялось восстание (1903); Босния и Герцеговина были аннексированы Австро-Венгрией (1908); наконец, Балканские войны 1912–1913 гг. стали прелюдией Первой мировой войны. Все эти события, тесно связанные с национальной борьбой, усиливали интерес к национальным проблемам, а значит, и к этнографии южных славян – и не только в России, а по всей Европе.

С 1866 г. разгорелся и долго не затихал спор о национальной принадлежности македонцев: болгары ли они, или сербы, или ни то ни другое, а особый народ? Спор шел главным образом между болгарскими и сербскими учеными. Многие из них печатали свои сочинения на русском языке, в русских журналах, – и тем еще более вовлекали русских ученых в свой спор.

¹ См. В. Кабо. А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию. СЭ, 1957, № 6; А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии. М., 1959.

Из русских этнографов, лингвистов, историков и археологов, совершавших научные поездки по Македонии, некоторые оставили очень содержательные описания быта, языка населения, древностей этой страны. Например: П. Н. Милюков. Пять этнографических карт Македонии, с текстом. СПб., 1900; Вещий Олег (А. Башмаков). Болгария и Македония. СПб., 1903; А. Ростковский. Распределение жителей Битольского виляета по народностям и вероисповеданиям в 1897 г. «Живая старина», 1899, вып. 1; Н. П. Кондаков. Македония, археологическое путешествие. СПб., 1909; Н. С. Державин. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Пг., 1914; В. В. Водовозов. По сербской Македонии. Пг., 1916; А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929; он же. Славянское население в Албании. София, 1931; он же. Македонские кодичи XVI–XVII вв., очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. София, 1933.

Огромную ценность для этнографии южных славян составил труд Павла Аполлоновича П. А. Ровинского (1831–1916) о Черногории. С 1879 г. Ровинский поселился в Черногории и прожил там в общей сложности около 27 лет (1879–1906 гг. с перерывами). Исколесив за эти годы вдоль и поперек всю Черногорию, знакомый лично почти с каждым черногорцем, Ровинский от души любил этот народ и его страну, ставшую для него второй родиной. Его там тоже любили. Капитальный труд Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем», в трех томах и семи выпусках (3800 страниц), напечатан в серии «Изв. ОРЯС» (см. ниже, с. 401).

Из полевых исследований о южных славянах заслуживают внимания также труды А. Н. Харузина – особенно касающиеся народной архитектуры словенцев: «Крестьянин Австрийской Краины и его постройки»

(«Живая старина», 1902, вып. 1), «Жилище словинца Верхней Крайны» (там же, вып. 3–4). Он написал также книгу «Босния–Герцеговина» (1901).

Западные славяне занимали меньше места в исследованиях русских этнографов, хотя новый подъем национального движения в Чехии в 90-х годах, устройство Чешской этнографической выставки 1895 г. усилили интерес к чехам и словакам. Этнографический материал есть в следующих сочинениях: Петров – «Заметки по Угорской Руси» (ЖМНП, т. 279, 1892, февраль) – наблюдения поездки 1890 г.; М. Сперанский – «Чешская этнографическая выставка 1895 г.» (ЭО, 1896, № 4); Е. де-Витте – «Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и угро-руссы. Лето 1903, 1906 и 1907 гг.» (Б. м. и г.); Ю. Макаренко – «В гостях у чехов. Как живут крестьяне-землеробы в Чехии» (М., 1915) – впечатления от экскурсии, устроенной земством.

Этнография поляков и кашубов оставалась, как и прежде, в загоне. Можно отметить только работы: лингвиста И. А. Бодуэна-де-Куртенэ – «Кашубский язык, кашубский народ и кашубский вопрос» (ЖМНП, ч. 310, 311, 1897, апрель, май); лингвиста А. И. Соболевского – «Холмская Русь в этнографическом отношении» (Харьков, 1910) – антипольская точка зрения на национальные взаимоотношения в Холмщине; историографические работы В. А. Францева «К истории кафедры славяноведения в Варшавском Королевском Александровском университете» («Новый сборник статей по славяноведению», изд. учениками Ламанского, СПб., 1905), «Польское славяноведение конца XVIII и 1-й четверти XIX столетия» (Прага Чешская, 1906). Уже после начала мировой войны вышла в свет книга А. Закржевского «Польша, статистико-этнографический очерк» (Киев, 1916).

О лужичанах выходили только диалектологические работы: Л. В. Щерба – «Восточно-лужицкое наречие» (т. I, Пг., 1915); А. А. Шахматов – «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Изв. ОРЯС», 1916, кн. 2).

Из обобщающих историко-этнографических исследований о славянах наиболее интересны труды историка и лингвиста А. Л. Погодина: «Из истории славянских передвижений» (СПб., 1901), «Сборник статей по археологии и этнографии» (СПб., 1902), «Краткий очерк истории славян» (М., 1915), «Славянский мир» (М., 1915) и многие другие, в том числе книги по истории отдельных славянских государств и народов. Есть нужное для этнографа в работах историка М. К. Любавского «История западных славян» (М., 1912; изд. 2. М., 1918) и др.

Проблемам этногенеза славян посвящены работы: А. А. Шахматова «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (ЖМНП, 1899, апрель; отдельно: СПб., 1899), «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях» («Уч. зап. Казанского ун-та», 1912, кн. 8), «Введение в курс истории русского языка» (Пг., 1916) и др.; И. Эндзелина – «Славяно-балтийские этюды» (Харьков, 1911).

Интерес к славянским народам отразился и в издании посвященных им специальных журналов и не-периодических сборников, которые, правда, выходили в эти годы скудно. В 1892 г. издавалось Петербургским славянским благотворительным обществом «Славянское обозрение» – как продолжение «Славянского сборника» 1875–1877 гг.; оно сначала выходило ежемесячными книжками, но сразу оборвалось и в 1894 г. вышло как отдельный сборник статей. В 1910 г. выходил «Славянский мир», в 1911 г. – «Славянский юг» и «Славянство».

Большое научное значение имело предпринятое Академией наук с участием видных зарубежных славянских

ученых (под общим руководством хорвата профессора Ягича) капитальное издание «Энциклопедия славянской филологии», где видное место занимали и этнографические вопросы. Особенно ценен том 1 – «История славянской филологии» В. Ягича (СПб., 1910) и том 2 – «Обозрение современного славянства» Л. Нидерле (СПб., 1919), с этнографической картой славянства.

Этнографические музеи

Начало деятельности этнографических музеев падает главным образом на вторую половину XIX в., а особенно усилилась их деятельность с 1890-х годов.

Крупнейший этнографический музей в нашей стране – ныне Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград) – имеет длительную историю. Он выделился из петровской «Кунсткамеры» как самостоятельный «Этнографический музей» в 1836–1837 гг., но научной работы никакой не вел. В 1878 г. соединен с «Анатомическим кабинетом» и получил название «Музея по антропологии и этнографии». Но только с 90-х годов оживилась его деятельность. Много сделал для этого В. В. Радлов, ставший во главе музея после смерти прежнего директора Л. И. Шренка (1894). Музей перешел тогда в ведение Историко-филологического отдела Академии наук. Была проведена большая работа по регистрации накопленных коллекций (в то время имелось 29 тыс. предметов, но они хранились без всякой регистрации). От приема случайных поступлений музей перешел к систематическим сборам, в частности через экспедиции. В 1891 г. большая этнографическая коллекция была передана музею от Русского географического общества – в том числе сборы Маака по Сибири, Миклухо-Маклая

по Океании и др. В 1898 г. музей получил коллекции от Гондатти (по северо-восточной Сибири), от В. И. Анучина (по кетам), от С. М. Широкогорова (по тунгусам). В 1897 г. состоялась командировка Г. М. Осокина в Монголию, в 1898 г. П. Е. Островских на Енисей; в том же году была снаряжена Турфанская (Восточно-туркестанская) экспедиция Д. А. Клеменца. Поступали коллекции и из заокеанских стран: в 1905 г. от Американского музея естественной истории (по американским индейцам) и от А. Л. Яценко (по австралийцам), в 1908 г. от Святловского (Австралия и Северная Америка), в 1910–1911 гг. от чеха Фрича (по Южной Америке), в 1913 г. от Гумилева (по Восточной Африке) и т. д. С 1900 г. музей начал издавать свои весьма содержательные «Сборники Музея по антропологии и этнографии»¹.

В 80–90-х годах расширилась и деятельность Московского Румянцевского музея с его Дашковским этнографическим музеем и Отделением иностранной этнографии. Богатые коллекции, поступившие с Всероссийской этнографической выставки 1867 г., и другие хранились там в сундуках, неразобранные и недоступные для обозрения; лишь часть была выставлена, и то без строгого научного порядка. Задача превратить это хранилище старых вещей в научный музей выпала на долю В. Ф. Миллера, профессора Московского университета, принявшего в 1884 г. назначение хранителя Дашковского этнографического музея. Благодаря его энергии и широте научного кругозора в Музее был наведен порядок, вещи были систематизированы по народам. Мало того: Миллер выполнил огромный, подлинно научный труд: составил «Систематическое описание коллекций Даш-

¹ См. «Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг.». Пг., 1917; Т. В. Станюкович. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.–Л., 1964; Л. П. Потапов. Музей антропологии и этнографии АН СССР (к 250-летию музея). СЭ, 1964, № 4.

ковского музея», которое фактически представляло собой обстоятельный сводный этнографический справочник по всем народам России и по некоторым зарубежным народам – в частности, по славянским, – с дополнением обширной библиографии по каждому народу. Это «Систематическое описание» – плод 10-летней кропотливой работы – вышло в четырех выпусках (1887–1895).

Третьим большим этнографическим музеем был Этнографический отдел Русского музея, основанного в Петербурге в середине 90-х годов. Этот «Русский музей имени императора Александра III» уже одним своим названием говорил о политической цели, которую преследовали его основатели: показать перед всем миром мощь и величие царской империи¹. Этой цели служили и этнографические коллекции, в большом количестве собранные в этнографическом отделе музея. Но, вопреки этой явно реакционной цели, деятельность музея приняла серьезное научное направление. Этнографический отдел музея оказался в руках людей, преданных науке. Во главе его стал Д. А. Клеменц, бывший народоволец и политический ссыльный, крупный ученый. Сотрудниками отдела были этнографы Е. Я. Ляцкий, Н. М. Могилянский, позже – украинский антрополог и этнограф Ф. К. Волков (с 1907 г.), кавказовед А. А. Миллер (с 1908 г.). В разработке научных основ плана построения музея приняли участие видные ученые: П. П. Семенов-Тяньшанский, А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин, Д. А. Коропчевский, А. Н. Харузин, А. И. Соболевский, В. В. Стасов, В. И. Ламанский и др. – люди, правда, довольно разных общественных и

¹ В «именном» царском указе об основании музея (13 апреля 1895 г.) говорилось: «Музей основан в память незабвенного покровителя русского искусства, императора Александра III, имея целью соединить все, относящееся к его личности и истории его царствования, и представить ясное понятие о художественном и культурном состоянии России» («Материалы по этнографии России», т. 1. СПб., 1910, с. 1).

научных взглядов. После споров было решено, что задачей музея будет собирать материал по «этнографии Российской империи, славян и сопредельных стран» (более реакционная часть ученых отстаивала формулу: «этнография исключительно Российской империи»).

Собирание коллекций велось планомерно и в широком масштабе. Была разработана специальная программа (1902); сотрудники совершили ряд поездок за экспонатами по разным областям страны; сверх того, поручения по сбору коллекций давались местным деятелям, краеведам, этнографам. Было много и пожертвований. К 1909 г. количество собранных экспонатов достигло 78 716 единиц, более трети этого количества составили вещи по русскому (великорусскому) быту¹. Однако музей так и не успел открыть свои залы для публики вплоть до самой революции: они открылись только в 1923 г. Зато музей выпускал ценные сборники публикаций и исследований: 1-й том «Материалов по этнографии России» вышел в 1910 г., 2-й том – в 1914 г. Ныне на основе коллекций этнографического отдела создан Государственный этнографический музей народов СССР.

Росли также местные музеи – некоторые из них были созданы еще в предыдущий период. Местные музеи были по большей части краеведческого типа, а не специально этнографические, но во многих из них этнографические коллекции занимали видное место. Они создавались или местными отделами РГО, или другими научными обществами, местами – по инициативе частных лиц. Назовем более известные музеи: Минусинский (основан в 1877 г. местным краеведом и любителем Н. М. Мартьяновым – ныне Музей его имени)², Казан-

¹ См. «Очерк деятельности этнографического отдела с 1902 по 1909 г.». «Материалы по этнографии России», т. 1.

² *Н. М. Мартьянов*. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. Томск, 1881.

ский (при Обществе АИЭ, с 1878 г.)¹, Иркутский (основан еще в 1782 г.; передан ВСОРГО в 1854 г.; открыт в специальном здании в 1883 г.)², Владивостокский (с 1884 г., в отдельном здании с 1890 г.)³, Нерчинский (с 1877 г.)⁴, Тобольский (с 1889 г.)⁵, Красноярский (с 1889 г.)⁶, Якутский (с 1891 г.)⁷, Кяхтинский (с 1894 г.)⁸, Владикавказский (с 1897 г.)⁹, Харьковский (с 1902 г.)¹⁰ и др.

Этнографические журналы

С 1890-х годов в России начинают издаваться специальные этнографические журналы – еще один показатель роста этнографической науки и повышения общественного интереса к ней.

Органы, где печатались этнографические материалы и исследования, существовали и раньше, и их было немало: о них говорилось частью в предыдущем изложе-

¹ «Краткие путеводители по Университету. – Этнографический музей». Казань, 1957.

² «Зап. Иркутского областного краеведческого музея». Иркутск, 1958.

³ «Юбилейный сборник. XXV. Музей об-ва изучения Амурского края за первые 25 лет своего существования». Владивосток, 1916.

⁴ «Отчет по Нерчинскому публичному музею и Нерчинской городской общественной библиотеке за 1889 г.» Нерчинск, 1890.

⁵ «Отчет по Тобольскому губернскому музею за 1890 г.» Тобольск, 1891.

⁶ «25-летие Красноярского городского музея (1889–1914)». Красноярск, 1915.

⁷ М. Измайлова. Указ. соч.; «Якутский музей им. Ем. Ярославского». Якутск, 1941.

⁸ Р. Ф. Тузатов и А. Н. Орлова. Старейший музей Забайкалья. Улан-Удэ, 1956.

⁹ СЭ, 1950, № 2, с. 239.

¹⁰ В. Е. Данилевич. Этнографический музей Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1911.

нии. Помимо изданий Русского географического общества («Вестник», «Записки», «Известия», специальные «Этнографические сборники», позже «Записки РГО по отделению этнографии»), этнографические статьи и материалы появлялись во многих других изданиях. Немало их было в изданиях Московского общества истории и древностей российских (существовавшего с 1804 г.) – особенно после 1845 г., когда начали регулярно выходить «Чтения в ОИДР» (на время запрещения их правительством в 1848–1857 гг. их заменял «Временник ОИДР»). За 25 лет (1846–1870) там было напечатано более 50 этнографических и историко-этнографических статей или публикаций – в том числе известные фольклорные материалы Киреевского, Даля, Головацкого, Шейна; за следующие 13 лет (1871–1883) – до 20 статей и публикаций¹. Ценные этнографические материалы и исследования печатались в «Записках Отделения русского языка и словесности Академии наук» (ОРЯС – с 1867 г.), где было помещено много капитальных этнографических сочинений². С 1868 г. выходили «Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ». С 1878 г. – «Известия ОАИЭ при Казанском

¹ См. «Указатель ко всем периодическим изданиям ОИДР при имп. Московском ун-те». М., 1883.

² Вот некоторые из более крупных публикаций: т. 2 (1867) – *Ив. Юшкевич*. Литовские народные песни; т. 17 (1877) – *М. А. Колосов*. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия; т. 20, 21, 28, 32, 46, 53 (1879–1891) – *А. Н. Веселовский*. Разыскания в области русского духовного стиха; т. 22, 36 (1881, 1884) – *А. Н. Веселовский*. Южнорусские былины; т. 23–27 (1881) – *Д. А. Ровинский*. Русские народные картинки; т. 30 (1882) – *Вл. Качановский*. Памятники болгарского народного творчества, вып. 1; т. 32 (1883) – *А. Н. Веселовский*. Заметки по литературе и народной словесности; т. 41, 51, 57, 72 (1887–1902) – *П. В. Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края; т. 42 (1887) – *Ф. И. Буслаев*. Народная поэзия, исторические очерки; т. 45, 63, 69, 80, 86, 91 (1888–1915) – *П. А. Ровинский*. Черногория в ее прошлом и настоящем; т. 59–61 (1884–1900) – *А. Ф. Гильфердинг*. Онежские былины. Изд. 2.

университете». Последние были близки к типу настоящего журнала, так как выходили периодически (четыре, а позже шесть книжек в год) и имели библиографический отдел. Но это был не чисто этнографический орган.

С 1875 по 1881 г. издавались ежемесячные исторические сборники «Древняя и новая Россия». Среди преобладающих исторических статей там помещались также и «описания русских городов, местностей, замечательных храмов, зданий, памятников, древностей, обычаев, нравов и т. п.», – как указывалось в редакционном объявлении об издании сборников¹. В 1881–1901 гг. выходили, под редакцией вице-президента РГО П. П. Семенова, сборники «Живописная Россия» (т. 1–12) – каждый том или часть тома были посвящены одной из областей России; там давалось и обстоятельное описание быта местного населения, притом богато иллюстрированное.

Много этнографического материала – почти исключительно по украинской этнографии – печаталось в журнале «Киевская старина», выходившем с 1882 по 1906 г.; за все эти годы там было помещено свыше 500 этнографических статей и заметок². Во многих губернских городах издавались местные непериодические сборники, частью официальные, частью местных научных обществ: «Памятные книжки», «Труды губернских статистических комитетов», «Труды губернских ученых архивных комиссий», «Сборники» («Астраханский сборник», «Нижегородский сборник» и т. п.). Во всех этих изданиях встречается и этнографический материал. Последний находил себе место, далее, в «Трудах» археологических съездов, созывавшихся каждые три года (1-й – в Москве в 1868 г., 2-й – в Петербурге в 1871 г., 3-й – в Киеве в 1874 г., 4-й – в

¹ «Древняя и новая Россия. Иллюстрированный ежемесячный исторический сборник», т. 1. СПб., 1875, с. (6).

² См. систематический указатель журнала «Киевская старина» (1882–1906 гг.). Полтава, 1911.

Казани в 1877 г., 5-й – в Тифлисе в 1881 г., 6-й – в Одессе в 1884 г. и т. д.). Этнографические статьи печатались, наконец, и в общих научных и литературных журналах – в «Журнале Министерства народного просвещения», «Вестнике Европы», «Русском вестнике», «Отечественных записках» и пр. – и даже в местных газетах.

Все эти издания, однако, не заменяли настоящего этнографического журнала, которого не было и потребность в котором теперь начала ощущаться. В 1889 г. этнографический отдел Московского ОЛЕАЭ начал выпускать первый русский этнографический журнал «Этнографическое обозрение»¹. В редакционном предисловии следующим образом мотивировалась необходимость в новом журнале:

«Развитие русской этнографии, возрастающее с каждым годом, наглядно доказывает, насколько необходим специальный орган в этой области отечественной науки. В то время как за границей уже десятки лет издаются в значительном количестве разные этнографические журналы, у нас до настоящего времени не делалось даже опыта подобного издания. Такое положение дела служит немалым тормозом для развития нашей этнографической науки»².

Авторы предисловия подчеркивали далее, что больше всего важен новый журнал для «этнографов-любителей, в особенности провинциальных», которые редко имеют возможность печататься в специальных изданиях научных обществ. Иначе говоря, тут ставилась та же цель популяризации и демократизации науки, какую преследовали инициаторы Общества любителей естествознания при самом его основании.

¹ Ближайшим толчком к основанию журнала было, как считают, появление в 1887 г. в Варшаве польского этнографического журнала «Висла», издававшегося видным этнографом Яном Карловичем, и значительный успех его.

² ЭО, кн. 1, 1889, стр. 1.

В 1-й книге «Этнографического обозрения» была помещена программная статья Д. Н. Анучина «О задачах русской этнографии».

Журнал стал выходить четырьмя книжками в год (до 1916 г.). Редакторами его были Н. А. Янчук, В. Ф. Миллер, В. В. Богданов.

Со следующего, 1890 г. отделение этнографии РГО начало издавать журнал «Живая старина». Инициаторами издания была группа членов РГО (академики Веселовский и Майков, профессор Минаев, А. Н. Пыпин), подавших на этот счет подробно мотивированное предложение, где говорилось и о примере стран Западной Европы и Америки (имеющих уже соответствующие журналы), и о вновь появившемся в Москве «Этнографическом обозрении». «Живая старина» тоже выходила четырьмя выпусками в год – и тоже до 1916 г. Редактором был В. И. Ламанский – ученый консервативных и притом великодержавно-панславистских взглядов. В журнале, однако, печатались работы и прогрессивно настроенных ученых.

И «Этнографическое обозрение», и «Живая старина» были сразу поставлены на солидную основу. Помимо содержательных статей и обильных публикаций материалов – особенно фольклорных, там была хорошо поставлена хроника и библиография. Оба журнала – а особенно «Этнографическое обозрение» – следили за выходящей и русской, и иностранной этнографической литературой. Рецензии (А. Н. Максимова, Веры Харузиной, Е. Н. Елеонской и др.) на иностранные книги были проникнуты в большинстве критическим духом.

С 1894 г. начал выходить журнал «Землеведение» – орган географического отдела того же ОЛЕАЭ, под редакцией Д. Н. Анучина. С 1900 г. под его же редакцией издавался «Русский антропологический журнал» – орган Антропологического отдела того же Общества. В обоих журналах появлялся и этнографический материал.

Этнографическое бюро князя Тенишева

Одно из показательных явлений изучаемой эпохи – возникновение и деятельность частного «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева (1898–1901). Перед нами яркое свидетельство того, что этнографический интерес захватывал и людей из господствующих классов и служил при этом определенной цели.

Князь В. Н. Тенишев (1844–1903) был по социальному положению капиталистом – владельцем и акционером крупных заводов. В то же время он был человеком высокообразованным (инженер-путеец) и культурным – представителем обуржуазившейся просвещенной аристократии; держался прогрессивных взглядов и занимался научно-литературной деятельностью, притом довольно разносторонней¹. Он был хорошим математиком (см. *В. Тенишев. Математиче-*

¹ В. Н. Тенишев в 1898 г. открыл в Петербурге частное училище с программами и постановкой преподавания по тому времени самыми прогрессивными. Целью его было «дать учащимся в нем общее образование, воспитать в них самостоятельность и действительный интерес к знанию, а также сообщить необходимые коммерческие знания» («Программы Тенишевского училища». СПб., 1906, с. 3). Плата за учение была довольно высока: расчет был, видимо, на буржуазную молодежь. Тенишев привлек в училище лучшие преподавательские силы. Отметки и переводные экзамены были упразднены. Учащихся старались заинтересовать полезными, живыми знаниями. Программы были составлены по самому передовому образцу. Достаточно сказать, что, например, по «русскому языку» воспитанники училища изучали (в 8-м классе) произведения Чаадаева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова и др. (там же, с. 11–12). Даже в программу обязательного в то время «закона Божия» вводились такие темы, как «сущность и происхождение религии». В преподавание географии щедро включались этнографические сведения. См. также некролог В. Н. Тенишева (ЭО, 1903, № 3, с. 202).

ское образование и его значение. Общедоступное изложение. СПб., 1886), но особенно интересовался общественными науками. В 1897 г. вышла в свет его книга «Деятельность человека», где Тенишев изложил свое общественное мировоззрение. Основная идея книги – практическая необходимость науки, объясняющей поведение людей и делающей возможным предвидеть их поступки. Тенишев отрицательно смотрел на общие умозрительные построения, он интересовался, в духе позитивной философии, лишь положительными, практически полезными знаниями. Изучать древнейшую историю человека – бесполезно, ее все равно узнать нельзя. «...Воспроизведение так называемого первобытного человека, – писал Тенишев, – есть не что иное, как ряд никому ненужных догадок»¹. Напротив, надо изучать окружающих нас людей, знать их потребности, образ жизни. Классовую структуру современного ему общества Тенишев считал, видимо, незыблемой. Каждый человек занимает и должен занимать в обществе место, определяемое его социальным положением. Люди каждого отдельного класса, каждой социальной группы, их особенности и поведение – должны изучаться научными методами. «Когда перед нами целая нация с развитым общественным устройством, ...необходимо выделить людей сообразно той роли, которую они играют в обществе, и изучать отдельно, например: крестьян, купцов, солдат, чиновников и т. д.»² Какая же наука должна их изучать? Этнография, которой Тенишев придавал особо большое значение. «Итак, изучение деятельности человека приурочивается к этнографии, где и получает свое естественное разграничение»³.

¹ В. Н. Тенишев. Деятельность человека. СПб., 1897, с. 9.

² Там же, с. 5.

³ Там же.

В том же 1897 г. Тенишев издал «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России», чрезвычайно подробную, где охватывались все стороны жизни крестьян – начиная от их физического типа и вплоть до общинного землевладения и юридических обычаев. Ненапечатанной осталась в высшей степени любопытная и обстоятельная «Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса» (или «Программа о русских чиновниках»). Эта программа, кстати, едва ли не единственная в истории всей этнографической науки попытка разработать методику этнографического изучения городских классов населения.

Эта своеобразная программа, впрочем, осталась нереализованной. Программа же изучения крестьян, напротив, была пущена в самый широкий оборот. Для осуществления ее и было создано «Этнографическое бюро», построенное на чисто деловых и типично капиталистических началах. Как на всяком капиталистическом предприятии, там были хозяин и рабочие. Хозяин поручал работу и платил, рабочие работали. Хозяином был сам Тенишев, стоявший во главе «Этнографического бюро» в Петербурге. Рабочие назывались «сотрудниками» и находились в разных местах России. Хозяин рассылал программы с точными указаниями, какие сведения и как надо собирать. «Сотрудники» не должны были умничать и рассуждать, а должны были только записывать фактический материал и посылать его Тенишеву. «Сотрудник должен постоянно помнить, – писалось в специальной инструкции, – что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы»¹. Содержание требуемого материала строго ограничивалось: требовалось присылать только то, что еще недо-

¹ «Программа этнографических сведений...», с. 5.

статочно изучено, или то, что Тенишев считал наиболее заслуживающим изучения. Так как, например, сказок и песен записано уже очень много, а варианты их не казались Тенишеву интересными для науки, то требовалось записывать и присылать из сказок только «рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами» (отбор, пожалуй, обоснованный), а из песен – солдатские и лирические песни «старинного склада». Заговоры бюро вообще отказывалось принимать, так как их записано уже очень много и они, по мнению Тенишева, везде одни и те же. Наконец, «Этнографическое бюро» совершенно не интересовалось описанием разных производств, считая, что «подобные описания к предмету этнографии мало относятся»¹.

За присланные материалы «сотрудники» получали от бюро (т. е. от В. Н. Тенишева) полистную оплату: при этом они совершенно лишались авторских прав, которые целиком переходили к Тенишеву. «Этнографическое бюро» обрабатывало полученный сырой материал для опубликования. Дело было поставлено на широкую ногу. За 3 года своей деятельности бюро на вербовало несколько сотен «сотрудников», главным образом из сельских учителей, земских служащих, священников, частью из крестьян. Интеллигентных сил, нуждающихся в заработке, в России было много. В числе особо деятельных «сотрудников» был Д. К. Зеленин (Сарапульский у. Вятской губ.). Было получено всего 1444 рукописи от 348 сотрудников из 24 губерний – центральных и северных. Из них было возвращено авторам 226 рукописей, принято к обработке 1218.

¹ Н. Начинкин. Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР. СЭ, 1955, № 1, с. 161.

В «Этнографическом бюро» работали, кроме самого В. Н. Тенишева, известный этнограф С. В. Максимов, П. Кашинский, врач Г. Попов и др.

Огромный собранный материал был, однако, реализован лишь в незначительной степени. Предполагалось издать обширный труд «Быт великорусских крестьян-землепашцев», но издание не осуществилось. Изданы были только два – правда, очень ценные – сборника: С. В. Максимова – «Нечистая, неведомая и крестная сила» (закончено и опубликовано уже после смерти Максимова, в 1903 г.) и Г. Попова – «Русская народно-бытовая медицина» (1903), а также книжка Анны Стеллинг – «Рассказы из народного быта» (1903). Позже сын В. Н. Тенишева, В. В. Тенишев, напечатал небольшую книгу – «Правосудие в русском крестьянском быту, свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева» (Брянск, 1907). Остальная масса собранного материала осталась неопубликованной. Архив «Этнографического бюро» Тенишева хранится сейчас в Государственном этнографическом музее народов СССР (Ленинград).

Изучение материального быта

Одним из проявлений нового этапа в этнографической науке было зарождение интереса к материальному быту народа, который в предыдущий период не особенно привлекал к себе внимание исследователей.

В самом деле, хотя уже в программе собирания этнографических сведений, разосланной от Географического общества в 1847 г., говорилось и об описании «домашнего быта» – в том числе народного жилища, утвари, одежды, пищи и пр., – и хотя в присылавшихся

в ответ на эту программу местных описаниях материальный быт населения описывался, иногда и подробно, однако внимание исследователей к подобным материалам не было привлечено. Впоследствии на это указал с полным правом Д. К. Зеленин в предисловии к своему «Описанию рукописей ученого архива ИРГО»: по его словам, в то время как разные фольклорные материалы этих описаний многократно обрабатывались и публиковались, «вопросы о внешнем быте русского народа (о жилище, одежде и хозяйственном быте), а также и о народных верованиях, остаются в нашей этнографической литературе почти совсем нетронутыми; даже сырых материалов по этим отделам русской этнографии напечатано пока крайне мало, на что давно и жалуются иностранные исследователи... Русские этнографы вообще, Отделение этнографии ИРГО в частности, – писал далее по этому поводу Зеленин, – до самого последнего времени совершенно почти пренебрегали вопросами о внешнем быте русского народа, сосредоточив главное свое внимание на народной словесности»¹.

Некоторое оживление интереса к материальному быту заметно было, правда, в связи с организацией Всероссийской этнографической выставки 1867 г. и Политехнической выставки 1872 г. Однако время для серьезного интереса к материальному быту, материальной культуре тогда еще не пришло: главное внимание было в те годы обращено на обычное право, землепользование, семейный быт. Поэтому хотя в общих этнографических описаниях отдельных местностей, областей уделялось внимание и материальной культуре²,

¹ Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива ИРГО, вып. 1. Пг., 1914, с. VI–VII.

² См., например: П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., ч. 1. М., 1877.

но специальных исследований на тему о крестьянских постройках, одежде, сельскохозяйственных орудиях и т. п. почти не было¹.

Около 1890 г. такие исследования начинают появляться и интерес к материальному быту народа начинает заметно расти. Ближайшим образом это было связано с оживлением деятельности этнографических музеев. Основной же причиной были те общие условия, которые определили собой наступление нового этапа.

В 1887–1895 гг. вышли в свет, как уже говорилось, четыре выпуска «Систематического описания коллекций Дашковского этнографического музея» Всеволода Миллера. В связи с работой над этим «Описанием» Миллер, председатель этнографического отдела ОЛЕАЭ, внес на заседание отдела (в 1890 г.) предложение организовать систематический сбор сведений о народной одежде. Приняв это предложение, этнографический отдел Общества «признал нужным собрать сведения об одежде крестьянского населения России» и обратился с особым «воззванием к любителям этно-

¹ В обширном издании «Древности Российского государства, издаваемые по высочайшему повелению» (М., 1849), в 4-м отделе (томе) есть несколько страниц (с. 80–83), посвященных народной одежде, ее областным типам. См. также: *Я. Головацкий*. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галиции и северо-восточной Венгрии. СПб., 1877. Кое-какие этнографические данные есть в большом альбоме А. Прохорова «Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной» (т. 1–3. СПб., 1881–1885), где собраны главным образом старые миниатюры и археологические вещи. Наконец, некоторые сведения о материальной культуре попадали на страницы экономических исследований, которые особенно в пореформенные годы проводились иногда серьезно. См., например, «Труды Комиссии по использованию кустарной промышленности в России», вып. 1–15. СПб., 1879–1886. (Эта комиссия была образована в 1872 г. по почину Московского губернского статистического комитета и РГО). См. также: *О. В. Маргграф*. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

графии»: ввиду быстрого исчезновения старинных особенностей в одежде крестьян под влиянием городской промышленности и торговли представляется важным собрать сведения о сохраняющейся старой одежде по каждой местности. Сочиненная по этому поводу анкета состояла всего из семи вопросов, но корреспондентам предлагали не стесняться ни формой, ни объемом ответов; рекомендовалось обращать особое внимание на женскую одежду; требовалось точно обозначать местность; желательно приложение рисунков¹.

Очень туго, медленно начинали появляться многочисленные пока публикации о народной материальной культуре. Неслучайно, что в многолетних и богатых сборах П. В. Шейна материальная культура хотя и находила себе место, но эта часть его записей была опубликована в последнюю очередь, лишь после смерти собирателя, в 3-м томе его «Материалов», в 1902 г. В сборах Е. Р. Романова материальный быт тоже появился лишь в 8-м выпуске его «Белорусского сборника» (1912). В журналах «Этнографическое обозрение» и «Живая старина» за первое десятилетие можно найти только единичные статьи, посвященные материальной культуре².

В дальнейшем, однако, подобные исследования начали появляться. О народной одежде можно назвать работу Познанского «Одежда малороссов» («Труды 12 Археологического съезда в Харькове», III, 1902),

¹ ЭО, 1890, № 2, с. 259–260.

² Вот эти статьи: *Н. Д-ди*. Очерк кустарной промышленности в Тобольской губ. ЭО, 1891, № 3; *Г. Куликовский*. Артели Обонежья. ЭО, 1892, № 2–3; *Гавловский, Гедых и Усакевич*. К истории народных костюмов: курни, куявяне, мазуры. Там же; *А. Макаренко*. О красильном искусстве у русских Енисейской губ. «Живая старина», 1895, вып. 3–4; *Г. Виссендорф*. О красильном искусстве у латышей. Там же.

Е. Елеонской – «Женский костюм пригородных деревень г. Козельска» (ЭО, 1908, № 3), Д. Святского – «Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губ.» («Живая старина», 1910, вып. 1–2), В. Богданова – «Из истории женского южно-великорусского костюма» (ЭО, 1914, № 1–2), Н. Ф. Яковлева – «Материалы по одежде донских казаков» (ЭО, 1916, № 1–2) и др.

Народному жилищу и постройкам посвящена работа В. В. Сулова «Очерки по истории древнерусского зодчества» (СПб., 1889), хотя в ней описывается в основном церковная архитектура, но несколько страниц отведено и крестьянским постройкам; М. Веневитинова – «Расписные кирпичные избы» (М., 1890), Н. Ф. Сумцова – «К истории хаты» («Киевская старина», XXV, 1889), Н. Харузина – «Очерк развития жилища у финнов» (ЭО, 1895, № 1, 2 и отдельно), «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» (М., 1896); А. Шарко – «Малороссийское жилище» (ЭО, 1900, № 4); М. Косич – «О постройках белорусских крестьян» («Живая старина», 1906, вып. 1); М. Руссова – «Поселения и постройки крестьян Полтавской губ.» («Сборник историко-филологического обва», т. XIII, 1902); А. Харузина – «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройка» («Живая старина», 1902, вып. 1), «Материалы по истории развития славянских жилищ – жилище словинца Верхней Крайны» (там же, вып. 3–4), «Славянское жилище в Северо-западном крае» (Вильна, 1907); В. Н. Харузиной – «Заметки о крестьянском жилище в Верхнеднепровском у., Екатеринославской губ.» (ЭО, 1905, № 2–3); М. Б. Едемского – «О крестьянских постройках на севере России» («Живая старина», 1913, вып. 1–2); А. А. Миллера – «Черкес-

ские постройки» («Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914) и др.

Народной сельскохозяйственной технике посвящена работа Д. К. Зеленина «Русская соха, ее история и виды» (Вятка, 1908); А. К. Сержпутовского – «Земледельческие орудия белорусского Полесья» («Материалы по этнографии России», т. I. СПб., 1910); «Бортничество в Белоруссии» (там же, т. II, Пг., 1914); А. Руднева – «Плуг у восточных монголов» («Живая старина», 1911, вып. 2).

Следует назвать также некоторые официальные издания, касающиеся сельского хозяйства, где есть и нужный этнографу материал: «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.» («Статистика Российской империи», т. 79, СПб., 1913); «Сельскохозяйственный промысел в России» (Пг., издание Департамента земледелия, 1914).

Показательно появление в 1913 г. солидного труда Д. К. Зеленина «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России» (СПб., 1913). Свое «Описание рукописей ученого архива ИРГО» Зеленин тоже предпринял, как он сам заявляет, «именно в поисках материалов для изучения внешнего быта русского народа»¹.

Изучение общественного и семейного быта

В изучении общественного и семейного быта народов конец XIX и начало XX в. тоже ознаменовались новыми явлениями, но сохранялись и интересы, зародившиеся в предыдущий период. По-прежнему предметом

¹ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. VII.

глубокого внимания этнографов (как и экономистов) оставалась сельская община. Уже было упомянуто о библиографических работах Е. И. Якушкина о сельской общине, частью падающих и на рассматриваемый период. Появлялись и новые исследования. Хотя марксистская критика уже рассеяла – по крайней мере у здравомыслящих ученых – прежние народнические романтические иллюзии насчет «крестьянского социализма» в общине, но сама организация сельской общины, влияние ее на разные стороны быта, судьба ее не переставали интересовать этнографов. Помимо содержательных работ А. Кауфмана (впрочем, вполне буржуазного направления), – о некоторых из них уже говорилось выше¹, – можно назвать, например, серию статей в журнале «Живая старина», посвященных общине у русских и других народов².

Изучение семейного быта и брачных обычаев у разных народов представляло скорее лишь теоретический, чем практический интерес, что вполне понятно. Можно отметить появление целого ряда добросовестных описаний крестьянской свадьбы. Некоторые исследователи пытались извлечь из изучения свадебной обрядности выводы общеисторического значения: таковы, например, интересные статьи И. В. Охримовича «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эво-

¹ А. Кауфман. Экономический быт государственных крестьян Ишимского округа Тобольской губ., ч. I. СПб., 1889; он же. Переселенцы-арендаторы Туртайской области. СПб., 1897; он же. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1898; он же. Документальная и живая история русской общины. СПб., 1904 и др.

² См. «Борьба общины с чересполосицей и мелкополосицей» («Живая старина», XII, 1903, вып. II); М. Большаков. Община у зырян (там же, XV, 1906, вып. I–IV); А. Шустиков. Взгляды крестьян Кадниковского уезда на земельную собственность (там же, XVI, 1907, вып. I); В. Ф. Попов. К вопросу об общине у зырян (там же, XVII, 1908, вып. II, III) и др.

люции семьи» (ЭО, 1891, № 4, 1892, № 4), М. В. Довнар-Запольского «Белорусская свадьба»¹ и др.

Из работ более теоретического направления, посвященных собственно истории семьи и брака, следует назвать прежде всего исследования и обзоры А. Н. Максимова, проникнутые духом скептицизма и ревизии укоренившихся эволюционистских взглядов: «Что сделано по истории семьи» (М., 1901), «Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого» (ЭО, 1908, № 1–2), «Групповой брак» (там же, 1908, № 3), «Брачные классы австралийцев» (там же, 1909, № 2–3), «Система родства австралийцев» (там же, 1912, № 1–2 и др. С другой стороны, однако, в некоторых своих работах сам же А. Н. Максимов удачным подбором фактов подкреплял и эволюционистские взгляды: например, в статье «Из истории семьи у русских инородцев» (ЭО, 1902, № 1) автор умело и убедительно доказывает, на основании различных сохранившихся брачных обычаев у народов России, прежнее широкое бытование у них матриликального брака.

Изучение народных верований и народных знаний

Изучение народных верований в конце XIX и в начале XX в. шло по двум направлениям. Во-первых, заметно усилились собирание и публикация фактического материала – описаний обрядов, поверий в отдельных местностях; во-вторых, делались попытки – в общем более серьезные, чем прежде, – обобщения и теоретического осмысления накопленных фактов.

¹ См. М. В. Довнар-Запольский. Исследования и статьи. Киев, 1909.

Первое направление было связано с общим оживлением краеведческой работы, с появлением этнографических журналов и других изданий, где можно было печатать собранный материал. Более же глубокой причиной служили те основные условия, которые, как уже упоминалось выше, определили собой новый подъем общественного интереса к быту народа во всех его проявлениях.

В 1891 г. этнографический отдел Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии разослал специальную анкету-программу для собирания сведений об обычном праве и народных верованиях. Вскоре поступили ответы на нее от 27 лиц – главным образом из Тульской и Рязанской губерний. Присланные материалы были обработаны и напечатаны Д. Ушаковым в статье «Материалы по народным верованиям великорусов» в журнале Общества «Этнографическое обозрение» (1899, № 2–3). В том же журнале печаталось и много других статей, сообщений, заметок на подобные темы¹. Не меньшее количество материала по народным верованиям и обрядам появлялось и на страницах журнала отделения этнографии РГО – «Живой старины»².

Помимо журналов, отдельными книгами появлялись один за другим этнографические сборники – описания народных верований и обрядов. Из них более

¹ Например, статьи Герасимова, Иваницкого, Ивановского, Колчина, Костоловского, Неуступова, Юшина и др. (о русских); Антоновича, М. Васильева, Манжуры, Сумцова, Шарко и др. (об украинцах); Демидовича, Довнар-Запольского, Ляцкого, Никифоровского и др. (о белорусах); Богаевского, Верещагина, Кузнецова, Минха, Налимова (о народах Поволжья и Севера); Николаева, Шимкевича, Ядринцева и др. (о народах Сибири).

² Особенно содержательны статьи А. Балова, Н. Виноградова, Добровольского, Н. Лескова, А. Макаренко, В. Мошкова, М. Синозерского и др.

содержательны: по белорусским и западнорусским областям – Д. Г. Булгаковского¹, Е. Р. Романова², П. В. Шейна³, В. Н. Добровольского⁴, Н. Я. Никифоровского⁵; по украинцам – П. В. Иванова⁶, Г. О. Булатова⁷ и др.; по народам Сибири – П. П. Шимкевича⁸, В. И. Анучина⁹ и др., – мы здесь не упоминаем работ политических ссыльных, о которых говорилось выше.

Вторым направлением было обобщающе-теоретическое: научные исследования по вопросам народных верований и обрядов. Таких работ появилось тоже немало, и в некоторых из них изучение народных верований связывалось авторами с общими вопросами истории религии.

На материале верований народов Сибири – и смежных областей – построены интересные исследования

¹ Д. Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», XIII, 1890, вып. 3.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. V.

³ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, 1–3. СПб., 1887–1902.

⁴ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 1. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. XX, 1891.

⁵ Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895: он же. Нечистотики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. «Виленский временник», кн. 2. Вильна, 1907.

⁶ П. В. Иванов. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. «Сборник Харьковского историко-филологического об-ва», т. 5, 1893; он же. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губ. Там же, т. 17, 1907.

⁷ Г. О. Булатов. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях, вып. I. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909.

⁸ П. П. Шимкевич. Материалы для изучения шаманства у гольдов. «Зап. Приамурского отдела РГО», 1896, вып. 1.

⁹ В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914.

В. М. Михайловского о шаманстве¹ (написанное с позиций классической анимистической теории), Н. И. Харузина о связи культа медведя с тотемическими верованиями², ряд работ Л. Я. Штернберга³, В. Г. Богораза⁴. Оба последних автора пытались улучшить анимистическую теорию, внести в нее коррективы на основе прекрасно им знакомых фактических данных по верованиям народов Сибири.

В. Н. Харузиной принадлежат интересные этюды по общим вопросам истории религии: «К вопросу о почитании огня»⁵ и «Заметки по поводу употребления слова фетишизм»⁶.

На русских народных верованиях построена сводная работа С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903), где, правда, теоретическое осмысление материала почти отсутствует.

¹ В. М. Михайловский. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки, вып. I. М., 1892 («Изв. ОЛЕАЭ», т. 75. «Труды этнографического отдела», т. 12).

² Н. Н. Харузин. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899.

³ Л. Я. Штернберг. Культ шгау у племени айну. «Ежегодник Русского антропологического об-ва при СПб. ун-те», т. I, 1905; ряд его же статей в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона и в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона: «Сравнительное изучение религии», «Табу», «Теротеизм», «Тотемизм», «Траур», «Тризна», «Фаллический культ», «Фетиш и фетишизм», «Хозяин в первобытной религии», «Чародейство», «Черт», «Шабаш ведьм», «Анимизм», «Антропоморфизм»; он же. Античный культ близнецов при свете этнографии. «Сборник МАЭ», т. 3, 1916. Все работы Штернберга по истории религии переизданы в сборнике: Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Пг., 1916.

⁴ В. Г. Богораз. К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии. ЭО, 1910, № 1–2; он же. Религиозные идеи первобытного человека. «Землеведение», 1908, 1.

⁵ ЭО, 1906, № 3–4.

⁶ ЭО, 1908, № 1–2.

Колдовство, заговоры продолжали притягивать внимание исследователей. Обширный сборник заговоров опубликован был Н. Н. Виноградовым: «Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр.» – главным образом по старинным рукописям («Живая старина», 1907, I–IV; 1908, I–IV; 1909, IV; отдельно: СПб., 1907–1908). Был и ряд других публикаций. Весьма содержательно историко-этнографическое исследование Н. Новомбергского «Колдовство в Московской Руси XVII столетия» (СПб., 1906), написанное в тоне сдержанного, но резкого протеста против диких поповско-административно-судебных преследований невинных жертв, обвиненных в «колдовстве». <...>

Зато сугубо академическое исследование о заговорах написал А. Ветухов¹ – больше филолог, чем этнограф. Он попытался свести все колдовство (а материала по колдовству разных народов он собрал очень много) к психологии человеческого слова – взгляд, конечно, по меньшей мере односторонний. Напротив, Н. Познанский в своей интересной книге «Заговоры»² взглянул на дело с совсем иной точки зрения: для него словесная формула в заговоре – лишь описание обряда, некогда совершавшегося реально.

С этим последним выводом лишь формально соприкасаются идеи, лежащие в основе работ Е. В. Аничкова, – интересных и оригинальных, но далеко не во всем приемлемых. Ученик и единомышленник А. Н. Веселовского, Аничков провел серьезное сравнительное

¹ А. Ветухов. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли), вып. 1–2. Варшава, 1907.

² Н. Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. «Зап. историко-филологического ф-та Петроградского ун-та», 1917, ч. 136.

историко-этнографическое исследование земледельческой обрядности европейских народов: «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (ч. I. От обряда к песне. СПб., 1903). Основная мысль книги полярно противоположна идеям старой мифологической школы, которая всюду видела следы древнего культа великих небесных богов. По Аничкову, напротив, сельскохозяйственная обрядность и связанная с нею обрядовая поэзия не имели никакого отношения к богам, к мифам, которых на Руси, вероятно, и не было. Обрядность достаточно объясняется из материальных, хозяйственных потребностей земледельца. Последнее в значительной мере верно, но, отрицая существование мифологии и культа великих богов у восточных славян, Аничков заходит слишком далеко. Эту мысль он подробнее развивает во второй большой работе «Язычество и древняя Русь» (СПб., 1914) – книге очень интересной по богатому собранному в ней источниковедческому материалу, – где автор оценивает всех древнеславянских богов (Перун, Волос, Хорс и др.) как чисто княжеских, официальных, чуждых народу. Этот чрезмерный скептицизм коренится в аристократических взглядах некоторых ученых того времени, не признававших за народом способности создавать даже мифологию.

Почти одновременно появился чрезвычайно солидный обзор всех сведений о древней дохристианской религии восточных славян, принадлежащий Н. М. Гальковскому¹. В первом томе этого труда тщательно исследуется все, что известно из источников о древнеславянских божествах, – без гиперкритицизма, но и без всяких необоснованных выводов. Гальковский не

¹ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 1. Харьков, 1916; т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913.

отрицает, например, народных корней культа Перуна¹. Зато он решительно отклоняет вымышленные книжниками имена якобы богов древних славян: Позвизд, Лад, Лель, Полель и пр.² 2-й том (вышедший раньше первого) – это текстуальная перепечатка памятников древнецерковной литературы («слов» и «поучений»), где как раз и содержится большая часть сведений о нехристианских верованиях в древней Руси.

Неожиданным рецидивом чистой астрально-мифологической точки зрения была книга Даниила Святского – «Под сводом хрустального неба. Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения» (СПб., 1913), автор которой пытается последовательно применить эту точку зрения для объяснения некоторых библейских рассказов и народных поверий: впрочем, ему это простительно как астроному.

Особенно интересна и по материалу, и по методу исследования работа Д. К. Зеленина «Очерки русской мифологии, ч. I. Умершие неестественной смертью и русалки» (Пг., 1916). Этот исследователь первым указал на существенное различие в народных представлениях о двух группах покойников: «родителях» (умерших «нормальной» смертью) и «заложных», «мертвяках», «нечистых покойниках» (умерших преждевременной или неестественной смертью); последние, как хорошо показал Зеленин, близки в народных верованиях к образам русалок. Сугубо эмпирический метод, применяемый автором (кропотливое сопоставление всех сообщений, подсчет и группировка их), несколько суживает полученный вывод, но вывод этот, хотя и односторонний, по крайней мере надежен.

¹ Н. М. Гальковский. Указ. соч., т. 1, с. 23.

² Там же, с. 6, 35 и др.

В книге Ф. А. Рязановского «Демонология в древнерусской литературе» (М., 1915) делается интересная попытка связать церковно-христианское понятие о дьяволе с живыми народными верованиями.

С верованиями переплетались и народные знания – особенно в области лечения болезней, а также в сельскохозяйственной практике. Они тоже становились предметом изучения. Самая капитальная работа о народных знаниях и представлениях, связанных с земледельческим хозяйством, скотоводством, климатом, погодой, принадлежит А. Ермолову: это его четырехтомный труд «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» (СПб., 1901–1905). 1-й том озаглавлен «Всенародный месяцеслов», 2-й – «Всенародная агрономия», 3-й – «Животный мир в воззрениях народа», 4-й – «Народное погодоведение». Все это, собственно говоря, не исследование, но огромный свод фактического материала, притом сравнительного, широко собранного по славянским и неславянским народам Европы и хорошо систематизированного. Изданное одновременно на немецком языке в Лейпциге (1905), сочинение это стало известно зарубежным ученым и до сих пор пользуется у них репутацией самого солидного труда по данному предмету.

Из других сравнительно крупных публикаций можно назвать – не считая уже упоминавшихся выше работ А. А. Макаренко по народному календарю и народной медицине сибирского населения – также, например, большую статью Г. С. Виноградова «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири» («Живая старина», 1915, вып. IV).

Содержательна работа о народных приметах, выполненная А. В. Смоленским. В 1895 г. он опубликовал сборник «Чувашские приметы о погоде и влиянии

ее на хозяйство» («Изв. Казанского ОАИЭ», т. XIII), где привел 468 примет (по-чувашски, с русским переводом); Смоленский собрал их, работая учителем в Симбирской и Казанской губерниях. Позже он служил ассистентом кафедры метеорологии Московского сельскохозяйственного института и накопил гораздо более обширный список народных примет (русских и других народов). В 1913 г. вышел посмертно (Смоленский умер в 1910 г.) его главный труд: «Сборник примет о погоде»¹; там есть и программа собирания народных примет, и интересные теоретические соображения автора. Среди примет имеются, наряду с основанными на трудовом опыте земледельца, конечно, также и суеверные.

Изучение устного народного творчества (фольклористика)

В изучении устного народного творчества, особенно русского, последний дореволюционный период дал очень много. Вновь сильно расширился круг накопленного фольклорного материала – в частности, в области былевого эпоса. К основным записям былин 60-х и начала 70-х годов (Киреевский, Рыбников, Гильфердинг) теперь прибавились новые сборники: Маркова, Ончукова, Григорьева и др.

В 1894 г. появился сборник «Русские былины старой и новой записи, под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера» (М., 1894). В него вошло 12 былинных текстов, извлеченных (акад. Тихонравовым) из рукописей XVII–XVIII вв., и 70 былин новой записи, собранных Миллером из разных источников, в том числе из богатого сборника сибирских былин, записан-

¹ «Изв. Московского сельскохозяйственного ин-та», кн. 1, 1914.

ных С. И. Гуляевым и др., а также из разных публикаций 80–90-х годов.

Записи былин, произведенные на рубеже XIX и XX вв. А. В. Марковым на Беломорье и Н. Е. Ончуковым на Печоре, не только были крупным пополнением былинного фонда для русской науки, но и по своему научному уровню заметно превосходили все прежние работы этого рода. А. В. Марков в 1898–1899 гг. записал в с. Зимней Золотице (Зимний берег Белого моря) 115 былин от 11 сказителей – былин, входящих в репертуар Зимнего и Терского берега. Он ездил туда на средства этнографического отдела Московского ОЛЕАЭ¹. В 1901 г. он побывал на Беломорье вторично и совместно с А. Л. Масловым записал былины, исторические песни и духовные стихи, на этот раз вместе с мелодиями². Три поездки А. Д. Григорьева в 1899–1901 гг. в разные местности Архангельской губ. (Поморье, Пинега, Кулой, Мезень) дали тоже много эпических текстов, с фонографической записью мелодий³. Н. Е. Ончуков совершил поездку при содействии отделения этнографии РГО в 1901 г. на Печору и записал там свыше 100 текстов «старин», т. е. былин и исторических песен, от 25 сказителей⁴. Сборник Ончукова стал особенно ценным вкладом в науку потому, что до этого существовало мнение, будто былинный эпос на Печоре совершенно отсутствует.

¹ А. Марков. Беломорские былины. М., 1901. С предисловием Вс. Миллера.

² «Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», ч. 1, 2. М., 1905–1908.

³ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа», т. 1. М., 1904; т. 2. Прага, 1924; т. 3. СПб., 1910.

⁴ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.

Все эти собиратели – Марков, Григорьев, Ончуков – не просто записывали былины, но старались всесторонне выяснить исторические условия распространения эпоса в обследованных ими местностях, условия его сохранения, характер «былинной традиции» и пр.

В 1908–1909 гг. братья Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы обнаружили и записали несколько былин и исторических песен в Белозерском крае, где эпос считался утерянным (см. Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915).

Продолжались в эти годы также собирание и публикация в широких размерах эпических произведений неславянских народов России. За публикацией В. Ф. Миллером нартского эпоса осетин (1880-е годы) и продолжением обширной серии «Образцы народной литературы тюркских племен» под общей редакцией В. В. Радлова последовали солидные издания: «Образцы народной литературы якутов» (т. I–III, СПб., 1907–1911) под редакцией Э. К. Пекарского; «Аносский сборник» – алтайские сказания, записанные Н. Я. Никифоровым («Зап. Зап.-Сиб. отделения ИРГО», т. 37. Омск, 1915); «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки», опубликованные Г. Н. Потаниным («Живая старина», 1916, вып. II–III); «Образцы монгольской народной литературы» (вып. 1. Изд. Ц. Б. Жамцарано и А. Д. Рудневым. СПб., 1908) и др.

С появлением новых публикаций народного эпоса, особенно русского, сложенных с прежними публикациями, стало возможным изучать географическое распространение тех или иных былин и аналогичных им произведений, распространение вариантов былин, сопоставлять мотивы русского эпоса с фольклором других народов и на этой солидной фактической базе строить более обоснованные исторические выводы. Дело шло о

более углубленном исследовании народного эпоса, о повышении теоретического уровня исследования.

Но это повышение теоретического уровня не давалось так просто. В конце XIX в. очень усилилось в России то направление в изучении народного эпоса, которое руководилось так называемой «теорией заимствования» и опиралось как раз на широкий, количественно все возрастающий сравнительный фольклорный материал. В эти годы главными представителями данного направления были Халанский и Потанин.

Михаил Георгиевич Халанский (1857–1910), профессор Харьковского университета, фольклорист и историк литературы, занимался преимущественно сравнительным исследованием восточнославянского и южнославянского эпоса, привлекая для сравнения и данные средневекового германского эпоса. Уже в ранних своих работах он ставил вопросы взаимных влияний в области эпоса, ставил их вдумчиво, глубоко. В большой монографии «Великорусские былины Киевского цикла» («Русский филологический вестник», т. 12, 13; отдельно: Варшава, 1885) Халанский, в противовес сложившемуся мнению, отрицал значение Киевской Руси как единственного центра сложения русских былин; он считал, что они возникали в разных местах и в разные эпохи; по времени сложения он делит их на три группы: дотатарской, татарской и послетатарской (московской) эпох; в единый же цикл они сложились уже в Московской Руси. Халанский допускает и заимствование извне, но осторожно: «Прежде нежели заявить, что данное сказание заимствовано, нужно доказать, что оно не могло быть создано тем народом, который, по предположению, его заимствовал»¹. Наиболее же полно Халанский изложил свои взгляды в огромном трехтомном труде «Южносла-

¹ М. Халанский. Великорусские былины..., с. 12.

вянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа» (Варшава, 1893–1895). Сопоставляя южнославянские и восточнославянские эпические образы и мотивы, в частности циклы песен о Марке Кралевиче и былины об Илье Муромце, Халанский находит в них много общего и объясняет это общее – частью «кровным племенным родством» народов, но еще более – «постоянными культурными связями и отношениями между болгарами, сербами и русскими»¹. Но здесь Халанский уже гораздо настойчивее ставит вопрос о заимствованиях, и в частности из Западной Европы: самый образ Ильи Муромца он рассматривает как русскую переработку германского *Eligas*, скрестившегося с образом летописного князя Олега: «Старинные южнорусские предания об Олеге Вещем, пройдя сквозь призму германского народного творчества (*Eligas – Elias – Ilias*), дали соответствующее отражение на русской почве в героическом образе русского Ильи Муромца»². Халанский, кстати, был убежденным сторонником теории аристократического происхождения эпоса: создателями эпоса были, по его мнению, княжеские дружинники-певцы, в крестьянскую же среду эпос попал позже, с распадом «устоев средневековой жизни»³.

О Г. Н. Потанине как путешественнике и исследователе народов Центральной и Восточной Азии уже говорилось выше. Но он зарекомендовал себя и в области фольклористики как сторонник теории заимствования. Источники разнообразных заимствований искал в противоположном, по сравнению с Халанским, направле-

¹ М. Халанский. Южнославянские сказания..., т. 1, с. 2.

² Там же, с. 119.

³ Там же, с. 167–168.

нии: там, где протекали его научные путешествия, – в Центральной Азии.

Еще в своем капитальном труде «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» – по материалам экспедиции 1884–1886 гг. – Потанин решительно высказал мысль, что различные европейские сказочные и другие сюжеты и мотивы происходят с Востока, в конечном счете из Тибета¹. В 1899 г. Потанин опубликовал обширный обобщающий труд «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», где эта же мысль проводится настойчиво, иллюстрированная огромным количеством фольклорного материала из разных европейских и азиатских стран. Прототипами очень многих сказочных и легендарных персонажей славянского, германского, романского мира Потанин считает тибетского Гэсэра, монгольского Чингисхана. Он допускает, что распространение образов и сюжетов могло происходить не только с востока на запад, но и в другом направлении, однако полагает, «что расселение с востока на запад имело больше случаев, чем расселение с запада на восток»²: ведь все известные крупные движения народов шли с востока. Культурная роль «степных народов» была, по мнению Потанина, гораздо значительнее, чем это думают; верной ее оценке мешают только «наше арийское высокомерие», «ложная историческая перспектива» и «несмелость мышления», «порабощенность рутинными взглядами и рутинными верованиями»³.

Однако с общим ростом науки, с расширением ее кругозора и углублением научных методов, однобокая

¹ Г. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая..., т. 2 СПб., 1893, с. VI–XI и др.

² Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 849.

³ Там же, с. 856.

теория заимствования начала изживать себя. Это особенно хорошо видно на эволюции взглядов крупнейшего в те годы исследователя народного эпоса – Всеволода Миллера.

С начала 90-х годов В. Ф. Миллер решительно отказался от одностороннего применения сравнительного метода, т. е. старой теории заимствования, и перешел к подлинно историческому исследованию эпоса. Новый метод нашел себе отражение в серии статей «Материалы для истории былинных сюжетов», печатавшихся в «Этнографическом обозрении» в 1890–1894 гг. и в других местах. Они были в дополненном виде изданы затем отдельной книгой – «Очерки русской народной словесности. Былины». 1-й том ее вышел в 1897 г., 2-й – в 1910 г., 3-й – уже посмертно, после Октябрьской революции.

В предисловии к 1-му тому «Очерков» Миллер указывает на недостаточность применявшихся прежде методов – «мифологической основы эпоса» и «гипотезы восточного происхождения сюжетов наших былин». Не отрекаясь от сравнения сюжетов, он видел теперь главное не в этом, а в изучении «истории былин и отражения истории в былинах»¹. В предисловии ко 2-му тому Миллер писал: «Не отрицая высокого значения исследования бродячих сюжетов путем сравнительного метода, я вижу главный интерес наших былин в национализации этих сюжетов, стараюсь проследить историю былин в народных устах и отметить наслоения, отложившиеся на ней от разных эпох»².

Некоторые из поздних работ Всеволода Миллера – например, «Илья Муромец и Алеша Попович» (1908) – могут считаться классическими образцами

¹ *Вс. Миллер*. Очерки русской народной словесности. Былины, т. 1. М., 1897, с. III–IV.

² Там же, т. 2. М., 1910. Предисловие.

исторического метода изучения памятников народной словесности. Автор возвышается здесь до понимания того, как классовые отношения определяли эволюцию былинных образов. Вот, например, оказывается, что в эпоху Московского царства, в XVI в., в былинном эпосе на первое место среди других героев выдвинулась фигура Ильи Муромца, любимого народного богатыря, заслонившего теперь и оттеснившего на задний план образы других богатырей; на него переносились сюжеты, связанные первоначально с другими богатырями. Миллер придает большое значение этому факту и видит в нем, вполне справедливо, отражение протеста народных масс «против гнета высших классов, поддерживаемых правительством»¹.

Появились и новые записи народных сказок – русских и других. Больше того: специалисты-сказковеды считают именно начало XX в. одним из самых плодотворных периодов в истории собирания и публикации сказочного эпоса. Записи этого периода отличаются большей точностью и достоверностью, чем раньше; собиратели больше обращают внимание на обстановку бытования сказки, на личность сказочника, на исторические изменения в самой сказочной традиции². Из новых сборников русских сказок надо упомянуть особенно: сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (Архангельской и Олонецкой губерний) (СПб., 1909), куда вошли сказки, записанные им лично на Печоре (попутно с записью былин); сборники пермских и вятских сказок

¹ *Вс. Миллер*. Очерки русской народной словесности, т. 2. М., 1910, с. 163. Одна из больших научных заслуг В. Ф. Миллера как исследователя русского эпоса в том, что он воспитал целую школу русистов-фольклористов. Многочисленные ученики его – А. В. Марков, братья Б. и Ю. Соколовы, Е. Н. Елеонская, С. К. Шамбинаго, Н. Л. Бродский и др. – по разным направлениям разрабатывали его традицию.

² См. Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 131–150.

Д. К. Зеленина, а также записи лингвиста А. А. Шахматова, писателя М. М. Пришвина из Выговского края, учителя Д. Георгиевского; сборник Б. и Ю. Соколовых (сказки и песни). Эти сборники составлены на высоком научном уровне, с точной фиксацией текста сказок, с включением сведений о сказочниках, с вводными статьями о быте и народном творчестве тех мест.

По случаю юбилея братьев Grimm журнал «Живая старина» посвятил целый тройной выпуск (1912, вып. II–IV) публикации и библиографии сказок самых различных народов.

Много сказочных текстов печаталось и в местных краеведческих публикациях, о которых уже шла выше речь: в сборниках Манжуры, Иванова, Ястребова, Гринченко, Малинки (на Украине), Шейна, Романова, Добровольского, Никифоровского и др. (в Белоруссии), Зеленина, Анучина, Азадовского и др. (на Урале и в Сибири).

Рост научного интереса к сказочному фольклору выразился и в появлении историографических обзоров по сказковедению – таких, как книга С. В. Савченко «Русская народная сказка» (Киев, 1914).

Собиратели и исследователи сказок отмечали, что в связи с проникновением в деревню капиталистических отношений и городских влияний сама сказочная традиция в этот период начала расшатываться: видоизменялись и контаминировались сюжеты и мотивы, появлялись новые бытовые детали, книжная и городская лексика и пр.¹

Помимо традиционных жанров народной словесности, этнографы-фольклористы начали в этот период обращать внимание на новые жанры – как, например, частушки. Хотя частушка – короткая, по большей части четырехстрочная песенка лирического или сатирическо-

¹ Э. В. Померанцева. Указ. соч., с. 138, 147–149 и др.

го содержания – бытовала в народе, видимо, и раньше (отдельные записи есть еще в XVIII в.), но массовое распространение она получила лишь вместе с усилением городского влияния на деревню либо родилась прямо в городской среде в капиталистическую эпоху. Параллельно ее разрастанию поднимался и научный интерес к ней – и это тоже было знаменем эпохи. Очень характерно быстрое нарастание количества публикаций, посвященных целиком или частично этому виду фольклора. Например, если взять библиографию о частушках, напечатанную в приложении к сборнику частушек под редакцией Е. Н. Елеонской, то получаются вот какие очень показательные цифры по десятилетиям: до 1890 г. (включительно) вышло 12 названий, в 1891–1900 гг. – 30, в 1901–1910 гг. – 86, в 1911–1914 гг. – 106.

Самые обширные сборники частушек – В. И. Симакова («Сборник деревенских частушек». Ярославль, 1913), содержащий 3341 номер исключительно из северных губерний, и «Комиссии по народной словесности» при этнографическом отделе Московского ОЛЕАЭ, под редакцией Е. Н. Елеонской («Сборник великорусских частушек». М., 1914) – в этой книге 6020 номеров текстов. Составители обоих сборников оговариваются при этом, что напечатана в них лишь часть наличных текстов: видимо, этот фольклорный жанр обнаруживал в данный период невероятную продуктивность.

Возрастание интереса к народному творчеству и повышение научного уровня его изучения выразилось и еще в одном показательном факте: в создании особой «Комиссии по народной словесности» при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. Эта комиссия была образована в 1911 г. под председательством В. Ф. Миллера (позже – В. А. Гордлевского) и развернула очень деятельную работу: была составлена и опубликована четкая программа

изучения фольклора¹, слушались и обсуждались многочисленные доклады, многие из них публиковались. Комиссия интересовалась всеми видами фольклора, в том числе новыми – как рабочий фольклор².

Изучение народной музыки

Очень большой прогресс был достигнут в изучении народной музыки. Еще в 1880-х годах при РГО в Петербурге была создана, по инициативе М. А. Балакирева и его друзей, «Песенная комиссия», которая сделала, правда, довольно мало. Но в Москве при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии в 90-х годах образовался деятельный центр изучения народной музыки, куда были втянуты все прогрессивные силы русской музыкальной общественности. В «Программе для собирания этнографических сведений», составленной Н. А. Янчуком в 1887 г., было уделено значительное внимание народной музыке. В журнале «Этнографическое обозрение» печатались статьи о ней. Из провинции в этнографический отдел Общества поступало все больше записей народных песен. В Обществе делались доклады о народной музыке: Мельгунова, Бларамберга, Корещенко и др. В 1893 г. в Москве состоялся первый этнографический концерт, устроенный этнографическим отделом Общества (он издан позже П. Юргенсоном: «Первый этнографический концерт»).

¹ «Программа для собирания произведений народной словесности». М., 1912.

² См. Э. В. Померанцева. Комиссия по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. Труды ИЭ», т. 85. М., 1963.

Повысилась техника записи народной музыки: в 90-е годы начали применять фонограф¹. Вопрос о принципах расшифровки фонографических записей и нотации песен вызвал большие теоретические споры, которые в свою очередь вели к более углубленному пониманию специфики народной музыки.

Особенно велика в этом была роль Е. Э. Линевой – выдающегося общественного и музыкально-этнографического деятеля. Личность и биография Линевой замечательны.

Евгения Эдуардовна Линева (1853–1919), урожденная Паприц, с детства воспитанная в музыкальной среде, учившаяся в Петербургской и Венской консерваториях, выступала в молодости с большим успехом как певица в концертах и в оперных театрах Вены, Будапешта, Парижа, Лондона, Москвы (70-е годы). Одновременно она, сблизившись с демократической русской молодежью, приняла активное участие в революционном движении, в частности работала в Московском нелегальном «Обществе переводчиков и издателей», выпускавшем произведения западной социалистической литературы. Она переводила работы Энгельса, переписывалась и лично встречалась с ним (в Лондоне в 1884 г.). Активно участвовал в революционной работе и муж артистки, А. И. Линева, и его братья.

Вдохновленная горячей любовью к народу и в то же время прекрасно подготовленная в области музыкальной теории и техники, Е. Э. Паприц-Линева еще с середины 80-х годов приступила к собиранию крестьянских песен – русских и украинских (эти ранние записи ее не сохранились). После эмиграции 1890–1896 гг. (в течение которых Линева деятельно пропагандировала русскую народную

¹ Н. А. Янчук. Записка об изучении народной песни и музыки и о деятельности Московской музыкально-этнографической комиссии. М., 1905.

музыку в Англии и Америке) она начала с 1897 г. систематические поездки по России с фонографом для записи песен. Этот способ позволял сразу записывать многоголосное пение, – раньше записывали (Мельгунов, Пальчиков) порознь отдельные голоса хора. В 1897–1900 гг. Линева объездила ряд губерний Центральной России, в 1901 г. совершила поездку в Новгородскую губ. (едва ли не впервые записав там мелодии севернорусских песен), в 1903 г. – на Украину, в Полтавскую губ. Позднейшие поездки ее (на Кавказ, в зарубежные славянские страны и пр.) дали меньше результатов¹.

В 1904–1909 гг. вышел в свет получивший широкую известность сборник Е. Э. Линева «Великорусские песни в народной гармонизации» (вып. 1, 2).

Исследования Линева, особенно 1897–1901 гг., проложили новый путь изучения народного музыкального творчества. Сама она относилась к своему делу с огромной добросовестностью. Из песен она записывала далеко не все, что попадалось под руку, а неумоимо разыскивала и отбирала лучшее, наиболее художественное, допуская при этом, конечно, известный субъективизм. Впервые указала Линева на важность записи одновременно мелодии и текста песен, – до нее музыковеды интересовались только мелодиями, фольклористы – только словами песен. Линева считала, что это искажает сущность народной музыки. «Для народного певца, – писала она, – текст немыслим без напева, а напев без текста. Это правило должно быть священо и для собирателя. Если он отступает от этого правила, запись его не может быть точна ни в музыкальном смысле, ни в литературном»². Линева поэтому интересовалась и самым содержанием

¹ См. Е. Канн-Новикова. Собираательница русских народных песен Евгения Линева. М., 1952.

² Е. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. 1, с. V.

песен; в частности, ее интересовали демократические и бунтарские мотивы в них – песни о Степане Разине и др. Но она записывала и инструментальную музыку – «хор» владимирских рожечников.

Исследования Линевой впервые по-настоящему вскрыли характер народного русского многоголосия, «артельного» пения. Именно ее исследования вызвали плодотворную дискуссию о методах нотирования многоголосных песен. Линева положила начало особой русской школе в этом деле, отличной от западно-европейской школы.

Записи и исследования народной музыки Линевой усилили общественный интерес к этому разделу этнографии. Тогда-то и оформилась (1901) Музыкально-этнографическая комиссия при этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В ее деятельности приняли участие видные музыковеды и композиторы – Н. А. Римский-Корсаков, С. И. Танеев, А. К. Лядов, М. М. Ипполитов-Иванов, Д. И. Аракишвили (Аракчиев), музыковеды-этнографы Н. А. Янчук (ставший во главе комиссии), П. А. Карасев, А. М. Листопадов, А. Л. Маслов и др. Сама Линева с 1903 г. стала секретарем комиссии. Комиссия выпустила четыре тома своих «Трудов», устроила еще шесть этнографических концертов. Все это содействовало тому, что сокровища музыкального творчества русского и других народов становились доступны образованному обществу.

Эволюционистское направление и его критика

Если в изучении устного народного творчества к началу XX в. одержало победу «историческое» течение

и сохранила свое влияние школа заимствования, то в остальных областях этнографии по-прежнему преобладало эволюционистское направление. При этом несколько не теряли своей силы принципы, выдвинутые Анучиным и по существу тоже не расхоdivшиеся с эволюционистским методом, лишь частично углубляя его.

В числе видных представителей эволюционизма в ту пору надо назвать прежде всего талантливую семью этнографов Харузиных – братьев Михаила, Алексея, Николая и их сестру Веру.

Старший из них – Михаил Николаевич Харузин (1860–1888) – жил недолго, но успел оставить своими работами заметный след в науке. Юрист по образованию, он интересовался больше всего народным обычным правом. Совершил научные поездки в Вятскую губ. и в Область Войска Донского. Его работы: «Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии» («Юридический вестник», 1883, февраль), «Сведения о казацких общинах на Дону» (вып. I. М., 1885) и др. Особенно важна составленная им (при участии других лиц) по поручению этнографического отдела ОЛЕАЭ, секретарем которого он был, «Программа для собирания сведений об юридических обычаях» (М., 1887), очень подробная.

Брат его, А. Н. Харузин (1864–1931), был скорее антропологом, но писал и этнографические сочинения. Наиболее известна его капитальная монография о «Киргизах Букеевской орды» (1, 2, М., 1889, 1891) и его работы о южных славянах (см. выше). В чисто эволюционистском плане выдержано, как и названные работы, и самое широкое по теме исследование: «Славянское жилище в Северо-западном крае» (1907), где автор как будто умышленно игнорирует вопросы национальной специфики и конкретной истории изучаемых явлений.

В дальнейшем А. Н. Харузин отошел от научной работы, перейдя на чисто административную службу.

Николай Николаевич Харузин (1865–1900), наиболее одаренный из всей семьи, был в то же время и наиболее последовательным эволюционистом. Он тоже прожил недолгую жизнь, но оставил большое научное наследство. Интересы и познания этого ученого были очень разносторонни. Он серьезно изучал обычное право: см. его «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей» («Сборник материалов по этнографии», вып. 3, 1888), «Очерки первобытного права» (I, М., 1898), «Юридические обычаи якутов» (1898); интересовался религиозными верованиями («Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов». М., 1899), материальной культурой. Широко известны работы Н. Харузина «Очерк истории развития жилища у финнов» (М., 1895) и «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России» (М., 1896) – самое типичное приложение эволюционистского метода к трактовке явлений материальной культуры. Наиболее ценна его большая монография «Русские лопари» (1890), лишенная односторонности эволюционистской концепции. В этой книге Харузин, на основе очень широкого историко-этнографического материала, в том числе лично им собранного в поездку 1887 г., с привлечением также и архивных источников, как бы выполняя анучинскую программу, дает обстоятельное описание и анализ хозяйства, общественного быта и культуры лопарского народа. Наконец, сохраняют большое значение до наших дней лекции Н. Н. Харузина, хотя и составленные в чисто эволюционистском стиле, по общей этнографии: они изданы посмертно, под редакцией его сестры В. Н. Харузиной, под общим названием «Этнография» (т. I–IV, СПб., 1901–1905).

В только что названном труде особенно отчетливо виден последовательно эволюционистский взгляд Николая Харузина. Этнографию он понимал как «науку, которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры»¹. Как и другие сторонники данного направления – во главе с Тэйлором, – Харузин считал настоящим объектом этнографического изучения собственно не народы, а «явления культуры»; явления же эти он систематизировал, исходя «из основного положения, что из двух явлений более простое должно было предшествовать более сложному»². Подтверждения этого общего закона Харузин видел и в материальной культуре, и в духовной. Он широко пользовался тэйлоровским методом «пережитков»; скептически относился к «экономическому» направлению, видящему в способах добывания средств существования основную определяющую силу культурного развития.

Вера Николаевна Харузина (1866–1931), не уступавшая братьям в одаренности и эрудиции, не была в такой степени увлечена односторонним эволюционизмом. Она была автором многих этнографических исследований, из которых наиболее интересные посвящены вопросам религиозных верований и вообще духовной культуре. Таковы ее содержательные статьи «К вопросу о почитании огня» (ЭО, 1906, № 3–4), «Заметки по поводу употребления слова фетишизм» (там же, 1908, № 1–2), «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах» (там же, 1904, № 4) и др.

В. Н. Харузина была также автором ряда популярных книжек. Она была первой женщиной-профес-

¹ Н. Харузин. Этнография, I, СПб., 1901, с. 37.

² Там же, с. 66, 67.

сором этнографии; читала этнографические курсы в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах (с 1907 г.), в советское время – в Московском университете. Курс лекций по этнографии В. Н. Харузиной (1909, 1914) переиздан в 1941 г. («Введение в этнографию»).

Последовательным приверженцем эволюционистской концепции в этнографии оставался Л. Я. Штернберг, один из самых крупных этнографов дореволюционных десятилетий. Вернувшись из восьмилетней ссылки с Сахалина (1897), он вступил в связи с Академией наук, с 1899 г. поселился в Петербурге и был зачислен в Музей антропологии и этнографии младшим, а вскоре (1902) и старшим сотрудником. В 1904–1914 гг. он читал в музее эпизодические лекции по этнографии. В 1910 г. совершил научную поездку на Амур и Сахалин для изучения главным образом гольдов. С 1900 г. он писал и редактировал статьи по этнографии для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. С этого же времени выходит ряд его этнографических работ: «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора» («Изв. Академии наук», 1900, т. XIII, № 4), «Гиляки» (ЭО, 1904, № 1, 2, 4), «Отчет об экспедиции 1910 г. на Амур и Сахалин» (рукопись; часть напечатана в сборнике «Первобытная религия в свете этнографии». Л., 1936), «Материалы для изучения гиляцкого языка и фольклора» (СПб., 1910), «Античный культ близнецов при свете этнографии» («Сборник МАЭ», т. 3, 1916) и др.

Взгляды Штернберга были чисто эволюционистскими, со всеми достоинствами и недостатками этого мировоззрения. Он был твердо убежден в единстве человеческой психики у всех народов, верил в неуклонный прогресс. «...Философия эволюции, – говорил он

впоследствии, – созданная Дарвином, Геккелем, Ляйэлем и др. и приведенная в систему Спенсером, доказала с поразительной очевидностью, что все существующее в области физической или психической есть результат постепенного роста, развития, последовательного перехода от простейшего к сложнейшему»¹. Особый интерес Штернберга был направлен на изучение религии, которой посвящены его наиболее значительные работы. Он придерживался в этой области анимистической теории Тейлора, но внес в нее вполне самостоятельные поправки. Оставаясь убежденным идеалистом, Штернберг в то же время своими полевыми наблюдениями подталкивался к стихийно-материалистическим мыслям, которых много в его работах.

Свою научную деятельность Штернберг продолжал уже в советские годы. Его огромный научный авторитет и широкая эрудиция сделали его одним из видных организаторов советской этнографической науки, он одним из первых ввел ее в систему университетского преподавания, воспитал целое поколение советских этнографов². Односторонность эволюционизма вызывала, однако, здоровую критическую реакцию со стороны более или менее скептически настроенных ученых. Наиболее показательной является в этом отношении позиция крупного этнографа (впоследствии советского профессора) Александра Николаевича Максимова (1872–1941)³. Научный облик этого ученого воплощал в себе некоторые весьма характерные черты эпохи.

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 182.

² См. «Л. Я. Штернберг (некролог)». «Этнография», 1927, № 2; В. Богораз-Тан. Л. Я. Штернберг как человек и ученый. Там же: «Памяти Л. Я. Штернберга». Л., 1930.

³ См. С. А. Токарев. А. Н. Максимов (некролог). СЭ, VI–VII, 1947.

В молодости участник революционного движения, сосланный за это (1894) на 3 года в Архангельскую губ., Максимов там заинтересовался этнографией и большую часть своей жизни в последующие годы посвятил этой науке (занимаясь параллельно общественной и журналистской деятельностью). Главным предметом его научных интересов были вопросы истории семьи, брака, родовых отношений; работы его, посвященные этим темам, уже упоминались выше. Общий дух, пронизывающий их, – это дух строгого скептицизма, беспощадной критики разных скороспелых построений – эволюционистских и других. Бесспорно, что Максимов при этом зачастую впадал в гиперкритицизм и даже в «ползучий эмпиризм», старательно разрушая укоренившиеся в науке, но недостаточно, по его мнению, обоснованные понятия. Доставалось при этом и Моргану и его последователям. Типичны в этом смысле работы Максимова «Что сделано по истории семьи» (1901), «Групповой брак» (1908), «Теория родового быта» (1913).

В более общей форме А. Н. Максимов изложил свое научное *sredo* в докладе на 12-м съезде естествоиспытателей в 1909 г. – «Современное положение этнографии и ее успехи». В этом докладе он указывал на неутешительное, по крайней мере на первый взгляд, состояние этнографической науки. Вместо прежних «смелых обобщений» Бахофена, Мак-Леннана, Моргана, считавшихся столь солидно обоснованными, но оказавшихся «весьма непрочными», развитие этнографии, говорил Максимов, вылилось в «непрерывную смену гипотез, легко возникающих и столь же легко гибнущих под ударами даже не особенно строгой критики». Вместо господствовавших прежде влиятельных школ «здесь получилось столько самостоятельных направлений, сколько отдельных авторов». Даже фактический мате-

риал, собранный в прежних сводных работах, оказался ненадежным. Например, в старых этнографических сводках, даже у классиков, «можно найти целый список нескольких десятков народов, якобы не знающих брака и живущих в беспорядочном половом сожителстве»; однако в дальнейшем это оказалось «сплошным недоразумением», ибо «проверка... показала, что весь этот список от начала до конца не верен, что все народы современности, которым приписывали беспорядочное половое сожителство, на самом деле имеют вполне организованные формы брака»¹.

Максимов, однако, не склонен был впадать в особый пессимизм по поводу столь неутешительного положения вещей. Он не считал, что причины его «присущи этнографии как науке», а был уверен, напротив, что эти причины носят «временный и случайный характер» и потому «вполне устранимы». Причины эти коренятся, по мнению Максимова, в недостаточности фактического материала, на котором до сих пор строились теоретические обобщения. Даже наиболее солидные и крупные исследования опираются на очень скудные в конце концов, а часто и недостоверные данные. Этнография располагает, правда, обширным фактическим материалом, но он очень разбросан, порой малодоступен, и охватить его отдельному исследователю трудно.

Отсюда вытекает очередная задача науки. Она сводится, по мнению А. Н. Максимова, к составлению «подготовительных работ, обобщающих факты какой-либо одной группы племен или какой-нибудь отдельной части света». Нужна «монографическая разработка этнографических данных» – задача, выдвигавшаяся еще в 1889 г. Анучиным. Такая разработка, как указы-

¹ А. Н. Максимов. Современное положение этнографии и ее успехи. ЭО, 1909, № 4, с. 2–3.

вает Максимов, в последнее время уже началась, и это настраивает его на более оптимистический лад. «Мы вступаем, – говорит Максимов, – в такой период, когда, может быть, мало будет писаться на более широкие темы, но когда зато мы избавимся от прежних шатких обобщений»¹. Он заканчивает свой доклад в бодрых тонах, не без гордости указывая на то, «какой громадный путь успела сделать этнография за это непродолжительное время». «Новая этнографическая литература, чрезвычайно богатая количественно, и качественно коренным образом отличается от отчетов прежних более или менее случайных наблюдателей». В дальнейшем должны появиться и новые «широкие обобщающие работы, но построенные уже на ином, более широком научном фундаменте, и этнография займет с честью подобающее ей место связующего звена между естествознанием и обществоведением».

Популяризация этнографических знаний

Демократическое течение в русской этнографии всегда стремилось распространять научные знания возможно шире среди читающей публики, среди народа. Популяризация этнографических знаний – явление особенно характерное для последнего дореволюционного периода. Этой цели в известной мере служили и различные журналы, и серийные издания – как «Природа и люди» (1889–1918), «Живописная Россия» (1901–1905), «Естествознание и география» (1896–1917), и популярные этнографические сборники, альбомы рисунков с текстами, и рассчитанные на массового читателя этнографические книжки, где рассказывалось о народах

¹ Там же, с. 8.

России и других стран. Авторами или редакторами этих книжек были зачастую видные ученые, профессора университетов либо выдающиеся деятели просвещения и культуры. Однако в числе этнографических книжек для народа были и такие, которые были проникнуты монархическим и благочестиво-церковным духом.

Одним из лучших популяризаторов этнографии был Дмитрий Александрович Коропчевский (1842–1903), большой ученый, сторонник эволюционистского направления, позже испытавший и влияние антропогеографии Ратцеля¹. Помимо чисто научной деятельности, он не менее энергично занимался журнально-публицистической работой, издавал прогрессивный журнал «Знание» (1870–1877), смененный позже журналом «Слово» (1878–1881). Целая серия написанных Коропчевским популярных книжек по этнографии не только содействовала пропаганде этой науки среди широких слоев читателей: книжки эти проникнуты гуманным духом уважения к труду и культуре народов, они воспитывали и в читателях такие же чувства².

Из популярных книг Коропчевского по этнографии можно назвать: «Рассказы про дикого человека» (1887); «Меланезийцы» (1889); «Микронезийцы» (1889); «Прежде и теперь: очерки домашней жизни в старое и в наше время» (1901) – история развития жилища, печи, посуды, еды и питья, одежды и других элементов культуры; «Огонь-просветитель» (1904); «Дикие люди» (СПб., 1911) и пр. Коропчевский издал даже об-

¹ См. Д. Коропчевский. Значение географических провинций в этногеническом процессе. СПб., 1905. Написано около 1895 г., напечатано посмертно.

² О Коропчевском см.: Д. А. Коропчевский (некролог). – «Землеведение», 1903, кн. IV; Н. Могилянский. Научные взгляды Д. А. Коропчевского. «Ежегодник Русского антропологического об-ва при СПб. ун-те», т. I, 1904, 1905.

щий популярный курс этнографии: «Первые уроки этнографии» (М., 1901; изд. 2, 1913) – на основе лекций, читавшихся им в 1901 г. в Саратове на съезде земских учителей и учительниц; в книжке рассказано, хотя и коротко, почти о всех народах земли, как об отсталых, так и о самых развитых. Изложение выдержано в духе строгого эволюционизма.

Веря в прогресс человечества, Коропчевский понимал его несколько односторонне и считал неизбежной гибель отсталых народов и их культуры под натиском более сильных европейских народов. Но он всегда выражал свое сочувствие угнетенным народам и протестовал против гнета. «Культурные народы, – писал Коропчевский, – увы, мало заботятся о просвещении... о подъеме народов некультурных или мало культурных. Они почему-то признали за собою право не просвещать их, а прямо подчинять себе грубым насилием, захватывать их земли... попросту – изводить их и на их могилах созидать собственное благополучие»¹.

Из других популяризаторов этнографии, одушевленных теми же гуманными идеями, сочувствием к угнетенным, надо назвать Водовозову, Харузину, Рубакина, Березина, Пименову.

Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923), видный педагог-общественник, с 1894 г. начала издавать популярную серию книжек «Как люди на белом свете живут», – это была сокращенная переработка ее трехтомного труда «Жизнь европейских народов». Вышло девять книжек: «Турки», «Англичане», «Итальянцы», «Немцы», «Испанцы», «Чехи, поляки, русины», «Болгары, сербы, черногорцы», «Французы», «Швейцарцы» – по доступной цене 40 коп. за книжку. Они потом неоднократно переиздавались.

¹ Д. Коропчевский. Дикие люди. «Книжка за книжкой», кн. 132, с. 85–86.

Вера Николаевна Харузина (о ней см. выше) написала ряд популярных книжек: «На севере, путевые воспоминания» (М., 1890); «Сказки русских инородцев» (М., 1898) – несколько обработанные тексты сказок 24 разных народов России, с вводными этнографическими сведениями о каждом народе; «Вотяки» (М., 1899); «Народы Восточной Африки» («Естествознание и география», 1899), «Крайна» (там же, 1902), «Лопари» (СПб., 1902) и др.

Николай Александрович Рубакин (1862–1946), известный библиограф, журналист и прогрессивный общественный деятель, написал, между прочим, ряд популярных книжек этнографического содержания – главным образом в виде рассказов о замечательных путешествиях: «Грозный негус (абиссинцы)» (СПб., 1904), «У людоедов – приключения Люмгольца в Австралии» (1905), «Самые дикие люди на земле – рассказ об Огненной земле» (1905), «В пампасах – рассказ о похождениях в Аргентине» (1904), «Приключения в стране рабства» (изд. 2, 1904) и др.

Николай Ильич Березин, преподаватель Тенишевского училища, был автором популярных книг: «Африка» (1898), «Три месяца среди людоедов Суматры» (1901), «В срединном царстве (Очерки жизни и быта в Китае)» (1902), «В стране жажды и рабства» (1904), «Чао-Сян, страна утра, – Корея, ее природа, жители...» (1904), «Страна гранита и озер (Финляндия)» (1905), «Украина (малороссы, их страна, быт и прошлое)» (1907), «Урал» (1910), «Персия» (1910), «Кавказ, природа и люди» (1912) и ряда других.

Деятельным популяризатором этнографических (и географических) знаний была Эмилия Кирилловна Пименова, автор многих народных книжек: «Природа и люди Африки» (СПб., 1900), «За океаном, природа и

люди Америки» (1901), «Небесная империя и ее обитатели» (1902), «Очерки Японии, страна 1000 островов» (1902), «Австралия и ее обитатели» (1903), «Англичане и их страна» (1905), «Эрин, изумрудный остров (Ирландия)» (1906), «Сербия» (1908), «За океаном, Южная Америка» (1908), «Жизнь дикарей» (изд. 2, 1911) и др.

Большую пользу приносили популярные книжки Якова Абрамовича Берлина «Великая семья человечества» (М., 1905–1906), «Младшие братья в семье народов» (М., 1906), «Старшие братья в семье народов» (М., 1907) и другие, где даются не столько отдельные этнографические сведения, сколько общая картина общественного и культурного развития человечества – на основе преимущественно этнографических данных. Книжки эти многократно переиздавались, в том числе и после Октябрьской революции.

Назовем несколько более или менее популярных коллективных изданий, содержащих в себе этнографический материал.

Еще в 1878–1880 гг. «Картографическое заведение Ильина» издало «Живописный альбом – Народы России» в виде серии общедоступных очерков об отдельных народах с яркими и довольно безвкусными картинками. Авторы очерков не указаны.

Тогда же, в 1879 г., издавалась серия популярных брошюр под общим названием «Народы России». Брошюры эти, опять-таки анонимные, выпускало для солдат издательство «Досуг и дело» по указанию Главного штаба и «с высочайшего разрешения». Дух этих книжек весьма, конечно, монархический и благонамеренный, но без заметного искажения фактов. Близка к ним по направлению и издававшаяся в 1890-х и 1900-х годах серия брошюр «Русская земля (природа страны, население и его промыслы). Сборники для народного чте-

ния» – как часть «Приходской библиотеки», допущенной «Училищным советом при Святейшем синоде» для библиотек церковно-приходских школ: 10 небольших книжек, посвященных описанию отдельных областей России и быту их населения. Текст писали Я. И. Руднев, П. Н. Луппов и др.

Совсем иное впечатление производит альбом «Русские народы – наброски пером и карандашом», рисунки Л. Л. Белянкина, текст под редакцией проф. Н. Ю. Зографа (ч. I, вып. 1–3. М., 1894). Это альбом тщательно выполненных рисунков, изображающих разные народы нашей страны в национальной одежде среди бытовой обстановки; текст проникнут духом серьезного уважения к народам.

В 1903–1911 гг. вышел в четырех томах коллективный популярный труд «Народы земли: географические очерки жизни человека на земле. Под ред. Ал-дра Яковл. Острогорского, директора Тенишевского училища в С.-Петербурге». Авторами глав, посвященных отдельным странам, были Э. Пименова, Н. Березин, Л. Куприянова, Е. Булгакова, Н. Ильин, Н. Могиланский, О. Волькенштейн и др. В предисловии к книге говорилось о важности и интересе ознакомления с жизнью человека в разных условиях географической среды. «Этнографическая литература, – говорит автор предисловия, – растет с каждым днем, но при всем том читателю-неспециалисту весьма трудно удовлетворить свою любознательность. В нашей литературе ощущается недостаток в таком популярном сочинении, которое ответило бы на запросы в указанном нами направлении. Этой целью задается предпринимаемое нами издание». В 1905 г. было выпущено издание «Народы России. Краткие объяснительные очерки к художественному альбому» (под редакцией Н. А. Янчука).

Очень содержательны, хотя и в общедоступном изложении, очерки отдельных областей России, изданные в трех томах в 1912 г. под редакцией Д. Н. Анучина – одного из крупнейших ученых того времени – с общим названием «Великая Россия – Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России». 1-й том – «Сибирь» – написан П. М. Головачевым, 2-й том – «Поволжье» и «Приуралье» – С. А. Королевым и В. А. Пиатровским, 3-й – «Тундра» и «Северо-лесная область» – Б. М. Житковым и С. В. Покровским.

Особенно большое значение имел многотомный капитальный коллективный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Он выходил «под общим руководством» П. П. Семенова (Тяншанского) и В. И. Ламанского и под редакцией В. П. Семенова (Тяншанского). Вышли (с 1900 по 1915 г.) томы: 1-й – «Московская промышленная область и верхнее Поволжье», 2-й – «Среднерусская черноземная область», 3-й – «Озерная область», 6-й – «Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье», 7-й – «Малороссия», 9-й – «Верхнее Поднепровье и Белоруссия», 14-й – «Новороссия и Крым», 16-й – «Западная Сибирь», 18-й – «Киргизский край» и 19-й – «Туркестанский край». В каждом томе содержится, между прочим, солидный этнографический очерк о населении данной области. Очерки эти составлены большей частью видными специалистами. Издание не претендовало на особую популярность, но давало очень обстоятельные знания по каждой области.

Итоги

Пытаться подвести общие итоги развития русской дореволюционной этнографической науки – нелегкая

задача. Достижения ее были велики. Все больше и больше было публикаций фактического материала, различных записей, текстов; притом научное качество их становилось в большинстве случаев все выше. Краеведческо-стационарная собирательская работа дополнялась научными экспедициями. Направление интересов делалось все более разнообразным. В этом сказывались как побуждения, шедшие от самой общественной жизни России, так и собственно научные потребности, и влияние смежных наук, и влияние умственных течений зарубежной Европы. Уже появились немалочисленные кадры хорошо подготовленных исследователей, и они, наряду с любителями-краеведами, разрабатывали и общие вопросы этнографии, и методику изучения фольклора, верований, общественного быта, материальной культуры. Достижения русской этнографии в начале XX в. во многом превосходили то, что делалось в этой области в большинстве зарубежных стран.

С другой стороны, однако, многие этнографы того времени по разным поводам выражали некоторое недовольство состоянием науки. Указывалось на неясность постановки некоторых общих проблем, на разрозненность усилий отдельных лиц, на отсутствие общей координации работы.

Одна из самых крупных попыток наладить такую координацию имела место как раз в начале XX в. и была приурочена к 12-му съезду естествоиспытателей и врачей. Этот съезд, происходивший в Москве в конце 1909 и начале 1910 г., представлял собою нечто грандиозное: съехалось до 5 тыс. делегатов. Стараниями председателя съезда Д. Н. Анучина, а также В. Ф. Миллера и других была создана «подсекция этнографии» (часть секции географии, этнографии и антропологии); ею руководил В. Ф. Миллер. На подсекции было прослушано 16 док-

ладов, в том числе «установочный» доклад А. Н. Максимова, о котором уже упоминалось, и доклад Л. Я. Штернберга о «нуждах русской этнографии»; были и интересные доклады на конкретные этнографические темы. Но ни по одному вопросу не было принято какого-либо положительного решения, и в обсуждении большинства докладов обнаружилось значительное расхождение взглядов отдельных делегатов¹.

Вследствие идейной разногласности ощущалась потребность более точно определить самое содержание понятия «этнографии», определить предмет и задачи этой науки. Но и на этот общий вопрос давались разные ответы. Николай Харузин понимал этнографию как науку, «которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы... развития человечества на низших ступенях культуры»². Штернберг – как науку о культуре первобытных народов «и тех слоев культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя»³. Н. Могиланский – как народоведение, изучение особенностей материального и духовного уклада жизни отдельных народов⁴. Одни считали этнографию чисто исторической наукой, другие – естественной, А. Н. Максимов – «связующим звеном между естествознанием и обществоведением».

Хотя в России были уже профессионально подготовленные этнографы, но систематического преподавания этнографии не было. Тот же Могиланский до революции

¹ См. В. Бартольд. XI съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве, работа подсекции этнографии. «Живая старина», 1910, вып. 1–2.

² Н. Харузин. Этнография, т. 1, с. 37.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81, 1904, с. 180–190.

⁴ Н. Могиланский. Предмет и задачи этнографии. «Живая старина», 1916, вып. 1, с. 17.

1917 г. предлагал ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о создании специальных кафедр этнографии при университетах.

Огромный накопленный фактический материал просился на обобщения. Уже говорилось выше о широкой популяризации этнографических знаний. Упомянулось и о капитальном библиографическом труде Зеленина, охватившем колоссальную литературу о материальной культуре народов России. Выходили этнографические журналы, множество научных сборников и других изданий. Сеть местных отделов и подотделов РГО раскинулась по всей России, и всюду деятельно велась этнографическая работа.

В последние дореволюционные годы была начата подготовка к картографированию этнографического материала: в 1910 г. в рамках РГО была создана «Комиссия по составлению этнографических карт России»; председателем ее был выбран С. Ф. Ольденбург.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМВД – «Журнал Министерства внутренних дел».
ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения».

«Зап. ВСОИРГО» – «Зап. Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического об-ва».

«Зап. КОРГО» – «Зап. Кавказского отдела Русского географического об-ва».

«Изв. ВГО» – «Известия Всесоюзного географического об-ва».

«Изв. ГГО» – «Изв. Государственного географического об-ва».

«Изв. ВСОИРГО» – «Изв. Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического об-ва».

«Изв. ИОЛЕАЭ» – «Изв. имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии».

«Изв. ИРГО» – «Изв. имп. Русского географического об-ва».

«Изв. КОРГО» – «Изв. Кавказского отдела Русского географического об-ва».

«Изв. ОРЯС» – «Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук».

«Изв. СОРГО» – «Изв. Сибирского отдела Русского географического об-ва».

КПЦКЧ – «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

«Сборник МАЭ» – «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук».

«Труды ВОРАО» – «Труды Восточного отдела Русского археологического об-ва».

«Труды ВЭО» – «Труды Вольного экономического об-ва».

«Труды ИЭ» – «Труды Ин-та этнографии АН СССР».

«Труды ОЛЕАЭ» – «Труды Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии».

СМОМПК – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».

СА – «Советская археология».

СЭ – «Советская этнография».

«Чтения ОИДР» – «Чтения в Об-ве истории и древностей российских».

ЭО – «Этнографическое обозрение».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абовян Х. 319
Адрианов А. В. 437
Адрианова-Перетц В. П. 22, 24, 32
Азадовский М. К. 152–153, 252, 261–262, 282–283, 359, 376, 386–387, 525, 540, 600
Айдарова Х. 313
Аксаков И. С. 452
Аксаков К. С. 342, 519
Александров В. А. 38
Александров М. см. Ольминский
Альфонсов И. 404
Амартол Георгий 6
Андреев А. И. 62–70, 96, 112, 128, 144–145, 173
Андреев М. С. 547
Андреев Н. П. 331
Анимелле 361
Аничков Е. В. 588–589
Антонович В. Б. 420, 422, 449–450, 585
Антоновский М. И. 163–164, 171–172, 184, 279
Анучин В. И. 586
Анучин Д. Н. 27–29, 113, 400, 488, 502, 514–518, 525, 572, 619–620
Аракишвили Д. И. 605
Аракчиев см. Аракишвили
Арандаренко Г. А. 444
Аристов Н. А. 548
Арсеньев К. И. 292
Арсеньев Ю. В. 42, 64, 70
Арутинов 403
Атанасов Г. 215
Атанасов Д. 215
Атласов Вл. 52–53, 55
Афанасьев А. Н. 324, 329–336, 383–385, 394
Афанасьев-Чужбинский А. 320, 354
Ахмаров Г. 403
Ашинов Н. 558
Базанов В. 252, 255, 339
Базилов П. 411
Бакиханов Аббас-кули 319
Бакмейстер Л. 184
Балакирев М. А. 424, 602
Балов А. 585
Бандарчык В. К. 361, 526, 531

- Бантыш-Каменский Д. Н. 222–223
- Барадийн Б. 557
- Баранников А. П. 483
- Барсов А. А. 153, 426
- Барсов Е. В. 432
- Бартольд В. 621
- Барыков Ф. 410
- Басаргин Н. В. 256, 258
- Басов Е. 128
- Батюшков П. Н. 445, 447–448
- Бахофен 381, 611
- Бахрушин С. В. 49–50, 62
- Бейкер Дж. 467
- Бекетов Петр 51
- Белинский В. Г. 248, 272, 282–291, 324, 335, 372, 386, 414, 573
- Белогриц-Котляревский Я. С. 423
- Белявская Б. М. 436
- Беляев В. М. 157–158
- Беляев И. Д. 11
- Белянкин Л. Л. 618
- Бенфей Т. 412–413
- Беньковский И. 532
- Бер Н. С. 91, 113, 525
- Берви В. В. (Флеровский) 396–397
- Берг Л. С. 91, 294, 534, 547–548
- Берг Ф. Ф. 292
- Березин Л. 465
- Березин Н. И. 615–618
- Березанский П. 408
- Берzenов Н. 319
- Беринг В. 98, 113, 127, 173, 185, 191, 194–195
- Беркенгейм А. М. 557, 559
- Берков П. Н. 425
- Берлин Я. А. 617
- Бессонов П. А. 323, 337, 344–345, 351, 414
- Бестужев А. А. см. Марлинский
- Бестужев Н. 216, 219–220, 251, 255–260
- Бётлингк О. Н. 306
- Бибииков Д. С. 317
- Биллингс И. 173
- Бичурин Иакинф 141, 178, 209–210, 212–214, 369, 478
- Бларамберг И. 235–236, 311, 370, 602
- Бломквист Е. Э. 205
- Блуменбах 373
- Боас Ф. 537–538
- Бобринский А. 547
- Богаевский П. М. 585
- Богданов А. П. 399–400
- Богданов В. В. 36, 399, 572, 581
- Богданович К. И. 427
- Богомоллов Б. И. 283
- Богораз В. Г. 537–538, 587
- Богословский Б. А. 593
- Бодуэн-де-Куртене И. А. 465, 562
- Бодянский О. М. 362–366
- Болховитинов Е. 269
- Большаков М. 583
- Большой Савва 234
- Боудич 249

- Бошняк Н. К. 307
 Бояршинова З. Я. 50
 Бровцын Н. П. 559
 Бродский Н. Л. 599
 Броневский В. 216–217, 223–225
 Броневский С. 237–238
 Броницын Богдан 332
 Броссе 297
 Будилович А. С. 456, 459–462
 Булатов Г. О. 586
 Булатович А. К. 558
 Булгакова Е. 618
 Булгаковский Д. Г. 586
 Булгарин Ф. 247
 Бунге 228
 Бунзен 488
 Бунина 255
 Бурнашев 234
 Буслаев Ф. И. 383, 391, 414, 418, 527, 529
 Бутаков А. И. 196–197
 Бутенев 311
 Бутинов Н. А. 488, 494, 496
 Бухгольц 175
 Быстрянский см. Ватин В. А.
 Бычков А. 539
 Бэр К. М. 200, 292, 294, 301, 304, 372–374, 514
 Бюллок 249

Валиханов Чокан 313–315
 Вальская Б. А. 370
 Вальтон 113
 Васильев Б. А. 14
 Васильев В. Н. 536
 Васильев В. П. 178, 478–479
 Васильев Иван 198
 Васильев М. 51, 585
 Васко да Гама 35
 Вебер Фр. 89
 Вейденбаум Е. Г. 549
 Вельман 274
 Венгеров С. А. 164
 Венгрженовский С. 532
 Веневитинов М. 30, 581
 Венелин Ю. 361
 Вениаминов И. Е. 201–205
 Венюков М. И. 315, 486, 500, 502–504
 Венюков Никифор 65
 Вербицкий В. 403
 Верещагин Гр. 585
 Веселовский А. Н. 415–417, 419, 569
 Веселовский Н. И. 210, 313
 Веске М. 403
 Ветухов А. 588
 Видеман 297
 Виноградов Г. С. 354, 591
 Виноградов Н. Н. 585, 588
 Виноградов С. М. 342
 Виссендорф Г. 580
 Виташевский Н. А. 233, 535
 Витсен 64
 Витте Е. де 562
 Владыкин 394
 Водовозов В. В. 464, 561
 Водовозова Е. Н. 466, 615
 Воейков А. И. 479–500, 502, 504–505
 Вознесенский И. Г. 205, 369

- Волков Ф. К. 451, 566
 Волькенштейн О. 618
 Вольтер 144–145
 Воробьев Н. И. 36
 Воронин Лука 173
 Востоков А. Х. 226
 Врангель Ф. 200, 227–228, 292
 Вронченко М. П. 292
 Вышеславцев А. В. 371
 Вяземский П. А. 262
- Гавловский 580
 Гагемейстер Ю. А. 318
 Галкин Иван 51
 Гальковский Н. М. 589–590
 Ганенко М. 408
 Гарно, д-р 250
 Гегель 303
 Гегенбаур 488
 Гедых 580
 Геккель Э. 489, 610
 Геккер Н. Л. 537
 Гельмгольц 488
 Гельмерсен Г. П. 228, 292
 Георги И. Г. 117, 130–132, 134–
 136, 138, 140–142, 164, 294
 Георгиевский Д. 600
 Георгиевский П. 411
 Георгиевский С. М. 178, 479
 Герасимов 585
 Геркель 462
 Герланд 511
 Герцен А. И. 273, 282, 289–290,
 334, 494, 503, 573
 Гильденштедт И. 118, 135
 Гильзен К. К. 205
- Гильфердинг А. Ф. 323, 341,
 346–347, 351, 367–368, 414,
 462, 569, 592
 Гиппиус Е. В. 424
 Глаголев А. 222
 Глазунов Андрей 199
 Глинка Григорий 155
 Глинка Федор 216, 218, 251–
 254
 Глотов Степан 128
 Гмелин Иоганн-Георг 97, 99–
 101, 105, 117, 132
 Гмелин Самуил 117, 132
 Гневушев Е. И. 481
 Гнучева В. Ф. 91, 97, 114, 117,
 120, 308
 Гоголь Н. В. 290
 Годунов Петр 70, 74
 Головацкий 453, 569, 579
 Головачев П. М. 619
 Головин Петр 47
 Головин Федор 65
 Головин В. М. 189–190, 195,
 227, 328
 Голубев А. И. 315
 Гольбах 156, 166
 Гондатти А. Л. 538, 565
 Гончаров И. А. 370–372
 Гордеев 239
 Гордлевский В. А. 601
 Горланов 105
 Городцов В. А. 523
 Городцов П. А. 523–524
 Греков Б. Д. 32
 Григорович В. И. 363–366, 369
 Григорьев А. Д. 593

- Григорьев В. В. 294
 Гримм Я. и В. 382, 517, 600
 Гринченко Б. Д. 533
 Гродеков Н. И. 444
 Гроздова И. Н. 222
 Груздев 502
 Грузинский А. Е. 341, 345
 Грумм-Гржимайло А. Г. 488
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 555–556
 Гудзий Н. К. 19
 Гуляев С. И. 438, 593
 Гумбольдт В. 393
 Гумилев 565
 Гусев В. Е. 289, 506
- Давыдов Г. И. 198
 Далгат-Чавтараева У. Б. 439
 Даль В. И. 292–294, 322–329, 331, 335–337, 391, 569
 Данибегов Рафаил 215
 Даниил, игумен 29–30
 Данилевич В. Е. 568
 Данилевский Г. И. 312
 Данилевский Г. П. 320–321
 Данилов В. 532
 Данилов Кирша 159, 243, 285, 337, 345
 Дарвин Ч. 280, 513, 610
 Дашков В. А. 402–403, 550, 565, 579
 Дебец Г. Ф. 556
 Дебу И. 239
 Державин Н. С. 561
 Джавахов А. 403, 549, 550
- Джезуп 537
 Диваев А. А. 404
 Дионео см. Шкловский И. В.
 Дмитриев В. В. 528
 Доброва-Ядринцева Л. Н. 525
 Добровольский В. Н. 426, 526–528, 586
 Добровский И. 362
 Добролюбов Н. А. 393–395, 573
 Добротворский Н. 408
 Довнар-Запольский М. В. 423, 514, 528–529, 584
 Долгих Б. О. 48, 55
 Дороватовский С. П. 408
 Драверт П. Л. 539
 Драгоманов М. П. 420, 449–450
 Дринов М. 450
 Дубенский Н. Я. 446
 Дулов В. И. 544
 Дунин-Горкавич А. А. 523
 Дурново Н. 532
 Дьячков-Тарасов А. Н. 549, 553
- Евсеев М. Е. 404
 Егиазаров С. Я. 549–550
 Едемский М. Б. 522–523, 581
 Елеонская Е. Н. 599, 601
 Елисеев А. В. 486, 500–502
 Епифаний Премудрый 26
 Ермак 27, 37, 49, 63, 339, 515
 Ермолов А. 591
 Ершов П. Л. 284
 Есипов Савва 62

- Ефименко А. Я. 324, 407, 411, 432, 532
 Ефименко П. С. 347–349, 403, 421, 432, 532, 578
 Ефремов Филипп 178–179, 214
- Жамцарано Ц. Б.** 594
 Жербильон 180
 Житецкий И. А. 403
 Житков Б. М. 619
 Жуковский В. А. 18, 290
 Журавлев Ю. И. 179
 Жускаев Соломон 319
- Забродская М. П. 486
 Загоровский А. 408
 Загоскин Л. А. 199, 369
 Загурский Д. Г. 549
 Закржевский А. 562
 Засулич В. И. 506
 Званба Соломон 319
 Звягин 558
 Зеленин Д. К. 520–522, 576, 578, 582, 590, 600, 622
 Зензинов В. М. 540
 Зибер Н. И. 506–510
 Зимин А. А. 159
 Зиссерман А. Л. 318
 Золотарев А. М. 52
 Зубов Платон 239
 Зубрилов В. П. 539
 Зуев В. Ф. 117–121, 149, 181
- Иакинф** см. Бичурин Иакинф
 Иваницкий Н. А. 522, 585
 Иванов Курбат 46
 Иванов П. В. 533, 586
 Ивановский А. Д. 262, 269
 Иващенко П. 422
 Измайлов В. 245
 Измайлова М. 539, 568
 Иконников В. С. 13
 Ильин Н. 617–618, 630
 Иннокентий, митрополит см. Вениаминов
 Иноходцев 117
 Ионин А. С. 465, 486–487
 Ионов В. М. 536
 Иосселиани Платон 319
 Иохельсон В. И. 537–539
 Ипполитов-Иванов М. М. 605
 Иславин Вл. 301
 Истомин Ф. М. 452
 Истрин В. М. 226
- Кабо В.** 560
 Кавелин К. Д. 296, 330–331, 372, 380–382
 Кайсаров А. С. 156, 226, 242
 Калайдович К. 159, 243
 Калачов Н. В. 330, 365, 405, 407
 Калиновский Гр. 160
 Калоев Б. А. 441
 Канн-Новикова Е. 604
 Канторович Я. 423
 Каразин Н. Н. 443
 Карамзин Н. М. 216, 241, 285
 Карасев П. А. 605
 Карелин 235
 Карлович Я. 571
 Карский Е. Ф. 531–532, 536

- Кастрен М. А. 301–304
 Катанов Н. Ф. 70, 404
 Каульбарс А. В. 443
 Кауфман А. А. 544–545, 583
 Кафаров Палладий 178, 478
 Качановский Вл. 569
 Каченовский М. Т. 247
 Кашеваров А. Ф. 198
 Кашинский П. 577
 Квашнин Н. А. 89
 Кельсиев В. 375
 Кеппен П. И. 14, 292, 297–299, 361
 Кибер 228
 Киреевский П. В. 261, 323–324, 336–338, 344, 460, 569, 592
 Кирилов И. И. 114
 Киркор А. 361
 Кирпичников А. И. 421
 Кисляков Н. А. 548
 Клапрот Юлиус 236–237, 249, 274
 Клеменц Д. А. 437–438, 477, 535, 565–566
 Клибанов А. И. 36
 Клингштет Т. 145
 Ключевский В. О. 25, 423
 Княжевич Дм. 265, 326
 Ковалевский Е. П. 363, 369–370
 Ковалевский М. М. 440–442, 509–511, 517–518
 Ковалик С. Ф. 436
 Козлов П. К. 554–555
 Козубский Е. И. 549, 551
 Козьмин П. Т. 228
 Кокс 250
 Коллар Я. 461
 Колмаков 199
 Колосов М. А. 569
 Колчин 585
 Кольцов А. В. 290
 Колюбакин Н. П. 318
 Кон Ф. Я. 537
 Кондаков Н. П. 561
 Константинов О. И. 318
 Конти Николо ди 35
 Корещенко 602
 Корнилович А. 248
 Коробьин Стефан 60
 Коровин Иван 128
 Королев С. А. 619
 Короленко В. Г. 435–436
 Коропчевский Д. А. 513, 517, 566, 614–615
 Корш Ф. Е. 527
 Косвен М. О. 8, 26, 62, 64, 69, 236, 238–239, 317–319, 441–442, 548, 551
 Костоловский 585
 Костомаров Н. И. 26, 359
 Костров Н. А. 407–408
 Котляревский А. А. 366, 423
 Котошихин Григорий 143
 Кохановский 559
 Коцебу О. Е. 190–192, 499
 Краевский А. А. 331
 Краснов А. Н. 557
 Красноженова М. В. 524–525
 Крашенинников С. П. 85–86, 104–113, 132, 149
 Креницин Петр 129, 173

- Крижанич Юрий 87, 462
 Кроль М. 545
 Крузенштерн И. Ф. 64, 186, 188–190, 227, 292
 Крупянская В. Ю. 525
 Крушевский Н. В. 422
 Крылов И. А. 290
 Кудрявцев В. Д. 525
 Кузнецов С. К. 14, 404
 Кук Дж. 116, 192, 245
 Куликовский Г. 580
 Кулиш П. А. 323, 359
 Кулишер М. И. 408, 513
 Куломзин 544–545, 556
 Кун А. А. 444
 Кун Адальберт 382, 517
 Куприянова Л. 618
 Куракин Б. И. 78
 Курбский А., князь 49
 Курганов 153
 Курмаков Н. 558
 Куропаткин А. Н. 444, 471
 Кучина Т. П. 273
 Кушева Е. Н. 61
 Кушелев-Безбородко, князь 26
 Кушнер П. И. 509
 Кюхельбекер 252
- Лавровский П. А. 367–368, 450
 Лазарев А. П. 194
 Лазарев М. П. 193–194
 Лазаревский Ф. 409
 Лакройер 150
 Лаксман 246
 Лалаян Е. А. 549, 551
- Ламанский В. И. 367–368, 452, 455–456, 562, 566, 572, 619
 Ланганс 229
 Лангсдорф Г. 187, 206–208
 Лаптев Харитон 305
 Латкин В. Н. 300
 Лёббок Дж. 511, 513–514, 517
 Лебедев Герасим 214
 Лебединский 559
 Левашов Михаил 129, 173
 Левенстрим А. А. 423
 Левенталь Л. Г. 233, 535
 Левитов А. И. 356–357
 Левицкий Ор. 532
 Левшин А. И. 235
 Левшин В. А. 152
 Легкобытов В. С. 239
 Ледебур К. 228
 Лейтцен 249
 Леман А. 312
 Ленрот Элиас 302
 Леонтович Ф. И. 317
 Леонтьев А. Н. 176–177
 Лепехин И. И. 117, 121–127, 132, 134–135, 149, 160–161, 294, 499
 Лермонтов М. Ю. 236, 285
 Лерх 297
 Лесков Н. 585
 Лещинский Филофей (Федор) 87
 Линденау Якоб 99, 101–104
 Линева А. И. 603
 Линева Е. Э. 603–605
 Липец Р. С. 347, 438
 Липперт Ю. 511

- Липшиц Б. А. 198, 205
 Листопадов А. М. 605
 Лисянский Ю. Ф. 186–188, 197
 Литке Ф. П. 195–197
 Лихарев 175
 Лихачев Д. С. 5, 13, 18
 Логофет Д. Н. 546
 Ломакин А. 546
 Ломоносов М. В. 86, 142, 144–150, 328, 499
 Лопарев Хрисанф 19, 21
 Лопатин И. А. 525
 Лопатин Н. 424
 Лохвицкий 256
 Лубяновский 220–221
 Лужин 98
 Лунин Б. 553
 Луппов П. Н. 618
 Лыкошин Н. С. 546
 Львов Н. А. 157–158
 Любавский М. К. 563
 Люлье Л. Я. 318
 Лядов А. К. 605
 Лядов И. 408
 Ляйстер А. Ф. 552
 Ляцкий Е. Я. 566, 585
- Маак** Р. К. 308–309, 564
 Магницкий В. К. 403
 Маев Н. А. 443
 Мазаев М. 220
 Мазон Андрэ 15
 Майков А. А. 366
 Майков Л. Н. 89, 421–422
 Майнов В. Н. 408
 Майнов И. И. 536
- Макаренко А. А. 540–541, 580, 585, 591
 Макаренко Ю. 562
 Мак-Леннан 511, 611
 Максимов А. Н. 572, 584, 610–613, 621
 Максимов С. В. 320–323, 425–426, 428–432, 446, 577, 587
 Максимович М. А. 280–281
 Макушев В. В. 367–368
 Макферсон 15
 Макшеев А. И. 312, 443
 Малинка А. 532–533, 600
 Малиновский 111
 Малов Е. А. 403
 Малов С. Е. 17
 Малькольм, генерал 249
 Манжура И. И. 451, 533, 585, 600
 Манизер Г. Г. 208
 Маннгардт В. 517
 Маргграф О. В. 579
 Марков А. В. 592–594, 599
 Маркович Яков 160
 Маркс К. 506–510, 542
 Марлинский (Бестужев) 236, 259–260
 Мартынов И. 246
 Мартьянов Н. М. 567
 Маслов А. Л. 403, 593, 605
 Матвеев П. А. 407
 Матусовский З. Л. 473
 Матюшкин Ф. Ф. 227–228
 Маурер 510
 Машков Ф. 558
 Майр-Зильский Матия 462

- Меликсет-Беков Л. М. 552
 Мелиоранский П. 477
 Мельгунов Ю. Н. 424, 602, 604
 Мельников П. И. (Печерский) 328, 351–354
 Мельц М. Я. 464
 Мерк 173, 276
 Меркатор Гергард 79
 Мертенс 195
 Мессершмидт Д. 90–91
 Метлинский А. Л. 323, 359
 Мефодий Патарский 11, 461
 Миддендорф А. Ф. 304–306, 444–445
 Миклухо-Маклай Н. Н. 443, 487–500, 518, 559, 564
 Милеску см. Спафарий
 Миллер А. А. 566, 581
 Миллер Вс. Ф. 400, 402, 417–418, 426, 440–441, 527, 529, 553, 565, 572, 579, 592–594, 598–599, 601, 620
 Миллер Г.-Ф. 50, 90, 96–102, 105–106, 132, 135, 138, 149, 182, 230
 Миллер Орест Ф. 345, 383, 414
 Милорадович В. 532
 Мильков Ф. Н. 557
 Милуков П. Н. 561
 Минаев И. П. 35, 479, 481–483, 572
 Минаков А. 488
 Минх 585
 Михайлов М. Л. 320
 Михайлов П. 193
 Михайловский В. 403, 587
 Михневич В. 339
 Могилянский Н. М. 438, 566, 614, 621
 Морган Л. Г. 368, 381, 497, 508, 511, 517, 541–542, 611
 Мошков В. А. 404, 585
 Мошнин А. Н. 465
 Мудров А. 246
 Муравьев М. Н. 292
 Муравьев Н. Н. 234–235
 Муравьев-Апостол М. И. 260
 Мусоргский М. П. 424
 Мухин В. Ф. 409
 Мушкетов И. В. 547
 Мэрген А. 438
 Мюллер Иоганн 89–90
 Мюллер К. В. 131
 Мюллер Макс 383
 Надеждин Н. И. 294–296, 322, 372, 374–380
 Назаров Филипп 234
 Наливкин В. М. 546
 Наливкина М. В. 546
 Налимов М. П. 585
 Нарбут Ф. 247
 Начинкин Н. 576
 Невельской Г. И. 307–308, 499
 Неводчиков Михаил 128
 Некрасов Н. А. 355–356
 Нестор 5–7, 10, 13, 245, 341, 530, 532
 Неустроев А. 164, 182
 Неуступов 585
 Нидерле Любор 6, 463, 564

- Никитин Афанасий 31–36, 179, 482
 Никитин С. А. 452, 454
 Никифоров Н. Я. 594
 Никифоровский Н. Я. 526, 585–586, 600
 Николаев 585
 Новиков Е. Н. 366
 Новиков Н. В. 426, 522
 Новицкий Григорий 87–90, 120, 135
 Новомбергский Н. 588
 Новопольцев Абрам 433
 Новосильский П. М. 193
 Ногмов Шора 319
 Норов А. С. 30, 483
 Носович И. И. 360
 Оболенский Е. А. 258
 Оглобин Н. Н. 53
 Огородников В. И. 525
 Одоевский В. Ф. 252, 292, 424
 Озерецковский Н. Я. 117, 149, 160–162, 180, 247
 Окольский В. Е. 539
 Окунь С. Б. 175
 Ленин П. В. 539
 Ольденбург С. Ф. 622
 Ольшевский М. Я. 317–318
 Ончуков Н. Е. 523–524, 592–594, 599
 Орлов А. С. 19, 21
 Орлов В. 411
 Орлова А. Н. 568
 Ортелиус 79
 Оршанский И. Г. 408
 Осокин Г. М. 565
 Остен-Сакен Ф. Р. 443
 Остолопов Николай 240, 246
 Островский А. Н. 320–321
 Островских П. Е. 565
 Острогорский А. Я. 618
 Остроумов Н. П. 444
 Охримович И. В. 583
 Павлинов Д. 535
 Палладий см. Кафаров Палладий
 Паллас Петр Симон 90, 116–119, 132, 294
 Пальчиков А. 157, 424
 Панов А. 349
 Паприц см. Линева
 Парри, капитан 249
 Пассек Вадим 273–276
 Патканов С. К. 559
 Паули де 296
 Пахман С. В. 408
 Пашино П. И. 316, 479–481
 Певцов М. В. 471–473, 554
 Пекарский Э. К. 233, 435, 536, 594
 Першиц А. И. 502
 Пестерев Егор 98
 Петр I 78, 85–87, 90, 114, 330
 Петри Э. Ю. 485, 513
 Петров, проф. 562
 Печерский А. см. Мельников П. И.
 Пиатровский В. А. 619
 Пименова Э. К. 615–617, 618
 Писарев Д. И. 573

- Писемский А. Ф. 320
 Плещеев Сергей 183
 Погодин А. Л. 563
 Погодин М. П. 114, 280, 452
 Позднеев А. М. 477
 Познанский Н. 580, 588
 Покровский С. В. 619
 Полевой Н. И. 200, 248
 Поло Марко 483
 Половцев А. 410, 547
 Полуниин Федор 182–183
 Померанцева Э. В. 525, 599–600, 602
 Пономарев С. 408
 Пономарев Савин 128
 Попов А. 79–80
 Попов В. Л. 543
 Попов В. 544
 Попов В. Ф. 583
 Попов Г. 547, 577
 Попов К. А. 403
 Попов М. В. 154–155
 Попов Михаил 153
 Попов Н. А. 349, 402, 452
 Поспелов Г. Н. 234
 Потанин Г. 411
 Потанин Г. Н. 313, 473–477, 556, 595–597
 Потанин Н. 235
 Потанина А. В. 476
 Потапов Л. П. 565
 Потебня А. А. 383, 386, 450
 Поярков В. 39, 41, 51–52
 Прач Иван 157–159
 Прейс П. И. 363–364
 Пржевальский Н. М. 309, 467–471, 554
 Приклонский В. Л. 543
 Приселков М. Д. 13
 Пришвин М. 600
 Прокофьев Г. Н. 27
 Прокунин В. 424
 Прончищев 305
 Прохоров А. 579
 Прыжов И. Г. 324, 349–350, 425, 431
 Птицын В. 408
 Пушкарев Л. Н. 351, 435
 Пушкин А. С. 228, 236, 251, 260, 285, 290, 337
 Пчелин С. С. 544
 Пыпин А. 154, 183, 262, 265, 320, 327–328, 332, 341, 345, 360, 367–368, 374–375, 390, 463–464, 518–519, 566, 572
 Радищев А. Н. 122
 Радлов В. В. 91, 309–311, 477, 565, 594
 Разумова А. П. 342, 344, 348–349
 Райт М. В. 559
 Ратцель Фр. 614
 Рафалович А. А. 370, 483
 Ребров Иван 52
 Ремезов Семен 67–69, 87
 Решетников Ф. М. 356, 358
 Ригер 461
 Ридель 207
 Риза-Кули-Мирза 443
 Рикорд П. И. 292

- Римский-Корсаков Н. А. 424, 605
- Риттер Карл 313
- Риттих А. Ф. 445, 447–449, 456–459
- Рихтер Г. Д. 505
- Рихтхофен Ф. 469
- Роборовский В. И. 471, 554
- Ровинский Д. А. 265, 425, 569
- Ровинский П. А. 465, 561, 569
- Рогинский Я. Я. 488, 496
- Рогович Гюрята 11
- Розен А. Е. 256–257
- Романов В. 250
- Романов Е. Р. 529–531, 580, 586
- Росс, капитан 249
- Россинский 256
- Россохин Иларион 176–177
- Ростковский А. 561
- Рот К. М. 131, 141
- Рубакин Н. А. 615–616
- Рубцов Нестор 207
- Ругендас 207
- Руднев А. Д. 582, 594
- Руднев Я. И. 618
- Румовский 117
- Руссов М. 581
- Рушинский Я. П. 423
- Рыбаков Б. А. 7, 9
- Рыбников П. Н. 336, 341–348, 425, 592
- Рылеев К. Ф. 252
- Рычков К. М. 525
- Рычков Н. П. 117, 132
- Рычков П. 114–116
- Рябинин 343
- Рязановский Ф. А. 591
- Савваитов П. И. 270
- Савельев П. С. 294
- Савченко С. В. 332, 334, 336, 600
- Садовников Д. Н. 426, 432–433
- Сазонович И. 465
- Салтыков А. Д. 370
- Салтыков-Щедрин М. Е. см. Щедрин
- Самоквасов Д. Я. 233, 407–408
- Сен-Венсан Бори де 245
- Сапунов А. П. 432
- Сарычев Гаврила 173
- Сахаров И. П. 154, 262, 269–273, 276, 284–285, 323, 332, 391
- Светловский В. В. 560
- Свиньин Павел 263
- Святский Д. 581
- Селезнев 408
- Селищев А. М. 561
- Семенов-Тяньшанский В. П. 619
- Семенов-Тяньшанский П. П. 292, 295, 297–298, 313–314, 535, 566, 570, 619
- Сенигов 559
- Сенковский О. 256
- Сербина К. Н. 50, 74
- Серебренников Борис 60
- Сержпутовский А. К. 531–532, 582
- Серов А. Н. 424

- Серошевский В. 436
 Сибиряков И. М. 534
 Сидельников В. 528
 Сильвестр 5
 Симонов И. М. 193
 Синезерский М. 585
 Синельников Н. А. 403
 Скабический А. М. 357
 Скафтымов А. 283
 Скоробогатый П. 408
 Слепцов В. А. 356, 358
 Словцов П. А. 230–231
 Слюнин Н. В. 542
 Смирнов А. Г. 407
 Смирнов И. Н. 403
 Смоленский А. В. 591–592
 Смоляк А. В. 307
 Смоляр 453
 Снегирев И. М. 153, 261–269,
 322–323, 330, 425
 Соболев Л. Н. 443
 Соболевский А. И. 562, 566
 Соколов Б. М. 338–339, 594,
 599–600
 Соколов М. 421
 Соколов Никита 117
 Соколов Ю. М. 331, 333–334,
 594, 599–600
 Соколова В. К. 252
 Соколовский П. 410–411
 Соловьев Иван 128
 Соловьев С. М. 330, 381
 Солярский В. В. 543
 Сосновский М. И. 539
 Сосновский Ю. А. 473
 Спасович В. Д. 464
 Спасский Григорий 64, 215,
 228–229, 234
 Спафарий (Милеску) Николай
 Спенсер Г. 511, 610
 Сперанский М. М. 231232
 Сперанский М. 562
 Срезневский И. И. 35, 271–272,
 274, 279, 294, 345, 363–365,
 367
 Ставровская А. Я. 349
 Стадухин М. 52
 Сталь К. Ф. 318
 Станюкович Т. В. 520, 565
 Стасов В. В. 412–416, 418–419,
 424–425, 566
 Стеллер см. Штеллер
 Стеллинг Анна 577
 Степанов М. В. 205
 Степанов Н. Н. 49, 97, 230–231,
 295
 Стефан Пермский 26, 89, 134
 Страленберг 69, 90
 Стренина А. В. 177
 Строев П. М. 35, 242–243
 Струве В. Я. 292, 474
 Студитский Ф. 284
 Стукалич В. К. 526
 Сумароков Павел 221–222
 Сумцов Н. Ф. 423, 450–451,
 514, 532, 581, 585
 Суслов В. В. 581
 Суханов М. 284
 Сухоруков В. 251, 256
 Табберт см. Страленберг
 Тан см. Богораз В. Г.

- Танеев С. И. 605
 Таранович В. П. 176
 Татищев В. Н. 86, 91–99, 114, 136, 144, 147, 149–150, 183
 Тенишев В. В. 577
 Тенишев В. Н. 573–577
 Теплов В. 465
 Терещенко А. В. 262, 276–279, 323, 391
 Тимковский Е. Ф. 214
 Тимощенков И. 411
 Титов А. 46, 64–66, 409
 Тихменев П. 250
 Тихонравов Н. 519, 592
 Толстой Л. Н. 439
 Толстой П. А. 78
 Толстых Андриян 128
 Томсен В. 477
 Тонэй 207
 Торен М. Д. 520
 Трейланд Ф. Я. 403
 Трощанский В. Ф. 404, 436
 Троянский А. 369
 Трутовский Василий 156–158
 Туган-Мирза-Барановский В. А. 444
 Тугутов Р. Ф. 568
 Туманский Федор 182
 Тупицын 438
 Тургенев А. И. 226, 262
 Тургенев И. С. 355
 Тэйлор Э. 381–382, 511, 514, 517, 608
 Тютрюмов И. 408
 Уваровский 306
 Уймович-Пономарев П. 408
 Унковский 175
 Унтербергер П. Ф. 543
 Уоллес А. 513
 Усакевич 580
 Усов П. 352
 Успенский Гавриил 242
 Успенский Глеб 358–359
 Успенский Николай 356–357
 Ушаков Д. 585
 Ушатый 49
 Ушинский К. Д. 466
 Фальк Иоганн 117, 132
 Фаминцын А. С. 421
 Фиельструп 208
 Филиппов М. 465
 Филиппов Н. Н. 320
 Фирсов 27
 Фишер Иоганн 99, 230
 Флеровский Н. см. Берви Флоранс
 Флоринский Т. Д. 456, 462–463
 Флоровский 239
 Фойницкий И. Я. 407
 Фортунатов Ф. Ф. 521
 Франклин, капитан 249
 Францев В. А. 562
 Фрич 565
 Фролов Н. 304, 387
 Хабаров Ерофей 52
 Халанский М. Г. 595–596
 Хангалов М. Н. 438
 Хан-Гирей 319
 Ханыков Н. В. 312
 Ханыков Я. В. 312–313

- Харузин А. Н. 403, 445, 548, 561, 581, 606–607
 Харузин М. Н. 408, 606
 Харузин Н. Н. 403, 581, 587, 606–608, 621
 Харузина В. Н. 572, 581, 587, 606–609, 615–616
 Хаханашвили см. Хаханов
 Хаханов А. С. 549–551
 Хвостов Н. А. 197–198
 Хлебников К. Т. 199–200
 Хомяков А. С. 460, 640, 651
 Хорошхин А. П. 444
 Худяков И. А. 324, 336, 349–351, 425, 434–436
- Ц**
 Ценова Ф. 453
 Церетели Акакий 319
 Церетели Георгий 319
 Цертелев 243, 255
 Цыбиков Гомбочжаб 545, 556–557
- Ч**
 Чаадаев П. Я. 379
 Чавчавадзе Илья 319
 Челюскин С. 305
 Чепурный К. 408
 Черепанов Иван 69
 Черепанов Степан 128
 Чернецов В. Н. 49
 Чернышевский Н. Г. 139, 248, 357–358, 376, 386–389, 393, 464, 494–495, 518, 573
 Чижов Н. А. 259–260
 Чижов Ф. В. 363
 Чикин А. А. 486
- Чириков А. И. 113, 127
 Чихачев Н. М. 486
 Чихачев Платон 292
 Чичеров В. И. 326
 Чубинский П. П. 348, 422, 447, 449
 Чудинский Е. А. 336
 Чулков М. Д. 152–155, 181, 183
 Чупров Яков 128
 Чурсин Г. Ф. 549, 552
- Ш**
 Шамбинаго С. К. 22, 599
 Шамиссо А. 196
 Шарко А. 581, 585
 Шафарик П. 362, 364
 Шахматов А. А. 5, 13, 521, 563
 Шашков С. С. 514
 Швецов С. П. 545
 Шевченко Т. Г. 360
 Шейн П. В. 338, 425–428, 522, 526, 569, 580, 586, 600
 Шелехов Григорий 174–175
 Шерер 105
 Шерстобоев Н. Т. 545
 Шилов Василий 128
 Шимкевич П. П. 585–586
 Широкогоров С. М. 565
 Шифнер Антон 303
 Шихалиев Девлет-Мирза 319
 Шишмарев Г. 191
 Шишов А. 547
 Шкловский В. 152
 Шкловский И. В. (Дионео) 539
 Шлеппер 141
 Шмидт Г. А. 488
 Шпанберг М. 113

- Шпилевский П. М. 323, 360–361
 Шпринцин Н. Г. 208
 Шраг И. 408
 Шренк А. 300
 Шренк Л. И. 308, 564
 Штеллер Георг 99, 104–107, 132
 Штернберг Л. Я. 113, 311, 534, 541–542, 587, 609–610, 621
 Шустиков А. 583
- Шапов** А. П. 411
Щедрин (Салтыков М. Е.) 144, 342
 Щекатов А. М. 183
 Щерба Л. В. 563
 Щербина Ф. 408, 411
 Щукин Н. 229
 Щуровский Г. Е. 399
- Эйлер** 117
 Эйхвальд Э. И. 370
 Элькин А. 403
 Энгельгардт А. Н. 397
 Энгельс Ф. 506–510, 513, 542, 603
 Эндзелин И. 563
 Эрбен К. 453
 Эристави Рафаил 318
 Эристов см. Эристави
 Эркерт 297
- Эрленвейн А. А. 336
 Эртель 447
- Юнкер** В. В. 483–486
 Юргенсон П. 602
 Юрьев Д. 301
 Юхнев П. М. 545
 Юшин 585
 Юшкевич Ив. 569
- Яворский** И. Л. 547
 Ягич И. В. 226, 460, 463–464, 564
 Ядринцев Н. М. 411, 437, 477, 585
 Языков Д. Д. 352
 Яковлев И. В. 403
 Яковлев Н. Ф. 581
 Якубович А. Ф. 159
 Якушкин Е. И. 405, 407–410, 583
 Якушкин И. Д. 338, 409
 Якушкин П. И. 323–324, 331, 336, 338–341, 431
 Янчук Н. А. 572, 602–603, 605, 618
 Ярилов А. А. 421
 Ярославский Ем. 539, 568
 Ястребов В. Н. 532–533
 Ястребов И. С. 465
 Ястремский С. В. 536
 Ященко А. Л. 559–560, 565
 Ящуржинский Хр. 532

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ (XI–XV вв.)

Этнографический материал в «Повести временных лет»	5
Этнографический материал в местных летописях	13
«Слово о полку Игореве»	14
«Слово о погибели Русской земли»	19
«Задонщина»	21
«Казанская история»	23
Этнографический материал в житийной литературе	25
«Сказание о челоуцех незнаемых в восточной стране»	26
Сведения о народах зарубежных стран. «Хождение» игумена Даниила	29
Афанасий Никитин и его «Хождение за три моря»	31

РУССКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ конца XVI и XVII вв.

Проникновение русских в Сибирь. Этнографический материал в донесениях служилых людей	37
--	----

«Росписи» и ясачные книги.....	44
Накопление знаний о народах Сибири.....	49
Этнографические сведения в судебных делах	56
Этнографический материал в летописях, повестях и пр.....	61
Этнографические и картографические труды Семена Ремезова	67
Этнографические сведения о Китае	70
Этнография в «Книге Большому Чертежу»	74
«Космографии» и этнографические знания о зарубежных странах.....	78

**РУССКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
в XVIII в.**

Общие черты эпохи	85
Григорий Новицкий и первая этнографическая монография.....	87
Мессершмидт и его путешествия по Сибири.....	90
Татищев и его роль в развитии этнографии	91
Экспедиция 1733–1743 гг. Миллер, Гмелин	97
Этнографические труды Якова Линденау	101
Крашенинников и Штеллер.....	104
Оренбургская экспедиция. П. Рычков.....	113
Экспедиция 1768–1774 гг. Петр Паллас и др.....	116
Зуев.....	119
Лепехин.....	121
Плавания в Америку	127
«Описание всех в Российском государстве обитающих народов».....	129

**РОСТ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
в 1770–1800 гг.**

Начало изучения русского народа. Роль Ломоносова.....	142
Первые публикации по русскому фольклору	150
Начало изучения народной музыки. Начало украиноведения.....	156
Путешественники. Озерецковский.....	160
Второе издание «Описания всех народов». Антоновский	163
Плавания в Америку	173
Знакомство с сопредельными азиатскими странами.....	175
Популяризация этнографических знаний. «Месяцесловы», словари, журналы и др.	179

**РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
в 1800–1830 гг.**

Кругосветные экспедиции начала XIX в.	185
Изучение Русской Америки.....	197
Экспедиция Лангсдорфа в Бразилию	206
Изучение народов Китая и Индии. Иакинф Бичурин....	209
Путешествия в зарубежную Европу.....	215
Изучение зарубежных славян	222
Этнографические материалы по Сибири	227
Путешествия в Среднюю Азию	233
Сведения о народах Кавказа.....	236
Изучение русского и украинского народов.....	240
Этнографический материал в журналах.....	243
Роль декабристов в развитии этнографии. Пушкин	251
Консервативное направление в этнографии. Снегирев	261

Сахаров	269
Вадим Пассек	273
Терещенко	276
Этнография в Малороссии в 1830-е годы	279

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

в 1840–1860 гг.

Условия наступления нового этапа. Взгляды Белинского. Взгляды Герцена	282
Основание Русского географического общества и его первые действия в области этнографии	291
Экспедиции на Север и в Сибирь	300
Экспедиции в Среднюю Азию	311
Изучение народов Кавказа	316
«Литературная экспедиция»	319
Этнография русского народа. Даль	322
Афанасьев	329
Петр Киреевский и Павел Якушкин	336
Рыбников. «Онежские былины» Гильфердинга	341
Петр Ефименко	347
Прыжов и Худяков	349
Консервативные ученые и писатели. Мельников- Печерский	351
Этнографы-беллетристы – «шестидесятники»	354
Этнография на Украине и в Белоруссии	359
Этнографическая славистика 40–60-х годов	361
Путешествия в зарубежные страны	369
Первые теоретические построения в области этнографии. Взгляды Бэра и Надеждина	372

Взгляды Кавелина	380
Мифологическая школа	382
Чернышевский и «Современник» об этнографии.....	386
Взгляды Добролюбова	393

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ в 1870–1890 гг.

Характерные черты новой эпохи	396
Научные общества. Этнографическая выставка 1867 г.	398
Перемещение научного интереса. Обычное право. Сельская община	404
Изучение народной поэзии	412
Изучение народных верований и народного искусства.....	420
Краеведы-собиратели. Шейн, Максимов и др.	425
Политические ссыльные – этнографы.....	434
Этнография в Средней Азии и на Кавказе.....	439
Этнография в Западном крае	445
Этнография на Украине	449
Изучение зарубежных славян	451
Изучение Центральной Азии.....	466
Изучение Индии, Африки, Америки.....	479
Н. Н. Миклухо-Маклай.....	487
Елисеев. Венюков. Воейков	500
Влияние марксизма на русскую этнографию	505
Эволюционистское направление	511
Д. Н. Анучин	514
«История русской этнографии» Пыпина	518

**РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
в 1890–1917 гг.**

Этнографы-краеведы.....	520
Этнографы – политические ссыльные	534
Административная этнография в Сибири	542
Этнографическое изучение Средней Азии	545
Этнографическое изучение Кавказа.....	548
Путешествия в зарубежные страны	553
Этнографическое изучение зарубежных славян.....	560
Этнографические музеи.....	564
Этнографические журналы	568
Этнографическое бюро князя Тенишева.....	573
Изучение материального быта	577
Изучение общественного и семейного быта.....	582
Изучение народных верований и народных знаний....	584
Изучение устного народного творчества (фольклористика)	592
Изучение народной музыки.....	602
Эволюционистское направление и его критика.....	605
Популяризация этнографических знаний.....	613
Итоги	619
<i>Список сокращений.....</i>	<i>623</i>
<i>Указатель имен.....</i>	<i>625</i>

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния сил мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 21.10.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 26,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.

- Шижков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кожелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близко есть, при дверях, 576 с.
- Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
- Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
- Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
- Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
- Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
- Повесть Временных Лет, 544 с.
- Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.

- Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

- Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофеев Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.

- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
- Платонов О. История цареубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)